

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
Юридический институт
Кафедра международного права

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Материалы
XV Международного конгресса
«Блищенковские чтения»

В трех частях

ЧАСТЬ I

Москва, 22 апреля 2017 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2018

УДК 341(063)
ББК 67.412
А43

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

А43   Актуальные проблемы современного международно-го права : материалы XV Международного конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Н. Н. Емельянова. Москва, 22 апреля 2017 г. – Москва : РУДН, 2018.
ISBN 978-5-209-08636-9
Ч. I. – 713 с.
ISBN 978-5-209-08637-6 (ч. I)

Издание представляет собой сборник выступлений участников XV Международного конгресса «Блищенковские чтения», состоявшегося в РУДН 22 апреля 2017 года.

Первая часть сборника включает доклады, представленные на пленарном заседании, а также материалы секций «Международное право: новые угрозы и вызовы», «Теория международного права», «Международное экономическое право», «Интеграционное право в системе международного права». Во *второй части* сборника представлены материалы секций «Международное экологическое право», «Международное морское право», «Африка и международное право», «Международно-правовые проблемы миграции», «Международное спортивное право». *Третья часть* сборника включает материалы секций «Защита прав человека на универсальной основе», «Региональная защита прав человека», «Традиционные ценности в современном международном праве», «Международное гуманитарное право».

Часть материалов Конгресса издана в виде отдельного сборника «Современные проблемы международного космического и воздушного права».

Материалы форума отражают исследования известных, а также молодых учёных-правоведов, которые, несомненно, будут полезны для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических вузов, практических работников и всех интересующихся актуальными проблемами международного права и международных отношений.

ISBN 978-5-209-08637-6 (ч. I)
ISBN 978-5-209-08636-9

© Коллектив авторов, 2018
© Российский университет
дружбы народов, 2018

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
(RUDN UNIVERSITY)
LAW INSTITUTE
DEPARTMENT OF INTERNATIONAL LAW
**ACTUAL PROBLEMS
OF CONTEMPORARY
INTERNATIONAL LAW**

*Proceedings
of the XV Blischenko Congress*

In three parts

PART I

April 22, 2017, Moscow

Edited by

professor Aslan Abashidze, professor Natalia Emelyanova

The edition is a collection of papers of the participants of the XV International Congress commemorating professor Igor Blischenko, held in the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) on April 22, 2017.

The *first part* of the collection contains materials of the plenary session and sections "International Law: New Threats and Challenges", "Theory of International Law", "International Economic Law", "Integration Law in the System of International Law". The *second part* of the collection contains materials of sections "International Environmental Law", "International Law of the Sea", "Africa and International Law", "International Legal Problems of Migration", "International Sports Law". The *third part* of the edition contains materials of sections "International Protection of Human Rights", "Regional Protection of Human Rights", "Traditional Values in Contemporary International Law", "International Humanitarian Law".

Some materials of the Congress are published in the separate collection "Contemporary Issues of International Space and Air Law".

The proceedings of the forum reflect the papers of well-known academics and young researchers, which will certainly be useful for professors, researchers, students of law schools and Ph.D. students, practitioners and everyone interested in contemporary issues of international law and international relations.

**Moscow
2018**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подытоживая работу XV Международного конгресса «Блищенковские чтения», состоявшегося в РУДН 22 апреля 2017 года, и сравнивая его с итогами «Блищенковских чтений» предыдущих лет, мы видим продолжающийся стабильный рост популярности и значимости этого форума в научной жизни российского общества. Подтверждением этого являются не только материалы, отражённые в настоящем сборнике, но и наглядная статистика: онлайн-заявки на участие в «Блищенковских чтениях» 2017 г. подали более 500 человек, фактически приняли участие – 374 (среди которых 24 доктора наук и 66 кандидатов наук) из более 50 вузов и научных институтов, в том числе 97 иностранцев из 34 государств мира. В заседании Конгресса также приняли участие представители всех ведущих кафедр международного права российских вузов.

В рамках пленарного заседания Конгресса с приветственной речью выступили: Ректор РУДН, академик Российской академии образования, председатель Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, д-р физ.-мат. наук, профессор *Владимир Михайлович Филиппов*; директор юридического института РУДН, д-р юрид. наук, д-р эконом. наук, профессор *Олег Александрович Ястребов*; Исполнительный директор Международной организации космической связи «ИНТЕРСПУТНИК» *Виктор Сергеевич Вещунов*; Чрезвычайный и полномочный посол Руанды в Российской Федерации *Жанна д'Арк Муджавамария*; заведующая кафедрой международного права Южного федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор *Лариса Ивановна Волова*; главный редактор «Евразийского юридического журнала», ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук *Инсур Забирович Фархутдинов*.

Советник руководителя Федерального агентства воздушного транспорта, Президент Национальной ассоциации воздушного права, д-р юрид. наук, профессор *Сергей Сергеевич Юрьев* выступил с приветствием к участникам Конгресса и вручил доценту ка-

федры международного права РУДН *Александру Ивановичу Травникову* благодарность Федерального агентства воздушного транспорта «*За большой личный вклад в популяризацию и развитие воздушного права*». Приветствие от члена Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, канд. юрид. наук *Анны Ивановны Отке* зачитал помощник сенатора *Михаил Анатольевич Тодышев*.

По окончании приветственной части пленарного заседания Ректор РУДН *В.М. Филиппов* вручил Главе Регионального Представительства Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в России, д-ру мед. наук, профессору *Даврону Мансуровичу Мухамадиеву* грамоту «*За большой личный вклад в развитие сотрудничества между РУДН и Международной Федерацией обществ Красного Креста и Красного Полумесяца*».

С научными докладами выступили: заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, профессор *Камиль Абдулович Бекяшев*; заведующий кафедрой международного права МГИМО МИД России, д-р юрид. наук, профессор *Александр Николаевич Вылегжанин*; заведующий кафедрой международного права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук, доцент *Алексей Станиславович Исполинов*; Глава Регионального Представительства Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в России, д-р мед. наук, профессор *Даврон Мансурович Мухамадиев* и декан юридического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, д-р ист. наук, доцент *Юлия Николаевна Сушкова*. В рамках празднования *Года экологии в России* с докладом в пленарной части Конгресса выступил заместитель заведующего кафедрой международного права РУДН, член Всемирной комиссии по экологическому праву Международного Союза охраны природы, член Европейского форума экологического права, член группы по международному экологическому праву Европейского общества международного права, канд. юрид. наук, доцент *Александр Михайлович Солнцев*. Пленар-

ное заседание завершил своим выступлением Вице-президент Российской ассоциации международного права, д-р юрид. наук, профессор *Алексей Александрович Моисеев*.

Блищенковские чтения продолжили свою работу в рамках 18 круглых столов и секций. После окончания секционных заседаний были подведены итоги Конгресса. За лучшие выступления студентам и аспирантам были вручены дипломы и памятные подарки:

Iket Chukwueteka Raymond

Sanka Mohammed

Абрамов Михаил Евгеньевич

Амиров Динар

Андрянов Дмитрий Вадимович

Бембеева Баира Саныловна

Болотова Екатерина Дмитриевна

Волков Григорий Геннадиевич

Газизова Асия Шарифулловна

Горбачева Анна Игоревна

Гуляев Кирилл Сергеевич

Заплатина Татьяна Сергеевна

Йордановски Стевица

Кицмаришвили Давид Элгуджаевич

Колосова Рената Артуровна

Коныгин Руслан Анатольевич

Корпен Анна Сергеевна

Крипакова Александра

Кудинов Алексей Сергеевич

Латыпова Айсылу

Мусина Камилла Салаватовна

Парфентьева Анна Евгеньевна

Потапенко Анастасия Михайловна

Родько Оксана Александровна

Сова Карина Сергеевна

Сокова Евгения Александровна

Сорокина Анастасия Денисовна

Стариков Федор Владимирович

Суздальцев Евгений Сергеевич

Особую значимость «Блищенковским чтениям» придаёт их популярность среди молодёжи, что подтверждается широким участием в них наряду с известными отечественными и зарубежными учёными студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов по международному праву и специалистов в области других гуманитарных направлений.

Нет сомнений в том, что XVI Международный конгресс «Блищенковские чтения», который состоится 14 апреля 2018 г., также будет плодотворным!

Аслан Хусейнович Абашидзе

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заведующий кафедрой международного права юридического института Российского университета дружбы народов, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Председатель Комиссии международного права Российской Ассоциации содействия ООН, Член Экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, Член Экспертного совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, Член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

**ЧЛЕН СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ул. Б.Дмитровка, д. 26, Москва, 103426

---

20 апреля 2017 г.

№ _____

Участникам
XV Международного конгресса
"Блищенковские чтения"

Уважаемые коллеги!

Сердечно приветствую вас и поздравляю с открытием XV Международного конгресса "Блищенковские чтения"!

За сравнительно небольшой срок Конгресс заслуженно приобрел репутацию авторитетного и представительного международного форума. Круг участников Конгресса с каждым годом расширяется, привлекая как признанных исследователей в отрасли науки "Международное право", так и открывая новые имена. Темы, заявленные для обсуждения, отражают наиболее актуальные проблемы международного сообщества с широким диапазоном вопросов: от современных задач Международного гуманитарного права до развития международных отношений в космосе. Конституция Российской Федерации 1993 года провозгласила общепризнанные принципы и нормы Международного права и международные договоры Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Бесценен опыт как российских, так и зарубежных ученых, поэтому результаты научных исследований, представленные на Конгрессе, будут способствовать совершенствованию реализации главных принципов Международного права.

Желаю вам плодотворной работы и всего наилучшего.

Анна Отке

ВКЛАД П.С. РОМАШКИНА В РАЗВИТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ И МИРА

Юлия Николаевна Сушкова

*д-р ист. наук, доцент,
декан юридического факультета, зав. кафедрой
международного и европейского права
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарёва
yulenkam@mail.ru*

Огромной вехой в исследованиях выдающегося отечественного юриста П. С. Ромашкина стало изучение феномена преступлений против мира и человечества, в результате чего автором был подготовлен ряд публикаций, в том числе монографии «Военные преступления империализма» (М., 1953), «За мирное разрешение корейского вопроса» (М., 1954), «Преступления против мира и человечества» (М., 1967). Последняя работа стала обобщающей, наиболее полно включавшей переработанные и дополненные более ранние труды.

Первоначально П. С. Ромашкин в работе «Военные преступления империализма» ставил перед собой задачу исследовать «вопиющие факты нарушений законов и обычаев войны», совершенные западными странами до и во время Первой мировой войны, вооруженной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.), в ходе Второй мировой войны и после нее. Эти факты, по убеждению Ромашкина, свидетельствовали не только о возрастающем количестве преступлений, но и о все большем «цинизме», с которым нарушались нормы международных конвенций¹. В книге «Преступления против мира и человечества» автор отмечал, что ставил перед собой задачу проанализировать лишь основные аспекты проблемы

---

¹ См.: Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М., 1953. С. 19.

борьбы с преступлениями против мира и человечности², хотя по существу провел обстоятельное изучение этой актуальнейшей проблемы, уделив значительное место ответственности за международные преступления. Тема борьбы с преступлениями против мира и человечества анализировалась автором в историческом и теоретическом плане; разоблачались агрессия, государственный бандитизм, подробно исследовался вопрос о военных преступлениях во Второй мировой войне, организации и проведении суда над главными немецкими и японскими военными преступниками в Нюрнберге и Токио, другие правовые проблемы уголовной ответственности за преступления против мира и человечества³.

Становление международного права происходило под влиянием непрерывно растущей борьбы народов за мир. П. С. Ромашкин, подчеркивая актуальность исследуемой темы, писал: «Никогда раньше судьба человечества в такой огромной степени не зависела от исхода этой борьбы. Если две мировые войны обошлись человечеству в 60 миллионов убитых, то ракетно-ядерная война представляет собой смертельную угрозу для сотен миллионов людей. Защита мира приобрела в современную эпоху значение общечеловеческой задачи»⁴.

Советское правительство еще в 1930-х гг. активно выступало против агрессии за коллективную всеобщую безопасность. Оно выдвинуло важнейший принцип, лежащий в основе коллективной безопасности, – принцип неделимости мира, согласно которому нападение хотя бы на одно государство таило угрозу для других государств и могло вызвать мировой военный конфликт⁵. После Второй мировой войны были заложены основы новой, общей системы коллективной безопасности в виде Организации Объединенных Наций, в создании которой СССР принимал самое активное участие. В преамбуле Устава ООН торжественно провозглашалась решимость членов Организации «избавить грядущие поколения от бедствий

---

² См.: Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. М., 1967. С. 8.

³ Там же. Форзац.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ См.: Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. С. 4.

войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе». Глава VII Устава устанавливала целую систему мероприятий по обеспечению коллективной безопасности против агрессии.

Ромашкин подчеркивал, что уже по окончании Второй мировой войны ряд государств мира лишь «на бумаге» разделяли фундаментальные принципы и нормы, закрепленные в Уставе ООН, в действительности же проводили политику исключительного укрепления и наращивания своих позиций в мире. По свидетельству Ромашкина, расстановка сил на мировой арене и структура руководящих органов не носили объективный характер, а представляли идеологию западных стран. «Пока это положение будет сохраняться, – писал автор, – ООН не сумеет эффективно выполнять принятые ею решения»⁶. Под флагом «региональных», «оборонительных» соглашений западные страны формировали «агрессивные блоки» – НАТО, СЕАТО, СЕНТО. Реакцией на учреждение данных структур стало создание Организации Варшавского договора.

Глубокие изменения в международной обстановке привели к образованию двух лагерей в международной политике, как и двух параллельных мировых рынков. США уже в 1947 г. провозгласили «доктрину Трумэна» и приняли «план Маршалла» и «план Шумана», рассчитанные на усиление их политического и экономического влияния на западноевропейские страны. В планах подготовки к новой войне воссоздавалась система германского милитаризма. В нарушение Потсдамских решений с боннским правительством Аденауэра был заключен «Общий договор», санкционировавший восстановление германского вермахта и военно-экономического потенциала, а также предусматривавший включение Западной Германии в Атлантический союз⁷.

Правовая наука призвана обнаружить нарушения международного права, раскрыть их социально-политические и экономические причины, «с предельной ясностью осветить и ту, казалось бы, бесспорную истину, что широкое международное сотрудничество между всеми государствами, невзирая на различия их социальных систем, может развиваться только при условии безусловного соблюдения норм международного права». Автор сформулировал

---

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. С. 7.

необходимость опровергать любые попытки теоретически обосновать «отказ от политики мирного сосуществования государств с различными общественными системами» и «доказать» обоснованность политики «с позиции силы», «балансирования на грани войны», а также необходимость создания вместо ООН «всемирного правительства», «всемирной полиции», международных судов с обязательной юрисдикцией⁸.

По мнению Ромашкина, западные страны не ставили перед собой цели полного разгрома фашизма. Наоборот, они стремились сохранить фашизм в Германии и милитаризм в Японии. Они сознательно срывали возможность открытия второго фронта с тем, чтобы Советский Союз в войне с гитлеровской Германией истощил свои силы, обескровил себя. Они рассчитывали на то, что СССР выйдет из войны обессиленным и в таком состоянии будет вынужден отказаться от своего пути развития. Уже в период войны они стремились сформировать антисоветский блок. «Во имя разгрома врага, во имя свободы и независимости нашей страны советский народ как на фронте, так и в тылу проявлял небывалый героизм. Он прошел через величайшие испытания и вышел победителем в войне»⁹.

Новым этапом в борьбе с агрессией явился Устав ООН, согласно которому эта организация призвана «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру...»¹⁰. В декабре 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, которой были одобрены принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его приговоре. Ромашкин обозначил проблему необходимости общей кодификации преступлений против мира и безопасности человечества или разработки международного уголовного кодекса¹¹.

Автором подробно проанализированы попытки СССР по внесению предложений о разработке единого понимания определения

---

⁸ См.: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 8.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 26.

агрессии. Кроме того, Ромашкин считал, что западные страны «во все не заинтересованы в запрещении терроризма, поскольку они довольно часто использовали его как средство борьбы с коммунизмом и как орудие своей разбойничьей политики»¹². Общепринятых определений терроризма, фашизма, к сожалению, нет и поныне. В тот период аналогичная ситуация складывалась и с понятием агрессии. Так, третья Комиссия международного права, рассматривавшая данный вопрос по инициативе советской делегации, пришла к выводу о невозможности, нецелесообразности и даже вредности такого определения. Это обсуждение проходило как раз в период американской агрессии против корейского народа. Ромашкин приводит размышления отдельных юристов и официальных представителей западных стран, сводившиеся к выводу, что определение агрессии представляет собой нечто «мифическое», неуловимое и непознаваемое и что, более того, оно «неразумно и опасно»¹³. Не напоминает ли эта историческая дискуссия современного обсуждения ряда важнейших категорий международного уголовного права?

Существенным вопросом было обсуждение права государства прибегнуть к силе в порядке осуществления самообороны с момента реального нападения или его угрозы. Пропаганда со стороны западных стран превентивной (упреждающей) войны была направлена на облегчение развязывания агрессивных действий. Так, на Нюрнбергском процессе было установлено, что фашистская Германия стремилась представить свои агрессивные войны как превентивные, якобы в ответ на готовившийся удар со стороны СССР¹⁴.

Надо отметить, что 14 декабря 1974 г., за год до ухода из жизни П. С. Ромашкина, Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) принят международно-правовой акт – «Определение агрессии», согласно статье 1 которой агрессией является «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это уста-

---

¹² Там же. С. 171.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ См.: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 34.

новлено в настоящем определении». Данное определение не является обязательным для Совета Безопасности. Устав ООН наделил Генеральную Ассамблею правом давать рекомендации Совету Безопасности ООН, которое ему может помочь «в определении, в соответствии с Уставом наличия акта агрессии»¹⁵. Вместе с тем принятие этого акта не решило многие теоретические и практические проблемы, связанные с интерпретацией сущности агрессии.

Уникальной чертой работ Ромашкина при анализе проблем международного уголовного права, историко-правовых закономерностей развития государственно-правовых институтов является выявление их этнических особенностей. Констатируя, что правила ведения войны существовали во все исторические эпохи, он справедливо отмечает, что «большое влияние на смягчение жестокостей войны и на выработку соответствующих международных норм оказывали гуманные национальные традиции отдельных народов и политические идеи передовых сил общества и отдельных прогрессивных мыслителей»¹⁶.

Проанализировав историю развития международного права второй половины XVIII – начала XX в., автор сделал вывод о выдающемся вкладе России в смягчение военных насилий и выработку новых правил ведения войны, обеспечивавших в большей степени защиту прав их участников. Россия способствовала защите прав нейтральных государств во время морской войны провозглашением Декларации о морском вооруженном нейтралитете (1780 г.), принципы которой были признаны почти всеми крупными морскими державами. Другими яркими примерами служат инициатива России по кодификации правил ведения сухопутной войны, в том числе деятельность Н. И. Пирогова по организации Красного Креста, призванного оказывать помощь раненым и больным (1863 г.), и принятие соответствующей международной конвенции (1864 г.).

По предложению России в 1899 г. в Гааге была созвана Первая конференция мира, на которой был подписан ряд международно-правовых актов, упорядочивавших законы и обычаи войны. На Второй конференции мира в 1907 г. работа по созданию целой

---

¹⁵ Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defense. Cambridge University Press, 2003. P. 118.

¹⁶ Там же. С. 75.

системы норм ведения сухопутной войны продолжалась, в том числе были признаны права партизан как законных комбатантов. Гаагская конвенция 1907 г. указывала на важное значение исторически сложившихся основных принципов и общепризнанных норм международного права, защищавших права воюющих государств и мирного населения.

Автор отмечал, что характерной особенностью военных преступлений во время Второй мировой войны было их заблаговременное планирование¹⁷. Гитлеровские агрессивные планы заранее предусматривали организованное массовое ограбление оккупированных территорий. По всем вопросам ведения войны имелись приказы, инструкции, распоряжения германского правительства или командования, предписывавшие совершение преступлений. Особое место занимали деяния с применением преступных методов и средств ведения войны. Германия не считалась ни с нормами международного права, ни с требованиями человеческой морали и вела войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, детьми, стариками, выявляя тем самым свою «подлую, разбойничью сущность»¹⁸. Советскому Союзу был причинен колоссальный ущерб, полностью или частично было разрушено и сожжено 1 710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, свыше 6 миллионов зданий. В годы Великой Отечественной войны погибло более 25 миллионов человек.

Автором приведены подробности совершения немецкими и японскими армиями на протяжении всей войны преступлений против военнопленных, раненых и больных воинов противника, которые носили массовый характер и характеризовались особой жестокостью. Попирая все нормы международного права, а также самые элементарные требования человеческой морали, гитлеровцы не только убивали и уничтожали советских военнопленных, но и всячески истязали их. На Нюрнбергском процессе было выявлено умерщвление советских военнопленных путем удушения газами, введения под кожу смертельных ядов, проведения медицинских опытов, расстрела, закалывания штыками, сожжения заживо, организации «лагерей смерти» и др.

---

¹⁷ Там же. С. 109.

¹⁸ Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 112.

П. С. Ромашкин осветил деятельность Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Статья 6 Устава определяла юрисдикцию Международного военного трибунала по привлечению к ответственности за совершение преступлений против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий), военные преступления (нарушение законов и обычаев войны), преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости в отношении гражданского населения, преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам и др.)¹⁹.

Автор отмечал, что западными странами предпринимались попытки применения «теории государственного акта», по которой ответственность за нарушения международного права возлагалась не на руководящих лиц, а на государство. Устав устранял возможность рассматривать членов правительства как лиц, не подлежащих уголовной ответственности за проводимые ими мероприятия и несущих лишь политическую ответственность. Ромашкин подчеркивал, что Международный трибунал самым скрупулезным образом относился к соблюдению всех процессуальных гарантий подсудимых. Важнейшее место в системе доказательств занимали многочисленные документы, в том числе официальные правительственные материалы, послужившие фундаментом ведения процесса и легшие в основу приговора. Всего состоялись 403 открытых судебных заседания, допрошено 116 свидетелей и 19 подсудимых²⁰.

Зарубежные партнеры опасались влияния СССР, имевшего данные о разоблачении истинных причин и факторов начала Второй мировой войны. Материалы процесса отчасти раскрыли подлинную роль правящих элит США, Англии и Франции в подготовке и развязывании войны. Органы этих стран предприняли многие действия для изъятия из германских архивов компрометирующих документов. Однако на процессе стала известна, например, информация о мюнхенском сговоре, ставшем важным этапом в развязывании

---

¹⁹ См.: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 186.

²⁰ Там же. С. 194.

войны. По этому вопросу были ценны показания Геринга, Шахта, Риббентропа и других, отмечавших, что западные страны, по существу, сдавая одну позицию за другой, «толкали фашистскую Германию на Восток». Вскрылось пособничество западных стран в ремилитаризации Рейнской зоны и захвате Гитлером Австрии²¹.

Ромашкин отметил выдающееся историческое значение Нюрнбергского процесса, как «суровое предупреждение народов будущим агрессорам». Впервые в истории приговор покарал военных преступников, совершивших чудовищные преступления против народов мира, а также показал процесс подготовки войны теми, кто прикрывался «елейными речами о мире». Итоги Нюрнбергского процесса подвергались критике, но прогрессивные юристы всего мира отмечали положительное значение его принципов для развития международного права. По свидетельству американского юриста Эпплмана, «агрессивная война была противна моральным нормам международного сообщества и на основании позитивного права, с которым соглашалась Германия, и в соответствии с обычным правом агрессивная война является преступлением»²².

Подобно Нюрнбергскому процессу, важнейшую роль в укреплении мира сыграл Токийский трибунал, осудивший японскую агрессию во всех ее видах и признав факт агрессии Японии против СССР. Трибунал доказал, что агрессивная война против СССР планировалась в течение периода с 1928 по 1945 г., она была одним из элементов японской национальной политики, и ее целью был захват советских территорий на Дальнем Востоке. «Историческая ценность приговора Токийского трибунала заключается и в том, что он подробно, шаг за шагом прослеживая японскую внешнюю политику, документально устанавливает и раскрывает ее антисоветскую направленность за много лет до того, как была развязана Вторая мировая война»²³.

Идея международной уголовной ответственности лиц, являющихся виновниками агрессии и военных преступлений, стала общепризнанным принципом международного права, осуществление ко-

---

²¹ Там же. С. 195–196.

²² Там же. С. 194, 210.

²³ Там же. С. 221, 224.

того происходило в форме как международной (например, Нюрнбергский и Токийский процессы), так и национальной юрисдикции (суды над преступниками Второй мировой войны в отдельных странах).

Важнейшим событием на международной арене стало проведение в 1949 г. Женевской конференции, на которой были приняты конвенции, знаменовавшие успех в деле защиты жертв войны, достигнутый прогрессивной общественностью. Но в связи с противодействием США и Англии не были приняты весьма важные предложения СССР. Женевские конвенции не содержали норм о запрете применения варварских средств и орудий ведения войны. Так, советская делегация заявила на конференции о сожалении, что была отклонена внесенная ею резолюция, осуждающая применение атомного оружия, бактериологических и химических средств войны, а также применение любых способов массового истребления людей²⁴.

Таким образом, П. С. Ромашкин определял тему войны и мира как «самую жгучую проблему». «Никогда вопросы войны и мира не привлекали к себе такого пристального внимания, не волновали с такой силой умы и сердца сотен миллионов людей». Он писал, что еще не зажили раны, нанесенные прошлой войной, как агрессивные круги США и других западных стран начали «готовить новый заговор против мира, готовить третью мировую войну с применением ракетно-ядерного вооружения»²⁵. Ученый убежден, что борьба за мир, за осуществление принципа мирного сосуществования государств с различными политическими системами составляет важнейшую задачу внешней политики нашей страны, одно из самых неодолимых движений современности. «Все народы хотят мира, они воевали за мир не ради того, чтобы вновь возник пожар мировой войны. Они помнят о тех жертвах, которых потребовала победа, помнят о судьбе тех, кто взорвал в Европе мир, напоминают новым любителям военных авантур: “Не забывают, господа, Нюрнберг, на забывают суд народов!”»²⁶.

---

²⁴ Там же. С. 283.

²⁵ См.: Ромашкин П. С. Преступления против мира и человечества. С. 351.

²⁶ Там же. С. 354.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Александр Михайлович Солнцев

*канд. юрид. наук, доцент, заместитель заведующего
кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов*

«Экология стала самым громким словом на земле, громче войны и стихии. Оно характеризует собой одно и то же понятие вселенской беды, никогда прежде не существовавшей перед человечеством».

Распутин В.Г.

В этом году мы отмечаем «Год экологии», который был объявлен указом Президента России. Также в этом году мы вспоминаем родившегося 80 лет назад великого русского писателя Валентина Распутина, который внес неоценимый вклад в осознание экологических проблем нашей Родины. Через его книги мы впитали и любовь к природе и боль за ее разрушение, осознали, что общество – это органическая часть природы. Научно-технический прогресс в XX в. принес много хорошего человечеству, но и много бед для природы. Экологический кризис увеличивается по мере возрастания темпов научно-технического прогресса, и с этим кризисом ни одно государство не справится в одиночку. Только на международном уровне возможно предпринимать меры для эффективной защиты окружающей среды!

Международное экологическое право – это, преимущественно, «детище» XX века. Разумеется, нормы, регулирующие отношения между индивидами относительно использования и защиты объектов окружающей среды, были и ранее. Например, проф. Николас Робинсон обращает внимание на принятую в 1217 г. вслед за Великой хартией вольностей (Magna Carta 1215) *Лесную хартию*, положения которой «способствовали устойчивому поддержанию

экосистем»¹. Однако, это скорее исключение, чем правило. Именно в самом конце XIX в. – начале XX в. можно наблюдать становление международного экологического сотрудничества. В конце XIX в. было вынесено уникальное в своем роде решение по межгосударственному спору «О морских котиках Берингова моря» (1893 г.), немало способствовавшее защите морских живых ресурсов. Первые международные экологические соглашения, которые принимались во второй половине XIX в., преимущественно касались совместного использования водоёмов и рыболовства в них, а также усиления международной борьбы с филлоксерой (виноградная тля)². На заре XX в. были приняты Лондонская конвенция, направленная на обеспечение сохранения различных видов диких животных в Африке, полезных для человека или безвредных, 1900 г. и Конвенция по охране птиц, полезных в сельском хозяйстве, 1902 г. Первая крупная конференция по международной охране природы состоялась в Берне в 1913 г.

За чуть более чем 100 лет международное экологическое право сделало существенный рывок в развитии. Насколько этот рывок был эффективным? Наверное, потомки только смогут оценить. В любом случае юристам-международникам есть что обсудить и сегодня. Много достижений, но и немало проблем.

Так уже разработано и принято более 1,280 международных экологических соглашений (МЭС) и более 2,100 региональных МЭС. Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что ни в одной отрасли международного права не наблюдается такого нормативного феномена. В этом отношении можно констатировать чрезмерный нормативно-правовой массив, отсутствие как вертикальной

---

¹ Robinson Nicholas A. The Charter of the Forest: Evolving Human Rights in Nature, in *Magna Carta and the Rule of Law* 311 (Daniel Barstow Magraw et al., eds. 2014). URL: <http://digitalcommons.pace.edu/lawfaculty/990/>.

² Convention Between Alsace-Lorraine And The Two Initial Parties To The Convention Between Baden And Switzerland Concerning Fishing In The Rhine And Its Influxes As Well As In Lake Constance 1877; Convention Between Russia And Sweden And Norway Regulating The Salmon Fishery In The Tornea 1897; Treaty Concerning The Regulation Of Salmon Fishery In The Rhine River Basin 1885; Convention On Measures To Be Taken Against Phylloxera Vastatrix 1878. <https://iea.uoregon.edu/>.

связи между нормами различных МЭС, так и слабую горизонтальную связь между ними. Наличие такого большого числа МЭС, с одной стороны, способствует повышению уровня защиты и сохранения окружающей среды, но, с другой стороны, влечет нерациональное использование финансовых и человеческих ресурсов. Данную проблему сегодня пытаются активно решить, идет поиск синергии между международными экологическими соглашениями. Например, проводится совместное заседание сторон трех конвенций, направленных на борьбу с отходами³. При этом отметим интересную тенденцию: в последнее время преимущественно принимаются поправки к уже существующим МЭС или дополнительные протоколы (Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их использования 2010 г. к Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. или Парижское соглашение об изменении климата 2015 г. к Рамочной конвенции ООН по изменению климата 1992 г.). Иными словами, идёт «точечная настройка» международно-правового регулирования охраны окружающей среды. Из новых международных договоров можно отметить лишь Минаматскую конвенцию по ртути 2013 г., которая в этом году вступит в силу. Нельзя также обойти вниманием принятый в 2015 г. глобальный стратегический план развития международного сообщества на 15 лет: «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Попутно отметим, что Повестка дня также предполагает принятие и новых международных экологических соглашений, например, сейчас разрабатывается проект Конвенции о сохранении и устойчивом использовании морского биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции⁴.

---

³ Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях; Базельская конвенция о контроле за трансграничными перемещениями опасных отходов, представляющих собой отходы, существование которых или обращение с ними представляют опасность для жизни, здоровья человека и окружающей среды, а также их удалением и Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов.

⁴ Preparatory Committee established by General Assembly resolution 69/292: Development of an international legally binding instrument under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the conservation and sustainable

Параллельно с ростом числа международных экологических соглашений идет увеличение числа договорных органов (комитетов по соблюдению), создаваемых на основе МЭС. Сегодня насчитывается более 30 договорных органов МЭС, которые призваны: осуществлять контроль за выполнением государствами-участниками своих международно-правовых обязательств; рассматривать индивидуальные / коллективные жалобы; трактовать положения МЭС. Эти органы также разработали и приняли уже огромное количество международных документов, они безусловно укрепляют и стабилизируют правоприменительную практику, способствуют защите экологических прав человека. Например, Комитет по соблюдению Орхусской конвенции⁵ получил 150 индивидуальных жалоб и 2 межгосударственные. Разумеется, комитеты по соблюдению МЭС не снимают всех проблем экологического правосудия и в этом отношении можно отметить следующие тенденции:

- проводится большая работа по повышению квалификации международных и национальных судей, для чего, в частности, создан Глобальный форум «судей-экологов» и Форум «судей-экологов» Европейского союза, где судьи могут обсуждать вопросы экологического правосудия, делиться экспертными мнениями и т.п.;
- на международном уровне вот уже 15 лет обсуждается идея создания международного экологического суда;
- растет количество экологических дел в Международном Суде ООН, Международном трибунале по морскому праву, Постоянной Палате третейского суда;
- создаются экологические суды на национальном уровне в различных государствах мира.

Другой важной тенденцией развития международного экологического права является рост значения экологических прав человека и появление всё новых и новых механизмов их защиты на международном уровне. Об этом говорит практика договорных органов по правам человека и региональных судов по правам человека;

---

use of marine biological diversity of areas beyond national jurisdiction. URL: <http://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom.htm>.

⁵ United Nations Economic Commission for Europe. <https://www.unece.org/env/pp/cc/com.html>; <https://www.unece.org/submissions.html>.

учреждение поста Специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу об обязательствах в области прав человека, связанных с использованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой. Возрастает значение уже упомянутой Орхусской конвенции 1998 г. (Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды), к которой сегодня присоединились 47 государств, что составляет почти ¼ государств мира. В Латинской Америке и странах Карибского бассейна разрабатывается аналог Орхусской конвенции в виде собственной региональной конвенции⁶.

Идут процессы институционального строительства в рамках международного экологического сотрудничества. На сегодняшний день сложилась довольно разветвленная сеть международных организаций, которые в той или иной степени занимаются экологической проблематикой, но лидирующая роль по-прежнему принадлежит ООН, где недавно прошла институциональная реформа в природоохранной сфере. Во-первых, был создан так называемый «глобальный экологический парламент» – Совет Управляющих ЮНЕП (58 членов) был преобразован в *Ассамблею ООН по окружающей среде ЮНЕП (193 члена)*, которая заседает раз в два года. Во-вторых, Комиссия по устойчивому развитию (КУР) была преобразована в *Межправительственный политический форум высокого уровня*, где и были разработаны вышеупомянутые Цели устойчивого развития на 2016–2030 гг. Разумеется, предпринятые меры не снимают с повестки дня вопрос создания Международной экологической организации на базе ЮНЕП в обозримом будущем.

В завершение пленарного выступления хочется отметить, что, требуя от государств максимального выполнения международных экологических обязательств, нельзя забывать, что в конечном счете все экологически неблагоприятные решения предпринимают конкретные индивиды. И в ст. 58 Конституции России написано, что «каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бе-

---

⁶ Regional agreement on access to information, participation and justice in environmental matters in Latin America and the Caribbean. URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39051/37/S1800064_en.pdf.

режно относиться к природным богатствам». Тут мы должны помнить об экологии души. Как сказал христианский монах, богослов и философ Максим Исповедник, живший на рубеже VI-VII вв., «человек может превратить в рай всю землю только тогда, когда он будет носить рай в себе самом».

СЕКЦИЯ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ**

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛЬНОЙ
МОНИТОРИНГОВОЙ МИССИИ ОБСЕ НА ДОНБАССЕ**

Владимир Сергеевич Акимов

магистрант 1 курса

Российского государственного университета правосудия

Распад многонациональных государств в конце XX начале XXI в.в. привел к серьезным этнополитическим конфликтам, нашедшим свое выражение в больших и малых войнах на этнической и территориальной почве в Закавказье, Ближнем Востоке, России и Европе. На протяжении второй половины XX в. - начала XXI в. в различных регионах произошло свыше 300 межгосударственных конфликтов, а более чем в 200 систематически применялись вооруженные силы¹. Гражданская война на Донбассе уже привела к значительным жертвам и потерям среди мирного населения, были уничтожены больницы, школы и аэропорт. Сама же военная операция, называемая в официальных украинских источниках как анти-террористическая, по своей сути представляет планомерную зачистку Донбасса, уничтожение гражданского населения, инфраструктуры, обеспечивающей его жизнедеятельность и превращение места проживания жителей Донбасса в территорию непригодную для жизни. Если в годы Великой Отечественной Войны воюющими сторонами предпринимались наступательные операции и взятие под контроль населенных пунктов и регионов, то в настоящее время на вооружение украинской властью в Донбассе взята американская тактика «выжженной земли». Суть этой тактики заключается в том, чтобы, не вступая в открытое противостояние, планомерно уничто-

---

¹ Блищенко В.И., Солнцева М.М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX - начало XXI века). М., 2005. С. 25.

жать противника на расстоянии посредством авиаударов, артиллерийских и минометных обстрелов жилых массивов и потоков беженцев, разрушения электроподстанций, водоводов².

Как показывает современная действительность, вопросы строгого соблюдения либо игнорирования основных принципов международного права становятся все более актуальными. События последних нескольких лет на международной политической арене, связанные с гражданской войной в Украине и решением вопроса о признании новых государств, ранее входивших в состав Украины – Луганской и Донецкой Народных Республик должен решаться только при строгом соблюдении принципов и норм международного права. Принцип нерушимости государственных границ, сформулированный в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и принцип, обеспечивающий право каждого народа на самоопределение, содержащийся в Уставе Организации Объединенных Наций (далее ООН) 1945 г., Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. – являются одними из важнейших принципов международного права.

Согласно ст. 2 Конституции Украины, принятой в 1996 году, «Украина является унитарным государством»³. Исторические предпосылки для закрепления в главном документе государства положения об унитарной форме территориального устройства отсутствуют, так как территория современной Украины формировалась в течение продолжительного времени. До 1654 г. она представляла из себя Запорожскую Сечь – небольшую территорию практически в центре современной Украины, в ходе освободительной войны добровольно вошла в 1648-1654 гг. под протекторат Московского государства. В период с 1654 по 1917 гг. территория Украины расширилась более чем в 2 раза, стала представлять из себя Правобережную и Левобережную Украину. 12 февраля 1918 года на 4 – м областном съезде Советов рабочих депутатов Донецкого и Криворож-

---

² Бочарников И.В. Тактика «выжженной земли» на Донбассе // Геополитический журнал, 2014. С. 14.

³ Конституция Украины 1996 г. // Ведомости Верховной Рады Украины от 23.07.1996., № 30, ст. 141. – Ст. 2.

ского бассейнов в Харькове была провозглашена Донецко-Криворожская Советская Республика – республика в составе РСФСР. Современная территория Украины располагается в границах Донецкой, Луганской, Днепропетровской и Запорожской областей, а также частично Харьковской, Сумской, Херсонской и Николаевской. После окончания Великой Отечественной Войны к территории Украины была присоединена Восточная Галиция, юридически закрепленная за Украиной ещё в 1939 г.

Подобное формирование государства свидетельствует о необходимости признания и уважения со стороны официальной власти права народа Донбасса, на самоопределение, обеспечение возможности пользоваться родным языком, сохранять культурно – исторические традиции, решать вопросы местного значения самостоятельно. Вместо этого украинская власть продолжает проводить военную операцию по подчинению населения Донбасса, одновременно стремится скорейшим образом войти в Европейский союз (далее ЕС), имея множество внутренних территориальных, социальных, политических и экономических проблем. Для частичного преодоления украинского кризиса и прекращения губительной военной операции, которая по данным ООН на середину декабря 2016 года, привела к тому, что жертвами конфликта на Украине стали 32 856 человек: 10 056 погибших, 22 800 пострадавших⁴. На ноябрь 2016 года 1,5 млн. человек бежали в другие страны⁵.

Недопущение продолжения гибели и бегства мирного населения с территории Донбасса, возможно только посредством применения международно-правовых механизмов разрешения и преодоления вооруженных конфликтов. Специальная мониторинговая миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее ОБСЕ) начала свою работу в Украине 21 марта 2014 года после принятого на пленарном заседании Постоянного совета ОБСЕ

---

⁴ Statement of the High Commissioner for Human Rights on cooperation and assistance to Ukraine in the field of human rights // <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=21-015&LangID=E#sthash.lpww6ccI.dpuf>.

⁵ Гуманитарный бюллетень Украина // http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/humanitarian_bulletin_issue_14_september_2016_ru.pdf.

Решения № 1117 о размещении специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине. Согласно этому решению происходило размещение до 100 наблюдателей в Херсоне, Одессе, Львове, Ивано-Франковске, Харькове, Донецке, Днепропетровске, Черновцах, Луганске. ОБСЕ включает все страны Европы, а также США, Канаду и бывшие среднеазиатские республики Советского Союза. В деятельности ОБСЕ участвует также 11 стран-партнеров, представляющих Африку и Азию. ОБСЕ не имеет собственного учредительного договора в классическом понимании. Мандат Специальной мониторинговой миссии (далее СММ) ОБСЕ был продлен на Украине на один год - до 31 марта 2018 года.

ОБСЕ возникла 1 января 1995 г. в ходе реформирования Совета безопасности и сотрудничества в Европе, представлявшего собой постоянно действующую международную конференцию, появившуюся на основе решений Совещания в Хельсинки (1973 - 1975 гг.), и призванного в эпоху холодной войны воплощать в жизнь положения Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Сегодня перед ОБСЕ стоит три круга ключевых задач, составляющих военно-политическое (нераспространение, миротворчество и меры по укреплению доверия), эколого-экономическое (экономическая и экологическая безопасность) и человеческое (права человека, приверженность и развитие демократии) измерения деятельности ОБСЕ⁶. Миссия ОБСЕ в Украине также подтверждалась Минскими соглашениями, в рамках которых миссии передавались полномочия мониторинга активности сторон и расположения вооружений. Миссия регулярно публикует отчеты о деятельности. СММ ОБСЕ - это невооруженная гражданская миссия, которая работает 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Ее основные задачи - это беспристрастно и объективно наблюдать за ситуацией в Украине и отчитываться по ней, а также способствовать диалогу между всеми сторонами конфликта. Деятельность Миссии ОБСЕ на территории республик, входивших в состав Советского союза, является не первой в отношении Украины. Ранее СММ ОБСЕ была призвана к разрешению нескольких внут-

---

⁶ Егоров С.А. «Словарь международного права», 3-е издание, переработанное и дополненное // Статут, 2014. С. 150.

ригосударственных конфликтов, одним из которых является - Приднестровский политический конфликт. В настоящее время конфликт находится в фазе мирного противостояния. При посредничестве России, Украины, Евросоюза, США и ОБСЕ между сторонами конфликта ведется переговорный процесс. Достигнуты определенные позитивные результаты - прекращены военные действия и созданы международные гарантии против их возобновления, в определенной степени нормализована жизнь людей, обеспечены экономические контакты. Молдова и Приднестровье договорились о том, что они будут руководствоваться принципом сохранения территориальной целостности Молдавии как единого субъекта международного права в границах МССР на 1 января 1990 г., отказались от односторонних действий и применения силы. Данный опыт может быть использован Украиной для разрешения конфликта на Донбассе.

Отдельного внимания заслуживают международно-правовые проблемы, возникающие при осуществлении деятельности СММ ОБСЕ при разрешении украинского конфликта. По состоянию на 20 апреля 2017 года СММ констатировала увеличение количества случаев нарушения режима прекращения огня, как в Донецкой, так и в Луганской области по сравнению с предыдущим отчетным периодом⁷. О возможности ухудшения ситуации на Донбассе предупредили специальный представитель Действующего Председателя ОБСЕ Мартин Сайдик и глава СММ ОБСЕ Эртурул Апакан ещё на заседании Постоянного совета ОБСЕ 19 января 2017 г. Было высказано мнение, что после периода относительного затишья на востоке Украины во время празднования Нового года и Рождества те, кто предпочитают угрожать силой и применять ее, в очередной раз поставили под угрозу безопасность жителей Донецкой и Луганской областей⁸.

---

⁷ Последние новости от Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на основе информации, поступившей по состоянию на 20 апреля 2017 года, 19:30 // <http://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine/312901>.

⁸ Спецпредставитель ОБСЕ Сайдик и Глава СММ Апакан предостерегли об очередном усилении насилия в Украине после относительного затишья

Согласно официальным отчетам СММ ОБСЕ за время своей работы на территории Украины, миссия регулярно фиксирует наличие вооружения, размещенного с нарушением линий отвода, по обе стороны от линии соприкосновения. Наблюдатели отмечают длинные очереди в контрольных пунктах въезда-выезда, а также серьезные повреждения системы водоснабжения в Луганске. За период 23 марта – 5 апреля было зафиксировано три серьезных инцидента, когда в направлении наблюдателей и имущества СММ стреляли из стрелкового оружия. В подконтрольных Донецкой Народной Республике (далее ДНР) районах произошли два случая: 28 марта и 2 апреля в Казацком и Саханке соответственно, где вооруженные лица открывали огонь рядом с патрулями СММ⁹. Воюющие стороны продолжают периодически проводить активные военные действия, так, в ночь на 1 февраля, находясь в центре Донецка, наблюдатели зафиксировали 994 взрыва неопределенного происхождения на расстоянии 8–12 км к северо-северо-западу и 49 взрывов неопределенного происхождения в 6–8 км к северо-северо-востоку. Ведя наблюдение в подконтрольном ДНР г. Макеевка (12 км к северо-востоку от Донецка) на протяжении около 20 минут, наблюдатели слышали 35 взрывов неопределенного происхождения в 3–6 км к северу и северо-западу, а также 4 взрыва, оцененных как разрывы в 500 м к западу. СММ фиксировала значительное увеличение количества случаев применения вооружений, запрещенных этими соглашениями, в том числе реактивных систем залпового огня и другой артиллерии.

Достигнутые на саммите в Минске 11—12 февраля 2015 года руководителями Германии, Франции, Украины, России договоренности по деэскалации вооруженного конфликта на востоке Украины, в ходе которых были приняты Вторые Минские соглашения доставило некоторое облегчение людям на востоке Украины. В то время как боевые действия до сих пор продолжаются в горячих точках, интенсивность их уменьшилась. ОБСЕ фиксирует в целом за

в период новогодних и рождественских праздников // <http://www.osce.org/ru/cio/294841>.

⁹ Отчет Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине (СММ) на 5 апреля 2017 года // <http://www.osce.org/ru/special-monitoring-mission-to-ukraine/310201?download=true>.

наблюдаемый период снижение количества и частоты нарушения режима прекращения огня. Большинство фиксируемых боевых действий велись с использованием стрелкового оружия. В настоящее время ОБСЕ располагает довольно широким арсеналом политико-правовых механизмов и процедур для урегулирования споров и конфликтных ситуаций. Предусматривается использование следующего набора методов: проведение переговоров или консультаций, примирение, посредничество, миссии по установлению фактов, миссии докладчиков, арбитраж, судебное разбирательство. В целом инструментарий ОБСЕ можно условно разделить на две группы: общие (т.е. применимые к любым аспектам взаимоотношений государств-участников) и специальные (т.е. используемые только в конкретных областях) механизмы и процедуры.

Для того, чтобы деятельность СММ ОБСЕ могла привести к более положительным результатам и обеспечить окончательное утверждение мира на территории Донбасса, противоборствующими сторонами должна сохраняться приверженность и желание продолжать Минский процесс, несмотря на сложную обстановку. Безопасность является принципиально важной предпосылкой в продвижении политических, гуманитарных и экономических вопросов. Стороны должны обеспечить безопасность во избежание серьезных последствий для населения на востоке Украины. В настоящее время мирные жители по обе стороны от линии соприкосновения все ещё продолжают подвергаться насилию. Те, кто ответственны за это насилие, также несут ответственность за гибели и ранения гражданских лиц, повреждения и даже разрушения жилых домов и объектов инфраструктуры, от которых зависят мирные жители в этих областях, а также за возникновение сложной гуманитарной ситуации, которой можно было бы избежать.

**ПОЛИЦЕЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ**

Анна Юрьевна Бабушкина

*слушатель Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
annette2508@mail.ru*

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось всплеском коррупционных скандалов на пространстве Европейского союза (ЕС). Ежегодные убытки от коррупции в ЕС составляют более 120 млрд евро¹.

Коррупция (от лат. *corrumpere* — растлевать, *corruptio* — подкуп, порча, растление, продажность, разложение) – термин, которым обозначают злоупотребление должностным лицом своими полномочиями с целью получения личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным устоям. Коррупция наносит огромный ущерб экономическому развитию государства и негативно сказывается на всех сферах общественной жизни.

Еще до недавнего времени коррупционные преступления считались национальной проблемой и были вне рамок интересов ЕС в целом. Ситуация стала меняться в конце 20 века. Несмотря на разный характер и масштабы коррупции, высшие инстанции ЕС признают ее общесоюзной проблемой. Стала обсуждаться необходимость совместной борьбы с коррупцией. Таким образом, коррупция, ставшая угрозой общеевропейскому правопорядку, выполняет своего рода консолидирующую функцию. Эффективными средствами противодействия проблеме рассматриваются совместные

---

¹ Corruption across EU "breathhtaking" - EU Commission. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-26014387> (дата обращения 09.09.2016).

действия правоохранительных органов государств ЕС и унификация подходов к криминализации проявлений коррупционных преступлений.

Важной предпосылкой успеха в борьбе с коррупцией в ЕС является сотрудничество правоохранительных органов в процессуальной и криминалистической областях. Оно осуществляется посредством заключения двусторонних и многосторонних соглашений между ними, а также создания общеевропейских учреждений. Прежде всего речь идет о Европоле, правовые основы его функционирования содержатся в ст. 88 Договора о функционировании Европейского союза 2007 г.²

Европол – это полицейская организация Европейского союза, которая регулирует деятельность полицейских служб всех 28 государств. Его основными задачами являются координация работы правоохранительных органов в борьбе с международной организованной преступностью. Сфера деятельности Европола охватывает такие проявления преступности, как терроризм, незаконный оборот наркотиков, коррупция и др.

Государства – члены ЕС имеют свои национальные отделы Европола в качестве связующих звеньев между этой организацией и национальными правоохранительными органами. Каждый отдел состоит из офицеров связи, на них возлагается ответственность за представление интересов государства согласно национальному законодательству государства – участника. Офицеры связи напрямую взаимодействуют с членами объединенных следственных бригад и в рамках консультативной помощи предоставляют необходимую информацию из аналитических баз данных полицейской организации³.

---

² Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) / перевод к.ю.н., доц. Четверикова А.О. URL: <http://eu-law.ru/about/право-европейского-союза/дфес/> (дата обращения 22.12.2016).

³ Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 79: Январь-март 2015 г. Отв. ред. Борко Ю.А. Институт Европы РАН, Ассоциация европейских исследований. Москва, 2015. URL: <http://www.edc-aes.ru/content/userfiles/ImaHe/59.doc> (дата обращения 24.12.2016).

Европол в рамках своей международно-правовой ответственности в общей системе информационной безопасности, как уже отмечалось, осуществляет деятельное содействие правоохранительным органам государств – членов ЕС при расследовании трансграничных преступлений. По экспертно-криминалистическим базам данных Европола ежегодно идентифицируется в среднем около 700 объектов, сотрудниками подготавливается более 900 отчетов, предоставляется порядка 350 аналитических материалов, проводится около 340 операций.

Демократический контроль за деятельностью Европола предусматривается со стороны Европарламента и Евроюста. Вводятся дополнительные гарантии о защите персональных данных, осуществляется контроль за соблюдением прав человека в информационной сфере. С этой целью в рамках ЕС созданы соответствующие национальный и совместный надзорные органы⁴.

Важное значение для совершенствования сотрудничества судебных органов государств – членов Европейского союза имеет рамочное решение Совета ЕС № 2002/465 от 13 июня 2002 г. «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами – членами»⁵. Данный документ предусматривает создание совместных следственных групп по оказанию взаимной помощи в области уголовного правосудия.

В ст. 1 указанного решения закреплено понятие европейского ордера на арест – это судебное решение, которое выдается государством – участником для задержания и передачи другим государствам лица, находящегося в розыске, с целью осуществления уголовного преследования или исполнения мер наказания, связанных с лишением свободы.

Главная задача создания рассматриваемого ордера – возможность признания судебного решения о передаче лица, осужденного одним государством, на всей территории ЕС.

---

⁴ См.: Волеводз А.Г. Учреждения и органы Евросоюза по судебному и полицейскому сотрудничеству: Учеб. пособие. М.: Европейский учебный институт, 2012. С. 134.

⁵ Рамочное решение Совета ЕС «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» № 2002/465 от 13 июня 2002 г. // *AbI. L 162 v. 20.06.2002. P. 1-3.*

Лица, которые могут являться объектами европейского ордера на арест, делятся на две категории:

- лица, в отношении которых вынесен обвинительный приговор;

- лица, в отношении которых еще ведется расследование.

В качестве органов, уполномоченных выдавать и исполнять такой ордер, выступают суды, прокуратура или приравненные к ним органы государств – членов.

Существует три основания для неисполнения европейского ордера на арест:

- если в государстве, которое получило ордер, указанное преступление подпадает под амнистию;

- если лицо уже было осуждено за преступление, послужившее основанием для выдачи европейского ордера на арест;

- если лицо в силу возраста не подлежит уголовной ответственности в государстве, получившем ордер⁶.

Таким образом, наряду с институтом экстрадиции Европейский союз разработал собственный инструмент по координации деятельности судебных органов своих государств – членов – европейский ордер на арест.

Но члены ЕС – независимые государства. Поэтому основанием неисполнения европейского ордера на арест может быть гражданство лица, в отношении которого он выдан. Например, если гражданин Франции совершает преступление в Испании и скрывается на французской территории, должна ли Франция выдать это лицо?

Здесь все зависит от стадии, на которой находится дело. Если уже вынесен обвинительный приговор, то Франция имеет право не исполнять ордер, выданный Испанией (п. 6 ст. 4 рамочного решения Европейского совета от 13 июня 2002 г.). Если же дело находится на стадии расследования, то отказ в исполнении европейского ордера на арест запрещен⁷. Но Франция может обусловить передачу своего гражданина в будущем на родину для отбывания наказания (п. 3 ст. 5 решения от 13 июня 2002 года).

---

⁶ См.: Потемкина О.Ю. Пространство свободы, безопасности и правосудия Европейского Союза. М.: Гриф и К, 2011. С. 220.

⁷ Там же С. 265.

Таким образом, в ЕС пока не создан наднациональный институт в области уголовно – правового сотрудничества. Даже один из самых значимых шагов к гармонизации законодательств государств-членов в уголовной сфере – европейский ордер на арест – выдается и исполняется национальными судебными органами.

25 ЛЕТ ЮГОСЛАВСКОГО КОНФЛИКТА: ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Елена Вадимовна Баркова

*студентка Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации
dzagoev46@icloud.com*

Отгремели кровавые бои Второй мировой войны. Казалось бы, мировое сообщество вынесет для себя серьезные уроки из ее итогов, надолго погаснут очаги враждебности и противоречий, а народы и политики, создав Организацию Объединенных Наций, научатся разрешать международные проблемы мирным путем. Однако чуда не произошло: победители и бывшие союзники по антигитлеровской коалиции снова разбились по враждебным лагерям. У каждой из сторон было свое представление о последующем мироустройстве, о демократии и свободе, о построении мировой экономической системы, о процветании своих и других народов. Особенно это было заметно у СССР и США. Первый строил курс на победу социализма, а вторые продвигали идею идеализма и выступали якобы как главный защитник демократических основ и свободного мира запада. При этом немаловажным аспектом противостояния этих двух сверхдержав и их союзников являлось геополитическое соперничество и борьба за расширение своего влияния в мире, что втягивало в границы их воздействия малые государства и народы, особенно страны тех регионов мира, в которых сталкивались интересы СССР и США.

Одним из таких регионов оказались Балканы, которые стали эпицентром многих конфликтов, возникших в послевоенное время между Западом и Востоком. Из всех балканских государств США считали главным проводником укрепления позиций СССР на Балканах Югославию. В этих условиях выдвинутый американскими властями тезис о защите «демократии», являлся прекрасным поводом для вмешательства США в ее суверенные дела.

В 1991 г., несмотря на окончание противостояния между двумя политическими системами, двумя сверхдержавами (США и СССР) и двумя военно-политическими блоками (НАТО и ОВД), ликвидацию Совета Экономической Взаимопомощи, а также других международных структур социалистического лагеря, расформирование Североатлантического альянса не произошло. В итоге оказалось, что мир не стал безопаснее. Как отмечает Н.В. Васильева, геополитический удар, связанный с падением социалистического строя в СССР и странах Восточной Европы, роспуском Организации Варшавского Договора и окончанием существования биполярного мира эхом отозвался и на Социалистической Федеративной Республике Югославия (Босния, Герцеговина, Македония, Сербия с автономными краями – Воеводина, Косово, Метохия, Словения, Хорватия и Черногория) – самом крупном государстве на Балканском полуострове, занимавшем стратегическое положение не только на Балканах, но и на юге Европы¹.

Югославская федерация не смогла выдержать внутреннего этнического и религиозного противостояния, начавшегося с распадом коммунистической системы, и на ее территории началась гражданская война. Внутриполитические конфликты и противоречия, которые ранее сдерживались стоящей у власти коммунистической партией - единственной политической силой в СФРЮ, необычное мировосприятие отдельных югославских этносов были использованы этнократией Хорватии и Словении для усугубления внутриполитического кризиса, начала борьбы за выход из состава федерации и образования суверенных государств. Идеология воинствующего национализма все сильнее влияла на действия политических сил в отдельных субъектах Югославии. Негативные международные факторы начала 90-х годов XX в. также стали одним из главных катализаторов ослабления сплочения югославской нации, в основе которой лежала идея объединения народов в единое федеративное государство, служившее гарантом их независимости и безопасности.

---

¹ Васильева Н.В. Балканский узел. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2005. С. 328.

В 1990 г. сербы населяли около трети Хорватии, помимо этого, более одного миллиона сербов проживало в Боснии и Герцеговине. Сербский президент С. Милошевич выступал за объединение всех сербов в границах одного государства. Поэтому в самом начале конфликта в Югославии руководство Сербии сделало заявление о том, что, в случае распада Югославии, границы республик должны быть пересмотрены так, чтобы все сербы остались на территории «великой Сербии». Хорватия придерживалась противоположной идеи и призывала к сохранению прежних границ, однако сама хотела получить районы Боснии, заселенные преимущественно хорватами. Этническое и географическое рассредоточение хорватов и сербов в Боснии не давало возможности провести разумные и согласованные границы между ними. Необходимо также отметить, что практически во всех бывших югославских республиках ключевой идеей этого периода была мысль о создании моноэтнического государства. Однако это неминуемо вело к этническому и религиозному конфликтам².

Югославский кризис начался в июне 1991 г. и завершился в ноябре 2001 г. Немаловажную роль, можно даже сказать ключевую, в данном конфликте сыграли США, которые именуют себя не иначе как «величайшие Хранители свободы и мира» во всем мире. В своем очередном обращении к нации в 2015 г. 44-й президент США Б. Обама дважды подчеркнул, что Америка не является «полицейским миром». Согласно данным социологических опросов в США, большинство американцев с этим согласны. Однако мировая история говорит нам о диаметрально противоположном: США – «мировой жандарм», грубо нарушающий принципы международного права и придерживающийся парадигмы «право силы». Ярким подтверждением этого вывода являются события, произошедшие в Югославии, где в конце 1989 г. усилились инакомыслия и этнические проблемы в регионе Косово, которые в 1996 г. вылились в акты вооруженного насилия в отношении полиции и мирного населения со стороны албанских сепаратистов. В 1998 г. власти Югославии активизировали свои усилия для парирования угрозы сепаратизма Косово. Россия

---

² Гражданская война в Югославии [Югославский конфликт]. URL: http://wikiwhat.ru/Гражданская_война_в_Югославии (дата обращения: 21.12.2016).

поддерживала власти Югославии, выступала против применения вооруженной силы для парирования создавшихся угроз и настаивала на том, что проблемная ситуация может быть решена только путем мирных переговоров. Связано это с тем, что применение вооруженной силы внутри границ полиэтнической Югославии могло стать питательной средой для исламского экстремизма, который угрожал в то время и продолжает угрожать сегодня христианскому Европейскому Западу.

Точкой кипения имевшихся этнических и религиозных противоречий стали события, произошедшие 15 января 1999 г. в селе Рачак, где имело место столкновение между югославскими силовыми структурами и боевиками так называемой «Армии освобождения Косово». Оно и явилось якобы предлогом для начала войны против Югославии со стороны НАТО под руководством США. Справедливости ради отметим, что финские ученые, позднее изучившие произошедшее, в официальном отчете указали на тот факт, что никакой резни в селе Рачак 15 января 1999 г. не было³!

24 марта 1999 г. без получения разрешения СБ ООН Североатлантической альянс начал военные действия на территории СРЮ, т.е. применил «право силы». Военная операция получила название «Союзная сила» и продолжалась 78 дней. В той или иной форме в ней участвовали 19 стран НАТО. Массированным бомбардировкам были подвергнуты города и инфраструктура Югославии. В это же время албанские боевики вели обстрел сел Сербии и Косово, уничтожали мирных сербов. Все это повлекло за собой массовое перемещение населения из Косово. Министр иностранных дел России И. Иванов назвал авиаудары самой страшной агрессией в Европе после Второй Мировой войны, и заявил, что лидеры НАТО, спровоцировавшие «геноцид» с помощью авиаударов, должны быть судимы за свои преступления международным военным трибуналом⁴. Как отмечают многие эксперты, жестокое убийство мирного населения, в том числе детей, по национальному, расовому и религиозному признакам, носило не столько политический, сколько экономический и национальный характер, было подкреплено сильным

---

³ РИА Новости, 24 марта 2014.

⁴ Интерфакс, 27 марта, 1999.

давлением со стороны США и ряда заинтересованных в территориальном переделе европейских стран.

По случайному совпадению 24 марта 1999 г. тогдашний премьер-министр России Е.М. Примаков летел с официальным визитом в США, однако узнав о том, что начались бомбардировки Югославии, он развернул свой самолет над океаном, тем самым в знак протеста, отменил свой визит. Позже он рассказал в одном из своих интервью, почему было принято решение совершить знаменитый «разворот над Атлантикой»: «Я не считаю, что это какой-то подвиг. Это решение я принимал сам, я только после этого позвонил Ельцину и сказал, что развернулся. Он одобрил это. Но, понимаете, если бы я этого не сделал, я бы поступил архинеправильно»⁵. Россия, Белоруссия и Индия внесли в СБ ООН проект резолюции, в котором была выражена глубокая обеспокоенность применением США и НАТО «права силы» без полномочий от СБ ООН, осуждались действия НАТО. Действия США были квалифицированы как угроза международному миру и безопасности. Однако СБ ООН не воспользовался «силой права» и отклонил проект резолюции. Тем самым практически развязал руки агрессору и поддержал «право силы» для решения национальных проблем за счет других государств.

Так что же это: акт миротворчества и желание помочь урегулировать этнический конфликт, о чем нам постоянно твердят США и Европа, – т.е. «сила права»? Или все же еще один способ защитить свои интересы, показать мощь США, состоятельность блока НАТО и убрать потенциального конкурента – т.е. «право силы»? Сегодня история доказала, что главной целью для США и стран Европы была не борьба за независимость Косово, а медная промышленность Югославии. Считается, что именно поэтому натовские самолёты не наносили удары по предприятиям этого комплекса. Помимо этого, в Косове сосредоточены крупнейшие в Европе неразработанные запасы каменного угля. Еще одной не менее важной причиной считается уничтожение югославского ВПК, который продавал дешёвое оружие в Африку, Северную Корею и страны Персидского залива. Не официальным поводом для начала войны считается то, что маленькая победоносная война могла обеспечить НАТО новую

---

⁵ РИА Новости, 26 июня 2015.

роль в мировом геополитическом пространстве. В итоге под бомбежками оказались не только военные объекты, но и гражданская инфраструктура, были разрушены многие города и поселки.

Согласно данным, предоставленным властями СРЮ, за время операции общее число погибших мирных граждан превысило 1 700 чел., в том числе почти 400 детей, около 10 тыс. чел. были серьезно ранены. Без вести пропавшими, по данным ООН, числился 821 чел., большинство из которых - сербы. Вследствие нанесения ударов по фабрикам и заводам 500 тыс. чел. остались без работы, тысячи - без крыши над головой⁶. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, за период с марта 1998 г. по 24 марта 1999 г. число беженцев и перемещенных лиц из Косово составило 260 тыс. чел., тогда как с 24 марта по 31 мая 1999 г. зарегистрировано 780 200 беженцев из Косово. Число беженцев из Албании превысило 442 тыс. чел., в Македонии - 250,1 тыс. чел., в Черногории — 66,3 тыс. чел., в других районах Сербии - 60 тыс. чел. Несколько десятков тысяч беженцев перебрались в Турцию, Грецию, страны Западной Европы, а также в Боснию и Герцеговину, Хорватию. Из Македонии в страны Западной и Восточной Европы, а также в Австралию и США эвакуировано около 72 тыс. беженцев⁷. Кроме того, операция «Союзная сила» и после своего окончания унесла жизни многих людей, так как во время ее проведения использовались запрещенные международным правом кассетные бомбы, а в ходе авиаударов США были применены незаконные типы боеприпасов с радиоактивными примесями, в том числе обедненным ураном.

Возникает вопрос: почему же США, не дождавшись санкции СБ ООН, применили «право силы»? Ответ прост: Россия и Китай как постоянные члены СБ ООН обладают правом вето, они были против вооруженного вмешательства НАТО в суверенные дела Югославии. Соответственно, если бы вопрос о направлении войск

---

⁶ Сазонова О. 17-я годовщина агрессии НАТО: мнения в прессе и интернете. URL: <http://slobodan.ru/2016/03/27/17-ya-godovshhina-agressii-nato-otklike-v-presse-i-internete> (<http://slobodan.ru/2016/03/27/17-ya-godovshhina-agressii-nato-otklike-v-presse-i-internete>) (дата обращения: 24.12.2016).

⁷ Косик В. Итог компании НАТО в Югославии в цифрах. URL: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/piryadok/balkany/knot/331/> (дата обращения: 12.11.2016).

Североатлантического альянса в СРЮ был выдвинут на заседании СБ ООН, а Россия и Китай проголосовали бы против или воспользовались бы правом вето, то разрешение на проведение военной операции США в лице НАТО не получило бы – сработала бы «сила права». Следует также отметить, что ООН может принять решение об использовании «права силы» в том случае, если есть реальная угроза международной безопасности. В то же время Косово находилось в составе Югославии – суверенного государства, а, следовательно, и кризис, который произошел в СРЮ, считался внутрисоюзным конфликтом, но никак не предметом интервенции сил ООН.

Независимая комиссия, созданная 6 августа 1999 г. по инициативе премьер-министра Швеции Х.Й. Перссона, которая занималась расследованием военных преступлений глав Североатлантического альянса против Союзной Республики Югославии, пришла к выводу, что военное вмешательство НАТО было незаконным, поскольку альянс не получил предварительного одобрения от СБ ООН. Но операция союзников оправдывалась тем, что все способы урегулирования конфликта дипломатическим путем были исчерпаны, и трактовалась как гуманитарная интервенция – т.е. «право силы»⁸.

В мае 1993 г. был создан «Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года» (МТБЮ). Созданный трибунал имел мандат СБ ООН. 25 мая 1993 г. была единогласно принята резолюция № 827 по этому вопросу. Постоянный представитель России при ООН, председательствовавший на данном заседании Ю.М. Воронцов заявил: «Виновные в массовых преступлениях..., в нарушениях законов и обычаев войны, в преступлениях геноцида, а также против человечности, должны понести заслуженное наказание»⁹. Таким образом, должна была восторжествовать «сила права». Одним из участников МТБЮ в качестве обвиняемого

---

⁸ РИА Новости, 24 марта 2014.

⁹ Стенограмма заседания. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/858/68/IMG/N9385868.pdf> (дата обращения: 18.05.2012).

был бывший президент Югославии С. Милошевич. В мае 1999 г. Гаагский трибунал выдвинул против него и еще четырех высших югославских руководителей обвинение по пяти пунктам, которые были квалифицированы как преступления против человечности: убийства, преследования граждан по политическим, расовым и религиозным мотивам, депортации, нарушение законов и обычаев войны и др. В обвинительном заключении говорилось, что вышеназванные лица несут личную ответственность за нарушение международного гуманитарного права, ввиду их высокого государственного положения. Обвиняемым инкриминировалось то, что с 1 января и до конца мая 1999 г. вооруженные силы и полицейские подразделения СРЮ, находившиеся под контролем данных обвиняемых лиц, совершили совместно в Косове серию крупномасштабных нападений на города и деревни, которые были населены в большей степени албанцами. В связи с этим, С. Милошевич и его коллеги несут личную ответственность за изгнание из Косова порядка 750 тыс. албанцев. С. Милошевич и другие высшие югославские руководители обвинялись также в убийстве конкретных 340 чел.

1 апреля 2001 г. С. Милошевич был арестован. На основании югославского законодательства ему было предъявлено обвинение в совершении таких уголовных преступлений, как злоупотребление служебным положением и объединение в группы для совершения уголовных преступлений. 28 июня 2001 г. он был передан МТБЮ и переведен в тюрьму ООН, а 3 июля того же года состоялась его первая встреча с судьями Гаагского трибунала. От услуг адвоката он отказался и Гаагский суд не признал, отметив также, что МТБЮ создан незаконно. 12 февраля 2002 г. начался судебный процесс, в соответствии с которым С. Милошевич обвинялся в преступлениях, по которым он должен был нести личную ответственность: массовые убийства боснийских мусульман и хорватов, создание концлагерей, насильственное переселение, преступления против человечности и др.

Е.М. Примаков выступая свидетелем Милошевича, отмечал: «Я выступал и показывал, что Милошевич здесь не может быть обвинен во всех смертных грехах. У него были свои ошибки, безусловно. Да у всех политических деятелей есть ошибки. Я не знаю

ни одного, который безошибочно руководит страной»¹⁰. В ходе судебного процесса у С. Милошевича ухудшилось здоровье, в результате чего разбирательство многократно прерывалось. Он просил направить его на лечение в Россию, поскольку меры медицинского характера, принимаемые врачами по месту заключения, никакого положительного результата не приносили. Однако трибунал ему в этом отказал, мотивировав тем, что ссылка на болезнь является лишь предлогом для укрывательства от суда. 11 марта 2006 г. С. Милошевич был найден мертвым в своей камере. Он скончался от сердечного приступа. Характерно, что 24 марта 2016 г. – ровно через 17 лет после начала югославской трагедии – Международный трибунал по бывшей Югославии снял обвинение с С. Милошевича, поскольку не было найдено достаточных доказательств. Однако мировое сообщество и по сей день об этом старается умалчивать. Известный итальянский журналист Д. Кьеза подчеркнул, что «для тех, кто это понимает, кто понимает, о чем речь, эта новость – «бомба». Которая должна заставить, как минимум, всех западных лидеров попросить прощения или посадить их на скамью этого же трибунала»¹¹.

Сегодня российские коллеги из Европы и за океаном постоянно, не умолкая, твердят о том, что Россия является злостным нарушителем норм международного права, всемирным агрессором, угрозой мира и безопасности человечества. Однако возникает вопрос: а кто же тогда вы, наши уважаемые партнеры? На примере применения «права силы» в Югославии и «силы права» в МТБЮ отчетливо видно, что страны Европы и США открыто пренебрегают нормами международного права, в том числе закрепленными в Уставе ООН и во Всеобщей декларации прав человека. Сколько было убито стариков, женщин детей, сколько было разрушено городов, предприятий военной и гражданской инфраструктуры, сколько людей осталось без крыши над головой! И это все соответствует нормам и принципам международного права, которые были

---

¹⁰ ВЕСТИ.RU, 25 марта 2009.

¹¹ Гаагский трибунал оправдал Слободана Милошевича через 10 лет после смерти. URL: <http://katyusha.org/view?id=1178>(дата обращения: 24.12.2016).

признаны всеми странами мира? В этом и состоит американское понимание «силы права», которое на деле выливается в «право силы»? «Существует расхождение, - пишет А. Глюксман, - если не прямое противоречие, между правилами мирового порядка, положенными в основу Устава ООН и правами, сформулированными во Всеобщей декларации прав человека - второй опоре мироустройства. Устав запрещает применение силы, нарушающее государственный суверенитет. Декларация же защищает права индивидуума от государственного подавления. Проблема «гуманитарного вмешательства» проистекает из этого расхождения. В этот «зазор» и «втиснулся» блок НАТО со своей операцией в Югославии»¹².

МТБЮ вообще был создан незаконно, поскольку решение о его создании выходит за рамки компетенции СБ ООН. Получается, что СБ ООН грубо нарушил нормы собственного же Устава, согласно которому данный орган не наделен судебными функциями. Кроме того, создание трибунала нарушало и один из основополагающих, фундаментальных принципов «силы права», который в свою очередь был принят всеми правовыми системами: «Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам». Что касается расследования дела С. Милошевича, то оно является «рекордсменом» по применению «права силы» и ярким примером игнорирования «силы права». Среди нарушений можно выделить похищение С. Милошевича из Белграда в 2001 г., что нарушило нормы югославской Конституции; нарушение иммунитета экс-президента страны; отказ в обеспечении и защите его прав согласно Международному пакту о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; привлечение к судебному разбирательству секретных свидетелей и проведение секретных заседаний; использование не внушающих доверия свидетельств, и даже подмена доказательств.

К огромному сожалению, подобные явления применения «права силы» со стороны США и их союзников мы наблюдаем и по сей день: Афганистан, Ливия, Сирия и т.д. И снова наши западные коллеги твердят о том, что все, что они делают - соответствует «силе права», осуждая при этом действия России, которая как раз и

---

¹² Глюксман А. Война XXI века URL:<http://www.ng.ru/ideas/1999-10-06/war.html> (дата обращения: 24.12.2016).

действует в Сирии, борется с ИГИЛ и международным терроризмом в соответствии с «силой права».

Законы развития человечества нам говорят о том, что история имеет такое важное свойство как «повторение», только в более совершенном, а иногда и в изощренном варианте. Чтобы демпфировать историческую негативность событий человечество должно учиться делать правильные выводы из уроков своей истории. Какие же исторические уроки дал современной цивилизации югославский конфликт?

1. ООН за свою более чем полувековую историю так и не смогла стать хранительницей «силы права», не способна остановить войну, во главе которой стоят США и их союзники. Впервые агрессию совершила международная оборонительная организация – НАТО, другая международная организация - ООН - оказалась полностью игнорируемой и лишенной возможности принятия каких-либо правовых мер в целях поддержания международной безопасности в связи с агрессией, а еще одна европейская организация по безопасности – ОБСЕ - способствовала этой агрессии, т.к. ее членами являются те же страны НАТО. Произошел отказ НАТО от провозглашенной оборонительной стратегии – «силы права», и было взято на вооружение «право силы» - ведение военных операций за пределами границ организации. Тем самым были нарушены базовые положения Устава ООН, основанные на принципах уважения суверенитета и неприменения силы или угрозы силой. События в Косове стали примером нового мирового порядка, в котором святость «силы права» значительно уменьшилась, как и значение национального суверенитета и границ. При этом на первый план вышло безнаказанное применение «права силы».

2. Патриотизм – великое историческое наследие православной культуры. Руководители НАТО, оправдывая свою агрессию, утверждали, что они ведут принципиально новую войну – не за суверенитет Косова, а за демократические ценности в защиту прав и свобод человека, национальных меньшинств от этнических чисток. Однако несмотря на 78 дневные непрерывные воздушные удары США и НАТО так и не сломали патриотизм сербского православного народа – «право силы» не восторжествовало.

3. НАТО создавало предпосылки для подрыва экономической базы Европы, ее единой валюты – евро. Главными целями США

были ликвидация основного соперника на мировом финансовом фронте – Европейского Союза руками его членов, исключение возможности превращения евро во вторую мировую резервную валюту, а также модернизация национальной экономики и поднятие ее уровня относительно стран Европы за счет колоссального увеличения валютных расходов, затраченных на ведение войны в Югославии.

4. Существенно укрепив свое политическое влияние в мире, США сочли вполне продуктивной практику разрешения всех тождественных проблем с помощью «права силы». Это определило дальнейшее поведение США, когда под флагом миротворчества они использовали «право силы» и превратили его в инструмент своей политики. США уверовали в свою непогрешимость и в одностороннем порядке стали в дальнейшем определять, что такое хорошо и что такое плохо в международных отношениях.

Таким образом, конфликт в Югославии показал, что США и их союзники уже в 1999 г. достаточно далеко продвинулись на пути применения «права силы» в обход «силы права» при решении своих национальных проблем.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Екатерина Дмитриевна Болотова

магистрант

Российского государственного университета правосудия

Сохранение культурного наследия имеет значение для народов всего мира. Международное сообщество уже давно ведет активную политику в области сохранения культурных ценностей и имеет отлаженную и организованную систему сотрудничества. В эту систему входят административные, правовые и финансовые институты.

Одним из первых результатов международного сотрудничества в области охраны культурного наследия можно считать Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов, направленные на регулирование военных действий и гуманизацию войны. Также в Гааге 14 мая 1954 года межправительственной конференцией государств-членов ЮНЕСКО на основе так называемого «Пакта Рериха», выдвинутого русским художником и общественным деятелем Н.К. Рерихом, была заключена Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»¹. Она объединила в себе нормы, направленные на охрану культурных ценностей во время вооруженных столкновений, которые содержались в конвенциях 1899 и 1907 года, и определила термин «культурные ценности». Данным соглашением было также закреплено, что «ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для всего человечества».

---

¹ Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf.

Страны-участники Гаагской конвенции приняли на себя обязанность исполнять ее положения и внести в национальное законодательство соответствующие нормы о защите культурных ценностей, а также обеспечивать их исполнение.

В соответствии с Гаагской конвенцией, договаривающиеся стороны должны уважать культурные ценности, принимать все возможные и необходимые меры по их охране во время вооруженного конфликта, в мирное время воспитывать личный состав вооруженных сил в духе уважения культурных ценностей всех народов.

В целях сохранения культурного наследия странам-участникам Конвенции рекомендовано перевезти ценности подальше от мест, где происходят военные действия, или, если речь идет о памятниках истории, не размещать вблизи них военные объекты.

Гаагская конвенция обязывает стран-участников включать культурные ценности в Международный реестр, который ведется ЮНЕСКО. С момента внесения в реестр ценность получает иммунитет и находится под специальной защитой.

Отличительным знаком Гаагской конвенции признан синий щит, заостренный снизу, разделенный на четыре части синего и белого цвета. Этот знак применяется для идентификации культурных ценностей, транспорта, перевозящего культурные ценности, укрытий культурных ценностей, лиц, на которых возложена функция по охране и контролю культурных ценностей.

Следующими важнейшими международными правовыми актами в сфере охраны культурного наследия явились «Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности»², принятая в Париже 14 ноября 1970 года шестнадцатой сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, и «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия»³, которая

---

² «Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Заключена в г. Париже 14.11.1970 г.) рат. Указом Президиума ВС СССР от 02.02.1988 № 8423-XI // Международные нормативные акты ЮНЕСКО.- М.: Логос, 1993. С. 283 - 290, 610 - 611.

³ «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (заключена в Париже 16.11.1972 г.) [Электронный ресурс] // Официальный

была заключена в Париже 16 ноября 1972 года на семнадцатой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО.

Конвенция 1970 г. значительно расширила перечень предметов, признаваемых культурными ценностями, включив в их число редкие коллекции флоры и фауны, минералогии и анатомии; археологические находки; надписи, печати чеканные монеты более чем столетней давности; этнологические материалы; почтовые марки; архивы, включая фоно-, фото- и киноархивы; мебель более чем столетней давности, старинные музыкальные инструменты и др.

Кроме того, Конвенция предусматривает создание на территории стран-участников национальных служб охраны культурного наследия, к функциям которых должны быть отнесены: выявление культурных ценностей, находящихся на территории государства; составление национальной описи культурных ценностей и ведение их учета; сотрудничество с другими компетентными органами в осуществлении контроля за вывозом, ввозом и передачей права собственности на культурные ценности.

Конвенция рекомендует музеям и иным учреждениям, занимающимся хранением культурных ценностей, воздерживаться от приобретения культурных ценностей, если они являются предметами незаконного вывоза, ввоза или незаконной передачи права собственности. С целью облегчения контроля за вывозом Конвенцией предлагается сопровождать культурную ценность соответствующим сертификатом, удостоверяющим разрешение на вывоз государством-экспортером. Все подозрения и предположения должны быть уточнены у компетентных служб с целью подтверждения законности вывоза соответствующих предметов.

Случаи исчезновения культурных ценностей должны приобретать широкую огласку, а взаимное сотрудничество государств должно облегчать процесс реституции пропавшей культурной ценности. Следующим международным соглашением, принятым в це-

лях сохранения памятников истории и культуры, является «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972 г.)⁴.

В данном документе впервые дано понятие «природное наследие». В ней же дано указание каждому государству-участнику проводить классификацию различных ценностей, расположенных на его территории, на «культурное наследие» и «природное наследие».

Конвенцией предусмотрено создание системы международного сотрудничества и взаимопомощи, одним из проявлений которого является обязанность каждой страны-участницы оказывать содействие признанию, сохранению и популяризации культурного и природного наследия, если об этом просят государства, на территории которых оно расположено.

При Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры учреждается Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия всеобщего выдающегося значения, называемый «Комитетом всемирного наследия». Комитет является совещательным органом, в состав которого входят представители более 20 государств.

Страны-участницы Конвенции предоставляют Комитету перечни ценностей культурного и природного наследия, расположенных на их территории, которые могут быть включены в «Список всемирного наследия». Каждый перечень не является исчерпывающим и содержит документацию относительно места расположения данных ценностей и представляемого ими интереса. Ключевым моментом при решении вопроса о включении той или иной ценности в Список, является заключение, составляемое по итогам экспертизы Международного совета по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). ИКОМОС является неправительственной профессиональной организацией при ЮНЕСКО и сотрудничает с Комитетом всемирного наследия.

---

⁴ «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (Заключена в г. Париже 16.11.1972) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНЕСКО. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>.

Конвенцией также учреждается Фонд охраны всемирного культурного и природного наследия, называемый «Фонд всемирного наследия». Данный Фонд является целевым и предоставляет помощь по заявкам, подкрепляющимся по возможности подписью эксперта. Помощь, оказываемая Фондом, может заключаться в исследовании художественных, научных и технических проблем, которые составляет охрана, сохранение, восстановление и популяризация культурного и природного наследия; направление экспертов, техников и квалифицированных рабочих для обеспечения удовлетворительного выполнения утвержденного проекта; подготовке специалистов всех уровней в области выявления, охраны, сохранения, восстановления и популяризации культурного и природного наследия; предоставлении займов и субсидий и др.

На данный момент Конвенцию «О сохранении культурного и природного наследия» ратифицировали 186 стран-участниц. СССР присоединился к Конвенции в 1988 году. С тех пор в Список были включены такие российские объекты как: Московский кремль и Красная площадь, Новодевичий монастырь, исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним ансамбли памятников, Белокаменные памятники Владимира и Суздаля, Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры в Сергиевом Посаде, Кижский погост, Церковь Вознесения в Коломенском и др.

Наиболее серьезные вызовы, связанные с реализацией положений Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, на сегодняшний день связаны с застройкой исторических городов современными, высотными архитектурными сооружениями. Страны-участники Конвенции обязаны информировать Комитет обо всех проектах, которые могут нарушить визуальную целостность охраняемых объектов. В тех случаях, когда это не происходит или государство игнорирует рекомендации ЮНЕСКО, Комитет может исключить культурную ценность из списка Всемирного наследия.

С одной из этих проблем столкнулся Санкт-Петербург в 2010 году при подготовке к строительству делового квартала «Охта-центр». Проект вызвал недовольство жителей города, обществен-

ных организаций и только после вмешательства ЮНЕСКО и проведения международной экспертной встречи главой города было принято решение о переносе места строительства⁵.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия имеет основополагающее значение в вопросе сохранения культурных ценностей. В ее преамбуле подчеркивается важность защиты культурного наследия в современных условиях, связанных с изменяющимся социальным и экономическим укладом общества.

Однако она не является единственным международным документом, затрагивающим эту проблему. Ранее, в 1968 году, ЮНЕСКО были приняты рекомендации «О сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности, в результате проведения общественных или частных работ»⁶, в которых были высказаны идеи о необходимости охраны объектов культурного наследия от угроз, возникающих при ведении строительных и иных работ.

Среди принятых в последние годы международных документов в области сохранения культурных ценностей стоит отдельно выделить Конвенцию об охране нематериального культурного наследия 2003 г.⁷.

В данной Конвенции содержится термин «нематериальное культурное наследие», который означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Государства-участники Конвенции приняли на себя обязательства по охране нематериального культурного наследия; проведению политики, направленной на повышение роли нематериального культур-

---

⁵ Газета «Деловой Петербург» [Электронный ресурс] // URL: https://www.dp.ru/a/2011/06/07/Ohta_centra_bolshe_ne_vo.

⁶ Рекомендация ЮНЕСКО «О сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или иных частных работ» (Париж, 1968 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://art-con.ru/node/1719>.

⁷ Конвенция об охране нематериального культурного наследия (Париж, 2003 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml.

ного наследия (в том числе посредством проведения образовательных программ, направленных на повышение осведомленности о роли нематериального культурного наследия); созданию учреждений, занимающихся документацией по нематериальному культурному наследию и др.

Проблемой сохранения культурного наследия озабочено все мировое сообщество. По всему миру ведутся реестры и каталоги, проводится систематизация и инвентаризация памятников истории и культуры.

Неоценимый вклад в защиту культурного наследия вносят международные организации, действующие под эгидой Организации Объединенных наций, такие как ЮНЕСКО и Комитет всемирного наследия.

Культурные ценности играют важнейшую роль в жизни государства, развитии науки, обогащения культурной жизни, взаимного сотрудничества народов мира. Культурное наследие является национальным богатством каждого государства, от его сохранности зависит духовное здоровье нации.

На международном уровне сформированы основы для защиты культурных ценностей, что говорит о постепенном формировании в общественном сознании представления о важности их сохранения. И все же, на национальном уровне по-прежнему существуют проблемы с сохранением памятников истории и культуры.

В решении которых может помочь более пристальное внимание со стороны государства и общественных организаций, проведение политики, направленной на сохранение культурных ценностей и популяризацию их в обществе, в том числе среди молодежи, расширение сотрудничества государств.

Памятники истории и культуры дают представление о прошлом нашей страны, что дает обществу возможность гордиться своей нацией. Безответственное отношение к ним может привести к исчезновению тех ценностей, которые делают человека духовно богатым и одаренным. Последующие поколения вырастут с незнанием своего прошлого, своей истории и культуры, а как говорил великий историк В.О. Ключевский «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего...».

**НОВЫЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
ИСКАЖЁННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЙ ЗАПАДНЫХ СТРАН**

Андрей Васильевич Вахтеров

*начальник отдела Российского государственного
аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева
waw126410@mail.ru*

Год столетия Великой Октябрьской социалистической революции – весомый повод для осмысления событий, имевших значение всепланетного масштаба.

В последнее время в иностранных СМИ периодически поднимается вопрос о возмещении Россией ущерба, якобы нанесённого СССР в разный период некоторым странам.

А что Россия? В год празднования 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции уместно вспомнить о Гражданской войне, особенно о преступлениях, совершённых в бывшей Российской империи вооружёнными силами стран-интервентов.

Активную роль в оккупации северных территорий и Дальнего Востока России сыграли США и Великобритания. Решение об интервенции принималось в рамках плана «помощи русскому народу»¹. На самом деле интервенты, более правильный термин – оккупанты, преследовали две цели: захват, с последующим ограблением территорий и истребление населения.

На севере (территории современных Архангельской и Мурманской областей) оккупанты создали сеть лагерей и тюрем. Всего страны-интервенты: Англия, Канада, США содержали в местах за-

---

¹ Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 43.

ключения 52 тыс. человек, что составило 17 % от общего количества проживавших на данных территориях. Почти каждый 6-й житель оккупированных областей, прошёл через лагеря и тюрьмы².

Советский исследователь А.В. Берёзкин приводит свидетельства очевидцев тех событий. Узник одного из таких лагерей – врач Маршавин рассказывал: «Измученных, полуголодных, нас повели под конвоем англичан и американцев. Посадили в камеру не более 30 квадратных метров. А сидело в ней более 50 человек. Кормили исключительно плохо, многие умирали с голоду... Работать заставляли с 5 часов утра до 11 часов ночи. Сгруппированных по 4 человека, нас заставляли впрягаться в сани и возить дрова... Медицинская помощь совершенно не оказывалась. От избиений, холода, голода и непосильной 18–20-часовой работы ежедневно умирало 15–20 человек»³. Участник Р. Альбертсон писал в своей книге «Военные действия без войны»: «Мы применяли против большевиков химические снаряды. Уходя из деревень, мы устанавливали все подрывные ловушки, которые только могли придумать. Однажды мы расстреляли более 30 пленных...»⁴.

Для террора и подавления сопротивления на оккупированных территориях создавались военно-полевые суды, выносившие смертные приговоры пачками⁵. Оккупанты расстреляли 4000 человек по решению военно-полевых судов, количество «расстрелянных, утопленных, замученных без всякого суда»⁶ не поддается исчислению.

---

² Там же. С. 102.

³ Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 103.

⁴ «Правда Севера» от 19 февраля 1949 г. // Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 103.

⁵ Письмо генерала Пуля от 13.9.1918 г. / ГА РФ, ф. 16, оп. 1, д. 60, л. 39 // Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 103.

⁶ Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 103.

На Дальнем Востоке американцами, только в Амурской области «за связь с партизанами» уничтожено 25 сёл и деревень. Издевательства, более правильно – зверства американских солдат надолго запомнились в тех краях: «... истязали шомполами ... на изрубленные тела сыпали горячие угли ... Отрезав нос, уши, губы, выколол глаза, затем расстреляли ...»⁷.

Зверства англоязычных интервентов на Севере, белочехов в Сибири, американцев на Дальнем Востоке во многом способствовало тому, что коренное население этих регионов поддержало Советскую власть.

Эволюция мировоззрения российского крестьянства в сторону советской идеологии показана советским историком Ф.Ф. Нестеровым в книге «Связь времен».

После падения Советской власти на Дальнем Востоке «сторонников Советов всюду, куда доставал штык заокеанских «освободителей России», кололи, рубили, расстреливали партиями, вешали, топили в Амуре, увозили в пыточных «поездах смерти», морили голодом в концлагерях». Крестьяне зажиточного приморского села Казанка сначала не были готовы поддержать Советскую власть. Почему они все же после долгих сомнений пошли в партизанские отряды. Сыграли роль «рассказы соседей по прилавку о том, что на прошлой неделе американский матрос в порту застрелил русского мальчика... что местные жители должны теперь, когда в трамвай входит иностранный военный, вставать и уступать ему место..., что радиостанция на Русском острове передана американцам..., что в Хабаровске ежедневно расстреливают десятки пленных красногвардейцев»⁸.

Апофеозом стала карательная акция, проведённая 15 декабря 1918 г. интервентами и их пособниками. В конечном счете, жители Казанки, как и большинство русских людей в те годы, не выдержали унижения национального и человеческого достоинства, творимого

---

⁷ Воспоминания А. Савицкого: «Боевой путь» от 13.9.1950 г. // Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 122.

⁸ Нестеров Ф.Ф. Связь времён. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 280-285.

американскими и другими интервентами и их пособниками, и восстали, поддержав партизан Приморья⁹.

Масштабы разграбления оккупированных земель вызывали возмущение даже у представителей «ручной» администрации, набранной из представителей местного населения.

Управляющий канцелярией Отдела иностранных дел белого правительства Чайковского, сформированного в Архангельске, от 11 января 1919 г. свидетельствует: «... все, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году ... примерно на сумму 4 000 000 фунтов стерлингов»¹⁰.

При подготовке к Генуэзской конференции в 1922 г., Советская Россия оценила материальный ущерб от Гражданской войны и интервенции в 39044,97 млн золотых¹¹ рублей¹².

Созданное в ноябре 1923 г. «Общество содействия жертвам интервенции» собрало с 1924 г. к 1 июля 1927 г. свыше 1 млн 300 тыс. заявлений от советских граждан, зафиксировавших 111 тыс. 730 убийств и смертей, ответственность по которым несли интервенты¹³.

Осмысливая цифры, невольно задаёшься вопросом: кто-нибудь привлечён к ответственности за преступления, и хоть как-нибудь возмещен ущерб?

В качестве эксперимента разным категориям людей демонстрировались фотоматериалы и выдержки из документов, касающихся деятельности стран-интервентов во время Гражданской войны. Демонстрация проводилась при отсутствии на материалах и документах пояснительных надписей, комментариев и иных признаков, указывающих на временной период. Респондентов просили ответить: к какому периоду относятся представленные материалы?

---

⁹ Там же.

¹⁰ ГА РФ, д. 17, оп. 1, д. 5, л. 90 /«Правда Севера» от 19 февраля 1949 г. // Берёзкин А.В. США – активный участник и организатор военной интервенции против Советской России (1918-1920). М.: Политиздат, 1952. С. 105.

¹¹ Золотой рубль = 0,7742 г. чистого золота.

¹² Громько А.А., Хвостов В.М. Документы внешней политики СССР, 1922. М.: Полит. лит-ра, 1961. С. 293-294.

¹³ ГА, ф. Р-7628, оп. 11, д. 15984.

Практически все отнесли ко времени Великой Отечественной войны.

Примечательно здесь не то, что респонденты в своём большинстве не знали о рассматриваемых событиях. Представленные материалы о злодеяниях и нанесённом ущербе интервентами во время Гражданской войны и документальные свидетельства собранные Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)¹⁴, идентичные. Как говорится: найдите, даже не 10, а хотя бы пару отличий. Отличие только в одном – в масштабах зверств и ущерба.

Потери СССР в период Великой Отечественной войны составили:

- *людские потери*: боевые – 8668,4 тыс. человек, мирного населения – 13 млн 684 тыс. 692 человека (последние исследования – 16,5 млн чел.);

- *экономический ущерб*: 679 млрд руб., или 128 млрд долл.

Вернёмся к вопросу об ответственности за истребление мирного населения, совершённых военных преступлений и возмещении нанесённого материального ущерба.

Россия – инициатор многих международных пактов о правилах ведения войн, боевых действий и урегулирования международных конфликтов. До появления на политической арене Советской России вопрос об ответственности за совершённые военные преступления, в том числе по отношению к гражданскому населению, практически не ставился.

В вопросе возмещения материального ущерба практика сложилась давно по простому принципу: побеждённый платит за всё. С одной небольшой поправкой: вопрос возмещения нанесённого

---

¹⁴ Образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР» 1942 г. № 40. / Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г / под ред. к.ю.н. Мандельштам Ю. И. М.: Гос. Изд-во юрид. лит-ры, 1956. С. 96-98.

ущерба гражданам не ставился, государство платило по счетам государству.

Накануне Генуэзской конференции Специальный комитет экспертов, работавший в Лондоне в марте 1922 г., подготовил проект резолюции, согласно которой от Советской России требовалось признать все долги, финансовые обязательства всех прежних режимов России, принять на себя ответственность за все убытки от действий как советского, так и предшествующих ему правительств или местных властей.

В ответ представители советской делегации потребовали признания Советской республики и предоставления ей кредитов. Вопрос о т.н. «царских долгах» парировался готовностью рассмотреть возмещения ущерба бывшим иностранным собственникам¹⁵.

Вопрос о возмещении Республике Советов компенсации за ущерб нанесённый интервенцией остался без рассмотрения.

Философия западных стран, при всей её сложности и витиеватости – философия грабежа и насилия. Для оправдания своей неуёмной жажды наживы западная бюрократия в течение столетий вырабатывала и оттачивала арсенал всевозможных способов и уловок для решения основной задачи своего существования: ограбление окружающего мира и обеспечение спокойного и сытого существования себя любимой. В основе это арсенала лежит явление, получившее в современной политической жизни наименование – политика двойных стандартов. Само явление, в отличие от термина, не ново и имеет глубокие онтологические корни¹⁶.

С момента зарождения международного гуманитарного права, бюрократия ведущих западных стран, используя политику двойных стандартов, стремилась к искажённому толкованию и применению норм международного права. По итогам Первой мировой

---

¹⁵ Швецов А.А. Луис Фишер и советско-американские отношения первой половины XX века. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 32-33.

¹⁶ См. Вахтеров А.В. Фашинизация группового сознания бюрократии Европы – основной источник мировых конфликтов XX века и локальных военных конфликтов современности // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XIII международного конгресса «Блиценковские чтения», 11 апреля 2015 г. В 2-х частях. М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2015. Ч. II. С. 524-540.

войны – это политика международной изоляции одной или нескольких стран. Одна из причин изоляции СССР – отказ от выплаты долгов.

Проведение, с опорой на Лигу наций, политики изоляции отдельных стран имело обратных эффект и непредсказуемые последствия.

Оказавшаяся в условиях международной изоляции, Советская Россия заключила Рапалльский договор с такой же страной изолированной – Германией. Согласно условиям договора обе стороны отказывались от взаимных претензий и согласились строить торгово-экономические отношения на принципах наибольшего благоприятствования. В результате Советская Россия получила, согласно докладной записки Г.В. Чичерина, от 2.3.1922 г., 378 млн. рублей от национализации германского акционерного капитала¹⁷ (из 39044,97 млн).

Одностороннее, узкокорыстное использование норм международного права, политика изоляции имели печальные последствия.

В 1933 г. по инициативе А. Гитлера в Германии проведён референдум о выходе из Лиги нации. В 1938 г. из Лиги наций исключён Советский Союз. Мир покатился в пропасть под названием Вторая Мировая война.

Результатом очередной мировой бойни стал Нюрнбергский процесс – краеугольный камень в сфере практической реализации международного права в деле уголовного преследования за преступления против человечества.

Нюрнбергский трибунал, при всём своем значении, не сделал принцип неотвратимости уголовного преследования и наказания основным в международной правовой практике. В Нюрнберге судили и привлекли к ответственности верхушку гитлеровской Германии. Не подвергая сомнению всю тяжесть вины Гитлера, задайте вопрос: сколько человек он убил лично? Его судили вполне заслуженно, так же как и крупных функционеров его режима. А сколько простых исполнителей привлечено к ответственности?

---

¹⁷ Швецов А.А. Луис Фишер и советско-американские отношения первой половины XX века. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 32-33.

В 2010 году издательским домом «Вече» переиздано исследование Н. Мюллера «Вермахт и оккупация», в котором автор, немецкий исследователь и коммунист, подробно с указанием конкретных документов и фактов, доказал преступную сущность вермахта – послушного орудия и исполнителя преступных указаний германского фашиствующего милитаризма¹⁸.

Повторим вопрос: сколько простых исполнителей преступных приказов привлечено к ответственности? Исследования на эту тему не проводились, но и без этого понятно: из общей массы рядовых преступников, совершавших и совершающих военные преступления и осуществляющие геноцид, к ответственности привлекаются единицы.

По результатам окончания Великой Отечественной войны СССР удалось добиться компенсации за нанесённый ущерб. Но по репарациям, согласно различным источникам, СССР общей сложности получил 15,8 млрд. долларов (14 041 т. золота) или 4 % от общей суммы, нанесённого во время войны ущерба. В настоящее время Германия взяла на себя роль флагмана антироссийской европейской политики. Возвращаясь к вопросу претензий, предъявляемых к Российской Федерации, правопреемнику СССР, на примере, приведенных выше данных, с уверенностью можно утверждать: наличие доказательств, хранящихся в российских архивах, хватит для выдвижения юридически обоснованных встречных претензий.

При изучении материалов Нюрнбергского процесса заметно повышенное усердие англо-американских адвокатов, защищавших гитлеровский вермахт. В результате, несмотря на позицию советской стороны, ни вермахт, ни Генеральный штаб, ни Верховное командование вермахта (ОКВ) не были признаны преступными организациями. Подобное положение до сих пор вызывает массу вопросов у ряда исследователей.

Объяснение лежит на поверхности. Обессиленной Первой мировой войной английской бюрократии понадобился международный орган, способный дать время для восстановления военного потенциала и экономической мощи для последующей экспансии. Таким органом стала Лига наций. Одной Лиги оказалось мало, и

---

¹⁸ Более подробно см. Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М.: Издат. дом «Вече», 2010.

международная изоляция России провалилась. В этот момент на политической арене появляется чудовище Гитлер. Возвращённый англо-французской бюрократией, Гитлер быстро «сорвался с поводка» и набросился на своих создателей.

Англо-американская бюрократия учла опыт. После Второй мировой войны ставка была сделана не на страны и политические режимы, а на отдельные группы и социальные слои. Удобно иметь определённую категорию индивидуумов, готовых ради личной безопасности и благополучия на любые преступления. Тем более, что после военных конфликтов остаются «без работы» определённые специалисты, навыки которых можно использовать в дальнейшем. Достаточно вспомнить «опыт» использования бандеровского подполья в западных областях Украины, и создателя ракетно-космической техники США нацистского преступника Вернера фон Брауна.

Есть ещё одно обстоятельство. Американская интервенция в России в период Гражданской войны закончилась, среди прочего, и благодаря возмущению простых американцев. В отличие от собственной бюрократии американский обыватель кроме гробов с телами своих соотечественников, погибших в боях с Красной Армией и партизанами, от интервенции в России ничего не получил. Потери армии США во вьетнамской авантюре просто вызвали шок в обществе, получивший название «Вьетнамский синдром».

Учитывая эти обстоятельства, англо-американская бюрократия предпочитает иметь кого-то, кто выполнит бы грязную работу при расчистке плацдармов для дальнейшей экспансии. После Второй мировой войны бюрократии западных стран постепенно перешли от защиты отдельных беглецов от уголовного преследования, до формирования из них отрядов для решения специфических задач. Практику применения подобных отрядов хорошо показала современная действительность на примере «цветных революций»¹⁹.

---

¹⁹ См. Вахтеров А.В. Теория «управляемого хаоса»: международно-правовое измерение // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XIV международного конгресса «Блищенковские чтения», 16 апреля 2016 г. В 2-х частях. М.: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», 2016. Ч. I. С. 280-294.

Результат примерно тот же – в XX веке западные бюрократии взрастили Гитлера и нацистскую Германию, в XXI – радикальный исламский терроризм и ИГИЛ.

В Год экологии нельзя не упомянуть еще об одном моменте. В XX веке западные бюрократии к своим двум целям: захвату, с последующим ограблением территорий и истреблению населения добавили третью – уничтожение среды обитания.

По разным оценкам в 1960-е и 1970-е годы армия США во Вьетнаме вылила 72 млн литров дефолиантов Agent Orange («оранжевый реагент»), в том числе 44 млн литров, содержащих опаснейший яд – диоксин, оставив во Вьетнаме 10 % зараженной территории. Диоксин, оставаясь в почве, отравляет все живое. Период его распада, по некоторым данным, может достигать 500 лет. Всего во Вьетнаме около 4,8 млн. жертв диоксина, из них 3 млн. имеют тяжкие заболевания, существуют десятки интернатов, куда и сегодня поступают дети с врожденными уродствами и хромосомными аномалиями.

Ответственности за столь варварские методы ведения войны США не понесли. Дефолианты Agent Orange и диоксин не входят в перечни запрещенного химического оружия. Нет запрета – нет ответственности за их применение.

Подобная ситуация повторилась в 1993 г. при нападении на Югославию. Армия США применила боеприпасы с сердечниками из обеднённого урана. Последствия экологического ущерба ещё не оценены, но сведения о таких последствиях уже появились в СМИ. Снова никакой ответственности: применение ядерного оружия под запретом, использование боеприпасов с обеднённым ураном – нет.

Налицо подмена понятий: применение не запрещённых средств ведения войны с целью уничтожения большего количества гражданского населения, нанесение огромного материального ущерба, приведение в негодность среды обитания²⁰.

Искажённое толкование и применение западными бюрократиями норм международного гуманитарного права, укрывательство лиц, совершивших военные преступления и осуществлявших геноцид, предъявление необоснованных обвинений странам и народам

---

²⁰ См. Четвёртую Женевскую конвенцию и Дополнительный протокол 1977 г.

– звенья одной цепи. Избирательное применение ими принципов неотвратимости уголовного преследования и наказания, отказ в возмещении нанесенного гражданскому населению стран подвергшихся агрессии, порождает опасное чувство безнаказанности и вседозволенности.

Как результат, игнорирование и готовность к любому нарушению норм международного права, становится основой политического сознания западных бюрократий. Апофеозом подобного является выступление 6.04.2017 г. постпреда США при Совбезе ООН Никки Хейли: если ООН оказывается неспособной организовать коллективные действия, то «государствам приходится действовать самостоятельно»²¹.

Тенденции раскачивания системы международного гуманитарного права, уничтожения существующей системы международной безопасности – самая большая опасность мирному развитию и самому существованию мировой цивилизации на современном этапе.

Противостоять этой опасности можно при максимальной концентрации усилий по следующим направлениям.

1. Сохранение ООН. Нельзя допустить, чтобы её постигла участь Лиги Наций, что само по себе приведёт к обрушению всей системы международной безопасности.

2. Совершенствование системы противостояния любым попыткам действовать в обход решений ООН.

3. Добиваться неукоснительного соблюдения принципа неотвратимости наказания по отношению ко всем, совершившим военные преступления и преступления против гражданского населения, в том числе и к тем, кто оказывает покровительство преступникам.

4. Создание эффективных правовых механизмов возмещения ущерба, нанесённого странам-участницам военных конфликтов и их населению.

---

²¹ Сайт RT. URL: <https://russian.rt.com/world/news/375677-britaniya-ssha-resolutsya-siriya>.

5. В соответствии с положениями международных конвенций²² создать и развивать базу юридических доказательств по всем преступлениям против человечества и военным преступлениям, совершённым на территории воюющих сторон.

---

²² См. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, 1968 г.; Европейская конвенция неприменимости сроков давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям, 1974 г.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ
И КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА И
ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

Никита Сергеевич Грудинин

*канд. юрид. наук, доцент кафедры интеллектуальных прав
Московского технологического университета
nekit-07@mail.ru*

Проблема развития международного сотрудничества в области борьбы с преступностью в настоящее время является одной из наиболее актуальных в деятельности правоохранительных органов практически всех стран мира. С учётом того, что современная преступность приобрела качественно новые формы, усилилась её корыстная направленность, значительно возросло количество преступлений, имеющих международные связи, усилилось влияние международных организованных преступных групп, членами которых являются российские граждане и граждане стран Содружества Независимых Государств (далее СНГ), Российская Федерация нуждается в надёжной правовой базе противодействия международной преступности и деятельности международных организованных преступных групп. По нашему убеждению, позитивную роль в этом вопросе способно сыграть международное право.

Одними из наиболее опасных форм преступности являются коррупция, коррупционная и организованная преступность. Организованная преступность, затрагивающая государственный аппарат, безусловно, представляет повышенную общественную опасность и требует повышенного внимания правоохранительных и судебных органов любой страны.

Коррупционная преступность как социальное явление формируется под влиянием двух факторных групп:

- внешних (по отношению к коррупционной преступности) криминогенных факторов, т.е. экономических, социально-политических, правовых, организационных, социально-психологических, политических, технических, медико-социальных, экологических и других;

- внутренних факторов, т.е. уголовно-правового рецидива, криминального профессионализма, криминальной субкультуры и традиций.

На уровне государства коррупция стала угрожать национальной безопасности. Там, где бездействие общества и государства способствует проникновению коррупции во все сферы общества и институты государственной власти, государство становится неуправляемым, а преступность становится проблемой его безопасности.

Представляется, что раскрытие коррупционных преступлений, совершаемых международными преступными группами, требует постоянного повышения уровня взаимодействия правоохранительных органов различных государств, что невозможно без совершенствования законодательной базы, форм, способов и методов совместных действий. В этой связи особую актуальность приобрели процессуальные вопросы международного взаимодействия органов предварительного следствия России с аналогичными органами зарубежных стран.

Следует согласиться с А.В. Шашковой, утверждающей, что для того чтобы эффективно побороть коррупцию, необходимо сотрудничество в международных масштабах. Односторонние действия по вменению в вину какого-либо деяния, совершенного за пределами территории некоторой страны, легко делает данную страну уязвимой для критики по поводу ее вмешательства в дела другой страны, тем более если эти действия затрагивают высших иностранных политических сановников¹. Именно поэтому необходима прочная нормативно-правовая база противодействия коррупции, действующая на международном уровне.

---

¹ Шашкова А.В. Влияние европейской политики на изменение законодательства России по вопросам борьбы с корпоративной коррупцией // Политика, государство и право. 2015. № 8. С. 1–13.

В 1975 году проблема коррупции поднимается в Организации Объединённых Наций (далее ООН), и Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию «Меры против коррупции, практикуемые транснациональными и другими корпорациями, их посредниками и другими причастными к этому сторонами», которая осуждала всяческие коррупционные проявления, и в первую очередь, в деятельности транснациональных корпораций.

В 1994 году состоялась Всемирная конференция по организованной транснациональной преступности (Неаполь, 21-23 ноября), на которой были разработаны рекомендации по предупреждению отмывания денег и использования доходов от преступной деятельности и борьбе с ними, отражающие глобальный подход к этой проблеме, принят совместный план действий по борьбе против организованной преступности.

В 1997 году Генеральная Ассамблея ООН принимает резолюцию «Борьба с коррупцией», в которой коррупция представляется негативным социальным явлением, которое присуще не только транснациональным корпорациям, но и обществу в целом.

Наконец, в 2000 году принимается Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности², а в 2003 году – Конвенция ООН против коррупции (далее Конвенция 2003 года)³. Последний документ фиксирует принципы противодействия коррупции и регулирует механизм обмена информацией по предотвращению коррупционных преступлений. В настоящее время к Конвенции 2003 года присоединились 172 государства, в т.ч. и Россия.

К сожалению, Россия так и не ратифицировала ст. 20 Конвенции, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконное обогащение должностного лица, т.е. увеличение его активов при невозможности законным образом обосновать их превышение

---

² Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

³ Конвенция ООН против коррупции, принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

над его доходами. Представляется, что законодательное закрепление уголовной ответственности за незаконное обогащение должностного лица в Уголовном кодексе РФ – необходимое условие борьбы с коррупцией в стране.

Профилактика и пресечение организованной преступности, в том числе коррупционной, в настоящее время находятся под пристальным вниманием Совета Безопасности ООН, регулярно проводятся заседания его межведомственных комиссий.

Важную роль в этом играет Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1992 году рядом стран СНГ. В свете новых реалий он получил дополнительные импульсы к развитию и максимальной интеграции все большего количества участников. В это же время интеграционные процессы в сфере борьбы с глобальной преступностью не замыкаются рамками СНГ. Доказательством того служит деятельность Шанхайской организации сотрудничества, образованной 15 июня 2001 года.

Серьезная озабоченность и заинтересованность в успешной деятельности по обеспечению правовой безопасности мирового сообщества отражена и в международных правовых актах, таких, как Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка⁴, Международный кодекс поведения государственных должностных лиц⁵, доклад Генерального секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» на второй сессии Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и социального совета ООН в апреле 1993 года.

---

⁴ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 319–325.

⁵ Международный кодекс поведения государственных должностных лиц Принят 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=8590#0> (дата обращения 20 марта 2017 г.).

Рассмотрим более подробно нормативно-правовые основы международного сотрудничества государств в сфере борьбы с коррупционной преступностью. На современном этапе основная нормативная база рассматриваемого института имеет двухуровневую структуру: 1) внутригосударственное законодательство (конституционное, уголовное, уголовно-процессуальное); 2) международные акты (в частности, многосторонние и двусторонние межгосударственные соглашения, заключенные с участием РФ).

Важнейшим и первостепенным источником национального законодательства о противодействии коррупции является Конституция РФ. Она занимает высшую ступень в иерархии нормативных актов, признаёт и гарантирует важнейшие права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, и в соответствии с Конституцией определяются правовые средства и механизмы их защиты. Конституция РФ имеет исключительную важность для решения вопросов международно-правового сотрудничества⁶.

Данные положения являются основой для регулирования правоотношений в сфере международного сотрудничества по борьбе с преступностью отраслевыми законодательными актами, главными из которых, безусловно, являются УПК РФ и УК РФ. Так, УПК РФ в качестве отдельного раздела выделен институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, где закреплены основные положения о порядке взаимодействия следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями.

---

⁶ Карасёва Е.В., Крестинский М.В., Тамаев Р.С. Оказание правовой помощи в борьбе с международной организованной преступностью. Учебное пособие. М., 2005. С. 75.

Также можно выделить среди законодательной базы Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁷, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁸, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁹, подзаконные акты – Указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации международной полиции – Интерпола»¹⁰, Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О Координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»¹¹, ведомственные акты – Приказ Генерального прокурора РФ от 12 марта 2009 г. № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации», Указание Генеральной прокуратуры РФ от 18 октября 2008 г. № 212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно-опасные деяния, для проведения принудительного лечения», и др.

Международное сотрудничество при выявлении и раскрытии коррупционных преступлений затрагивает права и свободы человека. Поэтому правовой основой исследуемого вопроса являются Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года¹², Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от

---

⁷ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

⁸ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета от 30 декабря 2008 г. № 266.

⁹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

¹⁰ Указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации международной полиции – Интерпола» // СЗ РФ. 1996. Ст. 3895.

¹¹ Указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 «О Координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // Российская газета от 5 мая 1996 г. № 83.

¹² Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская

4 ноября 1950 года¹³, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года¹⁴.

Ряд положений Всеобщей декларации прав человека регламентирует права лиц, арестованных или находящихся под стражей до судебного разбирательства, права каждого быть защищенным от произвольного ареста и задержания, а также осуждение и запрет пыток, жестокого и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения, произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, посягательств на неприкосновенность жилища и тайну переписки. В декларации сформулированы принципы уголовного судопроизводства и уголовного права: презумпция невиновности и запрет применять новый уголовный закон к ранее совершенным деяниям, если он ухудшает положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Прямым развитием идей декларации явилась выработка пактов о правах человека, которые более подробно и детально определяют международные стандарты в этой области.

Главенствующее место среди международных соглашений, специально посвященных вопросам экстрадиции либо правовой помощи, занимают Европейская Конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 года¹⁵ и два Дополнительных протокола к ней от 15 октября 1975 года¹⁶ и от 17 марта 1978 года¹⁷, Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года¹⁸. Также

газета от 5 апреля 1995 г. № 67.

¹³ Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

¹⁵ ETS № 24, заключена в г. Париже 13 декабря 1957 г. // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

¹⁶ ETS № 86, подписан в г. Страсбурге 15 октября 1975 г. // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

¹⁷ ETS № 98, подписан в г. Страсбурге 17 марта 1978 г. // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.

¹⁸ ETS № 30, заключена в г. Страсбурге 20 апреля 1959 г. // СЗ РФ. 2000. № 23. Ст. 2349.

следует отметить Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (заключена 27 января 1999 года в г. Страсбурге)¹⁹.

С учетом положений названных Конвенций разработан и принят Федеральный закон от 28 ноября 2007 г. № 275-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»²⁰, направленный на приведение федерального законодательства в соответствие с международными обязательствами России в сфере борьбы с коррупцией, а также совершенствование правового механизма противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, в т.ч. в части борьбы с отмыванием коррупционных доходов²¹.

8 июня 1994 г. Российская Федерация подписала Декларацию о сотрудничестве с Организацией экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР) (*Organization for Economic Cooperation and Development – OECD*), начав процесс присоединения к Конвенции и вступления в Рабочую группу ОЭСР.

По мнению ряда авторов, Конвенция ОЭСР 1997 г. является частью более широкого международно-правового комплекса, включающего конвенции Совета Европы, а также Конвенцию ООН против коррупции. Они взаимно дополняют друг друга, что, позволяет утверждать о появлении тенденции к универсализации международно-правовых антикоррупционных стандартов²².

---

¹⁹ ETS № 173, заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г. // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

²⁰ Федеральный закон от 28 ноября 2007 г. № 275-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Парламентская газета от 11 декабря 2007 г. № 174-176.

²¹ Григорьев В.В. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17408#0> (дата обращения 22 марта 2017 г.).

²² Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / С.В. Борисов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов и др.; под ред. Т.Я.

Важнейшее место в системе международных правовых актов для России в связи с её геополитическим положением занимает Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена 22 января 1993 г. в г. Минске) (далее Минская конвенция 1993 г.)²³. Данная конвенция является первостепенным правовым актом, затрагивающим вопросы сотрудничества стран СНГ в данных направлениях.

Ценность Минской Конвенции 1993 г. в том, что она существенно восполняет пробелы российского уголовно-процессуального законодательства, регулируя отношения стран, тесно связанных геополитически и имеющих значительное сходство в национальных законодательствах и в построении систем правосудия. Все это в значительной степени облегчает оказание международно-правовой помощи, снижает число возникающих в этом процессе правовых коллизий. В этом смысле Минскую конвенцию 1993 г. можно считать моделью многостороннего соглашения о правовой помощи.

Продолжают систему международных соглашений многочисленные (их в настоящее время более 50) двусторонние межгосударственные договоры Российской Федерации. Например, Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче, подписанный в г. Москве 26 июня 1995 года²⁴, Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, подписанный в г. Москве 16 января 1998 года²⁵, Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Аме-

---

Хабриевой, А.В. Федорова. М.: ИЗИСП, 2015.

²³ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключена в г. Минске 22.01.1993 // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

²⁴ Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче, подписан в г. Москве 26 июня 1995 г. // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1668.

²⁵ Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, подписан в г. Москве 16 января 1998 г. // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3319.

рики о взаимной правовой помощи по уголовным делам, подписанный в г. Москве 17 июня 1999 года²⁶ и ряд других аналогичных соглашений.

Таким образом, некоторые договоры регулируют порядок выдачи лиц для уголовного преследования либо отбывания наказания, другие – предусматривают сотрудничество, взаимную правовую помощь государств по уголовным делам. Последние предусматривают не только порядок выдачи и передачи лиц, но и также и выполнение отдельных процессуальных действий на территории другого государства (правовая помощь).

Упущением международного права, возможно, является отсутствие специальных действенных контрольных механизмов, которые бы не только предоставляли мониторинг выполнения взятых на себя государствами, членами Конвенции 2003 года обязательств по борьбе с коррупцией и организованной преступностью в органах государственной власти, но и предлагали бы новые меры по противодействию коррупции, законодательные меры по ее предупреждению. Представляется, что взаимодействие между государствами в области противодействия коррупции и организованной преступности должно привести к ощутимому снижению ее уровня в обозримом будущем.

Таким образом, современное закрепление международного сотрудничества государств в сфере борьбы с коррупционной преступностью нуждается в своём дальнейшем совершенствовании. Необходимо не только последовательное развитие норм международного права, направленных на противодействие коррупции, но и их признание, соблюдение и имплементация в национальное российское законодательство. Полагаем, что также одних усилий Интерпола в противодействии организованной преступности и коррупции явно недостаточно: сегодня на повестке дня стоит вопрос о координации усилий всех государств в борьбе с коррупцией и организованной преступностью в органах государственной власти, международных организациях и транснациональных корпорациях на площадке ООН.

---

²⁶ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам, подписан в г. Москве 17 июня 1999 г. // СЗ РФ. 2002. № 47. Ст. 4635.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КАК УНИКАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ БОРЬБЫ С ТРЕМЯ КЛЮЧЕВЫМИ ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОСТИ

Антон Олегович Денисов

*студент юридического института
Российского университета дружбы народов*

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), начавшая свою деятельность в 2004 году после трехлетнего организационного периода, по международно-правовой классификации относится к межправительственным организациям регионального уровня, из чего следует, что ее международно-правовое измерение должно осуществляться в соответствии с главой VIII Устава ООН, где, в частности, говорится о том, что Устав ООН не препятствует существованию региональных органов и институтов для разрешения вопросов поддержания мира и безопасности при условии, что они подходят для решения таких вопросов на региональном уровне, а их деятельность совместима с целями и принципами ООН¹.

В настоящее время в различных регионах мира функционируют межправительственные организации сотрудничества регионального уровня, осуществляющие работу в сфере безопасности, такие как Организация американских государств, Лига арабских государств, Африканский союз (до 2002 г. – Организация африканского единства) и другие. Многие ученые относят к этой категории также организации межрегионального и субрегионального характера, такие как, например, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), НАТО².

---

¹ Устав Организации Объединенных Наций, п. 1 ст. 52. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата посещения 15.09.2017 г.).

² НАТО позиционирует себя в качестве организации «североатлантического региона».

В соответствии с п. 2 ст. 52 Устава ООН члены таких организаций должны приложить все усилия для достижения мирного разрешения споров при помощи соответствующих региональных органов до передачи этих споров в СБ ООН, наделенный универсальным и исключительным правом принятия решений в этой сфере.

Возникает логичный вопрос: в чем заключается отличие ШОС от других аналогичных организаций, какова ее специфика и в чем ее потенциал?

В различных зарубежных публикациях, авторы которых анализируют деятельность ШОС, в качестве ее уникальных черт выделяются участие 4 из 7 мировых ядерных держав, огромная территория и численность населения государств-членов, возможность параллельного развития экономического и военного направлений сотрудничества как базовых интересов Китая и России соответственно, широкий спектр задач и направлений деятельности, закрепленных в ст. 3 Хартии ШОС, и другое.

Однако в действительности перечисленное не отражает настоящей специфики Организации; более того, компетенция ШОС, закрепленная в уже упомянутой статье основного документа Организации, мало чем отличается от изложенного в учредительных документах других региональных организаций сотрудничества, за исключением одного направления – борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (вкуче с незаконным оборотом наркотиков и другими видами транснациональной преступной деятельности), являющегося стержнем объединения первого состава участников ШОС – «шанхайской пятерки».

Аналитики агентства «Stratfor» считают, что первоначальной целью создания ШОС было урегулирование территориальных споров между бывшими Советскими республиками и Китаем, а после решения этой проблемы Организация стала испытывать определенные трудности с «самоопределением» – поиском новых целей работы. Как считают в агентстве, в течение последнего десятилетия Россия и Китай, как наиболее влиятельные во всех отношениях члены Организации, придавали ей разнонаправленные импульсы³,

---

³ «*Moscow envisioned the organization evolving into a security alliance that rivaled NATO. Beijing, meanwhile, wanted to see the SCO become an economic platform from which it could expand its influence in Central Asia*» - Stratfor

в результате чего «охлаждения между двумя державами затормозили прогресс ШОС, и на протяжении многих лет члены Организации делали мало реальных успехов». И только относительно недавно усиливающаяся мировая и региональная нестабильность вынудила их сосредоточиться на борьбе с проявлениями «трех зол» – сепаратизма, экстремизма и терроризма⁴.

Стоит отметить, что борьба с упомянутой «триадой» проблем все же изначально и была ключевым направлением сотрудничества в рамках ШОС. Об этом говорят сразу несколько фактов. Так, первым совместным международным договором, принятым шанхайской пятеркой на основе Алма-Атинского совместного заявления от 3 июля 1998 года, Бишкекской декларации от 25 августа 1999 года, Душанбинской декларации от 5 июля 2000 года и Декларации о создании «Шанхайской организации сотрудничества» от 15 июня 2001 года была Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, по сей день не имеющая аналогов даже на универсальном уровне. Одним из ключевых органов в структуре ШОС является РАТС – Региональная антитеррористическая структура. «Мирная миссия» (совместные учения государств-членов, обычно проходящие на фоне ежегодного саммита Организации, на что часто обращает внимание пресса) имеет именно антитеррористический сценарий. Наконец, одним из итогов саммита ШОС 2017 года было принятие новой Конвенции ШОС по противодействию экстремизму, развивающей положения уже упомянутой Конвенции 2001 года. Именно в перечисленных «конструктивных» особенностях, определенных предназначением Шанхайской организации, и заключается ее уникальность. Акценты, сделанные в ходе Астанинского саммита ШОС 2017 года, позволяют говорить о том, что борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом не только была, но и продолжает быть стержнем Организации.

Кроме того, есть еще одна уникальная черта Организации, которой, однако, придают малое значение и на которую редко обращают внимание, считая чем-то второстепенным. ШОС объединяет

Worldview, Can the Shanghai Cooperation Organization Live Up to Its Name? 09/06/2017. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/can-shanghai-cooperation-organization-live-its-name> (дата посещения 15.09.2017 г.).

⁴ См. там же.

в себе страны региона, разделенного не только и не столько границами (и, соответственно, территориальными спорами), сколько глубочайшими культурными и религиозными различиями, проявляющимися во всех аспектах общественной жизни – от быта до государственного устройства и внешней политики. Упомянутые различия настолько значительны, что азиатский регион является единственным, где на сегодняшний день не существует регионального правозащитного механизма⁵, и, по мнению ученых, создание такого в регионе не только нецелесообразно, но и попросту невозможно ввиду отсутствия консенсуса даже в понимании универсальных правовых и правозащитных терминов⁶.

Возвращаясь к названной выше проблеме территориальных споров нельзя не затронуть тему вступления Индии и Пакистана в ШОС в этом году. Решение этих государств (несмотря на все противоречия и конфликты, причем не только между собой, но и с Китаем) стать партнерами и осуществлять совместную работу в рамках ШОС было продиктовано прежде всего именно интересами безопасности. Напомним, что эти три государства (Китай, Индия и Пакистан) вовлечены в давний территориальный спор, длящийся с 1947 года, уже не раз перераставший в открытые вооруженные конфликты, унесшие множество жизней (последние кровавые события произошли в 2016 году⁷). Речь идет о так называемом Кашмирском конфликте относительно территории бывшего княжества Джамму и Кашмир, формально считающейся индийским штатом, но фактически контролируемой тремя государствами – Пакистаном (северовосточные территории Азад Кашмир и Гилгит Балтистан), Индией (южная территория Джамму и Кашмир) и, наконец, Китаем, вступившим в этот конфликт ближе к середине 50-х годов (район Аксайчин и долина Шаксгама). Стоит отметить, что этот территориальный спор (в данном контексте – между Индией и Пакистаном)

---

⁵ В настоящее время в нашем мире существуют европейская, межамериканская и африканская системы защиты прав человека.

⁶ РАПСИ, 11/05/2011 URL: http://rapsinews.ru/international_publication/20150311/273311056.html (дата посещения 15.09.2017 г.).

⁷ Кашмирский вопрос в отношениях Индии и Пакистана. Досье. ТАСС: URL:<http://tass.ru/info/3668769> (дата посещения 15.09.2017 г.).

осложнен, как это нередко бывает в мировой политике, и религиозным фактором. Поскольку 67% населения Джамму и Кашмир составляют мусульмане, а 30% – индуисты, эта территория по вполне объяснимым причинам является «взрывоопасной», из-за чего всегда привлекала к себе экстремистские и террористические группировки, в том числе афганских моджахедов.

Не менее серьезным образом угрожает миру и безопасности в регионе напряженность на стыке границ Индии, Китая и Бутана – вокруг плато Доклам или Дунлан (в китайском варианте), куда летом этого года с обеих сторон было стянуто до трех тысяч военных после вытеснения индийскими войсками китайских военных инженеров, занимавшихся строительством шоссе от населенного пункта Чомо в южном направлении. Главы МИД и Минобороны КНР и Индии обменялись эмоциональными заявлениями, граничащими по остроте с угрозами. Эти события имели место по прошествии менее чем двух месяцев после саммита ШОС в Астане, участие в котором как раз впервые принимали присоединившиеся к Организации Индия и Пакистан⁸.

Кроме этого, камнем преткновения в отношениях Индии, Пакистана и Китая могут служить также ситуации вокруг ледника Сиачен, района озера Бангонг и региона Аруначал-Прадеш.

Однако, несмотря на перечисленные проблемы, противоречия и разногласия, упомянутые государства были «собраны» за столом переговоров в рамках Шанхайской организации, и, что важнее, в статусе ее постоянных членов, готовых выполнять взаимные обязательства.

К сближению Индию, Пакистан и Китай подталкивает также осознание того, что упомянутые конфликты и зоны напряженности являются их «уязвимостями». Наглядным примером того, как другие государства могут использовать такие «уязвимости» в своих интересах, являются активизировавшиеся в этом регионе политические «маневры» Вашингтона, чутко улавливающего любые скачки напряженности и по возможности использующего их в своих целях,

---

⁸ The Washington Post, “China and India are dangerously close to military conflict in the Himalayas”, By Annie Gowen and Simon Denyer August 17, URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата посещения 15.09.2017 г.).

в данном случае – для удержания темпов экономического роста Китая, который хотя и замедлил экономический рост, но по-прежнему стремительно догоняет Соединенные Штаты, а также для сдерживания Китая от начавшегося несколько лет назад укрепления экономических связей с Индией. Речь идет о «развороте» США от Пакистана к Индии, особо проявившемся в недавно произнесенной президентом США Д. Трампом речи на военной базе Арлингтон, посвященной афганскому вопросу, на что Китай уже некоторое время реагирует политикой сближения с Пакистаном. Такой «ответ» выгоден США потенциальной возможностью образования новых противостоящих «пар» в регионе: Китай и Пакистан – Индия и США.

Уже сегодня мы видим, что краткосрочный и среднесрочный выбор основного направления деятельности ШОС продиктован наиболее важными проблемами, стоящими на повестке дня государств региона. Следует предположить, что эта тенденция не изменится и в будущем при возможном расширении Организации.

На сегодняшний день государствами-наблюдателями в ШОС являются Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия, заявку на участие в качестве государств-наблюдателей подали Бангладеш, Сирия, Египет и Израиль, а статус партнера по диалогу получили Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка. И снова мы обращаем внимание на то, что трудно представить себе одновременный интерес и готовность к потенциальной совместной работе от перечисленных государств, когда речь идет не об организации универсального характера.

Не что иное, как глобальность проблем, борьба с которыми на данный момент является основной для ШОС, позволяет привлекать к совместной работе государства с различными политическими режимами, правовыми системами, культурными и религиозными особенностями, которые попросту неспособны объединиться при других обстоятельствах и по другому поводу. В данном контексте будет не лишним привести высказывание Председателя КНР Си Цзиньпина: «Члены ШОС создали новую модель международных отношений – партнерство вместо альянса»⁹. Оно одновременно

---

⁹ Xinhua, 09.11.2014 “Deeper SCO cooperation promises regional peace, development”. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2014xisco/2014-09/11/content_18583977.htm (дата посещения 15.09.2017 г.).

подчеркивает особые отношения равноправия и компромисса между настолько разными государствами и отсылает нас к извечному сравнению с военно-политическими блоками, такими как НАТО.

Также нельзя не заметить, что все перечисленные государства, за некоторыми исключениями, либо сталкивались в новейшей истории, либо переживают в данный момент и ведут борьбу с проявлениями «трёх зол» на своей территории или территориях сопредельных государств. Отметим также, что возможное принятие Сирии в состав Организации как единого целого в нынешних границах и активное содействие ей других членов в борьбе с не раз упомянутыми выше негативными явлениями могло бы ослабить угрозу распада этого государства, а возможно и вовсе отвести ее, отчасти стабилизовав вышедшую из под контроля обстановку на Ближнем Востоке, что имело бы не только региональное, но и глобальное геополитическое значение.

Говоря о нестабильности и угрозах терроризма и экстремизма, следует затронуть и так называемую «афганскую проблему». Известно, что основным «центром нестабильности» в центрально-азиатском регионе на сегодняшний день является Афганистан. По словам главы МИД России Сергея Лаврова, особо беспокоят попытки ИГИЛ закрепиться на севере Афганистана и пополнить свои ряды за счет боевиков из других террористических группировок¹⁰. Вывод же основной части контингента НАТО с территории Афганистана на фоне отсутствия каких-либо положительных достижений американской операции «Несокрушимая свобода» и других сопутствующих ей операций НАТО, означает только повышение и без того запредельного уровня угрозы для соседних государств. Озвученный недавно президентом США план оставить в

---

¹⁰ ТАСС 15.03.2017 URL: <http://tass.ru/politika/4096092> (дата посещения 15.09.2017 г.).

Афганистане американский контингент в ограниченном количестве¹¹ не внушает какой-либо надежды на стабилизацию ситуации в этом государстве.

Об этом же говорил и Президент РФ Владимир Путин на заседании Совета глав ШОС на саммите в Астане: «США и НАТО вот уже 15 лет ведут операции против талибов, однако военная и внутривнутриполитическая обстановка в Афганистане продолжает деградировать. Это является, пожалуй, самым серьезным источником угроз для безопасности региона Шанхайской организации сотрудничества». Он также предложил возобновить работу контактной группы ШОС – Афганистан, приостановленную в 2009 году¹².

В этой связи представляется, что именно ШОС не только может, а в силу объединения ключевых государств региона должна стать тем международным институтом, который будет оказывать цементирующий эффект на образовавшиеся в регионе разломы и пресекать внешние попытки «раскачать» и без того неустойчивую ситуацию.

История показывает, что решение проблем терроризма, сепаратизма и экстремизма невозможно исключительно силовым путем, а отсутствие какого-либо выбора свидетельствует о крайней запущенности ситуации, «терминальной стадии». К сожалению, из опыта прошлого в то же время следует, что проблемы азиатского региона не удалось решить иными путями на универсальном уровне, не помог в этом даже инструментарий ООН. И, казалось бы, если возможностей крупнейшей и влиятельнейшей международной межправительственной организации с исключительной компетенцией в области поддержания мира и безопасности не хватает для этого, то региональным объединениям это совершенно точно не под силу.

Но напомним, что ШОС является единственной организацией соответствующего профиля в мире и такого, как уже было сказано,

---

¹¹ The Guardian, 22.08.2017, «Trump to expand US military intervention in Afghanistan» URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/aug/21/donald-trump-expand-us-military-intervention-afghanistan-pakistan> (дата посещения 15.09.2017 г.).

¹² ТАСС 09.06.2017 URL: <http://tass.ru/politika/4325844> (дата посещения 15.09.2017 г.).

масштаба в регионе. Возможно, именно она способна стать той «площадкой» для переговоров, круглым столом для поиска ответов на региональные вызовы и угрозы. Удачное решение, найденное на региональном уровне, может способствовать переносу успешного опыта и на универсальный.

Ответ на извечные вопросы – кого считать террористами, экстремистами и сепаратистами, как объединить усилия для борьбы с проявлениями этой триады на любой территории, как своей, так и чужой, вместо использования их в качестве рычагов геополитического давления, – позволит не только отвести уже существующую угрозу, но и предотвратить будущие конфликты.

«ПРАВО СИЛЫ» В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СУВЕРЕННОГО РАВЕНСТВА ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Алина Михайловна Коваленко

*студент Московского государственного института
международных отношений МИД России
090498@rambler.ru*

Вопрос применения силы тем или иным субъектом международного права всегда вызывал огромный резонанс у всего международного сообщества. Ведь любая сила представляет собой угрозу международной безопасности и международному правопорядку. Поэтому с 1922 г. в рамках Лиги Наций и впоследствии в Уставе Организации Объединенных Наций (далее – ООН) появляется термин *коллективная безопасность*. Он представляет систему совместных действий государств, которые предпринимаются ими в целях предотвращения и устранения угрозы миру; противодействие актам агрессии или другим нарушениям мира и безопасности. Но неизбежно возникает вопрос, каким образом путем применения силы можно соблюсти положения той самой концепции коллективной безопасности и достичь мирного существования.

В теории международного права существуют фундаментальные принципы, на основе которых строится вся система международного права. Они закреплены как в Уставе ООН, так и в таких документах как: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 года и Хельсинском заключительном акте 1975 года. Каждый из принципов представляет собой *jus cogens*, то есть императивную норму, отступление от которой является недопустимым. Вместе с тем следует упомянуть существующую концепцию *erga omnes* – обязательств в отношении всего мирового сообщества, в отношении каждого из его участников. Вытекают подобные обязательства именно из императивных норм, то есть, в нашем случае,

защита и следование основополагающим руководящим правовым началам является обязанностью всех членов международного сообщества.

Один из этих принципов как раз наиболее точно характеризует вопрос применения силы государствами и устанавливает, что: «Каждое государство воздерживается от угрозы силой или ее применения...»¹. Однако трудности возникают именно из-за того, что этот принцип, в конечном счете, не является абсолютным в отношении существующей международно-правовой практики. В результате этого подвергается ущемлению еще один важнейший принцип международного права, провозглашающий суверенное равенство всех государств.

Согласно Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН: «Все государства пользуются суверенным равенством», имея при этом равные права и обязанности, являясь равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера². Также помимо провозглашения юридического равенства государств, указывается обязанность уважать правосубъектность других государств, не нарушать их территориальную целостность, политическую независимость. Помимо этого безусловным является полное и добросовестное выполнение своих международных обязательств и поддержание мира с другими государствами. Однако как же эти обязанности соотносятся с исключениями, позволяющими применять силу при действительности принципа *par in parem non habet imperium*? Попробуем посмотреть на это посредством более тщательного рассмотрения исключений.

---

¹ Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945, с изм. и доп. от 31.12.1978) // Действующее международное право. Т. 1.- М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7 - 33.

² Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 22 октября 1970.

Среди этих исключений можно выделить легально закрепленные, а также концепции, сложившиеся на практике и в теории международного права. На основе главы VII Устава ООН можно выделить два исключения, которые, соответственно, являются юридически установленными. Первое из них закреплено в статьях 39-43, указывая на право государств использовать вооруженные силы с санкции Совета Безопасности (далее используется аббревиатура – СБ ООН). В случае существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии СБ ООН принимает решение о дальнейших действиях для искоренения и предотвращения ухудшения ситуации. Только при условии недостаточности мирных средств, СБ ООН может уполномочить государства применить воздушные, морские или сухопутные силы, необходимые для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Мы понимаем, что главнейшим органом в сфере международной безопасности, грубо говоря, дает легальную санкцию на нарушение принципа суверенного равенства. Однако нельзя не понимать цели, ради которых приходится уже в крайней степени делать некоторые изъятия из него.

Второе из таких исключений установлено в статье 51 Устава, провозглашая неотъемлемое право государств на самооборону. Сохранение этого права, безусловно, необходимо для поддержания международного мира и безопасности и защиты государств от неотвратимой угрозы атаки со стороны других государств. Статья 51 Устава ООН устанавливает, что: «Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения на Члена Организации». Однако ни в одном международном документе не существует характеристики понятия *вооруженного нападения*, что вызывает многочисленные разногласия по поводу его толкования и использования права на самооборону на практике. Наиболее затруднительным вопросом в контексте проблемы отсутствия определения *вооруженного нападения* является вопрос содержания *ratio personae*. Кто же может выступать субъектом такого нападения? Существует огромное количество мнений по данному вопросу. Так как в самой статье отсутствует какое-либо объяснение субъекта вооруженного нападения, многие ученые пытаются предоставить *jus ad bellum* не

только суверенным государствам, но и негосударственным субъектам, которые также представляют значительную угрозу для мирового порядка. Но все же по данному вопросу можно выделить несколько позиций. Во-первых, в доктрине международного права зачастую утверждается, что сам запрет угрозы силой или ее применение носит исключительно межгосударственный характер. То есть, статья 2 Устава ООН, связывает только членов ООН в запрете угрозы силой или ее применения. Поэтому действия незаконных вооруженных формирований, террористических организаций и других субъектов не могут быть квалифицированы как применение силы в смысле этой статьи. Более того, непосредственно нарушение суверенитета государства может произойти лишь как итог акта государства и, как следствие, нарушения суверенного равенства государств, что никоим образом не может быть совершено посредством действий простых лиц или группы лиц. Во-вторых, существует позиция, согласно которой за действия, осуществляемые какими-либо лицами или негосударственными субъектами, должно отвечать государство их принадлежности. Но, с другой стороны, является очевидным, что на государство нельзя наложить ответственность за то, что оно не могло контролировать по отношению к своим гражданам или к своей территории.

Также немаловажным является затрагивание данного вопроса в Резолюциях № 1368 и 1373 Совета Безопасности. В них СБ ООН напоминает о существовании права государств на самооборону и подтверждает, что любой акт терроризма, совершенный, соответственно, террористической организацией либо же в форме более простого формирования – группой лиц или индивидуумом - представляет угрозу для международного мира и безопасности и, как следствие, признает право государств на защиту от него.

Но признание *ad hoc* того, что террористические атаки могут расцениваться в качестве вооруженных нападений, не уравнивает при этом статус государств-агрессоров и негосударственных субъектов. То есть, даже если и отождествить теракт и агрессию, в первом случае отсутствуют достаточные критерии для признания его достаточным для применения права на самооборону. Вывод, к которому можно прийти в результате анализа всех позиции, представляется в том, что главным субъектом действий, порождающих право на самооборону, выступают именно государства-агрессоры. Однако в

случае, если негосударственный актор применяет силу непосредственно под контролем или по указаниям определенного государства, то именно оно будет отвечать за эти действия. Недопущение государствами использования своей территории, ресурсом для противоправной деятельности закреплено в международном праве. В случае же самостоятельного осуществления противоправных нападений, лица или группы отвечают соответственно. Но здесь не может идти речи о применении норм права международной безопасности. Меры, применимые к ним будут считаться специальными в рамках правоохранительной деятельности того или иного государства. То есть, в таком случае должно происходить сотрудничество между всеми государствами, в том числе с теми, на территории которых, возможно, действуют негосударственные субъекты. И, следовательно, полностью уважая их суверенитет и принцип равенства, совместно вставать на борьбу против агрессии.

Право на самооборону отличается особенной вариативностью содержания, которую зачастую пытаются в него привнести ученые и исследователи со всего мира. Ведь представляется очевидным, что в ходе любого конфликта при предоставлении подобной свободы государству-жертве могут быть ущемлены права других государств. Формулировка, которая установлена в Уставе ООН, является крайне неоднозначной, что создает возможности для различного толкования ее содержания. Однако необходимо отметить, что при этом немедленное сообщение о возникновении конфликта и о применении вооруженной силы в рамках самообороны в СБ ООН является абсолютным условием. Получение изначальной санкции на использование силы не требуется в связи с тем, что любое промедление в отражении атаки на государство может привести к непомерным потерям и необратимым последствиям.

В первую очередь, по Декларации «Об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой и ее применения в международных отношениях» 1987 года существуют понятия индивидуальной и коллективной самообороны. Под индивидуальной самообороной понимаются «ответные вооруженные действия государства, предпринимаемые им для защиты или восстановления своей политической независимости и территориальной неприкосновенности, нарушенных другим государством путем вооруженного нападе-

ния»³. С другой же стороны, коллективная самооборона представляет собой те же действия, но со стороны международной организации или союза государств. В ее основе лежат взаимные обязательства государств в сфере безопасности. Но неизменным условием осуществления коллективной самообороны, что подтверждается заключением Международного суда ООН по делу «Никарагуа против США», является запрос об этом первоначального государства-жертвы. «Требование запроса государства-жертвы инкриминируемого нападения – является дополнительным к требованию того, чтобы это государство само заявило о нападении»⁴.

Однако в применении данного понятия возникают проблемы. Например, проблемы определения основания для осуществления коллективной самообороны, а также определения масштабов этой ответной реакции на действия агрессора. Отвечая на первый вопрос, основанием можно считать непосредственно агрессию со стороны какого-либо субъекта, а именно «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении»⁵. Агрессией могут быть квалифицированы такие действия, как военная оккупация, бомбардировка территории, блокада портов, формирование и засылка вооруженных банд и другие акты. То есть, применять коллективную силу можно лишь в ответ на наиболее тяжкие нарушения прав государств, возникающие в результате вооруженных атак. Но можно ли применять силу в ответ на угрозу применения силы? На этот вопрос мы попытаемся ответить в рамках описания следующей формы самообороны – упреждающей самообороны⁶.

---

³ Скакунов Э.И. Самооборона в международном праве. М.: Международные отношения, 1973. С. 12.

⁴ Лукашук И.И. Международное право. М.: Издательство БЕК, 1996. С. 252.

⁵ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года.

⁶ Московский журнал Международного права, статья Загайнова Е.Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права, Издательство: Международные отношения, выпуск №2(62) 2006.

Согласно статье 51 Устава государства имеют права лишь отразить вооруженное нападение в целях защиты собственной территориальной целостности, политической независимости, граждан и тд. Как мы можем наблюдать, упоминания об угрозе в данной статье нет. Профессор Юрий Михайлович Колосов считает, что в случае применения государством лишь мер экономического и политического порядка, обозначая при этом угрозу другому государству, последнее может прибегнуть к ответным мерам лишь при соблюдении принципа соразмерности⁷. Прибегать сразу же к применению силы для отражения готовящейся атаки запрещено. Однако в западной доктрине не так давно появились понятия упреждающей и превентивной самообороны. Первая – preemptive – представляет собой реакцию на неминуемую угрозу вооруженной атаки. Вторая – preventive – и вовсе считается обороной в целях предотвращения потенциальной, только лишь формирующейся угрозы. Авторы, выделяющие упреждающую и превентивную оборону в качестве существующих (Д. Боуэтт, Дж. Стоун, С. Швебель, Р. Хингис), приводят ряд аргументов. В первую очередь, они считают, что даже если упреждающая оборона прямо не упоминается в статье 51, существование этого понятия на практике с 20 века подтверждает ее действительность. Например, как произошло в деле Caroline, когда британцы были вынуждены уничтожить пароход США, загруженный оружием и повстанцами, для того чтобы избежать свержения собственного правительства в Канаде. «Неотложная и непреодолимая необходимость, не оставляющая ни возможности выбора средств, ни времени на размышление»⁸. Таким образом предложил охарактеризовать этот инцидент Государственный Секретарь США Дэниел Уэбстер. Но при этом видные ученые, придерживающиеся противоположной точки зрения, не оправдывая применение упреждающей самообороны, считают совершенно иначе. В эту группу исследователей входят и Дж. Кунц, и Ф. Джессоп, Х. Лаутерпахт,

---

⁷ Международное право / Отв. Ред. Ю.М. Колосов, И.Г. Кузнецов. М.: Международные отношения, 1998. С.37.

⁸ Howard Jones, Letter from Mr. Webster to Lord Ashburton Treaty: A Study in Anglo-American Relations, 1783-1843 University of North Carolina Press, 1977.

Я. Броунли. Они считают, что поддержка существования упреждающей самообороны по обычному праву означала бы, что четко сформулированное положение международного договора не имело бы никакой силы вместе с параллельно существующим обычным правом. И, таким образом, они утверждают, что «Устав ООН уже структурировал сложившееся понимание этого обычного права»⁹. Поэтому аргумент первой группы о необходимости толкования договорной нормы таким образом, чтобы обеспечивать ее максимальную эффективность, также является несостоятельным. Но, с другой стороны, непризнание права на упреждающую самооборону означало бы требование международным правом и непосредственно ООН от государства дожидаться атаки, имея возможность предотвратить ее до материализации.

В результате, ученые попытались разрешить этот вопрос, оттолкнувшись от момента начала нападения. Й. Динштейн вместо концепции упреждающей самообороны предложил так называемую *interceptive self-defense* – перехватывающую самооборону. Эта концепция предполагает существование необратимой угрозы, неминуемого нападения. Поэтому начать какие-либо ответные действия можно лишь тогда, когда атака уже началась. Однако нельзя не согласиться с Р. Мюллерсоном, что «сегодня в контексте самообороны от нападений террористов превентивные меры оправданы»¹⁰.

На основе всех доводов, приведенных о праве на самооборону, необходимо сделать вывод, что данное понятие, будучи, в первую очередь, достаточно слабо сформулированным в международном праве, с течением времени значительно меняется в зависимости от изменений в мире. В результате возникновения новых угроз и вызовов необходим поиск новых эффективных методов реализации защиты, которые одновременно будут ограждать государства от бесчеловечных агрессий, но и также сохранять международный порядок, поддерживаемый международным правом.

---

⁹ Brownlie I. *International law and the use of force by states*, Oxford, Clarendon Press, 1963. P. 274-275; Bryde B.O. *Self-defence. Part One*, United Nations, New York. P. 67.

¹⁰ Müllerson R. *The law of use of force at the turn of the Millennia*. In: *Baltic Yearbook of International Law*, vol. 3, 2003, Martinus Nijhoff Publishers, Leiden/Boston. P. 214-215.

Далее следует продолжить характеризовать «право силы» и его сущностные содержания. Помимо ранее приведенных легально закрепленных случаев разрешения применения силы, следует описать концепции, возникшие в результате практики применения силы и в теории международного права. На протяжении всей истории, подверженной постоянным войнам и конфликтам, в ходе которых и применяются вооруженные силы, государства пытались преподнести явную агрессию под видом оправданных и разрешенных действий.

В первую очередь, следует отметить существование концепции «гуманитарной интервенции», к применению которой государства прибегали не раз в истории. Появление этого термина явилось следствием необходимости для западных стран оправдать применение вооруженной силы против другого государства вопреки воле его правительства. Со времен возникновения Организации Объединенных Наций одной из основополагающих целей в жизни всего международного сообщества является: «...поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Впрочем, несмотря на равную ценность всех закрепленных принципов, с течением времени среди остальных стали выделять именно принцип уважения прав человека и основных свобод. И, ставя своей целью «...прекращение или предотвращение крупномасштабных, серьезных нарушений основных прав человека...»¹¹, государства вмешиваются во внутреннюю компетенцию государств. В конечном итоге термин *гуманитарная интервенция* можно понимать как: «применение вооруженной силы одним государством или группой государств против другого государства для защиты прав человека – граждан этой страны, то есть защиты прав населения на территории другого государства без его согласия»¹². В качестве примеров использования этой концепции

---

¹¹ The Use of Force for Humanitarian Purposes / Enforcement Action for Humanitarian Purposes and Humanitarian Intervention // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy and Advisory Committee on Issues of Public International Law. Report No. 15. The Hague, 18 June. 1992. P. 4.

¹² Статья Хлестова О.Н. «Понятие гуманитарной интервенции» в сборнике Черниченко С. В. «Современное международное право: Теория и

можно привести действия Бельгии в 1960 г. в Конго для защиты находившихся там и ее граждан, и граждан других государств. Еще более ярким примером является проводимая в 1998-1999 гг. операция США в ходе Косовской войны. За 79 дней экономика Югославии была практически полностью разрушена, пострадали тысячи и тысячи мирных жителей, были разрушены многочисленные инфраструктурные объекты. Но исходными целями этого вмешательства объявлялась именно помощь населению Югославии, Сербии и Косово в борьбе с текущими нескончаемыми нарушениями их прав и свобод.

В сущности, концепция гуманитарной интервенции должна заключаться в проведении двух этапов действий. Первый – силовой. В рамках него как раз и допускается применение вооруженной силы. Но истинная, первоначальная цель вмешательства в дела другого государства заключается во втором этапе. Состоит она в содействии социальному развитию страны и искоренении тех причин, которые влекут за собой нарушения прав. Тем не менее, гуманитарная интервенция - это не что иное, как оправдание вторжения в другое государство. В рамках операций ООН по поддержанию мира речь всегда идет именно о гуманитарных целях, и в результате некоторые государства пытаются оправдать свои неправомерные действия по использованию вооруженных сил, подрывающих международную безопасность, теми же гуманитарными целями. «В действительности же все интервенции того времени происходили в политических целях, далеких от идей гуманизма»¹³. В связи с этим необходимо разграничивать действия государств, замаскированные понятием *гуманитарной интервенции* и использование вооруженных сил на территории иностранных государств, имеющего гуманитарный характер.

Еще одной существующей в теории и науке концепцией считается концепция «responsibility to protect». Ее идея состоит в том, что каждое государство в рамках своего суверенитета обладает не только правом полностью осуществлять контроль над своими внутренними делами, но и обязанностью защищать своих граждан. В

практика. Contemporary international law. Theory and practice», издательство Оригинал-Макет, 2015.

¹³ Brownlie, J. International Law and the use of force by states / J. Brownlie. – Oxford, 1963.

той ситуации, когда государство уже не может защитить свое население от массовых нарушений прав, эта обязанность переходит на международное сообщество. Действительно, не установлены рамки ограничений на действия международного сообщества, однако все же военная интервенция рассматривается в качестве крайней меры. Эта концепция развивалась на протяжении достаточно продолжительного времени, однако впервые официально была упомянута в 2001 г. в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета. Далее эта идея упоминалась в 2004 г. в докладах «Группы высокого уровня по вопросу о слаженности в системе ООН», созданной Кофи Аннаном; в 2009 г. в докладе Генерального секретаря ООН Генеральной Ассамблее «Implementing the responsibility to protect». Но то, что является более важным – принцип «обязанности по защите» был формально закреплен и официально признан государствами-членами ООН. Документ был принят в ходе Всемирного саммита Организации Объединенных Наций в 2005 г. и впоследствии был подтвержден в резолюции Совет Безопасности 1674(2006).

Одним из примеров реализации данной концепции является Операция НАТО в Ливии. Кровавые бомбардировки гражданских объектов, массовая гибель мирных жителей, полная свобода действий. Поэтому в своей речи на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Бразилии Дилма Руссефф отметила: «Много уже сказано о концепции «ответственности по защите», однако при этом вскользь упоминается концепция «ответственности во время защиты». Они непременно должны развиваться одновременно¹⁴». (перевод автора - Коваленко А.)

Поэтому следующим возможным предлогом применения силы следует упомянуть теорию «responsibility while protecting». Эта концепция стала дополняющей к ранее существовавшей «ответственности по защите». Она несла в себе идею предотвращения массовой гибели мирных жителей во время вмешательств и некоторого ограничения действий третьих государств. Главными положениями

---

¹⁴ Speech given by President Dilma Rouseff during the general debate, opening the 66th UN General Assembly, 21 September 2011, <http://www.un.int/brazil/speech/11d-Pr-Dilma-Rouseff-openingof-the-66th-genernal-assembly.html>.

данной концепции являются: строгое соответствие действий принципам и нормам, установленным международным правом; использование по большей части мирных средств обеспечения безопасности; использование мер превентивной дипломатии; применение вооруженных сил только в крайних мерах и только с санкции Совета Безопасности ООН.

Последним подходом, применяющимся к понятию «право силы», является «responsible protection», который был разработан Жуанем Цзунцзэ, заместителем директора Китайского института международных проблем при Министерстве иностранных дел Китая. Сущность этой концепции заключается в нескольких положениях. Во-первых, при применении любой силы необходимо ясное понимание того, кто выступает объектом защиты: гражданское население государства, мир и стабильность близлежащих регионов. Во-вторых, любые действия по защите должны быть санкционированы Советом Безопасности. В-третьих, необходимо полное исчерпание всех мирных и дипломатических средств защиты, после чего уже возникает возможность применения вооруженных сил. И, наконец, наиважнейшей стадией защиты будет являться предотвращение нарушений прав человека, а также восстановление государства после произведенных действий по защите.

Подводя итог всем приведенным мнениям и подходам, необходимо признать, что принцип неприменения силы или угрозы ее с течением истории перестал носить абсолютный характер. Но при этом нельзя не отметить, что многие исключения носят официально признанный характер и их внесение в международные документы и введение в международную практику стало крайней необходимости ввиду всех угроз и нарушений прав, который существуют и поныне. Поэтому приходится констатировать, что все государства-члены ООН самостоятельными решениями согласились ограничить свой суверенитет и передать его часть Совету Безопасности. Только такими средствами может быть достигнут общий мир и стабильность безопасности на всей планете. Поэтому, как и закладывалось во всех международных документах, все принципы тесно взаимодействуют между собой, порой входя в сферу действия друг друга, и могут эффективно применяться только совместно. Но что касается ситуаций применения силы в тех случаях, когда государства лишь

пытаются прикрыть и оправдать это, действуя при этом в нарушение всеобщей безопасности, необходимо быть уверенным в том, что каждый подобный прецедент находится под пристальным наблюдением в СБ ООН в целях принятия действенных мер и санкций для сохранения мира и порядка.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ
ЖЕРТВАМ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ**

Анастасия Алексеевна Козлова

*адъюнкт второго года обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
nastena.kozlova.14@mail.ru*

В данной статье исследуются актуальные вопросы, связанные с международным сотрудничеством в сфере оказания помощи жертвам незаконного оборота человеческих органов, в соответствии с общепризнанными нормами международного права и международными соглашениями государств. Автор приводит основополагающие документы в указанной области.

Незаконный оборот человеческих органов стал быстро развивающимся бизнесом XXI века в глобальном масштабе, который нарушает основные свободы, права человека и достоинство и представляет собой прямую угрозу здоровью, физической целостности, свободе, а также зачастую и самой жизни людей.

В марте 2017 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая на заседании Совета Безопасности ООН, подчеркнул, что на «черных рынках» процветает торговля не только людьми, но и человеческими органами¹.

Достижения в области хирургии и лекарственной терапии, такие как разработка иммуносупрессивных лекарственных средств, позволили проводить успешную трансплантацию органов, спасая

---

¹ Рынки рабов, сексуальная эксплуатация женщин и детей - реальность современных конфликтов // Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story> (дата обращения: 15.03.2017 г.).

бесчисленное число жизней во всем мире². К сожалению, критическим фактором является острая нехватка донорских органов, используемых для трансплантации.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, почки составляют 75% всего органаооборота в мире, но спрос на них значительно превышает их предложение. В любой отдельно взятый момент времени только в странах Западной Европы почти 40 000 пациентов ожидают почку для пересадки, а количество трупных доноров во всей Европе стабильно составляет примерно 5000 в год³.

Дефицит человеческих органов является коренной причиной незаконной торговли человеческими органами, что сопряжено с риском эксплуатации доноров и важными проблемами безопасности для реципиентов.

В 2011 году было подсчитано, что торговля органами человека приносит от 600 миллионов долларов до 1,2 миллиарда долларов в год незаконной прибыли⁴.

Вызовы нового тысячелетия, одним из которых является незаконный оборот человеческих органов, свидетельствуют о необходимости укрепления и расширения межгосударственного сотрудничества в борьбе с таким видом транснациональной преступности, поскольку только совместными действиями и усилиями государства смогут достичь весомых результатов.

В Резолюции 59/156 от 20. 12. 2004 г. «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него», Генеральная Ассамблея ООН выразила сожаление о том, что незаконный оборот органов человека, где бы он ни совершался,

---

² Доклад Секретариата от 5 декабря 2014 г. «Кровь и продукция медицинского назначения человеческого происхождения» // Сайт Всемирной Организации Здравоохранения. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/252084/1/B136_32-ru.pdf?ua=1.

³ Доклад Секретариата от 5 декабря 2014 г. «Кровь и продукция медицинского назначения человеческого происхождения» // Сайт Всемирной Организации Здравоохранения. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/>(дата обращения: 15.01.2017 г.).

⁴ J. Haken, «Transnational Crime in the Developing World» (Washington DC: Global Financial Integrity, 2011).

представляет собой серьезное нарушение прав человека, включая право на физическую неприкосновенность, жертв такого оборота⁵.

Защита жертв и оказание им помощи – это первостепенная обязанность государств, которая должна учитываться во всех видах мероприятий в отношении фактических и потенциальных жертв.

Важным международным документом, закрепившим правовое положение личности в обществе и во взаимоотношениях с государством, является Всеобщая декларация прав человека, принятая и провозглашенная резолюцией № 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года⁶.

Стремясь придать Декларации большую юридическую силу, и распространить ее действие на территории всех цивилизованных стран-членов Совета Европы, правительства этих государств 4 ноября 1950 года подписали Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о защите прав человека). Раздел I данной Конвенции закрепил и детально разъяснил основные, неотъемлемые и неотчуждаемые права и свободы, присущие каждому человеку от рождения. Помимо закрепления основных прав и свобод Раздел II Конвенции содержит положения о создании Европейского суда по правам человека⁷. Основанный в 1959 году, Европейский суд по правам человека является главным судебным органом Совета Европы. Главной целью создания и функционирования Европейского Суда является обеспечение соблюдения прав и свобод людей и организаций, закрепленных в Конвенции. Благодаря Европейскому Суду Конвенция является «живым инструментом». Европейский Суд, рассматривая различные дела, конкретизи-

---

⁵ Резолюция 59/156 от 20 декабря 2004 г. «Предупреждение незаконного оборота органов человека, борьба с ним и наказание за него». // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения: 15.01.2017 г.).

⁶ Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 25.03.2017 г.).

⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. // Официальный Сайт Совета Европы. URL. <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/> (дата обращения: 26.03.2017 г.).

рует, уточняет, а в чем-то и расширяет нормативное содержание защищаемых Конвенцией прав человека. Примером таких решений являются дела в области трансплантологии и донорства. В частности, исследование практики Европейского Суда в области трансплантологии и донорства ограничено двумя делами. Постановление по первому делу «Петрова против Латвийской Республики» (Petrova v. Latvia, жалоба № 4605/05) было вынесено в июне 2014 года⁸. Постановление по второму делу «Элберте (Elberte v. Latvia, жалоба № 61243/08) против Латвийской Республики» было вынесено в январе 2015 года⁹.

Важнейшим этапом в расширении сотрудничества государств в сфере оказания помощи жертвам преступлений явилась принятая в 1985 году Генеральной Ассамблеей ООН Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, в которой говорится, что потерпевшие должны иметь право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию причиненного вреда.

Впервые в данном международно-правовом акте было дано определение «жертва преступления». Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но являющегося нарушением международно-признанных норм, касающихся прав человека (ст. 18).

Декларация стала первым актом международного права, полностью посвященным вопросам правового регулирования положения лица – потерпевшего от преступления (жертвы преступления).

Декларация рекомендует принятие мер в интересах жертв преступлений на международном, региональном и национальном

---

⁸ Постановление ЕСПЧ от 24.06.2014 Дело «Петрова (Petrova) против Латвийской Республики» (жалоба № 4605/05). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

⁹ Постановление ЕСПЧ от 13.01.2015 г. Дело «Элберте против Латвийской Республики» (жалоба № 61243/08) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. №3. С 75–113.

уровнях для улучшения доступа к правосудию и обеспечения справедливого обращения, восстановления в правах, компенсации и помощи¹⁰.

Совет Европы, в целях осуществления деятельности по защите прав потерпевших от преступления 28 сентября 1977 г. принял Резолюцию № (77) 27 «О компенсации потерпевшим от преступления», Европейскую Конвенцию о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 1983 г.), Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и процесса (1985 г.), Европейский кодекс полицейской этики от 19 сентября 2002 г.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности принятая 15 ноября 2000 г. также содержит положения о помощи и защите потерпевших от преступлений. Так, в соответствии с п. 2 ст.25 Конвенции каждое государство-участник устанавливает надлежащие процедуры для обеспечения доступа к компенсации и возмещению ущерба потерпевшим от преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией¹¹.

В Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказании за нее, дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности содержатся нормы о принятии конкретных мер государствами-участниками по защите жертв (ст. 6-8)¹².

Указанные международно-правовые акты направлены на предотвращение и борьбу с торговлей людьми, в том числе с целью

---

¹⁰ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью от 29.11.1985 г. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power. (дата обращения: 20.01.2017 г.).

¹¹ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности принятая 15 ноября 2000 г. Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power. (дата обращения: 20.01.2017 г.).

¹² Протокол «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности» от 15.11.2000 г.// Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения: 12.02.2017 г.).

извлечения органов, на защиту жертв такой торговли и оказание им помощи, и на содействие развитию сотрудничества между государствами-участниками в деле осуществления этих целей.

В целях гармонизации законодательства государств-участников СНГ был принят Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми»¹³. Данный акт призван служить «нормативно-ориентирующим стандартом»¹⁴ при разработке национального законодательства, регулирующего соответствующие правоотношения. Несмотря на то, что данный модельный закон принят по инициативе и активному участию Российской Федерации, в законодательстве России практически нет норм, закрепляющих права жертв торговли людьми, в том числе и жертв незаконного оборота человеческих органов.

В настоящее время, основополагающим документом в указанной области является подписанная государствами-членами Совета Европы Конвенция против торговли человеческими органами от 25 марта 2015 г., которая имеет важнейшее значение для борьбы с этим преступлением.

Важнейшим аспектом Конвенции является защита жертв, так как жертвы торговли человеческими органами находятся в уязвимом положении. Конвенция требует, чтобы государства-участники, а также государства, не являющиеся членами Совета Европы, рассмотрели возможность осуществления мер по обеспечению физической, психологической и социальной реабилитации жертв, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией. В Конвенции содержится не исчерпывающий перечень процедур, призванных оказывать поддержку жертвам соответствующих преступлений. Так, в соответствии со ст. 18 Конвенции каждая Сторона должна принять необходимые законодательные и иные меры для защиты прав и интересов потерпевших от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, в частности, меры по: обеспечению потерпевшим доступа к информации, имеющей отношение к их делу и необходимой для защиты их здоровья и

---

¹³ Модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» от 03.04.2008 г. URL. <http://docs.cntd.ru/document/902124615> (дата обращения: 12.03.2017 г.).

¹⁴ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 88.

других прав; оказанию помощи потерпевшим в их физической, психологической и социальной реабилитации; предоставлению потерпевшим в соответствии со своим внутренним законодательством права на получение компенсации от виновных¹⁵.

Эффективная борьба с незаконным оборотом человеческих органов возможна только на основе тесного сотрудничества государств в рамках выработанных правовых и организационных механизмов, как на универсальном, так и на региональном уровнях.

Таким образом, государственная власть должна обеспечивать жертвам незаконного оборота человеческих органов эффективный доступ к правосудию по их усмотрению, медицинскому обслуживанию, юридической помощи, социальным и психологическим консультациям, а также возвращению в родные места, где они могли бы вернуться к нормальной жизни. Такой подход обеспечивает баланс между потребностями государства в обеспечении безопасности и потребностью общества в восстановлении прав человека применительно к жертве.

---

¹⁵ Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами (ETS 2015, № 216) от 25.03.2015 г. Официальный сайт Совета Европы URL: <http://www.coe.int/tu> (дата обращения: 15.04.2017 г.).

**КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА
КАК КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ В ПОСТРОЕНИИ
ДВУСТОРОННИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С
ЯПОНСКИМИ ПАРТНЁРАМИ**

Рената Артуровна Колосова

*студентка 3 курса юридического института
Российского университета дружбы народов
renata.kolosova@mail.ru*

Вот уже на протяжении многих лет, сопровождавшихся неоднократными сменами поколений, идеологий, политических режимов, исторических вех проблематика, касающаяся принадлежности островов Курильского архипелага, и по сей день продолжает активно подогреваться со стороны некоторых средств массовой информации, а также прочих узкоинформированных источников, злопыхателей и бандерлогов. В связи с этим хотелось бы рассмотреть некоторые исторические аспекты и текущую ситуацию, сложившуюся в рамках российско-японских межгосударственных взаимоотношений.

В конце XVII века впервые появились упоминания о русских первопроходцах, обследовавших значительную часть Курильских островов. Историки отмечают особый вклад отряда «камчатского Ермака» Атласова за выдающиеся заслуги в области исследования тихоокеанской части государства; казаков Козыревского и Анциферова, исследовавших острова Шумшу и Парамушир; геодезистов Евреинова и Лужина, которые продолжили дело предшественников и нанесли на карту России еще 16 островов. «В 1739 г. состоялась экспедиция М. Шпанберга вдоль Курильских островов в поисках морского пути в Японию. В ходе нее были обследованы и нанесены на карту все Курильские острова, в том числе и острова Малой Ку-

рильской гряды. Многие из них получают русские названия, например, Фигурный (Шикотан), Зеленый (Сибоцу)»¹. Так, например, французское издание «Газет де Франс» писала 22 февраля 1740 г.: «Открытие русскими Курил имеет для России огромное значение... Островитяне приняли экспедицию Шпанберга с многочисленными проявлениями дружбы»².

Наряду с частыми посещениями Курильских островов русскими экспедициями, наши купцы также вели здесь торговлю с коренным населением этих территорий – айнами. Подданство айнов и южнокурильских островов было закреплено в указах Екатерины II и Павла I. Кроме того, тот факт, что русские экспедиции появились на южнокурильских островах ранее японских исследовательских групп, нашло подтверждение в некоторых японских источниках. Так, например, в японских донесениях того времени указывалось, что на острове Итуруп «проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды, и там строятся сторожевые посты»³. «В своей книге "Японцы и русские" (Токио, 1978) Накамура Синтаро приводит интересный факт: в 1786 году, когда первые японцы попали на остров Итуруп, "некоторые из местных жителей айну уже свободно владели русским языком и могли быть даже переводчиками". Тот же японский исследователь сообщает и о первых русско-японских конфликтах: "Высадившись 28 июля 1798 г. на южной оконечности острова Итуруп, японцы опрокинули указательные столбы русских и поставили столбы с надписью: "Эторофу - владение Великой Японии"⁴.

Первое межгосударственное территориальное разграничение было сделано в Симодском трактате 1855 года, где было указано, что граница между Россией и Японией будут проходить между островами Итурупом и Урупом с указанием, что остров Итуруп будет

---

¹ Агеева А.А. Установление межгосударственных отношений России с Японией в конце XVII — середине XIX веков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 39.

² Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/1/3167> (дата обращения 26 марта 2017 г.).

³ Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий // Вече. 2010. С. 23.

⁴ Сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2005/10/28/kurily.html> (дата обращения 26 марта 2017 г.).

принадлежать Японии, а весь остров Уруп и другие острова к северу - владение России. Сахалин же оставался совместным владением России и Японии. Согласно подписанному трактату, острова Кунашир, Шикотан, Хабомаи и Итуруп были признаны японской территорией. Такие уступки с российской стороны неоднократно подвергались критике, однако стоит учитывать не самое выгодные международные условия, которые не благоволили России на тот момент времени.

Спустя фактически 20 лет был подписан еще один договор между Россией и Японией – Санкт-Петербургский договор 1875 года, в соответствии с которым Россия получала Сахалин, однако она лишалась Курильских островов (в том числе Кунашир, Шикотан, Хабомаи и Итуруп), отходивших Японии. Вряд ли сей договор можно считать дипломатической удачей России, однако нарастающая тревога на Балканском полуострове, а также вероятность войны с Турцией требовали незамедлительного решения проблем в дальневосточном регионе.

Последующее выстраивание Японией внешней политики, носящей экспансионный характер, не могло не привести к столкновению интересов в азиатском регионе. Подобные противоречия нашли свое отражение в начавшейся в 1904 году русско-японской войне. Потерпев ряд болезненных поражений, Россия была вынуждена заключить при посредничестве США Портсмутский мирный договор, согласно положениям которого «российское императорское правительство уступает императорскому японскому правительству в вечное и полное владение южную часть острова Сахалин и все прилегающие к последнему острова»⁵. Стоит отметить также следующее: в приложении № 10 к этому мирному договору по настоянию Японии был включен пункт, в соответствии с которым все ранее заключенные договоры между Россией и Японией аннулируются. Таким образом потеряли силу Симодский трактат 1855 года, Санкт-Петербургский мирный договор 1875 года, по которому «все Курильские острова переходили во владение Японии». Получается, что «настояв на отторжении в свою пользу южной половины Сахалина, японское правительство лишилось юридического права

---

⁵ Адамов Е.А. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М., 1952. С.340.

владеть Курильскими островами. В отсутствие какого бы то ни было нового соглашения о принадлежности Курил в последующие годы вплоть до 1945 г. Япония владела ими только де-факто»⁶.

Вторая мировая война, породившая новую геополитическую картину мира, подвела своеобразный итог многолетним спорам между СССР (учитывая также российский исторический период) и Японией. Страна восходящего солнца потерпела сокрушительное поражение, вследствие чего была вынуждена понести ряд негативных последствий. Сталин еще в 1944 году на встрече в Москве с послом США Гарриманом заявил, что СССР намеревается вернуть все то, что было утрачено в связи с подписанием Портсмутского мирного договора 1905 г.: Южный Сахалин, а также получить Курильские острова, которые Япония ошибочно продолжала считать своей территорией. Рузвельт заявлял тогда, что «русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»⁷. Стоит также отметить, что «окончательное решение о капитуляции японское правительство приняло только после вступления в войну СССР. Это признавалось в Японии. В императорском рескрипте «К солдатам и матросам» Хирохито, не упоминая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, указал: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи»⁸.

Бесспорно, исторически важным следует считать Сан-Францисский мирный договор, подписанный 8 сентября 1951 года между Японией и частью государств, входивших в антигитлеровскую коалицию. Япония, исходя из положений договора, признала суверенитет СССР на Курильские острова и на южную часть острова Сахалин, со всеми прилегающими к ней островами, а также отказалась от правооснований и претензий на указанные территории. Однако стоит особо отметить, что США была принята односторонняя резолюция к этому договору, согласно которой предусматривалось, что условия договора не будут означать признания за Россией каких бы

---

⁶ Сайт информационного агентства REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2167761.html> (дата обращения 27 марта 2017 г.).

⁷ Leahy W. I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. London, 1950. P. 373.

⁸ Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий // Вече. 2010. С. 313.

то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 года, которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни были положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении. С большой степенью вероятности можно сказать, что США, сделав подобную оговорку, руководствовались собственными интересами, исходя из своих военных нужд. СССР же подписать Сан-Францисский мирный договор отказался. Среди причин этого называют то обстоятельство, что требование СССР относительно закрепления суверенитета за ним над Курильскими островами было проигнорировано государствами-участниками конференции в Сан-Франциско. В любом случае, подписав договор, Япония выразила свое согласие с условиями безоговорочной капитуляции, указав лишь на право претендовать на острова Шикотан и Хабомаи.

В подписанной и ратифицированной обеими сторонами Московской декларации 1956 года содержалось положение, по которому «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией»⁹. Однако, мирный договор так и не был заключен. Более того, в связи с тем, что в 1960 г. был подписан договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, СССР аннулировал обязательства, взятые на себя в 1956 году в рамках Советско-Японской декларации, поскольку возможная передача островов Хабомаи и Сикотан Японии могла бы расширить территорию, используемую американским военным контингентом.

Россия владеет южными Курильскими островами согласно общепризнанным итогам Второй мировой войны, а также непоколебимой и устойчивой международно-правовой основе, включая Устав Организации Объединенных Наций. Примечательно, что во время проведения мирных переговоров в 1905 году «в ответ на

---

⁹ Советско-японская декларация от 19 октября 1956 г. //Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. №24.Ст.525.

напоминание Витте о том, что Япония отказалась от прав на Сахалин, получив за это по договору 1875 г. все Курилы, глава японской делегации министр Комура высокомерно ответил: «Война перечеркивает все договоры. Вы потерпели поражение, и давайте исходить из сложившейся обстановки»¹⁰. Действительно, давайте исходить из сложившейся обстановки и учитывать общепризнанные итоги Второй мировой войны.

В связи с этим довольно любопытными представляются чаяния некоторых японских партнеров: одни требуют отмены положения Сан-Францисского мирного договора 1951 года, зафиксировавшего отказ Японии от южной части Сахалина и Курильских островов, другие же всячески пытаются доказать, что острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан не входят в обозначенный термин «Курильские острова», от которых Япония отказалась в Сан-Францисском договоре.

Россия не торгует территориями и, да, действительно, «надо прекратить «исторический пинг-понг» по Курилам»¹¹.

---

¹⁰ Сайт информационного агентства REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2169099.html> (дата обращения 28 марта 2017 г.).

¹¹ Сайт Издательский дом Коммерсантъ. URL: <http://www.kommer-sant.ru/doc/3171656> (дата обращения 28 марта 2017 г.).

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Ата Гельдыевич Корпеев

*студент Самарского национального исследовательского
университета имени академика С.П. Королева
atakor@mail.ru*

Международные организации и ученые уделяют достаточное внимание установлению причин терроризма. Это объясняется тем, что правильное толкование предпосылок этого общественно опасного явления будет способствовать более качественному его предупреждению. На VIII Международном конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с преступниками (Гавана, 1990 г.) коренными причинами терроризма были названы: бедность, безработица, неграмотность, нехватка доступного жилья, несовершенство системы образования и подготовки кадров, отсутствие жизненных перспектив, отчуждение и маргинализация населения, обострение социального неравенства, ослабление семейных и социальных связей, недостатки воспитания, негативные последствия миграции, разрушение культурной самобытности, нехватка объектов культурно-бытового назначения, распространение СМИ идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости. Некоторые исследователи подчеркивают, что терроризм – это следствие деятельности разведывательных служб государств, для которых акты устрашения влекут выгоду¹. Тем не менее, все перечисленные выше причины не могут в полной мере объяснить феномен терроризма. Это внешние причины, конечно же оказывающие влияние на индивида, но не предопределяющие. Для того, чтобы участвовать в террористической деятельности, нужно полностью согласиться с соответствующей идеологией, иметь свои цели.

---

¹ Асеевский, А. И. Кто организует и направляет международный терроризм? из послужного списка ЦРУ/ М.: Политическая литература, 1982. С 112.

За последние полвека под эгидой Организации Объединенных Наций в целом сложилась целая система многостороннего сотрудничества государств в борьбе с терроризмом². Правовую основу координации усилий в этом направлении составляют 16 международных соглашений (13 конвенций и три протокола), которые открыты для участия всех государств-членов. В частности, об этом объективно свидетельствовали такие факты как: количественный рост терактов; возрастающее количество жертв среди гражданского населения; высокий уровень финансирования терроризма; смыкание и тесная взаимосвязь внутреннего и международного терроризма и др.³

Кратко охарактеризуем основные нормы международных соглашений в области противодействия терроризму.

В Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов закрепляется обязанность государств принимать все соответствующие меры для восстановления или сохранения контроля законного командира над воздушным судном.⁴

Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов объявляет преступлением действия любого лица на борту воздушного судна, находящегося в полете, «незаконно, путем насилия или угрозы применения насилия или путем любой другой формы запугивания захватывает это воздушное судно или осуществляет над ним контроль», либо пытается совершить любое такое действие.⁵

В Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г. объявляется

---

² Умурзаков, Ж.К. Сущность и содержание универсальных международных договоров в области борьбы с международным терроризмом//Вестник поволжской академии государственной службы. 2012. №1. С 40-43.

³ Ледях, И.А. Борьба с международным терроризмом и защита прав человека//Труды института государства и права Российской академии наук. 2013. №1. С 137-163.

⁴ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов. Подписана в Токио 14 сентября 1963 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=781.

⁵ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Гаага, 16 декабря 1970 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=782.

преступлением преднамеренное совершение насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете.⁶

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г.⁷

В Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г. закреплено, что государство-участник должно предпринять все действия для освобождения заложника или облегчения его положения⁸.

Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную авиацию 1998 г. дополняет Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.⁹

Возможность использования террористами ядерного оружия предопределила необходимость разработки мер, препятствующих распространению ядерного оружия и предотвращению доступа к ним террористам.

Конвенция о физической защите ядерного материала 1979 г. устанавливает уголовную ответственность за незаконное владение,

---

⁶ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Подписана в Монреале 23 сентября 1971 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=780.

⁷ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. Принята в Нью-Йорке от 14 декабря 1973 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1045.

⁸ Международная конвенция о борьбе с захватом заложников. Принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1100.

⁹ Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, принятую в Монреале 23 сентября 1971. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=779.

использование, передачу или кражу ядерного материала и обязывает государство защищать его при мирном использовании¹⁰.

Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. охватывает широкий круг деяний и предусматривает выдачу и преследование преступников и призывает государства к сотрудничеству¹¹.

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. касается террористической деятельности на борту судов и объявляет преступлением действия лица по захвату судна, совершение акта насилия против лиц на борту судна, если он может угрожать безопасному плаванию, помещение на борт судна устройства или вещества, способного разрушить это судно, и совершение других актов, направленных против безопасности судов¹².

Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г. устанавливает, что государства обязаны принимать все необходимые меры для запрещения и предотвращения изготовления на его территории немаркированных пластических взрывчатых веществ, а также препятствовать их ввозу¹³.

Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. предусматривает ответственность в отношении незаконного и преднамеренного использования взрывных или иных

---

¹⁰ Конвенция о физической защите ядерного материала. Принята в Вене от 26 октября 1979 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=419.

¹¹ Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml.

¹² Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Принята в Риме от 10 марта 1988 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=147.

¹³ Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения. Принята в Монреале на дипломатической конференции, проведенной ИКАО 12 февраля — 1 марта 1991 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1084.

смертоносных устройств в пределах различных указанных мест общественного пользования или против них с намерением причинить смерть или серьезные увечья или значительные разрушения таких общественных мест¹⁴.

Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма устанавливает, что любое лицо совершает преступление, если оно любыми методами незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор для осуществления террористической деятельности. Государства обязаны привлекать тех, кто финансирует терроризм к соразмерной ответственности за такие деяния¹⁵.

Вместе с тем, помимо универсальных международных документов, действуют также региональные акты, направленные против терроризма, среди которых Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 1977 г.) и протокол о внесении изменений в нее (Страсбург, 2003 г.); Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 2005 г.); Межамериканская конвенция по борьбе с терроризмом (Бриджтаун, 2002 г.); Конвенция Африканского союза о предупреждении и борьбе с терроризмом (Алжир, 1999 г.) и протокол к ней (Ад-дис-Абеба, 2004 г.); Конвенция АСЕАН о противодействии терроризму (Себу, 2007 г.); Арабская конвенция о пресечении терроризма (Каир, 1998 г.); Конвенция Организации «Исламская конференция» о борьбе с международным терроризмом (Уагадугу, 1999 г.); Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 1999 г.)¹⁶.

---

¹⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1073.

¹⁵ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1071.

¹⁶ Кочои, С.М. Борьба с терроризмом и международное право//Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №2. С.186-192.

Некоторые исследователи считают, что уже принципы международного права, содержащиеся в Уставе ООН, запрещают государствам прибегать к террористической деятельности. Например, в резолюции 748 (1992) от 31 марта 1992 г., Совет Безопасности ООН определил, что в соответствии с принципом, изложенным в п. 4 ст. 2 Устава ООН (согласно которому государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения в международных отношениях), «каждое государство обязано воздерживаться от организации, поощрения террористических актов в другом государстве, содействия таким актам или участия в них, а также попустительства в пределах своей территории организованной деятельности, направленной на совершение подобных актов, когда подобные акты связаны с угрозой силой или ее применением». Резолюция 1624 (2005) предлагает, в том числе, запретить подстрекательство к совершению террористических актов. КТК использует такие методы работы как посещение стран (с целью отслеживания достигнутого прогресса), техническую помощь, доклады стран (необходимы в качестве инструмента для диалога между странами-членами), передовые методы и специальные совещания (помогают в улучшении координации усилий)¹⁷. Утвержден Комитет Совета Безопасности в соответствии с резолюциями 1267(1999 г.) и 1989(2011 г.) по организации Аль-Каида и связанным с ней лицам и организациям, так как сложной остается ситуация афгано-пакистанской зоне¹⁸.

В резолюциях этого Комитета содержатся такие требования как:

- незамедлительная заморозка финансовых активов указанных лиц и организаций;
- недопущение въезда на свою территорию или проезда через нее;

---

¹⁷ Совет Безопасности Контртеррористический комитет. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sc/ctc/>.

¹⁸ Журавель, В.П. Современные проблемы противодействия международному терроризму//Научно-политический журнал обозреватель. 2012. №5. С.5-15.

- предотвращение поставок оружия и связанных с ним материальных ценностей указанным лицам¹⁹.

Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюцией 1988 (2001 г.) касается деятельности организации «Талибан» или связанных с ним в создании угрозы миру, стабильности и безопасности в Афганистане содержит аналогичные требования, то есть замораживание активов, запрет на поездки и оружейное эмбарго²⁰.

Нельзя недооценивать важную роль Интерпола, международной организации уголовной полиции, созданной в 1923 году. Интерпол включился в борьбу с терроризмом в 1985 году. На заседании 54-й Генеральной Ассамблеи в Вашингтоне было принято решение о создании специальной группы, которая займется "координацией борьбы с международным терроризмом". Также существенный вклад в борьбу с терроризмом вносят региональные международные организации. Борьба с терроризмом ведется в рамках Совета Европы, Южно-азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), Организации американских государств (ОАГ), Организации Исламского Сотрудничества (ОИС). Для обеспечения координации своих действий в СНГ был учрежден Антитеррористический центр, а также принята соответствующая Программа по борьбе с международным терроризмом²¹. Так же не стоит забывать о том, что террористические организации пытаются максимально полно использовать достижения новых коммуникационных и сетевых технологий, что делает пропаганду терроризма более реальной угрозой²².

---

¹⁹ Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюциями 1267(1999) и 1989(2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/sc/committees/1267/>.

²⁰ Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюцией 1988(2011). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/sc/committees/1988/>.

²¹ Саболирова, З.Х. Международное сотрудничество государств в борьбе с терроризмом//Юристъ-правоведь. 2014. №2. С.45-47.

²² Журавлев, Д.А. Международный терроризм в сетевом измерении мировой политики//Вестник российского государственного гуманитарного университета. 2013. №21. С.59-73.

**ЛИКВИДАЦИЯ НИЩЕТЫ И ГОЛОДА
НА ГЛОБАЛЬНОМ УРОВНЕ В КОНТЕКСТЕ МЕР
ПО СНИЖЕНИЮ РИСКА БЕДСТВИЙ
(МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)**

Дмитрий Андреевич Круглов

Российский университет дружбы народов

25 сентября 2015 г. в ходе 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН международное сообщество приняло «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹, в которой определены 17 Целей в области устойчивого развития (ЦУР), сопровождаемых 169 задачами и содержащих ряд показателей, которые должны быть достигнуты в течение 15 лет.

В Повестке дня в области устойчивого развития, в которой более частые и интенсивные бедствия причисляются к глобальным угрозам современности², проблематике снижения риска бедствий уделено существенное внимание.

Меры по снижению риска бедствий необходимы для устойчивого развития. При этом для снижения риска бедствий необходимо принятие усилий во многих социально-экономических сферах. При учёте этой тесной взаимосвязи и эффективном международно-правовом сотрудничестве можно ожидать действительного прогресса в деле достижения ЦУР и снижения риска бедствий.

Цель 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах» напрямую связана со всеми остальными ЦУР. Сопровождающая эту первичную цель задача 1.5 состоит в том, чтобы «К 2030 году повысить жизнестойкость малоимущих и лиц, находящихся в

---

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» от 25 сентября 2015 г. // Док. ООН A/RES/70/1.

² Док. ООН A/RES/70/1. – П. 14.

уязвимом положении, и уменьшить их незащищённость и уязвимость перед ... бедствиями»³.

Создание потенциала противодействия бедствиям и обеспечение готовности к ним, что включает отлаженность механизма оперативного оказания помощи, имеет ключевое значение для достижения данной Цели повсеместной ликвидации нищеты, особенно учитывая то, что бедствия могут в значительной степени обострять экономическую и социальную уязвимость пострадавшего населения. В результате масштабных бедствий и катастроф, как показывают факты, бедные и наиболее уязвимые категории населения ещё глубже «погружаются» в нищету.

По оценкам ООН, к 2030 году на планете, возможно, будет насчитываться 325 млн человек, оказавшихся не только в нищете, но и подвергающихся всем видам стихийных бедствий и опасных климатических явлений⁴, что в особенности затронет страны Африки к югу от Сахары, Южной и Юго-Восточной Азии. Это обуславливает необходимость принятия действенных мер по укреплению устойчивости бедных и малоимущих общин. Даже удовлетворение элементарных потребностей, таких как предоставление пострадавшему населению доступа к безопасной питьевой воде, продуктам питания и медикаментам, обеспечение их продовольственной безопасности⁵, способно привести к устранению наихудших форм нищеты. Наряду с этим следует совершенствовать системы социальной защиты, искать возможности и средства для повышения устойчивости как самих общин в целом, так и домохозяйств и иных объектов, связанных с сельским хозяйством, животноводством и иными источниками продовольствия.

---

³ Док. ООН A/RES/70/1. – С. 18.

⁴ См.: Цели в области устойчивого развития. Цель 2: Ликвидация голода // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/issues/people/hunger/> (дата обращения: 15 июля 2017 г.).

⁵ См.: *Абашидзе А.Х., Конева А.Е.* Нищета на глобальном уровне – серьёзный вызов человечеству // *Права человека и вызовы XXI века: учебное пособие* / под. ред. А.Х. Абашидзе. – М: РУДН, 2016. – С. 76–97.

Цель 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» включает в себя задачу 2.4 «К 2030 году обеспечить создание устойчивых систем производства продуктов питания и внедрить методы ведения сельского хозяйства, которые ... укрепляют способность адаптироваться к изменению климата, экстремальным погодным явлениям, засухам, наводнениям и другим бедствиям ...»⁶.

Данная Цель 2 во многом взаимосвязана с Целью 1. Природные и антропогенные катастрофы несут значительную угрозу продовольственной безопасности. Такая угроза может в существенной степени усугубляться экономической уязвимостью. Риски уничтожения сельскохозяйственных объектов и соответствующей инфраструктуры подрывают продовольственную безопасность миллионов людей во многих развивающихся странах, чья жизнь зависит от фермерской деятельности, животноводства и рыболовства. Высокое влияние бедствий и климатических катаклизмов на сельскохозяйственный сектор, дополнительную угрозу которому несёт процесс изменения климата⁷, усугубляющий, наряду с иным, проблему опустынивания, обезлесения и деградации почв, диктует необходимость совершенствовать стратегии обеспечения устойчивости объектов сельскохозяйственной инфраструктуры, предусматривающие, в том числе, их оперативное восстановление.

Задача 2.4 определяет потребность принятия мер с тем, чтобы риски, связанные с бедствиями и изменением климата, в должной мере учитывались при осуществлении сельскохозяйственной деятельности, планировании сельских районов, особенно в условиях гористой местности, засушливых районов, речных бассейнов, водно-болотных угодий и иных регионов, где существует риск

---

⁶ Док. ООН A/RES/70/1. С. 19.

⁷ См.: Солнцев А.М. Борьба с изменением климата в эпоху антропогена: международно-правовые аспекты // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. – Часть 2. – М.: Проспект, 2016. – С. 202–207.

схода лавин, пожаров, засух и наводнений. При этом важно определять территории, которые безопасны для расселения людей, задействованных в сельскохозяйственном секторе. В Сендайской рамочной программе по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы подчёркивается необходимость «укреплять защиту источников средств к существованию и производственных активов, включая сельскохозяйственных животных, рабочий скот, орудия и семена»⁸. Повышение устойчивости сельскохозяйственного сектора также возможно благодаря совершенствованию методов осуществления сельскохозяйственной деятельности, внедрению новых технологий, что позволит приспособливаться к определённым погодным и климатическим изменениям и увеличению риска бедствий. Например, возможно диверсифицировать выращивание определённых сельскохозяйственных культур в зависимости от изменения температур и объёма осадков, выводить и использовать восприимчивые к засухам или, наоборот, обильным осадкам и наводнениям сорта сельскохозяйственных культур, изменять маршруты выпаса домашнего скота, принимать меры для сохранения почв и т.д. Для обеспечения продовольственной безопасности необходимо сохранять экосистемы, первостепенное значение для чего имеет международное экологическое право.

Достижение целей ликвидации нищеты и голода на глобальном уровне в значительной степени зависит от принятия мер по снижению риска бедствий. Увеличение числа и масштабов бедствий представляет собой значительное препятствие для достижения ЦУР, при этом принятие на международном, региональном, субрегиональном и двустороннем уровне действенных мер по снижению риска бедствий важно для успешного достижения Целей в области устойчивого развития.

---

⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 69/283 от 3 июня 2015 г. «Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы» // Док. ООН A/RES/69/283. П. 30.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АРКТИКИ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Анастасия Андреевна Кушнарева

*студентка ВГУЮ (РПА Минюста России)
kushrevo4ka@mail.ru*

Мировая история – это кладовая знаний, открытий, побед, великих свершений и памятных дат, но никогда нельзя забывать, что за любой победой стоит история поражений, что за любым открытием множество попыток и неудач. И на нашем пути к миру и согласию между людьми всегда стояли и будут стоять многочисленные противоречия. Одно из них – территориальные споры.

Если обратиться к мировой истории, территориальный вопрос оставался ключевым на всём её протяжении. Любые войны, даже если провозглашались великие идейные преобразования, имели своей целью изменение границ существующих государств или их полное исчезновение с политической карты мира. Но с течением времени были найдены новые альтернативные способы решение территориальных проблем – это международное право, хотя война до сих пор остаётся универсальным методом.

Все-таки несмотря на все усилия мирового сообщества, взрывоопасные очаги продолжают существовать по всему миру и сегодня: это и Европа, и Ближний Восток, и, конечно, Арктика.

Территория Арктики – «*Terra nullius*» или «ничья земля». Здесь нет государств, ничего суверенитета, никаких границ, населения (как граждан государства), нет прав и обязанностей. Но может ли долго сохраняться такое положение в условиях постоянной борьбы за территорию и ее передела?

На сегодняшний день правовое положение Арктики определяется пятью государствами (Россией, США, Канадой, Данией и Норвегией), а также нормами международного права. Несмотря на это, путь установления суверенных интересов этих государств был крайне долгим и противоречивым.

Первым государством, которое выдвинуло свои территориальные притязания на «Край безмолвия», стала Канада. Благодаря этой стране был установлен принцип секторального деления Арктики. Его сформулировал сенатор канадского парламента Паскаль Пуарье (Pascal Poirier) в 1907 г.

Его концепция утверждает, что каждое государство, находящееся у континентального Арктического побережья, автоматически наследует все острова в секторе между береговой линией и северным полюсом, который заключены по линии долготы, нарисованной от крайних прибрежных Восточной и Западной точек к полюсу¹.

Вскоре после заявлений Канады, Российская империя, заинтересованная в закреплении своих прав над арктической территорией, которая находилась в ее активном освоении и изучении, выдвинула правительственную ноту. В которой указывалось, что «значительное число открытий и географических исследований в области полярных стран, произведенных в течение столетия усилиями русских мореплавателей и купцов, недавно пополнилось новейшими успехами» (экспедиция Б. Вилькицкого в 1913-1914 гг.). В связи с этим «императорское Российское правительство имеет честь нотифицировать настоящим правительствам союзных и дружественных держав о включении этих земель в территорию Российской Империи». Эта нота также содержала перечень территорий, которые должны были отойти Российской империи, на основе факта их открытия.

Никаких возражений на ноту не последовало, таким образом, с 1916 г. Россия установила свой суверенитет над частью «макушки Земли».

Советское правительство также приняло ряд мер по защите своих законных интересов в Арктике. Меморандум советского правительства от 4 апреля 1924 г. подтвердил положения императорской ноты 1916 г.

---

¹ A historical and legal study of sovereignty in the Canadian north: terrestrial sovereignty, 1870–1939 / Gordon W. Smith; edited by P. Whitney Lackenbauer. URL: http://dspace.ucalgary.ca/bitstream/1880/50251/27/UofCPress_HistoricalLegalStudy_2014_Frontmatter.pdf (дата обращения: 17 марта 2017).

Окончательным утверждением секторального принципа со стороны СССР было Постановление Президиума ЦИК и СНК от апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном ледовитом океане»².

Резонным становится вопрос: Существует ли секторальный принцип вообще и является ли он международным обычаем?

Обычай приобретает юридическое значение в результате схожих или идентичных действий со стороны различных государств при выражении определённых намерений придать им нормативное значение, а также в случае международного признания этих действий³. Подобные рассуждения о природе обычая приводят к расхождению мнений исследователей международного права, о том, что же такое секторальный принцип? Одни считают, что секторальное деление вообще не является обычаем международного права, так как помимо использования несколькими государствами оно должно иметь международное признание, но только Канада и Россия придерживаются этого принципа. А другие арктические государства (США, Норвегия и Дания) никогда не признавали секторальный принцип применительно к Арктике. Более того, общему международному праву вообще не известен такой правовой титул, как секторальный принцип⁴. Другая группа исследователей, считает, что Советское законодательство совместно с молчаливым согласием других государств, закрепило секторальное деление на уровне международного обычая⁵, ведь еще Древнему Риму было известно, что *Silentium videtur confessio*.

Очевидно, однако, что данная концепция не определяет точных геометрических размеров и площадей территорий, отходящих к государствам арктического клуба. Сектор – это зона реализации

---

² Арктика: интересы России и международные условия их реализации – Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Москва 2000 год. Руководитель проекта д.ю.н., профессор Барсегов Ю.Г – С. 15.

³ Роль деклараций о сотрудничестве государств в Арктике и международное право (Авхадеев В.П.). URL: <http://base.garant.ru/57517050/> (Дата обращения: 15 марта 2017).

⁴ Арктика: зона мира и сотрудничества / Отв. ред. – А. В. Загорский. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 31.

⁵ Международное право: учебник/ отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – С. 189.

исторически сложившихся прав, оборонных, экономических, ресурсных и природоохранных интересов конкретного арктического государства⁶. Конкретизация границ, которая будет происходить уже в индивидуальном порядке в форме двусторонних договоров, а также на основе норм международного права.

Главными источниками международного морского права являются Женевские Конвенции ООН 1958 г. и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

Все арктические государства присоединились к Конвенции 1982 г., за исключением США, которые являются участником Женевских конвенций. В целом, это обстоятельство не изменяет правового положения, прав и обязанностей США в отношении своего сектора. Дело в том, что положения Женевской конвенций по морскому праву («О территориальном море и принадлежащей зоне», «Об открытом море», «О континентальном шельфе», «О рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря») за 20 лет своего существования стали нормами международного обычного права, и легли в основу всего современного морского законодательства.

А Илулиссатская декларация 2008 г., заключенная пятью арктическими государствами, подчеркивает, что общее международное право предусматривает решение проблем, начиная от защиты морской среды и заканчивая свободой судоходства. Из этого следует, что у стран арктического клуба нет никакой необходимости в разработке «нового всеобъемлющего правового режима для Арктического океана»⁷. То есть США, Канада, Россия, Дания и Норвегия признают нормы Конвенции ООН 1982 г., международных договоров и международно-правовых обычаев в качестве источников, определяющих правовой режим Арктики.

Кстати, ни одна из Конвенций Организации Объединенных Наций не содержит понятия секторальный принцип и вообще не определяет исключительный правовой статус территории Арктики.

---

⁶ Международное право: учебник/ отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Высшее образование, Юрайт-Издат, 2009. – С. 186.

⁷ Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Рос. Совет по межд. делам [под общ. ред. И. С. Иванова]. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 47-48.

Но в разграничении морских пространств вводит понятие «исторически сложившиеся правовые основания» (ст. 15 Конвенции по морскому праву 1982 г.), а также определяет возможность распространить суверенитет государства за пределы его континентального шельфа в тех случаях, где шельф простирается более чем на 200 морских миль от исходных линий, которыми определяется ширина территориального моря. Данные о границах этого континентального шельфа представляются в Комиссию по границам континентального шельфа (Арктический Совет, созданный в 1997 г.), который дает прибрежным государствам рекомендации по вопросам, касающимся установления внешних границ их континентального шельфа. Границы шельфа, установленные прибрежным государством на основе указанных рекомендаций, являются окончательными и для всех обязательными». (п. 7,8 ст. 76 Конвенции 1982 г.).

Несмотря на долгую историю разграничения территории Арктики и ее морской зоны, решить все вопросы согласием не представляется возможным. Между арктическими странами сохраняются некоторые расхождения относительно шельфа Ледовитого океана. В частности, нерешенным остается вопрос о принадлежности хребта Ломоносова. США, Канада и Россия одновременно продвигают свои интересы в этом регионе. Россия впервые отправила заявку в Арктический совет в 2001 г., но существенное продвижение вопроса произошло лишь в марте 2014 г., когда комиссия удовлетворила требования России по расширению экономической зоны за счет участка континентального шельфа в Охотском море⁸. Эксперты расценивают этот факт, как шаг к признанию прав России на хребты Ломоносова и Менделеева. Россия подала заявку на присоединение территорий в комиссию ООН 9 февраля 2016 г. На IV Международном арктическом форуме "Арктика - территория диалога" Сергей Донской отметил, что процесс обсуждения российской заявки на расширение границ шельфа уже запущен и проходит на уровне министерств иностранных дел.⁹ Дания же считает, что

---

⁸ Российская Арктика в изменяющемся мире: монография / Ю.Ф. Лукин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. Ломоносова. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – С. 137.

⁹ Россия не изменит заявку на расширение границ шельфа в Арктике, несмотря на претензии Дании. URL:

хребет Ломоносова – это затонувшая часть Гренландии, а Канада, что это продолжение американского материка. В целом, притязания РФ пока наиболее обоснованы, но время расставит все на свои места, ведь этот регион требует более тщательного научного изучения для подкрепления позиций стран.

В целом, такой интерес к Арктике в последние годы связан, как ни странно, с глобальным потеплением, которое приводит к таянию льдов, освобождая от вечной мерзлоты землю, тающую в своих недрах залежи трети мировых запасов полезных ископаемых. Арктика это кладовая природного газа, нефти, меди, олова, ртути, платины, титана, золота, серебра и алмазов. Научно-технические новинки последних десятилетий также повышают возможности государств и их интересы в этом регионе.

Если обратиться к мировому историческому опыту, то любые расширения территорий государств происходили двумя путями: военным захватом или мирной ассимиляцией народов и освоением ничьих территорий. Следовательно, притязания России в Арктике являются наиболее обоснованными и законными: это в наших Новгородских летописях есть упоминания о путешествиях в эти земли еще в XI в., о наших ненцах (самоедах) писал итальянский путешественник Плато Карпини; это Семен Дежнев и Витус Беринг открыли пролив между Азией и Америкой; наши путешественники, противостоя болезням, шли к намеченной цели (полюсу), не сворачивая назад даже перед лицом смерти (Георгий Седов); именно русские доказали, что жить в Арктике возможно (крушение парохода «Челюскин», когда спасшиеся установили на льдине палаточные лагерь); мы открыли первую дрейфующую станцию (Северный полюс-1); дошли на ледоколе до северного полюса; установили титановый флаг на дне Ледовитого океана; открыли первую нефтедобывающую платформу – «Приразломное», недавно в Арктике завершилось строительство первого военного городка РФ замкнутого цикла "Клевер".

Таким образом, Россию вряд ли удастся когда-нибудь свергнуть с престола великой арктической державы. В Арктике скрыт военный и экономический потенциал нашей страны и её будущее.

<http://www.newsru.com/finance/30mar2017/> (Дата обращения: 01 апреля 2017).

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМА НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ

Ксения Юрьевна Мельшина

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
kseniya.melshina@mail.ru*

Права человека являются неотъемлемой составляющей свободы, справедливости и общего мира, еще со времен принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В универсальном понимании права человека - это право каждого, в независимости от его национальности, местожительства, пола, этнической принадлежности, цвета кожи, религии, языка или любых других признаков.

Всеобщей декларацией прав человека в статье 22 закреплено положение о том, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях»¹.

В 1996 году была завершена разработка двух пактов: Международного пакта о гражданских и политических правах (вступил в силу 23 марта 1967 г., ратифицировали 165 государств) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (вступил в силу 3 января 1976 г., ратифицировали 160 государств). Профессор А.Х. Абашидзе отмечает, что: «указанная статистика, а также множество актов, принятых в системе ООН, подтверждают одинаковое отношение государств ко всем правам человека: гражданским, политическим, социальным, экономическим и культурным. Однако на практике, особенно на уровне тех же государственных органов, отвечающих за выполнение обязательств по этим пак-

---

¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.

там, наблюдаются попытки неодинакового подхода по их осуществлению путем различной трактовки нормативного характера самих этих прав»².

Основой международного права прав человека являются такие базовые принципы, как: принцип универсальности прав человека, равенства и недискриминации, взаимности и неделимости этих прав, будь то гражданские и политические права, или же социальные и культурные права.

Культурные права человека закреплены в статьях 13 (право на образование) и 15 (право на участие в культурной жизни) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах³ 1966 года, стоит отметить, что именно они выступают гарантом духовного развития человека, посредством осуществления права на образование, на доступ к культурным ценностям, права на свободу участия в культурной жизни общества, права на творчество и на пользование результатами научного прогресса и др. Н.В. Волкова отмечает, что: «во многих отношениях культурные права являются основными, когда речь идет о признании и уважении человеческого достоинства, поскольку они защищают формирование и выражение различных представлений о мире — индивидуальных и коллективных — и включают в себя свободы человека, касающиеся вопросов самобытности⁴». Более широкое понимание культурных прав содержится в Замечании общего порядка № 21 (2009)⁵ по

---

² А.Х. Абашидзе «Юридический характер обязательств государств — участников Международных пактов о правах человека» С.-3.

³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.

⁴ Волкова Наталия Валерьевна Культурные права как отдельная категория системы прав человека: международно-правовые аспекты // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. №2. С.-276 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-prava-kak-otdelnaya-kategoriya-sistemy-prav-cheloveka-mezhdunarodno-pravovye-aspekty> (дата обращения: 20.03.2017).

⁵ См: Замечание общего порядка № 21 Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1 а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). Док. E/C.12/GC/21.

праву на участие в культурной жизни, принятом Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам.

На сегодняшний день полноценное осуществление культурных прав человека представляется затруднительным из-за возрастающих всплесков экстремизма в разных регионах мира, которые проявляются в различных формах и представляют угрозу осуществлению не только отдельных категорий прав человека, но и прав человека в целом.

Происходит это в силу того, что в фундаментальном основании экстремистских парадигм лежит идея отказа от равенства и универсальности прав человека, что представляет собой серьезную угрозу правам человека во всем мире, и вместе с тем, подрывает базовые принципы международного права.

В качестве примеров нарушений права на свободу художественного выражения можно привести случаи, когда художников обвиняют в «богохульстве» или «религиозной диффамации», оскорблении «религиозных чувств» или подстрекательстве к «религиозной ненависти». Творчество и само по себе выражение воспринимается как угроза фундаменталистам и экстремистам, но также и потому, что художники часто сопротивляются и предлагают альтернативы экстремистским программам. Целые художественные практики, запрещались джихадистскими группами на севере Мали во время оккупации 2012 года. В 2012 году предыдущий Специальный докладчик по культурным правам также выразил обеспокоенность в связи с угрозами и насилием, совершенными в отношении художников и ученых в Тунисе салафистскими группами. Невозможно перечислить всех художников, убитых различными фундаменталистами и экстремистами.

Экстремисты повсюду ориентированы на образование по-разному. В некоторых местах они убивают учителей или проводят атаки на учеников, в других странах они пытаются навязать гендерную сегрегацию в школах или полностью исключить женщин и девочек, они стремятся изменить содержание образования, исключить половое воспитание из учебной программы или подвергнуть цензуре научные теории, с которыми они не согласны.

Экстремистское движение Боко Харам, считает: «Западное образование - это грех», неоднократно они были замечены в похи-

щениях школьниц, что является всего лишь одним ужасным примером. В апреле 2015 года другая экстремистская группировка «Аль-Шабааб» напала на университет Гариссы в Кении, в результате чего погибло более 140 студентов. Широко распространились нападения на школы для девочек со стороны экстремистских вооруженных групп в Афганистане и Пакистане.

С целью наилучшего понимания данной проблемы и ее детального рассмотрения, в начале 2017 года Специальным докладчиком по культурным правам был подготовлен доклад⁶, в котором рассматриваются такие явления, как фундаментализм и экстремизм. Согласно докладу под *фундаментализмом* понимается: «политические движения крайне правых, которые в условиях глобализации ... манипулируют религией, культурой или этнической принадлежностью для достижения своих политических целей», Специальный докладчик отмечает, что фундаменталисты формируют проекты в области государственного управления в соответствии с их теократическими взглядами и навязывают свою интерпретацию религиозной доктрины другим как закон или государственную политику, с тем чтобы консолидировать социальную, экономическую и политическую власть в гегемонии и принуждении: «Фундаментализм - это не просто терроризм, экстремизм или даже религия. Это, по сути, менталитет, основанный на нетерпимости к различию». Специальный докладчик использует термин «экстремизм» наряду с «фундаментализмом», однако отмечает, что вопрос определения всегда следует тщательно учитывать и применять в соответствии с соответствующими международными нормами в области прав человека. «*Экстремизм* - это более широкое и более текучее понятие, чем фундаментализм, но также более расплывчатое и склонное к злоупотреблениям».

Некоторые формы современного экстремизма, которые оказывают особое влияние на культурные права, сосредоточены на мифах о гомогенной нации, требованиях этнического или расового превосходства, или чистоты, а также на популистском ультра национализме, направленном против либеральной и плюралистической

---

⁶ Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights A/HRC/34/56 16 January 2017.

демократии. Большая часть современного экстремизма, посягающего и затрагивающего культурные права, исходит из крайне правого политического спектра, который во многих регионах является господствующим или стоящим у власти. В данном контексте Специальным докладчиком отмечается, что «экстремисты стремятся к установлению того, что они считают естественным порядком в обществе, независимо от того, основываются ли они на расе, классе, вере, этническом превосходстве или предполагаемой традиции; как правило, они обладают идеологической программой или планом действий, направленным на принятие и поддержание общинной или государственной власти, отвергают универсальные права человека и демонстрируют отсутствие сочувствия и пренебрежения к правам других лиц, кроме своего собственного народа; ... отвергают разнообразие и плюрализм в пользу своего предпочитаемого монокультурного общества...»⁷.

В данном контексте очевидным становится непосредственное влияние действий экстремистского характера на возможность осуществлять свои культурные права, поскольку внимание сосредотачивается только на вопросах безопасности, что приводит к нарушениям широкого спектра прав человека.

Специальный докладчик в своем докладе, подчеркивает центральную роль и важность культурных прав, основанных, в частности, на статье 27 Всеобщей декларации прав человека и статьях 13 и 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, что означает права каждого человека развивать и выражать свою человечность, их мировоззрение и значения, которые они придают их существованию и их развитию посредством, в частности, ценностей, верований, языков, знаний и искусства и образа жизни. Культурные права также защищают доступ к культурному наследию и его пользование, свободу художественного самовыражения и научную свободу. Экстремизм является серьезным препятствием для успешной реализации данных прав, поскольку именно он формирует неблагоприятную среду, в которой просто невозможно полноценно пользоваться этими правами.

---

⁷ Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights A/HRC/34/56 16 January 2017.

Обратная сторона вопроса — это влияние культурных прав человека на противодействие экстремизму. Еще в 2014 году Совет Безопасности принял резолюцию 2178 (2014), в которой государствам-членам рекомендуется поощрять молодежь, семьи, женщин, религиозных, культурных и образовательных лидеров в борьбе с экстремизмом (пункт 16), а в 2015 году Совет Безопасности принял резолюцию 2250 (2015), в которой он подчеркнул важность образования в данной борьбе.

Одновременно с деятельностью уставных органов ООН, весомый вклад в противодействие экстремизму вносит специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Деятельность организации сосредоточена на оказании помощи странам в разработке образовательных программ, вырабатывающих у молодёжи иммунитет к идеям насильственного экстремизма и способствующих формированию конструктивного чувства идентичности и принадлежности, а также на расширении возможностей молодежи. Политика ЮНЕСКО по данному вопросу базируется на следующем: «противодействие экстремизму само по себе не является достаточной мерой: мы должны предпринимать шаги по его предотвращению, а для этого требуется использование «мягкой силы», направленной на сдерживание угроз, которые порождаются искаженным пониманием культурных особенностей, ненавистью и невежеством»⁸.

Искусство, образование, наука и культура — лучшие способы противодействия экстремизму, они критически важны для создания мирного пространства и защиты молодежной среды от экстремистской радикализации.

Для государств на сегодняшний день, крайне важно сосредоточить свои усилия на обеспечении достойного противовеса экстремистским дискурсам, оспаривая их публично и гарантируя должное образование, которое смогло бы укрепить уважение к правам человека, содействовать взаимопониманию, терпимости и гендерному равенству. Важным является создание условий без дискриминации, позволяющих людям получать доступ к культурной жизни, посредством поощрения творчества людей, доступа к искусству, науке, а

---

⁸ ЮНЕСКО «Предотвращение насильственного экстремизма» <http://ru.unesco.org/node/265438>.

также сохранения институтов, где возможно осуществление своей культурной и гражданской активности. Эффективным представляется активное участие международных неправительственных организаций в формировании общественного мнения и распространению информации среди гражданского общества в целях повышения заинтересованности граждан в проблемах международного характера. Фундаменталистские и экстремистские идеологии, когда они направлены на принуждение людей к конкретным мировоззрениям, системам убеждений и культурным обычаям, представляют собой угрозу правам человека и, более конкретно, культурным правам. На наш взгляд, государствам следует определять экстремистскую идеологию и прекратить прямо или косвенно поддерживать ее, а со стороны международного сообщества должна следовать незамедлительная критика. Также следует правильно квалифицировать экстремизм, как противоправное деяние, не злоупотребляя государственными полномочиями.

ООН уделяет внимание «насильственному экстремизму», признавая, что он имеет множество форм и проявлений, однако не дает его четкого определения. Вопрос экстремизма не анализируется договорными органами ООН по правам человека на систематической основе, что в свою очередь, на наш взгляд, могло бы стать ценным вкладом в общие усилия по борьбе с экстремизмом.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ РАЗВИТИЮ

Николай Андреевич Молчанов

*доктор военных наук, профессор кафедры
Интеграционного и европейского права
Московского Государственного Юридического
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Кристина Игоревна Трубачева

*заместитель директора Института современного
прикладного права по научной работе и инновациям
Московского Государственного Юридического Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук,
доцент кафедры Интеграционного и европейского права*

В последние годы российские и зарубежные ученые, опираясь на философские, социологические и политологические концепции мыслителей XVII-XX века (Б.Спинозы, Ф. Гегеля, Н. Бердяева, Л. Гумилева и др.), существенно расширили научное понимание международной безопасности, как одного из важнейших политико-социальных явлений современности. Значительный вклад в развитие теории международной безопасности внесли современные ученые-политологи А. Дынкин, А. Арбатов, А. Кокошин и др.

Под международной безопасностью понимается состояние международных отношений при которых гарантируется поддержание мира в отношениях между государствами в пределах определенного политического пространства. Международная безопасность - это миропорядок, в котором созданы благоприятные международные условия для свободного развития государств и иных субъектов международного права.

Главная цель международной безопасности сформулирована в Уставе ООН - «поддерживать мир и международную безопасность»¹ путем «принятия эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира».

Международная безопасность в широком смысле включает в себя комплекс политических, экономических, гуманитарных, информационных, экологических и иных аспектов безопасности. Международная безопасность в узком смысле включает в себя только ее военно-политические аспекты. Есть и иные определения, но следует отметить, что большинство российских школ теории международных отношений отошло от понимания международной безопасности как феномена, принадлежащего исключительно к военно-политической сфере и укоренилось многомерное, комплексное понимание международной безопасности, включающее не только «жесткие» (военные), но и «мягкие» (невоенные) факторы – экономические, социальные, демографические, экологические, культурные, информационные и прочие вызовы. Причем, такое широкое понимание категории «международная безопасность» свойственно не только для академической среды, но и зафиксировано в официальных документах. Подобный подход к проблеме безопасности содержится, например, в Законе² о безопасности РФ 1992 г., а также обоих вариантах Стратегии национальной безопасности (КНБ) РФ, принятых в 2000 и 2015 гг.

Российское восприятие международной безопасности в данном регионе разделяется и Евросоюзом. Принятый в июне 2000 г. План действий в рамках Северного измерения общей внешней и оборонной политики ЕС перечисляет следующие приоритеты: экология (особенно выбросы в водную и воздушную среды); ядерная безопасность; энергетическая безопасность; необходимость развития человеческих и научных ресурсов; здравоохранение и уровень жизни; препятствия на пути торговли и инвестиций; организованная преступность.

Несомненно, что любое социально-политическое явление обеспечивается правовым сопровождением, так и международная

---

¹ Устав Организации Объединенных Наций.

² Закон о безопасности РФ 1992.

безопасность имеет свою правовую базу в системе международного права через право международной безопасности, которое выполняет функции правового регулятора в происходящих международных событиях.

Право международной безопасности довольно основательно рассматривается в трудах профессора И. Лукашука, где он определяет его как отрасль международного права, принципы и нормы которого регулируют взаимодействие субъектов этого права в целях обеспечения мира и безопасности. Профессор Р. Каламкярян считает право международной безопасности подсистемой в рамках целостной, единой системы международного права, а профессор П. Бирюков считает, что ядро отрасли права международной безопасности составляют основные принципы международного права. В настоящее время можно видеть различные подходы к определению права международной безопасности, которые верны по своей сути, но пока не дают его общего согласованного понятия.

С учетом вышеизложенного можно считать, что Право международной безопасности есть отрасль международного права, представляющая собой систему принципов и норм, регулирующих международные отношения государств (политические, военные, экономические, гуманитарные и т.п.) в целях обеспечения мира и международной безопасности. Но следует считать, что нормы данной отрасли направлены на обеспечение как международной, так и национальной безопасности.

Основу права международной безопасности составляют общепризнанные принципы современного международного права, в том числе: неприменение силы или угрозы силой, территориальная целостность государств, нерушимость государственных границ, невмешательство во внутренние дела государств, мирное разрешение споров³.

Помимо общепризнанных принципов международного права право международной безопасности имеет и свои, отраслевые, принципы.

---

³ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament Community— Participation in Regional Fisheries Organizations (RFOs), COM (1999) 613 final.

Специалисты в области международного права к отраслевым принципам права международной безопасности относят следующие.

Принцип неделимости международной безопасности означает, что в XXI в. мир, как никогда ранее, неделим. Планета Земля — небольшая часть Вселенной. Государства нашей планеты тесно взаимосвязаны. При современных средствах связи и транспорта можно за считанные минуты или часы достичь любого уголка планеты. Жизнь показывает, что любой кризис в одной части земного шара, будь то природные катаклизмы, вооруженные конфликты или акты международного терроризма, сразу же негативно сказывается в других его частях. Государства ставят перед собой задачу совершенствования универсальной системы международной безопасности, основы которой заложены положениями Устава Организации Объединенных Наций.

Принцип не нанесения ущерба безопасности других государств предполагает проведение такой внешней политики государством, которая в максимальной степени учитывает безопасность не только своего государства, но и всего мирового сообщества. Безусловно, обеспечение национальной безопасности государства — один из приоритетов деятельности его высших органов, ибо речь идет о безопасности общества, обеспечении и защите прав человека и гражданина. В то же время каждое государство при выработке и осуществлении своей внешней политики, осуществлении военно-политических и военно-технических связей с другими государствами должно максимально учитывать все аспекты обеспечения безопасности как своих союзников, так и международного сообщества в целом.

В праве международной безопасности длительное время обосновывался принцип равной и одинаковой безопасности, который по своей сути развивает и конкретизирует предыдущий принцип — не нанесения ущерба безопасности других государств⁴. Имеется в виду, что с возможностями обеспечения безопасности других государств. Речь идет, о своего рода паритете.

---

⁴ Knud E Joergensen and Ramses A Wessel, ⁴The Position of the European Union in (Other) International Organizations: Confronting Legal and Political Ap-

Международно-правовые средства обеспечения международной безопасности весьма разнообразны. К ним относятся мирные средства разрешения международных споров и конфликтов, меры по разоружению, механизмы безопасности на универсальном и региональном уровнях, меры доверия. Помимо общепризнанных принципов международного права право международной безопасности имеет и свои, отраслевые, принципы.

Принцип не нанесения ущерба безопасности других государств предполагает проведение такой внешней политики государством, которая в максимальной степени учитывает безопасность не только своего государства, но и всего мирового сообщества. Безусловно, обеспечение национальной безопасности государства — один из приоритетов деятельности его высших органов, ибо речь идет о безопасности общества, обеспечении и защите прав человека и гражданина. В то же время каждое государство при выработке и осуществлении своей внешней политики, осуществлении военно-политических и военно-технических связей с другими государствами должно максимально учитывать все аспекты обеспечения безопасности, как своих союзников, так и международного сообщества в целом.

В праве международной безопасности длительное время обосновывался принцип равной и одинаковой безопасности, который по своей сути развивает и конкретизирует предыдущий принцип — не нанесения ущерба безопасности других государств⁵. Имеется в виду, что государство должно обеспечивать свою безопасность, соизмеряя ее с возможностями обеспечения безопасности других государств.

В Европе, в сфере реализации международной безопасности функционирует обширный арсенал конкретных средств обеспечения. К ним относятся: коллективная безопасность (всеобщая и региональная), разоружение; мирные средства разрешения споров;

---

proaches' in Panos Koutrakos (ed), *European Foreign Policy. Legal and Political Perspectives* (Edward Elgar Publishing, 2011) 261-86, 269; Piet Eeckhout, *EU External Relations Law* (Oxford, Oxford University Press, 2011) 222-31.

⁵ ECJ, Case 22/70 *Commission v Council* [1971] ECR 263; ECJ, *Joined Cases 3, 4 and 6/76 Kramer*, ECR 1279; *Opinion 1/76* [1977] ECR 741, and the subsequent case law.

меры по ослаблению межд. напряженности и прекращению гонки вооружений; меры по предотвращению ядерной войны, неприсоединение и нейтралитет; меры по пресечению актов агрессии, нарушения мира и угрозы миру; самооборона; действия межд. организаций, нейтрализация и демилитаризация отдельных территорий, ликвидация иностранных военных баз, создание зон мира в различных регионах земного шара; меры по укреплению доверия между государствами. В ряду вышеперечисленных средств обеспечения международной безопасности самое главное место отводится первым трем.

Установленные международным правом средства обеспечения международной безопасности можно разделить на следующие группы:

- а) по содержанию (мирные средства и принудительные меры);
- б) по роли в обеспечении международной безопасности;
- в) по сфере применения (в пределах территории одного государства, в пределах региона, в масштабах всего мира).

Существует широкий комплекс международно-правовых средств обеспечения международной безопасности: мирные средства разрешения международных споров; системы коллективной безопасности (универсальную и региональные); меры по предотвращению гонки вооружений и разоружению; меры доверия.

Основополагающими принципами международной безопасности являются принцип равной безопасности и принцип не нанесения ущерба безопасности государств.

Все средства обеспечения международной безопасности можно подразделить на средства укрепления мира, средства поддержания мира и средства восстановления мира. К наиболее важным средствам укрепления мира относятся разоружение, меры доверия, создание безъядерных зон. Среди средств поддержания мира необходимо назвать мирные разрешения конфликтов и споров, миротворческие операции по поддержанию мира.

Особо следует поставить вопрос научного содержания системы международной безопасности. В настоящее время она определяется как совокупность средств, обеспечивающих поддержание международной безопасности и в ней различают два момента: первый: коллективные меры - широкое межд. сотрудничество; второй:

превентивная дипломатия, направленная на предотвращение угрозы миру и на мирное урегулирование международных споров.

Источниками права международной безопасности являются международный договор, международный обычай, обязательные решения международных организаций, прежде всего Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

К источникам права международной безопасности также относятся универсальные договоры (Устав ООН, соглашения в области разоружения), региональные договоры (уставы региональных организаций безопасности, соглашения в области разоружения, установления мер доверия и создания безъядерных зон) и двусторонние соглашения (о мире и дружбе, о разоружении и др.). Основным источником, регламентирующим международно-правовые способы и средства обеспечения мира, является Устав ООН (гл. I, VI, VII).

Поддержание международного мира и безопасности и принятие для этого эффективных коллективных мер — главные из целей ООН (ст. 1).

Составными частями права МБ являются всеобщая безопасность, региональная безопасность, разоружение и меры доверия.

Принятые в рамках ООН резолюции ГА, содержащие принципиально новые нормативные положения и ориентированные на конкретизацию предписаний Устава, также могут быть отнесены к категории источников права МБ, например «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия» (1972 г.) или «Определение агрессии» (1974 г.). Важное место в комплексе источников права МБ занимают взаимосвязанные многосторонние и двусторонние договоры, регламентирующие правовые аспекты обеспечения мира. Эти договоры условно можно разделить на 4 группы:

- договоры, сдерживающие гонку ядерных вооружений в странственном отношении;
- договоры, ограничивающие наращивание вооружений в количественном и качественном отношениях;
- договоры, запрещающие производство определенных видов оружия и предписывающие их уничтожение;
- договоры, рассчитанные на предотвращение случайного (несанкционированного) возникновения войны.

Важное место среди источников права международной безопасности занимают так же документы СБСЕ—ОБСЕ. Хотя по своей сути они являются политико-правовыми, тем не менее, обеспечивают международную безопасность.

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Светлана Сергеевна Прояева

*студентка 3 курса Самарского научного исследовательского
университета имени академика С.П. Королева
lanasoplain@yandex.ru*

Устав ООН 1945 г. в статье 2 закрепляет в качестве одного из фундаментальных принципов международного права невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств¹. В пункте 7 ст. 2 этот принцип сформулирован с оговоркой, отсылающей к главе 7 Устава, посвященной применению принудительных мер. В соответствии со ст. 39 Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и, на основании чего он может применить меры, указанные статьями 41 и 42 (невооруженное и вооруженное вмешательство), затронув тем самым внутренний суверенитет государства. Данный правовой инструмент используется для предотвращения гуманитарных катастроф и напрямую связан с историей формирования современного международного права.

Тем не менее, при наличии правовых способов урегулирования массовых нарушений прав человека на отдельных территориях, в настоящий момент большое значение приобрели т.н. «гуманитарные интервенции». Наиболее крупными из подобных акций принято считать действия войск НАТО в Косово, Ираке, также под эгидой гуманитарного вмешательства были совершены недавние бомбардировки США в Сирии. Особенностью гуманитарных интервенций является отсутствие какого-либо механизма их правового регулирования. Само данное понятие не закреплено ни в одном из международно-правовых актов, но под гуманитарной интервенцией

---

¹ Устав ООН 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения 27 февраля 2017 г.).

большинство специалистов понимают применение или угрозу применения военной силы против иностранного государства для предотвращения гуманитарной катастрофы или в случаях иных массовых нарушений прав человека (геноцида, преступлений против человечности) на его территории. Исходя из данного определения, вмешательство происходит в сферу, признаваемую, как было указано выше, выходящей за рамки внутренней компетенции отдельных государств, однако это утверждение также можно подвергнуть критике: документы Московского совещания были подписаны только членами ОБСЕ, что не дает права распространять действие соглашения на иных участников мирового сообщества, которые, как показывает практика, зачастую и становятся объектом интервенций. Профессор О.Н. Хлестов определил понятие данного института следующим образом: «Гуманитарная интервенция - это применение вооруженной силы одним государством или группой государств против другого государства для защиты прав человека, граждан этой страны, то есть защиты прав населения на территории другого государства без согласия последнего». Он же говорит о том, что гуманитарная интервенция является нелегальным применением силы, так как осуществляется без санкции Совета Безопасности ООН и вразрез с Уставом организации².

На сегодняшний день сам институт гуманитарной интервенции и оправданность его существования ставятся под сомнение. Во-первых, история демонстрирует не один пример, когда целями предотвращения гуманитарных катастроф были прикрыты исключительно политические амбиции, а информация о массовых нарушениях прав человека являлась всего лишь *casus belli* для начала военных операций, преследующих внешнеполитические цели интервентов, как это было в случае с войной в Ираке 2003-2011 годов. В качестве довода в поддержку необходимости вмешательства приводились многочисленные доказательства наличия у правительства Саддама Хусейна оружия массового поражения. Не сумев добиться санкции Совета Безопасности, США все же ввели войска на территорию Ирака. В скором времени после этого стало известно об акте фальсификации сведений, ранее предоставленных в ООН. Данная

---

² Хлестов О.Н. Гуманитарная интервенция: политические и международно-правовые аспекты // "Юрист-международник", 2005, N 3.

акция, как известно, привела к затяжному конфликту на Востоке, нанесшему внушительный урон интервенируемому государству в виде исхода населения из зоны конфликта, появления террористических организаций.

Помимо прочего, такой неправовой инструмент как гуманитарная интервенция вызывает вопросы в контексте существования ряда международных организаций, деятельность которых непосредственно направлена на поддержание мира, защиту прав и свобод человека. Речь, в первую очередь, идет об ООН, членами которой являются 193 государства мира. ООН, как известно, способна использовать не только правовой инструмент, выраженный в возможности создания международно-правовых норм и регулирования международно-правовых отношений, но также силовой элемент в виде миротворческих войск, осуществляющих реализацию миссий, инициированных и санкционированных ООН, в частности Советом Безопасности. Что же касается последнего, на данный момент состав Совета позволяет сохранять геополитический баланс и препятствует использованию данного органа в качестве орудия реализации интересов отдельных государств. В настоящее время совещания Совета Безопасности ООН можно назвать тем самым фильтром, который препятствует произвольному вмешательству во внутренние дела отдельных государств со стороны мирового сообщества. Самым, пожалуй, ярким примером, служит блокировка Советом Безопасности инициативы США на применение силы против Ирака в 2003-2004 гг., о которой уже говорилось ранее.

Инициатива Кофи Анана о возможности использования гуманитарной интервенции была обусловлена, по его словам, недостаточностью ресурсов и возможностей сил ООН³. В подтверждение этих слов зачастую приводится провал миссии в Руанде, хотя очевидно, что данный пример не является состоятельным. В доказательство тому – действия Франции в период конфликта. Французские власти, поддерживая правительство Хабиариманы, тем самым только усугубили ситуацию гражданской войны в Руанде, приведшей в итоге к геноциду. Также примечательным остается факт того,

---

³ Аннан К. Обновление Организации Объединенных Наций: программа реформы. Доклад Генерального секретаря на 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк: Изд. ООН, 2001.

что, зная о планах полного уничтожения тутси на территории государства, США, которые, как известно, являются одними из главных сторонников политики интервенций, не приняли не малейшей попытки вмешательства⁴.

Говоря же о действиях НАТО в Югославии, очевидно, что именно интервенция привела к таким масштабам гуманитарной катастрофы, последствия которой Восточная Европа ощущает по сей день. Аналогичная тенденция в настоящий момент наблюдается в Сирии, где от авиаударов уже пострадало немало объектов гражданской инфраструктуры, а также такие гуманитарные единицы, как госпитали и школы.

Разумеется, любое государство, в соответствии с принципами, закрепленными в Уставе ООН и иных международно-правовых актах⁵, ожидает соблюдения собственного суверенитета, как внешнего, так и внутреннего. Одновременно с тем, вступая в организацию и становясь полноправным членом мирового сообщества, оно обязуется соблюдать основные требования, предъявляемые международно-правовыми актами и самой организацией, потому как именно это является основой поддержания мира. И принимая эту обязанность, государство в лице своих представителей должно осознавать незыблемость основных институтов международного права, таких как права и свободы человека и гражданина, международное гуманитарное право. Как уже отмечалось выше, многие государства стремятся к дополнительному правовому обеспечению этого понимания путем принятия конвенций, но невозможно отрицать, что сам факт принадлежности к мировому сообществу уже порождает необходимость соблюдения общепризнанных норм и принципов. В связи с этим, исключения из такого принципа, как невмешательство в дела, составляющие внутреннюю компетенцию

---

⁴ Carrol, Rory. US chose to ignore Rwandan genocide//_London: the guardian April 1, 2004 URL: <https://www.theguardian.com/world/2004/mar/31/usa.rwanda> (дата обращения 1 марта 2017 года).

⁵ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года / URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml, (дата обращения 1 марта 2017 года).

государства, является осознанной необходимостью международного права, гарантией соблюдения его норм. Но невозможно отрицать, одновременно с тем, что эти исключения должны быть четко регламентированы международно-правовыми актами, а не передаваться на волю наиболее влиятельных геополитических субъектов.

Имея четкий механизм урегулирования чрезвычайных ситуаций на международном уровне, такое попустительство недопустимо. Каждое государство должно и, в соответствии с Уставом ООН, имеет право на суверенитет. И лишь ООН на сегодняшний день вправе решать, допустимо ли его ограничение. Проблема недостаточности ресурсов у организации – вопрос внутриорганизационный, не затрагивающий правовых основ.

Вопрос же военного вмешательства в гуманитарных целях может быть разрешен путем не только необходимости получения санкции Совета Безопасности на действия в рамках гуманитарной интервенции. Нельзя не согласиться, что эта процедура зачастую имеет продолжительный характер, что приведет к увеличению масштаба и количества жертв гуманитарных катастроф. В связи с этим, возможным вариантом разрешения данной проблемы может являться установление права на вмешательство в зоны массового нарушения прав человека только миротворческих сил ООН. Исходя из этого целесообразным является предоставление полномочий по использованию этих сил в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН, без санкции Совета Безопасности, что могло бы позволить допустить к принятию решения все государства-участников организации, тем самым обеспечив легитимность применение силовых мер по предотвращению катастроф.

Говоря об ответственности за осуществление под эгидой гуманитарной интервенции действий, способствующих выгоде государства-интервента, эта проблема должна решаться путем применения санкций к данному государству, либо привлечения к ответственности лиц, непосредственно санкционировавших интервенцию, а также лиц, действия которых способствовали извлечению выгоды из подобной гуманитарной акции. Однако, такой подход требует пересмотра условий привлечения к международной ответственности отдельных физических лиц (в том числе порядок привлечения к ответственности Международным уголовным судом).

КОНЦЕПЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ “CRIME OF STATE”: СОДЕРЖАНИЕ, ТОЛКОВАНИЕ И ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Галина Вадимовна Серегина

*студент Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Тема ответственности государств и вопросы ее реализации в последнее время обсуждаются всё больше и больше. Основная сложность в том, что концепция тесно связана с такими неоднозначными категориями международного права, как «суверенитет» и «наднациональность», поскольку ключевую роль в реализации концепции уголовной ответственности государств играет именно наднациональный элемент.

Идея уголовной ответственности государства возникла на рубеже XIX - XX вв., однако отношение юристов к данной концепции было противоречивым. Известный британский юрист Р. Филлимор утверждал, что «говорить о возложении наказания на государство - значит извращать принципы уголовного правосудия»¹. Однако особое значение вопрос об ответственности государств приобрел уже после окончания Второй мировой войны в период Нюрнбергского и Токийского трибуналов.

Вопрос об уголовной ответственности отдельных должностных лиц получил свое развитие с принятием Римского статута 1998 г., учредившего Международный уголовный суд (далее - МУС). Однако в ст. 25 Статута МУС подчеркивается, что «уголовная ответственность лица за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, не влияет на ответственность государств по международному праву», т.е. ничто не препятствует тому, чтобы уголовная ответственность индивидов и государств развивалась параллельно.

---

¹ Phillimore R. Commentaries upon International Law, London: Butterworth, 1879. P. 5.

История развития концепции уголовной ответственности государств богата аргументами и «за», и «против», что только подчёркивает ее неоднозначность и возможно даже то, что современное международное право еще не готово к попыткам ее реализации.

В 2001 г. был принят проект Статей об ответственности государств (далее - Статьи 2001 г.). Статьи не вводят понятия непосредственно уголовной ответственности для государств, однако утверждают, что всякое международно-противоправное деяние государств влечет за собой международную ответственность (ст.1).

Идея о том, что международно-правовые деяния могут иметь разный характер, возникла довольно давно. Уже во второй половине XIX в. И. Блюнчли указывал на то, что «если нарушение международного права грозит всеобщей опасностью, то не только потерпевшее государство, но и все другие государства, имеющие достаточно силы для защиты международного права, должны противодействовать ему»². По смыслу ст. 42 п. (b)-ii Статей 2001 г. если нарушенное обязательство является обязательством в отношении международного сообщества в целом (обязательством *erga omnes*) и нарушение этого обязательства носит такой характер, что коренным образом меняет положение всех других государств, в отношении которых существует обязательство, в том, что касается дальнейшего выполнения этого обязательства, то в принципе любое государство в качестве потерпевшего может призвать виновное государство к ответственности.

Д. Анцилотти считал, что независимо от степени тяжести правонарушения только пострадавшее государство вправе применять ответные меры в отношении государства-нарушителя, ответные действия иных государств рассматриваются как интервенция. Однако, по его мнению, интервенция является правомерной, если она необходима для предотвращения серьезной угрозы международному сообществу³.

Попытки решить проблему защиты коренных общих интересов государств от серьезных правонарушений предпринимались не

---

² Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств изложенное в виде кодекса. М., 1878. С. 283.

³ Anzilotti D. Teoria generale della responsabilità dello Stato nel diritto internazionale. Vol. Padoue, 1956. P.68.

в рамках института ответственности, а путем развития института коллективной интервенции, так как институт ответственности рассматривался только как гражданско-правовой⁴.

Международная ответственность действительно напоминает гражданско-правовую в том, что правоотношения возникают между равноправными субъектами. Однако специфика суверенных государств как субъектов правоотношений настолько значительна, что определяет качественно иной их характер, поскольку отношения между государствами носят публично-правовой характер.

По мнению американского юриста Э. Рута, необходимо разделить правонарушения на две категории, как они разделены во внутригосударственном уголовном праве: правонарушения, затрагивающие интересы лишь непосредственно пострадавшего государства, и правонарушения, затрагивающие интересы всего сообщества государств. К этому положению так же американский юрист А.Писли сделал важное дополнение о том, что во втором случае наказание должно осуществляться органом международного сообщества, который предстоит создать, например, после окончания войны, что на данном этапе развития международных отношений едва ли возможно.

Родоначальником концепции уголовной ответственности государств принято считать румынского исследователя Веспасиана Пелла, который впервые в 1928 г. в монографии «Коллективная ответственность государств и уголовное право будущего» подробно обосновал необходимость уголовной ответственности государств.

Последовательно отстаивала выделение в особую категорию правонарушений, ставящих под угрозу мир, доктрина СССР в лице известных ученых и авторитетных юристов: Д. Б. Левина, П. Куриса и других.

В такой трактовке концепция уголовной ответственности государств близка, на наш взгляд, к современной концепции «ответственности по защите», или же «responsibility to protect». В соответствии с ней государства международного сообщества, которые не являются потерпевшими (в то время как потерпевшим выступает

---

⁴ Лукашук И.И. Право международной ответственности . - М.: Волтерс Клувер, 2004, URL: <http://www.twirpx.com/file/165749/> (дата обращения: 26.03.17).

само население государства-нарушителя), вправе вмешаться во внутренние дела государства-делинквента, вплоть до военной интервенции. Как указано в п. 138 Итогового документа Всемирного саммита 2005 г.⁵, такое вмешательство возможно в случае определенных международных преступлений, таких как геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности, которые суверенные правительства не смогли или не желали предотвратить. Более того, определенными полномочиями в рамках данной концепции так же наделяется международная организация – ООН (п.139 Итогового документа Всемирного саммита 2005 г.).

На наш взгляд концепция «ответственности по защите» гораздо более жизнеспособна, хотя и она плохо согласуется с понятием суверенитета государств, и не многие из отечественных ученых ее поддерживают, она отделяет государство от населения, и ответственность в итоге все же несут конкретные люди. На возможность развития данной концепции, при соблюдении определенных критериев, в частности, указывает в своей работе Л.И. Захарова⁶. В гораздо более негативном ключе высказывался В.С. Котляр, указывая на то, что данная концепция является просто предлогом и оправданием для применения силы, порой и без соответствующих санкций ООН⁷.

Интересно, что подобную аналогию можно применить и к концепции уголовной ответственности государств. Ведь санкции в

---

⁵ Сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch1.shtml (дата обращения: 26.03.17).

⁶ Захарова Л.И. Содержание и перспективы совершенствования концепции «Ответственность по защите» // ООН-универсальный центр координации по поощрению и защите прав и свобод человека: коллективная монография. Под общ. ред. А.Х.Абашидзе, Р.В.Нигматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С.69-78.

⁷ Котляр В.С. Концепция ответственности за защиту как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // Международное публичное и частное право. 2005. – № 3 URL: <http://www.lawmix.ru/comm/776/> (дата обращения: 26.03.17).

отношении государства тоже предполагают вмешательство во внутренние дела государства, однако, предлог уже будет не в виде помощи и содействия, а в виде международного правосудия.

Исследователи деятельности Нюрнбергского трибунала справедливо задавались вопросом, почему «архитекторы Нюрнбергских процессов остановились и не сделали следующего шага, не объявили само нацистское государство обвиняемым»⁸. Некоторые же авторы наоборот считают саму идею государства-преступника несостоятельной, например, П. Дрост полагает, что «преступное государство - нелепость, а преступное правительство – реальность»⁹.

Хотя, вероятно, ответ на первый вопрос, учитывая реалии современного мира и анализ исторической ситуации, очевиден, так как если бы всё государство было объявлено обвиняемым, сложно было бы представить его реабилитацию на международной арене как субъекта международного права и существование современной Германии.

Однако этот вопрос заставляет нас обратиться к еще одному важному аспекту концепции уголовной ответственности государств - ее толкованию. Если трактовать концепцию буквально, то за неправомерные деяния государственного аппарата должно отвечать все государство, т. е. и его население, порой совершенно невинные люди, элементарно проживающие на территории «преступного государства», точнее говоря, находящиеся под юрисдикцией соответствующего государства, что затрагивает вопросы гражданства и самой принадлежности конкретного человека к тому или иному государству. Более того, очень сложно себе представить ситуацию, при которой государство будет претерпевать негативные последствия в виде, например, санкций, за международные преступления, так, чтобы при этом население государства не испытывало на себе эти негативные последствия.

Именно на основе концепции уголовной ответственности государств периодически возникали радикальные опасные идеи.

---

⁸ Ginsburgs G. Nuremberg and Criminal State // *Kontinuitat und Neubeginn. Staat und Recht in Europa zu Beginn des 21. Jahrhunderts*. Baden-Baden, 1999. P. 591 - 592.

⁹ Drost P. *The Crime of State*. Leyden: A. W. Sythoff, 1959. P. 292.

Например, связывание агрессивности государства с биологическими характеристиками народа (теория В. Пелла) или предложение подвергнуть наказанию «весь народ, населяющий государство, а также следующее поколение»¹⁰. Такой подход подрывает современные основы всего международного права в целом и международного права прав человека, в частности.

Еще одна сложность в реализации концепции уголовной ответственности государств, как уже упоминалось в начале работы, состоит в проблеме ее соотношения с концепцией суверенитета. В. Д. Вадапалас утверждает по вопросу соотношения принципа реализации ответственности и принципа суверенитета, что «возможность применения мер репрессивного характера против государства-правонарушителя вовсе не противоречит принципу суверенного равенства государств»¹¹. П. Курис, глубоко изучавший природу международно-правовых санкций и ответственности, так же писал, что «признание того, что международно-правовой ответственности свойственна карательная функция, отнюдь не противоречит принципу уважения государственного суверенитета и не означает признания уголовно-правового характера этой ответственности»¹².

Более того, если оставить в стороне вопрос соотношения рассматриваемой концепции с понятием суверенитета и обратиться к вопросу трактовки самого понятия государства, то возникает следующая картина. Государство - это особая организация политической власти. В соответствии с устоявшимся в современной отечественной доктрине теории государства и права подходом основными обязательными признаками государства считаются суверенитет, территория, население и публичная власть. Логично, что сама территория государства как таковая ответственности подвергнуться не может, население ответственности подвергаться не должно, как уже было

---

¹⁰ Farhad M. *International Criminal Responsibility of States*. Stockholm: University of Stockholm, 1985. P. 177.

¹¹ Вадапалас В. Д. Развитие института международно-правовой ответственности // *Международное право в современном мире*. М.: Международные отношения, 1991. С. 42.

¹² Курис П. *Международные правонарушения и ответственность государства*. Вильнюс: Минтис, 1973. С. 89.

выяснено выше, остается – публичная власть. Последняя в государстве реализуется через органы государственной власти и соответствующие должностные лица. Соответственно, если возложить ответственность за деяния государства на публичную власть, то нести ее будут определенные люди, выполняющие должностные обязанности, что опять нас возвращает к международной уголовной ответственности индивидов и деятельности МУС.

Однако последний вывод нас так же отсылает к Статьям об ответственности государств 2001 г., в частности в Главе II «Присвоение поведения государству», в которой и говорится о том, что поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства по международному праву, а понятие "орган" включает любое лицо или любое образование, которое имеет такой статус по внутригосударственному праву.

Таким образом, получается, что ответственность государства реализуется посредством ответственности индивидов и наоборот - деяния индивидов (органов), наделенных властными полномочиями, влекут ответственность государства. Причем в последнем случае предусмотрены формы возмещения вреда, характерные именно для публично-правовой ответственности - реституция, компенсация, сатисфакция. Хотя, хотелось бы так же отметить, данные формы возмещения вреда, типичные для имплементации ответственности государств, так или иначе оказывают воздействие на его население, в частности, такие меры ответственности могут оказать влияние на ВВП государства, особенно если речь идет о развивающихся государствах.

Многие представители отечественной доктрины международного права крайне отрицательно относятся к идее передачи какой-либо структуре надгосударственных полномочий с функциями принуждения. Тем не менее, сторонниками концепции уголовной ответственности государств являются А. Н. Трайнин и Ю. Г. Барсегов¹³, позиции которых, однако, базируются на необходимости введения уголовной ответственности государств за одно из тягчай-

---

¹³ Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М.: Наука, 1969; Барсегов Ю. Г. Геноцид армян - преступление по международному праву. М.: XXI век - Согласие, 2000. С. 75 - 76.

ших международных преступлений - геноцид. По их мнению, в ситуации осуществления геноцида государство действует как единый отлаженный механизм, задействуя основных должностных лиц, органы государственной власти, армию, средства массовой информации.

И. В. Фисенко справедливо отмечает: «Концепция уголовной ответственности государств в международном праве развивалась в основном криминалистами, которые были более склонны перенести категории внутригосударственного права в международное, чем специалисты по международному праву, среди которых эта концепция находит сравнительно мало сторонников»¹⁴.

Понятие «преступление государства» давно известно международной практике, что прослеживается на примере понятия агрессивной войны. В преамбуле Женевского протокола о мирном разрешении международных споров, принятом Собранием Лиги Наций в 1924 г., говорилось, что государства принимают его, признавая агрессивную войну международным преступлением.

Декларация о принципах международного права 1970 г. содержит совершенно четкое положение: «агрессивная война является преступлением против мира, которое влечет за собой ответственность по международному праву», данное определение так же было подтверждено Ассамблей и в принятом в 1974 году определении агрессии (ст.5.2).

При обсуждении докладов Комиссии международного права в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН представители ряда государств высказались за определение различных режимов ответственности в зависимости от значения нарушенных обязательств, в частности, за такие правонарушения, как угроза миру, нарушение мира или акт агрессии, геноцид, апартеид, сохранение с помощью силы колониального господства¹⁵.

---

¹⁴ Фисенко И. В. Ответственность государств за международные преступления // Белорусский журнал международного права, 1998. N 3. С. 35.

¹⁵ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 15 сессия, Шестой комитет. Заседание 653; 16 сессия. Заседание 726 и 729; 17 сессия. Заседание 745; 18 сессия. Заседание 784; URL: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (дата обращения: 26.03.17).

Однако при рассмотрении международными судебными органами вопросов ответственности не обнаруживается различных подходов к их разрешению в зависимости от характера нарушенного обязательства: суды ограничиваются в основном решением вопросов о возмещении ущерба.

Интересно то, что международные судебные органы всегда признавали право привлечь к ответственности правонарушителя непосредственно только потерпевшим государством. При вынесении решения в 1969 г. по делу о Юго-Западной Африке Международный Суд отказался признать, что в позитивном международном праве существует нечто подобное *actio popularis* и что каждый член какого-либо сообщества может возбуждать дело в целях защиты государственных интересов¹⁶.

В доктрине традиционно выделяется три юридических основы для отнесения определенных противоправных деяний к особой категории: это Устав ООН, который, определил основные цели и принципы ООН и установил особый порядок их защиты; это выделение в международном праве особой категории императивных норм, которые призваны обеспечить коренные интересы международного сообщества (нормы *jus cogens*); это установление уголовной ответственности должностных лиц государства за нарушение определенных норм международного права.

В современном международном праве должны произойти явные изменения, чтобы отношения между государствами перешли на качественно новый уровень взаимодействия, и произошла передача новых надгосударственных полномочий какому-либо существующему или вновь созданному международному органу или организации.

Вероятно, эти явные изменения должны в первую очередь коснуться института ответственности государств за применение

---

¹⁶ South West Africa cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa) Judgment. 18 July 1966, ICJ // ICJ Reports. 1966 ; URL: <http://www.icj.org/docket/index.php?sum=288&code=lsa&p1=3&p2=3&case=47&k=f2&p3=5> (дата обращения: 26.03.17).

силы в рамках отрасли международной ответственности¹⁷, хотя бы в силу того, что международное сообщество регулярно переживало и переживает кризисы, связанные с агрессией государств и применением силы и, возможно, институт ответственности государств помог бы решить эту проблему.

Таким образом, концепция уголовной ответственности государств является своеобразной конструкцией, в соответствии с которой ответственность должно нести государство, выступая как «преступник», а не как суверенное образование. Однако, как упоминалось выше, на данном уровне развития международных отношений сложно даже теоретически представить возможность отделить население и правящих субъектов от самого государства, а также возможность передать настолько значительную часть суверенитета государств какому-либо международному органу, и уж тем более возможность признать суверенное образование даже не «агрессором», а «преступником».

---

¹⁷ Сазонова К. Л. Концепция уголовной ответственности государств в доктрине международного права // Международное уголовное право и международная юстиция, 2013, N 3; URL: <http://shop.pc-forums.ru/o816.html> (дата обращения: 26.03.17).

**ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ ГОСУДАРСТВ
В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РЕЖИМА
НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОРУЖИЯ
МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ**

Александра Евгеньевна Симонова

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
for-alex.07@mail.ru*

События последних месяцев и даже дней в деле распространения оружия массового уничтожения (далее - ОМУ) заставляют снова обратиться к вопросу сотрудничества государств в этой сфере. Речь идет о применении запрещенного химического вещества зарин, то есть боевого химического оружия 4 апреля 2017 г. против жителей сирийского города Хан-Шейхуне. Эту информацию подтвердила Организация по запрещению химического оружия. Такой вывод на основании проведенных экспертиз в своих лабораториях организация опубликовала на своем сайте 19 апреля 2017 г.¹. Указанные события, связанные с применением химического оружия, происходят в то время, когда в Сирии для проверки этой информации находятся представители Организации Объединенных Наций (далее - ООН) и от результатов такой проверки зависит исход всех событий в Сирии.

Это лишь один пример из известных фактов применения ОМУ за последнее время². Последние десятилетия XX и начало XXI века характеризовались возрастанием количества попыток применения ОМУ именно в террористических целях негосударственными

---

¹ См. <http://nv.ua/world/countries>. (дата обращения: 21 апреля 2017 г.).

² См. подробнее, например, Маркович И.В., Симонова А.Е. Биологическое оружие: проблемы распространения, терроризма, политика противодействия. М.: URSS, 2010. С. 152.

экстремистскими организациями. Нетрудно догадаться, что целенаправленное применение такого оружия приведет к масштабным последствиям, не только в рамках конкретного государства, но и за его пределами. Кроме того, в отличие от ядерного и химического оружия, для биологического оружия характерна слабая контролируемость зоны распространения последствий его применения (инфекции), границы которой могут быть достаточно подвижны. В этой связи можно признать вполне обоснованным мнение специалистов, считающих биологическое оружие опаснее других видов оружия массового уничтожения.

Однако, здесь следует отметить, что возрастающей потенциальной опасностью применения биологического оружия в новых формах является использование некоторыми государствами биологических агентов в военных и террористических целях повышения «эффективности» мер применяемых в локальных конфликтах, в рамках современных гибридных войн, выражающуюся в наступлении катастрофических последствий для жизнедеятельности населения враждебных государств. Случаи подобного применения биологического оружия, так называемых биотеррористических атак чрезвычайно сложно выявить и отличить от природных вспышек, поскольку требует серьезного эпидемиологического анализа, наличия специалистов и соответствующего оборудования. Тем более что объекты производства и соответствующие целенаправленные утечки легко маскируются под официальные учреждения.

При несомненной важности и эффективности существования конвенционного механизма сотрудничества государств в нераспространении ОМУ, а именно Конвенции о запрещении химического оружия 1993 г., Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия 1972 г., Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. важное значение имеют и иные формы международного сотрудничества в этой области. Если речь идет о сотрудничестве государств в борьбе с распространением биологического оружия, то анализ международно-правовых актов, регламентирующих такое сотрудничество позволяет выделить следующие основные направления³:

---

³ Симонова А.Е. Противодействие биотерроризму: международно-правовой аспект. М.: URSS. 2010. С. 56.

1) предотвращение распространения биологически опасных агентов и токсинов, а также средств их доставки и технологий разработки – состоит как в пассивном отказе от обладания агентами и токсинами, так и в активном противодействии попыткам различных преступных организаций и лиц получить доступ к опасным биологическим агентам (токсинам).

2) межгосударственный обмен информацией – обеспечивает взаимодействие соответствующих специальных служб различных государств по вопросам борьбы с распространением биологического оружия и способствует своевременному оповещению стран о вспышках странных заболеваний, а также обмен научной информацией о последних достижениях в области охраны здоровья населения.

3) предупреждение распространения биологического оружия, в том числе так называемых актов биотерроризма, то есть терроризма с применением биологического оружия – включает систему мероприятий, направленных на предотвращение распространения такого оружия и совершения актов биологического терроризма;

4) ликвидация последствий – предусматривает комплекс мер по ликвидации последствий распространения биологического оружия, в том числе совершенного акта биологического терроризма, а также по предотвращению дальнейшего распространения инфекции.

Противодействие преступности в целом и наиболее тяжким ее видам, таким как терроризм, в том числе такой его опасной разновидности как терроризм с использованием ОМУ, в целях поддержания и укрепления правопорядка остаются одними из важнейших направлений развития и сотрудничества мирового сообщества. Деятельность международных организаций, создаваемых в соответствии с основополагающими принципами ООН, должна способствовать достижению целей и задач, стоящих перед ООН по решению глобальных проблем человечества, к числу которых относятся и всемирное противодействие преступности, и ее предупреждение. Вопросы противодействия преступности затрагиваются ООН в рамках деятельности как основных, так и специализированных органов.

Взаимодействие государств и международных организаций в борьбе с преступностью может быть эффективным лишь при высокой степени координации, а также развитой правовой базе, позволяющей обеспечивать своевременное реагирование на рост и развитие международной преступности. Масштабное сотрудничество в целях противодействия и профилактики преступности, минимизации и ликвидации её негативных последствий осуществляется как на универсальном, так и на региональном уровнях сотрудничества государств.

Провозглашая «борьбу с насилием, террором и преступностью, устранение угроз, создаваемых оружием массового уничтожения» одной из целей развития человечества в текущем тысячелетии, важно помнить, что в большинстве случаев данные условия достигаются посредством усилий государств как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровне. Выступая в качестве инструмента по разрешению и урегулированию разнообразных проблем, стоящих на международной повестке дня, необходимо в первую очередь учитывать соотношение и совокупность сил, добросовестное отношение к взятым на себя обязательствам, последовательное и неукоснительное их исполнение.

**К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПРОБЛЕМЕ ПОНЯТИЯ
«ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ»**

Кристина Ивановна Стебенева

*адъюнкт 1-го года обучения кафедры
прав человека и международного права
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя
ashiha.ouwen5@gmail.com*

Одной из негативных тенденций современного состояния транснациональной преступности является значительный рост преступлений, связанных с незаконным оборотом медицинской продукции. Это не может не вызывать озабоченность со стороны международного сообщества, так как данный вид преступлений обладает высоким уровнем латентности и представляет собой повышенную общественную опасность, посягая на здоровье, а нередко и жизнь людей. По оценкам экспертов теневой фармацевтический рынок в силу своей колоссальной прибыльности на сегодня занимает третье место в мире после незаконной торговли оружием, наркотическими средствами и психотропными веществами¹.

Необходимо заметить, что, несмотря на глобальные масштабы данной проблемы, опыт и результаты противодействия незаконному обороту медицинской продукции, как на международном, так и на внутригосударственном уровнях все еще остаются довольно скромными.

Одной из причин, препятствующих эффективному сотрудничеству государств в данной сфере, на наш взгляд, является отсутствие терминологического единства, так как это существенно

---

¹ Файзрахманов Н.Ф. О совершенствовании международно-правового обеспечения расследования оборота фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции // Вестник МосУ МВД России. № 10. М., 2011. С. 145.

усложняет процесс формулировки на международном уровне единых уголовно-правовых норм, предусматривающих отдельные составы преступлений, а также препятствует унифицированной квалификации преступных деяний.

На универсальном уровне данная проблема впервые была затронута на Международной конференции «Борьба с контрафактными лекарственными средствами: наращивание эффективного международного сотрудничества», проведенной Всемирной Организацией Здравоохранения (далее — «ВОЗ») в Риме в 2009 г. Одной из обсуждаемых проблем стало отсутствие общей международной позиции относительно терминологии, применяемой в данной области: употребление государствами взаимозаменяемых терминов, к примеру, «незаконные», «фальсифицированные», «поддельные», «контрафактные», «некондиционные», «недоброкачественные», «не соответствующие требованиям безопасности» и др. лекарственные средства. Результаты работы Конференции были отражены в Рекомендациях по борьбе с производством и незаконным оборотом фармацевтической продукции².

Так, действительно, к примеру, по законодательству Российской Федерации под «фальсифицированным лекарственным средством», стоит понимать «лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе»³, в то время как в Уголовном Кодексе Индии под «фальсификацией лекарственных средств» подразумевается «уменьшение эффективности или изменение действия лекарств, которые способны причинить вред здоровью потребителя»⁴.

Первые активные шаги к разрешению рассматриваемой проблемы на международной арене были предприняты в рамках Совета Европы (далее — «СЕ»). Более того, стоит отметить, что наиболее

---

² См.: Волеводз А.Г. Международно-правовые основы уголовной ответственности за преступления в сфере производства и оборота фальсифицированной медицинской продукции // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1. С. 108-109.

³ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета от 14 апреля 2010 г. № 78.

⁴ Уголовный кодекс Индии / пер. А.С. Михлина; под. Ред. Б.С. Никифорова. М., 1999. С. 142-143.

активное сотрудничество государств в данной сфере на сегодня осуществляется именно на региональном международном уровне. Так, в 2006 г. в Москве состоялась международная конференция «Европа против фальшивых лекарств», по результатам которой была принята Московская декларация, в которой отмечалась повышенная опасность фальсифицированных лекарственных средств и необходимость принятия соответствующего международного договора о сотрудничестве, признающего деяния, связанные с производством и оборотом подобных лекарств, в качестве преступлений в сфере фармацевтики⁵. Конвенция «Медикрим» вступила в силу 1 января 2016 г. Российской Федерацией Конвенция подписана, но еще не ратифицирована.

С целью выполнения данной задачи Комитет министров СЕ учредил специализированный Комитет экспертов, который начал свою работу с апреля 2007 г. В результате к апрелю 2010 г. Комитетом был разработан проект Конвенции Совета Европы «О борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения». Конвенция была открыта для подписания в октябре 2011 г. в рамках Международной конференции «Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция “Медикрим”) – противодействие распространению фальсификации медицинской продукции», проходившей в г. Москве⁶.

Конвенция «Медикрим» обязывает государства криминализовать на уровне национального права деяния, связанные с производством и оборотом фальсифицированной медицинской продукции, и установить уголовную ответственность за их совершение. Перечень таких деяний определяется Конвенцией и включает:

---

⁵ Московская декларация от 24 октября 2006 г. // Международная конференция «Европа против фальшивых лекарств». Москва, Российская Федерация. 23-24 октября 2006.

⁶ См.: Волеводз А.Г. Международно-правовые основы уголовной ответственности за преступления в сфере производства и оборота фальсифицированной медицинской продукции // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1. С. 110.

- совершенное умышленно производство фальсифицированных медицинских продуктов, фармацевтических субстанций, вспомогательных веществ, частей, материалов и аксессуаров;
- совершенные умышленно сбыт или предложение к сбыту, включая посреднические операции, транспортировку, складирование, импорт и экспорт фальсифицированных медицинских продуктов, фармацевтических субстанций, вспомогательных веществ, частей, материалов и аксессуаров;
- совершенные умышленно изготовление поддельных документов или фальсификацию документов;
- сходные преступления, угрожающие здоровью населения: изготовление, складирование для сбыта, импорт, экспорт, сбыт, предложение к сбыту или размещение на рынке лекарственных средств без разрешения, когда такое разрешение необходимо согласно внутреннему законодательству государства, или медицинских изделий в нарушение требований о соответствии, когда такое соответствие необходимо согласно внутреннему законодательству государства;
- коммерческое использование подлинных документов в целях, не соответствующих предусмотренным внутренним законодательством государства в рамках легальной цепи поставок медицинских продуктов;
- совершенные умышленно любое пособничество или подстрекательство к совершению любых преступлений, признанных в качестве таковых в соответствии с Конвенцией;
- умышленное покушение на совершение любого преступления, признанного в качестве такового в соответствии с Конвенцией⁷.

Таким образом, круг преступных деяний, как видим, довольно широк. Необходимо, однако, заметить, что конкретная дефиниция самого понятия подобных преступлений в тексте Конвенции отсутствует. В то же время Конвенция «Медикрим» содержит

---

⁷ Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим») от 28 октября 2011 г. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/211/htm> (дата обращения 08.04.2017).

ряд важных определений. К примеру, раскрываются понятия «медицинский продукт», «лекарственное средство», «медицинское изделие». Под фальсификацией, согласно Конвенции необходимо понимать «создание ложных сведений о характеристиках и (или) источнике происхождения»⁸.

Конвенция «Медикрим» является первым столь масштабным и конкретизированным международно-правовым договором в области борьбы с незаконным оборотом медицинской продукции. Скорейшая ратификация данного документа всеми государствами – участниками, по нашему мнению, непременно должна положительно сказаться на состоянии международного и национального правопорядка в будущем.

В 2008 году государствами – участниками Содружества Независимых Государств (далее — «СНГ») было подписано Соглашение о сотрудничестве в борьбе с обращением фальсифицированных лекарственных средств. Данный международный договор не содержит дефиниций и предусматривает разрешение возможных вопросов толкования посредством переговоров между заинтересованными государствами⁹. Тем не менее, Соглашение представляет собой первый значительный шаг к взаимодействию государств этого региона в области противодействия данному виду преступности и свидетельствует о важности рассматриваемой проблемы.

В заключение, на наш взгляд, нужно обратиться к такому распространенному в употреблении термину, как «фармацевтическая преступность». Необходимо заметить, что юридически закрепленного на международном уровне такого понятия нет. «Фармацевтическая преступность» представляет собой одно из основных направлений деятельности Международной организации уголовной

---

⁸ Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим») от 28 октября 2011 г. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/211/htm> (дата обращения 08.04.2017).

⁹ Соглашение о сотрудничестве в борьбе с обращением фальсифицированных лекарственных средств от 14 ноября 2008 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902210961> (дата обращения 08.04.2017).

полицейской (далее — «Интерпол») и определяется в рамках организации, как преступность, «включающая производство, торговлю и сбыт поддельных, похищенных или незаконных лекарственных средств и медицинских изделий»¹⁰. Данное понятие, на наш взгляд, не лишено логики, однако, в связи с отсутствием подобной дефиниции в международно-правовых источниках, представляется, что понятие «фармацевтическая преступность» следует считать рабочим термином Интерпола¹¹.

Таким образом, со сравнительно недавних пор государствами начали предприниматься серьезные шаги к разрешению проблемы, связанной с отсутствием терминологической унификации в сфере межгосударственного противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом медицинской продукции. Тем не менее, на универсальном уровне данный вопрос по-прежнему остается неразрешенным. Это, на наш взгляд, выступает значительным препятствием на пути эффективного международного сотрудничества и позволяет данному виду преступности год от года увеличиваться в масштабах, что свидетельствует о необходимости скорейшей ликвидации данного правового пробела.

---

¹⁰ Официальный сайт Организации уголовной полиции (Интерпола) // URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Pharmaceutical-crime> (дата обращения 08.04.2017).

¹¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола. AG-2010-RES-06 // URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Resources> (дата обращения 08.04.2017); Pharmaceutical Crime and Organized Criminal Groups // Отчет Интерпола. 17 июля 2014. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Resources> (дата обращения 08.04.2017); Pharmaceutical Crime on the Darknet: A study of illicit online marketplaces // Отчет Интерпола. 24 февраля 2015. URL: <https://www.interpol.int/Crime-areas/Pharmaceutical-crime/Resources> (дата обращения 08.04.2017).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ ЗА ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММОЙ ИРАНА

Елизавета Евгеньевна Стригунова

*студентка кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

На современном этапе развития Иран является одной из энергетически развитых держав на Ближнем Востоке после Израиля. История создания и развития атомной энергетики Ирана берет свое начало со времен правления М. Пехлеви. Многие ученые делят историю развития ядерной программы Ирана на 2 этапа¹. Первым этапом можно считать 1956 год, когда состоялись переговоры между США и Ираном. Они завершились подписанием Соглашения о мирном использовании атомной энергии 5 марта 1957 года. В соответствии с положениями данного договора США взяло на себя обязательство построить исследовательский реактор, а также комиссия США по ядерной энергии должна была обеспечить Иран ядерным топливом. В соглашение предусматривалось и подготовка квалифицированных специалистов и экспертов в ядерной сфере. В связи с развитием ядерной промышленности, через год Иран становится участником Международного агентства по атомной энергии (далее МАГАТЭ). Далее в 1968 году Иран подписывает Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. А в 1970 году вступает в договор о нераспространении ядерного оружия (далее ДНЯО).

На данном этапе одним из важных достижений в развитии атомной отрасли стало создания ядерного центра при Тегеранском университете. Президент США Д. Эйзентхэуэр в рамках развития программы мирного атома передал центру атомный реактор мощностью 5 МВт. Этот факт показал основополагающую роль США в

---

¹ Доклад Президента Организации по атомной энергии Ирана Г. Агазаде в МАГАТЭ. Вена, 6 мая 2003 г.

определении вектора внешней политики Ирана². Для поддержания такого рода отношений Иран был вынужден придерживаться внешнеполитического курса США.

Нужно отметить, что в 1974 году было создано агентство по атомной энергетике при ядерном центре Тегеранского университета. Основной задачей данного агентства стал контроль и регулирование ядерной программы. И в том же году Иран подписал с МАГАТЭ Соглашение о гарантиях.

В период с 1967 г. по 1979 г. зарождается идея самодостаточности Ирана в ядерной отрасли, которая послужила укреплению позиций сторонников внешней политики, а также укреплению экономических связей. Так, в 1972 году Иран подписал соглашение с Канадой об использовании мирного атома. В 1974 году Иран стал сотрудничать в ядерной сфере с Германией. Были подписаны соглашения о проведении совместных научных исследований. Одним из значимых результатов в сотрудничестве с Германией стало подписание двух договоров с немецкой компанией «Крафтверк Юнион»³.

Первый договор был по строительству и запуску в эксплуатацию двух блоков атомной электростанции на легкой воде в Бушере. Второй договор содержал положения об обеспечении топливом.

Также в этот период начались переговоры с Австралией; был подписан договор с Индией 1976 года в сфере использования мирного атома. Менее активно, проходило сотрудничество с Великобританией и Францией. В договоре с английской стороной предусматривалась покупка 15 % добывающей уран английской компании и 17 800 тонн необогащенного урана. Договор с Францией обеспечивал транспортировку, а также хранение и обогащения выше упомянутой руды. Нельзя не отметить тот факт, что в 1975 году США и Иран подписали Меморандум № 292 «О сотрудничестве между США и Ираном в области ядерных исследований». На основании, которого Иран получал технологию извлечения плутония, который вырабатывается в ядерных реакторах и может использоваться в атомных бомбах.

---

² Юрий Ковален Влияние ядерной программы Ирана на внешнеполитический курс государства (1956-2011 гг.).

³ Новиков В. Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана/ В. Новиков// Ядерный контроль: журнал ПИР — Центра. 2002. № 5. С. 50.

По данным МАГАТЭ в перспективе ядерная программа Ирана должна была реализоваться в полной мере к 1994 году. Предполагалась собственная добыча урана на основе геологических месторождений; продолжение подготовки специалистов и экспертов в области ядерной физики⁴.

Исламская революция 1979 года послужила началом второго этапа ядерной программы. Она отразила весь ряд накопившихся противоречий, указав на большое количество ошибок в развитии ядерной программы. Основными особенностями этого этапа стало самообеспечение в развитии энергетической сферы и как следствие обострение отношений с Вашингтоном. Большинство европейских партнеров приостановили сотрудничество с Ираном. Так, инженеры из Германии покинули Бушерскую АЭС и все работы в первом и втором энергоблоках были заморожены. Ядерная программа Ирана была приостановлена на пять лет⁵. Новое правительство Ирана приняло решение вновь возобновить развитие в энергетической сфере только к середине 80-х годов. Однако бывшие европейские партнеры отказали в сотрудничестве. Тогда в 1992 году Иран провел переговоры с Китаем и Россией, в результате были подписаны соглашение "Об использовании ядерной энергии в мирных целях" между Ираном и Россией и протокол о сотрудничестве в области атомной энергетики между Ираном и Китаем.

Однако, сотрудничество с Китаем прекратилось в 1997 году, когда китайская сторона отказалась помочь в строительстве Дарховинской АЭС в рамках «пакетной» договоренности с США.

В середине 90-х годов США в одностороннем порядке ввели торгово-экономические санкции против Ирана, а далее подписали с российской стороной меморандум Гора-Черномырдина, после чего Россия заморозила поставку Ирану военной техники. Однако в 2001 году Россия вновь начала поставку материалов военного назначения.

---

⁴ Pehlavi Mohammed Reza. Answer to History. – N.Y.: Stain and Day, Publ. – 1980. – P. 177.

⁵ Арбатов А. Ядерное соглашение с Ираном: феномен или прецедент? // Мировая экономика и международные отношения, 2016, том 60, №3, С. 5-15.

В 2002 году Джордж Буш обвинил Иран в тайной разработке ядерного оружия и причислил Иран к странам «оси зла», которые финансируют террористов и хотят завладеть ядерным оружием. Тогда же комиссия МАГАТЭ прибыла в Иран с проверкой и обнаружила незадекларированные следы экспериментов по обогащению урана. Это привело к обсуждению вопроса о том, что Иран не соблюдает соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. В 2003 году в Париже представители «евротройки» (Великобритания, Франция, Германия) заключили предварительное соглашение с Ираном, по которому иранская сторона должна была приостановить деятельность по обогащению урана, взамен этому представители Европы пообещали предоставить Ирану ядерное топливо и легководородный реактор и в течение 6 месяцев предоставить план по урегулированию конфликта вокруг ядерной программы. Однако, в 2005 году на переговорах в Женеве «евротройка» отказалась предоставить план, тогда Иран потребовал от США гарантии защиты, на что американская сторона ответила отказом. После того как президентом Ирана был избран Махмуд Ахмадинежад, Тегеран, возобновил обогащение урана⁶, что обеспокоило большинство стран. Тогда же Администрация Джорджа Буша, хоть и не рассматривала “в настоящий момент” возможность использования силы против Ирана, однако, усиленно работала над тем, чтобы перенести иранский вопрос из МАГАТЭ в Совет Безопасности ООН, где в отношении Ирана могут быть введены экономические санкции.

В связи со сложившейся ситуацией, МАГАТЭ передала свой доклад в Совет Безопасности ООН. Иран заявил, что не согласен с тем, чтоб этот вопрос был передан на рассмотрение в Совет Безопасности ООН, так как у данного органа нет полномочий на рассмотрение такой проблемы. Однако, главный орган, ссылаясь на статью 40 главы VII Устава Организации Объединенных Наций, принял ряд резолюций.

Первая резолюция № 1696 была утверждена 31 января 2006 года. В ней не содержалось каких-либо карательных мер, однако,

---

⁶ Баклицкий А., Вайц Р. Соглашение по иранской ядерной программе: возможности и преграды для российско-американского сотрудничества // №46 Валдайские записки.

содержала требование к Тегерану приостановить работы по обогащению урана. Иран посчитал не нужным реагировать на данный документ, и продолжал свою деятельность в этой области. Такая реакция иранской стороны послужила дальнейшему принятию резолюции Советом Безопасности ООН⁷. Иран отказывается выполнять резолюции ссылаясь на «двойные стандарты».

Вторая резолюция № 1737, содержала положения, в которых были установлены ряд жестких санкций, коснувшихся важных объектов ядерной отрасли, а также были наложены аресты на счета компаний, связанных с атомной отраслью. Тегерану установили срок 60 дней, в течение которого он должен был прекратить ядерную деятельность.

Совет Безопасности ООН принял третью резолюцию №1747 24 марта 2007 года. В ней были продублированы положения второй резолюция, а новыми стали – запрет на импорт и экспорт тяжелых видов вооружения.

Резолюции № 1803 от 3 марта 2008 года, № 1835 от 27 сентября 2008 года, еще более ужесточили санкции против Ирана, установив ограничения на въезд и оборот денежных средств в отношении конкретных физических лиц.

В 2010 году Совет Безопасности принял резолюцию № 1929, ее статьи содержали запрет на любую торговлю Ирана с другими странами, связанную с деятельностью по обогащению урана или других ядерных веществ. Государствам-членам ООН запрещалось поставлять в Иран любые виды военной техники, а именно: военные самолеты и вертолеты, танки и бронетранспортеры, боевые корабли, ракеты, артиллерийские орудия большого калибра, ракетные системы, и прочее оборудование, связанное с данными видами вооружения. Нельзя не отметить, что генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадеи не раз делал заявления о том, что у Ирана нет столько финансовых средств, чтобы заниматься созданием ядерного оружия.

Финальной точкой в урегулирование ядерной программы Ирана стали переговоры в Вене в 2015 году, где США, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Германия и Иран договорились о

---

⁷ Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности 31 июля 2006 года.

Совместном всеобъемлющем плане действий (далее СВПД). Соглашение призывало Иран развивать ядерную программу только в мирных целях. Согласно его положениям Тегеран должен проводить исследования только на центрифугах IR-4, IR-5, IR-6 и IR-8; ограничив процент обогащения урана до 3,67%; запрет на производство и использование топливных таблеток из природного урана, а их хранение должно будет осуществляться под контролем МАГАТЭ; запрет в течении 15 лет на производство и приобретение металлического плутония или урана или их сплавов и т.д. Положения статей плана подлежат исполнению только между странами «шестерки» и Ираном и не могут рассматриваться как создающие обязательства в отношении любого другого государства, а также прав и обязанностей, вытекающих из Договора о нераспространении ядерного оружия». В 2015 году Совет Безопасности принял резолюцию № 2231, в которой одобрил СВПД, ставший основой всех положений указанной резолюции. Также главный орган заявил о своем намерении построить новые отношения с Ираном на основе соблюдения СВПД и довести этот вопрос до всеобщего решения⁸.

Российская Федерация в связи с мерами, которые принимались в отношении Ирана, урегулировала на национальном уровне вопрос сотрудничества с иранской стороной в этой сфере. В. В. Путин в 2016 году издал указ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН № 2231 от 20 июля 2015 г.», в котором содержались статьи об утрате юридической силы предыдущих указов об ограничении отношений из-за реализации ядерной программы Ирана, но определил положения об обязанностях российских компаний запрашивать разрешения СБ ООН на предоставление Ирану технической помощи или услуг по профподготовке, финансовой помощи, инвестиций, посреднических или иных услуг, связанных с поставкой, продажей, передачей, производством или использованием указанных материалов. Посол Исламской Республики Иран в Лондоне Хамид Баидинежад заявил о начале имплементации Ирана СВПД.

Таким образом, к 2016 году, Иран смог избавиться от множества санкций, наложенных на него. 16 января 2016 года МАГАТЭ

---

⁸ Арбатов А., Сажин В. Ядерное соглашение с Ираном: финал или новый этап?

предоставило доклад, где подтвердило готовность властей Ирана реализовать программу по снижению ядерного потенциала. Позднее США и Европа подтвердили снятие санкций против Ирана. Также это позволило расширить сотрудничество России и Ирана в ядерной сфере. На сегодняшний день МАГАТЭ публикует отчеты по поводу деятельности ядерных объектов Ирана, в которых полностью подтверждается, что иранская сторона выполняет свои обязательства. Однако, по мнению многих ученых, существует ряд открытых проблем, которые могут повлиять на осуществления СВПД, а именно: возможный отказ Ирана соблюдать положения СВПД; возможный выход одной из стран-участниц соглашения из СВПД; победа республиканского кандидата Дональда Трампа на выборах и его намерения расторгнуть отношения с Ираном.

Снятие против Ирана всех санкций может послужить для него мотивацией к выполнению своей части сделки, которая в таком случае может быть частично видоизменена. Говоря о действиях Ирана, которые могут противоречить СВПД, важно отметить, что они должны более внимательно расследоваться, и лишь после этого могут быть приняты какие-либо меры.

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Сергей Владимирович Троицкий

*эксперт Московского государственного института
международных отношений МИД России, канд. юрид. наук,
ведущий юрист IACI, Член Российской ассоциации
международного права*

В последнее время назрела проблема так называемого «двойного стандарта», который, можно определить, как принципиально различное применение принципов, законов, правил, оценок к однотипным действиям различных субъектов в зависимости от степени лояльности этих субъектов или иных соображений выгоды для оценивающего.

Проблема «двойного стандарта» существовала всегда, но стала предельно актуальна именно в конце XX – начале XXI в. в результате ликвидации биполярной системы международных отношений, приведшей к появлению многочисленных «ничейных» территорий и сфер влияния, обострению борьбы за их освоение.

Двойные стандарты становятся все возрастающей проблемой не только применительно к международным политическим отношениям, но и к международному праву в вопросах безопасности, противодействия преступности и обеспечения прав человека. Этот неприглядный инструмент используется, прежде всего, против государств, имеющих смелость проводить собственную внешнюю политику, не подчиняющуюся указаниям из мировых центров силы. Пока эта практика двойных стандартов присуща в основном евроатлантическому пространству, но ее усиленно пытаются внедрить и в Организации Объединенных Наций.

Двойные стандарты при международном сотрудничестве широко применяются, как средство давления на противников через общественное мнение и как способ оправдания собственных действий в чей-либо адрес.

В праве международного сотрудничества в сфере противодействия преступности двойные стандарты выражаются в форме обвинения неудобных в нарушении принципов, конвенций, обязательств, «попрании общечеловеческих ценностей», «нарушении прав и свобод человека», «отступлении от норм международного права» при демонстративном игнорировании совершенно аналогичных собственных действий или действий союзников¹.

В международно-правовых нормах в сфере противодействия преступности принятых после 1945 года отсутствует возможность использовать двойные стандарты. Однако, когда принимались первые международные соглашения по вопросам о выдаче и оказанию правовой помощи по уголовным делам, государства старались прописывать положения в целях реализации своих интересов. В итоге данные положения были неоднозначны в толковании и зачастую не соответствовали поставленным целям международных соглашений.

Взглянув на современную геополитическую карту мира можно заметить проявление двойных стандартов в праве международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. Это объясняется тем, что национальные интересы государства часто не совпадают, при взаимодействии со своими союзниками государства по-разному применяют нормы в сфере противодействия преступности, чем при взаимоотношении со своими противниками. В настоящее время это обычная международная практика и нет ни одного государства, которое при своей политике не проводило бы политику двойного стандарта в сотрудничестве по противодействию преступности.

При сотрудничестве государств в рамках международного правосудия, часто прослеживается несовпадение национальных интересов и отстаивание внешнего политического курса.

Не смотря на то, что существует целый ряд эффективно действующих международных инструментов, посвященных вопросам

---

¹ О.В. Кузьмина, В.Ю. Лукьянов Использование «двойного стандарта» – важная проблема современных международных отношений // Международные отношения 3 (203) 2014. С. 59-69.

борьбы с терроризмом в определенных сферах: с бомбовым терроризмом (1997 г.)², с финансированием терроризма (1999 г.)³, а также с актами ядерного терроризма (2005 г.)⁴, а также с учетом выработанных подходов по вопросам борьбы с терроризмом отраженных в Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, содержащаяся в приложении к резолюции 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года, Декларации, дополняющую Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года, содержащаяся в приложении к резолюции 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, и Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года, в частности его раздел по терроризму, прослеживается несоответствие национальных интересов при сотрудничестве государств в сфере противодействия терроризму.

Политические амбиции и двойные стандарты по-прежнему мешают объединению усилий в борьбе с терроризмом, что негативно отражается на создании общей архитектуры безопасности и формировании общемирового единого антитеррористического фронта. При этом Российская Федерация постоянно призывает международное сообщество к последовательности и солидарности в противодействии терроризму и отказаться от двойных стандартов в борьбе с терроризмом⁵.

Противодействие терроризму на сегодняшний день воспринимается некоторыми государствами как геополитическая технология контроля над пространством, что не соотносится с основополагающими принципами и нормами современного международного права.

Соглашусь с позицией озвученной представителем России Игорем Паниным в рамках обсуждения темы «Меры по ликвидации международного терроризма», что возврат к практике «хороших» и

---

² Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 года.

³ Конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года.

⁴ Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года.

⁵ Постановление ГД РФ от 9 сентября 2005 года № 2176-iv О заявлении государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О недопустимости двойных стандартов в борьбе с терроризмом».

«плохих» террористов может в вопросах противодействия террору отбросить на десятки лет назад во времена холодной войны⁶.

Как справедливо отметил заместитель директора департамента новых вызовов и угроз МИД РФ Владимир Андреев, что международная борьба с терроризмом сегодня все еще сохраняет двойные стандарты, террористические группировки используются для дестабилизации и вмешательства во внутренние дела государств. Еще сохраняются «двойные стандарты», политизированная практика деления террористов и экстремистов на «плохих» и «не совсем плохих». Более того, допускается использование террористических группировок, в том числе самых опасных из них, в геополитических схемах, нацеленных на вмешательство во внутренние дела государств, дестабилизацию и смену «неудобных режимов».

Наиболее точно новую геополитическую парадигму можно охарактеризовать как модель «управляемого хаоса», а официальное название пропагандистского мифа Пентагона знают сегодня все - «борьба с международным терроризмом». Интересно и весьма важно проследить, каким образом эта модель была найдена и апробирована, чтобы понять и разоблачить все внутренние пружины ее действия в современных условиях.

Так была «найдена» и актуализирована в общественном сознании с помощью СМИ реальная угроза извне, которая могла бы стать основой для достижения американцами национального консенсуса по международным проблемам.

Современный терроризм оказался также силой, способной стать реальным противоядием от гедонистической расслабленности и мобилизовать нацию, без лишнего шума переведя управление страной на режим военного или, точнее, предвоенного времени.

Терроризм продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз миру и безопасности, от которой не застраховано ни одно государство. В последнее время террористические группы, такие как ИГИЛ, «Аль-Каида» и «Боко харам», формируют идеи религиозной, культурной, социальной нетерпимости, что в итоге имеет тяжелые последствия для многих регионов мира. Появляются новые

---

⁶ Сайт радио ООН. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/123224/> (дата обращения 23.03.2017 г.).

формы проявления этого явления, которые обусловлены событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

После событий 11 сентября 2001 года Вашингтон начал глобальную информационную операцию по противодействию международному терроризму, ставшую важнейшей частью его новой геополитической стратегии - стратегии «управляемого хаоса», с помощью которой сегодня происходит новый геополитический передел мира.

Впервые солидарность с США выразили не только все союзники, но и страны, никогда прежде не разделявшие приоритеты американской международной политики. Под риторику о необходимости укрепления национальной безопасности перед угрозой терроризма США мягко, без особого скандала вышли из американско-российского договора по противоракетной обороне, объясняя это тем, что нужны новые нетрадиционные средства защиты нации и ракеты здесь уже не помогут. Началась ускоренная модернизация американских вооруженных сил, на которую отпущены значительные средства. Специалисты по «связям с общественностью» так обработали общественное мнение, что на некоторое ограничение гражданских свобод и усиление полицейского контроля в США никто не обратил внимание - наоборот, все приветствовали идею внутренней мобилизации нации⁷.

Новая информационная стратегия США принесла подлинный успех во время военной операции в Афганистане. Если операция в Бывшей республике Югославия не нашла поддержки мирового сообщества и военные акции США осуждались даже в стане союзников, то военные действия в Афганистане получили всеобщее одобрение.

Стратегия противодействия терроризму при международном сотрудничестве базировалась на массированном пропагандистском ударе с использованием всех видов СМИ при одновременной блокаде любой разоблачающей информации с места боевых действий.

Противодействие терроризму оказалась удобным информационным прикрытием для проведения геополитических операций.

---

⁷ И.А. Василенко Борьба с терроризмом как новая геополитическая парадигма: модель «управляемого хаоса» // Трибуна русской мысли. 2003. № 1. С. 73-80.

Результаты афганской операции на геополитической карте Центральной Азии выглядят более чем впечатляюще: США закрепились на военных базах в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и создали стратегические укрепления в самом Афганистане, им удалось также упрочить военный союз с Пакистаном. Данные операции также направлены на контроль воздушной зоны со стороны Китая в целях перехвата баллистических ракет.

Под предлогом противодействия терроризму США усилили свое военное присутствие на Южном Кавказе. Было объявлено о снятии ограничений в военной помощи Грузии, Азербайджану и Армении. В этих странах появились американские военные специалисты, США подписали двусторонние договоры о военном сотрудничестве со всеми тремя странами Южного Кавказа: началась модернизация азербайджанских ВВС и обучение азербайджанских офицеров в Военной академии США, в Армении запланирована организация Центра по разминированию, в Грузии достигнуто соглашение о принятии участия США в военных операциях на севере страны.

Со времени начала информационной операции Вашингтона по противодействию терроризму прошло 11 лет, но за это время американское военное присутствие во всех стратегически важных регионах постсоветского пространства усилилось в несколько раз - неплохие стратегические результаты, причем достигнуты они в большинстве случаев без единого выстрела. Однако особого внимания заслуживает анализ новой военной доктрины США «Среда для действий Объединенных сил» (The Joint Operating Environment – JOE)⁸. Прежде всего, она принципиально по-иному определяет противника в условиях актуализации «нетрадиционных» угроз. Международный терроризм вездесущ и официально не институционализирован, что позволяет бороться как с известными, так и неизвестными источниками угрозы, которые могут находиться в разных районах мира. Причем военная доктрина США оставляет за Пентагоном право определять эти районы.

Под предлогом противодействия терроризму традиционные ядерные вооружения не планируется усиливать: только сохранять в

---

⁸ Новая Военная доктрина США (The Joint Operating Environment – JOE). URL: <http://www.defense.gov/>

существующем объеме (межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования, стратегические бомбардировщики, баллистические ракеты на подводных лодках). Главное значение отводится так называемой «малой стратегической триаде», которая состоит из наступательной, оборонительной частей и инфраструктуры. Вашингтон предполагает, что в инфраструктуре главную роль будут играть «информационные операции»⁹.

Не смотря на то, что Устав ООН 1945 г.¹⁰ закрепляет обязанность каждого государства поддерживать мир и стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору, некоторые государства применяют информационный фантом под названием «борьба с терроризмом» как одну из главных стратегических позиций, с помощью которого ведется геополитический передел мира.

Попытки подменить универсальные принципы Устава ООН односторонними действиями или некими блоковыми договоренностями и тем более применять силу в обход Устава ООН до добра, как известно, не доводят. Все страны должны понимать, что, разыгрывая карту терроризма в своих геополитических интересах или глядя сквозь пальцы на деятельность террористов на их территории из-за особенностей внутреннего законодательства или по иным причинам, рано или поздно они увидят, что пожар обернулся против них самих. Об этом не раз подчеркивал Президент России В.В. Путин¹¹.

Государствам при международном сотрудничестве в сфере противодействия терроризму нужно четко руководствоваться нормами современного международного права, не забывая при этом о

---

⁹ Joint Vision 2010 Office of Primary Responsibility: Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Washington, 2000.

¹⁰ Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // «Действующее международное право» т. 1.

¹¹ В борьбе с терроризмом не может быть двойных стандартов. // Центр новостей ООН: URL: <http://top.rbc.ru/politics/26/09/2012/671496.shtml> (дата обращения 23.02.2017 г.).

цивилизованных правилах игры, включая основные права и свободы человека, а также надлежащие правовые процедуры. При этом государства не должны затягивать принятие Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

Считаю, что только соблюдение Верховенства права позволит ликвидировать недопустимые и вольные толкования некоторых положений международного права в сфере противодействия преступности извращающего их суть.

Соглашусь с бывшим Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном, что политические и структурные изменения на Ближнем Востоке, Северной Африке и других регионах мира происходят с огромной скоростью. В условиях дестабилизации обстановки в упомянутых регионах правовые стандарты становятся единственным средством удержания ситуации от полного скатывания в Хаос, вооруженные конфликты и применение силы в нарушении международного права¹².

Взаимодействие против терроризма должно вестись с упором на международное право, без двойных стандартов и без вмешательства во внутренние дела государств.

Государства, подтверждая свое решительное осуждение терроризма во всех его формах и проявлениях, кем бы, где бы и с какой бы целью он не осуществлялся, должны придерживаться плана действий, закреплённого в Глобальной Контртеррористической стратегии ООН¹³, с учетом таких ключевых направлений работы как: меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма; меры по предотвращению терроризма; по укреплению потенциала государств по борьбе с терроризмом; по обеспечению уважения прав человека и верховенства права как основы борьбы с терроризмом.

---

¹² Верховенство права – приоритет международной повестки дня. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/104371> (дата обращения 23.02.2017 г.).

¹³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 08 сентября 2006 г. № A/RES/60/288.

РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАНОБЕЗОПАСНОСТИ

Наталья Аслановна Цивадзе

*канд. юрид. наук, старший научный сотрудник
Института государства и права РАН,
Сектор международно-правовых исследований*

Развитие нанотехнологий во всем мире приобретает большое значение. Это связано с существенной экономией сырья и энергии при создании наносистем и нанопродуктов, что в свою очередь, открывает путь к более эффективному решению экологических проблем в современном мире. Однако отмечаются и проблемы, которые могут возникнуть при отсутствии адекватного механизма регулирования производства, внедрения и применения наноматериалов. Рассмотрим в какой мере существующие нормы международного права способны обеспечить нанобезопасность, каковы формы и перспективы взаимодействия государств в выработке международных стандартов в сфере нанотехнологий.

В последние годы нанотехнологии быстро развиваются. Причиной большого внимания, которое уделяется во всем мире данной области научных исследований, является «прорывной» характер нанотехнологий. Они наряду с биотехнологиями и робототехникой рассматриваются в качестве основы формирования нового технологического уклада общества, промышленной революции XXI века¹.

---

¹ Экономические проблемы развития революционных технологий: нанотехнологии / Рук. авт. колл. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский; ЦЭМИ РАН. - М.: Наука, 2012. - С. 4; В 2016 году главной темой Всемирного экономического форума в Давосе была заявлена «Четвертая индустриальная революция», которая обозначает начало нового этапа развития мировой экономики. Если «третья промышленная революция» была основана на использовании электроники и информационных технологий для автоматизации производства, то «четвертая промышленная революция» будет характеризоваться развитием технологий, которые размоют границы между физикой, электроникой и биотехнологией. В качестве примеров нового этапа

Известно высказывание Ральфа Меркла о том, что «нанотехнологии произведут такую же революцию в манипулировании материей, какую произвели компьютеры в манипулировании информацией».

Ведь что такое «нано»? «Нано» обозначает одну миллиардную долю чего-либо, то есть нанотехнологии - это управление процессами, как правило, в масштабе 1-100 нм в одном или более измерениях, когда ввод в действие размерного эффекта приводит к возможности новых применений, а также использование свойств объектов и материалов в нанометровом масштабе, которые отличаются от свойств свободных атомов или молекул для создания более совершенных материалов, приборов, систем, реализующих эти свойства.² Можно сказать, что «нанотехнология - это наука и технология наноразмерных объектов».³ Академик Ж.И. Алферов объясняет, что «если при уменьшении объема какого-либо вещества по одной или двум или трем координатам до размеров нанометрового масштаба возникает новое качество, или это качество возникает в композиции из таких объектов, то эти образования следует отнести к наноматериалам, а технологии - к нанотехнологиям»⁴.

Благодаря этим новым качествам и возможностям, которые возникают при «манипулировании материей» в нанометровом измерении, разрабатываются новые материалы и технологии, которые

промышленной революции приводятся искусственный интеллект, робототехника, био- и нанотехнологии. <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond> (дата обращения 18.04.2017); В конце 2016 года получены предварительные результаты и опубликован доклад ОЭСР под названием «Enabling The Next Production Revolution: The Future Of Manufacturing And Services», <http://www.oecd.org/sti/Next-Production-Revolution-OECD-Interim-Report.pdf> (дата обращения 18.04.2017). Ключевыми результатами проекта являются выявленные группы прорывных технологий, которые сформируют облик промышленности будущего. К ним, в частности, относятся: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ); робототехника; био- и нанотехнологии.

² Нанотехнологии. Азбука для всех. / под ред. Ю.Д. Третьякова. -М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. - С.9.

³ А. Кабанов, Р. Сагдеев. Конвергенция наук: нужно ли сажать всех ученых под одну крышу? / ТРВ, 26.01.2016.

⁴ Ж.И. Алферов. Микросистемная техника, №8, 2003, с. 3-13.

могут позволить решить практически все основные социально-экономические проблемы в современном мире. Потенциал нанотехнологий оценивается так высоко, что это позволяет утверждать, что с их помощью будут решены не только проблемы энергетической, экологической и продовольственной безопасности, снижения заболеваемости и улучшения качества жизни, но и также повышен уровень образования, системы общественного управления, побеждена бедность, уничтожен терроризм⁵.

Уже сегодня области использования наноматериалов в современной науке и технике чрезвычайно разнообразны. Они широко применяются, например, в медицине, при создании биосовместимых материалов для хирургии, антисептических перевязочных средств, для адресной доставки лекарств в ткани, ведется разработка эффективных вакцин нового поколения, представляющих собой гибридные наноструктуры. В пищевой промышленности наноматериалы используются при производстве так называемых «умных» упаковочных материалов для пищевых продуктов. Разрабатываемые на основе нанотехнологий новые типы пищевых добавок и ароматических веществ позволяют придавать одному и тому же продукту различные потребительские свойства (цвет, аромат, текстуру) в зависимости от применяемого режима кулинарной и технологической обработки⁶. Нано- присутствует в фармацевтике, медицине, продуктах питания, текстиле, косметике и т.д. Генеральный директор ГК «Роснано» Леонид Меламед отмечал этот момент с точки зрения коммерциализации и продвижения на рынок наноматериалов, обращая внимание на то, что весь мир включился в «нанотехнологическую гонку»⁷.

Однако приветствуя интенсивное развитие революционных технологий и их внедрение в производство и потребление, как в целом общество, так и представители экспертного сообщества, тем не

---

⁵ Экономические проблемы развития революционных технологий: нанотехнологии / Рук. авт. колл. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский; ЦЭМИ РАН. - М.: Наука, 2012. - С. 4.

⁶ Г.Е. Кричевский // Нанотехнологии и охрана здоровья. -2010. - № 3. - С. 10-24.

⁷ Нанотехнологии. Азбука для всех. / под ред. Ю.Д. Третьякова. -М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008.

менее, выражают свое беспокойство относительно рисков при использовании новых материалов.

Опыт прошлых технологических революций⁸ подсказывает, что процесс коммерциализации новых материалов должен сопровождаться адекватными и эффективными механизмами контроля и оценки возможных вредных воздействий нанопродуктов на здоровье и окружающую среду⁹. Тем более, что для абсолютного большинства наноматериалов механизмы поступления в организм, биосовместимости, биотрансформации, транслокации в органах и тканях, элиминации и, что особенно важно, их токсичности неизвестны. В России, США, странах Евросоюза, Канаде, Японии, Китае и других странах ведутся обширные исследования по оценке безопасности и потенциальных рисков, связанных с производимыми наноматериалами¹⁰.

В 55 государствах приняты национальные программы развития нанотехнологий, включающих и меры регулирования¹¹. Однако меры на национальном и региональном уровнях не способны обеспечить полноценную защиту. Это объясняется высоким уровнем научной неопределенности при оценке экологических, экономических и технологических последствий развития нанотехнологий; невозможностью локализации вредных последствий применения

---

⁸ Marchant, G.E. Abbott Ke. W., Sylvester D.J., What Does the History of Technology Regulation Teach Us About Nano Oversight? *Journal of Law, Medicine, and Ethics*, August 2009.

⁹ Moses L.B., *Recurring Dilemmas: The Law's Race to Keep Up with Technological Change*, University of Illinois Law, *Technology & Policy* 2007, No. 2 (2007): 239-285; Michele Mekel. *Nanotechnologies: Small science, big potential and bigger issues / Development*. - Vol. 49. - Number 4- December 2006.

¹⁰ Каркищенко Н.Н. *Нанобезопасность: новые подходы к оценке рисков и токсичности наноматериалов*. Биомедицина № 1, 2009.

¹¹ Иншакова А.О. *Наноэкономика и право: международный уровень регулирования процесса нано-индустриализации страны*. Евразийский юридический журнал. №8 (39), 2011. С 34-37; Е.А. Белокрылова *Обеспечение экологической безопасности при разработке и применении нанотехнологий в Российской Федерации и зарубежных странах*. // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreign legislation and comparative law*. - 2011. - № 3. - С. 108-113.

нанотехнологий; участием не только государств, но и частных организаций в коммерциализации нанотехнологий. Поэтому, очевидно, что проблемы нанобезопасности, включая безопасность потребительской продукции, наиболее эффективно могут быть отражены только в процессе сотрудничества и взаимодействия государств, с целью регламентации развития рассматриваемой области науки.

В первую очередь это происходит в рамках традиционных форм сотрудничества между государствами путем заключения межправительственных соглашений, как многосторонних, так и двусторонних. Так, например, с 2008 года действует соглашение о сотрудничестве в сфере нанотехнологий между Финляндией и Россией, положениями которого закрепляются формы совместной работы по стандартизации и регулированию в сфере нанотехнологий с целью представления согласованных позиций в европейские агентства по стандартизации и безопасности¹².

Далее следует указать на наиболее эффективный способ обеспечения унификации правового регулирования посредством создания единых норм и правил через международные организации специальной компетенции. Например, Международной организацией труда (далее - МОТ) принят ряд конвенций, провозглашающих основные принципы охраны труда работников, в том числе и работников, осуществляющих разработку и практическое внедрение наноматериалов. Примерами таких конвенций являются Конвенция МОТ № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде» (Женева, 3 июня 1981 г.), Конвенция МОТ № 187 от 31.05.2006 «Об основах, содействующих безопасности и гигиене труда» и другие. Основная цель указанных конвенций - содействие постоянному совершенствованию безопасности и гигиены труда в целях предупреждения случаев производственного травматизма, профессиональных заболеваний и гибели людей на производстве посредством разработки на основе консультаций с наиболее пред-

---

¹² Россия и Финляндия сформируют инструменты взаимодействия в области регулирования нанотехнологий 10 февраля 2010. URL: <http://www.rusnano.com/about/press-centre/news/74946> (дата обращения: 19.04.2017).

ставительными организациями работодателей и работников национальной политики, национальной системы и национальной программы.

Особую роль, в данном контексте, играет деятельность Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)¹³. Работа в ОЭСР осуществляется под руководством специализированных комитетов, а в их подчинении находятся вспомогательные органы (рабочие комиссии и рабочие группы), в состав которых входят эксперты, представляющие государства-члены. Программа по химическим веществам, например, осуществляется под руководством Комитета по химическим веществам. В отношении нанотехнологий в ОЭСР¹⁴, действуют:

- Рабочая комиссия по производимым наноматериалам и
- Рабочая комиссия по нанотехнологии.

Рабочая комиссия по производимым наноматериалам (РКПН) была создана в 2006 г. Комитетом по химическим веществам. Цель РКПН заключается в содействии международному сотрудничеству в области аспектов производимых наноматериалов, связанных со здоровьем человека и экологической безопасностью, с тем, чтобы оказывать помощь в разработке точной оценки безопасности наноматериалов¹⁵. Эта работа осуществляется посредством следующих

---

¹³ ОЭСР была основана в 1961 году. Ее основной целью является содействие политике устойчивого экономического роста и занятости, возрастающего уровня жизни и либерализации торговли. Под «устойчивым экономическим ростом» ОЭСР имеет в виду рост, который устанавливает равновесие между экономическими, социальными и экологическими аспектами. ОЭСР организует встречи своих государств-членов для обсуждения и разработки как внутренней, так и внешней политики. Она анализирует проблемы, рекомендует действия и предоставляет форум, на котором страны могут сравнивать свой опыт, искать ответы на общие проблемы и осуществлять деятельность по координации политики. Список государств-членов ОЭСР, <http://www.oecd.org/about/membersandpartners/list-oecd-member-countries.htm>; What We Do and How, OECD: <http://www.oecd.org/about/whatwedoandhow> (дата обращения 19.04.17г.).

¹⁴ Рабочая группа по нанотехнологии ОЭСР: <http://www.oecd.org/sti/nano> (дата обращения 19.04.2017).

¹⁵ Рекомендация по тестированию и оценке производимых наноматериалов от 19 сентября 2013 г. (Recommendation of the Council on the Safety

восьми проектов¹⁶:

- Разработка базы данных по научным исследованиям в области здоровья человека и экологической безопасности;
- Научно-исследовательские стратегии в области производимых наноматериалов;
- Проверка безопасности представительного набора производимых наноматериалов;
- Производимые наноматериалы и руководство по проверкам;
- Сотрудничество в области добровольных схем и регулирующих программ;
- Сотрудничество в области оценки рисков;
- Роль альтернативных методов в нанотоксикологии;
- Измерение воздействия и уменьшение воздействия.

Технические аспекты развития сферы nanoиндустрии на международном уровне также разрабатываются Международной организацией по стандартизации (ИСО)¹⁷.

Testing and Assessment of Manufactured Nanomaterials). <http://acts.oecd.org/Instruments/ShowInstrumentView.aspx?InstrumentID=298&InstrumentPID=314&Lang=en&Book> (дата обращения: 19.04.17 г.); Руководство по планированию привлечения и информирования общественности в отношении развития нанотехнологий (Planning Guide for Public Engagement and Outreaching Nanotechnology). <http://www.oecd.org/sti/biotech/49961768.pdf> (дата обращения: 19.04.17 г.).

¹⁶ Эти восемь проектов осуществляются под руководством восьми руководящих групп, каждая из них имеет свои конкретные цели и установленные сроки. Большая часть работы осуществляется с помощью телеконференций. Затем происходит оценка и утверждение результатов каждого проекта всем составом РКПН. В РКПН участвуют более 100 экспертов от правительств и других участников, представляющих: страны ОЭСР, экономики стран, не являющихся членами ОЭСР, таких как Бразилия, Китай, Российская Федерация и Таиланд и наблюдателей, и приглашенных экспертов из ИСО, ВОЗ, ЮНЕП, ВИАС1, экологических НПО и ТУАС2.

¹⁷ Международная организация по стандартизации (ИСО) (International Organization for Standardization, ISO) учреждена в 1947 г. двадцатью пятью национальными организациями по стандартизации - это международная неправительственная организация, имеет консультативный статус при ООН. 23 сентября 2005 года Россия вошла в Совет ISO. На сегодняшний день в состав ISO входят 163 стран своими национальными организациями

Кроме того, в рамках ISO принята Программа стандартизации в наноиндустрии, в которой определены приоритетные направления развития стандартизации в наноиндустрии. К ним относятся:

- разработка национальных стандартов, обеспечивающих широкое применение нанотехнологий в различных отраслях промышленности;

- разработка стандартов, гармонизированных с международными стандартами, обеспечивающих развитие технологической базы, безопасность и конкурентоспособность нано-технологий и нанопродукции;

- активизация работы участников нанотехнологической сети в работах по стандартизации на национальном уровне;

- целевая подготовка кадров в области стандартизации.

Международные стандарты ИСО играют существенную роль в деле развития наноиндустрии в различных странах¹⁸. Они обобщают накопленный мировой опыт, и таким образом способствуют защите безопасности и здоровья людей и охране окружающей среды.

по стандартизации. Россию представляет Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) <http://www.gost.ru/wps/portal/> (дата обращения 17.04.2017). Главной целью ИСО является развитие стандартизации во всем мире. Работа по подготовке Международных стандартов обычно осуществляется через технические комитеты ИСО. Каждая организация-член, заинтересованная в деятельности, по которой создан комитет, имеет право быть в нем представлена. Международные, правительственные и неправительственные организации, имеющие связи с ИСО, также принимают участие в работе. <https://www.iso.org/home.html> (дата обращения 17.04.2017);

¹⁸ Стандарты - это документированные соглашения, содержащие технические условия или другие точные критерии, которые обычно используются как правила, принципы или определение характеристик для гарантии того, что материалы, продукты, процессы и услуги соответствуют своему назначению. ISO Standards in Action http://www.iso.org/iso/home/news_index/iso-in-action.htm (дата обращения 17.04.2017). Были приняты международные документы по стандартизации в сфере нанотехнологий, такие как ISO/TR12885:2008 «Нанотехнологии. Правила техники безопасности, применяемые в профессиональной деятельности», ISO/TS27687:2008 «Нанотехнологии. Термины и определения нанобъектов. Наночастица, нановолокно и нанопластина».

Следует отметить, что помимо упомянутых выше организаций, в настоящее время на международном уровне действует множество организационных структур, которые разрабатывают документы и регламенты по различным аспектам использования нанотехнологий, осуществляют менеджмент рисков и контроль исследований в данной сфере¹⁹. Представляется, что дальнейшее регулирование и контроль всего комплекса нанотехнологий должны осуществляться как на государственном, так и международном уровне. Причем особого внимания потребует гармонизация и координация тех подходов, которые вырабатываются различными рабочими экспертными группами на международном уровне. Единообразие понятий и стандартов в области нанотехнологий важно для выработки общего подхода к пониманию развития данной области.

Трудности отмечают специалисты уже на стадии формирования понятийного аппарата, прежде всего определений и классификаций нанотехнологий. На самом деле разработка определений в сфере нанотехнологий представляет собой довольно сложную задачу, так как нанотехнологии отличаются универсальным и междисциплинарным характером, проявляющийся, в частности, в растущем многообразии практических приложений. И, несмотря на наличие различных определений нанотехнологий, единого согласованного варианта, причем такого, который образовывал бы основание для построения соответствующих классификаций, пока не существует²⁰. Между тем успешное развитие нового мультидисципли-

---

¹⁹ Проблемы нанобезопасности активно разрабатываются в качестве приоритетных рядом международных, неправительственных и межправительственных организаций: ВОЗ (WHO), ФАО (FAO), ЮНЕСКО (UNESCO), ВТО (WTO), International Council on Nanotechnology (ICON), Intergovernmental Forum on Chemical Safety (IFCS), International Risk Governance Council (IRGC) и др.

²⁰ Алфимов, М.В. Нанотехнологии: определения и классификация / М.В. Алфимов, Л.М. Гохберг, К.С. Фурсов // Российские нанотехнологии. – 2010 – Т. 5, № 7–8. – С. 8-15.

нарного научно-технического направления нанотехнологии в значительной мере зависит от создания единой, стандартизированной и международно-признанной терминологии²¹.

Общее понимание пока не достигнуто и в отношении принципов контроля за нанотехнологиями. Хотя такие инициативы предпринимаются в рамках международных организаций. Например, в Совете Европы был подготовлен доклад о необходимости выработки общих правил на основе принципа предосторожности в отношении нанотехнологий²².

Обращение к принципу предосторожности в целях обеспечения нанобезопасности основывается на принятом во многих государствах подходе превентивного контроля в условиях неопределенных рисков²³.

На международном уровне концепция предосторожности (и ее применение) была сформулирована на конференции Северного моря²⁴. Далее она была принята в декларации Конференции ООН по окружающей среде и развитию²⁵. В настоящее время принцип

---

²¹ Л.Р.Бурганова, А.Ф.Дресвянников Современные проблемы стандартизации в сфере нанотехнологий. Вестник Казанского технологического университета. №16, 2011. С 271.

²² «Nanotechnology: balancing benefits and risks to public health and the environment»/ Рекомендация 2017 (2013) «Нанотехнология: поиск равновесия между пользой и рисками для здоровья человека и окружающей среды» Обсуждение в Ассамблее 26 апреля 2013 г. (18-е заседание) (см. док. 13117, доклад Комиссии по социальным вопросам, здравоохранению и устойчивому развитию, докладчик: г-н Сударенков). <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=19261&lang=en> (дата обращения 18.04.2017)

²³ Гиряева В. Н. Принцип предусмотрительности и Регламент REACH в регулировании нанотехнологий (реферативный обзор) // Охрана окружающей среды и качество жизни: правовые аспекты: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; ИГП РАН. – М., 2011.

²⁴ «The adoption of the precautionary principle at the conference in London in 1987 is one of the most important agreements emanating from the North Sea Conferences» <https://www.ospar.org/about/international-cooperation/north-sea-conferences> (дата обращения 16.04.2017)

²⁵ «Там, где имеется угроза серьезного или непоправимого ущерба, недостаточное научное обоснование не должно быть причиной для того, чтобы

предосторожности закреплен во многих международных конвенциях²⁶ и в общем виде означает, что если какая-либо деятельность

откладывать осуществление экономически эффективных мер для предотвращения ущерба окружающей среде.» Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, 3–14 июня 1992 года http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 16.04.2017)

²⁶ См., например, Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии, 2000 г., ст. 10(б) ("Отсутствие научной определенности из-за недостатка научной информации и знаний относительно возможных неблагоприятных последствий воздействия живого модифицированного организма для сохранения и экологически рационального использования биологического разнообразия в стране-импортере, с учетом также и риска для здоровья людей, не может помешать этой стране принять соответствующее решение относительно импорта указанного живого модифицированного организма, чтобы избежать таких возможных неблагоприятных последствий или минимизировать их."); Рамочная конвенция по изменению климата 1992 года ("Стороны должны принять меры предосторожности для предупреждения, предотвращения или сведения к минимуму причин изменения климата и для смягчения его неблагоприятных последствий. Если есть угроза серьезного или необратимого вреда, отсутствие научной определенности не должно использоваться как причина для отсрочки таких мер.)); Всемирная хартия природы Рез 37/7 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 года ("Деятельность, которая может оказать воздействие на природу, должна находиться под контролем, и должны использоваться лучшие доступные технологии, чтобы уменьшить значительные риски для природы или другие неблагоприятные последствия.)); Протокол 1996 года об изменении Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года, статья 3(1) («Договаривающиеся стороны в части защиты окружающей среды от сброса отходов или других материалов применяют подход, основанный на принципе предосторожности, посредством которого принимаются соответствующие предупредительные меры, если есть основания полагать, что отходы или другие материалы, привносимые в морскую среду, могут причинить вред, если нет неопровержимых доказательств наличия причинной связи между исходными компонентами загрязнения и их последствиями."); Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих

может представлять угрозу здоровью людей или окружающей среде, должны быть приняты меры предосторожности, даже если некоторые причинно-следственные связи не удастся установить полностью с научной точки зрения. При таком подходе требуется принятие профилактических мер, если имеется какая-либо неопределенность, а бремя защиты возлагается на ответственных за потенциальный ущерб. Должны рассматриваться все альтернативы новым видам деятельности, а также обеспечиваться участие общественности в принятии решений.

Отмечается, что принцип предосторожности должен применяться к нанотехнологиям, потому что уже имеющиеся результаты научных исследований свидетельствуют о том, что, по крайней мере, некоторые наноматериалы, наноприборы и продукты нанобиотехнологии могут нанести серьезный вред здоровью и окружающей среде²⁷. Поскольку потенциальную токсичность наноразмерных материалов нельзя с надежностью предсказать, исходя из данных о токсичности таких материалов в массе, соответствующие законы и правила должны требовать строгой, точной и всесторонней оценки безопасности до выхода этих материалов на рынок. Такая оценка должна производиться с учетом уникальных свойств наноматериалов.

Следующий вопрос, который требует выработки общей позиции - это обязательное специальное регламентирование нанотехнологий. Предстоит решить, будут ли наноматериалы, учитывая их новые свойства и связанные с ними риски, классифицироваться как новые вещества для целей оценки и регламентации.

Проблема обеспечения нанобезопасности также включает в себя вопросы охраны здоровья и безопасности населения и рабочих, производящих наноматериалы. Международные стандарты по безопасности производства и охране здоровья должны содержать раз-

---

рыб и управления ими G.A.164/37,art.6,UN Doc A/CONF164/37 ("Государства должны широко применять предупредительный подход к сохранению природы...").

²⁷ См., например, Andre Nel et al. Toxic Potential of Materials at the Nanolevel, 311 Science 622-27, 622, 623 Fig. 1 (2006).

делу по нанотехнологиям и наноматериалам, методы для измерения воздействия наноматериалов на людей, занятых их производством.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что необходим общий подход к регулированию рисками и обеспечению безопасности в условиях дальнейшего развития нанотехнологий, и он заключается в анализе основных факторов их воздействия на общество и разработке и закреплении государствами обязательных к соблюдению мер, уменьшающих ущерб от воздействия негативных факторов. Эффективное взаимодействие и сотрудничество государств на основе норм и принципов международного права является основным и главным условием решения этих задач.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ
КРИМИНАЛЬНОЙ СИНЕРГИИ**

Дмитрий Дмитриевич Шалягин

*кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции,
начальник кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
эксперт от Российской Федерации в Европейском комитете
по проблемам преступности Совета Европы
dshalyagin@yandex.ru*

В рамках одного из новейших международных программных документов в области противодействия транснациональной организованной преступности (далее ТОП) «Плана действий по борьбе с транснациональной организованной преступностью», принятого Комитетом министров Совета Европы (КМСЕ) в марте 2016 г. на период до 2020 г. в числе пяти основных направлений совершенствования противодействия ТОП стоит выделить возвращение активов¹. Эта одна из сложнейших проблем, лежащая в плоскости взаимодействия правоохранительных и финансовых институтов сотрудничающих государств, но природа которой нередко связана с серьезными коррупционными преступлениями. В рамках развивающейся дискуссии о путях противодействия коррупции, важным инструментом признается укрепление международно – правовых механизмов сотрудничества государств в борьбе с этим криминальным явлением. Не случайно действующим Национальным планом противодействия коррупции на 2016-2017 гг. отводится заметное

---

¹ План действий Совета Европы по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Перевод Горшенёвой И.А., Шалягина Д.Д. Страсбург: Совет Европы, М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016, С. 7.

место международно-правовым мерам, сформулированным главным образом в виде поручений МИД России².

Современные международно – правовые механизмы противодействия коррупции включают в порядке их принятия: Конвенцию ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г., две конвенции Совета Европы (СЕ) об уголовной ответственности за коррупцию и о гражданско – правовой ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенцию ООН против коррупции 2003 г.

Кроме того, международно – правовое регулирование противодействия коррупции включает многочисленные вспомогательные акты как названных международных организаций, так и Всемирного банка, МВФ, ВТО, ОАГ, ЕС и ряда других. Большинство из этих документов не только вступили в силу, но и были имплементированы в национальные правовые системы государств, создав сравнительно успешные организационно – правовые, образовательные и воспитательные антикоррупционные механизмы. Таким образом, сегодня мы могли бы констатировать, что как минимум с международно – правовой точки зрения, задача решена и дело лишь за отдельными государствами, которым необходимо четко выполнять принятые на себя обязательства.

Однако в последние несколько лет ученые и практики в области борьбы с транснациональной организованной преступностью стали все больше отмечать феномен взаимодополнения одних составов уголовных преступлений другими, что, как правило, усиливает общий негативный эффект от содеянного. Подобное взаимодополнение как правило именуется синергией, которую в свою очередь в ряде источников определяют, как суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы³. Поэтому мы позволим себе именовать этот феномен «криминальной синергией».

---

² Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы», URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71264578/> (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

³ Жилин Д.М. Теория систем. – М.: УРСС, 2004. С. 183.

Возвращаясь к проблеме коррупции, мы ведем речь о взаимодополняющем факторе коррупции при совершении транснациональных преступных деяний, актов международного терроризма, нелегальной миграции, отмывании средств и других преступлений.

Характерно, что Генеральная Ассамблея (ГА) ООН приняв своей Резолюцией № 15/25 15 ноября 2000 г. Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности менее чем через три недели, в рамках той же сессии 4 декабря 2000 г. официально дает старт процессу по разработке проекта будущей Всеобщей Конвенцией против коррупции, приняв Резолюцию № 55/61, в которой ГА ООН признает необходимость создания эффективного международно – правового документа против коррупции, независимого от Конвенции ООН против ТОП и постановляет учредить специальный комитет по разработке такого документа в штаб – квартире Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН).

Преднамеренное выделение коррупционного состава в самостоятельный объект международно – правового регулирования с одной стороны являлось, с политической точки зрения, серьезным сигналом, который посылало международное сообщество в лице ООН в адрес тех коррупционных практик, которые охватили все без исключения государства мира, с другой стороны, искусственное отделение коррупции от иных видов организованной преступности, в т.ч. имеющих транснациональный характер, в каком – то смысле способствовало разделению организационно – правовых усилий по противодействию этим преступным явлениям. А вместе с тем, эффект взаимодополнения транснациональной преступности, терроризма и других масштабных видов преступности коррупционным компонентом становится сегодня все более и более очевидным.

Это фиксируется и фактами подкупа должностных лиц, которые выявляются в ходе многочисленных расследований деятельности транснациональных преступных групп, стремящихся через коррупционные связи получить доступ к рычагам управления государством и его экономикой, и даже к политическому влиянию, а оттуда к неконтролируемому потоку материальных ресурсов, тем самым, создавая не только угрозу экономической безопасности государства, но и бросая реальные вызовы политическому строю и даже самому суверенитету государства. Это в том числе проявляется через

связь коррупции и терроризма. Примеры расследований террористической атаки против российского пассажирского лайнера над Синайским полуостровом в 2015 г. или еще более ранний факт совершения теракта в театре на Дубровке в Москве свидетельствуют о том, что так называемая коррупционная составляющая является важнейшим компонентом современного терроризма.

Говоря о практике СЕ, нельзя не сказать, что эта общеевропейская международная организация стояла у истоков международных усилий по налаживанию сотрудничества в борьбе как с преступностью вообще, так и в борьбе с коррупцией, в частности. Еще в 1957 г. была принята Европейская конвенция о выдаче, а в 1959 г. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам, заложив базовые основы многостороннего международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Много международно – правовых актов принято СЕ и по противодействию отдельным видам преступлений. Это терроризм, незаконный оборот оружия, торговля людьми и человеческими органами, киберпреступность и преступления в области спорта.

В 2012 г. КМСЕ было принято решение о создании при Европейском комитете по проблемам преступности (ЕКПП) Рабочей группы по ТОП, в мандат которой была включена в качестве основной задача по определению основных проблем и выработка решений, которые должны стать планом действий СЕ по борьбе с ТОП. В результате активной аналитической работы Рабочей группы была подготовлена Белая книга о ТОП, одобренная КМСЕ в 2015 г. и в течение того же года подготовлен План действий СЕ по борьбе с ТОП, который 2 марта 2016 г. был принят КМСЕ.

Постоянно растущие угрозы, которые ТОП представляет для верховенства права и безопасности, а также для принципов демократического общества заставило КМСЕ определить борьбу с ТОП в качестве одного из приоритетных направлений деятельности СЕ на ближайшие годы. Поэтому разработка и последующая реализа-

ция Плана действий СЕ по борьбе с ТОП, предусмотренные положениями Белой книги о ТОП⁴, вышли на передний план повестки дня Организации.

План действий СЕ по ТОП на 2016-2020 гг.⁵ поставил перед СЕ и его государствами – членами новые и беспрецедентно амбициозные цели в борьбе с ТОП, т.к. появление новых, значительных транснациональных сфер для преступной деятельности вместе с появлением новых видов преступлений, включая коррупционные, с выраженным транснациональным характером, требуют новых усилий по их предупреждению, расследованию и преследованию.

Новые формы ТОП вместе с серьезными рисками, исходящих от «традиционного» типа трансграничной организованной преступности, таких как незаконный оборот наркотиков, оружия или торговли людьми, требуют скоординированных действий на международном уровне, чтобы дать максимальную поддержку государствам – членам, которые несут основную ответственность за предотвращение и борьбу с ТОП, но при этом нуждаются в эффективном сотрудничестве с другими государствами.

Частью этого нового сценария являются проблемы информационного общества, где новые технологии и специализированные цифровые средства связи широко используются преступниками в их незаконной транснациональной деятельности. Тем не менее, новые технологии могут также являются эффективными инструментами, позволяющими сотрудникам правоохранительных органов отслеживать, выявлять и расследовать самые сложные формы ТОП. В конечном счете, общий ответ на ТОП и необходимое международное полицейское и судебное сотрудничество, дающие уголовно-правовую реакцию на ТОП, также могут извлечь выгоду из быст-

---

⁴ Белая книга о транснациональной организованной преступности / пер. с англ. Горшенёвой И.А., Шалягина Д.Д. – Изд-во Совета Европы, Страсбург 2014. С. 7, URL: http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDPC/PC-GR-COT/White-paper-Web_RU.pdf (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

⁵ Council of Europe Action Plan on Combating Transnational Organised Crime (2016-2020) CDPC (2015) 17 Fin, URL: <http://www.coe.int/t/DGHL/STANDARDSETTING/CDPC/CDPC%20documents/CDPC%20%282015%29%201-7%20Fin.pdf> (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

рых и гибких форм коммуникации нового информационного общества. Вызов заключается в преобразовании движущих факторов новых форм преступности в новые ответы, с учетом того, что формальные и неформальные международные сети сотрудничества также основаны на быстрых формах общения.

План действий учитывает сферу компетенций других международных организаций в целях усиления общей значимости, а соответствующие действия были выбраны в расчете на то, что они будут усиливать борьбу с ТОП.

План действий по ТОП представляет конкретные предложения государствам-членам СЕ для эффективного решения ряда вопросов, подробно изложенных в пяти ключевых областях, определенных Белой книгой.

Представляется, что План действий должен быть реализован в течение четырех лет (2016-2020 гг.). Понятно, что совершенствование инструментов и механизмов для борьбы с некоторыми формами ТОП является задачей, которая не может быть предметом для временных рамок, т.к. это непрерывно длящаяся борьба. Основной причиной создания таких временных рамок для Плана действий является то, что более короткие сроки не позволили бы дать достаточно времени для реализации основных целей, изложенных в Белой книге. Вместе с тем, четырехлетние временные рамки позволят как дать первоначальные оценки получаемым результатам, так и позволят сделать определенные корректировки в отношении будущих действий для среднесрочной оценки, которая будет осуществляться. В завершении этого Плана действий также должен быть подготовлен окончательный отчет.

Что касается общих итогов деятельности, то некоторые результаты следует ожидать еще до того, как окончится четырехлетний срок, в то время как некоторых других целей, которые требуют непрерывных, текущих действий, удастся достичь лишь частично, в пределах срока, установленного для исполнения настоящего Плана действий. Например, усилия по обеспечению выполнения всеми государствами – членами действий по ратификации или третьими государствами действий по присоединению к конвенциям, имеющих отношение к ТОП, потребуют постоянных усилий, явно выходящих за пределы временных рамок настоящего Плана действий.

Необходимо отметить, что в рамках четырехлетнего Плана действий, некоторые действия будут непродолжительными, в то время как другие действия, которые уже на пути к реализации или частично реализованы по – прежнему будут усиливаться и контролироваться. Кроме того, некоторые действия будут начинаться только после того, как необходимая информация будет собрана и соответствующие решения будут приняты, например, о необходимости и возможности разработки новой нормативно – правовой базы.

Признается более целесообразным предложить осуществление нескольких действий одновременно, вместо того, чтобы сосредотачиваться на одном действии каждый год, которое может привести к менее эффективным результатам.

План действий построен на выводах, изложенных в Белой книге о ТОП, а основная цель Плана действий заключается в том, чтобы обеспечить конкретные мероприятия, которые будут осуществляться в каждой ключевой области.

Пятью ключевыми областями, как указано в Белой книге, являются следующие⁶: укрепление международного сотрудничества посредством сетей; специальные методы расследования; защита свидетелей и стимулы для сотрудничества; административное взаимодействие и сотрудничество с частным сектором; возвращение активов.

Из всех вышеперечисленных шагов проблема возвращения активов, очевидно, является наиболее связанной с противодействием коррупции. В связи с чем остановимся на предлагаемых в этой связи действиях поподробнее.

На основе рекомендаций и мер предложенных в Белой книге в отношении возвращения активов, предлагаются следующие действия⁷:

---

⁶ Белая книга о транснациональной организованной преступности / пер. с англ. Горшенёвой И.А., Шалягина Д.Д. – Изд-во Совета Европы, Страсбург 2014. С. 21-42, URL: http://www.coe.int/t/DGHL /STANDARDSETTING/CDPC/PC-GR-COT/White-paper-Web_RU.pdf (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

⁷ Там же. С. 41-42.

В этой области возможны несколько прямых действий, которые могут способствовать более эффективному осуществлению и функционированию существующих инструментов.

Во – первых, всю информацию по возвращению активов по каждой стране, разработанную Европейской судебной сетью (EJN) и Евроюстом в отношении стран ЕС, следует распространить на все государства – члены СЕ, сделав ее доступной в цифровой среде.

Во – вторых, было бы крайне полезно, если компетентные органы могли бы предоставлять и иметь доступ к ограниченной интерактивной базе данных, в которой они могли бы обмениваться информацией о транснациональных случаях возвращения активов, делая это в режиме реального времени. Сегодня довольно часто национальные органы различных государств – членов работают над возвращением активов по одному и тому же делу или по делам, связанным между собой, не подозревая об этом.

В – третьих, возвращение активов является весьма специализированной, технической областью. Существует значительная потребность в технической помощи и подготовке кадров для этой сферы. Запуск учебных программ, содействие обмену передовым опытом в отношении гражданской конфискации активов, по расширенной конфискации и по конфискации третьей стороной будут все более востребованы практиками в этой области. В этой связи необходимо заметить, что, например, в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя уже несколько лет в рамках курса «Международное сотрудничество в борьбе с преступностью» читается лекция по теме «Международное сотрудничество в борьбе с легализацией преступных доходов», где рассматривается совокупность соответствующих проблем⁸.

Одним из первых шагов в рамках Плана действий должна стать активизация процессов по имплементации, существующей

---

⁸ См.: Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие / Шалягин Д.Д.; Пузырева Ю.В. – М.: МосУ МВД России, 2014.

нормативно –правовой базы по вопросам управления и распоряжения преступными доходами. Комитетом РС-ОС⁹ подготовлен вопросник из 11 вопросов, касающихся использования и эффективности документов СЕ в отношении международного сотрудничества в области изъятия и конфискации доходов от преступной деятельности, включая управление конфискованным имуществом и совместное использование активов (Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS № 30), Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (ETS № 141), Конвенции СЕ об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (СЕТS № 198)). Окончательные итоги по этому вопроснику до сих пор не опубликованы. Однако очевидно, что практическая реализация этих конвенций остается важным аспектом в борьбе с ТОП и, что международное сотрудничество в этой области должно иметь дальнейшее развитие.

По итогам этой оценки, СЕ может принять решение по некоторым пробелам в реализации:

- обеспечение обмена передовым опытом в отношении управления замороженными активами. По ряду причин управление замороженными или конфискованными активами является трудоемким делом, в том числе из – за интерес третьих сторон, разнообразия активов и непредсказуемых временных параметров ожидания окончательной конфискации. В этой связи, необходимо выявлять и обмениваться передовой практикой;

- подготовка обновленных руководящих принципов для национальных агентств по управлению активами, принимая во внимание обнародованные итоги совещания Группы экспертов УНП ООН по вопросам управления, использования и утилизации замороженных,

---

⁹ Комитет *РС-ОС* осуществляет мониторинг всех документов СЕ в сфере международного сотрудничества по уголовно-правовым вопросам. Он разрабатывает (согласовывает) новые обязывающие и инициативные нормы и осуществляет их мониторинг, включая разработку практического проблемно-ориентированного сопровождения, его применение или толкование, URL: www.coe.int/tcj. (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

изъятых и конфискованных активов (например, программа ООН для региона Реджо-ди-Калабрия, Италия, 2014 г.)¹⁰;

- рассмотрение и обсуждение типового соглашения по совместному использованию активов для использования между государствами – членами СЕ;

- подключение существующих сетей специалистов – практиков, занимающихся вопросами использования конфискованного имущества для общественных целей и / или для компенсации жертвам преступлений, а также подготовка критериев обновления, которые необходимо принять во внимание при принятии решения об использовании активов;

- создание или назначение национальных органов, ответственных за принятие своевременных решений, обеспечивающих оптимальное использование конфискованных активов, в соответствии с критериями, определенными СЕ;

- поощрение соглашений и меморандумов о взаимопонимании между государствами в отношении совместного использования активов, с возможностью выхода за их рамки и с использованием подхода «от случая к случаю».

Для того чтобы оценить, необходимы ли на уровне СЕ новые правовые акты, предлагается создать исследовательскую группу, которая должна определить требуют ли новые следственные методы по замораживанию и конфискации активов, новые формы конфискации (без вынесения обвинительного приговора) и новые технологии разработки новой конвенции. Следует также изучить вопрос о целесообразности заключения соглашения на уровне СЕ по обмену активами.

Параллельно с этой работой Планом действий предлагается государствам – членам обеспечить систематические и эффективные финансовые расследования по всем случаям потенциального генерирования преступных доходов. Судебные финансовые расследования остаются во многих государствах – членах СЕ слабо развитой сферой, как в отношении компетентности, так и потенциала. Эти финансовые расследования имеют огромное значение, находясь в

---

¹⁰ См.: URL: <http://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Working-Groups/workinggroup2/2014-September-11-12/CombinedCacCosp-Wg2-2014-CRP3.pdf> (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

активном состоянии, для предотвращения совершения трансграничных преступлений, а в условиях реагирования – на сбор доказательств и отслеживание наличия и местонахождения преступных активов, с тем чтобы иметь возможность их своевременно заморозить и изъять.

Это сфера имеет большое значение, но ее отличает значительная сложность из-за многочисленности компетентных властей и стоящих перед ними целей.

Государства – члены СЕ должны осознавать важность, проводимых на местах эффективных финансовых расследований (полномочия и потенциал). Они включают в себя, но не ограничиваются, расследования, проводимыми подразделениями финансовой разведки (ПФР), поскольку они выходят за рамки вопросов отмывания денег. Повышение информированности об этом может осуществляться через набор действий, таких как:

- подготовка справочника, указывающего, какие органы участвуют в расследованиях в каждой стране и определения того, какие полномочия и функции предоставляются подразделениям финансовой разведки и другим правоохранительным органам;

- разработка типовых положений, касающихся финансовых судебных расследований (включая активный, профилактический подход к вопросу доходов от преступлений);

- поощрение государств в разработке активного, профилактического подхода, запуск финансовых расследований в отношении каждого ориентированного на прибыль преступления, еще до начала уголовного расследования;

- укрепление и оптимизации внутренней правовой базы в области многопрофильных финансовых расследований, с тем чтобы обеспечить обмен информацией между судебными и административными органами.

Еще одним немаловажным шагом, предлагаемым Планом действий, должен стать пересмотр законодательства о доступе к базам данных. В нескольких государствах – членах СЕ компетентные органы имеют ограниченный доступ к соответствующим базам данных. В некоторых из них отдельные базы данных отсутствуют и / или недостаточно развиты. Отсутствие регистров центрального банка и реестров публичных компаний, конечно, может затруднить и замедлить сотрудничество. СЕ должен создать группу экспертов

для проверки, имеют ли и в какой степени ПФР, агентства по возвращению активов (АВА), административные надзорные органы, правоохранительные и судебные органы доступ ко всем соответствующим базам данных, в том числе тем, которые необходимы для судебно – бухгалтерской экспертизы, по реестрам компаний и т.д. Эти базы данных включают в себя таковые частного происхождения с государственными обязательствами и государственные, на которые, возможно, наложено ограничение использования из – за ограниченного назначения. В любом случае, специализированные правоохранительные органы, занимающиеся ТОП, должны иметь доступ к информации финансовой разведки и к соответствующим базам данных (реестры по земле, собственности, транспортным средствам, налогам, банковским счетам и т.д.), чтобы иметь возможность оперативно и эффективно проводить расследование.

Четвертым шагом, предлагаемым Планом действий, должно стать содействие проведению финансовых расследований в области новых технологий, связанных с преступными активами. Новые технологии, такие, например, как крипто – валюты и цифровые деньги, предлагают новые технологические способы диверсификации преступных активов. Некоторые из этих концепций еще не имеют четкого юридического определения. Национальная судебная практика квалифицирует их с учетом различий (собственность, валюта и т.д.) и с различающимися правовыми последствиями. Существует необходимость согласовать юридические определения этих новых явлений. Примером может послужить, разработанное FATF и MONEYVAL «Руководство по риск – ориентированному подходу к виртуальным валютам»¹¹. Кроме того, важно, чтобы сообщество правоохранительных органов имело опыт и методы по отслеживанию активов в цифровой среде. Необходимо разработать новые цифровые методы расследования, такие как дистанционные цифровые обыски и транснациональные ордера на дешифрование. В этой связи, может быть создана пилотная группа специалистов – практиков для обмена знаниями. Группе экспертов по правовым вопросам следует изучить возможности в рамках этих предложений в плане

---

¹¹ См.: URL: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Guidance-RBA-Virtual-Currencies.pdf> (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

соблюдения верховенства права и применению стандартов в области прав человека.

Следующим обязательным шагом предлагается сделать укрепление международного сотрудничества в области нестандартных форм конфискации. Традиционно взаимная правовая помощь по уголовным делам (далее ВПП) была ограничена стандартными формами конфискации, как правило, связанными с судимостями. Тем не менее, в некоторых случаях транснациональных преследований и вынесении приговоров затруднения возникают в связи с вопросами юрисдикции, где дело имеют с нарушителями, покинувшими юрисдикцию или скрывающимися в соответствии с правилами иммунитета. В отдельных случаях можно было бы рассмотреть использование конфискации без вынесения обвинительного приговора. Некоторые государства – члены СЕ расширили практику в этой области. СЕ может предпринять следующие действия в этой области: создание базы данных с наиболее соответствующим прецедентным правом ЕСПЧ в этой области; и подготовка руководящих принципов, касающихся различных форм, не основанной на вынесенном приговоре конфискации, предусмотренной международными договорами и национальным законодательством.

Однако лишь повышение информированности в этой области недостаточно, т.к. правовые режимы многих государств – членов не предусматривают этих новых инструментов конфискации. Могло бы быть проведено пилотное исследование для выяснения, в какой степени государства – члены СЕ готовы внести изменения в свое законодательство: по некоторым формам конфискации без вынесения обвинительного приговора, которые должны применяться, по крайней мере, в делах по организованной преступности; и по выполнению в рамках ВПП запросов о конфискации без вынесения обвинительного приговора при условии, что они находятся в соответствии с прецедентным правом ЕСПЧ, даже если они не существуют во внутреннем законодательстве запрашиваемого государства.

И наконец, Планом действий предусматриваются шаги по улучшению положения жертв преступлений в процедурах по возвращению активов. Традиционно процедуры замораживания, ареста и конфискации активов являются темами для межгосударственного сотрудничества. В последнее десятилетие несколько госу-

дарств – членов СЕ укрепили положение потерпевших при проведении процедур по возвращению активов. Они могут внести свой вклад, участвуя в отслеживании и замораживании денег. Они также имеют право на возмещение своих убытков из возвращенных активов. Дебаты социально – этического характера также имеют место в отношении нанесенного обществу ущерба и возмещения организациям, которые являются активными в восстановлении социальных ценностей и имущества в регионах, которые сильно пострадали от организованной преступности. Компенсация жертвам преступлений, как часть мер по возвращению активов, является новой темой, которая заслуживает дальнейшего осмысления и, возможно, также новых договорных рамок. СЕ мог бы организовать посещения государств – членов, обладающих соответствующим опытом, в целях выявления передовой практики. СЕ должна быть учреждена исследовательская группа экспертов для разработки предложений по будущему правовому регулированию в данной области.

Таким образом, полагаем, реализация намеченных в рамках Плана действий СЕ по борьбе с ТОП шагов, в т.ч. по возвращению активов, способно оказать заметное воздействие и на сферу противодействия коррупции.

СЕКЦИЯ

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН 2017 ГОДА**

Ербол Мусинович Абайдельдинов

*доктор юридических наук, профессор кафедры
международного права юридического факультета
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева*

10 марта 2017 года Президент Республики Казахстан подписал Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», принятый Парламентом страны 6 марта 2017 года. Закон предусматривает 26 поправок в 19 статей Конституции Казахстана, что стало итогом всенародного обсуждения проекта поправок в Конституцию Казахстана, опубликованного 26 января 2017 года.

Основная часть предложенных поправок касается перераспределения полномочий между ветвями государственной власти Республики. Ряд полномочий Президента передан законодательной и исполнительной власти, предусмотрены также некоторые шаги в совершенствовании деятельности судебной власти, прокуратуры, повышения роли Конституционного совета и др.

Предложенные в январе 2017 года Президентом Н.А. Назарбаевым изменения и дополнения в Конституцию страны были ожидаемы, т.к. еще почти 2 года назад Президент в одном из своих выступлений особо подчеркнул: «Поэтапно должна быть проведена конституционная реформа, предполагающая перераспределение властных полномочий от Президента к Парламенту и Правительству с учетом наших традиций»¹. Поправки направлены на более

---

¹ См.: «Современное государство для всех: Пять институциональных реформ» - Выступление Президента Республики Казахстан, Председателя партии «Нур Отан» Н. Назарбаева на XVI съезде партии // http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_

равномерное распределение полномочий между ветвями власти, что в целом делает государственную власть более сбалансированной, более ответственной перед народом и Президентом. При этом форма правления в стране остается прежней – президентская республика. Поправки в Основной закон страны являются логическим продолжением совершенствования всей государственной и общественной жизни Республики Казахстан, начавшегося с самого начала обретения суверенитета.

Напомню, что в истории суверенного Казахстана в Конституцию уже трижды вводились определенные изменения и дополнения как достаточно объемные, так и точечного характера. Так, в 1998 году Президентом Н.А. Назарбаевым были инициированы изменения и дополнения в Конституцию. Среди них был ряд поправок, касающихся расширения парламентаризма: совершенствование выборного процесса; участие в контроле за выборами наблюдателей от общественности; укрепление и обеспечение независимости палат Парламента; принятие механизма представительства по политическим партиям на пропорциональной основе и др.

В 2007 году в Конституцию были внесены серьезные изменения и дополнения, среди которых особо можно отметить укрепление статуса Парламента за счет введения нормы об утверждении Премьер-министра парламентским большинством и процедуры консультаций Президента с партийными фракциями при назначении главы Правительства. Увеличена численность депутатов обеих палат - Мажилиса и Сената Парламента. Сенат наделен полномочием выполнения функций Парламента по принятию законов в период временного отсутствия (ропуска) Мажилиса. Усилены полномочия Парламента по эффективному контролю за деятельностью Правительства. Ассамблея народа Казахстана была наделена конституционным статусом.

2 февраля 2011 года был принят Закон, вносящий дополнение в Конституцию Казахстана, направленное на установление конституционных основ назначения и проведения внеочередных выборов Президента страны.

---

addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-predsdatelya-partii-nur-otan-nazarbaeva-na-xvi-sezde-partii. 11.03.2015 года.

Все изменения конституционных норм осуществляются в соответствии с положениями самого Основного закона и нормами международного права. Так, в статье 1 Конституции отмечено: «Республика Казахстан утверждает себя «демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы». Оборот «утверждает себя», указано в Постановлении Конституционного Совета РК от 21 декабря 1991 года, «как показывает практика 20 лет развития страны, означает поступательность развития Казахстана как демократического, правового и социального государства, необратимость данного процесса»².

Этот процесс поступательного, эволюционного, и в то же время необратимого развития Казахстана соответствуют нормам международного права. Так, согласно Всеобщей декларации прав человека 1948 года, «идеал свободной человеческой личности, свободной от страха и нужды, может быть осуществлен только, если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же, как и своими гражданскими и политическими правами»³.

Ст. 2 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года гласит о том, «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется... принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер»⁴.

---

² См.: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 21 декабря 2001 года №18 «Об официальном толковании пункта 1 статьи 1 Конституции Республики Казахстан». // Справочная правовая система «Юрист», 2011 г. Обращение 10 апреля 2017 г.

³ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. Обращение 15 апреля 2017 г.

⁴ См.: Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 года) //

Вполне в соответствии с положениями Международного пакта Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым еще в 1990-х годах была поставлена задача: вначале экономика, затем политика. В результате предпринятых политических, организационных, правовых и иных действий страна за годы независимости совершила мощный экономический прорыв: если в 1994 году ВВП на душу населения составлял чуть более семисот долларов, к 2014 году увеличился почти в двадцать раз.

Взросшие возможности экономики страны, уровень развития ее правовой системы уже с начала первого десятилетия XXI века позволили приступить к некоторым политическим реформам, имеющим целью дальнейшее формирование правового демократического государства. Поэтому внесение поправок 2017 года в Конституцию РК, имеющих основной целью перераспределение полномочий от Президента к законодательной и исполнительной ветвям власти, стало вполне закономерным и ожидаемым этапом проводимых в стране реформ.

Среди других поправок можно отметить следующие. Ранее действовавший пункт 2 статьи 10: «2. Гражданин Республики ни при каких условиях не может быть лишен гражданства, права изменить свое гражданство, а также не может быть изгнан за пределы Казахстана» был принят в следующей редакции: «2. Гражданин Республики не может быть лишен гражданства, права изменить свое гражданство, а также не может быть изгнан за пределы Казахстана. Лишение гражданства допускается лишь по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики Казахстан.»

Норма, предусматривающая лишение гражданства, предусмотрена в Конституции Кыргызской Республики 2010 года (п. 2 ст. 50), отмечено: «2. Ни один гражданин не может быть лишен своего гражданства и права изменить свое гражданство иначе, как в случаях и порядке, установленных конституционным законом». 4 августа 2016 года Президент Кыргызстана подписал закон «О внесении

---

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. Обращение 15 апреля 2017 года.

изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики в сфере противодействия терроризму и экстремизму»⁵, и п. 1. ст. 26 Конституции Кыргызской Республики принял новую редакцию: Гражданство Кыргызской Республики утрачивается: 1) вследствие поступления лица на военную или разведывательную службу иностранного государства; прохождения за пределами Кыргызской Республики подготовки, направленной на приобретение умений и навыков совершения террористического или экстремистского преступления; участия в вооруженных конфликтах или военных действиях на территории иностранного государства, за исключением случаев исполнения официальных обязанностей по поддержанию международного мира и безопасности»⁶.

В Конституциях других стран Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), как правило, в основных законах не предусмотрена мера лишения гражданства. Так, п. 3 ст. 6 Конституции России 1993 года гласит: «3. Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Ст. 10 Конституции Республики Беларусь 1994 года утверждает: «Никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права изменить гражданство». Статья 30.1. Конституции Республики Армения 1995 года устанавливает: «Никто не может быть лишен гражданства Республики Армения, а также права изменения гражданства».

В странах дальнего зарубежья достаточно гибко подходят к вопросам гражданства. Их, как правило, относят к сфере регулирования законодательства. Так, в ФРГ человека могут лишить гражданства, если он имеет возможность стать гражданином любой дру-

---

⁵ Внесены изменения в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики в сфере противодействия терроризму и экстремизму // http://www.president.kg/ru/novosti/8230_vnesenyi_izmeneniya_v_nekotoryie_zakonodatelnyie_aktyi_kyrgyzskoy_respubliki_v_sfere_protivodeystviya_terrorizmu_i_ekstremizmu/, 4 августа 2016 г. Обращение 7 марта 2017 г.

⁶ О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Закон Кыргызской Республики. Принят Жогорку Кенешем 30 июня 2016г. // http://www.president.kg/files/docs/Laws/v_sfere_protiv-ya_terr-u_i_eks-u_2_-08_16.PDF. Обращение 7 марта 2017 г.

гой страны. Статья 16 Конституции ФРГ 1949 года гласит: «(1) Германское гражданство не может быть отнято. Утрата гражданства может последовать только на основании закона, а против воли заинтересованного лица - лишь в том случае, если оно тем самым не становится лицом без гражданства». Ст. 10 Конституции Японии 1947 года гласит: «Необходимые условия японского гражданства определяются законом». П. 1 статьи 2 Конституции Республики Корея 1948 года вопросы гражданства также относит к числу регулируемых законом: «Гражданство Республики Корея определяется законом».

Анализ международно-правовых документов показывает, что статья 15 Всеобщей декларации прав человека 1948 года устанавливает право каждого человека на гражданство, запрет на произвольное лишение своего гражданства или права изменить свое гражданство. Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года охватывает основной спектр прав человека и не регламентирует подробно права человека в сфере гражданства. Однако п. 2 статьи 5 данного документа устанавливает, что «2. Никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в какой-либо стране в силу закона, конвенций, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в настоящем Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме».

Таким образом, международное право всем своим содержанием направлено на развитие и защиту прав человека, при этом допускает и определенные ограничения. Так, п. 2 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 года предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека, установленных законом «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Задачи обеспечения общего благосостояния общества, успешного развития государства, приходится решать в условиях ряда глобальных вызовов. Нарастающие миграционные передвижения населения в глобальном масштабе, активизация террористической и экстремистской деятельности в различных регионах мира и иные разнообразные ситуации, угрожающие безопасности каждой

страны и всего человечества ставят вопросы законодательного определения случаев лишения гражданства и утраты гражданства.

Статья 8 «Конвенции о сокращении безгражданства» от 30 августа 1961 года в п. 1 устанавливает требование о недопущении лиц гражданства, «если такое лишение сделало бы это лицо апатридом». Однако в п. 2 данной статьи устанавливается норма, в соответствии с которой «любое лицо может быть лишено гражданства любого Договаривающегося Государства: b) если гражданство было приобретено в результате сообщения ложных сведений или в результате обмана. ii) лицо ведет себя таким образом, что причиняет серьезный вред жизненным интересам этого Государства». В п. 4 этой же статьи отмечено, что «Никакое Договаривающееся Государство не должно осуществлять право лишения гражданства, допускаемое согласно пункту 2 или 3 настоящей статьи, иначе как в соответствии с законом, предусматривающим для соответствующего лица право на справедливое разбирательство дела судом или иным независимым учреждением»⁷.

Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 года признает компетенцию каждого государства определять в соответствии со своим законодательством, кто является его гражданами. В статье 4 среди принципов указаны: право каждого человека на гражданство; избежание безгражданства; запрета произвольного лишения гражданства, за исключением случаев, указанных в ст. 7 Конвенции. Причем, как указано в цитируемой статье 7 Конвенции, в ней содержится исчерпывающий перечень оснований для лишения гражданства. К ним относятся: добровольное приобретение другого гражданства; приобретение гражданства государства-участника путем мошенничества, предоставления ложной информации или сокрытия любого относящегося к делу факта, касающегося заявителя; добровольная служба в иностранных вооруженных силах; поведение, причиняющее серьезный ущерб жизненно важным интересам государства-участника⁸.

---

⁷ См.: Конвенция о сокращении безгражданства. Принята 30 августа 1961 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml. Обращение 6 марта 2017 г.

⁸ См.: Европейская конвенция о гражданстве от 6 ноября 1997 года. // <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets166.html>. Обращение 5 марта 2017 г.

Таким образом, введение в Конституцию РК нормы о возможности лишения гражданства страны по решению суда за совершение террористических преступлений, а также за причинение иного тяжкого вреда жизненно важным интересам Республики, вполне соответствует нормам международного права, опыту развитых стран, отвечает стратегическим интересам развития государства и общества.

Следующая рассматриваемая нами поправка внесена в п. 3 ст. 4 Конституции. Прежний текст: «Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона» был изменен на следующую формулировку: «3. Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами. Порядок и условия действия на территории Республики Казахстан международных договоров, участником которых является Казахстан, определяются законодательством Республики».

Здесь надо отметить, что новая редакция конституционной статьи вполне обеспечивает эффективность исполнения международных обязательств Республики, соответствует Венской конвенции о праве международных договоров. Нормы, направленные на добросовестное исполнение международных обязательств, содержатся в ряде статей Конституции РК. Поэтому данный пункт статьи 4 необходимо рассматривать в совокупности с другими статьями Конституции, например, со ст. 8, в которой сказано, что «Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права...», а также с содержанием Преамбулы «Мы, народ Казахстана... желая занять достойное место в мировом сообществе...».

Таким образом, как специальные нормы, регулирующие исполнение международных обязательств страны, так и в целом все содержание Основного закона РК направлено на добросовестное поведение государства на международной арене, с учетом обеспечения национальных интересов страны.

Статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года «*Pacta sunt servanda*» устанавливает, что «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться», и в статье 27 отмечает: «Участник не

может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46»⁹. Статья 46, подтверждая положение о том, что «государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия», оговаривает при этом, что «если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения». Для любой страны «нормами его внутреннего права особо важного значения» являются нормы Конституции или основных законов для стран, не имеющих конституций.

Конституция является ключевым документом, определяющим все аспекты государственно-правовой жизни страны, в том числе и во внутригосударственном исполнении норм международного права. Эта роль обуславливается определяющим местом Конституции в регулировании основ деятельности государства, ее соответствии общепризнанным принципам и нормам международного права. Конституция не просто заявляет об уважении государства в отношении международных договоров, а дает конкретные установки и гарантии их исполнения; определяет не только порядок исполнения норм международного права, но и его юридически возможные пределы. Именно об этом свидетельствует позиция Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем решении от 14 июля 2015 года постановил, что решения ЕСПЧ должны исполняться с учетом верховенства Конституции РФ¹⁰.

Исходя из вышеизложенного, совершенно очевидно, что новая редакция пункта 3 статьи 4 соответствует всему содержанию Конституции РК, не противоречит проводимой страной внешней

---

⁹ См.: Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 года) // Информационная система «Параграф». Обращение 5 марта 2017 г.

¹⁰ 14 июля 2015 года Конституционный Суд РФ провозгласил Постановление по делу о применимости решений ЕСПЧ на территории РФ // <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3244>. Обращение 24 июня 2016 г.

политике, отвечает нормам Венской конвенции о праве международных договоров.

Особо надо отметить поправку, закрепляющую на конституционном уровне главную ценность каждого государства - независимость. В статье 91 Конституции устанавливается, что наряду с унитарностью, территориальной целостностью республики и формой правления ни в каких случаях не может быть изменена независимость нашей страны.

Таким образом, изменения и дополнения, внесенные в Конституцию Республики Казахстан в марте 2017 года, приняты с учетом специфики и стратегических интересов Казахстана, основаны на нормах действующего Основного закона страны, идут в развитие его положений, опираются на общепризнанные нормы международного права, на опыт зарубежных государств. Принятие этих поправок свидетельствует о неизменности курса страны на утверждение Казахстана, в соответствии со статьей 1 Конституции, в качестве «демократического, светского, правового и социального государства, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы».

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ КОНСУЛЬСКИХ ПРИВИЛЕГИЙ И ИММУНИТЕТОВ

Динар Рустемович Амиров

*аспирант ИМПЭ им. А.С. Грибоедова
amirov_dinar@bk.ru*

В доктрине международного права уже давно ведутся дискуссии, относительно теоретического обоснования предоставления привилегий и иммунитетов тем или иным участникам международно-правовых отношений. Консульские привилегии и иммунитеты не являются в этом отношении исключением, для обоснования которых используются теоретические конструкции, заимствованные из дипломатического права.

В науке международного права на сегодняшний день наибольшее распространение и признание получили функциональная, представительная и комбинированная теории, как наиболее раскрывающие правовую природу консульских привилегий и иммунитетов.

Функциональная теория (теория функциональной необходимости) основывается на том, что предоставление иммунитетов и привилегий осуществляется в связи с необходимостью обеспечения эффективного выполнения органами внешних сношений и их персоналом возложенных на них функций.

Ряд авторов считает данную теорию наиболее подходящей для применения ввиду того, что она позволяет достичь желаемого

баланса между привилегиями и иммунитетами и требованиями государств пребывания¹, а также избежать чрезмерного расширения иммунитетов².

Рассматривая консульские привилегии и иммунитеты, значительное число авторов указывают на их функциональный характер³. Еще в конце XIX века В.А. Уляницкий отмечал, что древний обычай и международные договоры установили формулу, согласно которой предоставление иммунитетов осуществляется для беспрепятственного исполнения консульских функций⁴.

Теория функциональной необходимости была заложена в основу Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года (далее – ВККС), о чем говорилось как при подготовке проекта конвенции, так и при его обсуждении на Венской конференции⁵. Юридическое обоснование необходимости наделения консульских учреждений и их работников привилегиями и иммунитетами было отражено в преамбуле ВККС, установившей, что «привилегии и иммунитеты предоставляются не для выгод отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления консульскими учреждениями функций от имени их государств»⁶.

---

¹ См.: Yu-Long Ling. A Comparative Study of the Privileges and Immunities of United Nations Member Representatives and Officials with the Traditional Privileges and Immunities of Diplomatic Agents // *Washington & Lee Law Review*. Vol. 33. 1976. P. 94.

² См.: Josef L. Kunz. Privileges and Immunities of International Organizations // *American Journal of International Law*. Vol. 41. No. 4 (Oct., 1947). P. 855; McClanahan G.V. *Diplomatic Immunity*: foreword by Sir Nicholas las Henderspon. St. Martin's press. New York. 1989. P. 32.

³ См.: Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. *Основы консульской службы*. Учебник. М. 1986. С. 135-136; Блищенко И.П. *Дипломатическое право*. Учебное Пособие. 2-е изд. испр. и доп. М. 1990. С. 185; см. также: Соловьев Э.А. *Основы консульского права*. Учебное пособие. М. 2014. 50.

⁴ См.: Уляницкий В.А. *Русские консульства за границей в XVIII в.* Т.1. М. 1899. С. 78-79.

⁵ United Nations Conference on Consular Relations. Vienna - 4 March - 22 April 1963. Official Records. Vol. I: Summary records of plenary meetings and of the meetings of the First and Second Committees. PP. 24, 246-248, 404.

⁶ Венская конвенция о консульских сношениях от 24.04.1963 года. // *Сборник международных договоров СССР*. Вып. XLV. М. 1991. С. 124-147.

Функциональный подход также прослеживается в распространении действия иммунитета консульских должностных лиц от юрисдикции только на служебные действия, в то время как иммунитет дипломатического агента действует на его частную деятельность (за исключением 3 групп гражданских исков). Вместе с тем, целый ряд двусторонних консульских соглашений предусматривает иммунитет работников консульских учреждений от юрисдикции в отношении неслужебных актов, что не может быть объяснено функциональной необходимостью.

Статья 73 ВККС установила возможность расширения минимального перечня и объема привилегий и иммунитетов консульских учреждений и их работников, определенный конвенцией, тем самым избавив от необходимости обоснования этого в дальнейшем при заключении двусторонних консульских соглашений. Очевидно, что данное обстоятельство также не соответствует концепции функциональности.

Представительная теория (теория представительного характера) изначально отражала воззрение о том, что посол воплощает собой личность монарха и, соответственно, не подлежит власти другого государя в силу принципа *par in parem non habet imperium*. Со временем, примерно с конца XIX века, послы стали рассматриваться уже как представители государства в целом, а не только его главы, что, в свою очередь, повлекло некоторую трансформацию теории, и иммунитет посла сегодня связывают с суверенитетом государства⁷.

Несмотря на то, что до последнего времени предпринимаются попытки модернизировать представительную теорию для ее реализации в современных реалиях⁸, когда она применяется не только в

---

⁷ См.: Mwenda K.K. Public international law and the regulation of diplomatic immunity in the fight against corruption. Pretoria University Law press. 2011. P. 4.

⁸ Как полагает Д.Б. Левин, «в основание дипломатического иммунитета нужно положить не фикцию персонификации послом суверена и не сам по себе принцип суверенитета, – который составляет основание иммунитета государства, но не отражает специфических особенностей посольского права, – а вытекающие из суверенитета право государства на международное представительство» // Д.Б. Левин. Дипломатический иммунитет. М.-Л. 1949. С. 270.

отношении посла, но и других работников органов внешних сношений, у неё имеется ряд существенных недостатков, на которые указывают как отечественные, так и зарубежные ученые⁹.

Мы разделяем позицию ряда авторов, утверждающих, что, рассматривая консульские привилегии и иммунитеты, нельзя игнорировать представительную теорию¹⁰, хотя и не соглашались с ними в выводе, к которому они приходят в развитии этого положения. По их мнению, признание представительной составляющей консульств лежит в основе сложившейся тенденции сближения консульских и дипломатических привилегий и иммунитетов.

Полагаем, что данное утверждение не соответствует действительности как минимум по двум причинам. Во-первых, расширение объема привилегий и иммунитетов в некоторых двусторонних консульских договорах не носит всеобъемлющего и систематического характера, в связи с чем данное явление не отвечает признакам, присущим тенденции. Сформировавшаяся практика предоставления в части двусторонних соглашений привилегий и иммунитетов функционального характера, соответственно, демонстрирует несостоятельность указанной позиции.

Во-вторых, выделяемая «тенденция» не может являться прямым следствием того, что за консульствами стал признаваться представительный характер их деятельности, поскольку это бы неминуемо повлекло качественные изменения не только привилегий и иммунитетов консульских учреждений, но и других элементов их правового статуса. В первую очередь это должно было коснуться консульских функций, в которых воплощается цель создания и деятельности рассматриваемых учреждений. Анализ двусторонних кон-

---

⁹ См.: Ogdon M. *Juridical Bases of Diplomatic Immunity: A Study in the Origin, Growth and Purpose of the Law*. Washington. D.C. John Byrne & Co. 1939. PP. 150-157.

¹⁰ См.: Алексиева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2006. С. 40; см. также: Ильин Ю.Д. *Основные тенденции в развитии консульского права*. М. 1969. С. 120-122; Сандровский К.К. *Право внешних сношений*. Киев. 1986. С. 311-312.

сульских соглашений, в свою очередь, не показал какой-либо трансформации функций в том, чтобы в них по сравнению с ВККС стало выражено представительное начало.

Указанные авторы в своих исследованиях пытаются объяснить предоставление в двусторонних консульских конвенциях более широкого объема привилегий и иммунитетов, которое не укладывается в логику функционального подхода, путем приспособления для этих целей представительной теории. То есть они идут от обратного. При таком подходе не теория служит основой для определения необходимого набора привилегий и иммунитетов и его содержания, а уже под нормативно установленный их перечень и объем «подгоняется» та или иная теория.

Несмотря на желание разработчиков ВККС всячески подчеркнуть функциональную природу консульских привилегий и иммунитетов, в тексте конвенции все же присутствуют положения, указывающие на то, что консульские учреждения в определенной степени представляют государство. Так, в частности, согласно ст. 43 ВККС иммунитет от юрисдикции консульских должностных лиц и консульских служащих распространяется на гражданские иски, вытекающие из договоров, в которых они прямо или косвенно приняли на себя обязательства в качестве агента представляемого государства.

Полагаем, что любой орган внешних сношений и его должностные лица, находящиеся за рубежом, в той или иной степени представляют свою страну, действуя в ее интересах. Конечно, существуют различия в характере их представительства, но сам факт того, что они олицетворяют иностранное государство трудно поставить под сомнение. Так, посольства осуществляют универсальное политическое представительство на всей территории страны пребывания, в то время как консульские учреждения не могут представлять государство в политической области и в общедипломатическом плане¹¹, действуя в рамках пространства, ограниченного консульским округом.

---

¹¹ См.: Зорин В.А. Основы дипломатической службы. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1977. С. 202.

В подтверждение данного тезиса приведем ст. 17 ВККС, предусматривающую при определенных условиях возможность совершения консульским должностным лицом с согласия государства пребывания дипломатических актов. Сохраняя при этом свой консульский статус, он заменяет собой дипломатического представителя. Аналогичное положение установлено в отношении представительства при международной организации.

Признание представительного начала консульских учреждений также нашло свое отражение в преамбуле Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик, в которой употреблен термин «консульское представительство» и указывается на то, что они являются органами иностранного государства¹².

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что исследуя юридическую природу консульских привилегий и иммунитетов, нельзя рассматривать представительную теорию в качестве полноценной альтернативы теории функциональной необходимости как это иногда делают в отношении дипломатических представительств. В данном случае она скорее дополняет последнюю, но при этом не образует комбинированную теорию в ее привычном понимании, поскольку природа консульского института все же не позволяет рассматривать эти две теории как равнозначные для применения.

Комбинированная теория представляет собой синтез представительной теории и теории функциональной необходимости. Пока одни ученые высказываются в поддержку комбинированной теории¹³, другие подвергают ее серьезной критике¹⁴. По справедливому

---

¹² См.: Указ Президиума ВС СССР от 23 мая 1966 года № 4961-VI «Об утверждении Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик» (с изм. продолжает действовать на территории РФ до принятия нового нормативного правового акта по этому вопросу) // Ведомости ВС СССР. 1966. № 22. Ст. 387.

¹³ См.: Ганюшкин Б.В. Дипломатическое право международных организаций. М. 1972. С. 66; см. также: Сандровский К.К. Право внешних сношений. Киев. 1986. С. 136.

¹⁴ См.: Дёмин Ю.Г. Статус дипломатических представительств и их персонала. С. 27-28.

утверждению Д.Б. Левина, «сторонники комбинированной теории большей частью не дают себе труда свести обе предлагаемые ими основания дипломатического иммунитета в единую и стройную конструкцию и не указывают, как одно сочетается с другим»¹⁵. Указанный недостаток сохраняется и в отношении консульского иммунитета.

Поскольку ни одна из рассмотренных теорий не носит универсального характера, научный поиск теоретического обоснования привилегий и иммунитетов продолжается и сегодня. В качестве альтернативы Ю.Г. Дёмин предлагает теорию суверенного иммунитета государства, следствием применения которой должно стать предоставление больших привилегий и иммунитетов и установления их равного объема для всех зарубежных органов внешних сношений¹⁶. Однако в связи с этим возникает вопрос, где этот предел, до которого они могут быть расширены, и каков круг лиц, которым они будут полагаться? Кроме того, данная идея не является новацией. В науке международного права предоставление иммунитетов на основе принципа суверенного равенства государств практически не вызывает возражений¹⁷.

Более того, теория не дает объяснения неоднородного объема иммунитетов различных категорий работников. В защиту своей точки зрения автор утверждает, что в дальнейшем грань между разными категориями персонала будет постепенно стираться, и это, по его мнению, соответствует происходящему во многих странах процессу слияния в единое целое дипломатической, консульской и ряда других государственных служб¹⁸. Полагаем, что данный аргумент не совсем оправдан, поскольку на сегодняшний день весьма затруд-

---

¹⁵ См.: Левин Д.Б. Дипломатический иммунитет. С. 265.

¹⁶ См.: Дёмин Ю.Г. Статус дипломатических представительств и их персонала. С. 29-31.

¹⁷ См.: Богоуславский М.М. Иммунитет государства. М. 1962. С. 11; см. также: Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Книга первая. М. 1977. С. 485-486; Ernest K. Banks. The State Immunity Controversy in International Law: Private Suits Against Sovereign States in Domestic Courts. Springer. Berlin. 2005. P. 40.

¹⁸ См.: Дёмин Ю.Г. Статус дипломатических представительств и их персонала. С. 32-34.

нительно представить ситуацию, когда глава иностранного представительства и шофер, который его перевозит, в правовом контексте будут равны. Даже если по специальному соглашению между государствами им будет предоставлен одинаковый объем привилегий и иммунитетов, их правовой статус останется различным, поскольку содержание других элементов статуса, например, выполняемых функций, останется неизменным¹⁹.

Можно констатировать, что на сегодняшний день ни одна из существующих теорий не может дать ответ на целый ряд вопросов, связанных с привилегиями и иммунитетами работников консульских учреждений. Так, нет обоснования тому, почему в двусторонних консульских договорах одни и те же категории работников консульских учреждений наделяются совершенно разным объемом привилегий и иммунитетов. Одни соглашения, например, РФ с Бангладешем (2007г.) и Бельгией (2004г.), Великобританией с Египтом (1989г.) и Монголией (1976г.), США с Алжиром (1989г.) и Тунисом (1988г.) устанавливают иммунитет консульских должностных лиц только в отношении служебной деятельности. Другие, в частности, РФ с КНР (2002г.) и Венгрией (2001г.), Великобританией с Венгрией (1972г.) и Болгарией (1969г.), США с Чехией и Словакией (1973г.) расширяют действие иммунитета на действия, совершенные в неофициальном качестве (за исключением некоторых групп гражданских исков).

Более того, даже в заключенных в один и тот же год консульских соглашениях существует указанное различие. В частности, консульские конвенции, заключенные РФ в 1995 году с Азербайджаном, Болгарией и Туркменистаном наделяют консульских должностных лиц и членов их семей иммунитетом от юрисдикции в объеме, равном дипломатическому, в то время как конвенция с Албанией воспроизводит положения ВККС, согласно которым иммунитет носит функциональный характер и не распространяется на членов семей.

---

¹⁹ Подробнее об элементах правового статуса консульских учреждений и их работников см.: Амиров Д.Р. Содержание правового статуса консульских учреждений и их работников // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7. С. 84-90.

Очевидно, что данное обстоятельство не означает того, что за консульскими учреждениями Азербайджана, Болгарии и Туркменистана и их консульскими должностными лицами стало признаваться представительное начало, и они были наделены соответствующим объемом иммунитетов, в то время как аналогичные учреждения, а равно и должностные лица албанской стороны обладают иммунитетом в силу теории функциональной необходимости и теория представительства к ним не применима. Данный пример еще раз демонстрирует несостоятельность позиции ряда авторов, делающих упор на последнюю теорию.

Кроме того, ни одна из рассмотренных теорий не обосновывает наделение привилегиями и иммунитетом членов семьи работников консульских учреждений, объем которых в двусторонних консульских договорах существенно различается.

По нашему мнению, предоставление больших привилегий и иммунитетов является естественным желанием договаривающихся сторон обеспечить своим консульским учреждениям и их работникам в государстве пребывания более выгодное с правовой точки зрения положение. Отправным элементом в данном случае является не какая-либо теоретическая конструкция, а целесообразность и воля сторон предоставить соответствующий объем привилегий и иммунитетов.

Яркой иллюстрацией этому является обсуждение в Сенате США необходимости ратификации двусторонней консульской конвенции с СССР, в ходе которого столкнулись представители двух противоположных точек зрения. Одни сенаторы, поддерживая позицию Директора ЦРУ Д.Э. Гувера, выступали против ее подписания, ссылаясь на то, что абсолютный иммунитет всех категорий работников консульских учреждений от уголовной юрисдикции предоставит советской стороне широкие возможности для осуществления разведывательной деятельности на территории США. Как утверждалось в докладе комитета по иностранным делам Сената, работники консульств, участвуя в подрывной деятельности,

будут осознавать, что они не подлежат уголовному преследованию и максимум, что им может грозить, – высылка из страны²⁰.

Сторонники ратификации конвенции, в свою очередь, настаивали на необходимости наделения консульских должностных лиц иммунитетом от уголовной юрисдикции для эффективного выполнения возложенных на них функций, а сотрудников консульских учреждений – во избежание произвола со стороны правоохранительных органов государства пребывания. При этом в качестве гарантии от злоупотреблений иммунитетом рассматривалось положение конвенции о возможности объявления лица «*persona non grata*» или признания его неприемлемым, а также норма, устанавливающая обязанность работников консульских учреждений соблюдать законодательство государства пребывания²¹.

В конечном итоге никакого теоретического обоснования необходимости предоставления дополнительных привилегий и иммунитетов по сравнению с ВККС в ходе обсуждения конвенции рассмотрено не было. Дискуссия затрагивала исключительно вопросы реализации привилегий и иммунитетов на практике и то, как это будет соотноситься с интересами США.

Таким образом, предоставление в двусторонних консульских договорах более благоприятного правового режима по сравнению с ВККС в части привилегий и иммунитетов осуществляется не в рамках предлагаемых в доктрине теоретических моделей, а на основе наличия воли государств на его установление. Если же она отсутствует, то уровень привилегий и иммунитетов в двустороннем договоре соответствует тому, что закреплен в ВККС. При этом факторы, влияющие на её наличие или отсутствие у заинтересованных сторон, могут быть самыми разными. Это и текущее состояние межгосударственных отношений, сложившаяся международная практика по этому вопросу, желание обезопасить работников консульских учреждений от злоупотреблений со стороны местных властей

---

²⁰ См.: Cotton N., Dodd Th., Derwinski J., Edward J. Should The Senate Ratify The Proposed Consular Treaty With The Soviet Union? CON. // Congressional Digest. Dec. 1965. Vol. 44. Issue 12. P. 299.

²¹ См.: Should The Senate Ratify The Proposed Consular Treaty With The Soviet Union? PRO. // Congressional Digest, Dec. 1965. Vol. 44, Issue 12. P. 306, 308.

за рубежом или же, напротив, ограничить в преимуществах иностранных работников на своей территории для воспрепятствования осуществлению ими противоправной деятельности, а также целый ряд других причин.

Следует отметить, что воля государств сама по себе неоднородна. Т.е. это может быть желание государств на заключение двустороннего консульского договора и вместе с тем нежелание предоставлять более широкий объем привилегий и иммунитетов, чем это установлено ВККС. В этой связи весьма уместен тезис В.И. Ленина о том, что «бывает воля единая в одном отношении и неединая в другом»²². Исходя из этого следует различать процесс согласования воли государств в рамках стремления урегулировать двусторонние консульские отношения в целом и соответствующего согласования содержания конкретных положений договора. В последнем случае теория согласования воли государств рассматривается не в привычном виде как основа нормообразования²³, а как юридическое обоснование консульских привилегий и иммунитетов, дающее объяснение увеличению объема привилегий и иммунитетов в некоторых двусторонних консульских договорах, которое не может быть оправдано существующими теориями.

В конечном итоге классическая теория соглашения обретает иное звучание в контексте предоставляемых в некоторых двусторонних договорах консульским учреждениям и их работникам дополнительных привилегий и иммунитетов. Очевидно, что исключительно одна эта теория не может быть использована для обоснования юридической природы консульских привилегий и иммунитетов. Она дополняет уже существующие концепции, образуя новое содержание комбинированного подхода. Его базис составляет теория функциональной необходимости с учетом в некоторой степени представительной теории, на основе которых в ВККС был установлен минимально допустимый уровень привилегий и иммунитетов, а в качестве надстройки выступает теория согласования воли государств, объясняющая дальнейшее расширение привилегий и иммунитетов.

---

²² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. М. 1972. С. 73.

²³ См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М. 1970. С. 236-243.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что научная дискуссия о правовой природе привилегий и иммунитетов, в том числе консульских, была, есть и будет. Показательна в этом смысле полемика, разгоревшаяся в ходе обсуждения предварительного доклада об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции на 63 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2008 году. В ходе нее некоторые делегации утверждали, что обоснованием иммунитетов служит функциональная необходимость, в то время как другие настаивали на сочетании представительной и функциональной теорий²⁴.

Полагаем, что предложенная нами теоретическая конструкция позволяет не только обосновать изменения, уже произошедшие с институтом консульских привилегий и иммунитетов, но и формирует необходимую научную основу для его дальнейшего развития. Кроме того, теория согласования воли государств в указанном контексте может быть использована для объяснения предоставления дополнительных привилегий и иммунитетов любым другим их носителям, выходящего за рамки нормативно установленного и теоретически обоснованного минимального объема этих привилегий и иммунитетов.

---

²⁴ См.: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестидесятой сессии (A/CN.4/606). С. 21.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ергали Темуржанович Байльдинов

*кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
конституционного и международного права Новосибирского
государственного технического университета
ergali.06@mail.ru*

Современное международное право и обеспечивающая его ООН в реализации своей миссии перешагнули 70-летний рубеж. Заявленные цели ООН должны были быть реализованы через основные принципы международного права, которые закреплены Уставом ООН 1945 года и некоторыми другими международно-правовыми документами. Достигнуты ли эти цели сегодня? Удалось ли за более чем семьдесят лет существования ООН и современного международного права избавить мир от бедствий войны? Смогло ли мировое сообщество в лице ООН утвердить веру в права человека, достоинство и ценность человеческой жизни, равноправие мужчин и женщин, в равенство больших и малых наций? Созданы ли условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права? Удалось ли содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе?

Совершенно очевидно, что нельзя ответить однозначно на все эти вопросы. Тем не менее, нельзя и не признать, что благодаря современному международному праву и системе ООН за период с 1945 года по настоящее время был достигнут серьезный прогресс в реализации поставленных целей. В то же время существующие реалии свидетельствуют о том, что многие цели, которые ставила перед собой ООН в 1945 году, так и не были достигнуты. Даже человеку, далекому от области международного права и международных отношений, ясно, что сегодняшнее международное право не является устойчивым. В этой связи возникает новый во-

прос: «Почему все-таки большинство целей ООН, которые разделяет практически весь мир (193 члена ООН!), реально так и не были достигнуты мировым сообществом?»

Представляется, что причин здесь несколько. Главная, на наш взгляд, кроется в недостатках и внутренней противоречивости самих основных принципов международного права (далее - ОПМП), через посредство которых реализуются цели ООН¹.

Внутренняя противоречивость основных принципов международного права проявляется²,

а) в том, что входит в понятие «основные принципы современного международного права»³;

б) в их правовом содержании;

в) в их юридической силе и иерархии относительно друг друга.

Эта противоречивость позволяла и продолжает позволять отдельным государствам вольно толковать ряд принципов в своих интересах и соответствующим образом их применять.

---

¹ Изучению основных принципов международного права посвящено огромное количество работ, среди которых хотелось бы выделить следующие: Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права: императивные нормы *jus cogens*. Тбилиси. 1982; Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. М. 1968; Кузьмин Э.Л. Международное право на распутье // *Международная жизнь*. 2007. №7-8. С. 138; Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // *Международное право*. 2005. №1(21). С. 5-20; Талалаев А.Н. Об основных принципах международного права // *СЕМП*. 1958. М. 1959. С. 153; Тиунов О.И. Об особенностях общепризнанных принципов и норм международного права. *Международное право XXI века*. Киев. 2006; Тункин Г.И. *Теория международного права*. М. 1970. С. 56-100; Черниченко С.В. *Теория международного права в 2-х томах*. Т. 1. *Современные теоретические проблемы*. М. 1999; Шестаков Л.Н. *Императивные нормы в системе современного международного права*. М. 1982; Brounlie J. *Principles of Public International Law*. Sixth ed. Oxford. 2003 и многие другие.

² Мнения о внутренней противоречивости основных принципов высказываются немалым количеством юристов-международников. См., напр.: Mullerson R. *Ordering Anarchy*. The Hague. 2000. P. 156. (Цит. по Лукашук И.И. *Международное право. Общая часть*. М. 2005. С. 297).

³ См., напр.: Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // *Международное право*. 2005. №1(21). С. 5-20.

Несмотря на то, что современное международное право исходит из равнозначности принципов, в действительности, как представляется, это не совсем так. И международная практика за годы действия современного международного права наглядно показала, что принципы имеют между собой определенную иерархическую зависимость⁴. Не все из них и не всеми государствами признаются императивными, некоторые из них, судя по практике, не обладают даже юридической силой. В этой связи возникают естественные вопросы, какие принципы имеют большую юридическую силу по сравнению с другими, а какие ее вообще не имеют. Из этой проблемы вытекает другая, не менее серьезная, теоретическая и методологическая проблема, однозначного решения которой нет ни в доктрине, ни в международно-правовой практике, а именно: сколько всего существует основных принципов и все ли из общепризнанных принципов международного права являются императивными и обязательными для исполнения всеми государствами⁵?

Как известно, Уставом ООН в статье 2 определены следующие принципы в качестве таковых:

«... 1. Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее членов;

---

⁴ А.А. Моисеев. к примеру, также видит в качестве одной из проблем современного международного права конфликт иерархий между «набирающим силу принципом защиты прав человека и принципом суверенитета. Речь идет о том, какой из них представляется более важным в той или иной ситуации». (Цит. по Материалам круглого стола «Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом» // Международная жизнь. 2009. №7. С. 33).

⁵ Прав, на наш взгляд, проф. Малеев Ю.Н., который по этому поводу считает, что «если принципы общепризнанные, то их происхождение (источники) должно быть однозначно; без сомнения, можно установить их перечень, точнее, он должен существовать; содержание этих принципов не может вызывать никаких сомнений; называться они должны именно так – общепризнанные принципы международного права... Но едва мы обращаемся к изучению этих вопросов, как оказываемся в ситуации почти полной неопределенности». (Цит. по: Малеев Ю.Н. Неизвестные, но общепризнанные // Международное право. 2005. №1(21). С. 5).

2. Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации;

3. Все Члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

4. Все Члены Организации воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим способом, несовместимым с Целями Объединенных Наций;

5. Все Члены Организации оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом, и воздерживаются от оказания помощи любому государству, против которого Организация Объединенных Наций предпринимает действия превентивного и принудительного характера;

6. Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее Членами, действовали в соответствии с этими Принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности;

7. Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII.»⁶

Кроме того, статьей 1 соответственно пунктами 2 и 3 косвенно обозначены принцип равноправия и самоопределения народов, принцип сотрудничества в разрешении международных про-

---

⁶ Международное право в документах / Н.Т. Блатова, Г.М.Мелков. М., 2000. С. 15-16.

блем и в поощрении и развитии уважения к правам и основным свободам человека, а также собственно сам принцип уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии.

Таким образом, строго говоря «уставными» и, следовательно, имеющими обязательный императивный характер, следует считать именно эти десять вышеперечисленных принципов⁷: принцип равноправия и самоопределения народов; принцип сотрудничества при разрешении международных проблем и поощрении уважения к правам и основным свободам человека; принцип уважения прав человека; принцип суверенного равенства; принцип добросовестного исполнения обязательств по Уставу ООН; принцип разрешения международных споров мирными средствами; принцип воздержания от применения силы или угрозы силой в международных отношениях⁸; принцип, сформулированный пунктом 5 статьи 2 Устава, который условно назовем «принципом всеобщей помощи ООН при выполнении ею уставных полномочий»; принцип, сформулированный пунктом 6 статьи 2 Устава, который также условно назовем «принципом всеобщей обязательности уставных принципов»; принцип невмешательства ООН во внутренние дела суверенного государства (пункт 7 статьи 2).

Однако при этом следует обратить внимание на тот факт, что принципы, сформулированные пунктами 5, 6 и частично 7 статьи 2 Устава ООН, не фигурируют в качестве принципов международного права ни в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права от 24 октября 1970 г., ни в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. Более того, принцип, обозначенный пунктом 7 статьи 2 Устава, как видно, говорит о невмешательстве во

---

⁷ Авторы учебника «Международное публичное право» под ред. проф. Бекашева К.А. (1999 г.) называют эти принципы «принципами деятельности ООН». См. Международное публичное право / Под ред. Бекашева К.А. М.: Проспект, 1999. С. 24.

⁸ Нельзя не согласиться с проф. Малеевым Ю.Н. в том, что принцип неприменения силы или угрозы силой не существует в международном праве, а существует принцип воздержания от применения силы или угрозы силой. См., напр.: Малеев Ю.Н. Реабилитация адекватного и пропорционального применения силы // МЖМП. 2004. №3. С. 31-47.

внутренние дела государств со стороны ООН, в то время, когда аналогичный принцип международного права, закрепленный в Декларации 1970 года и в Заключительном Акте СБСЕ 1975 года, говорит о невмешательстве во внутренние дела государства со стороны других государств. Другими словами, налицо - не только разные принципы и разное их количество в разных источниках, но и различное правовое содержание одних и тех же принципов в разных международных документах. (Полагаем, что такое разночтение, а именно, отсутствие в Уставе ООН принципа невмешательства со стороны отдельных государств и его наличие в Декларациях (т.е. документах «мягкого» права), может давать США и НАТО дополнительные «легальные» основания для вмешательства во внутренние дела других государств).

Кроме того, поскольку резолюция ГА ООН от 24 октября 1970 года, в которой сформулирована Декларация принципов международного права, носит рекомендательный характер⁹, то, следовательно, определенные в ней семь принципов будут являться императивными нормами для членов ООН только в том объеме, в каком они совпадают по правовому содержанию с «уставными» принципами, приведенными выше. Либо, они приобретают императивный характер только для тех членов ООН, которые явным и недвусмысленным способом выразят свое согласие на это соответствующими методами, определенными международным правом¹⁰.

Для анализа юридической силы «декларативных» принципов приведем их в той редакции и последовательности, в какой они представлены в Декларации, и сравним их с «уставными»:

---

⁹ Аналогичного мнения придерживаются ряд российских и зарубежных юристов-международников (см., напр.: Тиунов О.И. Об особенностях общепризнанных принципов и норм международного права. В кн.: Международное право XXI века. Киев. 2006. С. 149; Cassese A. International Law. Sec. ed. Oxford. 2005. P. 47).

¹⁰ Однако, учитывая, что в соответствии со статьей 53 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 года новая норма *jus cogens* может быть только нормой общего международного права, то, строго говоря, императивными могут признаваться только те «декларативные» принципы, которые по своему правовому содержанию совпадают с «уставными». См. также Тункин Г.И. Теория международного права. М. 1970. С.184-200.

1. Принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями Организации Объединенных Наций (принцип воздержания от применения силы или угрозы силой в международных отношениях);

2. Принцип, согласно которому государства разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость (принцип разрешения международных споров мирными средствами);

3. Принцип, касающийся обязанности в соответствии с Уставом не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (принцип невмешательства государств во внутренние дела других государств);

4. Обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом (принцип обязательного сотрудничества государств при разрешении международных проблем и поощрении уважения к правам и основным свободам человека);

5. Принцип равноправия и самоопределения народов;

6. Принцип суверенного равенства государств;

7. Принцип добросовестного выполнения государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом (принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву).

ГА ООН называет эти принципы основными принципами международного права, «и поэтому призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе их строгого соблюдения»¹¹.

Как показывает даже поверхностный анализ, эти семь «декларативных» принципов отличаются от десяти «уставных», носящих в отличие от первых действительно обязательный и императивный

---

¹¹ Международное право в документах. // Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков. М. 2000. С.17.

характер. При этом из этих семи «декларативных» принципов полностью совпадают по правовому содержанию с «уставными» только пять, а два (принцип сотрудничества и принцип невмешательства) несколько разнятся по юридическому смыслу. Если «уставной» принцип сотрудничества требует от государств сотрудничества при разрешении международных проблем и поощрения, и развитии уважения к правам и основным свободам человека, то аналогичный «декларативный» - обязывает государства не уклоняться от сотрудничества вообще и сотрудничать в любых областях «с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов»¹². В этом смысле правовое содержание «декларативного» принципа сотрудничества гораздо более широкое, нежели «уставного». Что же касается «декларативного» принципа невмешательства, то, как уже говорилось выше, он обязывает государства не вмешиваться во внутренние дела других государств, в то время, как аналогичный «уставной» принцип говорит о невмешательстве со стороны ООН во внутренние дела какого-либо из ее членов, за исключением принудительных мер, предусмотренных главой VII Устава.

Другими словами, исходя из проведенного анализа, юридически обязательными из «декларативных» принципов можно назвать только следующие пять:

1. Принцип воздержания от применения силы или угрозы силой в международных отношениях;
2. Принцип разрешения международных споров мирными средствами;
3. Принцип равноправия и самоопределения народов;
4. Принцип суверенного равенства государств;
5. Принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

Для анализа юридической силы «хельсинкских» принципов также рассмотрим их в той последовательности и редакции, в какой они даны в тексте Заключительного Акта 1975 года:

1. Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету;

---

¹² Там же. С. 20.

2. Неприменение силы или угрозы силой;
3. Нерушимость границ;
4. Территориальная целостность государств;
5. Мирное урегулирование споров;
6. Невмешательство во внутренние дела;
7. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений;
8. Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой;
9. Сотрудничество между государствами;
10. Добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Как видно, «хельсинкская» десятка по своему правовому содержанию также несколько отличается от десяти «уставных» и даже семи «декларативных» принципов. В отличие от «уставных» и «декларативных» в «хельсинкских» присутствуют два новых взаимосвязанных принципа: территориальной целостности государств и нерушимости границ. Они были предложены советской стороной на переговорах в рамках СБСЕ для закрепления status quo разделенной новыми границами послевоенной Европы. Какова же их юридическая сила? Являются ли они императивными нормами, а значит общеобязательными?

Как известно, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе по своей юридической сущности являлась региональной конференцией. При этом итоговые акты международных конференций, если их участники не договорились придать им силу международного договора, являются морально-политическими обязательствами государств и носят, как правило, рекомендательный характер. В соответствии с Уставом ООН (статья 102), всякий международный договор с участием членом ООН для обеспечения его исполнения «должен быть, при первой возможности, зарегистрирован в Секретариате и им опубликован». В противном случае член ООН не может ссылаться на него ни в одном из органов ООН. Однако в тексте Заключительного Акта прямо сказано о том, что «текст настоящего Заключительного Акта не подлежит регистрации на основании статьи 102 Устава Организации Объединенных Наций»

(см. стр. 59 Заключительного Акта)¹³. Кроме того, участники международного договора в соответствии с Венской Конвенцией о праве международных договоров 1969 года должны выразить свое согласие на обязательность для себя такого договора в форме ратификации либо иным предусмотренным договором способом. Однако, как известно, текст Заключительного Акта не содержит требований его ратификации или выражения согласия на обязательность иным способом для его подписантов. Нет в тексте и положений о том, что согласие на обязательность выражается в форме подписания Заключительного Акта.

Помимо этого, если считать Декларацию принципов и Заключительный Акт документами, содержащими общеобязательные императивные нормы, то в соответствии с принципом *lex posterior derogat legi priori* необходимо согласиться с тем, что преимущественную силу имеют те акты, которые приняты позднее. В соответствии с такой правовой логикой, именно десять «хельсинкских» принципов необходимо считать наиболее полно отражающими правовое содержание основных принципов международного права. Но поскольку Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, а затем и Организация по безопасности и сотрудничеству, носят региональный характер (Хельсинкский Заключительный Акт СБСЕ подписали 35 государства и Святой Престол, а членами ОБСЕ на сегодня являются 56 государств), то и их акты вряд ли могут претендовать на универсальность.

Исходя из этих соображений, правомерно, на наш взгляд, утверждать, что «хельсинкские» принципы, как и «декларативные», также являются нормами «мягкого права» и не имеют, строго говоря, обязательной юридической силы, а посему государства вольны их соблюдать или не соблюдать, что, собственно, и показала практика международных отношений последней четверти XX и начала XXI века.

Таким образом, основными принципами международного права, имеющими императивный характер, следует считать именно первоначально закрепленные в Уставе ООН принципы, о которых говорилось выше. Очевидно также и то, что для придания семи «де-

---

¹³ См. сайт ОБСЕ: www.osce.org/documents.

кларативным», а также десяти «хельсинским» принципам общеобязательного и императивного характера, необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в Устав ООН.

Кроме того, отличающееся от источника к источнику правовое содержание ОПМП значительно усугубляет их внутреннюю противоречивость¹⁴. Более того, эта разница запутывает практических работников сферы международных отношений и международного права, студентов, ученых, дает им пищу для вольной трактовки правовой сущности принципов. Это обстоятельство также приводит и к тому, что в соответствующей научной, специальной и учебной литературе каждый автор не только называет собственное количество основных принципов (в разных источниках от семи до двенадцати), но и дают им различающиеся названия и разные интерпретации, а также утверждают о существовании и функционировании других основных принципов¹⁵.

Внутреннюю противоречивость основных принципов усугубляют и различие мнений ведущих юристов-международников по поводу юридической силы отдельных принципов в сравнении с другими принципами, а также иерархии принципов между собой.¹⁶ Так, Лукашук И.И. считает, что принцип самоопределения не обладает императивным характером. Он также выражает сомнение в том, что принцип сотрудничества является императивной нормой, поскольку «юридически обязать государство к конкретному виду сотрудничества с другим государством столь же сложно, как и обязать его к дружбе».¹⁷ Что касается западной доктрины «гуманитарной интервенции», то она ставит принцип уважения прав человека в системе основных принципов международного права выше принципа

---

¹⁴ См., напр.: Малеев Ю.Н. Известные, но общепризнанные // Международное право. 2005. №1(21). С. 5-20.

¹⁵ В этой связи предложение проф. Малеева Ю.Н. о принятии ГА ООН специальной резолюции об определении общепризнанных (основных) принципов международного права подобно известному определению агрессии представляется совершенно справедливым. См. Малеев Ю.Н. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ См., например: Mullerson R. Ordering Anarchy. The Hague. 2000. P. 156.

¹⁷ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М. 2005. С. 320.

невмешательства¹⁸. В отношении принципа равноправия и самоопределения народов можно сказать, что он практически нереализуем в современных условиях без нарушения принципа территориальной целостности, если понимать под народом не нацию, а любую этническую общность людей, не организованную в государство (курды, цыгане и т.д.). Уже отсюда явствует, что по своей юридической иерархии в системе ОПМП принцип равноправия и самоопределения народов стоит ниже принципа территориальной целостности¹⁹.

Таким образом, анализ международно-правовых документов, доктрины и практики показывает неравнозначность ОПМП по своей юридической силе и их неодинаковое иерархическое положение между собой²⁰. Сегодня международное сообщество находится в очень сложной и в то же время интересной ситуации, когда следует либо признать неравнозначность ОПМП между собой и тогда выстроить соответствующую иерархию между ними, в дальнейшем укрепляя на этой основе ООН, либо стать свидетелем постепенной утраты современным международным правом своих правовых характеристик. Думается, что международное сообщество пойдет все-таки по первому пути, и этот путь фактически будет означать начало процесса формирования нового международного права²¹, способного обеспечивать более безопасный, более гармоничный и более справедливый миропорядок. Предназначение этого нового международного права, как представляется, должно состоять не только и не столько в поддержании баланса прав и интересов всех государств, сколько в обеспечении соответствия прав и интересов государств правам и законным интересам своих народов в согласии

---

¹⁸ См., напр.: Материалы круглого стола ИАМП ДАМИД РФ «Проблемы гуманитарной интервенции и защиты граждан за рубежом» // Международная жизнь. 2009. №7. С. 16-33.

¹⁹ Западные санкции против России, связанные с переходом Крыма под ее юрисдикцию, наглядно это демонстрируют.

²⁰ Современные украинские события являются еще одним ярким подтверждением этому.

²¹ См. также: Малеев Ю.Н. Новое международное право // Россия и пути решения современных международно-правовых вопросов. Под ред. А.Н. Вылегжанина. М. 2010. С. 171-183.

с правами и законными интересами человечества в целом. Иначе говоря, новое международное право должно регулировать не просто отношения между государствами, а межгосударственные отношения в интересах соответствующих народов и таким образом, чтобы права и законные интересы этих народов не противоречили бы правам и законным интересам человечества в целом. В этой связи представляется, что основной целью нового международного права следует признать гармонию прав и законных интересов народов всех государств в соответствии с правами и законными интересами человечества в целом.

ULTRA VIRES В АКТАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Виктория Павловна Барулина

*студентка 3 курса
юридического института
Российского университета дружбы народов
viktoriyabarulina@gmail.com*

Проблеме актов *ultra vires* уделяется серьезное внимание в международно-правовой доктрине. Состоит она в том, что международные межправительственные организации или их органы иногда принимают акты или решения по вопросам, прямо не входящим в их компетенцию, или с нарушением процедуры. При этом довольно сложно однозначно квалифицировать тот или иной акт международных межправительственных организаций и их органов в качестве *ultra vires* («сверх полномочий») или *intra vires* («в пределах полномочий»).

В международном праве нет определения понятия *ultra vires*. В прямом смысле оно означает акты или действия международных организаций, выходящие за рамки компетенции данной организации¹. В международно-правовой доктрине в данное понятие включаются:

1) поведение должностного лица или органа организации, которые выходят за рамки компетенции этой организации;

---

¹ См.: Cannizzaro E., Palchetti P. *Ultra vires acts of international organizations in: Research handbook on the law of international organizations*. Cheltenham. UK. Northampton. MA. Edward Elgar. 2011. PP. 365-397.

2) поведение должностного лица или органа организации, которые находятся в рамках компетенции данной организации, однако выходят за рамки полномочий самого органа или должностного лица².

Подтверждение такой дифференциации можно найти и в судебной практике. В Консультативном заключении Международного Суда ООН (далее - МС ООН) по Делу об определенных расходах ООН 1962 года речь шла о возможности признать расходами самой организации те, которые были утверждены ГА ООН (что не входит в ее компетенцию), так как такие вопросы должны рассматриваться исключительно Советом Безопасности ООН. В этом Консультативном заключении впервые акты органов рассматривались в качестве актов *ultra vires* самой межправительственной организации³. Подобного рода вопросы ставились и в иных решениях и консультативных заключениях МС ООН, в частности, в Консультативном заключении МС ООН по Делу Межправительственной морской консультативной организации 1960 года - вопрос превышения полномочий ее Ассамблеи⁴; а в деле, рассмотренном МС ООН в 1972 году, затрагивался вопрос опротестования юрисдикции Совета Международной организации гражданской авиации⁵.

Следует отметить, что С. Амерасингх выделяет ряд элементов, с помощью которых раскрывается понятие акта *ultra vires* международной организации:

---

² См.: Декайло Е.А. Поведение *ultra vires* органов или агентов международной организации как основание ее международно-правовой ответственности. Электронная библиотека БГУ. Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. Выпуск 4. 2012. С. 223. Электронный ресурс: <http://elibr.bsu.by/handle/123456789/31038> (дата обращения: 20.04.2017 г.).

³ См.: Certain expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2 of the Charter). Advisory opinion of 20 July 1962 // International Court of Justice reports. The Hague. 1962. PP. 174-189.

⁴ См.: Constitution of the maritime safety committee of the intergovernmental maritime consultative organization. Advisory opinion of 8 June 1960 // International Court of Justice reports. The Hague. 1960. PP. 150-172.

⁵ См.: Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO council (India v. Pakistan). Judgment of 18 august 1972 // International Court of Justice reports. The Hague. 1972. PP. 46-75.

- 1) действия органов или должностных лиц организации;
- 2) рассматриваемые полномочия могут вытекать из устава организации, либо из ее вторичного права;
- 3) полномочия могут быть прямо закреплены в документах или их наличие может вытекать из текста этих документов;
- 4) превышение этих полномочий должно затрагивать не органы данной организации или ее саму, а права иных субъектов⁶.

Статья 8 Проекта статей об ответственности международных организаций «Превышение полномочий или нарушение указаний» гласит: «Поведение органа или агента международной организации рассматривается как деяние такой организации по международному праву, если этот орган или агент действует в официальном качестве и в рамках общих функций этой организации, даже если данное поведение превышает полномочия этого органа или агента, или нарушает указания⁷».

Поведение *ultra vires* может осуществляться в пределах полномочий организации, но превышать полномочия ее конкретного органа или агента. Такое поведение может выходить за рамки компетенции и самой организации в том числе. Однако в этом случае оно также будет выходить за пределы полномочий органа или агента, его допустившего (пункт 1 комментария к статье 8 Проекта статей об ответственности международных организаций 2011 г.)⁸.

Лишь в одном деле, рассмотренном МС ООН, был поставлен вопрос о выходе за рамки компетенции самой организации: в Кон-

---

⁶ См.: Amerasinghe C.F. Principles of the institutional law of international organizations. Great Britain. Cambridge University Press. 1996. P. 505.

⁷ См.: Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001г. с комментариями. (Доклад КМП о работе ее пятьдесят третьей сессии). // Док. ООН: A/56/10. Нью-Йорк. ООН. 2001. С. 5. Электронный ресурс: <http://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp5.pdf> (дата обращения: 20.04.2017 г.).

⁸ См.: Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001г. с комментариями. (Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии) // Док. ООН A/56/10. Нью-Йорк. ООН. 2001. С. 107. Электронный ресурс: <http://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp5.pdf> (дата обращения 20.04.2017г.).

сультативном заключении, вынесенном Постоянной палатой международного правосудия в 1922 года, речь шла о включении в повестку 3 сессии Международной организации труда ряда вопросов, которые связаны с условиями труда в области сельскохозяйственного производства. На этой сессии был поставлен вопрос, касающийся изучения предложений по совершенствованию средств сельскохозяйственного производства. МС ООН определил, что он не входит в компетенцию данной организации, поэтому любая, связанная с ним деятельность, является действиями, выходящими за рамки ее компетенции⁹.

Вопрос юридической силы актов и решений, принятых международными организациями с превышением полномочий, всегда привлекал внимание в силу того, что в данном случае, среди прочего, возникают сомнения относительно юридической действительности принятых решений. Однако в международном праве еще не выработано общего подхода к тому, каким образом следует решать данный вопрос. Отсутствие согласованной процедуры порождает возникновение новых споров и мнений относительно вопроса квалификации деяний и актов в качестве *ultra vires*. Данная проблема очень актуальна, поскольку в настоящее время возрастает тенденция принятия международными организациями решений по вопросам, которые не включены в качестве полномочий в их уставные документы, однако организации оправдывают их принятие необходимостью эффективного выполнения положений уставов¹⁰.

Юристы-международники акцентируют особое внимание на юридической силе актов *ultra vires*. Например, С. Амерасингх отмечает, что основным вопросом, который предстоит выяснить при рассмотрении проблемы актов *ultra vires* международной организации как таковой, является вопрос о том, имеют ли такие деяния

---

⁹ См.: Competence ILO to regulate agricultural production. Advisory opinion, given by the Permanent Court of International Justice on August 12, 1922 // Collection on advisory opinion: publications of the Permanent Court of International Justice. 1922. Series B. № 2-3. PP. 10-61.

¹⁰ См.: Ebere O. The Legal Validity of Ultra Vires Decisions of International Organizations. // American Journal of International Law. Vol. 77. No. 2 (Apr. 1983). PP. 239-256.

юридическую силу или нет¹¹. Соответственно, в первом случае (если имеют юридическую силу) мы можем говорить о наличии определенных правовых последствий и обязательств, а во втором нет. Этот вопрос был также затронут в особом мнении судьи Морелли к Консультативному заключению Международного Суда ООН по Делу об определенных расходах ООН 1962 года¹². Он отмечал, что в некоторых случаях и при некоторых обстоятельствах акты *ultra vires* могут быть признаны в качестве не имеющих никакой юридической силы, то есть ничтожными. В связи с этим, они не повлекут за собой никаких юридических последствий. Очевидно, юристы, которые затрагивают данный вопрос, склоняются к тому, что если акт *ultra vires* имеет юридическую силу, то можно говорить о его противоправности, но если акт юридической силой не обладает, то это не представляется возможным.

Чтобы определить, возможно ли создание общих принципов определения юридической силы актов международных организаций, необходимо обратиться к двум обсуждаемым юристами явлениям, а именно праву государства-члена оспаривать юридическую силу актов и решений международных организаций и компетенции самих организаций заниматься этими вопросами.

Уставы многих международных организаций обычно не содержат положений об оспаривании юридической силы их решений и актов государствами-членами на основании выхода за рамки предоставленных полномочий. На практике, однако, государства-члены занимаются таким оспариванием, и эти действия принимаются и признаются международными организациями. На этом акцентировал внимание судья Бустаманте в своем особом мнении к Консультативному заключению МС ООН по Делу об определенных расходах ООН 1962 г. Он отметил, что если, по мнению какого-либо государства, была допущена ошибка в интерпретации или имело место нарушение Устава, то у государства-члена появляется право

---

¹¹ См.: Amerasinghe C.F. Principles of the institutional law of international organizations. Great Britain. Cambridge University Press. 1996. P. 505.

¹² См.: Separate opinion of Judge Morelli / Certain expenses of the United Nations. Article 17, paragraph 2 of the Charter. Advisory opinion of 20 July 1962 // International Court of Justice reports. The Hague. 1962. PP. 216-226.

оспорить резолюцию, в которой была допущена ошибка с целью определить, устранена ли она из Устава¹³.

Право государства-члена в данном случае возникает из согласительной природы принятия уставных документов организаций. Поскольку они являются международными договорами, каждая сторона обладает правом контроля в отношении внесения в него различных положений, чтобы убедиться, что организация не принимает решений, которые не соотносятся с принципами и целями и которые причиняют ущерб интересам государства-члена.

На практике они неохотно занимаются оспариванием юридической силы актов и решений международных организаций, по политическим или иным мотивам.

В уставах многих международных организаций не содержатся положения о том, что у них есть компетенция по разрешению дел, касающихся оспаривания юридической силы их решений и актов. Данное «молчание» позволило многим юристам заключить, что у этих организаций нет компетенции по рассмотрению таких вопросов. По их мнению, это означало бы, что они действуют как «судьи в своем собственном деле», что противоречит общеправовому принципу *nemo debet esse iudex in propria causa* («никто не может быть судьей в собственном деле»). В своем особом мнении в Деле о Намибии 1971 года судья Фитцморис заключил, что некоторые органы международной организации могут обладать компетенцией по рассмотрению споров касательно установления юридической силы актов и решений этой организации¹⁴.

Однако в другом, уже упомянутом выше, Консультативном заключении по делу об определенных расходах ООН 1962 года было установлено, что в национальных правовых системах госу-

---

¹³ См.: Separate opinion of Judge Bustamante/ Certain expenses of the United Nations. Advisory opinion of 20 July 1962 // International Court of Justice reports. The Hague. 1962. PP. 288-308.

¹⁴ См.: Separate opinion of Judge Fitzmaurice/ Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970). Advisory opinion of 21 June 1971 // International Court of Justice reports. The Hague. 1971. PP. 208-310.

дарств имеется механизм по определению юридической силы законодательного или правительственного акта, но отсутствует аналогичная процедура в инструментарии Организации Объединенных Наций.

Согласно мнению некоторых ученых, компетенция международных организаций рассматривать споры, касающиеся собственной юрисдикции, исходит из их неотъемлемого права толковать положения своего устава в части объема полномочий и функций. Трудно, однако, соотнести это положение с реальностью. Толкование положений устава организациями с целью установления объема их функций и полномочий не является осуществлением судебных функций. В данном случае речь идет об абстрактном толковании при отсутствии спора как такового. С другой стороны, разрешение организацией споров касательно толкования международного договора, инициированных государством-членом, может быть характеризовано как осуществление судебных функций, так как присутствует спор, требующий рассмотрения с использованием правовых механизмов (казуальное толкование). Однако неотъемлемое право международных организаций на осуществление несудебных функций не может рассматриваться как основа для осуществления функций, носящих судебный характер.

Основное оправдание наличия компетенции у международных организаций на рассмотрение споров, касающихся их юрисдикции или юридической силы их актов и решений, - отсутствие обзорных органов с юрисдикцией по рассмотрению таких дел. Отрицание компетенции международных организаций при данных обстоятельствах может создать пробел в праве. Это может серьезно препятствовать эффективному достижению их целей и задач, так как все, что останется государству-члену, чтобы препятствовать принятию решения, это оспорить компетенцию органа или организации и, конечно, юридическую силу решений.

Таким образом, можно отметить, что в международном праве отсутствует какой-либо механизм, наделенный полномочиями выносить окончательное и обязательное решение, касающееся юридической силы акта или решения органа международной организации в свете того, противоречит ли он компетенции этого самого органа или же компетенции организации в целом. Это подтверждается как

в Консультативном заключении МС ООН 1962 г. по Делу об определенных расходах ООН, так и во многих других. Некоторые ученые высказывают предположение о том, что на данный момент имеется острая необходимость создания иерархической системы, которая бы объединяла все организации в определенную структуру, что, на наш взгляд, не представляется возможным, учитывая, что их свыше 2 тысяч, и их число стремительно растет. Возглавлять ее должен верховный орган, который бы следил за деятельностью всех остальных организаций и при необходимости разрешал споры относительно квалификации действий и решений международных организаций, которые являются *ultra vires*¹⁵.

Пример существования органа, который бы разрешал споры в рамках одного объединения, на данный момент всего один - Суд Европейского Союза (ЕС), который обладает юрисдикцией по надзору за актами Совета и Комиссии Европейского Союза¹⁶. Суд может признать, что действие или решение является *ultra vires*, если оно выходит за рамки тех средств, которые входят в механизм контроля ЕС или если эти средства используются не для целей, указанных в Договоре о функционировании Европейского союза.

Безусловно, государство-член имеет возможность оспорить правомерность решения органа организации, но в таком случае организация (орган) сама будет принимать решение о том, противоречат ее действия имеющейся компетенции и полномочиям или нет. Однако практика показывает, что в большинстве случаев организация или орган признает решение или акт действиями *intra vires*, то есть осуществленными в рамках полномочий, что предполагает их исполнение всеми государствами-членами.

---

¹⁵ См.: Динь Н.К. Международное публичное право. Т. 1, кн. 2 - Международное сообщество // Н.К. Динь, П. Дайе, А. Пелле. Пер. с фр. Киев. 2000. С. 243-440.

¹⁶ См.: Договор о функционировании Европейского Союза // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. 2011. Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения: 20.04.2017г.).

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ГОСУДАРСТВ

Варвара Игоревна Блищенко

*канд. юрид. наук, доцент РУДН и МГИМО МИД РФ
varan04@yandex.ru*

Определением признания как международно-правовой категории считается формулировка, содержащаяся в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 года: «признание государства просто означает, что признающее государство принимает статус другого государства как субъекта, обладающего всеми правами и обязанностями, определенными международным правом. Признание является безусловным и безотзывным» (ст. 6).¹ Иными словами, признание нового государства - это односторонний шаг (действие) другого государства, декларирующий безусловное согласие с суверенитетом этого нового государства, т.е. с его верховенством внутри (в пределах своей территории, недр, воздушного и морского пространства) и независимостью вовне.

Суверенитет - ключевая юридическая категория, определяющая содержание государства и государственной власти как объекта международного признания. Характеризуя правовое содержание понятия суверенитет, выдающийся британский юрист-международник сэр Эли Лаутерпахт отмечает:

«Необходимо проводить различие между двумя принципиальными смыслами, которыми наделяют термин «суверенитет». Он используется, с одной стороны, в применении к праву собственности, которое Государство может иметь над какой-то определенной территорией. Это значение можно определить как «легальный суверенитет». Это понимание суверенитета можно уподобить безусловному праву собственности владельца участка земли (the residual title of the owner of the freehold land), которая сдается в долгосрочную аренду. Однако гораздо чаще под суверенитетом, во втором смысле

---

¹ См.: Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. 1933.

этого термина, понимают юрисдикцию и контроль, которое Государство реализует на (своей-прим. авт.) территории, невзирая на то, кому принадлежит реальный титул собственности на нее».²

Эти два значения понятия «суверенитет» отражают двоякую взаимосвязь между Государством как юридическим лицом и администратором d(управляющим) территориальной единицы. Иногда принято считать, что контроль осуществляется над территорией на основании того, что эта территория сама является Государством, осуществляющим над ней контроль, или является частью этого понятия. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. По словам Э. Лаутерпахта, «обычно суверенитет во втором значении этого термина (просто юрисдикция и контроль) должен находиться в тех же руках, что и юридический титул, но в действительности для этого нет никаких правовых оснований».³

Этот постулат, сформулированный Э. Лаутерпахтом, по существу является философско-правовым обоснованием разграничения двух функций суверенитета – функции владельца титула собственности (собственно Государства (State)) и функции юрисдикции и контроля, осуществляемых правительством, которые на практике могут и должны отделяться друг от друга. Так бывает, например, в случаях, когда встает вопрос о признании или непризнании Правительства, или когда речь идет о признании правительства в изгнании.

Признание (нового) государства предполагает:

- признание (третьей стороной или сторонами – действующими субъектами международного права) его суверенитета в отношении собственного населения, территории, недр, воздушного и водного пространства. Это равнозначно признанию того, что на территории нового государства действуют исключительно его законы, его власти независимы, на эту территорию распространяются полномочия национальных судов и органов исполнительной власти, в том числе и регулирующие отношения с «внешним миром» (по

---

² См.: Lauterpacht E. The Contemporary Practice of the United Kingdom in the Field of International Law - Survey and Comment. // International and Comparative Law Quarterly (ICLQ) No.5. 1956. PP. 405, 410.

³ Там же.

крайней мере, с той его частью, которая признает новое государство);

- признание независимости (властей) нового государства от вмешательства извне во внутренние дела;

- признание территориальных и экономических границ, права на их защиту;

- признание гражданства нового государства;

- признание международной правосубъектности, т.е. возможности приобретения новым государством международных прав и обязанностей, включая правопреемство в отношении международных договоров, внешних активов и пассивов.

Поскольку новые государства в большинстве случаев образуются не на «ничейной» территории, а на территории, принадлежавшей одному или нескольким другим государствам, возникновение и, тем более, признание такого нового государства одновременно означает ограничение суверенитета того государства, на территории которого возникло новое государственное образование. Частный случай – образование новых государств на территории государства, фактически прекратившего свое политическое существование, как это было в случае с Союзом Советских Социалистических Республик или бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ).

Признание нового государства фактически создает новый «баланс суверенитетов», который изменяет старое политическое и правовое *status quo* и, тем самым, потенциально или реально входит в противоречие с обязательствами признающего государства перед государством или группой государств, чьи интересы, права и обязательства затрагивает признание нового государства.

Обычное международное право исходит из критериев государственности, т.е. определенного минимального набора условий (признаков), которые в своей совокупности характеризуют государство как потенциальный субъект права, в том числе и международного права. Эти условия были, в частности, сформулированы в Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 года.

В ст. 1 Конвенции говорится, что государство как субъект международного права должно обладать следующими качествами:

постоянным населением; обозначенной территорией; наличием эффективной власти; способностью вступать в отношения с другими государствами.

При этом «политическое существование государства» не зависит от его признания другими государствами. Независимо от признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость, заботиться о своем сохранении и благополучии своего населения, организовать себя по своему усмотрению (избирать форму государственного устройства), принимать законы в своих интересах, управлять своими службами и определять юрисдикцию и компетенцию своих судебных органов. Реализация этих прав не ограничена ничем, кроме как реализацией прав других государств в соответствии с международным правом» (ст. 3). «Государства юридически равны, обладают одинаковыми правами, имеют равные возможности в их реализации. Права каждого государства не зависят от того, какой мощностью оно обладает для того, чтобы их реализовать, но только из самого факта своего существования как субъекта международного права» (ст. 4). И только далее (ст. 6) в Конвенции следует приведенная выше формулировка международно-правового содержания понятия признания: «Признание государства просто означает, что признающее государство принимает статус другого государства как субъекта, обладающего всеми правами и обязанностями, определенными международным правом. Признание является безусловным и безотзывным» (ст. 6).

В международном праве эти положения Конвенции Монтевидео принято рассматривать как основу т.н. декларативной теории признания Государства, в соответствии с которой для признания Государства как субъекта международного права достаточно самого факта провозглашения государства, обладающего перечисленными выше характеристиками.⁴ Декларативная теория признания предполагает, что для определения того, может ли новое государ-

---

⁴ См.: Brierly J.L. *The Law of Nations: An Introduction to the International Law of Peace* (Humphrey Waldock ed., 6th ed. 1963); Ti-Chiang Ch. *The International Law of Recognition: With Special Reference to Practice in the United States* (L. C. Green ed., 1951); Brownlie I. *Principles of Public International Law* (1990); Harris D.J. *Cases and Materials on International Law* (1983).

ство претендовать на статус субъекта международного права, необходимо оценить, насколько эффективно это государство осуществляет свой суверенитет на территории, которую оно контролирует. Декларативная теория утверждает, что третьи стороны (другие государства) не могут определять по своему усмотрению, является ли новое образование государством: государственность это свершившийся факт, а не результат признания или непризнания отдельным государством. Это точка зрения, в частности, получила поддержку Арбитражной Конференции Европейского Союза по Югославии («Комиссия Бадинтера») в ходе обсуждения вопросов независимости и государственного статуса стран, возникших на месте бывшей СФРЮ.⁵

Декларативной теории признания в международном праве противостоит так называемая конститутивная теория, в соответствии с которой только признание устанавливает статус Государства как полноправного субъекта международного права.⁶ Конститутивная теория признания по существу связывает приобретение новым образованием статуса государства с субъективными решениями признающей стороны или сторон, оставляя, тем самым, широкий простор для политических (в отличие от правовых) действий.

В действительности же сам по себе факт возникновения (провозглашения) и «политического существования» Государства не является основанием для его признания.⁷ По своей природе признание

---

⁵ См.: Conference on Yugoslavia Arbitration Commission, Opinion Nos. 1, 8, 10 31 I.L.M. 1488, 1494, 1521-1523, 1525-1526 (1992); Pellet A. The Opinions of the Badinter Arbitration Committee: A Second Breath for the Self-Determination of Peoples. 3 // European Journal of International Law. 178, 181 (1992)/

⁶ См.: Oppenheim L. International Law §§ 71, at 125 (Hersch Lauterpacht ed., 8th ed., 1955) (“A State is, and becomes an International Person through recognition only and exclusively.”); Hersch Lauterpacht, Recognition of States in International Law, 53 Yale L.J. 385, 419 (1944) (describing “The orthodox constitutive view which deduces the legal existence of new States from the will of those already established”).

⁷ Там же. Турецкая Республика Северного Кипра в течение длительного времени (более 40 лет с момента провозглашения независимости от Кипра в 1973 году) существует как государство, обладающее всеми необходимыми признаками такового – территорией (правда, официально не своей, а отторгнутой от другого государства – Республики Кипр), стабильным

– это односторонний самостоятельный акт признающей стороны, и возникновение (провозглашение) нового государства – всего лишь повод для признающей стороны (или сторон) задуматься о целесообразности или нецелесообразности признания. Что же касается конститутивной и декларативной теорий, то они, на наш взгляд, связаны не столько с признанием Государства, а с определением статуса Государства как специфического субъекта международного права (т.е. с определением правосубъектности Государства). Иными словами, возникновение (провозглашение) нового государства является предварительным условием, а не основанием, для признания. Факт признания не создает новое юридическое лицо, а лишь формально фиксирует изменения в соотношении «балансов суверенитетов), связанные с возникновением новых государств.

В современном международном праве нет универсальных или региональных норм, которые устанавливают обязательность признания нового государства. Признание, таким образом, имеет дискреционный характер, и его условия определяются признающей стороной.

населением, проживающим в рамках установленных этим же государством границ, парламентом, президентом и правительством, политическими партиями, регулярными выборами, гражданством, официальным языком, государственной религией. Тем не менее, Турецкая Республика Северного Кипра сохраняет статус «частично признанного государства», поскольку она признана только одним суверенным государством – Турцией.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ЭГОИЗМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЭЛИТ

Валерий Викторович Богатырев

*доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой международного права и внешнеэкономической
деятельности юридического института Владимирского
государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
valerii.bg@mail.ru*

Современный мир все больше и больше становится конфликтным и взрывоопасным. На фоне расширения процесса глобализации, и углубления создаваемых им проблем идет явная деградация уже существующей интеграционной нормативной системы – Международного права. При этом, главной проблемой международного нормативного регулирования становятся его субъекты - государства и международные межправительственные организации (ММПО). При этом, надо понимать, что в этом ответственны не государства и ММПО как таковые, а конкретные элитные группы ими управляющие. Исследованию причин и факторов, которые заставляют государственные элиты оказывать негативное воздействие на международную правовую систему, и посвящена данная статья.

Прежде всего, необходимо четко определиться с теоретическими основами. Что мы понимаем под международным правом и государственными и национальными элитами. Множество подходов к данным явлениям не только не способствуют ясности в определениях, но и вносят терминологический хаос в научные исследования. При этом, на сегодняшний день многие авторы предпочитают перенасытить свои исследования сложной терминологией, что не как не способствует, на мой взгляд, пониманию предлагаемых ими решений проблем нашего бытия. Для того, чтобы тебя поняли необходимо о сложном говорить просто, и при это ясно.

В сегодняшней глобальной социальной системе¹ межгосударственное взаимодействие осуществляется сложной системой социальных норм, главными из которых являются нормы современного международного права. Под которым мною понимается слабо упорядоченная совокупность договорных и обычных норм созданных государственными элитами, для согласования и регулирования межгосударственной деятельности осуществляемой ими при реализации государственной политики в глобальной социальной системе.

Из приведенного определения можно сделать заключение, что международное право, по своей сущности, является инструментом государственных элит, с помощью которого они закрепляют достигнутые компромиссы при реализации их стремлений и желаний в межгосударственном взаимодействии.

Выходит, что содержание норм международного права напрямую зависит от государственных, национальных политических элит. Под государственными элитами мною понимается особая группа людей, выделяющаяся из социума благодаря своим биологическим, психологическим и социальным качествам, соответствующим исторически обусловленному уровню общественного развития и позволяющим им быть ведущими социального прогресса в сфере общественной деятельности, сутью которой является определение целей, задач, функций государства, форм их осуществления, деятельности партий, социальных групп и классов, обладающих государственной властью вследствие признания их большинством членов социальной системы².

Исходя, из выше приведенного определения выходит, что главной целью политических элит является завоевание и удержание государственной власти, которая позволяет осуществлять распределение материальных ресурсов находящихся на территории государства и устанавливать нормы и правила, регулирующие общественные отношения в социуме. При этом надо быть реалистами и пони-

---

¹ См. подробнее: Богатырёв В.В. Глобальное Гражданское общество как основополагающий элемент современного мегаобщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Выпуск 1 (8). Власть и право. Н. Новгород. 2005. С. 13-19.

² Там же.

мать, что каждый человек реализует, прежде всего, свои личные желания и потребности, а уж затем семейные, внутригрупповые, расовые, государственные. Из этого выходит, чтобы выше приведенные потребности поменяли свою очередность по степени значимости у любого человека, необходимо создать такую систему нормативного регулирования, которая его к этому стимулировала, как во внутригосударственном пространстве, так и в межгосударственном.

Именно в тех государствах, где управляющие политические элиты ограничены правом и находятся под контролем развитого гражданского общества, и интересы страны и народа ставят выше личных и внутрипартийных, называются не только государственными, но и национальными.

При этом следует отметить, что часто политические элиты перерождаются в псевдо элиты. Это происходит когда нарушается механизм их воспроизводства или рекрутирования, в результате чего изменяется их качество, так как они сами себя воспроизводят. Псевдо элиты теряют вышеперечисленные качества элиты и начинают руководствоваться внутригрупповыми эгоистическими целями, наличие у них власти ведет к социальной нестабильности и разрушению управляемой ими социальной организации. Такие элиты, как правило, являются закрытыми и руководствуются в основном лишь своими личными интересами.

Псевдо элиты характеризуются наличием определенных признаков. Во-первых, в них отсутствует связь с основной массой населения, а значит, происходит разрыв социальных связей внутри системы, что приводит к деформации равновесия, при котором верхи не знают о насущных проблемах населения, а для низов верхние эшелоны власти становятся непонятными и ненужными. Во-вторых, члены таких закрытых элит начинают деградировать, теряя главное свое качество – быть лучшими. При нарушении механизма воспроизводства, псевдо элита вынуждена, для обеспечения собственного привилегированного положения в социальной системе, применять либо все более жесткие способы социального управления. Это, прежде всего, применение силовых методов воздействия на население, либо использования более совершенные формы манипулирования общественным сознанием, что требует тотального государственного контроля и управления средствами массовой

коммуникации, а так же снижения общего уровня образованности населения.

Если мы обратим внимание на политические элиты большинства ведущих стран мира, таких как Соединенные Штаты Америки, Франции, Великобритании, Федеративной Республики Германии и т.д., то они, являясь государственными, и не являются национальными. Данное утверждение основывается на наличии у них признаков вырождения элитных групп в псевдоэлиты³. При этом, так как они входят в состав формирующейся глобальной элиты⁴ то выходит, что определением направления развития мирового сообщества занимается псевдо элиты, что для всего человечества является серьезной проблемой. Примеров предостаточно, это и поддержка гей сообщества, блокирование производства новых средств лечения, пренебрежение экологией, развязывание вооруженных конфликтов и т.д.

Стоит отметить, что псевдо политические элиты внутри собственных государств, как правило, используют либеральную риторику, так, как вынуждены поддерживать видимость легитимации своего права на управление, а значит использовать в открытую жесткие методы регулирования они не могут. В данном случае используются различные формы манипулирования общественным сознанием, которые применяются в средства массовой коммуникации. Параллельно формируется и насаждается два уровня образования: элитное и массовое (плебейское). Массовое образование характеризуется снижением уровня общего образования населения, чтобы оно не понимало, что происходит в государстве. Интересно,

---

³ См.: Деграция элит США // <http://voprosik.net/degradaciya-elit-ssha/>; Деграция «элит» // <https://cont.ws/@vp-sssr/274041>; Деграция украинской политической элиты // <https://www.politforums.net/ukraine/-1413284712-.html>; Родионов М. А., Волкова Т.А. Политические элиты Германии : история и современность // Инновационные технологии научного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции (20 октября 2016 г., г. Казань). В 3 ч. Ч.1. Уфа. 2016. С. 212-216; Родионов М.А. Британские политические элиты: история и современность // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 154-170.

⁴ См. подробнее: Богатырёв В.В. Дунаева И.В. Глобальная элита. // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. №1. С. 97-102.

что в западных странах, а теперь и у нас, для этого уже давно практикуется подготовка специалистов с узкоотраслевой специализацией без знаний основ философии, всеобщей истории и т.д.

С манипулированием правовым сознанием международным правом необходимо разобраться более подробно. Нормы современного международного права, сформировавшиеся еще в эпоху биполярной международной системы и получившие признание всего человечества, выступают сейчас в качестве всеобщего эталона во многих отраслях человеческого общения. После распада СССР в международном пространстве политическая элита Соединенные Штаты Америки пытается сформировать однополярный мир с собой во главе. Для того чтобы легитимировать свои действия она активно использует уже существующий нормативный материал с помощью выпячивания одних событий и замалчивание других, нового толкования старых текстов и подтасовки объективно существующих фактов, тем самым манипулируя коллективным сознанием международного сообщества.

Как пишет профессор юридического факультета Квебекского университета Бьяри Мелкевик на сегодняшний день «термин «право» используется людьми в целях установления своей идеологии, особых интересов и для влияния на других людей»⁵, и, по сути, применяется как средство манипуляции коллективным сознанием.

Прежде всего, целесообразно разобраться, что мы понимаем под манипуляцией коллективного сознания. В словарях европейских языков данный термин толкуется как обращение с объектами с определенными целями или ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. На сегодняшний день термин «манипуляция» получил своеобразный смысл – программирование мнений и устремлений масс, их настроения и даже психического состояния с целью обеспечения такого их поведения, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции⁶.

---

⁵ См.: Мелкевик Р. Говорите на языке «нового нарратива о праве», или о том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя (Вступительное слово М.В Антонова, Е.А. Патрикеевой) // Правоведение. СПб. 2012, № 1. С. 38.

⁶ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. 2005. С. 16.

Стоит отметить, что манипуляцию стоит отличать от других близких явлений, требуется выделения главных, родовых признаков манипуляции. Манипуляция, это: 1) вид духовного, психологического воздействия; 2) скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипулирования; 3) воздействие, требующее значительного мастерства и знаний; 4) отношение к людям не как к личностям, а как к объектам, особого вида вещам; 5) обязательное взаимодействие, когда лицо или коллектив выступает как соучастник, соавтор действия.⁷

Стоит отметить, что манипуляции сознания с помощью права способствует еще одна из особенностей данной нормативной социальной системы. В современной науке данное явление называется нарративом⁸. Специалисты в общей теории права, международного права и лингвистики давно заметили, что любое право, поскольку описывает события и поступки, которые должны иметь место, на момент повествования не выступает частью реальности⁹, а значит, право, являясь нарративом, выступает не объективным, а субъективным повествованием. Как писал по данному поводу А. Фердросс: «Каждая устанавливаемая норма предполагает события, которое должно совершиться в будущем и поэтому не может предусмотреть всех частных. В силу этого не может быть полностью приурочено к «миру действительности»¹⁰. При этом, нарративом право становится тогда, когда в обыкновенный рассказ добавляются субъективные эмоции и оценки повествователя-нарратива. Субъект старается не просто донести информацию до слушателя, но произвести впечатление, заинтересовать, заставить слушать, вызвать определённую реакцию. Иными словами, отличие нарратива от обыкновенного рассказа или повествования, констатирующего

---

⁷ Там же. С. 16-17.

⁸ См.: Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Выпуск (2) 22. Екатеринбург. 2007. С. 86-93; см. также: Melkevik B. Parlez «Nos droits»! Ou comment le politiquement correct se legitime «juridiquement» 2007. N 6. PP. 214–250; Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29-42.

⁹ См.: Толстых В.Л. Международное право как метанарратив // Российский юридический журнал. 2013. № 3.

¹⁰ См.: Фердросс А. Международное право. М. 1959. С. 38.

факты, - в привлечении индивидуальных нарративских оценок и эмоций каждого повествующего.

Современное международное право активно используется современными политическими элитами как средство манипуляции коллективным сознанием, еще и по тому, что, по мнению В.Л. Толстых, и его точку зрения разделяет автор данной статьи, международное право является не только нарративом, а метанарративом¹¹. Этому способствуют ряд его особенностей: оно представляет собой скорее доктрину, чем норму; ресурс принуждения в международном праве почти отсутствует, а значит, главенствует убеждение; данная нормативная система является самодостаточно идеологией; оно очень стабильно¹².

Можно привести значительное число случаев манипуляции коллективным сознанием с помощью тенденциозного толкования международно-правовых норм. Вопиющим фактом использования международных норм как средства манипуляции является обоснование США нападения на Югославию без санкций Организации Объединенных Наций, под эгидой «гуманитарной интервенции».

Ярким примером является факт признания отделения Косова от Сербии. Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз обосновали разделение этого балканского государства международно-правовым принципом «право нации на самоопределение» и отрицания принципов «территориально целостности государств» и «нерушимости государственных границ». При этом, совершенно обратная точка зрения имела место в заявлениях западной коалиции на отделение Южной Осетии и Абхазии от Грузии, где принципы «территориально целостности государств» и «нерушимости государственных границ» были объявлены основополагающими, а принцип «право нации на самоопределение» игнорировался. При этом стоит напомнить, что основные международно-правовые принципы составляют единую систему, в которой иерархия между ними отсутствует.

---

¹¹ См. подробнее: Толстых В.Л. Международное право как метанарратив // Российский юридический журнал. 2013. № 3.

¹² Там же.

Вопиющим фактом манипуляции коллективным сознанием с помощью международно-правовых норм является так же оправдание западными странами введения санкций против Российской Федерации под надуманным предлогом её вмешательства во внутренние дела Украины без предоставления доказательств и в обход Организации Объединенных Наций. Попытка оспорить участие Российских ВКС в борьбе против «Исламского государства» и т.д. и т.п.

Совершенно иначе государственные элиты ведущих стран мира ведут себя в странах третьего мира, где псевдоэлиты позволяют себе нарушать государственные границы, развязывать вооруженные конфликты, осуществлять деятельность по формированию антиправительственных группировок, используемых ими для свержения законно избранных правительств. Все эти действия нарушают основные принципы международного права, закрепленные в Декларации о принципах ООН 1970 года, и в Заключительном акте СБСЕ 1975 года, что явно подрывает основы международного правопорядка, которые они структурируют.

Подводя итог проделанной работы можно сделать вывод, что на сегодняшний день в большинстве стран Запада политические элиты перерождаются в псевдо элиты. Так как они являются частью глобальной политической элиты, то они в основной своей массе отстаивают интересы не населения своих стран и планеты в целом, а реализуют свои интересы и потребности. В связи с этим они формируют национальные правовые системы и действующее международное право под свои цели и задачи. Процесс смены системы международного права созданный уставом ООН 1945 году набирает обороты в формах или прямого игнорирования имеющихся международно-правовых норм или их специфического толкования, при котором изменяется смысл нормативно правовых актов.

ПЕРВЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОГОВОРЫ

Святослав Владимирович Гайкович

*студент Всероссийского государственного
университета юстиции
sviatoslaw.gaikovich@gmail.com*

Возникновение первых государств потребовало определенных нормативных средств для урегулирования межгосударственных отношений, поскольку эти ранние государственные образования были вынуждены соперничать друг с другом за ресурсы, контроль за торговые пути и политический престиж. В науке вопрос о зарождении международного права является дискуссионным. Ряд исследователей относят его появление только ко времени Вестфальского мира 1649 г¹. Однако отдельные виды межгосударственных отношений имеют давнюю историю нормативного регулирования. Таким примером может служить право межгосударственных (международных) договоров.

Окончание войн и установление мирных отношений приводило к тому, что заинтересованные государства стремились закрепить и зафиксировать существующий порядок, который хоть и оправдывался божественной волей и вмешательством богов, тем не менее требовал письменной фиксации. Правители древних государств также стремились доказать, что они действовали правомерно, справедливо и не нарушали взятых на себя обязательств.

В эпоху Древнего мира, когда были составлены первые международные соглашения, право межгосударственных отношений строилось на несколько иных принципах нежели современное международное право. Для истории международного права представляет безусловный интерес, какие именно вопросы в первую очередь решались правителями в древности, и каким образом обеспечивалось соблюдение достигнутых межгосударственных договоров. Ис-

---

¹ Циммерман М. История международного права. Прага. 1924. С. 7-23.

следование этих вопросов позволит нам лучше понять развитие государственно-правовых институтов в ранних государствах. Как отмечалось рядом исследователей, это наименее исследованный период в истории международного права².

Известно ограниченное количество межгосударственных договоров доримской эпохи. Среди наиболее древних известен самый первый межгосударственный договор между шумерскими городами Лагашем и Уммой в древней Месопотамии. В некоторых изданиях он датируется временем около 3100 г. до н.э.³ Однако, по современной хронологии его следует относить к более позднему времени около 2600 годов до н.э.⁴ Из Месопотамии сохранился также договор между аккадским правителем Нарам-Сином (2254–2218 гг. до н.э.) и неизвестным эламским царем⁵. Наиболее исследован договор между древнеегипетским фараоном Рамзесом II и царем хеттов Хаттусилисом III 1276 г. до н.э.

Своеобразие нормативно-правового регулирования межгосударственных отношений в древности демонстрирует договор об урегулировании пограничного спора между раннединастическими городами-государствами Шумера Лагашем и Уммой. Эти два древних месопотамских города постоянно конфликтовали из-за пограничных территорий, и, одновременно, активно торговали друг с другом. Историки еще в 1880-е годы обнаружили так называемую «Стелу коршунов», на которой была записана история военного конфликта и итоговой победы войск правителя «энси» Лагаша Эанатума. На этой же Стеле выбиты условия мирного договора между победившим Лагашем и побежденной Уммой. Вряд ли можно утверждать с уверенностью, что условия договора были именно такие, поскольку текст составлялся в Лагаше, а аналогичных записей,

---

² Более подробно см. Буткевич О.В. У истоков формирования международного права. СПб. 2008. С. 3.

³ Более подробно см. Буткевич О.В. У истоков формирования международного права. СПб. 2008. С. 3.

⁴ Mieroop van De M. A History of the Ancient Near East ca. 3000-323 BC. Oxford. 2007. PP. 48-50.

⁵ Potts D.T. The Archaeology of Elam. Formation and Transformation of an Ancient Iranian State. Cambridge. University Press. 2004. P. 111.

сделанных в Умме, не сохранилось. Тем не менее, стоит отметить существенные моменты этого мирного договора:

1) договор был заключен при содействии и посредничестве правителя Мисилима, носившем престижный титул «правителя Киша», который должен предоставить свою помощь в обеспечении соблюдения договоренностей между Лагашем и Уммой. Это свидетельствует о древности института международного посредничества и международного публичного арбитраж.

2) Стороны определили границу, воздвигнув стелу, причем они также выделили весьма обширную приграничную зону, которая была определена как нейтральная территория.

3) Стела содержит описания нарушений договора со стороны Уммы (незаконное пересечение границ, хищение зерна, разрушение каналов), а также ответные меры, предпринятые правителями Лагаша, для пресечения этих противоправных действий. Скорее всего, положения этого договора свидетельствуют о неравноправном положении его участников.

4) Правитель Лагаша Эанатум пытается подтвердить справедливость и действительность договора божественным вмешательством. В тексте на Стеле коршунов описывается священный сон царя, в котором бог Нингирсу приказал восстановить попорченную уммийским правителем справедливость. Более того, надпись на стеле прямо гласит о том, что Энлиль, отец богов и господин всех земель, повелел, чтобы Нингирсу и Шара (покровители соответственно Лагаша и Уммы) разграничили свои территории. То есть сторонами по договору между Лагашем и Уммой являются не древние города-государства, не их правители, а сами боги. Это, впрочем, не мешало правителям Лагаша самостоятельно принимать меры по обеспечению неприкосновенности своих границ.

Договор между Лагашем и Уммой является важнейшим памятником, регулирующим межгосударственные отношения в древности.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА

Айна Висингиреевна Гелисханова

*студентка юридического института РУДН
axrieva1996@gmail.com*

Святой Престол, или Папский Престол – один из субъектов¹ международного права, имеющий при этом ряд особенностей.

Святой Престол относится к так называемым квазигосударственным образованиям. К этому же типу субъектов относится Суверенный военный орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского Родоса и Мальты². Ранее к ним относились Вольные города Священной Римской Империи Германской Нации.

Суть квазигосударственного образования состоит в следующем³:

- образование имеет большую часть признаков, присущих государству;

- у образования имеется ряд внутренних черт, присущих конституционному строю государства;

---

¹ Субъекты международного публичного права - участники международных отношений, обладающие международными правами и обязанностями, осуществляющие их на основе международного права и несущие в необходимых случаях международно-правовую ответственность.

² Мальтийский орден (Суверенный военный гостеприимный орден Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты; Суверенный военный орден госпитальеров Святого Иоанна, Родоса и Мальты; Суверенный военный орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна, Родоса и Мальты; Суверенный Военный Странноприимный Орден Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты) - рыцарский религиозный орден Римско-католической церкви. Старейший в мире рыцарский орден.

³ Международное право. Учебник // Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.В. Тиунов. М. 2010. С. 67.

- может иметься набор внутренних правил и установлений, к примеру законодательные акты, какие имеют место в Ватикане и Святом Престоле.

Вместе с тем, у государственно подобных образований отсутствует территория или население. Следует рассмотреть историю становления Святого Престола.

После введения в Римской Империи свободы вероисповедания, Император Константин позволяет свободно отправлять культ христианам. Канонизированный в средневековой традиции, Константин по древнему преданию⁴ подарил Папе золотой венец, к слову давший начало Папской Тиаре – особому головному убору, по форме напоминающему епископскую митру, увенчанную тремя коронами-венцами⁵. После этого полуполюгендарного события Папский Престол стал суверенным субъектом правоотношений. Пропустив смутный период порнокрации, можно говорить о том, что особый статус Кафедры Святого Петра обрела в Средние века. Католическая церковь была тем, что объединяет разрозненную Европу, служа таким образом неким средневековым аналогом Европейского Союза или ООН – структуры надгосударственного типа, сдерживающей противоречия в Европе.

Параллельно с этим, Папа становится сувереном отдельного государственного образования – Папского Государства или Папской Области. Тогда же начинается сращивание институтов Папского государства и престола, а также функций. Для более яркой

---

⁴ Константинов дар (лат. Donatio Constantini), или Вено Константиново - подложный дарственный акт (лат. Constitutum Constantini) Константина Великого римскому папе Сильвестру.

⁵ Джероза Ліберо. Церковне право / Пер. з нім. Н. Щигельської. Львів. 2001. С. 134.

иллюстрации, приведем несколько примеров. Иннокентий 3⁶ учредил инквизицию⁷ как Понтифик и глава церкви. Александр VI Родриго Борджиа «Аптекарь Сатаны»⁸ короновал французского короля на неаполитанский трон в качестве Викария Христа на земле и главы церкви, но он же вел войны в Италии как монарх Папской Области⁹.

В 19 веке, после войн Наполеона, реставрации старого режима по решению Венского Конгресса и воин Гарибальди Папское государство кануло в Лету и перестало существовать в качестве субъекта права. Таким образом, остался лишь Святой Престол.

Необходимо остановиться на структуре Святого Престола¹⁰. Святой Престол персонифицируется с Римским Епископом – Папой¹¹. Существует так же Коллегия Кардиналов, Консистория, Конклав, Конгрегация и иные органы. Каждый занимается отдельными вопросами по их ведению. Отдельно стоит рассмотреть судебные органы Святого Престола¹². В своей деятельности суды руководствуются Апостольскими Постановлениями Святого Престола и церковными законами – канонами, в частности, закрепленными в Кодексе Канонического Права Римской Церкви и в Кодексе

---

⁶ Иннокентий III (лат. Innocentius PP. III, в миру - Лотарио Конти, граф Сеньи, граф Лаваньи, итал. Lotario dei Conti di Segni; ок. 1161 - 16 июля 1216) - Папа Римский с 8 января 1198 года по 16 июля 1216 года.

⁷ Lavergne F. Jr. The Glory of Christendom. Christendom Press. 2013. P. 43.

⁸ Александр VI (лат. Alexander PP. VI; до интронизации - Родриго Борджиа (в итальянском произношении) (кат. Roderic de Borja i Borja, исп. Rodrigo de Borja i Borja, итал. Rodrigo Borgia); 1 января 1431 года, Шатива, Королевство Арагон - 18 августа 1503 года, Рим) - Папа Римский с 11 августа 1492 года по 18 августа 1503 года. Второй Папа Римский из испанского рода Борджиа (Борха). Значительно расширил пределы контролируемых папой территорий Папской области, превратив ее в централизованное государство.

⁹ См.: Клула И. Взлет семьи Борджиа. // Пер. С.В. Пригорницкой. Ростов-н/Д. 1997. С. 57.

¹⁰ См.: Hartmann W. Der Investiturstreit. Muenchen. 1996. S. 86-88.

¹¹ Кодекс канонического права (Codex Iuris Canonici). // Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 624с.

¹² См.: Джероза Ліберо Церковне право // Пер. з нім. Н. Щигельської. Львів. 2001. С. 56.

Канонов Восточных Церквей. Два высших суда расположены непосредственно в Ватикане. Это – Апелляционные и Кассационные Палаты, именуемые так же Трибунал Священной Римской Роты¹³ (или Святая Римская Рота - апелляция и Верховный Трибунал Апостольской Сигнатуры¹⁴ (кассация)¹⁵. Итоговое решение может быть пересмотрено лично Понтификом.

Святой Престол как субъект международного права вступает в наши дни в международные правоотношения по следующему кругу вопросов:

- по вопросу установления дипломатических отношений между Святым Престолом и тем или иным государством;
- по вопросу передачи Римской Католической церкви определенных полномочий;
- по вопросу защиты прав католиков и вообще христиан и по вопросу защиты традиционных ценностей;
- в качестве медиатора.

Для сравнения отметим, что кроме Папы, международно-правовым статусом обладает также еще один религиозный лидер – Далай-Лама¹⁶ буддистов-ламаистов.

---

¹³ Апостольский Трибунал Римской Роты (лат. Tribunal Apostolicum Rotae Romanae), в течение сотен лет также назывался Священная Римская Рота, является высшим апелляционным трибуналом Римско-католической Церкви, относительно огромного большинства её членов латинского обряда и нескольких Восточнокатолических Церквей и второй высший церковный суд, учреждённый Святым Престолом. Римско-католическая Церковь имеет завершённую юридическую систему, которая является самой старой юридической системой всё ещё используемой сегодня. Суд назван Рота (колесо) потому что судьи, называемые аудиторами, первоначально встречались в круглой комнате, чтобы слушать дела.

¹⁴ Верховный трибунал апостольской сигнатуры (лат. *Supremum Tribunal Signaturae Apostolicae*) - высший суд в системе судопроизводства Римско-католической Церкви, обеспечивающий также контроль за должным совершением правосудия в Церкви.

¹⁵ Сигнатура апостольская // Католическая энциклопедия. Т. 4. Изд. Францисканцев. М. 2011. С. 34.

¹⁶ Далай-лама - линия передачи (тулку) в тибетском буддизме школы Гелугпа, восходящая корнями к 1391 году. По представлениям тибетского буддизма, Начиная с XVII века вплоть до 1959 года Далай-ламы были тео-

До Китайского вторжения¹⁷ в Тибет¹⁸, Далай-Лама был монахом-монархом Тибета. После же маоистского вторжения, Далай-Лама стал лидером правительства Тибета в изгнании и, даже после отставки с этого поста является духовным и национальным лидером тибетцев и пользуется рядом международных привилегий.

Во внешней политике Святого Престола есть ряд особенностей:

- Папа никогда не совершает политических визитов (только пасторские);

- Папа по собственной инициативе не совершает официального визита, только паломничество;

- Папа не высказывается о политических событиях, но выступает с осуждением обезличенной жестокости.

Теперь рассмотрим ситуацию вокруг другого субъекта – города-государства Ватикан.

В Ватикане находится Собор Святого Петра – Папская Базилика, где находится Кафедра Святого Петра и его могила, а также могилы большинства Пап. При этом, Кафедральным Собором Рима и главным храмом Католической Церкви является не Собор Святого

кратическими правителями Тибета, руководя страной из тибетской столицы Лхасы. В связи с этим, и теперь Далай-лама рассматривается как духовный лидер тибетского народа.

¹⁷ В 1946 году на территории Китая началась гражданская война между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая, перевес в которой, со временем, переходил на сторону КПК. После провозглашения Китайской Народной Республики, между китайской и тибетской армиями произошли столкновения, по окончании которых было подписано «Соглашение между Центральным народным правительством Китая и местным тибетским правительством о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» и 9 сентября 1951 года части Народно-освободительной армии Китая вошли в столицу Тибета.

¹⁸ Тибет (тиб. ལྷོ་བོད་, Вайли bod) в период с момента распада Империи Цин в 1912 году до утверждения в Тибете власти Китайской Народной Республики в 1951 году - государство на территории Тибетского нагорья. Несмотря на то, что на протяжении этого периода Тибет существовал как де-факто независимое теократическое государство, возглавляемое Далай-ламой, де-юре международно-правовой статус Тибета в этот период является предметом споров.

Петра, а Латеранская Базилика (Латеранский Собор) святого Иоанна-Крестителя, где находится Папский Трон. В настоящий момент Папа совершает большую часть служб, месс и ритуалов в Соборе Святого Петра, а не в Латеранской Базилике.

Территория Ватикана была местом, где было главное средоточие Папской Администрации. После исчезновения Папской области, юрисдикция Италии добровольно не затрагивала Ватикан.

После Латеранских соглашений между Папским Престолом и Королевством Италия в лице правительства Бенито Муссолини, территория Ватиканского холма, Собора Святого Петра и Площади Святого Петра были признаны суверенным владением Святого Престола.

Так был образован город-государство Ватикан. Ватикан не равен по смыслу и статусу Святому престолу и не является его материальным отражением. Материальным отражением Святого Престола является персона Папы Римского, в то время как Ватикан управляется назначаемым Папой чиновником и его аппаратом, составляющим магистрат. Ватикан есть суверенное владение Святого Престола, подчиненное папской администрации, в то время, как Святой Престол ничем не связан и несет обязательства только сакраментального характера перед Богом. При этом, Ватикан – суверенная территория. Суверенная территория, с сувереном в лице Папы, то есть ее суверенитет привязан к суверенитету Кафедры Святого Петра и Римского Епископа.

Международные договоры Святого Престола, заключаемые с другими государствами по вопросам передачи определенных полномочий, именуется конкордатами. Дипломатические представители имеют аналогичное стандартному ранжирование - папский аналог послов – нунции, а посланников - интернунции, при этом от лица Римской церкви могут говорить так же местные ординарии, а также примасы.

В заключение следует сказать, что дипломатическая деятельность Святого Престола неоднократно способствовала мирному разрешению споров и сохранению традиционных ценностей в мире, чему способствовало наличие у этого уникального образования автономности.

РОЛЬ OPINIO JURIS В ВОЗНИКНОВЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЫЧАЯ

Анна Игоревна Горбачева

*студентка юридического института РУДН
anka.gorbachyowa@yandex.ru*

Формирование международного обычая - менее формализованный процесс правотворчества в отличие от процесса договорного нормообразования. Данное обстоятельство обуславливает необходимость определения особых правил, критериев, которым данный процесс должен соответствовать.

Определение критериев возникновения международного обычая во многом ограничено субъективными рамками восприятия данного явления. Попытки подвергнуть объективизации процесс образования обычных международно-правовых норм, выработать конкретные формальные условия, признаки, позволяющие признать определенные правила поведения в качестве юридически обязательных предпринимались неоднократно. Однако консенсуса в данной области достигнуто не было. Квинтэссенцией проблемы выступает определение места и роли *opinio juris* как субъективного критерия возникновения международного обычая. В зависимости от периода времени, господствующего типа право понимания, а также целей, которые ставит перед собой государство, в отношении категории *opinio juris* сложились диаметрально противоположные взгляды.

Природу юридической обязательности обычая можно объяснить по-разному в зависимости от подходов к правовой сущности самого международного права, соответственно естественно-правового и позитивистского. В связи с этим, авторами разрабатываются различные теоретические концепции, например, Г.М. Даниленко, объясняя понятие *opinio juris*, выделил две теории: традиционную

теорию *opinio juris* и теорию, понимающую под *opinio juris* согласие государств с формирующейся обычной нормой¹.

Традиционная концепция, в основе которой лежат идеи естественно-правовой школы международного права, понимает под *opinio juris* сопровождающее обычную практику убеждение в том, что практика отражает предписание уже существующей нормы права, и именно в силу того, что данная практика является юридически обязательной, её следует придерживаться. Сторонники данной точки зрения считают, что обычные нормы не создаются субъектами международного права, а порождаются непосредственно международными отношениями².

В отличие от традиционной концепции, «согласительная теория» трактует *opinio juris* как сознательный акт, который имеет в своей основе согласование воли государств и направленный на признание возникающей нормы права.

Аргументы, опровергающие принципиальную роль *opinio juris* как субъективного элемента международного обычая:

1. Теория обычного международного права, которая сводит к минимуму значение *opinio juris* или, по крайней мере, его доказательства, зачастую поддерживается буквальным толкованием статьи 38 (1) (b) Статута Международного Суда, которая подтверждает, что суд применяет в дополнение к конвенциям «международный обычай как доказательство всеобщей практики...». В буквальном смысле речь здесь идет только о практике³. Однако данный аргумент нельзя считать состоятельным, так как в данном случае игнорируется значение второй части вышеуказанной нормы, а именно «...признанной в качестве правовой нормы».

2. Еще одна причина, по которой умаляется значение роли *opinio juris* может заключаться в том, что доказать его наличие бывает очень сложно. Так как государства состоят из множества политических и правительственных субъектов, которые часто выражают диаметрально противоположенные мнения, возникают проблемы с

---

¹ См.: Даниленко Г.М. Обычай в современном международном праве. // Отв. ред. А. П. Мовчан. М. 1988. С. 101.

² См.: Лукашук И.И. Нормы международного права. М. 1997. С. 236.

³ The necessity of *opinio juris* in the formation of customary international law. University of Nebraska. College of Law. 2005. P. 3.

определением убеждения непосредственно «государства» в целом относительно того, является ли то или иное поведение юридически обязательным. То есть существуют серьезные проблемы с доказательством *opinio juris* в отношении какой-либо конкретной практики или нормы. Что также обосновывается и известным «парадоксом»: без *opinio juris* правило поведения не может стать правовой нормой, но для существования *opinio juris* государства должны полагать, что определенное правило уже является нормой. Получается, норма права существовала до того, как практические действия государств могли стать юридически значимыми⁴. Данная ситуация, в свою очередь порождает правовую неопределенность.

3. Кроме того, широко распространенная практика, как правило, создает оправданные ожидания со стороны других государств, что такое поведение будет продолжаться и в дальнейшем. Таким образом, моральный принцип «выполнения оправданных ожиданий» может обеспечить конструктивную теоретическую поддержку позиции, которая рассматривает обычное право как состоящее в основном из всеобщей практики. В этой связи проф. Мендельсон подтвердил, что «в тех случаях, когда существует постоянная и единообразная практика достаточной общности, в правовом контексте представляется оправданным, что члены сообщества ожидают, что все остальные будут продолжать соблюдать эту практику»⁵.

Его аргумент нашел свое отражение в докладе 2000 года о формировании обычного международного права Ассоциации международного права (далее - АМП). АМП действительно сформулировала общее определение обычного права, в котором отсутствует четкое упоминание *opinio juris*. В докладе было заявлено, что норма обычного права «представляет собой норму, которая создается и поддерживается постоянной и единообразной практикой государств и других субъектов международного права в их международно-правовых отношениях или затрагивает их международно-

---

⁴ См.: Kammerhofer J. Uncertainty in the Formal Sources of International Law: Customary International Law and Some of Its Problems. // *European Journal of International Law*. 15 (2004). P. 523.

⁵ The necessity of *opinio juris* in the formation of customary international law. University of Nebraska College of Law. 2005. P. 4.

правовые отношения в обстоятельствах, которые порождают оправданное ожидание аналогичного поведения в будущем.⁶

Авторами предлагаются различные подходы для устранения проблем соотношения элементного состава международного обычая: 1) отказ от использования категории *opinio juris* (Г. Кельзен); 2) рассмотрение обоих элементов обычая как условий его существования, а не как способ его формирования (С. Сюр); 3) признание *opinio juris* единственным элементом обычая, для возникновения которого наличия практики государств не требуется (А. Д'Амато); 4) допущение того, что всеобщая практика выражает презумпцию *opinio juris* и, следовательно, может быть объединена с ней в рамках одного сложного элемента, одновременно материального и психологического (М. Соренсен и П. Хагенмахер). Тем не менее, найти общепризнанное решение по-прежнему не удастся⁷.

Аргументы в пользу позиции о том, что *opinio juris* имеет принципиальное значение для возникновения международного обычая:

Статья 38 (1) (b) Статута Международного суда ООН, однако двусмысленная и открытая для толкования, требует «признание» общей практики в качестве правовой нормы, что характеризует необходимость субъективного требования для формирования обычного права. В настоящее время Международный суд ООН официально признал его в качестве обязательного элемента в Деле о континентальном шельфе 1985 г. (Ливия против Мальты), Консультативных заключениях суда ООН «Относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения» 1996 года⁸, «Относительно

---

⁶ International Law Association. Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law, adopted on 29 July 2000 by Resolution No. 16/2000, London Conference (2000), Report of the Sixty-ninth Conference. London. P. 39.

⁷ The necessity of *opinio juris* in the formation of customary international law. University of Nebraska College of Law. 2005. P. 5.

⁸ См.: Международный суд ООН. // Консультативное заключение относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения» 1996. URL: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/files/sum_1948-1991.pdf (дата обращения 12 апреля 2017 года).

правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории» 2004 года.⁹ Помимо этого данный критерий был предметом широкого применения и обсуждения во многих национальных судебных решениях стран обычного права.

Кроме того, как отмечают многие исследователи, современные формулировки определения обычного международного права сознательно заимствуются из положений гражданского законодательства стран, чьи правовые системы признают обычное право в качестве источника права. Как правило, национальные законы требуют, чтобы обычай мог применить суд, он должен быть признан, прямо или косвенно. Например, Гражданский кодекс Луизианы подтверждает в статье 3, что «действия, возникающие из практики повторяются в течение длительного времени и в целом принимаются как приобретающие силу закона»¹⁰.

1. Позиция Международного суда ООН касательно роли *opinio juris* в формировании международного обычая периодически менялась. Например, в решении по Делу Никарагуа против США Международный суд ООН определил, что «один лишь факт заявления государствами о признании ими определенных норм недостаточен для того, чтобы Суд считал их частью обычного права, а также применимыми в качестве таковых к этим государствам»¹¹. В области международного обычного права, говорится далее в решении Суда, общей точки зрения сторон относительно содержания того, что они считают нормой, недостаточно. Суд должен быть удовлетворен в том случае, когда существование нормы в *opinio juris* гос-

---

⁹ См.: Международный суд ООН. // Консультативное заключение Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории. A/ES-10/273. 2004. URL: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/advisory/advisory_2004-07-09.pdf (дата обращения 12 апреля 2017 года).

¹⁰ См.: The Civil Codes of Louisiana 1825. // URL: <https://archive.org/stream/civilcodeofstate00loui#page/n19/mode/2up> (дата обращения 11 апреля 2017 года).

¹¹ См.: Дело о военной и полувоенной деятельности в Никарагуа 1984 года. // URL: <http://www.icj-cij.org/docket/?case=70&p--1=3&p2=3&p-3=5&sum=-367> (дата обращения: 12 апреля 2017 года).

ударств подтверждено практикой». То есть в данном деле Суд высказал мнение о недостаточности не подтвержденной практикой *opinio juris*.

Однако в других решениях Международного суда ООН мы можем обнаружить и иной, нетрадиционный подход к соотношению *opinio juris* и практики. Например, Международный суд в Деле о континентальном шельфе Северного моря дал одно из наиболее показательных определений *opinio juris sive necessitatis*¹². Подчеркивая его значение в сочетании с государственной практикой, Суд отметил: «рассматриваемые акты не только должны образовывать устойчивую практику, но, кроме того, по своему характеру или способу совершения они должны свидетельствовать об убежденности в том, что данная практика стала обязательной в силу существования нормы права». Необходимость в подобной убежденности, т.е. существование субъективного элемента, подразумевается в самом понятии *opinio juris sive necessitatis*. В приведенных положениях содержится факт существования второго вида обычных норм международного права и механизма их создания.

Стоит отметить, что на сегодняшний день обширная практика перестает быть необходимой для создания обычных норм международного права, и решающее значение приобретает *opinio juris*¹³.

2. Международное право - это особая правовая система. Она отличается от национальных систем, так как в международных отношениях не существует органа, который бы принуждал к соблюдению обязательств и всё основано на добровольности. Особенностью международного права является его согласительная природа: оно носит чисто координационный характер. Поэтому наложение обязательств на государство, в отношении которых оно не выразило своего согласия (вне зависимости от формы такого выражения),

---

¹² См.: Дело о континентальном шельфе Северного моря 1969 года. // URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?case=52&-p1=3&p2=3&p3=5-&sum=295> (дата обращения: 12 апреля 2017 г.).

¹³ См.: Сюняева И.Д. Анализ решений и консультативных заключений Международного суда ООН в контексте вопроса о формировании норм международного обычного права // Вестник РУДН. Серия: юридические науки. Выпуск № 1. 2012. С. 223.

можно рассматривать как нарушение самой сущности международного права, его основополагающих принципов.

3. Следует также отметить, что роль *opinio juris* в процессе обычного нормообразования также состоит еще в том, что благодаря этому второму элементу обычая предотвращается возможность навязывания воли большинства государств меньшинству, что полностью соответствует принципу суверенного равенства государств. И даже несмотря на выполнение процедуры выражения согласия с обычной нормой, которое «фактически может означать, что государство может быть связано обычной нормой, несмотря на то, что оно никогда не выражало с ней согласия. Но юридически без согласия государства, пусть молчаливого, подразумеваемого, оно не может быть ею связано»¹⁴.

Таким образом, общая и последовательная практика может иметь определенные перспективы, но практика редко бывает общей или даже наблюдаемой. Поэтому установление *opinio juris* является необходимым и единственно верным способом определения реальной воли и согласия государства в отношении определенного обязательства. Однако ввиду отсутствия единообразия в понимании природы *opinio juris*, данный элемент не всеми рассматривается как однозначно необходимый для формирования обычая. В целом, приходится констатировать, что в международно-правовой теории и практике отсутствует методология, которая бы давала возможность четко определить *opinio juris* и однозначно судить о том, приняло ли государство на самом деле сложившуюся практику в качестве права.

Следует согласиться с мнением, высказанным специальным докладчиком Комиссии международного права ООН по вопросу выявления международного обычного права о том, что при определении его существования важно присутствие обоих элементов, вне порядка следования во времени, свидетельства наличия которых

---

¹⁴ См.: Сюняева М.Д. Понятие *opinio juris* и его роль в формировании международного обычая // Актуальные проблемы современного международного права. Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции кафедры международного права РУДН, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. М. 2011. С. 430.

должны устанавливаться отдельно друг от друга. Причем масштабное присутствие одного элемента не может компенсировать отсутствие другого.

Также Докладчик указывал на то, что «возможны различия в применении двухэлементного подхода в разных областях международного права и что в некоторых случаях особая форма (или особые проявления) практики или особые свидетельства признания в качестве права могли бы иметь большее отношение к делу, чем в других.¹⁵» Данное положение позволяет сделать вывод о том, что вопрос соотношения практики и *opinio juris*, а также их роли в формировании международного обычая следует решать сугубо индивидуально, применительно к конкретной ситуации. Разработать конкретные правила и требования, в соответствии с которыми международный обычай должен стать юридически обязательным не представляется возможным, да и в принципе нужным, так как слишком жесткие требования к созданию норм могут ограничить возможности развития международного права, в результате чего вся международная нормативная система станет архаичной.

---

¹⁵ См.: Третий доклад специального докладчика Комиссии международного права ООН. Выявление международного обычного права. 2015 год. // A/70/10. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2015/russian/chp6.pdf> (дата обращения 15 апреля 2017 года).

**СОЮЗНАЯ ГРАМОТА 1291 ГОДА КАК
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ
ДОКУМЕНТ КОНЦА XIII ВЕКА**

Михаил Андреевич Дубровин

*аспирант юридического института
Владимирского государственного университета
им А.Г. и Н.Г. Столетовых
301507@bk.ru*

Сегодняшний этап развития научной мысли показывает высокую концентрацию исследований вокруг теорий о государстве. Все исследования начинаются с изучения фундаментальных основ государства, к примеру - формы государства, состоящей из формы правления, формы государственного (территориального) устройства и политического режима.

Наиболее интересным элементом формы государства, применительно к нашему исследованию, является форма государственного (территориального) устройства. Теория государства и права в качестве классификации форм государственного устройства выделяет следующие основные категории: унитарное, федеративное и конфедеративное государство. В случае с унитарным и федеративным государствами и в теории и практике более-менее все ясно и понятно, с конфедеративными государствами возникают множество вопросов и споров.

С теоретической стороны, принято считать, что конфедеративные государства создаются на договорной основе (союзный договор), для достижения какой-либо цели (военной, политической, культурной и т.д.).

Обращаясь к традиционному подходу к конфедерации - это форма государственного устройства, при которой государства, образующие конфедерацию, полностью сохраняют свою независимость, имеют собственные органы государственной власти и управления. Вместе с тем, они создают специальные объединенные органы для координации действий в определенных целях (военные,

внешнеполитические). Конфедерация выступает как форма союза государств, сохраняющих суверенитет в полном объеме¹.

Однако, по нашему мнению, рассматривать союзный договор конфедерации, как основу ее создания, означает рассматривать его в узком смысле. В широком же смысле союзный договор конфедерации следует рассмотреть как международный интеграционный документ. Рассмотрим это на примере Союзной грамоты 1291 года, послужившей, как считается, началом создания Швейцарского союза (Швейцарской Конфедерации).

Первоначально Союзная грамота 1291 года представляла собой документ, закрепляющий союз трех альпийских кантонов: Швиц, Ури и Ультервальден, с целью защиты экономических интересов, а именно установление контроля над перевалом Сен-Готард (центр торгового пути между Германией и Северной Италией), а также защиты своих границ от австрийцев.

Предлагая рассмотреть Союзную грамоту 1291 года как международный интеграционный документ, понятие интеграция (в государстве) было предложено не случайно, т.к. под ней, по нашему мнению, следует понимать процесс объединения и сближения отдельных дифференцированных частей и функций как в национальной, так и глобальной социальных системах (политике, экономике, праве и т.д.), направленный на совершенствование государственного регулирования общественных отношений для удовлетворения сложившихся потребностей государства и всего человечества и достижения им поставленных целей.

Реализация интеграционных процессов, образовавшего Швейцарского союза, наиболее наглядно происходит в статье 1 Союзной грамоты 1291 года: «...Пусть же узнает каждый, что люди (жители) долины Ури, общины долины Швиц и сообщество людей (жителей) Ультервальдена, перед лицом коварства (нынешнего времени), и с тем, чтобы легче защищать и сохранять в надлежащем лучшем состоянии себя и свое имущество, в твердой верности пообещали себе поддерживать друг друга помощью, любым советом и содействием, имуществом и жизнью, как внутри долин, так и во вне их со всей властью и силой, против групп или отдельных лиц, стремящихся им, или кому – то из них, учинить насилие, причинить

---

¹ Политология / Сост. И.А. Черкасов. М., 1997 г.

беспокойство или неправду, или сотворить зло против их жизни и имущества. И еще пообещала каждая из общин, немедленно оказать помощь другой настолько, насколько помощь оказалась бы необходимой, причем за свой счет и в том объеме, который был бы необходим, чтобы противостоять нападению злодеев и иметь возможность отомстить совершенную несправедливость...»².

Как следует из примера, три кантона четко разграничили области интеграционного взаимодействия между собой, а именно объединяются исключительно в военных, экономических и культурных целях, без потери своего суверенитета, и без вмешательства в дела друг друга («...при том, однако, мнении, что каждый, соответственно своему положению, своему господину достойно подчиняться и служить должен...»³), таким образом, определив внутренние и внешние направления деятельности – свои функции.

Функции государства выступают в роли площадки для интеграционных процессов, создавая интеграционную функцию государства.

Не вдаваясь в подробный теоретический аспект многогранности подходов к пониманию функций государства, предлагаем взять наиболее емкостный из них в качестве основы, предложенный М.Н. Марченко, – это основные направления внутренней и внешней деятельности государства, в которых выражаются и конкретизируются его классовая и общечеловеческая сущность и социальное назначение⁴.

Как следует из вышеуказанного подхода к функциям государства, их традиционно разделяют на внутренние и внешние. Применительно к интегративной функции государства такая классификация допустима, но условно, поскольку между ними наблюдается тесная взаимосвязь, не позволяющая четко разграничить внутреннюю и внешнюю интегративные функции друг от друга.

В общетеоретическом понимании, по нашему мнению, внутренняя (национальная) интегративная функция направлена на объ-

---

² См.: Петров И. Очерки истории Швейцарии. М. 2006.

³ См.: Петров И. Очерки истории Швейцарии. М. 2006.

⁴ См.: Общая теория государства и права. // Отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М. 2007. С. 385.

единение и координацию внутриэкономических, внутрикультурных, внутривполитических и других сфер деятельности составных частей государства. Она преследует цель укрепить государственный строй, единство социума, адаптируя опыт, полученный в различных регионах единого национального государства. В то же время внешняя (международная) интегративная функция государства направлена на сближение государства с другими государствами и межгосударственными объединениями в целях создания единой глобальной социальной системы, обмена опытом и защиты национальных государственных интересов.

Союзную грамоту 1291 году, следует рассматривать как совокупную реализацию внешних (международных) интегративных функций трех кантонов, которые в последующем стали внутренней (национальной) функцией Швейцарского союза (Швейцарской Конфедерации). В этом и заключается главная особенность и не допустимость четкого разделения интегративной функции на внутреннюю и внешнюю, поскольку они определяют друг друга.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что анализ Союзной грамоты 1291 года позволяет выделить в ней ряд характерных признаков:

1. Представляет собой строго зафиксированный в письменной форме свод правил.
2. Носила международный (глобальный) характер.
3. Объединила отдельные дифференцированные кантоны в единое государство.
4. Создавалась с целью удовлетворения военных, экономических, культурных и политических целей.

На основании вышеназванных признаков, можно сделать вывод о том, что Союзная грамота 1291 года – это международный интеграционный документ, объединивший отдельные дифференцированные кантоны в государство (Швейцарский союз) для удовлетворения общих военных, политических, культурных и экономических интересов.

Данное умозаключение позволяет с уверенностью говорить о том, что Союзная грамота 1291 года в широком смысле может быть рассмотрена как международный интеграционный документ конца XIII века.

ПОЛОЖЕНИЕ О ВЫХОДЕ К МОРЮ В КОНСТИТУЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА БОЛИВИЯ

Соня Карбальо Мамани

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
soniacarballom@gmail.com*

В 1825 году Боливия начала независимую жизнь, располагая береговой линией вдоль Тихого океана общей протяженностью около 400 километров. Пятьдесят четыре года спустя, в 1879 году, Чили вторглось и силой захватило территорию департамента Литораль и с того самого момента лишило Боливию суверенного выхода к морю и территории общей площадью около 120.000 км²¹.

Никакой другой международный конфликт, ни военные операции, которым подвергалась Боливия на протяжении своей истории, не причинили ей такой значительной потери, как Тихоокеанская война. Эта война лишила Боливию её морского суверенитета и присутствия на Тихом океане - фундаментальной геополитической и экономической зоны.

Тем не менее, морская тема Боливии, или тема требования возвращения выхода к морю на протяжении долгого времени не была затронута какими-либо модификациями государственной конституции, как бы парадоксально это не звучало. Исключение составляют реформы, введенные в 1831, 1834 1839 г., в которых ясно оговаривается, что территория боливийского государства включает департаменты Потоси, Чукисака, Ла-Пас, Санта-Крус де ла Сьерра, Кочабамба и Оруро, а также провинции Литораль и Тариха².

---

¹ Querejazú Calvo R. Guano, Salitre, Sangre “Historia de la Guerra del Pacífico” (La Participación de Bolivia). La Paz., 1992. Pág. 215- 260.

² Abedecia Baldivieso V. Las Relaciones Internacionales en la Historia de Bolivia. T.2. La Paz., 1979. Pág. 12-25.

Однако ввиду актуальности данной темы на протяжении всех этих лет данный вопрос стал ключевым среди вопросов внешней политики Боливии по отношению к Чили, хотя предположительно, в начале республиканской эпохи, он не вызывал больших споров.

С течением времени, данная тема переросла в предложения конституционной реформы.

Так, например, одно из самых первых специфических предложений по этой теме было вынесено Фернандо Саласаром Паредесом, который, основываясь в первую очередь на том, что одной из основ боливийской международной политики - это право, которое имеет Боливия на возвращение выхода к Тихому океану, аргументировал, что, согласно его критерию, «для того чтобы достичь реального возвращения моря Боливии, необходимо последовательно, внутренне и внешне добиться официального признания права Боливии на возвращение выхода к Тихому океану»³.

Этот принцип был единогласно признан западным полушарием Резолюцией Организации американских государств (ОАГ) 22 октября 1979 г, когда было объявлено, что данная деликатная тема «является общим интересом западного полушария. Необходимо найти справедливое решение, с помощью которого Боливия сможет получить суверенный выход к Тихому океану». Это и стало мотивом вышеупомянутого автора счесть, что решение такого рода не может не отразиться в тексте боливийской конституции⁴.

Таким образом, Фернандо Саласар предложил к рассмотрению новую статью в дополнение «Общих Положений Конституции», которая гласила: «Высокое право Боливии на личный, свободный, суверенный выход к Тихому Океану является необходимостью». Сразу после первой выходит вторая статья, основанная на

---

³ Сосина С. А. Политическая История стран Латинской Америки в XIX веке. М., 2012. С. 534-563.

⁴ Resolución No. 426 de la Asamblea General de la OEA (Asamblea General de la Organización de los Estados Americanos). Acceso de Bolivia al Océano Pacífico. 31 Octubre de 1979. AG/RES.426 (IX-0/79). (Resolución aprobada en la duodécima sesión plenaria el 31 de octubre de 1979). URL: https://www.google.de/?gws_rd=ssl#q=1.%09Resoluci%C3%B3n+No.+426+de+la+Asamble+General+de+la+OEA.+Octubre+31,+1979.+ (26 de julio del 2015).

резолюциях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, составляющие часть международной доктрины. Статья гласит:

«Боливия признает и применяет нормы международного права, общего и американского, в той мере, в которой ее принимает ее государственная власть. Закрепляет за собой право на самоопределение народов и уважение к ее суверенности. Принцип невмешательства составляет неизменяемую норму международной политики Боливии, которая не признает территориальное завоевание с помощью вооруженных сил».

С другой стороны, необходимо отметить, что после конституционных реформ, проведенных в 1994 и 2004 гг, боливийская конституция претерпела очень мало исторических изменений.

В этой связи, возможно, боливийская Конституция, утвержденная в январе 2009 г., и имеет определенное преимущество для государства, так как посвящает отдельные две статьи теме требования возвращения моря⁵:

– Статья 267. Боливийское государство объявляет о своем неотъемлемом и неотчуждаемом праве на территорию, которая даст ему выход к Тихому океану и морскому пространству. Эффективное решение морского вопроса путем мирных действий и соблюдения суверенности данной территории составляют настоящую и неотъемлемую цель боливийского государства».

– Статья 268. Развитие морских интересов, (включая реки, озера и торговый флот), будет являться приоритетом государства и его органов правления, а защита государства будет предоставлена боливийской армией согласно законодательству».

Важно понимать, что когда речь идет о требовании Боливии вернуть тихоокеанское побережье, мы говорим о постоянном требовании всего боливийского народа вернуть суверенное право Боливии на обширные территории боливийского побережья и прилегающие к нему территории, которые были отобраны у него в силу

---

⁵ Constitución Política del Estado del 07 de febrero del 2009. “Nueva Constitución Política del Estado boliviano”// Gaceta Oficial del Estado Plurinacional de Bolivia del 09 de febrero del 2009.

военного преимущества, которым и сейчас обладает Чилийская республика, со времен несправедливого вторжения, нападения и завоевания в 1879 г Боливии⁶.

Целью вышеупомянутых конституционных норм является придать гласность факту провозглашения неотъемлемым права Боливии на требование выхода к морю, свободного и суверенного. В то же время подчеркивается, что Боливия является сторонником только мирного решения вопроса, исключая возможность военного подключения, так как страна уважает и соблюдает положения Международного Права, как и полагается цивилизованной нации⁷.

Тем не менее, «соблюдение суверенитета данной территории...» спровоцировало негативную реакцию властей Чили (в основном это противоречит экспансионистской политике, которую эта страна вела всегда). Свою позицию Чили аргументирует тем, что, во-первых, не видит какой-либо пограничной проблемы, а в случае возникновения таковой, она должна быть «решена» Договором о «Мире и дружбе», подписанным странами в 1904 г. В свою очередь Боливия заявляет, что с Чили у нее есть мир, но не наблюдается дружбы. Подписать данный Договор побежденную в несправедливой и жестокой войне страну заставили силой.⁸

Другими словами, Боливийская позиция по вопросу заключается в том, что, согласно принципам доктрины Международного права, ввиду изменений внешних обстоятельств, одной из сторон наносится тяжелый ущерб, таким образом, недопустимо настаивать на исполнении Договора, если это приводит к неоспоримой несправедливости.

Обратим внимание, что Конституция Боливии подчеркивает, что Боливийская Республика – на сегодняшний день Многонациональная Боливия – родилась свободной, независимой и суверенной

---

⁶ Raúl Rivadeneira Prada. *Semántica del problema marítimo*. Sucre, Bolivia., 2011. Pág. 58.

⁷ Ortega, Luis. "¿En qué pensaba el presidente Aníbal Pinto en 1878?". Iquique, 2002. Pág.147.

⁸ Ururozqui M. *Un mar de sangre para renacer "Bolivia y la Guerra del pacífico"*// *Aportes para repensar la Guerra del Pacífico 1879 – 1883*. Vol. II. Lima., 2010. Pág.11- 56.

и что территориально она всегда владела департаментом Литораль и береговой и морской линией вдоль Тихого океана.

Это также означает, что Многонациональное государство Боливия никогда не переставало требовать моря, напротив, всегда обращалась к международным организациям и двусторонним и многосторонним правовым инстанциям с вопросом суверенного выхода к морскому побережью, отобранного у нее в 1879 г.⁹

Именно эта ситуация и ранее упомянутые конституционные нормы, имеющие отношение к морской теме, стали причиной издания Декрета № 834 от 5 апреля 2011 г., целью которого было создание Стратегического управления по вопросам требования Боливии вернуть тихоокеанское побережье как децентрализованной государственной организации, представляющей собой юридическое лицо с автономным административным, финансовым, юридическим и техническим управлением, собственным закрепленным имуществом под патронажем Министерства иностранных дел¹⁰.

Также посредством Декрета № 834 был создан Национальный совет по требованию Боливии вернуть тихоокеанское побережье, являющийся высшим органом, уполномоченным координировать, определять, планировать, развивать, приводить в исполнение и оценивать политику, касающуюся темы требования Боливии вернуть тихоокеанское побережье Многонационального Государства Боливия, в соответствии с Политической Конституцией боливийского государства¹¹.

Важно отметить, что требование выхода к морю не ограничивается конституционной декларацией, так же как оно не ограничивается ознаменованием 29 апреля каждого года Днем моря. Оно означает постоянную политическую и административную стратегию внешней политики Многонационального Государства Боливия,

---

⁹ Сосина С. А. Политическая История стран Латинской Америки в XIX веке. М., 2012. С. 534-563.

¹⁰ Decreto Supremo de Bolivia del 05 de abril de 2011. "Creación de la Dirección Estratégica de Reivindicación Marítima y el Consejo Nacional de Reivindicación Marítima."// Gaceta Oficial del Estado Plurinacional de Bolivia del 12 de abril del 2011; D.S. N° 834.

¹¹ Página de la Dirección Estratégica de Reivindicación Marítima. URL: <http://www.diremar.gob.bo/>. (31 de marzo del 2015).

направленную на открытое серьезное обсуждение и получение конкретных предложений решения проблемы морского заточения Боливии – политически, экономически и социальновредоносной ситуации, которая не может продолжаться вечно, так же как и неизменной более оставаться не может¹².

Эта тема должна быть вынесена на стол переговоров боливийской стороной, это должно стать главным вопросом соглашения региональной интеграции, включающей оба государства, для вынесения предварительного заключения по требованию, более не терпящему отлагательств, с целью развития Боливии как государства, с целью, чтобы возглас отчаяния боливийского народа был услышан, а не проигнорирован или променян на минутные интересы, не учитывающие его пожелание, на которое он имеет право, пожелание, которое было, есть и будет: морское побережье, свой морской порт в Тихом океане.

В дополнение к вышесказанному, повторимся, что Договор 1904 г. стал завершением войны, но не принес дружбы. Морской вопрос между Боливией и Чили до сих пор открыт, и сейчас он является мотивом для поиска альтернативных путей для обоих государств, считаясь с голосом народа, найти подходящий способ восстановить братские отношения и таким образом усилить свою суверенность перед внешним воздействием, которое отдаляет друг от друга два по сути братских государства¹³.

Любой вопрос интеграции, всегда представляет собой очень затруднительный процесс. В данный момент мы наблюдаем, как боливийские власти ищут мирное решение несправедливой географической изоляции Боливии, пытаются навсегда излечить раны прошлого, заставить уважать голос народа, вовлеченного в эту проблему насильно в виду исторических обстоятельств. Уважение воли народа является обязательным условием для мирного сосуществования между нациями на одном континенте.

До того, как диалог между Боливией и Чили себя исчерпал, как и чилийское утверждение о том, что у Чили нет никаких долгов

---

¹² Oblitas Fernández E. Historia Secreta de la Guerra del Pacifico. Sucre., 1983. Pág. 134-155.

¹³ Sater W. Andean Tragedy. Fighting the War of the Pacific, 1879- 1884. Lincoln, 2017. P.8-39.

перед Боливией, боливийское государство используя механизмы, которые ей дает международное право, обратилась в Международный суд. 24 апреля 2013 г делегация высшего уровня Многонационального Государства Боливия во главе с Министром иностранных дел представили требование выхода к морю в Международный Суд в Гааге (высший орган судебной власти для решения споров в системе объединенных наций)¹⁴.

Боливия считает, что боливийское требование выхода к морю имеет шанс найти поддержку в международных договорах и односторонних актах, что согласно международному праву создает юридические обязательства, подлежащие истребованию. В этом смысле требование в Международном суде не может ни при каких обстоятельствах быть рассмотрено как недружественный или враждебный акт государства. Это может быть интерпретировано исключительно как урегулирование в судебном порядке, что является основным и самым эффективным механизмом мирного решения споров, предусмотренным международным правом. Именно поэтому сегодня Боливия глубоко убеждена в том, что Международный суд, осуществляя свои полномочия, сможет найти мирный способ решения конфликта.

У всего боливийского народа в сердце живет огромная надежда, надежда назвать море своим. Глубокий шрам в его душе не заживет до тех пор, пока не вернется свобода боливийскому тихоокеанскому побережью.

---

¹⁴ Página del periódico La Razón. URL: http://m.la-razon.com/la_gaceta_juridica/Apuntes-Reivindicacion-Maritima-Constitucion_0_1586841389.html. (30 de marzo del 2012).

**ИНСТИТУТ ДВОЙНОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО
ГРАЖДАНСТВА И КОНЦЕПЦИЯ
«ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА»**

Анастасия Леонидовна Лапекина

*студент юридического института РУДН
lapekinaal@yandex.ru*

Концепция открытого общества впервые была описана Анри Бергсоном в его труде «Два источника нравственности и религии». Однако большую популярность она приобрела благодаря работе Карла Поппера «Открытое общество и его враги». Впрочем, сама идея открытого общества как «всечеловеческого» основывается на таком явлении общественной жизни, как глобализм, о котором впервые заговорил Карл Маркс, используя, между тем, иной термин - «интернационализм». Отголоски его идей во многом прослеживаются в позднее разработанной концепции открытого общества.

Итак, что же собой представляет открытое общество и его антагонист - закрытое? В первую очередь, следует отметить, что ни Бергсон, ни Поппер не отождествляли понятие открытого общества с обществом счастливым. Подобное ассоциирование приобрело широкую популярность в последние годы XX века, когда многие ученые предполагали, что исключительно развитие по пути открытого общества может гарантировать счастье его членов.

Открытое общество можно определить, как «то, которое в принципе охватывает все человечество»¹. А. Бергсон считал, что и закрытое, и открытое общества есть не что иное, как этапы развития человечества. Таким образом, второе наследует некоторые социальные нормы первого (к примеру, обычаи), но преобразует их под идею открытости и «всечеловечности»². К. Поппер же считал открытое и закрытое общество скорее политической категорией, нежели философской, как это было у Бергсона. Поппер выделяет

---

¹ См.: Бергсон А. Два источника морали и религии. М. 1994. С. 289.

² См.: Бергсон А. Два источника морали и религии. М. 1994. С. 62.

основные черты открытого общества: отсутствие жесткой иерархии, возможность каждого индивида занять любую социальную позицию, правовые нормы установлены публичной властью по мере необходимости, главная функция публичной власти – помощь и защита индивида³.

Одним из косвенных признаков открытого общества, по нашему мнению, можно назвать отсутствие тесной правовой связи индивида с каким-либо конкретным государством. Иными словами, полный или частичный отказ от института гражданства. В обществе, которое охватывает все человечество, разделение людей на граждан той или иной страны не имеет практического смысла. При этом двойное (множественное) гражданство представляет собой политико-правовую связь индивида с несколькими государствами. По сути своей двойное (множественное) гражданство, так или иначе, уменьшает степень «привязанности» гражданина к конкретному государству. В связи с этим можно предположить, что чем больше черт «открытого общества» последнее приобретает, тем лояльнее оно относится к институту множественного гражданства.

Наиболее близкое к идеалу открытого общества современное явление - Европейский союз. В данном сообществе, представляющем собой некую промежуточную конструкцию между конфедерацией и международной организацией, появился и специфический институт – гражданство европейского союза, который предполагает, что все граждане государств-членов Союза автоматически приобретают гражданство и самого Союза в целом⁴. Важно отметить, что такое гражданство дополняет статус гражданина того или иного европейского государства, предоставляя ему «дополнительный пакет» прав и свобод. Однако помимо данного типа гражданства большинство стран Европейского Союза (16 из 28) безоговорочно признают за своими гражданами право иметь двойное (множественное) гражданство. К числу таковых относятся: Бельгия,

---

³ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. // Пер. с англ., под ред. В.Н. Садовского. М. 1992. С. 219.

⁴ См.: Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 года.) [Электронный ресурс]. Дата обращения: 26.04.2017 года. ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/2566557/#friends>. Ст. 9.

Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Мальта, Польша, Франция, Хорватия, Швейцария. К данному перечню следовало бы добавить и Великобританию, но правительство этой страны по итогам референдума было вынуждено инициировать процесс выхода из Европейского Союза, который - согласно статье 50 Договора о ЕС⁵ - должен завершиться через два года.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, разрешает гражданам Российской Федерации иметь двойное гражданство (ст. 62)⁶, отсылая при этом к федеральным законам или международным договорам Российской Федерации. Действовавший на момент принятия Конституции Закон Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 № 1948-1, определяет, что двойное гражданство может быть установлено лишь при наличии международного договора⁷. При этом гражданин Российской Федерации все равно имеет право на приобретение второго гражданства, которое, впрочем, не будет учитываться государством. Положение дел по вопросам двойного и множественного гражданства не изменилось и после принятия нового ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ, повторяющего положения закона-предшественника⁸. Новая процедура уведомления органов государственной власти о наличии второго гражданства не изменяет двух основных положений: 1) гражданин Российской Федерации может приобрести двойное гражданство только той страны, с которой Россия заключила соответствующий международный договор; 2) гражданин нашей страны может

---

⁵ См.: Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 года.) [Электронный ресурс]. Дата обращения: 26.04.2017 года. ЭПС «Система ГАРАНТ». Ст. 50.

⁶ См.: Конституция РФ 1993 года. // СЗ РФ. 1994. № 1. Ст. 1 (с послед. изм. и попр. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398).

⁷ См.: Закон РФ от 28.11.1991 N 1948-1 (ред. от 31.05.2002) «О гражданстве Российской Федерации». // [Электронный ресурс]. Дата обращения: 26.04.2017 года. СПС «Консультант Плюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153/. Ст. 3.

⁸ См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031 (на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 3 июня 2002 года).

приобрести второе гражданство, однако вместе с ним приобретет и «полный комплект» прав и обязанностей обеих стран.

Вполне объяснимым представляется тот факт, что в начале своего самостоятельного существования Российская Федерация стремилась развиваться по пути открытого общества, о чем свидетельствуют хотя бы вышеприведенные положения законов. Однако на сегодняшний день эти процессы со всей очевидностью замедлились. Как следствие, замедлились процессы международно-правового взаимодействия в сфере гражданства. К примеру, международные договоры на предмет двойного гражданства заключены лишь с двумя странами: Республикой Таджикистан⁹ и Туркменистаном¹⁰. Впрочем, заключенный в 1993 г. международный договор между Российской Федерацией и Туркменистаном о признании двойного гражданства граждан данных государств просуществовал лишь до 2008 г., когда в статью 7 Конституции Туркменистана были внесены изменения, запрещающие гражданам данной страны иметь второе гражданство (заметим, пример Туркменистана точно подтверждает гипотезу о прямой связи между намерением государства построить открытое общество и его лояльностью к институту двойного (множественного) гражданства).

Сегодня с уверенностью можно говорить о тенденции, складывающейся вопреки концепции открытого общества, - регионализации. Стремление Европы к объединению было вызвано разными факторами: экономическими (Великая депрессия 1932-1933 гг., две мировые войны), политическими (вес голоса конгломерата нескольких стран куда больше, нежели одной), военными (Холодная война, которая временами обещала перейти в третью мировую), социальными (этническая близость многих народов, большое количество

---

⁹ См.: Договор между РФ и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 7 сентября 1995 года.) [Электронный ресурс]. Дата обращения: 26.04.2017 года. ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <http://base.garant.ru/1119543/>.

¹⁰ См.: Соглашение между РФ и Туркменистаном об урегулировании вопросов двойного гражданства (Ашгабат, 23 декабря 1993 года.) [Электронный ресурс]. Дата обращения: 26.04.2017 года. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1289417>.

многонациональных семей) и другими. Современная геополитическая обстановка изменилась: экономика многих стран Европейского Союза укрепилась, непосредственной угрозы начала новой войны нет. А вот ценность суверенитета государства, его независимости при принятии как внутригосударственных, так и международных решений, заметно возросла. Об этом мы можем судить по количеству стран, которые или же вовсе не признают двойное гражданство (Чехия, Дания, Литва, Армения, Япония), или делают оговорку об особенных условиях его приобретения (например, ч.3 ст.11 Конституции Испании гласит: «Государство может заключить договоры о двойном гражданстве с иберо-американскими странами или же со странами, имевшими или имеющими особые связи с Испанией»).

В Великобритании, первом государстве, рискнувшем инициировать выход из Европейского союза, сегодня разрешено иметь двойное гражданство. Более того, Объединенное Королевство демонстрирует исключительную лояльность в своем отношении к этому вопросу. Согласно Закону о гражданстве (British Nationality Act, 1981) гражданин Великобритании, однажды отказавшийся от гражданства данной страны, может в течение шести месяцев с момента отказа восстановить прежний статус путем отзыва данного ранее отказа. Как правило, данная возможность используется при получении гражданства тех стран, которые требуют отказа от имеющегося. Таким образом, возвращая гражданство Великобритании, индивид зачастую одновременно является гражданином еще одного государства.

В подтверждение выдвинутой ранее гипотезы о непосредственной связи между центробежными тенденциями регионализации и настороженным отношением к институту двойного (множественного) гражданства, рискнем предположить, что, если «брексит» состоится, то в Великобритании стоит ожидать изменений в порядке регулирования сферы двойного (множественного) гражданства. В частности, вполне возможно введение ограничений по перечню тех стран, двойное гражданство с которыми признает Великобритания.

В целом же прогноз неутешителен. В связи ростом популярности тенденций регионализации, осмелимся высказать предположение о том, что институт двойного (множественного) гражданства

ждут весьма печальные перспективы. По нашему мнению, при полном отказе государств от развития по пути открытого общества, институт двойного (множественного) гражданства ждет медленная гибель. Государства станут ужесточать требования к приобретению двойного (множественного) гражданства, некоторые могут использовать отказ от признания двойного гражданства с той или иной страной как инструмент международного давления. Неутешительны перспективы мирового сообщества, построенного в соответствии с такой моделью.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гор Араратович Манукян

*аспирант кафедры теории и истории государства права
юридического института Владимирского государственного
университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

С усилением процессов глобализации и регионализации произошло усложнение и усовершенствование системы международных отношений. Одним из последствий усовершенствования конфигураций международных отношений стало формирование необходимых международных и внутригосударственных правовых предпосылок, предоставивших возможность участия в международном общении нетрадиционных участников (акторов), иначе говоря участие территориальных частей современных федеративных и унитарных государств в международной деятельности.

Все началось примерно в конце 20 века, когда отдельные регионы отдельных государств начали широко практиковать международную деятельность. Были подписаны первые международные договоры, регламентирующие международную деятельность таких регионов, и были созданы первые международные организации, основной целью которых являлось развитие регионов государств и их международных связей... Активность регионов стран на международной арене привело к появлению региональной составляющей во внешней политике государств. Данная тенденция постепенно усилилась в контексте глобализации и регионализации международных отношений в целом, которые развиваются как два динамичных процесса, оказывающих взаимное влияние... Межрегиональные контакты становятся частью системы международных отношений¹.

---

¹ См.: Плотникова О. В., Дубровина О. Ю. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности М. 2016. С. 7.

На сегодняшний день, сам факт активизации и вовлеченности данных субъектов в международные отношения подтверждает важность и значимость установления ими международных и внешне-экономических связей. Субъекты федеративных и территориальные единицы унитарных государств, заинтересованы в установлении сотрудничества с другими государствами и их регионами. При этом, выбор и установление сотрудничества с иностранным государством или регионом в качестве международных партнеров обуславливается в большей степени историческими, экономическими, культурными, этническими особенностями зарубежного партнера.

Исходя из вышеизложенного можно отметить, что интенсивность осуществления международной деятельности субъектами территориальных частей государств явно имеет тенденцию к расширению, а также представляет собой определенную закономерность развития международных отношений, в части развития межгосударственных и межрегиональных связей. Надо заметить, что деятельность таких субъектов, в результате непродуманной государственной политики, не всегда сказывается положительно на государство, а в некоторых, в условиях отсутствия компромиссов между центром и регионом, случаях создает определенную угрозу для территориально-государственно устройства. В эпоху глобализации, как отмечают исследователи, у государств в современном мире: «Активно изменяются их цели, принципы деятельности, а также формы политических режимов, формы правления и, конечно же, формы государственно-территориального устройства»².

Не раскрывая общие тенденции и закономерности развития современных международных отношений выделим основные, по нашему мнению, теоретические элементы, которые так или иначе влияют на возможность субъектов территориальных частей федеративных и унитарных государств осуществлять международную деятельность. В данном случае, мы не утверждаем, что эти теоретические элементы являются исчерпывающими, однако, исходим из

---

² См.: Богатырев В.В. Генезис государственно-территориального устройства: историко-теоретический анализ // Материалы международной научно-практической конференций преподавателей и студентов «Международная деятельность субъектов современных федераций» (21 апреля 2017 года.). Владимир. 2016. С. 17.

того, что они в полной мере отражают объективную действительность и характеризуют большинство федеративных и унитарных государств, субъекты территориальных частей которых осуществляют международную деятельность.

Итак, раскроем основные теоретические элементы, предопределяющие возможность международной деятельности субъектов территориальных частей в федеративных и унитарных государствах:

Первый и ключевой элемент – форма территориально-государственного устройства.

В унитарных государствах – по общему правилу, составные части (далее – административно-территориальные единицы) не вправе осуществлять международную деятельность. В случае же осуществления такой деятельности, административно-территориальным единицам необходимо получить официальное разрешения у центрального правительства и только в этом случае, и под контролем центра возможно установление международных и внешнеэкономических связей с зарубежными партнерами. Отметим и тот факт, что в унитарных государствах либо фрагментарно, либо полностью отсутствует как общее, так и специализированное законодательство, регламентирующее бы международную деятельность административно-территориальных единиц (Испания, Италия, Финляндия, Швеция, Польша и др.)

В федеративных государствах - составные части (далее - субъекты) осуществляют международную деятельность под контролем федеральной власти, а также при наличии как прямого общего указания на такую возможность (закреплено в конституциях многих федеративных государств Бельгия, ФРГ, Швейцария, РФ и др.), так и на основе специализированного законодательства, регламентирующего международную деятельность субъектов (Швейцария, РФ и др.)

Второй элемент - объем представленных компетенций и делегируемых полномочий, в части осуществления субъектами своих международных и внешнеэкономических связей.

В унитарных государствах - административно-территориальные единицы, исходя из вышеизложенного, не наделяются полномочиями на осуществления международной деятельности. В госу-

дарствах, с такой формой территориального устройства, центр самостоятельно распределяет полномочия между административно-территориальными единицами, за пределы которых они не вправе выходить.

В федеративных государствах – существует двухуровневая система распределения полномочий и компетенций между федеральной и региональной властью. Не вдаваясь в подробности, отметим, что способы и формы распределения полномочий в каждом федеративном государстве своеобразны, и такая особенность диктуется прежде всего особенностью самой федерации. При этом по объему делегируемых полномочий, в части осуществления международных и внешнеэкономических связей, может варьироваться от минимального до максимального (зависит от специфики конкретного федеративного устройства). Однако, в государствах с такой формой территориального устройства, по общему правилу, полномочия по осуществлению внешнеполитической деятельности и представительства государства на международной арене всецело находятся в ведении федеральной власти (исключительная компетенция). В связи с этим, в ведении региональной власти по линии международной деятельности остаются вопросы экономического, социально-культурного и гуманитарного характера, а также некоторые вопросы приграничного сотрудничества. Надо отметить, что современные федеративные государства при распределении полномочий все чаще прибегают к использованию принципа субсидиарности – означающий, что те задачи, которые могут более эффективно выполнены субъектом федерации должны передаваться ему (процесс децентрализации). В некоторых случаях, чрезмерная децентрализация может привести к распаду федеративного государства, поэтому необходимо найти баланс интересов, а в отдельных случаях компромисса между центром и регионом (Канада, Бельгия).

Третий элемент – деятельность правящих государственных региональных элит, по реализации полномочий в сфере международных и внешнеэкономических связей.

Деятельность правящих государственных региональных элит (далее – элит), по осуществлению международных и внешнеэкономических связей во многом зависит от субъективных и объектив-

ных критериев. В первом случае, рассуждая о субъективном критерии, мы говорим о наличии в действующем законодательстве правовых норм, регламентирующих процесс осуществления международной деятельности субъектами территориальных частей современных государств. Во втором же случае, объективный критерий, который раскрывается в возможности и в способности элит использовать представленные правовые нормы в данной сфере. Следовательно, представленный объем полномочий субъектам территориальных частей государств на осуществление международной деятельности, в конечном счете реализуется конкретными государственными региональными элитами. Осуществляя такую деятельность, элиты преследует прежде всего собственные интересы, которые могут совпадать и не совпадать с официальной позицией целого государства (центробежные силы), а в последнем случае несет в себе угрозу распада целого государства (в федеративные государства – Канада, Бельгия).

Степень правовой и политической самостоятельности членов федерации диктуется экономическими, историческими или национальными особенностями жизни общества. Если центробежные тенденции обусловлены объективными причинами, федерация может развалиться при минимальной степени самостоятельности ее членов. Наоборот, если такие тенденции отсутствуют, федерация может оказаться прочнее любого унитарного государства при максимальной степени самостоятельности ее членов³.

В заключение необходимо подвести следующие итоги:

1. Установлено, что возможность участия субъектов территориальных частей федеративных и унитарных государств в международной деятельности во многом зависит от конкретной формы государственно-территориального устройства. Однако, возможностей у субъектов федераций государств намного больше на современном этапе, чем у административно-территориальных унитарных государств.

2. Интенсивность международной деятельности субъектов территориальных частей государств в международном простран-

---

³ См.: Субъекты современного международного права. Монография. // Отв. ред. О.И. Тиунов. М. 2017. С. 103.

стве, в целях реализации своих полномочий в области международных и внешнеэкономических связей, в будущем будут только нарастать, вместе с этим субъекты будут требовать все больше полномочий. Следовательно, намечается тенденция к децентрализации полномочий, в том числе в сфере внешних сношений, в частности в федеративных государствах. Любое игнорирование данного вопроса может привести к негативным последствиям.

3. Представленный объем полномочий субъектам территориальных частей государств на осуществление международной деятельности в конечном счете реализуется конкретными государственными региональными элитами. Деятельность таких элит в международном пространстве, как правило, направлено на реализацию собственных потребностей.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Татьяна Дмитриевна Матвеева

*доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой международного права
юридического факультета Института права и
национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ
academia20082008@yandex.ru*

Римский философ Сенека Луций в своих знаменитых «Нравственных письмах» писал: «Мы родились, чтобы жить вместе, и общество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть»¹. Историческим призванием международного права была и есть обязанность скреплять эти «камни» и поддерживать «свод мирового сообщества». При помощи международного права образуется устойчивая международная система, действующая на основе совместно согласованных норм международного общения. Именно таким образом реализуется регулятивная функция международного права, актуальность которой возрастает по мере расширения процессов глобализации.

Анализируя вопросы «управляемости» международной системы в условиях глобализации, с сожалением констатируя кризисное состояние международного права, есть все основания отнести к причинам данного кризиса состояние международного нормотворчества, в частности несоответствие целого ряда международно-правовых норм реальной ситуации. Нельзя не заметить, что действующие в системе современного международного права нормативные конструкции не всегда способны обеспечить эффективность международного права и составляющих его основу международно-правовых доктрин, многие из которых очевидно устарели и не спо-

---

¹ См.: Луций С. Нравственные письма к Луцилию. М. 2013. С. 188.

собны должным образом обеспечивать правовые основы цивилизованных взаимоотношений субъектов международного права. При этом недопустим отказ от обязательных для всех участников международных отношений общепризнанных принципов международного права, которые на протяжении веков утверждались как фундаментальные «руководящие начала» и «всеобщие правовые стандарты» мирового порядка. И хотя в целом признание их значимости и приоритетности характеризует международно-правовые доктрины большинства стран мира, трудно не заметить, что все чаще традиционные представления об отдельных из них и подходы к их применению существенно меняются. Становится популярной практика манипулирования отдельными принципами международного права и использования их в политических целях.

Высказывается мнение, что новые геополитические реалии позволяют корректировать отдельные принципы международного права или применять к ним «обновленные подходы» (вплоть до отказа от их соблюдения). В ряде стран активизируются идеи «новых глобалистов», мечтающих ликвидировать международное право с его и «неудобными» принципами и институтами. Усиление таких тенденций в переоценке основ международного права может оказаться чреватым для всей современной международно-правовой системы, что легко продемонстрировать на попытках по-новому трактовать принципа суверенного равенства государств, который в 1945 г. при создании ООН был провозглашен как один из главных принципов международного сотрудничества (Статья 2.1 Устава).

Основным аргументом в пользу пересмотра принципа суверенного равенства государств выдвигается то, что глобализация существенно меняет соотношение национального государства и международного сообщества, традиционные представления о государственном суверенитете. На этом основании утверждается, что этот принцип «устарел» и «несовместим с современными тенденциями развития». Обосновывается возможность и даже необходимость «умаления суверенитета» для одних государств и предоставления «относительного суверенитета» для других. Отрадно, что в отечественной науке международного права такой подход не находит поддержки. Напротив, большинство российских ученых рассматривают отрицание суверенного равенства государства как отрицание современного международного права в целом и настаивают на том,

что само современное международное право основано на абсолютной природе суверенитета, гарантирующей независимость и самостоятельность государств, независимо от характера их взаимоотношений и объема осуществляемых полномочий. Вместе с тем, нельзя не согласиться с теми, кто считает возможным в условиях изменившихся политических реалий, ставить вопрос о пределах государственного суверенитета как следствие «интернационализации традиционно внутригосударственных вопросов», проявляющуюся в передаче в общих интересах отдельных прав в международную компетенцию.

Очевидно и то, что под воздействием глобализации деятельность государств становится все более зависимой от принятых международных обязательств. Однако добровольная передача некоторых полномочий государств наднациональным структурам (расширение этих тенденций характерно для глобализации) не означает отрицание суверенитета, его «растворение» в надгосударственном образовании. На наш взгляд, подчиняясь правилам международных организаций, заключенным в их учредительных актах, или условиям международных соглашений (договоров), государства не только отказываются от своего суверенитета, но наоборот наполняют его вполне конкретным практическим содержанием. Нередко переданные межгосударственному образованию функции компенсируются приобретением так называемых «общесистемных полномочий», расширением радиуса действия государств в той или иной сфере межгосударственного сотрудничества (современный этап этого сотрудничества дает этому много убедительных примеров). Поэтому трудно опровергнуть сформированные еще в советской международно-правовой доктрине суждения относительно того, что, отказываясь от абсолютного суверенитета в отношении каких-либо действий в пределах своей территории, государства одновременно приобретают право оказывать влияние на решение этих же вопросов во всемирном масштабе. Система норм международного права является не чем иным, как осознанной и созданной самими государствами основой их поведения, а поэтому нет никаких причин говорить об ограничении, разрушении или поглощении государственного суверенитета международным правом. Не противоречат действительности и те аргументы, к которым традиционно прибегали юристы: нормы международного права не содержат никаких

ограничений или запретов по кругу вопросов, которые могут подвергаться международно-правовому регулированию, если при этом имеет место добровольное согласие взаимодействующих государств и не нарушаются права других субъектов международного права. Можно сделать вывод, что международное право сегодня не знает таких средств, которые позволили бы настолько глубоко воздействовать на компетенцию государства, что это повлекло бы исчезновение суверенного образования. Вместе с тем правильное понимание суверенитета требует анализа целого ряда и других проблем, связанных с этим особым юридическим свойством государства, возникающим с момента его создания и остающееся с ним на протяжении всего периода своего существования. К сожалению, международное право не дает четких ответов на многие вопросы, интересующие не столько уже существующие суверенные государства, сколько тех, кто на этот статус претендует. Один из них - когда наступает момент возникновения государства как суверенного субъекта международного права? Можно ли заключить, что суверенитет является следствием признания государства? Каким образом можно получить это признание и обрести статус субъекта международного права?

Причина в том, что институт международной правосубъектности, как и институт признания до настоящего времени не кодифицированы и регулируются чаще всего установившимися в международном праве обычными нормами или устаревшими международно-правовыми актами. Образовавшийся на этом направлении международного права «вакуум» ведет к противоборству двух равноценных принципов международного права - принципа права народов на самоопределение и принципа территориальной целостности государств.

В результате на планете множится количество «непризнанных государств», которые, как считают некоторые, объективно существуют (государство «де-факто»), на самом деле являются «квази-государствами», постоянно сталкивающимися с неблагоприятными последствиями такого статуса. Не став суверенными субъектами международного права, они не являются членами международных организаций, не участвуют в создании норм международного права, не несут международно-правовую ответственность и не защищены международным правом.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что вопросы признания постоянно находятся во внимании как российских, так и зарубежных ученых². Не утратили актуальность исследования данной проблемы Казанской научной школы³. В частности осуществленный Д.И.Фельдманом в период безоговорочного предпочтения советской доктриной международного права декларативной теории анализ института признания хотя и базировался на признании того, государство становится субъектом международного права независимо от его признания другими государствами, допускал возможность обращения к «конститутивной тенденции». Ученый предла-

---

² Интересные взгляды высказывалась на проходившем в редакции журнала «Международная жизнь» круглом столе, посвященном проблемам непризнанных государств. См.: Ашавский Б.М., Ананьева Е.В. Проблема признания государств // *Международная жизнь*. Ноябрь 2009. №11. С. 43-68; см. также: Grant Th.D. East Timor. The UN System, and enforcing non-recognition in international law // *Vanderbilt journal of transnational law*. Band. 2000; Pegg S., Курдюков Г.И. Признание и непризнание в практике ООН. Вестник экономики, права и социологии. №5. 2008 С. 67; Игнатенко Г.В. От колониального режима к национальной государственности. М. 1966; Добродровин Н. Непризнанные государства в «серой зоне мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Санкт-Петербург. 2011; Проблема кодификации института признания // *Курс международного права*. Т. 3. М. 1990. С. 107; Oyvind Osterud. The Narrow Gate. Entry to the Club of Sovereign States. *Review of International Studies*. 23(2). 1997; Caspersen N. *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge. 2012; Caspersen N., Gareth S. *Unrecognized States in the International System*. New York. Routledge. 2011. Bahcheli Tozun, Barry Martmann, Srebrnik Henry. *De Facto States: The Question for Sovereignty*. New York. Routledge. 2004.

³ См.: Фельдман Д.И. *Современные теории международно-правового признания*. Казань. КГУ. 1963; см. также: Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. *Новые тенденции развития международного права развития международной правосубъектности*. Казань. 1974; Валеев Р.М. *Институт признания в трудах профессора Д.И.Фельдмана (к 90-летию ученого)*. Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Д.И. Фельдмана. Казань. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 11-12 октября 2012 года. М. 2014.

гал, как способ подтверждения «полной правоспособности и дееспособности новых государств» формулу «коллективного (общего) признания»⁴. Представляется, что есть все основания развить конститутивную теорию признания с учетом возможностей ООН в этой сфере, которая в свое время доказала способность легитимизации «вхождения» в мировое сообщество десятков новых, освободившихся от колониализма наций и народов. Принятые в этот период соответствующие решения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН характеризуются как важный фактор содействия в предотвращении конфликтов, которые могли возникать в ходе реализации принципа права народа на самоопределение. В соответствии с принятой в 1952 года ГА ООН резолюцией 637 (VII) «Право народов и наций на самоопределение» был создан Специальный комитет, на который была возложена обязанность определять степень готовности претендующих на независимость народов самостоятельно осуществлять управление, формы и способы как признания, так и непризнания государств, выявлять случаи незаконности операций по обретению независимости, в особенности тех, которые создают угрозу миру и безопасности. Содействие реализации права на самоопределение выразилось в приеме в члены ООН десятков новых государств.

Несмотря на четко определенную позицию США не допустить участия ООН в антиколониальной деятельности, в решениях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН того периода образовался серьезный пласт норм, касающихся толкования права народов на самоопределение, субъектов реализации этого права, законности или незаконности претензий на создание независимого государства, а также выработки комплекса правил, способствующих становлению государственности в случае реализации права на самоопределение законными способами. Была подчеркнута необходимость соблюдения при этом принципов международного права, в частности особенностей реализации принципа права на самоопределения в случаях, когда речь идет о выделении самопровозглашенных территорий из состава много национальных государств.

---

⁴ См.: Фельдман Д.И. Современные теории международно-правового признания. Казань. КГУ. 1963. С. 58.

Характерно, что в рамках ООН вырабатывалась также практика непризнания государств. В частности, была зафиксирована невозможность признания марионеточных образований, недопустимость установления с сепаратистскими дипломатических и других отношений, определялись правила установления системы санкций против незаконных образований. Критерием международной законности руководствовался Совет Безопасности ООН, принимая резолюции, призывающие государства-члены ООН воздерживаться от признания созданных в нарушение международных принципов. Значительный вклад в разработку правовых аспектов признания новых государств был внесен Международным Судом ООН⁵.

Хотя деятельность ООН в этой сфере долгие годы ограничивалась «антиколониальными» рамками, есть все основания оценивать приобретенный в эпоху борьбы против колониализма опыт ООН как реальный вклад ООН в кодификацию и прогрессивное развитие доктрины международной правосубъектности государств, в частности конститутивной теории признания. Г.И. Курдюков, видный последователь Казанской школы исследований института признания, оценивает принятые главными органами ООН как императивных, так и рекомендательных норм, определяющих основные правила как признания, так и непризнания новых государственных образований как «системную», «целенаправленную» и «институциональную» деятельность, направленную на содействие приобретения международно-правового статуса молодыми государствам, народ которых ранее не имел своей государственности»⁶. Данная

---

⁵ 16 октября 1975 года по просьбе ГА ООН Международный суд в Гааге принял консультативное заключение о признании независимости Республики Западной Сахары, подтвердившее права на осуществление населением Западной Сахары своего права на самоопределение.

⁶ См.: Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Новые тенденции развития международного права развития международной правосубъектности. Казань. 1974; см. также: Курдюков Г.И. Признание и непризнание в практике ООН. // Вестник экономики, права и социологии. 2008. №5. С. 67; Игнатенко Г.В. От колониального режима к национальной государственности. М. 1966.

деятельность ООН достойно оценена и западными юристами-международниками⁷. Как доказательство членства ООН как объективного признания мировым сообществом суверенности государства, по мнению многих исследователей, принятие в ООН бывших республик Советского Союза, а также независимых государств, образовавшихся на территории распавшейся Югославии, нельзя не признать.

Возможность признания данной концепции как одного из способов развития доктрины признания не является бесспорной. Не вызывает сомнения тот факт, что на пути ее реализации бесспорно встанут явно политизированные позиции членом Совета Безопасности в вопросах принятия в ООН новых членов (именно политические факторы стали определяющими при рассмотрении Советом Безопасности в сентябре 2011 года вопроса о приеме в члены ООН Палестины). Сомнения способности ООН выступать в роли того органа, который может определять международную правосубъектность государства вызвало вынесенное 15 июля 2010 года Международным судом ООН консультативного заключения о законности провозглашения в 2008 году независимости Косово от Сербии. Не являющееся юридически обязательным решение Суда не только не изменило статус Косова как «непризнанного государства», но и, как полагают западные юристы-международники, «невнятное заключение» одного из главных органов ООН в очередной раз продемонстрировало «молчание» международного права в отношении признания новых государств и его «неспособность» влиять на их дальнейшую судьбу⁸. В контексте предложений определить в качестве такого органа ООН высказываются опасения, что реализация таким образом конститутивной теории признания, может поставить легитимность нового государства от воли другого, что по сути будет означать нарушение принципа суверенного равенства государств или к «заведомому исключению из международных отношений...

---

⁷ См.: Grant Th.D. East Timor. The UN System, and enforcing non-recognition in international law // *Vanderbilt journal of transnational law*. Band. 2000; см. также: Pegg S. Oyvind Osterud. The Narrow Gate. Entry to the Club of Sovereign States. *Review of International Studies*. 23(2).1997.

⁸ Laurence Broers. P. 468.

государства, не получившие признания»⁹. Следовательно, признание ООН универсальным механизмом реализации конститутивной теории признания, учитывая особую дискуссионность института признания в целом, требует не только выяснения целого ряда достаточно принципиальных теоретических вопросов, возможно, болезненного процесса отказа ряда ученых и политиков от традиционных научных предпочтений, но и большой работы международных нормотворцев и ученых-международников, призванных решить не простые задачи включения ООН в процесс легимитизации статуса «непризнанных государств».

Прежде всего, необходимо выяснить, можно ли квалифицировать акт о приеме нового государства в ООН как признание его суверенным государством? Представляется, что с учетом огромного представительного характера этой универсальной организации (сегодня в ООН входят 193 государства мира), а также принимая во внимание, что решения о приеме в Организацию принимаются, согласно утвержденной в Уставе ООН процедуре (п. 2 ст. 18), большинством в две трети голосов государств-членов ООН, принятое большинством членов мирового сообщества решение о принятии в ООН можно рассматривать как коллективный акт конститутивного характера, подтверждающий признание нового государства суверенным государством.

Уместно напомнить, что вопрос о кодификации института признания еще в 1949 г. был включен в список первоочередных тем Комиссии международного права ООН. Однако каких-либо серьезных результатов по сей день не достигнуто, что справедливо подвергается критике со стороны российских юристов-международников. «На наш взгляд, - пишут А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцев, - если бы тема о признании государств подверглась кодификации, то можно было бы избежать целого ряда современных международных проблем...»¹⁰. Вполне справедливое замечание ученых в полной мере относится и к другим проблемам прогрессивного развития международного права в контексте новых геополитических реальностей.

---

⁹ Там же.

¹⁰ Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. К 60-летию деятельности Комиссии международного права ООН // МЖМП. 2009. №1. С. 35.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Ленарис Харисович Мингазов

*профессор кафедры международного
и европейского права КФУ*

В процессе изучения проблем эффективности действия (реализации, воздействия на поведение субъектов) норм международного права возникают проблемы методологического характера, в частности: какие научные методы (средства, приемы, методики) исследования целесообразно применять для их изучения. Это - одна из сложных и малоизученных проблем в международно-правовой литературе. Суть проблемы состоит в следующем. Механизм действия норм права включает в себя правовой, информационный, социально-психологическое, идеологическое действие (воздействие) на поведение субъектов права. Каждому из указанных механизмов действия права присущи свои способы, средства воздействия на регулируемые отношения. Изучение перечисленных инструментов воздействия норм права на поведение их субъектов требует использования адекватных, отвечающих их природе методов анализа. Далее будут рассмотрены вопросы социально-психологического подхода (метода) к изучению действия и эффективности норм международного права.

Общая характеристика социально-психологического метода исследования. Использование методов социальной психологии имеет теоретическое и практическое значение для изучения проблем, связанных с функционированием международного права, действием международно-правовых норм и их эффективностью. Социально-психологический подход применительно к сфере международного права означает использование методов, приемов, техники исследования, а также теоретических положений, понятий и категорий социальной психологии в целях изучения международно-правовых явлений (международных правоотношений, норм, международного правосознания).

Правомерность использования методов социальной психологии в науке международного права обусловлена рядом обстоятельств. В сфере международных отношений общественно-психологические явления – реально существующий фактор, поскольку они сопровождают все общественные отношения, включая и международно-правовые. Уже из самого характера терминов, при помощи которых описывается состояние международной системы – напряженность, разрядка, безопасность, дух взаимности, доверие и т.п., видно сколь значительное место занимает в ней субъективный, социально-психологический момент.

Одной из центральных категорий социальной психологии является понятие «деятельность». Категория деятельности предполагает, что соответствующие действия, поведение субъектов совершаются преднамеренно, целенаправленно и под воздействием определенной мотивации, социально-психологических установок. Также и в системе международных отношений и международного права поведение его субъектов (прежде всего государств), как и всякая социальная деятельность детерминирована факторами не только объективного, но и субъективного, социально-психологического характера. Разумеется, «приложение» социальной психологии к изучению международного права требует учета его особенностей и главным образом природы и характера его субъектов, поскольку общественно-психологические черты неотделимы от свойств субъектности.

Международное право, в отличие от внутригосударственного права, как известно, имеет дело с субъектами особого рода, прежде всего с государствами. Государству присущи как объективные признаки: упорядоченная структура, внутреннее организационное единство, которое позволяет рассматривать его как органически взаимосвязанное целое, не сводимое к сумме качеств образующих его элементов, так и субъективные: наличие воли к действию, способность наметить цели своей деятельности и т.д., являющихся по своей природе качествами общественно-психологическими. Возникает вопрос, может ли государство рассматриваться в качестве субъекта – носителя социально-психологических качеств? В теории

международных отношений и международного права на этот вопрос дается положительный ответ¹. Государство является социальным субъектом особого рода, оно является сложным (совокупным, коллективным) социальным субъектом. Совокупный социальный субъект, отмечает Н.А. Косолапов, обладает общественной психологией, отличной от психологии входящих в него подсистем, так и от психологии других сопоставимых с ним субъектов. Такие отличия субъекта от несубъекта качества, как самосознание, механизмы целеполагания, разработки программы действий, мобилизации воли на достижение поставленной цели, по природе своей являются качественными психологическими, а не какими-то иными². Вместе с тем государства не предпринимают те или иные действия «сами». Их деятельность в сфере международного права осуществляется через конкретные органы и конкретных людей, обладающих правом выступать от имени государства. Правомерная деятельность этих органов и лиц в рамках международного права означает и правомерную деятельность самого государства. В подтверждение этого вывода можно сослаться на ст.5 Проекта статей об ответственности государств, озаглавленной «Присвоение государству поведение его органов». В ней говорится, что «поведение любого органа государства, имеющего такой статус согласно внутреннему праву этого государства, рассматривается согласно международному праву и при условии, что в данном случае указанный орган действовал в качестве такового, как деяние такого государства».

Вместе с тем нельзя не учитывать и влияние личностного фактора. Действительно, органы государства и лица, его представляющие (руководители государств и внешней политики) выступают прежде всего, как субъекты, опосредующие в своем лице представляемые ими государства. Одновременно они выступают и как самостоятельные личности со своими специфическими психологическими и социально-психологическими качествами, которые необходимо учитывать. Определенный перенос отдельных элементов

---

¹ См.: Грехнев В.С. Социально-психологический фактор в системе общественных отношений (Социально-философские проблемы). М. 1986. С. 108.

² См.: Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. 1984. М. 1983. С. 111.

межличностного общения на общение межгосударственное очевидно³. В современных условиях многие договоры формулируют права и обязанности вполне конкретным государственным органам и должностным лицам. Так, например, ст. 38 Международного Пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что каждый член Комитета по правам человека «...будет осуществлять свои функции беспристрастно и добросовестно». Согласно ст.57 Статута Международного суда ООН, если решение суда в целом или в части, не выражает единогласного мнения судей, «то каждый судья имеет право представить свое особое мнение».

Следует учитывать и то обстоятельство, что в реальной практике адресатами норм международного права нередко выступают и другие субъекты помимо государств. В такого рода договорах указываются конкретные исполнители, на которых возлагается ответственность за реализацию принятых государством обязательств.⁴ Более того, существуют международные договоры, отдельные нормы которых прямо адресованы индивидам и юридическим лицам, выступающие потенциальными носителями прав и обязанностей. Таковыми выступают международные акты по правам человека, которые имеют ярко выраженную личностную ориентацию.

Понятно, что особенности человеческой психологии не могут быть (и никогда не были) определяющими в политической деятельности. Сказанное является справедливым и по отношению к деятельности государств и других субъектов в сфере международных

---

³ И это утверждение не требует особых доказательств. Практика межгосударственного общения руководителей государств подтверждает сказанное. Известны те ожидания позитивных перемен во внешней политике США, которые связывались с личностью президента США Дональда Трампа в период избирательной кампании и после его избрания на должность президента США).

⁴ Примером может служить Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 года, в соответствии с которой ответственность за ядерный ущерб несет исключительно оператор ядерной установки. Оператором ядерной установки является лицо, назначенное государством в качестве оператора этой установки. Причем, оператор освобождается от ответственности, если докажет, что ядерный ущерб причинен непосредственно в результате вооруженного конфликта, военных действий. Гражданской войны или восстания.

отношений и международного права. Однако это обстоятельство нередко игнорируется отдельными учеными, например, в работах Альвареса А., Хайда Ч., Бадевана М., Терре П. и др. В своих исследованиях указанные юристы исходят из той предпосылки, что отдельные лица, а не государство в целом выступают в международном праве носителем социально-психологических черт. Так, например, П. Терре связь индивидуальной психологии с международным правом рассматривают главным образом через призму индивидуальных особенностей лиц, выступающих от имени государства. Эффективность действия международного права, пишет автор, зависит от психологических реакций органов государства и конкретных лиц, занятых в государственном аппарате⁵. Конечно, с подобным подходом к проблеме соотношения социальной психологии и международного права согласиться нельзя. Автором не принимается во внимание то обстоятельство, что в международно-правовой сфере превалирует рациональный компонент. Возможности воздействия права на субъективную сторону поведения его субъектов несколько ограничены по сравнению с действием права на поведение субъектов внутреннего права. В то же время было бы неверным полностью отрицать значение отдельных лиц и групп, выступающих от имени государства и той роли, которую они играют в международной жизни. Подтверждением этому может служить статья 57 Статута Международного суда ООН, в которой подчеркивается роль индивидуального мнения судьи: «Если решение, в целом или в части, не выражает единогласного мнения судей, то каждый судья имеет право представить свое особое мнение»⁶. Таким образом, здесь, как и в других областях необходим конкретно-исторический подход к оценке роли личности в общественных процессах.

Основная задача международного права - содействовать нормальному функционированию международной системы. Эту задачу оно выполняет не только путем правового регулирования, управления, организации международных отношений, но и путем содействия созданию в мире здорового политико-психологического кли-

---

⁵ См.: Therre P. la psychologie individuelle et collective dans L'efficacite des droit international. P. 1946. P. 13.

⁶ См.: Устав Организации Объединенных Наций 1945 года.

мата. Представляется возможным говорить о выполнении международного права наряду с другими также и социально-психологической функции. И это оправдано, т.к. международное право является продуктом социальной деятельности субъектов международных отношений, выражает их потребности, волю и интересы, социально-психологические установки.

От общей характеристики роли социально-психологического явления в системе международного права, перейдем к рассмотрению того, какое место оно занимает в механизме международно-правового регулирования, в частности, в процессах международного правотворчества и правореализации.

Общественно-психологические явления в процессе создания норм международного права. С социально-психологической точки зрения отношения государств в сфере международных отношений представляют собой специфическую форму международного общения, в которой выделяют такие формы взаимодействия государств, как отношения господства и подчинения, отношения сотрудничества и взаимопомощи и др. Одной из главных задач современного международного права является развитие и закрепление полезных, дружественных, взаимовыгодных форм межгосударственного общения, важную роль в котором играют принципы современного международного права. Последние ориентируют весь механизм международно-правового регулирования на создание благоприятных условий для нормального общения, развития и сотрудничества государств.

В социальной психологии основными параметрами процесса общения являются психический контакт между субъектами, реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг друга (перцептивный аспект); обмен информацией (коммуникационный аспект); взаимодействие и взаимовлияние друг на друга (интеракционный аспект). Научная значимость исследования международного права через призму указанных аспектов не вызывает сомнений. Здесь нет возможности рассматривать перечисленные параметры общения. В качестве примера отметим такую сторону общения, как перцептивная, представляющую весьма существенной в частности, в практике дипломатии и ведения переговоров с целью заключения международных соглашений. На ход и результаты дипломатических перегово-

воров по выработке и принятию международно-правового акта (соглашения) накладывают определенный отпечаток такие общественно - психологические явления, как атмосфера взаимопонимания и доверия, интересы, мотивы, международно-правовое сознание, мировое общественное мнение, убеждения, стереотипы и т.д. В ходе этих встреч и переговоров происходит взаимное восприятие участниками друг друга, обмен информацией между ними, взаимодействие и взаимовлияние. Шансы на успех увеличивается, когда возникает обстановка благожелательности и доверия. И, наоборот, предубежденность, подозрительность, нежелание знать действительную позицию других участников переговоров, обман, камуфляж истинных намерений участников переговоров – все эти приемы, которые на практике демонстрирует нередко дипломатия некоторых стран, препятствовали выработке соглашений, отвечающих интересам всех его сторон.

Значение социальной психологии состоит здесь в том, что она может способствовать созданию атмосферы доверия между сторонами, ведущими переговоры, помочь в правильной оценке позиций сторон, ценностей, ожиданий, целей участвующих в переговорах государств. Принятые в ходе конференции документы, содержащиеся в них обязательства, нормы международного права, представляют собой закрепленные в особом порядке ожидания, которые разделяются и признаются законными в определенной сфере международных отношений.

Действенность нормы международного права зависит также от значимости той проблемы, которая является объектом правового регулирования. С социально-психологической точки зрения представляет интерес прежде всего субъективная значимость регулируемых нормой права общественных отношений. В современном мире имеется целый ряд проблем, представляющих объективную значимость для большинства государств мира: проблемы сохранение мира, разоружение, экологическая и другие глобальные проблемы. В субъективном плане их значимость в силу различных причин неодинакова для различных государств. Не будет ошибкой утверждать, что с точки зрения эффективности международного права недостаточно, чтобы предмет международно-правового регулирования представлял только объективную значимость. Необходи-

димо также, чтобы государства осознавали его (предмет регулирования) в качестве собственного интереса, цели и выразили готовность и волю закрепить его в норме международного права и действовать в соответствии с этой нормой⁷.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о значимости социально-психологического фактора, который выступает одним из условий успешности процесса международного правотворчества. Проведение специального социально-психологического исследования может позволить более точно определить характер и направление влияния этого фактора на процесс международного правотворчества.

Общественно-психологические явления (факторы) в механизме социального действия (реализации) норм международного права.

При изучении вопроса о роли социально-психологических явлений (факторов) в соблюдении государствами международных обязательств, содержащихся в нормах права, необходимо учитывать два аспекта проблемы: в одном случае социально-психологическое действие норм права рассматривается в контексте социального механизма международно-правового регулирования как часть этого механизма.

Во втором случае социально-психологические явления выступают в качестве внешних условий, т.е. факторов внешних по отношению к механизму международно-правового регулирования и оказывающих то или иное воздействие на соблюдение государствами международных обязательств

С точки зрения средств, путей воздействия права на соответствующие отношения механизм действия норм права, как известно, включает в себя правовой, информационный, социально-психологическое, идеологическое действие (воздействие) на поведение субъектов права. Каждому из указанных механизмов действия права присущи свои способы, средства воздействия на регулируемые отношения. Причем, правовое воздействие является главным в системе правового регулирования общественных отношений. Тогда

---

⁷ См.: Методология исследования теоретических проблем международного права. Казань. 1986. С. 93.

как информационный, социально-психологический и идеологический механизмы действия норм права играют служебную роль по отношению к механизму международно-правового регулирования. Информационная и социально-психологические системы, отмечается в литературе⁸, являются системами, раскрывающие условия, в которых действует юридический механизм.

Социально-психологический механизм действия норм права является частью единого социального механизма международно-правового регулирования. В содержание этого механизма (социально-психологического) входят: отношение субъектов к международному праву, оценка международного права как социально-полезного инструмента регулирования международных отношений, представления субъектов международного права о своих правах и обязанностях (соотношение этих прав как со своими потребностями, интересами и целями, так и с потребностями, интересами, целями других субъектов права), оценка действий как своих, так и других субъектов с точки зрения мотивов их совершения, правомерности (или неправомерности), и с точки зрения идеального, желаемого поведения. Можно предположить, что международное право влияет на правомерную деятельность государства через его интересы, поскольку одна из функций социальной психологии состоит в том, чтобы обосновать и обеспечивать интересы.

Сегодня новым в осуществлении норм международного права является тенденция к росту роли в этом процессе национальных и международных судов, а также других органов государства (министерств и ведомств), что объясняется расширением международного сотрудничества в специальных областях и активизацией его международно-правового регулирования. Несомненно, правосознание всех этих субъектов играет определенную роль в механизме правореализации. Так, в процессе толкования и применения международного права в Международном суде ООН роль индивидуального правосознания судей оказывается весьма существенной. Как показывает опыт этого судебного органа, его члены – судьи, пред-

---

⁸ См.: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М. 1980. С. 125.

ставляя различные правовые системы, являются носителями соответствующей юридической идеологии и психологии, они выносят решение, опираясь на собственное видение права.

Основными элементами механизма социального действия международного права являются: норма права, международно-правовое сознание, реализация права (правомерное или отклоняющееся поведение субъектов).

Начальным звеном механизма действия права является сама норма международного права. Норма международного права – это не только социально-правовой, но и социально-психологическое явление. В теории права отмечают, что нормы права в социально-психологическом смысле выступают средством стимулирования мотивов, обеспечивающих правомерный характер действий субъектов, организации волевого действия, индивидуальных волевых процессов, лежащих в основе правомерного поведения: обеспечения образования у субъектов права «идеальных побудительных сил»: воздействия на установки субъектов: оценки субъективных причин совершения правового акта и т.д. Нормы и принципы международного права воплощают в себе определенную положительную или отрицательную (морально-психологическую) оценку действий субъектов международного права. К примеру, отношение государств к международным обязательствам – их соблюдение или, наоборот, игнорирование – вызывают реакцию и социально-психологического характера. Так, грубое нарушение государством международного права, как правило, вызывает отрицательную реакцию в форме осуждения, неодобрения со стороны других участников международного общения. Оно ведет к обострению международной обстановки и чревато конфликтами. С другой стороны, добросовестное выполнение государствами международных обязательств ведет к накоплению значительных социальных и юридических ценностей, вызывает положительную социально-психологическую реакцию в форме одобрения, положительной оценки, чувства морального удовлетворения и т.д.

В механизме международно-правового регулирования международного права, его нормы и принципы оказывает мотивирующее воздействие, изучение которого требует привлечения методов социальной психологии. Мотивирующее действие международно-правовой нормы зависит прежде всего от ее социальной ценности,

которая определяется в конечном счете ее соответствием объективным закономерностям и потребностям развития международных отношений.

Мотивирующее действие нормы международного права связано также с ее функциями и юридическими свойствами (императивность, формальная определенность, принудительность). Нормы международного права способны вносить организованность и стабильность в отношениях между государствами. А это одна из предпосылок укрепления доверия, определенности, предсказуемости взаимных действий государств на международной арене. Но если нормы международного права способны содействовать стабильности, доверию и т.д., то они могут, очевидно, служить одним из побудительных мотивов соблюдения государствами своих международных обязательств. Следует заметить, что с развитием и усложнением международных отношений, значение факторов стабильности, доверия, определенности во взаимоотношениях государств постоянно растет. Одной из актуальных задач в современных международных отношениях является, как известно, укрепление доверия между государствами в политической, военной, экономической и других областях международной жизни.

Ученые, в частности западные юристы и социологи, уделяют много внимания изучению причин и мотивов соблюдения государствами международных обязательств. Среди факторов соблюдения международного права они отмечают и такие, которые имеют социально-психологическую природу: страх перед возможным применением санкций; надежда на вознаграждение; комфортность; инерция и привычка к соблюдению норм международного права; степень важности, которую государство придает международному соглашению; неблагоприятная реакция со стороны других государств в случае нарушения международного обязательства и т.д. В качестве иллюстрации приведем мнения ряда авторов. Так, Генов И. указывает на две группы причин, по которым государства поступают сообразно с правом. Первая связана с действием таких факторов, как привычки, традиции, обычаи. Вторая имеет социально-психологическую природу. К ним автор относит принудительную силу права и страх перед возмездием, которое может наступить в случае

совершения противоправного поведения⁹. По мнению Д. Триски, состояние неопределенности, тревоги, ощущение угрозы, которые возникают в отношениях между государствами, заставляют их искать пути к поиску соглашения. Достигнутое соглашение устанавливает новую основу отношений между государствами, продолжительность которых зависит от величины удовлетворения и награды, которые оно дает.¹⁰ Поскольку согласие государств действовать в соответствии с правом вытекает из их намерения или расчета, пишет австрийский ученый Х. Балл, то оно является результатом трех видов мотивов: 1. Соблюдение международного права рассматривается государством как социально-ценное поведение и соответствующее праву; 2. Оно может быть следствием возможности применения принуждения, чтобы заставить государство действовать в соответствии с международно-правовой нормой; 3. Действие в соответствии с нормой международного права может быть основано на взаимных интересах (чувстве взаимного интереса) государств¹¹.

В социально-психологическом исследовании американского социолога Д.Г. Пруитта приводится ряд факторов, которые, по мнению автора, влияют на позицию государства в процессе создания и реализации ими международных соглашений: взаимозависимость государств, уступчивость в переговорах, готовность государства взять на себя международное обязательство, важность принятого обязательства и т.д.¹²

Можно сослаться и на работы других авторов. В целом же им характерен несколько абстрактный подход к анализу причин (факторов) соблюдения государствами международных обязательств. Так, выбранные американским социологом Д.Г. Пруиттом и используемые им в процессе исследования переменные факторы играют,

---

⁹ См.: Генов И. Осъществяването на международно правните норм // Международни отношения. Кн. 5. София. 1984. С. 100-102.

¹⁰ См.: Triska J.F. Different perception of agreements and disagreements // American Society of International law. Proceedings. 58-th annual meeting. April. 1984. Wash. 1964. PP. 64-65.

¹¹ См.: Bull H. The anarchical society: A study of order in the world politics. N.Y. 1977. P. 139.

¹² См.: Dean G.P. Foreign policy decision. Threats and compliance to international law. // American Journal of International law. 58th Ann. Meeting. Apr. 1964. Washington. P. 56.

вероятно, определенную роль. Однако значение этих факторов, характер их воздействия нельзя определить исходя из анализа только самих этих факторов. Социальная и политическая природа государства, принципы и цели внешней и внутренней политики – основные детерминанты, определяющие отношение государства к международному праву.

Отношение государств к международно-правовым нормам может, вероятно, зависеть и от таких свойств нормы права, как принудительность, связанная с возможностью применения санкций к нарушителю, а также от способов формулирования обязательств и других особенностей нормы права, требующих специального исследования. Особого внимания требует вопрос о влиянии принуждения и санкций на правомерное поведение государств. Международно-правовые санкции выступают важным стимулом правомерного поведения государств и других субъектов, поскольку усиливают мотивирующую и ориентирующую функции права. Нельзя недооценивать также значение обще социальных мер принуждения. Государство, нарушающее международные обязательства, рискует потерять преимущества, вытекающие из участия в международном общении. По мере углубления взаимозависимости государств преимущества от нарушения международного права все реже могут превышать отрицательные последствия его неисполнения. Наиболее общая санкция состоит сегодня в том, что правонарушитель лишается возможности пользоваться преимуществами, вытекающими из нарушенной им нормы или даже из целого нормативного комплекса, элементом которого эта норма является¹³.

В заключение отметим, что выявление и изучение всей совокупности факторов, а также, в частности, мотивов, определяющих правовое поведение государств в изучаемой области правового регулирования, путей усиления воздействия на это поведение благоприятных и устранение влияния неблагоприятных факторов – задача не только юристов – международников, но и социологов, политологов и специалистов в других областях, например, в области социальной психологии. Скажем, случаи нарушений норм между-

---

¹³ См.: Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права. Теоретические проблемы. Казань. 1999. С. 286.

народного гуманитарного права – не столь редкое явление в практике межгосударственных отношений (также и во внутригосударственных конфликтах международного характера), поскольку к этому побуждают психологическая обстановка военного времени. Юристы не смогут без привлечения специалиста в области социальной психологии компетентно решить вопрос о том, каким образом нейтрализовать или свести к минимуму действие указанных неблагоприятных факторов.

Здесь нами затронут лишь небольшой круг вопросов, связанных с действием социально-психологических явлений (факторов) в системе международного права. Для более глубокого понимания их действия необходимо исследовать помимо норм международного права также и другие элементы механизма международно-правового регулирования, такие, как международные правоотношения, правосознание. Все эти вопросы могут быть предметом социально-психологического, социологического анализа с применением конкретных методик и процедур, разработанных этими дисциплинами. Важно подчеркнуть, что значение тех или иных социально-психологических явлений не может быть понято само по себе, вне конкретно - исторического подхода. И это понятно – воздействие социально-психологических явлений не является одинаковым для разных государств. И даже для одного и того же государства конкретный социально-психологический фактор может иметь неодинаковое значение в различные периоды времени.

И завершая анализ поставленных в данной работе проблем, заметим - давая характеристику социально-психологическому методу применительно к международному праву, необходимо видеть его реальные возможности и не преувеличивать их. Социально-психологическое значение международного права не является самодовлеющим. Оно вытекает из закономерностей развития международных отношений и социально-политической природы его основных субъектов –государств.

К ВОПРОСУ О ДЕЛИМИТАЦИИ КАСПИЯ В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Эдуард Юрьевич Миронов

*студент 3 курса юридического института РУДН
mr.mironov2001@yandex.ru*

Распад СССР и появление новых прикаспийских стран-претендентов побудили юристов-международников разрабатывать новые теории для обоснования притязаний своего государства на экономический потенциал Каспийского моря. В настоящей работе проводится критический анализ утверждений ряда зарубежных и отечественных авторов по обозначенной проблематике. Исходя из научной целесообразности, считаем необходимым остановиться на вопросе о применимости принципа *uti possidetis juris* при определении правового статуса Каспия и различиях в толковании данного принципа в России и Азербайджане.

Как вытекает из международной практики, значение принципа *uti possidetis juris* следующее: новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи колониями или зависимыми территориями, в том числе административными единицами в составе других государств. Согласно правилу, старая административная граница, ранее существовавшая в пределах территории вновь образованного независимого государства, становится международной границей. По мнению Яна Броунли, «После того, как перестала существовать общая суверенная власть, потребовалось достигнуть согласия относительно общего принципа демаркации, поскольку все стремились избежать обращения к силе. Был принят соответствующий колониальному периоду принцип *uti possidetis*, т.е. принцип предусматривающий сохранение демаркации, существовавшей при

колониальном режиме, применительно к каждой колониальной единице, ставшей государством»¹.

Официальная позиция России по проблеме разграничения Каспия на конец 1990-х была вполне объяснима: правовой режим владения следует из понимания Каспия как озера², что находит свое отражение в советско-иранских соглашениях 1921 и 1940 гг.³ Более того, позицию можно усилить иными юридическими предпосылками: молчаливое согласие Ирана на статус региона, наличие положений советских Конституций, которые относят определение государственной границы в предмет ведения СССР в лице его высших органов⁴. Безусловно, советско-иранская граница в Каспийском море является государственной границей СССР, а не административной границей Азербайджанской ССР. Более того, Конституции СССР предусматривали право сепарации, как возможность выражения национального протеста (Ст. 72 Конституции СССР 1977 г.), что в совокупности с предыдущими доводами идет в разрез официальной позиции новых прикаспийских государств.

Между тем, позиция ряда Азербайджанских ученых состоит в следующем: международно-правовая конъюнктура в прикаспийском регионе кардинально изменилась после распада СССР, и Азербайджан, в числе прочих, имеет право на владение соответствующими территориями. В основе подобных суждений лежит принцип преемственности территорий и границ после распада государства

---

¹ См.: Броунли Я. Международное право. В двух книгах. Principles of public international law // Пер. с англ. С. Н. Андрианова. Под ред. Г.И. Тункина. Книга первая. М. 1977. 213с.

² Ряд зарубежных авторов также рассматривают Каспий как озеро. (См, например: Gidel G. Le droit international public de la mer. t.1. chateauroux: etablissements mellottue. 1932).

³ См.: Васильева О.А. Советско-иранский договор 1921 года // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. №16 (187). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-iranskiy-dogovor-1921-goda>. Дата обращения: 28.02.2017 года.

⁴ См.: Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 года (с изменениями и дополнениями), ст. 73, (прекратила действие) // URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/1549448/chapter/8/#block_800. Дата обращения: 28.02.2017 года.

предшественника, т.н. *uti possidetis, ita possideatis* (с лат. «поскольку владеете» или «чем владеете, тем и владейте»). Так, Фуад Гумбатов заявляет о колониальной экспансии СССР в отношении Азербайджана в 1922 году и праве последнего претендовать на прибрежные воды и шельф, которые до насильственного присоединения составляли территорию независимого азербайджанского государства⁵. Следовательно, признание договора о создании СССР ничтожным возвращает к ситуации, которая существовала на момент захвата Закавказской ССР.

На наш взгляд, признание Азербайджана колонией СССР не соответствует правовой действительности, в силу чего апеллировать к данному аргументу по меньшей мере нелогично. Стоит обратить внимание, что административные границы между союзными республиками ныне соответствуют государственным границам, в частности, между РФ и Азербайджаном. Между тем, статус государственной границы обговаривался в Конституции СССР отдельно, поэтому в ответ на довод об установлении административных секторальных границ на Каспии Министерством нефтяной промышленности СССР в 1970 году, можно заявить о сугубо отраслевом характере этого решения.

Ряд исследователей квалифицируют Каспий как море⁶ и рассматривают возможность применения положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 года⁷, что в корне меняет баланс интересов, поскольку право пяти прикаспийских государств может оспариваться третьими странами. (См., например, ст. 77 Конвенции «Права прибрежного государства на континентальный шельф»).

Позиция РФ изменилась на настоящий момент в силу сложившейся практики заключения двухсторонних соглашений, но во-

---

⁵ См.: Гумбатов Ф. К вопросу о применимости принципа *uti possidetis juris* в разграничении Каспийского моря между прибрежными государствами. // Азия и Кавказ. 2009. №6 (66). С. 156-163.

⁶ См.: Franckh E. Maritime Delimitation in the Caspian sea: Legal issues// China Oceans Law Review, 2006. No 1. P. 2.

⁷ См.: Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 года (с изм. от 23.07.1994 года). // Бюллетень международных договоров. 1998. N 1. С. 3-168.

просы разграничения поверхностных вод и ответственности за экологическое состояние Каспия по-прежнему актуальны. Со стороны научного сообщества поступают предложения о необходимости принятия Конвенции о юридическом статусе Каспия. В сложившейся ситуации для всех прикаспийских государств приемлем тот факт, что РФ, обладая статусом государства-продолжателя СССР, настаивает на дипломатических и правовых способах урегулирования, в том числе в рамках прикаспийских саммитов глав государств.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ РАЗВИТИЮ

Николай Андреевич Молчанов

*доктор военных наук, профессор кафедры интеграционного
и европейского права Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина*

В последние годы российские и зарубежные ученые, опираясь на философские, социологические и политологические концепции мыслителей XVII-XX века (Б. Спинозы, Ф. Гегеля, Н. Бердяева, Л. Гумилева и др.), существенно расширили научное понимание международной безопасности, как одного из важнейших политико-социальных явлений современности. Значительный вклад в развитие теории международной безопасности внесли, в частности, такие современные ученые-политологи А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов и А.Ф. Кокошин.

Под международной безопасностью понимается состояние международных отношений, при которых гарантируется поддержание мира в отношениях между государствами в пределах определенного политического пространства. Международная безопасность – это миропорядок, в котором созданы благоприятные международные условия для свободного развития государств и иных субъектов международного права¹.

Основной целью ООН, провозглашенной в Уставе данной международной организации, обладающей совершенно особым статусом на международной арене, является «поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные

---

¹ См.: Международное публичное право. Учебник. // Отв. ред. К. А. Бекяшев. 4-е изд., перераб. и доп. М. 2005. С. 390.

коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира»².

Международная безопасность рассматривается в современной науке или в широком смысле, включая в себя комплекс политических, экономических, гуманитарных, информационных, экологических и иных аспектов безопасности, или в узком смысле, включая в себя только её военно-политические аспекты. Следует отметить, что всё большее число российских научных школ отдаляются от узкого понимания международной безопасности, признавая необходимость комплексного, многоаспектного понимания международной безопасности, учитывающего и военные, и невоенные факторы – экономические, социальные, демографические, экологические, культурные, информационные и иные вызовы современного мира. Причем, такое «всеохватывающее» понимание международной безопасности находит выражение не только в научных трудах ученых, но и в некоторых правовых актах, к примеру, в Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»³, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (и 2009, и 2015 гг.)⁴.

Широкое понимание права международной безопасности отражено и во многих официальных документах межгосударственных объединений на европейском пространстве. Так, принятый в июне 2000 г. План действий в рамках «Северного измерения» общей внешней и оборонной политики Европейского союза называет следующие приоритеты: экология; ядерная безопасность; энергетическая безопасность; необходимость развития человеческих и научных ресурсов; здравоохранение и уровень жизни; препятствия на пути торговли и инвестиций; организованная преступность.

---

² См.: Устав Организации Объединенных Наций от 26.06.1945 года. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XII. М. 1956. С. 14-47.

³ См.: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 2.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2444; см. также: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.01.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

Однако в имеющейся научной и учебной литературе по-прежнему сохраняется разногласия в понятийно-категориальном аппарате теории права международной безопасности.

Несомненно, что любое социально-политическое явление обеспечивается правовым сопровождением. Так и международная безопасность имеет свою правовую базу в системе международного права через право международной безопасности, которое выполняет функции правового регулятора в происходящих международных событиях.

Право международной безопасности довольно основательно рассматривается в трудах современных правоведов-международников, в учебных пособиях и учебниках по международному праву, которых в настоящее время имеется более восьмидесяти. Профессор И.И. Лукашук определяет право международной безопасности как «отрасль международного права, принципы и нормы которой регулируют взаимодействие субъектов этого права в целях обеспечения мира и безопасности»⁵. По мнению отдельных ученых право международной безопасности может быть рассмотрено в качестве подсистемой в рамках целостной, единой системы международного права⁶. По утверждению профессора П.Н. Бирюкова ядро отрасли «право международной безопасности» составляют основные принципы международного права⁷. В настоящее время имеются различные подходы к определению права международной безопасности, которые верны по своей сути, но пока не дают его общего согласованного понятия.

Представляется, что современная теория права международной безопасности должна развиваться на основе постулатов, обосновывающих состоятельность и необходимость интегративного научного видения права международной безопасности как системы принципов и норм, регулирующих международные отношения (и

---

⁵ См.: Лукашук И.И. Международное право. Учебник. Особенная часть. М. 2010. С. 282.

⁶ См.: Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. Учебник. М. 2004.

⁷ См.: Бирюков П.Н. Международное право. Учебник. М. 2011. С. 443.

политические, и военные, и экономические, и гуманитарные, и многие другие) в целях обеспечения мира и международной безопасности.

Основу права международной безопасности составляют общепризнанные принципы современного международного права, в том числе: неприменение силы или угрозы силой, нерушимость государственных границ, территориальная целостность государств, мирное разрешение споров, невмешательство во внутренние дела государств.

Помимо общепризнанных принципов международного права право международной безопасности как самостоятельная отрасль международного права имеет и свои специальные принципы. Так, отраслевой принцип неделимости международной безопасности означает, что в XXI веке мир, как никогда ранее, неделим. Уровень развития современных информационных технологий и транспортная система мира, несомненно, сближает государства, усиливая их взаимозависимость. Процессы глобализации способны вызывать не только положительный, но и негативный эффект – природные катаклизмы, вооруженные конфликты или акты международного терроризма, происходящие в одной части мира неминуемо повлияют на безопасность других его частей. Сегодня государства понимают всю важность решения задачи совершенствования универсальной системы международной безопасности, основы которой определены положениями Устава ООН.

Специальный принцип ненанесения ущерба безопасности других государств предполагает проведение такой внешней политики государством, которая в максимальной степени учитывает безопасность не только своего государства, но и всего мирового сообщества. Несомненно, обеспечение национальной безопасности государства – главная задача государства, от успеха решения которой зависит жизнь отдельной личности и общества в целом. В то же время каждое государство при реализации своей внешней политики, установлении и развитии военно-политических связей с другими государствами должно учитывать все аспекты обеспечения безопасности, как своих союзников, так и всего международного сообщества.

В праве международной безопасности на протяжении многих лет обосновывался принцип равной и одинаковой безопасности, который по своей сути во многом развивает и конкретизирует предыдущий принцип - ненападения на безопасность других государств.

Установленные международным правом средства обеспечения международной безопасности, как правило, разделяют, исходя из различных критериев: по содержанию (мирные средства и принудительные меры); по роли в обеспечении международной безопасности; по сфере применения (в пределах территории одного государства, в пределах региона, в масштабах всего мира).

В числе международно-правовых средств обеспечения международной безопасности называются и системы коллективной безопасности (универсальная и региональные), и меры по предотвращению гонки вооружений и разоружению, и меры доверия.

В обобщенном виде все средства обеспечения международной безопасности подразделяют на средства укрепления мира (разоружение, меры доверия, создание безъядерных зон), средства поддержания мира и средства восстановления мира (мирные разрешения конфликтов и споров, миротворческие операции по поддержанию мира).

Арсенал конкретных средств обеспечения международной безопасности, используемых европейскими странами, на сегодня включает следующие: коллективная безопасность (всеобщая и региональная), разоружение; мирные средства разрешения споров; меры по ослаблению международной напряженности и прекращению гонки вооружений; меры по предотвращению ядерной войны; нейтралитет; меры по пресечению актов агрессии, нарушения мира и угрозы миру; самооборона; действия международных организаций, нейтрализация и демилитаризация отдельных территорий, ликвидация иностранных военных баз, создание зон мира в различных регионах земного шара; меры по укреплению доверия между государствами и другие.

Источниками права международной безопасности являются международный договор, международный обычай, обязательные решения международных организаций, прежде всего Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Важнейшими источниками права международной безопасности, имеющие широкое распространение, являются универсальные договоры (Устав ООН, соглашения в области разоружения), региональные договоры (уставы региональных организаций безопасности, соглашения в области разоружения, установления мер доверия и создания безъядерных зон) и двусторонние соглашения (о мире и дружбе, о разоружении и др.).

Составными частями права международной безопасности являются всеобщая безопасность, региональная безопасность, разоружение и меры доверия.

Принятые в рамках ООН резолюции Генеральной Ассамблеи, содержащие принципиально новые правовые положения и конкретизирующие предписания Устава ООН, также справедливо отнести к источникам права международной безопасности. Например, «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия» (1972г.) или «Определение агрессии» (1974г.).

Особое место в комплексе источников права международной безопасности занимают взаимосвязанные международные договоры, создающие основы обеспечения мира. Такие договоры условно можно разделить на несколько групп: договоры, сдерживающие гонку ядерных вооружений в пространственном отношении; договоры, ограничивающие наращивание вооружений в количественном и качественном отношении; договоры, запрещающие производство определенных видов оружия и предписывающие их уничтожение; и договоры, рассчитанные на предотвращение случайного (несанкционированного) возникновения войны.

Значимое место среди источников права международной безопасности занимают документы Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Являясь документами в большей степени политико-правового значения, данные акты, тем не менее, обеспечивают международную безопасность.

Таким образом, следует поставить вопрос о развитии теории права международной безопасности на основе новейших научных и методологических подходов, учитывающих динамику развития международных отношений, а также современные вызовы и угрозы безопасности человечества. Анализ имеющихся научных трудов и учебных изданий, посвященных данной проблематике, показывает,

что до настоящего времени структура системы права международной безопасности, как отрасли международного права, носит в большей степени описательно-тематический характер. Однако очевидна объективная потребность в научной разработке данной научной правовой категории, в исследовании права международной безопасности как упорядоченной и структурированной совокупности определенных правовых институтов и иных элементов, характеризующей устойчивостью многообразных связей между входящими в их содержание юридическими нормами права международной безопасности. Весьма важным и требующим комплексного исследования является вопрос о системном взаимодействии права международной безопасности с такими отраслями международного права, как право международных организаций, право разрешения международных споров, международное процессуальное право – с учетом специфики правового обеспечения национальной безопасности государств как субъектов международного права.

Представляется, что исследование различных категорий, явлений и процессов, охватываемых правом международной безопасности в целом, является актуальной и сложной задачей и науки, и практики, решение которой во многом зависит от своевременных, результативных и качественных изысканий, ведущих отечественных научно-исследовательских институтов, научных центров, выполняющих в том числе образовательную функцию. Разрабатываемая единая непротиворечивая теория права международной безопасности должна получить отражение в учебном процессе при достаточном методическом обеспечении, что, свою очередь, требует подготовку рабочих программ соответствующих специальных дисциплин и издание профильной учебной литературы.

ИСЛАМСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Юрий Алексеевич Оленев-Сигачев

*студент Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)*

В мусульманской правовой семье существует комплекс религиозно-правовых норм, регулирующих вопросы международных отношений, которые предписывают, как главе государства, так и обычным гражданам (подданным), определенные модели поведения в различных ситуациях, в политической сфере, в сфере отношений с иностранными частными лицами и т.д. Комплекс данных норм в мусульманском праве называется «Сиар».

Доподлинно не известно кто именно ввел данный термин в широкое употребление, однако существует две доминирующие точки зрения: одна из них связана с суннитским восприятием ислама, другая с шиитским.

Известными мусульманскими правоведами, имеющих прямое отношение к данным сводом правил, являются: имам Аль-Шаби, имам Абу Ханифа, имам Абу Юсуф, имам Ибн Аль-Хасан Аш-Шайбани, имам Суфьян Аль-Саври, имам Зейд Ибн Али, и многие другие.¹

Имам Аль-Шаби был крупным специалистом из Куфы и был послан халифом Омейядов в Рим в качестве посла. Он хорошо разбирался в истории походов пророка Мухаммеда. По данным Хатиба Аль-Багдади, Абдуллах Ибн Умар услышал рассказ Имама Аль-Шаби об этих походах и был настолько впечатлен, что он заметил: «А что, если он принимал участие с нами в этих кампаниях». Исходя из этого можно сделать вывод, что Аль-Шаби был очень хорош в описании кампаний времен Мухаммеда и его сподвижников. Хотя историки описывали его опыт в сиаре, лишь как знание о походах

---

¹ См.: Muslim International Law By Muhammad ibn al Hasan al-Shaybani

Мухаммеда и о его действиях в ходе этих компаний, без указания о создании им какого-либо источника из области сиара.²

Имам Абу Ханифа – мусульманский правовед, мнение которого является относительно авторитетным при толковании сиара. По данным исследований он был первым факихом, который использовал термин сиар для обозначения свода правил, регулирующих отношения между мусульманским государством и немусульманскими государствами во время войны и мира.³ Самая ранняя книга под названием «Китаб Аль-Сияр» была написана Абу Ханифой, которая, в свою очередь, преподавалась им его ученикам, некоторые из этих учеников редактировали ее и дополнили. Эти лекции были в некоторых случаях отнесены к авторству учеников, а не Абу Ханифа. Например, «Аль-Сияр Хасана Ибн Зияда», «Китаб Аль-Сияр Ибрахим Аль-Фазари», «Китаб ас-Сиар аль-Сагир» авторства Мухаммада аш-Шайбани.

Что касается последнего указанного ученика Абу-Ханифы и его труда, то на этом следует остановиться подробнее, поскольку, указанная выше книга содержит в себе важные, отчасти теоретически кодифицированные, нормы относящиеся к международному праву, в частности, нормы, связанные с наставлениями Мухаммеда, посвященными правилам ведения войны и международным отношениям, подробно рассматриваются вопросы заключения мира, перемирия, отдельно регламентируется право контрибуций, а так же другие нормы, которые будут подробнее рассмотрены ниже.

В труде «Китаб ас-Сиар аль-Сагир» Шайбани описал правила ведения войны и правила международных отношений следующим образом: воевать разрешается только с не мусульманами, в частности отмечается, что речь идет о «многобожниках», т.е. язычниках.⁴ Не разрешается злоупотреблять положением победителя, в случае победы, так же, устанавливается строгий запрет на совершение предательства и на убийства детей. Подробно описан вопрос поведения победителя мусульманина к побежденным не мусульманам, таким

---

² Там же.

³ См.: Kruse H. The foundation of Islamic international jurisprudence. // Journal of the Pakistan Historical Society. III, Oct. 1955. P. 237.

⁴ См. Muhammad Ibn al-Hassan al-Shaybani. The Shorter Book of Muslim International Law. Islamic Research Institute. Islamabad. 1998.

образом «Китаб ас-Сиар аль-Сагир» предписывает победителю предложить побежденным язычникам принять ислам, если они принимают ислам, то совершать какие-либо враждебные действия против них строго воспрещалось. Наряду с этим, победитель должен им предложить переехать и покинуть свою территорию. В случае, если они этого не сделают, на проигравшую, подчиненную сторону ложились все обязанности, необходимые для мусульман, а так же они лишались возможной доли в трофеях, добытых в ходе кампании. Однако, если проигравшая сторона отказывается принять ислам, она могла заплатить специальный налог под названием джизиах, что гарантировало им неприкосновенность по религиозному признаку.⁵

Правила ведения войны предписывают не сразу принимать капитуляцию сдающейся стороны, предостерегая от попадания в ловушку «тroyанского коня». Указанные правила рекомендуют не давать никаких гарантий проигрывающей стороне, в обмен на их капитуляцию.⁶

Правила, так же, подробно регулируют вещные отношения, относительно трофеев в период военных действий, а именно: сообщается, что если кто то из солдат или полководцев утратил вещь в ходе военных действий, а затем обнаружил ее в завоеванных трофеях, то он обязан ее выкупить, если же он нашел ее раньше, до начала раздела трофеев, то он может забрать ее без выкупа. Так же, рабы, женщины и несовершеннолетние дети не имеют права на долю в трофеях. В свою очередь, непосредственно раздел трофеев производится на вновь приобретенных территориях, включенных во владения победившей стороны. Всадникам, согласно предлагаемым Шейбани правилам, предоставлялась в два раза большая доля в добыче, чем пехотинцу. Государь же имеет право преимущественного выбора части трофеев. Если кто то из врагов перейдет на сторону мусульман, то им предназначалось выплатить долю добытых трофеев в случае победы. Устанавливалась необходимость раздела трофеев с солдатами, которые не участвовали непосредственно в

---

⁵ Там же.

⁶ Там же.

том или ином сражении по объективным причинам. Однако, правила предписывают мусульманам, что они не должны делиться трофеями с евреями, если те выступали их союзниками.⁷

Наряду с указанными выше положениями, правила указывают норму, регулирующую приоритет в отношении тех, кто подлежит воинской службе, таким образом, предпочтение в военной службе отдается неженатым лицам. Кроме того, устанавливался запрет на союзнические отношения со всеми не мусульманами, в частности, с евреями.

Что касается военных налогов, то правила предписывают вводить однократный военный налог на той или иной территории, вместе с тем можно строго обозначить круг лиц, которые подлежали военному налогообложению. Устанавливается строгий запрет на убийство женщин, а также запрет на издевательства над телами убитых врагов.

Правила регулируют специальные механизмы получения свободы пленником - он может получить свободу либо приняв ислам, либо, если за него будет заплачен выкуп, так же он может быть освобожден в знак доброй воли.

Теперь подробнее остановимся на некоторых нормах, регулирующих заключения мира и право контрибуций. По Шейбани, их можно условно разделить на три группы: общие положения о мирном договоре, соглашения о мире при условии, что мусульмане должны платить определенную сумму в год для неверующих (на условиях контрибуции), юридическая сила свидетельских показаний в отношении мустаминов, правовое положение военнослужащих, находящихся на исламской территории в качестве послов.

Общие положения о мирном договоре. Данная группа норм предусматривает, что если проигравшей стороны правитель при заключении договора требует гарантий, что он будет свободным в своих действиях, относительно управления своим народом и государством, исходя из принципов, которые не допустимы в исламе, то такие гарантии не подлежат удовлетворению. Если же соглашение о перемирии или гарантиях заключено на таких условиях он будет ничтожным в той части, которая противоречит религиозно-правовым нормам ислама. В том случае, если поверженный государь не

---

⁷ Там же.

идет на эти условия, то он и его сподвижники подлежали изоляции. Если после заключения соглашения бывший или поверженный правитель ведет шпионскую борьбу против мусульман, то этот акт не может рассматриваться как нарушение соглашения, но бывший государь может быть наказан за этот акт, в том числе может быть лишен свободы. Кроме того, если он все еще совершает убийства мусульман или его люди делают это, это не будет считаться нарушением договора с его стороны. Однако, такие лица так же будут подвергнуты наказанию

Согласно правилам, если люди, проживающие на враждебной территории, желают заключить перемирие на неопределенный период времени без уплаты какой-либо контрибуции, имам должен рассмотреть эту просьбу: если он считает выгодным для мусульман по каким-либо соображениям, он может удовлетворить эту просьбу. Если, после заключения перемирия, государь сочтет его невыгодным для мусульман он должен публично отказаться от договора и возобновить войну⁸ (один из прообразов современного международно-правового принципа «эстоппель»).

Положения, касающиеся соглашения о мире при условии, что мусульмане должны платить определенную сумму в год для неверующих (на условиях контрибуции), а также положения, касающиеся вещных отношений, не связанных с трофеями и контрибуцией. Наряду с вышеотмеченным, Аль-Шейбани говорит о том, что если враг воюет против мусульман и предлагает им капитулировать при обязанности платить определенную сумму в год, в качестве контрибуции, и, если непринятие данного условия влечет угрозу существованию мусульман, то в заключении мира на подобных условиях нет нарушения норм мусульманского права.

Правила достаточно подробно регулируют, не связанные с трофеями и контрибуциями, вещные отношения, которые в период войны, связаны с имуществом вражеской стороны и ее представителей.

Исходя из этого, если на группу людей на территории конфликта произойдет нападение, это позволит приобрести нападающим право собственности на то, что они захватили (их имущество

---

⁸ Там же.

и рабов). Торговцы, в свою очередь, не должны отказывать в торговле с такими лицами, за исключением торговли лошадьми, вооружением, и тому подобным (тем что имеет непосредственное военное применение). В свою очередь, когда «мустамин» (гражданин территории войны, въезжающий на исламскую территорию с разрешения) покупает раба мусульманина или раба другого вероисповедания на исламской территории, или же один из его рабов, кто пришел вместе с ним принимает ислам, ему не будет позволено взять его обратно на территорию войны. Если «мустамин» возвращается на территорию войны после возникновения долгов на территории ислама, после чего он был взят в плен (в последующем бою), или же он был убит, то все его долги и депозиты станут недействительными. Кроме того, его рабы перестают быть рабами, за исключением тех, которым был предоставлен «тадбир» (вольный режим у рабов) на исламской территории. Последние будут считаться свободными.

Представителю враждебной территории, въехавшему на исламскую территорию гарантирована безопасность, однако, если он хочет вернуться на враждебную территорию, ему будет позволено взять с собой любое выючное животное, оружия, стальные или железные предметы или рабов, мусульман или не мусульман, приобретенных на исламской территории. Словом, ему не будет запрещено брать с собой то, что он сам привез с враждебной территории. Стоит сказать, что такой человек не имеет права вывозить с исламской территории на враждебную территорию оружие.

Юридическая сила свидетельских показаний в отношении мустамин. Согласно книге Аль-Шейбани, когда «мустамин» умирает на исламской территории, оставив какую-либо собственность, а его наследники находятся на враждебной территории, его имущество должно храниться до момента появления наследников с доказательствами наличия прав на наследуемое имущество. Если они предоставят свидетелей из числа уважаемых людей, их показания будут иметь высшую юридическую силу. Стоит отметить, что любой документ, выданный правительством враждебной территории не будет принят, даже если группа мусульман будет свидетельствовать в его пользу.

Правовое положение военнослужащих, находящихся на исламской территории в качестве послов. Если военный находится на

исламской территории и утверждает, что он эмиссар и передает письмо от своего государя, ему будет обеспечена безопасность, в том случае если факт письма будет подтвержден. Ему гарантируется безопасность, пока он доставляет сообщение и возвращается на свою территорию. Но если факт письма не подтвержден, то этот человек и его имущество расцениваются как «фай» (вид дохода, при котором имущество врага достается мусульманам без воинственных операций. Имущество лица «фай» переходит в пользу государства и не может быть распределено между воинами, как обыкновенный военный трофей).

Таким образом, если военный въезжает на исламскую территорию без разрешения служб безопасности, он будет считаться рабом любого, кто возьмет его в плен. Однако, если он принял ислам, прежде чем был взят в плен кем либо, то он должен являться свободным, по словам Абу Юсуфа и Шайбани, но по данным Абу - Ханифы, он будет считаться как «фай» для мусульман, вне зависимости от того взят ли он в плен, прежде чем принял ислам или после этого.

Теперь обратимся к шиитской теории появления термина «сиар». Известно, что наиболее подробно данная теория прорабатывалась представителями зейдитского мазхаба, в частности, таким юристом как Абу Халид и основателем самого зейдитского мазхаба имамом Зейдом Ибн Али.

Однако, труды Абу Халида не могут быть приняты в качестве источника (с суннитской точки зрения), поскольку он обвиняется суннитскими учеными в фабрикации хадисов, в то же время его труды являются надежным источником для последователей имама Зейда Ибн Али (мусульман шиитского толка, зейдитского мазхаба), так же, авторство этих работ доподлинно неизвестно: составлены ли они имамом Зейдом и Абу Халидом или эти сведения просто записаны и собраны от его имени. Или же он (имам Зайд) поделился своими идеями с учениками и один из них обработал их и придал им вид книги. Однако, последние исследования показывают, что повествование Абу Халида не может рассматриваться мусульманами суннитского толка в качестве источника, поскольку он был заподозрен в фабрикации хадисов. С точки зрения суннитов, посмотрев на содержание его работы и ее сравнение с «Муатта» имама Малика кажется, что она лучше по содержанию, чем «Муатта» Абу Юсуфа.

Кроме того, данные, содержащиеся в книге сформированы под влиянием иракских правоведов (Абу Ханифы, Абу Юсуфа).

Из приведенного выше можно сделать вывод, что с точки зрения мусульман суннитского толка, «приписывание» использования слова «сиар» имаму Зайду не совсем верно, Однако, вместе с тем, достоверно известно, что, имам Абу Ханифа так же использовал этот термин для обозначения такого понятия, как международное право.

Таким образом, можно обобщить указанные выше источники и подвести относительно единую структуру источников, касающихся мусульманского международного права, о чем подробнее будет сказано ниже.

Поскольку сиар является неотъемлемой частью мусульманского свода законов, его источники такие же, как и источники мусульманского права в целом. Существует три основных источника исламского права, а именно, Коран, Сунна, Иджма и вторичных источников, а именно, аналогии (Кийас), общественных интересов (маслаха), обычай и многие другие. Это источники Сиара. Однако, при изучении книг Аль-Шайбани, Абу Юсуфа и других юристов, можно найти много других источников, используемых ими при принятии решения. К ним относятся (помимо упомянутых выше):

1. Практика ранних (праведных) халифов;
2. Договоры.

Исламский закон, как видно из вышесказанного, предусматривает всеобъемлющие правила, касающиеся отношений между исламскими государствами и немусульманскими государствами во время войны и мира. Это сложный набор правил, касающихся в частности: поводов объявления войны, договоров, ведения войны, особенно регламентируется то какие лица не должны стать жертвами в ходе войны, какие объекты должны быть защищены, права военнопленных, прекращение их плена, и последствия войны.

Мусульманское право также подробно регламентирует, как следует поступать с мятежниками и предателями, содержит набор правил, обязательных для руководства мусульманским государством, заключения сделок с немусульманскими гражданами, проживающими в мусульманском государстве (данные отношения были также предметом сиара в раннем Исламе); как общаться с ино-

странцами, особенно с коммерсантами из немусульманских народов, которые посещают мусульман с целью занятия коммерцией или с просьбой о предоставлении убежища или защиты от мусульманских лиц, или же государства, так же подробно регулируется неприкосновенность послов, а также множество других вопросов, которые являются важными для ведения дел мусульманского государства на международной арене. Эти правила были задуманы и полностью приняты мусульманским государством и имеют равный статус среди других норм мусульманского права.

Коран и Сунна являются древними источниками права для мусульман и представляют неизменную суть мусульманского права, которая дает стабильность и преемственность мусульманскому образу жизни в мире, который характеризуется изменчивостью. Тот факт, что в Коране и Сунне существует ряд основополагающих принципов, которые регулируют отношения между мусульманами и немусульманами в мирное время не оставляет сомнений, что конфликты между ними на религиозной почве не имеют большого веса. Ряд аятов в Коране гласит, что первоначальный и постоянный характер отношений между мусульманами и немусульманами это мир и понимание, а не война и вражда. Коран четко регламентирует, что мусульмане должны сделать выбор в пользу мира, как только противник выбирает его (8:61).⁹ Коран устанавливает, что мусульмане не имеют права брать в руки оружие против людей, которые являются нейтральными; они должны выбирать мирный путь(4:94).¹⁰ Кроме того, Коран призывает мусульманам «быть добрыми и щедрыми к тем, кто не воюет против мусульман и не относиться к ним несправедливо» (60:8).¹¹ Указанные выше положения, так же являются существенными вопросами, которые могут возникнуть в ходе международных отношений и регулируются нормами сиара.

Что же касается сегодняшнего положения норм сиара и применения в современной международной правовой практике, то некоторые авторы считают, что мусульманское *jus in bello* (правила ведения войны) оказали влияние на европейские законы и обычаи,

---

⁹ Коран 8:61.

¹⁰ Коран 4:94.

¹¹ Коран 60:8.

корни этого кроются в временах Крестовых походов. По словам барона де Таубе, современные нормы публичного международного права, касающиеся объявления войны были восприняты из мусульманской доктрины, пройдя в рыцарские кодексы во время Крестовых походов, с одобрения христианской церкви, а затем в современное международное право.¹² Это правда, что мусульманские народы не играют большой роли в формировании международного права в целом. Но причины очевидны: Турция, являющаяся представителем мусульман-суннитов в целом, была принята в европейское публичное право (название международного права в XIX веке) только в 1856 году. Турция сыграла очень важную роль в развитии международного гуманитарного права, с тех пор. Она не участвовала в 1863 конференции, на которой был учрежден Комитет Красного Креста, а затем в 1865 году она ратифицировала Женевскую конвенцию 1864 года по улучшению участи раненных в армиях в поле. С тех пор Турция принимала участие в каждой международной конференции, вплоть до падения Османской Империи в 1922 году, в результате чего Турция стала светской республикой. Большинство остальных мусульманских государств, независимых сегодня, были колонизированы в то время, и им не отводилось никакой роли в международном праве. Однако, во второй половине XX века, мусульманские государства начали играть свою роль в формировании международного права. Например, в декларации ООН «О социальных и правовых принципах», в части воспитания и усыновления на национальном и международном уровнях, в ходе переговоров, большинство мусульманских государств, включая Пакистан, отказались согласовывать положения о «принятии» и рассматривать данные положения, так как они противоречат принципам исламского права. Таким образом, ГА ООН частично признала принцип «кафала» по мусульманскому праву означающий эквивалент гуманитарным принципам, которые могут применяться государствами, исповедующими ислам.¹³ Кроме того, ряд мусульманских государств-членов

---

¹² Baron Michel de Taube. "Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe orientale" in *Recueil des Cours*. 1926. PP. 393-4.

¹³ См.: Jamshed A.H. "International Law and Pakistan's Domestic Legal Order", 4 *Asian Yearbook of International Law*, (1994), 137; его же: *The Status of Treaties in Islam: A Comparison with Contemporary Practice*. Islamabad:

ООН, сделали оговорки в своих ратификационных актах к пактам о правах человека 1966 года, а также Конвенции «О предотвращении всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979 года.

Некоторые ученые воспринимают интеграцию исламских государств в современном сообществе наций как «подчинение». Довод подчинения основан на презумпции, что международное публичное право - это светский закон, однако шариат это комплекс религиозно - нормативных положений, и в случае его принятия в качестве равного источника международного публичного права он был бы необходим для введения части исламского права в не мусульманских государствах, большинство из которых являются светскими. Однако, это было бы нарушением принципа невмешательства в дела других государств, а также данная ситуация создала бы множество серьезных коллизий, при распространении норм шариата только лишь на мусульманские государства.

Shariah Academy. 2001. PP. 130-131. The above declaration was adopted by the 41st Session of the General Assembly on 20 November 1986 (document No. A/41/896). See in particular para 6, 7 and articles 22 and 23.

**СОСТОЯНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ КАК
ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ
ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ДЕЯНИЯ ГОСУДАРСТВ:
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Олеся Андреевна Попова

магистрант МГУ им. О.Е. Кутафина

На 53-ей сессии ГА ООН в 2001 году была принята резолюция, в которой содержались Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. До принятия резолюции велись активные обсуждения тех положений, которые должны были войти в проекты статей, но даже после проделанной работы многие вопросы остались неразрешенными. Одним из краеугольных камней Проекта статей об ответственности государств является статья 25 о состоянии необходимости как обстоятельстве, исключающем противоправность деяния государств.

Правомерность и пределы ссылки на необходимость являются предметом длительной и глубокой полемики среди специалистов на протяжении уже нескольких веков. Специалисты более раннего периода, как правило, признавали такую ссылку при наличии определенных условий. Так, Гуго Гроций, Альберико Джентили, Эмер де Ваттель обосновывали существование необходимости в международном праве¹. Необходимость ими понималась как естественное право государства на совершение любых действий для сохранения им своего существования как субъекта международного права.

Для правоведов того времени была бы невероятной мысль о том, что право народов, в котором государства выступают как юри-

---

¹ См.: Sloane R.D. On the Use and Abuse of Necessity in the Law of State Responsibility // American Journal of International Law. 2012. Vol. 106. Iss. 3. P. 454.

дически равные субъекты, может лишить государство права на самосохранение². Подобное понимание состояния необходимости в литературе имеет название классической (экзистенциальной) необходимости или классической концепции необходимости. В XIX веке злоупотребления, связанные с необходимостью и идеей «фундаментальных прав государств», вызвали негативную реакцию. В течение XX века число авторов, высказывающихся за концепцию состояния необходимости в международном праве, уменьшилось. Однако доктринальный баланс мнений продолжает оставаться в пользу обоснованности данной ссылки. Оправданность ссылки на необходимость подтверждается и практикой судебных учреждений девятнадцатого столетия.

В деле Чичестера 1829 года Британия возражала против задержания Мексикой своего судна в связи с эмбарго, объявленным Мексикой, ожидавшей нападения со стороны Испании, в целях предотвращения передачи информации в испанскую эскадрилью. Английский адвокат Герберт Дженнер заявлял о том, что необходимость санкционировала временное изъятие судна Мексикой. Он писал: «Первой и первостепенной обязанностью каждого народа является самосохранение, и право народов санкционирует принятие любой меры, которая может понадобиться для обеспечения этого великого объекта, хотя она может в некоторых случаях ущемлять права других»³.

Такое же понимание необходимости возникает и в других подобных спорах, упомянутых в Комментариях Комиссии международного права ООН к Проекту статей 2001 года, например, в англо-португальском споре 1832 года и Кэролайн 1837 года⁴. Таким обра-

---

² См.: Гоббс Т. Левиафан // Электронная библиотека «Гражданское общество». // URL.: <http://www.civisbook.ru> (дата обращения 20 апреля 2017г.)

³ См.: Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts with commentaries. 2001. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения 20 апреля 2017 г.)

⁴ См.: Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts with commentaries. 2001. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения 20 апреля 2017г.)

зом, как теоретики, так и международные судебные органы признавали ссылку на необходимость и устанавливали порог необходимости на уровне угрозы безопасности.

Концепция необходимости, отраженная в статье 25, отличается от той классической концепции и подразумевает балансирование между существенными интересами нескольких государств или государства и международного сообщества в целом, то есть происходит некий выбор из двух зол меньшего. Второй специальный докладчик Комиссии международного права ООН Р. Аго, работавший над Проектом статей об ответственности государств, отрицал утверждение о том, что право ссылки на необходимость вытекает из права на самосохранение государств, и поддерживал именно концепцию, закрепленную в Проекте статей⁵.

В отличие от классической необходимости статья 25 не ограничивается самосохранением государства и не вытекает из него. Практика разрешения международных споров и издание Проекта статей в 2001 году позволили говорить еще и о, так называемых, экономической и экологической концепциях необходимости, и это вызвало множество споров среди правоведов. Позиция Комиссии международного права тяготеет к расширению сферы применения необходимости и выходу за рамки классической концепции необходимости. В свою очередь, в литературе данная позиция критикуется в силу отсутствия достаточного практического обоснования и возникновения злоупотреблений со стороны государств-нарушителей⁶.

Что же такое экономическая необходимость? Концепцию экономической необходимости связывают с невозможностью исполнения международного обязательства вследствие финансовых трудностей государства. В практике одним из первых споров, в котором прослеживается подобная концепция является спор между Россией

---

⁵ См.: Boed R. State of Necessity as a Justification for Internationally Wrongful Conduct // Yale Human Rights and Development Journal. 2014. Vol. 3. Iss. 1. P. 7-12.

⁶ См.: Sloane R.D. On the Use and Abuse of Necessity in the Law of State Responsibility // The American Journal of International Law. 2012. Vol. 106. Iss. 3. P. 459.

и Османской империей. В мирном договоре 1878 года между данными странами империя согласилась освободить Россию от военных потерь. В 1894 году после ряда частичных платежей со стороны Османской империи Россия отказалась предоставить отсрочку платежа и настояла на немедленном погашении остатка по долгу. Однако с 1895 по 1899 год затраты Османской империи на подавление восстаний в Малой Азии усугубили ее финансовые трудности, что еще больше задержало выплату. В 1900 году Османская империя выплатила России непогашенную сумму основного долга, но отказалась заплатить проценты, которые она якобы должна была уплатить из-за неплатежеспособности в срок, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства. В 1910 году два государства представили в арбитраж вопрос о том, должна ли быть осуществлена выплата процентов, и если да, то в каком размере. Арбитражный суд в целом согласился со ссылкой оттоманского правительства на форс-мажор. Однако для современных международных юристов подобная ситуация будет характеризоваться как необходимость, поскольку «в случае форс-мажорных обстоятельств соблюдение обязательства абсолютно невозможно, в то время как в случае необходимости в соответствии со статьей 25 невозможность является относительной: делается выбор между наступлением серьезной и неизбежной опасности и нарушением обязательства, защищающего интерес меньшей важности. В рассматриваемый период времени трибуналы нередко не отличали эти два обстоятельства. С практической точки зрения, трибунал эффективно применил ту же классическую концепцию необходимости, о которой говорилось в прецедентах ранее. Однако данный спор иллюстрирует важное различие между классической концепцией необходимости и статьей 25. Арбитраж признал, что между 1881 и 1902 годами империя испытывала «тяжелые финансовые трудности, усилившиеся в результате внутренних и внешних событий (восстаний и войн)», поставивших ее в такое положение, при котором она могла выполнить свои обязательства только с отсрочкой платежа. Концепция необходимости, изложенная Проекте статей, если бы она существовала в то время, скорее всего, обосновала бы неуплату долга. Серьезную нехватку экономических средств в Османской империи вполне можно было бы охарактеризовать как «существенный интерес» в соответствии со статьей 25 (1) (a). В отличие от этого, отсрочка в выплате России

неуплаченных процентов, причитающихся по договору о перемирии в 1879 году, вряд ли могла бы «серьезно подорвать существенный интерес России». Но поскольку для Османской империи подобное положение не представляло угрозу для существования ее как государства, суд счел ее финансовые трудности, какими бы тяжелыми они ни были, недостаточными для поддержания защиты позиции.

Арбитражный суд отметил, что Россия «прямо признает, что обязательство государства выполнять договоры может уступить», если само существование государства находится в опасности. Но даже «неопровержимые» факты о тяжелом финансовом положении не соответствовали этому порогу по двум основаниям: фактическому и юридическому. Во-первых, Османская империя могла бы получить разумные займы для погашения задолженности перед Россией. Во-вторых, с правовой точки зрения, было бы преувеличением признать, что выплата (или получение займа для платежа) сравнительно небольшой суммы в размере около шести миллионов франков из-за требований российской стороны поставило бы под угрозу существование Османской империи или серьезно подорвало ее внутреннее и внешнее положение дел. Суд объяснил, что для использования необходимости опасность должна быть связана с существованием государства, а не с более широким понятием - его «существенными интересами».⁷

Проблема экономической необходимости широко обсуждается в зарубежной литературе, часть ученых критикует ее за отсутствие достаточного практического обоснования и возникающих проблем в связи с ее применением, например, невозможностью точно определить соответствие финансовых трудностей критериям применения статьи о необходимости, другие предлагают учитывать заявления государств и принимать эффективные меры для облегчения положения государства-нарушителя⁸.

---

⁷ См.: Резолюция ГА ООН от 12 декабря 2011 года (Ответственность государств за международно-противоправные деяния). // A/RES/56/83.

⁸ См.: Sykes A.O. Economic «Necessity» in International Law // American Journal of International Law. 2015. Vol. 109. № 2. P. 323.

Экологическая концепция необходимости, в свою очередь, вытекает из невозможности исполнения международного обязательства в целях сохранения и защиты окружающей среды. Эта концепция также неоднозначно воспринимается в литературе, как и экономическая из-за неточного ее практического выражения в Комментариях к Проекту статей об ответственности государств 2001 года. На практике состояние необходимости выдвигалось в качестве оправдания для защиты различных интересов, включая охрану окружающей среды, защиту самого существования государства и его населения в период чрезвычайного положения или обеспечения безопасности гражданского населения. Однако любой подобный аргумент может выдвигаться лишь при соблюдении жестких условий. Об этом свидетельствуют положения статьи 25: «государство не может сослаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности деяния, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства, за исключением тех случаев, когда это деяние является единственным для государства путем защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности и не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств, в отношении которых существует данное обязательство, или международного сообщества в целом». В любом случае государство не может сослаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности, если данное международно-правовое обязательство исключает возможность ссылки на состояние необходимости или это государство способствовало возникновению состояния необходимости⁹. Как видно из формулировки статьи, для выделения исключительного характера состояния необходимости и избегания возможных злоупотреблений использована отрицательная конструкция: "государство не может сослаться на состояние необходимости..., за исключением тех случаев".

В этом отношении рассматриваемая конструкция соответствует формулировке статьи 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, касающейся резкого изменения обстоятельств. Она также совпадает с этой формулировкой в том, что

---

⁹ См.: Резолюция ГА ООН от 12 декабря 2011 года (Ответственность государств за международно-противоправные деяния). // A/RES/56/83.

в пункте 1 определяются два условия, без наличия которых ссылка на состояние необходимости не может осуществляться, а в пункте 2 из сферы охвата оправдания, связанного с состоянием необходимости, целиком исключаются две ситуации¹⁰.

Одним из условий, при котором возможна ссылка на состояние необходимости является защита существенного интереса от большой и неминуемой опасности. Степень, в которой рассматриваемый интерес является "существенным", зависит от всех обстоятельств дела и определяется с учетом интересов государства и его населения, а также международного сообщества в целом. Но указанные условия удовлетворяются лишь в том случае, когда соответствующему интересу угрожает большая и неминуемая опасность. Опасность в данном случае должна быть "объективно установленной, а не просто восприниматься как возможная".

Неминуемая опасность по общему правилу понимается как ближайшая, однако в деле о проекте Габчиково-Надьмарош Суд заявил следующее: "Это не исключает того, что "опасность", появляющаяся в долгосрочном плане, может быть признана неминуемой после того, как она будет установлена в соответствующий момент времени, что реализация этой опасности, насколько отдаленной она ни была бы, не является поэтому сколько-нибудь менее определенной и неизбежной"¹¹.

В данном случае Суд признал, что опасность может считаться неминуемой даже если она не является ближайшей, но ее наступление неизбежно в соответствующий момент времени. Нужно также помнить о том, что характеристика опасности как ожидаемой или возможной сама по себе не является достаточным основанием для того, чтобы считать ее неминуемой. Это дополнение играет важную

---

¹⁰ См.: Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/-law_treaties.shtml (дата обращения 20 апреля 2017г.).

¹¹ См.: Case concerning Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia). Summary of the Judgment of 25 September 1997. // URL.: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=483&p1=3&p2=3&case=92&p3=5> (дата обращения 20 апреля 2017г.).

роль для решения, например, вопросов, возникающих в связи с сохранением окружающей среды или безопасности крупных объектов.

В подобных случаях зачастую будет существовать научная определенность, и специалистами могут высказываться различные мнения в отношении того, существует ли опасность, насколько большой или неминуемой она является и являются ли предложенные пути решения проблемы единственными из имеющихся в соответствующих обстоятельствах. По смыслу формулировки статьи, в случаях, связанных с состоянием необходимости, опасность еще не должна материализоваться. В деле о проекте Габчиково-Надьмарош Суд отметил, что ссылающееся государство не может быть единоличным судьей, решающим вопрос о существовании состояния необходимости, однако степень неопределенности в отношении будущего не обязательно лишает государство права ссылаться на состояние необходимости, если наличие опасности было четко установлено на основании имевшихся на тот момент разумных доказательств¹².

Нарушение международного обязательства должно являться «единственным имеющимся путем» для защиты соответствующего интереса нарушителя. Это значит, что ссылка на состояние необходимости не может считаться правомерной, если имеются другие законные пути защиты интереса, даже если они более дорогостоящие или менее удобные. Так, в деле о проекте Габчиково-Надьмарош Суд не был убежден в том, что одностороннее приостановление и последующее прекращение осуществления проекта было единственным путем в сложившихся обстоятельствах с учетом, в частности, объема уже проделанной работы и затраченных на проект средств, а также возможности решения любых проблем другими способами.

«Единственный путь» в защите интереса не ограничивается односторонними мерами, а может охватывать иные формы поведе-

---

¹² См.: Case concerning Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia). Summary of the Judgment of 25 September 1997. URL.: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=483&p1=3&p2=3&case=92&p3=5> (дата обращения 20 апреля 2017г.).

ния, предполагающие принятие совместных мер с другими государствами или международными организациями (например, мер по охране рыбных запасов, которые могут быть приняты компетентной региональной организацией по вопросам рыболовства). Любое поведение, выходящее за рамки того, что является строго необходимым для достижения защитной цели, не будет охватываться статьёй.

Вторым условием ссылки на состояние необходимости является нанесение серьезного ущерба существенному интересу другого государства или государств, или международного сообщества в целом¹³. То есть интерес, на который ссылается государство, должен перевешивать все другие соображения не только с точки зрения самого этого государства, но и с учетом разумной оценки других индивидуальных или коллективных интересов.

Существуют и случаи, при которых ссылка на состояние необходимости невозможна при любых обстоятельствах. Одним из ограничений выступает случай, когда само международно-правовое обязательство исключает возможность ссылки на состояние необходимости. Например, подобные исключения существуют в международном гуманитарном праве¹⁴.

В таком случае невозможность ссылки на необходимость соответствует предмету и целям соответствующих конвенционных норм. Как отмечается в статье 25, ссылка на состояние необходимости не предназначается для охвата поведения, которое, в принципе, регулируется первичными обязательствами. Это имеет особое значение в связи с нормами, касающимися применения силы в международных отношениях и вопроса о "военной необходимости". Действительно, в ряде случаев ссылки на состояние необходимости имели место для оправдания военных действий на территории другого государства.

---

¹³ Резолюция ГА ООН от 12 декабря 2011 года (Ответственность государств за международно-противоправные деяния). // A/RES/56/83.

¹⁴ Hayashi N. Requirements of Military Necessity in International Humanitarian Law and International Criminal Law // Boston University International Law Journal. Vol. 28. Iss. 1. P. 57-59.

Вопрос о том, могут ли меры, связанные с принудительным гуманитарным вмешательством, которые запрещены, согласно главам VII и VIII Устава Организации Объединенных Наций, быть законными в рамках современного международного права, не охватывается статьей 25. То же самое применимо к доктрине "военной необходимости", которая является основополагающим критерием для ряда основных норм, касающихся законов войны и нейтральности, а также включена в положения ряда договоров международного гуманитарного права.

В обоих отношениях, хотя соображения, схожие с теми, которые лежат в основе статьи 25, могут играть определенную роль, они принимаются во внимание в контексте формулирования и толкования первичных обязательств¹⁵. Вторым ограничением выступает случай, при котором государство-нарушитель способствовало возникновению состояния необходимости. Так, в деле о проекте Габчико-Надьмарош Суд отметил, что, поскольку Венгрия "способствовала посредством действия или бездействия" возникновению ситуации предполагаемой необходимости, она не может теперь ссылаться на нее в качестве обстоятельства, исключающего противоправность¹⁶.

Данное ограничение может быть использовано, если содействие возникновению состояния необходимости было достаточно существенным, а не просто случайным или периферийным. Таким образом, при практическом применении статьи о состоянии необходимости в качестве обоснования и оправдания международного противоправного деяния возникает много вопросов, которые в настоящее время являются дискуссионными, в частности вопросы пределов и критериев применения данной статьи, возможности зло-

---

¹⁵ См.: Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts with commentaries. 2001. URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения 20 апреля 2017г.).

¹⁶ См.: Case concerning Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia). Summary of the Judgment of 25 September 1997. // URL.: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=483&p1=3&p2=3&case=92&p3=5> (дата обращения 20 апреля 2017г.).

употребления ее положениями, понимания терминологии, используемой в статье 25, обоснованности существования экономической и экологической необходимости.

Однозначно, положения статьи 25 требуют доработки, международным судебным органам еще предстоит выработать четкую позицию по вопросам ссылки на необходимость с целью недопущения злоупотреблений, неправильного применения и толкования данной статьи. Тем не менее, нельзя отрицать возможность существования состояния необходимости в международном праве и исключать важное значение подобного обстоятельства для сохранения существования государства как субъекта международного права, а также для обеспечения прав проживающего на его территории населения.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ

Юрий Сергеевич Ромашев

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
международного публичного и частного права факультета
права Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
romashev_us@mail.ru*

Международно-правовой обычай, являясь одним из основных источников действующего международного права, по-прежнему играет большую роль в процессе упорядочения действий государств и иных субъектов международного права на международной арене. Обычное право образует основу межгосударственных отношений и составляет неотъемлемую часть самых различных отраслей и институтов международного права. Вместе с тем, парадоксальность ситуации заключается в том, что, несмотря на древность международного обычая как источника международного права, до сих пор нет четкого юридического определения, что такое международный обычай и, в частности, обычная норма международного права. Можно тогда задать вопрос, что же применяют государства с времен зарождения этого источника международного права, если до сих пор не известно его точное правовое определение и нет общего согласия по данному вопросу? Государства, иные субъекты международного права должны точно знать, что такое международный обычай, как он формируется и как его выявить. В противном случае неизбежно будут возникать споры при правоприменении.

Как известно, порядок заключения, действия, прекращения действия международных договоров регулируется правом международных договоров. Однако порядок обычного нормообразования

в науке международного права четко не обозначен. Нередко используются различные термины «право обычаев»,¹ хотя «обычай» - это не только международно-правовое, но и внутри государственно-правовое явление,² «вторичные нормы»,³ «мета-нормы»⁴ и т.п. По нашему мнению, наиболее точным названием данной области международного права, отражающим характер и содержание ее норм, является термин «право международных обычаев»⁵, под которым предлагается понимать совокупность обычных норм международного права, регулирующих отношения между субъектами международного права по вопросам формирования международного обычая, его действия, изменения и прекращения существования, понятийный аппарат в данной сфере. Конечно, по сравнению с правом международных договоров оно содержит слишком незначительное число правовых норм.

Как известно, международное право представляет собой систему отраслей и институтов международного права. Они составляют единое целое и взаимосвязаны, т.е. не являются независимыми. Сложно найти ту или иную отрасль международного права, которая является независимой от других отраслей. Подобная зависимость существует и в отношении права международных обычаев, являющегося подсистемой международного права. Оно тесно связано со всеми отраслями и институтами международного права.

---

¹ См.: Даниленко Г.М. Процесс создания обычных норм в современном международном праве // СЕМП. 1982. М. 1983. С. 151-171.

² См.: Гурова Т.В. Актуальные проблемы теории источников права. Дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. Самара. 2000. 188с.; Малова О.В. Правовой обычай как источник права. Дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург. 2002. 187с.; Обычай в праве: Сборник. СПб. 2004. 382с.; Портиков А.И. Обычай в гражданском праве РФ. Дисс. канд. юрид. наук. 12.00.03. М. 2003. 220с.; Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов северного Кавказа в XIX в. Дисс. доктора юрид. наук: 12.00.01. М. 2004. 340с. и др.

³ Hart H. The concept of law. Oxford. 1961. P. 78.

⁴ Kammerhofer J. Uncertainty in the Formal Sources of International Law: Customary International Law and Some of Its Problems // European Journal of International Law. 2004. Vol. 15, № 3. P. 524, 538-540.

⁵ Ромашев Ю.С. Право международных обычаев в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 103-112.

Это обусловлено, прежде всего, тем, что обычные нормы международного права, как и нормы права международных договоров, пронизывают все области международного права, являются одним из его неотъемлемых базовых и, если так можно назвать, «строительных» компонентов. Поэтому нормы права международных обычаев играют важную системообразующую роль в функционировании международного права. Есть у этих областей международного права как сходства и различия.

В отличие от права международных договоров право международных обычаев выделяется своей спецификой, прежде всего особенностями его объекта и предмета правового регулирования, источников и норм, а также незначительным числом норм.

Объектом регулирования права международных обычаев являются межгосударственные отношения, возникающие в процессе формирования международных обычаев, их действия, изменения и прекращения существования. Предмет правового регулирования охватывает указанные особенности функционирования международного обычая. Именно поэтому эта область международного права, как и право международных договоров, содержит в большей степени процессуальные нормы. Но здесь важно указать и на необходимость формирования понятийного аппарата в данной области: дать определение международному обычаю, праву международных обычаев и другим ключевым понятиям данной области международного права.

В доктрине международного права существуют различные точки зрения относительно того, что лежит в основе обычного нормообразования в международном праве. Одна из них заключается в том, что это практика государств, не являющаяся юридически обязательной, другая, что приоритетная роль отводится самим обычным нормам международного права или, что обычные нормы в этом вопросе находятся в стадии формирования⁶.

Нормативистская позиция нашла широкое распространение среди ученых-международников, позиция которых совпадает с общими подходами, сложившимися в правовой науке о нормах права,

---

⁶ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. М. 1997. С. 128.

предназначение которых является создание других норм международного права⁷. По мнению Х. Хэрта, в любой развитой системе права наряду с «первичными» существуют «вторичные» нормы, регулирующие процедуры создания первичных норм и основывающиеся на «конечной норме признания»⁸.

Распространенной точкой зрения является то, что международные обычаи включают в себя только лишь одну норму международного права. В этом состоит специфическая особенность права международных обычаев, проявляющаяся в характере и содержании его источников. В науке и практике международных отношений термин «международный обычай» нередко рассматривается и как источник, и как норма международного права. В то же время, на наш взгляд, следует говорить, как о международном обычае, так и об обычной норме международного права, различая эти термины. С.В. Черниченко отмечает, что на эти два значения указанного термина не обращают внимания, поскольку форма и содержание международного обычая неразрывно связаны друг с другом. Строго говоря, международный обычай - форма существования определенной категории норм международного права, их источник, а содержание международного обычая – нормы международного права⁹.

Мнения о том, что в основе права международных обычаев лежат обычные нормы международного права придерживаются многие ученые. Согласно точке зрения И.И. Лукашука, процесс создания и осуществления обычных норм регулируется обычаем, а Венские конвенции о праве договоров закрепили не только правила, отражающие специфику договоров, но и правила общие для всех международно-правовых норм. По мнению Г.М. Даниленко, в действительности современное международное право содержит комплекс норм, относящихся ко всем его источникам, в том числе и к международному обычаю¹⁰.

---

⁷ См.: Kunz J. Roberto Ago's Theory of a "Spontaneous" International Law // American Journal of International Law. 1958. Vol. 52. P. 80-89.

⁸ См.: Hart H. The concept of law. Oxford. 1961. P. 89-113.

⁹ См.: Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М. 2014. С. 142.

¹⁰ См.: Даниленко Г.М. Обычай в современном международном праве. М. 1988. С. 23.

Существует позиция о спонтанности создания обычных норм международного права¹¹, которая широко критикуется большинством ученых международников. Так, например, Л.Р. Шаммасова указывает, что такой подход не просто лишает процесс формирования обычая нормативных рамок, но и делает невозможным более или менее четкое определение того, какие обычно-правовые нормы существуют на сегодняшний момент в международном праве, так как субъективные толкования в данном случае ничем не ограничиваются¹². Вместе с тем, по нашему мнению, международный обычай возникает в результате естественного исторического процесса, в ходе практики, в то же время международный договор – в результате планомерной, целенаправленной деятельности государств, иных субъектов международного права. Международный обычай отражает объективные реалии, в то время международный договор – как объективные сложившиеся отношения, так и будущие потребности субъектов международного права в урегулировании международных отношений.

На наш взгляд, в вопросе обычного нормообразования мы наблюдаем сочетание объективного, что это исторический процесс, связанный с появлением и дальнейшим функционированием международных обычаев, норм их содержащих, и субъективного – отсутствует четкая позиция государств в вопросе разработки и признания на всеобщем уровне конкретных критериев, позволяющих установить процедуру и оценить результаты обычного нормообразования.

Вместе с тем, можно с уверенностью сказать, что в международном праве сложились обычные нормы, которые регулируют вопросы обычного нормообразования о: признании международного обычая в качестве источника международного права; молчаливом

---

¹¹ См.: Visscher Ch. de Theory and Reality in Public International Law (English Translation). Princeton: Princeton University Press. 1968. P. 153-154; Gihl T. The Legal Character and Sources of International Law // Scandinavia Studies in Law, 1975, Vol. 1. P. 69-71; Ago R. Positive Law and International Law // American Journal of International Law, 1957, Vol. 57. P. 728-732.

¹² См.: Шаммасова Л.Р. Международно-правовой обычай в современном международном праве. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М. 2006. С. 60, 61.

характере международного обычая, как о соглашении, заключенном в устной форме; двухэлементном составе международного обычая; возможности государства, не согласного с обычной нормой международного права, протестовать против практики других государств, чтобы не быть связанным положениями; добросовестности соблюдения взятых на себя обязательств (*pacta sunt servanda*), уважении к ним; обязательности обычной нормы международного права для связанных ею государств; возможности локальности и универсальности обычной нормы международного права; невозможности обратной силы международных обычаев; невозможности участия в формировании международных обычаев лиц, которые не уполномочены действовать от имени государства и др. Однако многие правила из-за нечеткости их формулировок, различных позиций государств еще не стали обычными нормами международного права.

Заметим, что некоторые из обычных норм международного права одновременно являются и нормами права международных договоров. В международных договорах могут содержаться формулировки норм права международных обычаев. При этом ученые нередко ссылаются на формулировки Статута Международного суда ООН или Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. На наш взгляд, закрепление в международном договоре формулировок, связанных с обычным нормообразованием, свидетельствует о том, что-либо в договоре нашла отражение сложившаяся обычная норма международного права, либо в нем закреплена договорная норма, которая в дальнейшем может стать обычной нормой международного права. Существует мнение, что закреплённый в Статуте Международного суда ООН двухэлементный состав международного обычая, свидетельствует о наличии существования соответствующего обычая.

Важным вопросом обычного нормообразования является выработка требований, выполнение которых признается необходимым для завершения нормотворческого процесса¹³. Ввиду этого, вопрос о конкретных критериях, связанных с формированием и дальнейшим функционированием международного обычая, его норм, и

---

¹³ См.: Даниленко Г.М. Процесс создания обычных норм в современном международном праве // СЕМП. 1982. М. 1983. С. 23.

которые, по нашему мнению, также должны носить обычно-правовой характер, всегда был актуальным и находил отражение в работах ученых международников, в деятельности Комиссии международного права, которая на протяжении длительного времени уделяет пристальное внимание этой проблематике. Довольно сложно констатировать наличие обычных норм международного права без четкого понимания соответствующих критериев, на что указывал Международный суд ООН при принятии своих решений. Необходимо определить критерий, позволяющий уточнить порог (показатель), соответствующий минимальному количеству государств, при признании которыми всеобщей практики возникает обычная норма международного права. Следует определить и состав таких государств. При выборе искомых критериев, по нашему мнению, должны учитываться: природа и характер рассматриваемой международно-правовой нормы, предметная область, которую она затрагивает; принцип суверенного равенства государств; роль, которую играет та или иная международная норма в жизни конкретного государства, в регулировании межгосударственных отношений друг с другом. Здесь также уместно говорить и о «всеобщем» признании и применении государствами этой нормы. Это, по мнению автора, должно предусматривать не только признание и применение нормы максимальным количеством государств, но и максимальный охват нормой потенциальных ее применителей в этих государствах, то есть охват нормой государств, интересы которых она в максимальной степени затрагивает, что поддерживается многими учеными в области международного права. Это отвечает и положению ст. 38 Статута Международного Суда о международном обычае, как доказательстве всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Результаты исследований, проведенных нами ранее, показали, что минимальное число государств, признающих правило поведения в качестве правовой нормы и применяющих его на практике, т.е. минимальное большинство, в среднем составляет 70-75%.

Более точные значения таких показателей можно получить с помощью разработанной автором методики¹⁴, которая благодаря ее простоте, может найти широкое применение в правоприменительной практике государств, в практике ООН и других международных организаций, а также в деятельности Международного Суда ООН при рассмотрении переданных ему дел. В то же время не исключается использование и других подходов к определению условий возникновения обычных норм международного права, в том числе и которые ранее были предложены другими учеными. Но эти подходы должны иметь под собой как качественное, так и количественное обоснование.

Устранение пробелов в этой сфере имеет важное как научное, так и прикладное значение. Все, кто применяет нормы международного права, должны уметь оценивать процесс формирования обычных норм и их выявлять. И не в последнюю очередь, это обусловлено тем, что вопросами международного обычного права все чаще приходится заниматься лицам, которые не являются специалистами в области международного права, в частности сотрудникам государственных ведомств, помимо министерств иностранных дел. К субъектам, призванным применять нормы международного обычного права, и которые должны уметь выявлять обычные нормы международного права в конкретных ситуациях, также можно отнести судей национальных судов, а также судей и арбитров специализированных международных судов и трибуналов¹⁵.

Длительная неурегулированность этого вопроса, как и других вопросов обычного нормообразования, требует активного вмешательства государств, международных организаций, прежде всего ООН, которая может придать универсализм этому процессу. Редким примером результата такой деятельности стала статья 38 Статута Международного суда ООН, содержащая формулировку международного обычая. По мнению И.И. Лукашука, кодификация процесса создания и осуществления обычных норм является в настоя-

---

¹⁴ См.: Ромашев Ю.С. Некоторые подходы к определению условий формирования общепризнанных норм международного права // РЕМП. М. 1999. С. 297-306.

¹⁵ См.: Документы ООН A/CN.4/663. С. 8.

щее время довольно сложной задачей и им предлагалось пока применять по аналогии кодифицированное право международных договоров¹⁶. Весьма целесообразно, чтобы обычное нормообразование было кодифицировано. Этому вопросу Комиссия международного права уделяет в настоящее время пристальное внимание¹⁷. На начальном этапе, по нашему мнению, можно было бы разработать соответствующий проект статей, приняв их в виде резолюции ГА ООН. А затем можно приступить к непосредственной кодификации этого процесса, заключив, например, Конвенцию о праве международных обычаев. В ней можно было бы закрепить как сложившиеся в настоящее время обычные нормы международного права, так и новые договорные нормы, которые призваны упорядочить обычное нормообразование, придать ему более строгий, системный вид. Не исключено, что в дальнейшем такие нормы могут стать и обычными нормами международного права. Конвенция придавала бы формулировкам существующих обычных норм большую четкость, закрепила бы общее понимание государств по процедурным вопросам обычного нормообразования. Реализация данного вопроса дала бы импульс дальнейшему развитию права международного обычая и как в случае права международных договоров могла бы заложить основу для формирования соответствующей отрасли международного права.

Знания о международном обычае с древнейших времен базируются на доктринальных позициях многих ученых, которые и ныне являются противоречивыми и не охватывают все стадии обычного нормообразования от создания обычных норм международного права до прекращения их существования. Данному вопросу, наряду с Комиссией международного права, уделяет внимание Всемирная ассоциация международного права, в рамках которой в 2000 году было принято «Лондонское заявление о принципах»¹⁸, которое

---

¹⁶ См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Учебник. М. 1997. С. 128.

¹⁷ См.: Док. ООН. A/CN.4/SR.3132. P. 16.

¹⁸ См.: London Statement of Principles Applicable to the Formation of General Customary International Law, with commentary: Resolution 16/2000 (Formation of General Customary International Law), adopted at the sixty-ninth Conference of the International Law Association, in London, on 29 July 2000.

явилось результатом обширного 15-летнего исследования, имевшего целью изучение процесса формирования международного обычного права.

На наш взгляд, как с научной, так и прикладной стороны требуются дальнейшие исследования в данной области, в частности рассмотрение таких вопросов, как: определение международного обычая как источника международного права и как нормы международного права; уточнение разновидностей международных обычаев и их юридической силы; раскрытие процесса возникновения международного обычая, его изменения и прекращения существования; выявление взаимосвязи права международных договоров и права международных обычаев, существующего в процессе обычного нормообразования и многих других вопросов, имеющих актуальное значение для обычного нормообразования. Результаты такого рода исследований, по нашему мнению, должны найти формальное отражение в международных документах и прежде всего в универсальном международном договоре. Это будет способствовать усилению системообразующей роли права международных обычаев, повышению эффективности функционирования международного права в целом.

**ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И
ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Наталья Сергеевна Симонова

*кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»
nns@mail.ru*

Принцип добросовестного выполнения обязательств сопровождает международный договор на всех этапах его существования: от разработки текста до выполнения. В тесной связи с названным принципом находится возможность государств-участников международного договора пользоваться «клаузулами отступления» (англ. – *escape clauses*), заложенными в ряде международных договоров, прежде всего по правам человека (так называемое право на дерогацию). Основная исследовательская гипотеза состоит в том, что «клаузулы отступления» снижают риск неоднозначности поведения государств при необходимости временных отступлений от выполнения обязательств по международным договорам посредством очерчивания границ дозволенного поведения государства в чрезвычайной ситуации с тем, чтобы не нанести вред *raison d'être* международного договора по правам человека, обеспечить добросовестное выполнение договорных обязательств в сложившихся чрезвычайных условиях, а также после их исчезновения (т.е. обеспечить непрерывное действие норм международного договора о правах человека и добросовестное выполнение вытекающих из них обязательств). Предлагаемая гипотеза может быть обоснована рядом положений.

Первый тезис. Исследования зарубежных ученых показали¹, что государства с устойчивым демократическим режимом, а также государства, где суды осуществляют контроль над органами исполнительной власти, с большей долей вероятности воспользуются «клаузулой отступления» (правом на дерогацию) в отличие от государств с иными политическими режимами. И напротив, государства со слабой судебной системой, а также государства, где отсутствует диспозитивный мандат, присоединяются к международным договорам о правах человека, но легко их нарушают. Таким государствам не нужна возможность отступить от выполнения международных договорных обязательств, так как маловероятно, что они придадут значение их обычному нарушению.

Следует особо отметить, что использование права на дерогацию (даже государствами с демократическим политическим режимом) не означает автоматически добросовестности такого использования (т.е. использования права в соответствии со смыслом и целью отступления от обязательств), всегда есть допустимая вероятность злоупотребления правом². Более того, в науке международного права существует мнение об априори недобросовестном характере отступления от выполнения международных договорных обязательств (дерогации). Такое мнение опирается на представления о

---

¹ См., в частности: Hafner-Burton E.M., Helfer L.R., Fariss Ch.J. Emergency and Escape: Explaining Derogations from Human Rights Treaties // *International Organization*. Vol. 65 (2011). P. 675; Neumayer E. Do International Human Rights Treaties Improve Respect for Human Rights? // *Journal of Conflict Resolution*. 2005. Vol. 49 (6). P. 925–953; Hathaway O. Do Human Rights Treaties Make a Difference? // *Yale Law Journal*. 2002. Vol. 111 (8). P. 1935–2042; Simmons B. *Mobilizing for Human Rights: International Law in Domestic Politics*. New-York: Cambridge University Press. 2009. 451p.; Gross O., Fionnuala N.A. *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 481p.

² О возможности злоупотребления правом на дерогацию см.: Joseph S., Schultz J., Castan M. *The International Covenant on Civil and Political Rights: Cases, Materials, and Commentary*. 2nd ed. New-York: Oxford University Press. 2005. P. 824; Farber D.A. Rights as Signals // *Journal of Legal Studies*. 2002. Vol. 31 (1). P. 83–98; Simmons B. *Op. cit.*; Rosendorf P.B., Milner H.V. The Optimal Design of International Trade Institutions: Uncertainty and Escape // *International Organization*. 2001. Vol. 55 (4). P. 829–857.

слабой защищенности международных договоров о правах человека специальными контрольными механизмами. В этой связи возникают закономерные трудности выявления фактов недобросовестного выполнения обязательств по правам человека. В контексте названного мнения дерогация может оправдать ограничения индивидуальных прав и свобод как совместимые с международными договорными обязательствами³. Если придерживаться описываемой теории дерогации как изначально недобросовестного акта, следует ожидать большого количества случаев использования этого права. Подтвердить такие ожидания непросто ввиду того, что государства практически не предоставляют информации в своих уведомлениях о дерогационных мерах, потому как такая информация может увеличить вероятность ответственности за нарушения обязательств о правах человека и недобросовестное ограничение последних.

Второй тезис. Дерогационные меры носят исключительный характер, позволяют найти баланс между защитой индивидуальных прав человека и защитой интересов государства во время кризиса посредством разумных ограничений чрезвычайных полномочий государства. Для этой цели в международных договорах о правах человека предусматривается ряд процессуальных положений, обеспечивающих добросовестное использование права на дерогацию. Такие процессуальные гарантии делают право на дерогацию легитимным правом⁴ государств защищать свой конституционный строй и демократический политический режим.

Использование права на дерогацию требует от государства публично объявить обо всех ограничительных мерах и подчинить свои действия международным гарантиям и процедурам контроля, т.е. требованиям, которые сокращают сферу и степень возможных нарушений договорных обязательств по правам человека. Таким образом, предназначение права на дерогацию состоит в том, чтобы

---

³ См.: Hathaway O. *Op. cit.* P. 2007.

⁴ В подтверждение см.: Энтин М.Л. Право на дерогацию в практике применения Европейской конвенции по правам человека. М., 1991. С. 3-4; Neumayer E. Qualified Ratification: Explaining Reservations to International Human Rights Treaties // *Journal of Legal Studies*. 2007. Vol. 36 (2). P. 383.

ограничить своеволие государства, ввести его дискреционные полномочия в четкие нормативные рамки, поставить под определенный международный контроль.

Третий тезис. В целях добросовестного выполнения обязательств по международным договорам о правах человека в чрезвычайной ситуации поведение государства должно соответствовать определенным юридическим критериям, очерчивающим границы дозволенного поведения.

Критерий чрезвычайности связан с фундаментальным требованием о наличии войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, обуславливающим добросовестность поведения государства при использовании «клаузулы отступления». Сложность оценки состоит в отсутствии определения понятия «чрезвычайная ситуация». Комитет по правам человека склонен расценивать в качестве чрезвычайной такую ситуацию, которая угрожает жизни нации, но далеко не каждый случай беспорядков или катастрофы. Комитет не связывает войну (включая гражданскую войну) и другие случаи серьезных и интенсивных внутренних беспорядков с автоматическим провозглашением чрезвычайной ситуации⁵. Практика органов Европейской конвенции (Европейской комиссии и Европейского суда по правам человека) позволяет определить «нависшую и широко распространенную угрозу» через следующие характеристики: 1) угроза должна быть реальной и неминуемой; 2) последствия угрозы должны затрагивать всю нацию; 3) под угрозой должно находиться само продолжение организованной жизни общества и 4) кризис или опасность должны иметь исключительный характер в том смысле, что обычные меры или ограничения, допускаемые Европейской конвенцией для сохранения безопасности, здоровья и порядка, являются явно неадекватными⁶.

Критерий соразмерности (пропорциональности) означает, что дерогационные меры надлежит принимать только в той степени, в какой это требуется остротой положения. По замечанию Ко-

---

⁵ См.: Nowak M. Nowak M. UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. 2nd rev. ed. Arlington V., N.P. Engel. 2005. P. 89, 90.

⁶ См.: Greece v. UK. Comm. Report 5.11.69. Para. 153. // Yearbook of ECHR. No. 12. P. 72.

митета по правам человека требование пропорциональности касается 1) продолжительности, 2) территориального охвата и 3) материальной сферы действия чрезвычайного положения и любых мер, принимаемых в отступление от договорных обязательств. Таким способом обеспечивается сохранение последующего действия тех обязательств, от которых было совершено законное отступление⁷. Практика Европейских органов основывается на концепции пределов свободы усмотрения государства (англ. – margin of appreciation), которая применяется к оцениванию самим государством того, какие меры «...строго необходимы в связи с чрезвычайностью ситуации»⁸.

Критерий недискриминации предполагает требование о том, что принимаемые в отступление от договорных обязательств меры не должны влечь за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Такое основание, как национальная принадлежность не было включено в норму о недискриминации в связи, в частности, с тем, что методы обращения с иностранными гражданами в военное время могут быть несопоставимыми по отношению к коренному населению.

Критерий совместимости означает требование невозможности применения таких дерогационных мер, которые окажутся

---

⁷ Вместе с тем Комитет по правам человека неоднократно обращал внимание на то, что государства уделяют недостаточно внимания критерию соразмерности (пропорциональности). Им надлежит представлять подробное обоснование не только решения объявить чрезвычайное положение, но и любых конкретных мер, вытекающих из такого решения. Если государства хотят сослаться на право отступать от договорных обязательств во время, например, стихийного бедствия, массовых беспорядков, сопровождающихся проявлениями насилия, или крупной промышленной аварии, они должны быть в состоянии доказать не только то, что в подобной ситуации жизнь нации находится под угрозой, но и то, что они принимают все меры в отступление от обязательств только в такой степени, в какой это требуется остротой положения (см.: Замечание общего характера № 29 (72). П. 5).

⁸ См.: Гомбен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М. 1998. С. 480.

несовместимыми с другими обязательствами государства-участника по международному праву, в частности с нормами международного гуманитарного права. Отступление от договорных обязательств будет безосновательным, если повлечет за собой нарушение государством других международных обязательств, вытекающих как из норм иного международного договора, так и из норм общего международного права.

Критерий избирательности означает невозможность применения дерогационных мер по отношению к определенным обязательствам, затрагивающим фундаментальные права и свободы. Данный критерий исключает из сферы дискреционных полномочий государств определенные права человека, устанавливая, что органы власти обязаны обеспечивать их защиту вне зависимости от обстоятельств, складывающихся в стране.

Критерий международного уведомления связан с обязанностью государств, использующих право отступления от обязательств, соблюдать режим уведомления о введении чрезвычайного или военного положения и предпринятых дерогационных мерах. М.Л. Энтин считает необходимость уведомления лишь формальным требованием⁹. Однако предназначение данного критерия состоит в том, чтобы обеспечить выполнение наблюдательными (судебными) договорными органами функции по оценке того, принимает ли государство-участник меры только в такой степени, в какой это требуется остротой положений. Кроме того, режим международного уведомления позволяет другим государствам-участникам контролировать выполнение обязательств по международному договору. Таким образом, уведомление – это не просто техническая незначительная формальность, а процессуальная гарантия, обеспечивающая осуществление государственного и международного контроля за выполнением международных договорных обязательств.

Таким образом, использование права на отступление от выполнения части обязательств по правам человека сопряжено с обязанностью гарантировать не злоупотребление этим правом, добросовестным выполнением остальных обязательств, а также возоб-

---

⁹ См.: Энтин М.Л. Указ. соч. С. 36.

новлением выполнения обязательств при исчезновении исключительных обстоятельств (чрезвычайной ситуации). Понимание взаимосвязи права и обязанности говорит не только об уровне «правосознания», но и является общей гарантией добросовестного поведения государства. Такая корреляция удерживает государство от необоснованного использования права на дерогацию. В качестве нормативных границ правомерности/добросовестности использования права на дерогацию выступают соответствующие юридические критерии, содержащиеся в международных договорах и конкретизированные судебной и квазисудебной практикой.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ
В КАЗАХСТАНЕ**

Шолпан Валерьевна Тлепина

*профессор кафедры международного права
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева, д-р юрид. наук, профессор*

В истории юридической науки Казахстана исследования вопросов международного права поднимались впервые в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Инициаторами постановки проблем международного права были эвакуированные в Алма-Ату московские ученые.

В учебном процессе дисциплины международного права были введены преподавателями I Государственного юридического института (I ГЮИ) Народного комиссариата юстиции (НКЮ) СССР, по указанию названного комиссариата. В частности, НКЮ СССР указывал ввести лекции по дисциплинам «Иностранное гражданское право», «Международное частное право»,¹ «Англо-американское гражданское право» и «Англо-американский уголовный процесс».

В период пребывания московских ученых-юристов поднимались проблемы международного права. В архивах отложились до-

---

¹ См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 1694, оп. 1, д. 14, л. 108-108 об. В дореволюционный период на юридическом факультете МГУ читались дисциплины «Дипломатика и политическая экономия», «Международное право», в 1920–1930-е годы - «История международных отношений и международное право», «Международное право» и было организовано отделение «Международное право». См.: Герцензон А. Московский юридический институт и 185-летие высшего юридического образования (Исторический очерк) // Сов. государство и право. 1940. № 2. С. 134, 136–137, 139, 142.

кументы, свидетельствующие об определенной значимости международно-правовых исследований в связи с событиями Второй мировой войны. Так, например, в феврале 1943 года приказом по I ГЮИ была утверждена научная тема «Международные договоры и международные отношения накануне и в период Второй мировой войны». В состав научной группы входили доцент Дониях С.Б., профессор: Перетерский И.С.,² А.К. Стальгевич,³ М.У. Шац, П.И. Паркклис, А.А. Пионтковский, М.А. Чельцов-Бебутов, др. Они не только выступали с докладами на конференциях, митингах, но и разрабатывали вузовские курсы Международного права. Студенты,

---

² Иван Сергеевич Перетерский (1889-1956 гг.), доктор юридических наук, профессор. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, также учился в Швейцарии, Австрии. В 1920-е гг. находился под следствием ОГПУ. В 1936 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1939 году докторскую по теме «Применение буржуазными судами советских декретов о национализации». Был членом Внешнеторговой арбитражной комиссии и Морской арбитражной комиссии, экспертом советской делегации на совещаниях МИД СССР, членом Совета и Президиума Всесоюзной торговой палаты, зам. начальника договорно-правового управления МИД СССР, советником министра ин. дел СССР, профессором кафедры Международного права АОН при ЦК КПСС. Автор трудов по истории права, гражданскому, римскому праву. Один из авторов советской доктрины и учебника международного частного права. В I ГЮИ читал Римское право, Международное частное право, был членом Ученого совета, заместителем директора по учебной и научной работе. См.: Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. М.: Высшая школа. 1963. С. 65; ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 17, л. 79–79 об.; Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ), ф. 3038, оп. 2, д. 380, л. 3, 8, 13–15, 17, 19, 23, 32, 39, 115; Тлепина Ш.В. Высшее юридическое образование в Казахстане в годы Второй мировой войны (1941-1945 гг.) // Право и государство. 1015. № 1(66). С. 36-45.

³ См.: Альфред Кришьянович Стальгевич, к. гос. и прав. н., к. философ. н., доктор юридических наук, профессор. См.: Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е - 1991 гг.) // Вступительная статья – доктор юридических наук, профессор С.Ф. Ударцев. Алматы. 2005. С. 73-74; Она же. Высшее юридическое образование в Казахстане в годы Второй мировой войны (1941-1945 гг.) // Право и государство. 1015. № 1(66). С. 36-45.

преподаватели I ГЮИ НКЮ СССР остро ощущали нехватку учебников, среди них по международному праву. В 1942 г профессор С.М. Гофман,⁴ выразил готовность подготовить учебник «Международное право», профессор С.Я. Булатов - Сборник законодательства и судебной практики военного времени по Уголовному праву.⁵

Отношение эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска, Вильнюса и Риги преподавателей к подготовке казахстанских кадров юристов отражает переписка директора I ГЮИ Б.Я. Арсеньева с УУЗ НКЮ СССР. Так, в марте 1942 г. он пишет: «... мы ставим своей задачей создать кадры юристов из казахов путем широкого привлечения их в Институт и организации для казахов с высшим неюридическим образованием особой аспирантуры. Это - важное государственное дело, и мы просим получить в ВК ВШ разрешение на некоторые отступления от общих правил приема в Институт и зачисления в аспирантуру казахов. Тем самым работа 1-го государственного юридического института в городе Алма-Ата не останется бесследной для дальнейшей юридической культуры Казахской ССР», «... мы просим ВК ВШ и Вас (М.А. Красногорского) разрешить прием в Институт казахов из 9-го класса средней школы с тем, что учебный план 1-го курса будет дополнен с целью предоставления им необходимых общеобразовательных знаний. Нам казалось, что это мероприятие будет иметь большое значение для создания местных юридических кадров, в настоящее время почти от-

---

⁴ Станислав Маркович Гофман, доктор юридических наук, профессор, специалист в области теории и истории государства и права, международного права, эвакуирован в Алма-Ату из Минска НКЮ СССР. В списке эвакуированных научных работников, зачисленных в Алма-Атинский юридический институт о нем, говорится: профессор международного права Минского юридического института Б.Я. Арсеньев пишет начальнику УУЗ НКЮ СССР М.А. Красногорскому и уполномоченному по ВК ВШ по Средней Азии Плоткину о Гофмане как о профессоре международного права. 24 ноября 1942 года переведен в Свердловский юридический институт. См.: ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 13, л. 111; д. 14, л. 108 об.; д. 17, л. 210; д. 535, л. 2-2об., 24

⁵ См.: Тлепина Ш.В. Высшее юридическое образование в Казахстане в годы Второй мировой войны (1941-1945 гг). // Право и государство. 1015. № 1(66). С. 36-45.

сутствующих», кроме того они проводили большую работу (профориентационную) по привлечению в Институт инвалидов Великой Отечественной войны в госпиталях с целью популяризации высшего юридического образования в Казахстане, освобождения казахов от оплаты за обучение.⁶

Для повышения военно-юридической квалификации работников военных трибуналов Красной Армии, Военно-Морского флота и войск НКВД приказом НКЮ СССР от 14 декабря 1942 г. в I ГЮИ было организовано чтение. Списки преподавателей, ведущих занятия на данных курсах, утверждались ГУ Военных трибуналов НКЮ СССР.⁷

Еще одно важное направление, выполненное учеными-юристами, профессорско-преподавательским составом эвакуированных в Казахстан научных учреждений и вузов состояло в подготовке кадров профессиональных ученых правовой науки. Так, например, выпускник Ленинградского юридического института М.К. Ермагамбетов⁸, обучавшийся в аспирантуре КазГУ им. С.М. Кирова по специальности История ВКП (б) был переведен в аспирантуру I ГЮИ на специальность - уголовный процесс⁹ по инициативе директора Арсеньева Б.Я.¹⁰ 20 апреля 1942 года Б.Я. Арсеньев писал в

---

⁶ ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 14, л. 47-51, 72, 132.

⁷ См.: ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 15, л. 25.

⁸ Мутагаллим Каиршинович Ермагамбетов, кандидат юридических наук, доцент. Поступил в Ленинградский юридический институт (1935), 16 января 1938 г. перевелся и окончил Ленинградский филиал ВЮЗИ НКЮ СССР. См.: А НАН РК, ф. 1, оп. 4-Л, д. 37, л. 25; Архив КазНУ им. аль-Фараби (А КазНУ им. аль-Фараби), ф. 1352, оп. 2, д. 2, л. 10, 16; Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). С. 81.

⁹ ЦМММ, ф. 3038, оп. 2, д. 1855, л. 9.

¹⁰ Борис Яковлевич Арсеньев (Лейбман), доктор юридических наук, профессор, специалист в области уголовного процесса. Окончил Императорский Новороссийский университет (г. Одесса), учился в г. Берлине. Работал прокурором г. Москвы, Государственным арбитром, директором ВЮИОН, Московского юридического института. Докторскую диссертацию «Гарантия прав личности в советском уголовном процессе» защитил 11 октября 1947 года. Официальными оппонентами были М.С. Строгович,

Управление учебных заведений (УУЗ) НКЮ СССР в Москву и отдел подготовки и переподготовки кадров НКЮ СССР в город Чкалов Оренбургской области о переведенном аспиранте «Это - первый казах в аспирантуре нашего Института».¹¹

Следует отметить, что в I ГЮИ (приказ ВК ВШ № 22/Ш от 6 апреля 1942 года) был разрешен прием докторских и кандидатских диссертаций с присуждением ученой степени кандидата юридических наук и представление к ученой степени доктора юридических наук по 14 научным специальностям. Среди них - Международное право.¹² Отметим, что в соответствии с номенклатурой специальностей аспирантов экономических и правовых институтов (приказ ВК ВШ № 65 от 24 марта 1943 г.) подготовка аспирантов по специальности международное право (в документе выделено международное публичное и международное частное право) осуществлялось в трех вузах: I ГЮИ НКЮ СССР, Ленинградском юридическом институте, Московском институте внешней торговли. Для сравнения: подготовка аспирантов по специальности государственное право в

А.А. Пионтковский, А.Ф. Клейнман. Подвергся репрессии за «ряд политических ошибок, выразившихся в том, что он дал хвалебный отзыв на докторскую диссертацию т. Шифмана и положительную рецензию на учебник проф. Строговича, содержащего грубые политические ошибки, ... восторженно отзывался об англо-американском правосудии, не показывая преимуществ советского процессуального права» (Из приказа № 308 от 26 мая 1949 г. директора Московского ЮИ Ф.М. Бутова), впоследствии был освобожден от должности заведующего кафедрой уголовного процесса, профессора кафедры, от работы в Институте. Б.Я. Арсеньев был заведующим кафедрой «Судебного права», директором, председателем Совета I ГЮИ. Состоял членом Методического совета при НКЮ СССР. Б.Я. Арсеньев был официальным оппонентом П. Турсунмухамедова диссертации «Допрос на предварительном следствии», аспиранта Сектора права АН КазССР. См.: ЦМAM, ф. 3038, оп. 2, д. 25, л. 1 об.; Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). С. 71, др.

¹¹ ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 14, л. 72.

¹² Это специальности – теория государства и права, история государства и права, история государства и права СССР, государственное право, международное право, административное право, земельное и колхозное право, гражданское право, гражданский процесс, трудовое право, финансовое право, уголовное право, уголовный процесс, криминалистика (в документе эта последовательность-Ш.Т.). См.: ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 17, л. 79 об.

І ГЮИ, а также в Ленинградском, Казанском, Ташкентском, Свердловском юридических институтах.¹³

6 сентября 1943 года Ермагамбетов публично на диссертационном совете І ГЮИ была защищена кандидатская диссертация на тему «Свидетельские показания в качестве судебных доказательств в советском уголовном процессе». Полагаем, что научным руководителем был Б.Я. Арсеньев.¹⁴ В приложении № 1 к приказу № 247 постановления СНК и ЦК КП (б) Казахстана «О подготовительных мероприятиях к организации АН Казахской ССР» от 18 августа 1944 года в списке кандидатов наук, защищающих диссертации на соискание ученой степени доктора наук в 1945 году указаны фамилии Ермагамбетова А.¹⁵ (номер 19) и Культелеева (без инициалов и под номером 22) (подписано Управделами СНК Казахской ССР Кузембаевым).¹⁶

Известно, что Ермагамбетов работал заместителем председателя Алма-Атинского областного суда, одновременно преподавал в Алма-Атинской юридической школе, был старшим преподавателем кафедры уголовного процесса; доцентом кафедры судебного права Алма-Атинского юридического института; председателем областной коллегии адвокатов Алматинской области; в Народном комиссариате иностранных дел Казахской ССР; в Секторе права АН КазССР.¹⁷

Был направлен в докторантуру на период с 14 апреля 1949 г. по 15 мая 1953 года.¹⁸ Тема докторской диссертации, определенная в Секторе права – Преступления против мира и безопасности человечества.¹⁹

---

¹³ См.: ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 20, л. 7-8.

¹⁴ ЦМММ, ф. 3038, оп. 2, д. 1855, л. 1.

¹⁵ Возможно, что опечатка в заглавной букве имени – Ш.Т.

¹⁶ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК), ф. 708, оп. 8, д. 43, л. 236.

¹⁷ ЦГА РК, ф. 1694, оп. 1, д. 17, л. 79 об.; А НАН РК, ф. 1, оп. 1, д. 700, л. 19.

¹⁸ См.: Архив Института государства и права Российской Академии Наук (А ИГиП РАН). Каталог. Ермагамбетов М.К.

¹⁹ См.: Архив Национальной Академии Наук Республики Казахстан (А НАН РК), ф. 10, оп. 18, д. 15, л. 114.

Однако в Институте права тема и научный консультант менялись еще дважды: 1) 29 августа 1950 года указана тема «Взаимная помощь государств в преследовании преступников войны», научный консультант - А.Н. Трайнин (имеется заключение Бюро отделения экономики и права АН СССР); 2) в 1952 году тема «Основные международно-правовые принципы в деятельности международного военного трибунала а Нюрнберге и Токио», указаны специальность - международное право и научный консультант – доктор юридических наук С.Б. Крылов.²⁰ 19 июня 1952 года Институт права АН СССР направил письмо заведующему Сектором права о «... желательном обсуждении на заседании Сектора законченной диссертации докторанта Ермагамбетова М.К.».²¹ 14 августа 1952 года Л.В. Дюков отвечал о проведении обсуждения диссертации.²² Однако 15 сентября 1952 года Ермагамбетов был отчислен из состава докторантов Института права АН СССР и направлен в распоряжение Алма-Атинского юридического института.

15 ноября 1952 года Президиум АН Казахской ССР (Главный ученый секретарь АН Казахской ССР Д.В. Сокольский, письмо было подготовлено Т.М. Культелеевым) обратился с письмом директору Института права АН СССР профессору П.Е. Орловскому, заведующему Сектором международного права член-корреспонденту АН СССР Е.А. Коровину об оказании содействия кандидату юридических наук, доценту М.К. Ермагамбетову в скорейшей защите им докторской диссертации в виду отсутствия в Казахской ССР специалистов по международному праву.²³

Из других редких сведений о Ермагамбетове известно, что он работал в Алма-Атинском юридическом институте доцентом. В 1953 году он был исключен из рядов ВКП (б)²⁴. Других сведений о

СССР на страже мира и безопасности. Алма-Ата : Казгосиздат, 1961. 336 с.

²⁰ См.: А ИГиП РАН. Ермагамбетов М.К. Лл. 12, 15, 30, 60, 71.

²¹ А НАН РК, ф. 10, оп. 18, д. 15, л. 115.

²² См.: Там же. Л. 114.

²³ См.: А НАН РК, ф. 10, оп. 18, д. 15, л. 149-150; Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). С. 122.

²⁴ АП РК, ф. 708, оп. 27, д. 423, л. 5-6

нем не известно. Совсем недавно в Москве удалось найти его монографию, изданную в 1961 году.²⁵

Т.М. Культелеев оказывал поддержку другому аспиранту Сектора права, которого также готовили как специалиста по международному праву. Приблизительно в ноябре 1949 года. Культелеев в письме к директору Института права АН СССР, доктору юридических наук, профессору, член-корреспонденту АН СССР и директору Высшей дипломатической школы МИД СССР В.И. Лебедеву писал об отсутствии в Казахстане ученых-юристов по международному праву и просил принять в аспирантуру на весь период А.А. Аккушкарлова.²⁶ 14 декабря 1949 года было направлено письмо заведующему Архивным управлением МИД СССР профессору В.М. Хвостову как мы полагаем для сбора материалов по диссертации.²⁷ Сектором права была определена тема диссертационного исследования аспиранта «Вопросы границы Казахстана в международном праве».²⁸ Вероятно, что в 1949 году Аккушкарлов не поступил в аспирантуру, поскольку в планах приема в аспирантуру на 1950 год запланировано одно место в аспирантуру по специальности международное право и определен научный руководитель будущего аспиранта - член-корреспондент АН СССР, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором международного права Е.А. Коровин, имеется письмо Президиума АН Казахской ССР от 3 января 1950 года с просьбой быть научным руководителем научного сотрудника Сектора права А.А. Аккушкарлова по теме «Вопросы границы Казахстана в международном праве».²⁹ В по-

---

²⁵ См.: Ермагамбетов М.К. СССР на страже мира и безопасности народов. Алма-Ата: Казгосиздат, 1961. 336 с.

²⁶ Ахмет Аккушкарлович Аккушкарлов, выпускник Куйбышевского педагогического института. См.: А НАН РК, ф. 10, оп. 18, д. 8, л. 174, 176; д. 10, л. 6; ф. 2, оп. 1-Л, д. 46, св. 14, л. 51.

²⁷ См.: А НАН РК, ф. 10, оп. 18, д. 8, л. 175.

²⁸ См.: Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е - 1991 гг.). С. 121, 319.

²⁹ А НАН РК, ф. 10, оп. 18, д. 8, л. 181; д. 10, л. 6. Положительный ответ о предоставлении научного руководителя для А.А. Аккушкарлова был получен 23 января 1950 г. См.: А НАН РК, ф. 10, оп. 18, д. 10, л. 13.

следствии Аккушкаров перевелся на другую работу, после чего сведения о нем прерываются. Нам пока не известно защищена ли им кандидатская диссертация по международному праву.

Только в 1958 году У.С. Джекебаев³⁰ защитил кандидатскую диссертацию в Институте права АН СССР на тему «Компетенция и роль Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН в мирном разрешении споров».³¹

Таким образом, мы еще раз установили:

1) деятельность профессорско-преподавательского состава, ученых-юристов и практиков, работавших в I ГЮИ НКЮ СССР, оказала большую помощь и влияние на становление и развитие высшего юридического образования и правовой науки в Казахстане, в том числе международного права. Вместе с тем, остается не изученным вопрос о причинах продолжительного отсутствия кандидатов и докторов юридических наук по международному праву в Казахстане в период с 1958 г. до 1978 г.

Ровно через 20 лет была защищена кандидатская диссертация по международному праву на тему «Суверенитет и международная правосубъектность союзных республик (критика буржуазных концепций на примере Казахской ССР)» М.А. Сарсембаевым³² в Московском государственном институте международных отношений МИД СССР. Докторскую диссертацию на тему «Вопросы международного права в истории Казахстана и Средней Азии (с XV века по настоящее время)» он успешно защитил в секторе международного

---

³⁰ Узюкен Суйкунбаевия Джекебаев, д.ю.н., профессор. См.: Биобиблиография обществоведов Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1086. С. 149-150; Сартаев С. Юристы Казахстана в лицах. Алматы, 2002. С. 182; Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е – 1991 гг.). С. 364.

³¹ Государственно-правовая наука в Казахстане. Библиографический указатель 1930-е гг. – 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В. Тлепина; подразделы 1,2,5 раздела II – Ш.В. Тлепина и С.Ф. Ударцев / Под ред. д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Прил.: перечни период. изд., список сокр. – Ш.В. Тлепина. Алматы: КазГЮУ, 2005. С. 348.

³² Марат Алдангорович Сарсембаев, доктор юридических наук, профессор. См.: Сартаев С. Юристы Казахстана в лицах. С. 370; Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е - 1991 гг.). С. 215, др.

права Института государства и права Российской Академии наук в 1994 году;

2) руководство АН Казахской ССР, Сектора права, лично Т.М. Культелеев неоднократно предпринимали возможности для подготовки кадров юристов-международников. В архивных документах указаны две фамилии – Ермагамбетова, Аккушкарова;

3) первая защита кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук казахстанским аспирантом в Казахстане состоялась на Диссертационном совете I ГЮИ НКЮ СССР 6 сентября 1943 года. М.К. Ермагамбетов, выпускник ленинградской школы юристов, первым защитил кандидатскую диссертацию по уголовному процессуальному праву в 1943 году и первым подготовил докторскую диссертацию по международному процессуальному праву. Однако по неизвестным для нас причинам не защитил. Возможно, что это было связано и репрессиями против Б.Я. Арсеньева;

4) становление и развитие науки международного права в советском Казахстане было обусловлено политико-правовой идеологией советского государства. В советский период в Казахстане в ряде направлений правовой науки наблюдается наименьшее количество исследовательских работ. В этом значении международное право не одиноко. К примеру, за весь советский период защищена только одна кандидатская диссертация по истории государства и права зарубежных стран в 1940 году Л.В. Дюковым.

В 31 вузе готовят специалистов по специальности международное право, в некоторых из них по трем уровням – бакалавриат, магистратура, докторантура. Первая кафедра Международного права была открыта в Казахском национальном университете им. аль-Фараби доктором юридических наук, профессором М.А. Сарсембаевым в 1991 году. Подготовка обучающихся образовательных программ Международное право активно осуществляется в Евразийском национальном университете имени Л.Н. Гумилева (ЕНУ).

Кафедра Международного права ЕНУ была организована в 2008 году, первым заведующим стал доктор юридических наук, профессор Е.М. Абайдельдинов. Е.М. Абайдельдинов активно участвует в разработке фундаментальных научных исследований; в

работе международных и республиканских различных научных форумов, теоретических семинаров; авторитетный эксперт законопроектов, концепций законов; автор нескольких монографий и учебников, др. Он является членом редакционного совета журнала «Международное право – International Law», учредителем которого являются Российский университет дружбы народов (РУДН) и Российская Ассоциация международного права. Прошел научно-педагогическую стажировку в Кембриджском университете (Великобритания).

Кафедра Международного права активно сотрудничает с международными организациями – ПРООН и ее организации, Международный Комитет Красного Креста, др. и университетами стран СНГ – РУДН, МГИМО (Университет), МГУ им. М.В. Ломоносова, СЗИУ РАНХ и ГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург), Казанский Федеральный университет, др.

Необходимо выделить роль кафедры Международного права Российского университета дружбы народов в реализации образовательных программ магистратуры и докторантуры названной специальности, в том числе по программе двойного диплома с 2009 года. Научным руководителем докторантов является доктор юридических наук, профессор, профессор РУДН и МГИМО (Университета), вице-председатель комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН А.Х. Абашидзе, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права РУДН А.М. Солнцев.

В настоящее время наука международное право активно развивается в нашей стране. Потенциал этой науки большой.

Новое поколение ученых-юристов внесут свой вклад в развитие казахстанской школы юристов-международников и в разрешение проблем международного права мирового сообщества.

**РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА,
ИЛИ ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ
СОГЛАСНО ТЕОРИИ НАСИЛИЯ**

Виктор Александрович Чернобай

*магистрант кафедры юриспруденции и
судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого*

Татьяна Анатольевна Долгополова

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
юриспруденции и судебно-технической экспертизы
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого*

В XXI веке, когда геополитическая карта довольно чётко разграничивает государства, всё равно возникают конфликты, связанные с оспариванием границ или сфер влияния в определённых территориях. Наблюдая за недавними событиями, а в частности - Евромайданом на Украине, то можно заметить, что помимо международных территориальных споров могут существовать и внутренние. А именно образование конфедерации Новороссия, в состав которой входят самопровозглашённые народные республики ДНР и ЛНР (Донецкая народная республика; Луганская народная республика). В данной статье на примере кризиса на Украине, переросший в результате в конфликт между группой людей, оказавшихся у власти и не согласными с легитимностью власти, который вылился в ожесточённый вооружённый конфликт на востоке Украины.

Целью научной работы будет рассмотрение, с точки зрения теории возникновения государства по средству внутреннего насилия- на примере ДНР и ЛНР.

Существует множество мнений наших современников о предпосылках кризиса на Украине. Но всё же, более убедительнее зву-

чит мнение, что Украина – это то государство, на территории которого возникает борьба Запада и Востока за сферу влияния в Евразийском пространстве. Рассмотрим события ноября 2013г. на Украине, а также хронологию которая привела к образованию Донецкой народной республики и Луганской народной республики (далее ДНР и ЛНР).

В конце ноября 2013 года на Украине начались массовые акции протеста, вызванные отказом правительства Н.Я. Азарова подписать соглашение об ассоциации с Евросоюзом. 21 февраля 2014 г. президент Украины В.П. Янукович подписал с оппозицией соглашение об урегулировании кризиса на Украине. В тот же день Президент Республики Украина В.П. Янукович покинул Киев. На следующий день Верховная рада, в которой бывшая оппозиция сформировала большинство, приняла постановление, в котором утверждалось, что Янукович «неконституционным образом самоустранился от осуществления конституционных полномочий» и не выполняет свои обязанности, а также назначила досрочные президентские выборы на 25 мая 2014 г. С марта в юго-восточных регионах Украины стали проходить акции протеста против действий нового руководства страны. Протестующие отказывались признавать новые украинские власти, выступали за федерализацию Украины и против новых губернаторов, назначение которых считали нелегитимным, выбирали «народных руководителей» своих регионов.

6 апреля после очередного митинга протеста его участники захватили здание Донецкого областного совета и областной государственной администрации, и 7 апреля сформировали «Народный совет», который принял Декларацию о суверенитете ДНР и Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики. Народный совет также принял решение о проведении референдума о самоопределении ДНР не позднее 11 мая 2014 года, при этом было заявлено, что эта дата была согласована с Луганской и Харьковской областями.

В тот же день временно исполняющий обязанности президент Украины Александр Турчинов в своём телевизионном обращении заявил, что в отношении людей, занявших с оружием в руках административные учреждения в Луганске, Донецке и Харькове, власти страны будут проводить «антитеррористические мероприятия».

8 апреля «Народный совет» приступил к формированию «временного народного правительства». На заседании «Народного совета», среди прочего, было заявлено о непризнании новой украинской власти, об увольнении всех назначенных ею руководителей силовых ведомств региона и губернатора Сергея Таруты, о назначении на 11 мая референдума по самоопределению Донбасса.

10 апреля председатель «временного правительства» ДНР Денис Пушилин объявил о начале формирования собственной «народной армии» «для защиты народа и территориальной целостности республики». Первым её командующим стал Игорь Хакимзянов; было предложено вступать в «народную армию» бывшим и действующим офицерам и активистам «сил самообороны», созданных митингующими.

До утра 12 апреля территория «Донецкой народной республики» фактически ограничивалась одним зданием в центре Донецка - областной государственной администрацией. В субботу, 12 апреля, о поддержке провозглашённой в Донецке ДНР сообщили из Славянска, Мариуполя, Енакиева, Краматорска и ряда небольших городов области.

13 апреля временно исполняющий обязанности президента Украины Александр Турчинов заявил в телеобращении, что в связи с событиями на востоке страны Совет национальной безопасности и обороны Украины принял решение начать широкомасштабную антитеррористическую операцию с привлечением вооружённых сил.

12 мая 2014 года в соответствии с результатами состоявшегося 11 мая референдума о самоопределении Донецкой Народной Республики и на основании декларации о независимости от 7 апреля 2014 г. была провозглашена суверенная Донецкая Народная Республика. В тот же день сопредседатель временного правительства ДНР Денис Пушилин зачитал воззвание, в котором содержалась просьба к РФ рассмотреть вопрос о вхождении Донецкой Народной Республики в состав России. В воззвании высшим органом государственной власти ДНР было объявлено Республиканское собрание, которое формирует правительство и Совет безопасности ДНР. Новое государственное образование обязалось соблюдать свободу совести и вероисповедания всех традиционных религиозных конфессий и

уважать традиционные точки зрения в сфере религии. Текст документа содержал также положение об отрицании всех форм фашизма, национализма, шовинизма и расовой дискриминации.

24 мая того же года Донецкая и Луганская народные республики подписали документ об объединении в конфедерацию Новороссия. 4 ноября в ДНР, одновременно с ЛНР, прошли всеобщие выборы. Главой ДНР был избран Александр Захарченко. Депутатские места в Народном совете распределились между «Донецкой республикой» (68,35 % от числа действительных бюллетеней) и «Свободным Донбассом» (31,65 % от числа действительных бюллетеней). Народный совет был избран сроком на четыре г. в количестве 100 депутатов, из них «Донецкая республика» получила 68 депутатских мандатов, «Свободный Донбасс» - 32 мандата.

4 февраля депутаты Донецкой Народной Республики провозгласили ДНР государством-преемником Донецко-Криворожской Республики. Правопреемство заявлено от государственного образования - республики, в дальнейшем вошедшей в состав УССР, СССР, а после 1991г. в данная территория, объект правопреемства перешла в состав Республики Украина.

В конце января - первой половине февраля ВС ДНР совместно с ВС ЛНР окружили и уничтожили украинскую группировку под Дебальцево. Части окружённых украинских подразделений удалось прорваться на соединение с основными силами.

1 сентября финансовая система ДНР перешла на расчёты в российской валюте. 16 сентября главой ДНР Александром Захарченко был подписан указ о проведении 18 октября местных выборов в ДНР. Впоследствии выборы были отложены. 16 марта в ДНР приступили к выдаче собственных паспортов.

После приведенных данных, изложенных в хронологическом порядке возникает твердое убеждение в реализации теории насилия в современных реалиях XXI века: а) Возможно ли такое отделение от Украины с точки зрения международного права. По-нашему мнению – возможно; б) Обладают ДНР и ЛНР признаками государства. По нашему мнению- обладают; в) Можно ли утверждать, что возникновение Новороссии, как государственного образования - это ни что иное как, прямое подтверждение теории «возникновения государства путём внутреннего насилия». На наш взгляд, вполне допустимо.

1. Международной правовой статус ДНР и ЛНР подкрепляется и фактически определяется правом народов на самоопределение, согласно целям и принципам ООН, закреплённых как в статье 1 Главы 1 Устава ООН, которая провозглашает основные принципы ООН, так и в различных документах ООН о правах человека.

Так же, помимо Устава ООН о самоопределении как праве народов говорят: Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года; Венская декларация и программа действий Всемирной конференции ООН по правам человека от 25 июня 1993 года и др. Международное право народов на самоопределение и независимое развитие по Уставу ООН гарантируется народам ДНР и ЛНР. Получается с точки зрения международного права имеет место существование таких, как Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика.

2. Согласно Теории государства и права- признаками государства является: наличие публичной власти; системы налогов, податей, займов; территориальное деление населения; право; монополии на право творчество; монополии на применение силы; устойчивые правовые связи с населением, проживающим на её территории; обладание определёнными материальными средствами для проведение своей политики; монополия на официальное представительство своего общества; суверенитет; наличие государственной символики. Под все эти признаки подпадают Донецкая народная Республика и Луганская народная Республика.

3. Согласно теории немецкого экономиста и философа Евгения Дюринга, который считал, что государство и право возникло вследствие внутреннего насилия одной группы людей над другой. В результате порабощения слабых более сильными происходит подразделение на классы, возникает частная собственность и зарождается государство.

Пробуем сопоставить эту теорию с событиями на Украине. Как правопреемник, Донецко-Криворожской республики, ДНР и ЛНР выразили свою волю на самоопределение народа, и захватили власть, заявив, что они не являются частью Украины. Другими словами, они отвоевали свою территорию на которой образовалась

конфедерация Новороссия. Получается образование ДНР и ЛНР очень хорошо вписывается в теорию Е. Дюринга.

В заключение хотелось бы сказать, что образование новых государств и признание их международным сообществом это ни что иное, как претворение в жизнь главных принципов на самоопределение народов. Хорошо или плохо, для мировой стабильности с точки зрения экономики и баланса сил...? Возможно. Время покажет.

На примере Донецкой народной республики и Луганской народной республики мы можем увидеть, что возникновение государства согласно теории насилия имеет место существованию. У этой теории имеются свои сторонники так же, как и те, кто не согласен с ней. На мой взгляд, данная теория имеет право на существование. Возможно, в дальнейшей перспективе найдутся более мирные способы на самоопределение народов и удастся избежать ненужных жертв, но на данный момент тенденция такова, что все больше возникает конфликтов на этой почве и окончательного решения этой проблемы не нашлось.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТНК ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Анастасия Вадимовна Чистякова

студент юридического института РУДН

С началом развития деятельности транснациональных корпораций (далее - ТНК) остро встал вопрос об их ответственности в случае нарушения положений международного права. Сегодня приблизительно 100.000 корпораций производят около 25% мирового ВВП, а объем капитала может превышать бюджеты некоторых небольших государств. Исходя из этого, возникает вопрос, как решаются вопросы ответственности ТНК в случае нарушения ими норм международного права. Чтобы на него ответить, для начала нужно дать определение понятию ТНК и разобраться в их «международной правосубъектности».

Существует несколько подходов к определению понятия ТНК. В частности, Комиссия ООН по праву международной торговли (далее - ЮНСИТРАЛ) предлагает термин «многонациональная компания», который охватывает «компании, которые через отделения, филиалы или иные организации занимаются значительной коммерческой или иной экономической деятельностью в государствах иных, нежели государство, в котором находится контролирующий или принимающий решения центр».¹ В рамках ООН ТНК определяется как «предприятие, которое обладает на праве собственности или осуществляет контроль производства или оказания

---

¹ См.: Лысенко Д.Л. Проблема правового статуса транснациональных корпораций: международно-правовые аспекты. // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. М. 2003. С. 7.

услуг за пределами страны базирования».² Данный подход будет использоваться в рамках настоящего исследования.

На протяжении многих лет ведутся споры о признании международной правосубъектности ТНК. Стоит отметить, что международная правосубъектность отличается от правосубъектности в национальном праве. Международная правосубъектность включает в себя право участвовать в процессе образования норм международного права³. Как известно, таким правом обладают только государства, государственно-подобные образования, международные неправительственные организации, а также нации и народы, борющиеся за самоопределение. ТНК же являются юридическими лицами, которые зарегистрированы в том или ином государстве, и их деятельность будет регулироваться в соответствии с законодательством этого государства. Кроме того, корпорации создаются непосредственно для получения прибыли и ведения хозяйственной деятельности, которая имеет частноправовой характер. В результате, несмотря на то, что такие корпорации играют значительную роль в развитии мировой экономики и даже политики, заключают договоры с государствами, серьезным образом затрагивают в своей деятельности права человека, по мнению большинства ученых, они не являются субъектами международного публичного права и не обладают международной правосубъектностью. Вместе с тем, вопросы ответственности ТНК, в частности, за нарушения прав человека являются очень актуальными.

Не стоит забывать и о структуре ТНК, которая состоит из материнской и дочерних компаний, а также различных филиалов⁴. Все они могут находиться в разных государствах, что значительно усложняет разработку единого международно-правового акта в области привлечения ТНК к ответственности.

---

² См.: Wouters J., Chanet L. Corporate Human Rights Responsibility: A European Perspective // *Northwestern Journal of International Human Rights*. 2008. № 6. P. 44.

³ См.: *Международное право. Учебник.* // Под ред. А.Н. Вылегжанина. М. 2011. С. 122.

⁴ См.: Лукашук И.И. *Международное право. Учебник.* 3-е изд. М. 2005. С. 119.

В связи с быстрым ростом количества ТНК, с 70-х годов прошлого века начались активные попытки создания механизма, регулирующего их деятельность⁵. Однако, несмотря на то, что прошло уже почти пол века, на сегодняшний, на наш взгляд, в наличии недостаточное количество норм, регулирующих ответственность ТНК. За все эти годы было сформировано и предложено множество подходов, которые возлагают на корпорации ответственность, в том числе за нарушение прав человека. К их числу, например, относится «Проект норм, касающихся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека».⁶ Этот документ был разработан Рабочей группой ООН в 2003 году, однако Комиссия ООН по правам человека его отвергла.⁷ Документ предусматривал наделение ТНК функциями по признанию и защите прав человека, что является непосредственной функцией государства и могло бы навредить его суверенитету.

Также, еще в 1999 году Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на Всемирном экономическом форуме в Давосе предложил идею создания этического кодекса поведения ТНК, который возлагал на корпорации так называемую «позитивную» ответственность. На сегодняшний день эта идея существует в форме акта мягкого права, а именно Глобального договора ООН. Он закрепляет 10 принципов в области охраны прав человека, трудовых отношений, обеспечения защиты окружающей среды и борьбы с коррупцией.⁸ Однако в связи с тем, что присоединение организаций к этому Договору происходит на добровольной основе, вопрос установления

---

⁵ См.: Сулейманов М.Р. К вопросу об ответственности ТНК за нарушения в области международного права. // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 2.

⁶ Проект норм, касающихся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека. 4 августа 2003 года. // Документы ООН E/CN.4/Sub.2/2003/12/Rev.1.

⁷ См.: Стасенков П.А., Ковалева О.А. Правовое регулирование ответственности транснациональных корпораций в рамках международного права // Наука вчера, сегодня, завтра. Сборник статей по материалам XLIII международной научно-практической конференции. 2017. № 2(36). С. 130.

⁸ См.: Сайт Глобального договора ООН. // URL: <http://www.globalcompact.ru/10-princzipov.html> (дата обращения 18.04.2017г.).

ответственности ТНК и контроля за соблюдением положений остается открытым.

Влияние деятельности ТНК на общество может быть двояким. С одной стороны, она способствует развитию международных торговых отношений, повышению уровня технологического развития общества, увеличению числа рабочих мест. С другой - она может негативным образом затрагивать права человека, а слаборазвитые государства могут стать зависимыми от инвестиций ТНК.⁹ Помимо этого, корпорации своей деятельностью могут нанести непоправимый вред окружающей среде. Последняя проблема вызывает наибольшие опасения и требует скорейшего разрешения, но международное сообщество однозначно не может ее решить уже на протяжении нескольких десятилетий. Закономерно встает вопрос: если деятельность ТНК регулируется национальным законодательством, каковы механизмы привлечения их к ответственности за нарушения норм международного права и причинение ущерба субъектам международного права.

Существуют международно-правовые акты, в той или иной мере разрешающие этот вопрос. Например, Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 года. Этот документ разработан в рамках Международной морской организации (ИМО), вступил в силу в 1975 году и является действующим в наши дни. Его основные положения заключаются в следующем:

1. Закрепляются понятия «судно», «собственник судна», «государство регистрации судна», «ущерб от загрязнения» и так далее.
2. Определяется ответственность собственника судна за ущерб.
3. Судно, перевозящее более 2000 тонн нефти, должно быть застраховано.
4. Конвенция распространяется только на ее государств-участников.

---

⁹ См.: Weiler K. Transnationale Unternehmen im rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite völkerrechtlicher Standards // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2009. S. 127.

Определяющим и самым главным в документе является положение об ответственности собственника судна - лица, зарегистрированного в качестве собственника судна, а в случае отсутствия регистрации – лица, собственностью которого является судно - за любой ущерб, который был причинен принадлежащим ему судном.¹⁰ Это напрямую говорит об ответственности ТНК за действия, причиняющие ущерб окружающей среде.

В этой связи, следует обратиться к делу «Эквадор против Chevron»¹¹. В 1967 году американская нефтегазовая компания Техасо обнаружила в республике Эквадор нефть и в 1972 году занялась ее добычей в рамках консорциума с правительством страны. В 1990 году деятельность по добыче нефти была прекращена, а свою долю Техасо продали эквадорской нефтяной компании. Спустя три года, около тридцати тысяч эквадорцев подали коллективный иск в федеральный суд США с требованием взыскать с Техасо двадцать семь миллионов долларов за причиненный экологии вред. Они утверждали, что из-за действий нефтегазовой компании пострадало сельское хозяйство, погибли животные, а также среди населения выросло число больных раком.

Вскоре, стремясь урегулировать конфликт, в 1998 году Техасо подписала соглашение с правительством Эквадора, согласно которому обязалась выплатить сорок миллионов долларов на ликвидацию последствий загрязнения от своей деятельности. Однако эквадорцы свой иск не отозвали. В 2001 году компания Техасо объединилась с Chevron¹², а в 2002 году суд США вынес решение, по которому дело следует передать под юрисдикцию Эквадора и, соответственно, ответчиком выступал уже Chevron.

Не дожидаясь решения суда Эквадора, США в 2006 году обратились в Постоянную палату третейского суда в Гааге. Однако на

---

¹⁰ См.: Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью от 29 ноября 1969 года. // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901624> (дата обращения 17.04.2017г.).

¹¹ См.: Закиянов Д. Эквадор отсудил у Chevron \$8,6 млрд. // Экономические Известия. 16 февраля 2011 года.

¹² Сайт газеты Эхо. URL: <http://archives.echo.az/?p=6315> (дата обращения 18.04.2017г.).

сегодняшний день дело до сих пор находится в стадии «ожидания».¹³

Судебное разбирательство в Эквадоре длилось 18 лет. В итоге, суд города Лаго-Агрио удовлетворил иск эквадорцев и вынес беспрецедентное решение, обязав выплатить Chevron 8,6 миллиардов долларов, а также в течение 15 дней принести публичные извинения. В противном случае, размер штрафа будет удвоен, что собственно и произошло. Судебные тяжбы продолжались, и в 2013 году дело дошло до Национального суда Эквадора, который оставил в силе решения нижестоящих судов, однако сумма выплат от Chevron сократилась до 9,5 миллиардов долларов.¹⁴

Несмотря на столь долгое судебное разбирательство и вынесенное судом решение о виновности нефтяного гиганта, он продолжает отрицать свою вину, находя все новые и новые оправдания. В результате до сих пор ущерб за загрязнение окружающей среды и причинение серьезного вреда здоровью эквадорским гражданам не возмещен.

Как уже отмечалось, на сегодняшний день в международном праве не существует единого международного акта, устанавливающего механизм привлечения ТНК к ответственности на основе международного права. Также многое зависит от имплементации существующих международных актов в национальное законодательство. Помимо этого, долгие споры по поводу международной правосубъектности ТНК тормозят полноценное решение вопроса о правах и обязанностях этих компаний в международном праве.

ТНК, благодаря своей структуре, способны «выбирать применимое право» посредством выбора места производства, договоренностей с принимающим государством, использования своего доминирующего положения в сложившейся экономической ситуации. Это означает определенный суверенитет по отношению к нацио-

---

¹³ См.: Chevron Corporation and Texaco Petroleum Company v. The Republic of Ecuador. Permanent Court of Arbitration. 2009. // URL: <http://pcaspra.org/ru/cases/49> (date accessed 18.04.2017г.).

¹⁴ См.: Эквадорские лица на фоне нефти. // Сайт журнала Международная жизнь. URL: <http://interaffairs.ru/news/show/15876> (дата обращения 18.04.2017г.).

нальному законодательству и государства-происхождения, и принимающего государства. Тем самым это можно воспринимать как некий «правовой вакуум».

Естественно ТНК не действуют полностью обособлено от национальных правовых систем, однако за счет выбора наиболее благоприятного месторасположения своих компаний они могут добиться преимуществ, позволяющих им оказывать давление на другие компании. В связи с трудностями для государства-происхождения контролировать дочерние предприятия, возникает вопрос, в какой мере международное право может восполнить «правовой вакуум».¹⁵

В настоящее время, на международно-правовом уровне не существует юридически обязательных норм, напрямую связывающих ТНК теми или иными обязательствами. Это осуществляется на основе положений национального права. Однако факт того, что ТНК функционируют в нескольких государствах одновременно, затрудняет эффективное регулирование национальными государствами их деятельности. На этом фоне ранее упомянутый Глобальный договор можно назвать важной, значимой попыткой формулирования корпоративных обязательств для ТНК.

---

¹⁵ См.: Weilert K. Transnationale Unternehmen im rechtsfreien Raum? Geltung und Reichweite völkerrechtlicher Standards // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2009. S. 171.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВА

Анастасия Сергеевна Щеблыкина

*аспирант кафедры теории государства и права
им. Г.В. Мальцева Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС)*

Термин «инвестиционное право» стал применяться в науке в конце 20 века, что во многом это связано с развитием новых экономических отношений. С развитием инвестиционной деятельности использовались такие понятия, как «правовое регулирование инвестиционной деятельности» и «правовое регулирование иностранных инвестиций». Данные формулировки достаточно часто встречаются и в современной литературе (Л.П. Ануфриева, М.М. Богуславский, Г.М. Вельяминов, Н.Н. Вознесенская, Н.Г. Доронина и др.).

Более широкое научное признание получила категория «международное инвестиционное право», которая применяется в документах, материалах ряда международных организаций, например, организации по экономическому сотрудничеству и развитию.

В отечественной юридической литературе чаще встречается термин «инвестиционное законодательство», а «инвестиционное право» используется более осторожно. По мнению многих ученых признание инвестиционного права как самостоятельной отрасли права требует дополнительного обоснования. Специальные федеральные законы, регулирующие инвестиционные отношения, используют такие понятия, как законодательство РФ об инвестиционной деятельности, о защите прав инвестиционных инвесторов на рынке ценных бумаг и т.д.

В процессе дальнейшего развития инвестиционных отноше-

ний, заключения многочисленных международных договоров, принятия специальных федеральных законов в сфере инвестиционной деятельности, сформировались взаимосвязанные между собой нормы международного и национального, частного и публичного права. Однако данные нормы регулируют инвестиционные отношения не в полной мере.

Инвестиционное право, по-прежнему не решает возникающие в процессе инвестиционной деятельности вопросы правового характера, и тем самым является значительным сдерживающим фактором развития инвестиционной деятельности в Российской Федерации.

Действующие положения, регулирующие инвестиционные отношения на международно-правовом уровне не являются в достаточной степени четкими, содержат неточности, допускают различные толкования, а в какой-то части носят общий характер. Это можно отнести к таким формулировкам, используемым в правовом регулировании инвестиционной деятельности как «создание благоприятных условий для инвестиционной деятельности и полная защита прав инвесторов». Безусловно, данная формулировка не возлагает на государство определенных юридических обязанностей при возникновении спорных вопросов требующих дальнейшего урегулирования.

Нормативные акты инвестиционного законодательства России подвержены частым и необоснованным изменениям со стороны государства, носят бессистемный и фрагментарный характер. Также при заключении инвестиционных договоров с государственным участием возникают большие трудности, в виду недостаточного правового регулирования. В связи с низкой конкурентоспособностью российской правовой системы в сфере инвестиций все чаще наблюдается совершение инвесторами действий, направленных на обход закона. Отсутствие понятных, справедливых и стабильных законодательных правил повышают риски потери дохода и тем самым становятся менее привлекательными для инвесторов. В итоге данные факторы делают инвестиции в Россию менее привлекательными, что в свою очередь препятствует развитию инвестиционной деятельности всего государства.

Данные обстоятельства подтверждают, что для развития ин-

вестиционных процессов в РФ нужна четкая правовая основа их регулирования, а значит необходимо рассматривать инвестиционное право, как комплексную отрасль права. И, следовательно, созрели предпосылки для развития инвестиционного права - как элемента системы права, регулирующего специфические общественные отношения.

Популярность теории «комплексности» в последнее время все возрастает. О.А. Красавчиков еще в 1975 году писал «если раньше среди комплексных отраслей называли три-четыре подразделения права... то сейчас процесс «образования» новых и новейших «отраслей», относимых к «комплексным», идет ускоренными темпами»¹.

Очевидно, что процесс формирования комплексных и основных правовых образований происходит по разным причинам и на разных уровнях развития общественной жизни. Возникновение тех или иных новых общественных отношений являются центральным фактором для формирования системы права и выделению отдельных комплексных элементов права.

В то же время, необходимо отметить, существование глубокой взаимосвязи и взаимопроникновения между основными отраслями права и комплексными правовыми образованиями. Профессор В.К. Райхер писал: «Одним из условий существования комплексных отраслей является адекватность совокупности правовых норм определенному кругу общественных отношений - наличие известного предметного единства (самостоятельного предмета правового регулирования) ...»².

Так можно ли рассматривать инвестиционное право, как комплексную отрасль права? В современной правовой литературе четкого ответа на этот вопрос нет. По мнению А.Ю. Коваленко комплексная «отрасль права - это элемент системы права, регулирующий специфические общественные отношения на основе комплексных принципов, в результате соединения комплексных норм права характеризующихся устойчивостью в период перехода отрасли из

---

¹ См.: Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 65-66.

² См.: Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. М.-Л. 1947. С. 189-190.

зарождающейся в самостоятельную»³.

Инвестиционное право, как комплексное правовое образование, состоящее из норм различных отраслей российского права (финансового, гражданского, административного, и др.) которые регулируют общественные отношения затрагивающие вопросы инвестиционной деятельности.

Иными словами, инвестиционное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по вопросам привлечения, использования и контроля за инвестициями, осуществление инвестиционной деятельности, а также, отношения, связанные с ответственностью инвесторов за использование действий, которые противоречат действующему законодательству. Соответственно, инвестиционное право можно рассматривать, как систему законодательства (совокупность правовых норм, регулирующих порядок осуществления инвестиционной деятельности, включающих анализ арбитражной, судебной практики в целях достижения единообразия в применении норм источников права).

Данное обстоятельство позволяет рассматривать инвестиционное право - как элемент комплексного правового образования. Автор разделяет точку зрения ученых, считающих важными критериями для формирования комплексной отрасли - предмет и метод правового регулирования. Очевидно, что отрыв способов правового регулирования от содержания общественных отношений не может положительно сказываться на самостоятельности и эффективности отрасли права и законодательства.

Рассматривая инвестиционное право, как комплексную отрасль, необходимо отметить, его характерные особенности, отличительные черты, которые выражаются в том, что формируются на основе регулирования разнородных отношений, присущих основным, уже состоявшимся отраслям права. Складывается острая необходимость в создании единого акта (например, кодекса и т.д.) который объединил бы в себя всю совокупность складывающихся в инвестиционной деятельности норм права. Следовательно, можно отме-

---

³ См.: Коваленко А.Ю. Комплексная отрасль права как категория юридической науки // Законодательство и экономика. 2014. № 3.

тить, что на данном этапе инвестиционное право регулируется нормами других отраслей права таких как: административное, таможенное, финансовое, гражданское и т.д. в чем и состоит его комплексная особенность.

Следует отметить, комплексность инвестиционного права можно подтвердить и тем, что оно имеет кратковременную природу, формируется для решения определенных задач в соответствующей сфере (инвестиций). С юридической точки зрения, такие отношения имеют разнородный характер, а целостность предмета правового регулирования инвестиций соединяет в себе нормы других основных отраслей права. Нормы инвестиционного права объединяются благодаря социальным основаниям, наличию целей под которые формируется предмет правового регулирования. Элементы в силу юридической разнородности, менее согласованы, менее самостоятельные и изолированные, обладают большим правовым потенциалом, так как наделены многообразием приемов регулирования и динамичностью.

Формирование комплексных отраслей права, помогают раскрыть их природу, показать зарождение и развитие комплексных правовых образований, с их помощью видно, какие отношения устаревают и какие приходят им на смену.

Механизм формирования комплексных отраслей права, является организационной силой с помощью, которой система права отражает новые общественные отношения, такие как инвестиционное право. Иными словами, инвестиционное право, как комплексная отрасль содержит характерные особенности, отмеченные А.Ю. Коваленко «Комплексные отрасли права, образуются в результате появления особой сферы отношений, ранее не имевшей места быть, а соответственно, и не нуждающейся в правовом регулировании. Особенность таких комплексных образований состоит в том, что они объединяют в себе сразу несколько методов регулирования. Образуются комплексные отрасли права, как и любые отрасли, поэтапно, однако каждый этап характеризуется спецификой и особенностью, присущими только для комплексных образований.»⁴.

---

⁴ См.: Коваленко А.Ю. Системообразующие и системоприобретенные связи комплексных отраслей права // Юридический мир. 2015. № 7. С. 42-45.

A GLOBAL TREATY FOR INTEGRITY OF THE PUBLIC SERVANTS?

Marius Vacarelu

*Professor, National School of Political and Administrative
Studies (Bucharest, Romania), Ph.D*

In almost every state we'll find these values for the civil service: independence; impartiality; objectivity; reliability of administrative operations; openness; the service principle; responsibility, professionalism (competence). Every civil servant should know what is expected of him, and this affirmation is stronger than ever referring to the values. The values presented before are not so complicate to define – in many national legislations those definitions are quite the same. Because of this we consider that is much better to think for a global treaty for integrity of public servants, and the details with also peculiarities can be let at the national level.

1. In the 2016 year a big scandal appeared on world press, related to the people who used tax heavens for avoiding taxpaying. Of course, this is a normal situation on private economy, when investors try every day to maximize their money. More or less, this behavior is accepted by society.

But there is a very different situation related to public servants and politicians. They are living (officially) just from public salaries, but in many cases their fortune is not always ready to be proved by legal documents. In some former communist countries (including Romania), just a few politicians can demonstrate their income and bank accounts. In this case, the question of morality and global standards of morality is very important to be noted, because the "global village" means a reality today and the news spreading is effective today, as also the results of global information.

Is important to take a look to this scandal and its effects:

"Shortly after 7.30pm, Sunday, 3 April 2016. There is just under half an hour to wait until the Panama Papers are finally published – at

8pm, the results of our research will be made public on the Süddeutsche Zeitung website. ...

Madness breaks out.

Before long, #panamapapers is the top Twitter topic, generating hundreds of thousands of tweets. Globally. By the following day, the Panama Papers will be the topic of hot discussion on every continent. It's on the front pages of newspapers in Thailand, South Korea, Canada, South America, Africa and Australia, and of course in Europe, as we knew it would be. In the USA, the story dominates the front pages of the Washington Post, the Wall Street Journal, the Financial Times and the New York Times for days, even though none of these papers was involved in the collaborative project. All the major news channels are reporting on the story. The Panama Papers is the main story wherever we turn.

Bob Woodward, one of the most important investigative journalists in the world and the man who brought down President Richard Nixon by exposing the Watergate scandal, calls our project 'a triumph of journalism'. The New York Times suggests the story may even have changed the face of journalism forever. ....

As a result of the Panama Papers, investigations are launched in several countries into the business activities of hundreds of individuals – not only fraudsters, drug lords and private individuals, but also Mossfon owners Jürgen Mossack and Ramón Fonseca. The banking regulator in New York orders thirteen banks – among them Deutsche Bank, ABN AMRO and Société Générale – to hand over all their data on business dealings with Mossack Fonseca. At the same time, several acting heads of government also come under pressure – in Iceland, Argentina, Malta, Pakistan and the United Kingdom"¹.

As results, at least 150 inquiries, audits or investigations into Panama Papers revelations have been announced in 79 countries around the world; an estimated \$135 billion was wiped off the value of nearly 400 companies after the Panama Papers; governments are investigating more than 6,500 taxpayers and companies, and have recouped at least \$110 million so far in unpaid taxes or asset seizures.

---

¹ B. Obermayer, F. Obermaier, *The Panama papers: Breaking the Story of How the Rich and Powerful Hide Their Money*, Springer, 2016, p. 280 – 281.

2. Tax mitigation may be ethically wrong for politicians – despite being legal – due to their positions as public servants, tax experts said. Provided that income is legitimately earned, local laws do not prohibit taxpayers from depositing cash in offshore accounts to avoid tax.

But moral concerns existed when politicians partake in the practice, as suspicion of money laundering comes into play, along with questions over the source of such wealth that would make tax mitigation an inviting proposition.

The outrage created by the Panama Papers is understandable. The money laundering that persons at the highest echelons have been engaged in increases the sentiment held by many “ordinary people” that they are living in a society dominated by an elite engaged in pervasive corruption and endemic greed. For many, this scandal will confirm their long-held beliefs about what can be expected from those at the top level of society. For others, what is now being revealed serves to erode what is left of the glue of trust that holds society together. Scandals like last week’s tax-avoidance revelations destroy trust between citizens and institutions and/or the elites. In the Panama case, it is particularly serious that public officials are involved because we expect them not to have personal enrichment as their main priority but to cater to the “public good” and act in accordance with norms such as impartiality and integrity².

Integrity is a part of the public service, because you cannot accept that your state is just with a low level of integrity. Integrity protects you by any abuse and it helps the growing of professionalism. Public service professionalism is defined as the overall value that encompasses all other values that guide the public service. They include loyalty, neutrality, transparency, diligence, punctuality, effectiveness, impartiality, and other values that may be specific to the public services of individual countries. Public service professionalism embraces the notion that those people who join the public service need to be inculcated with shared values and trained in basic skills to professionally carry out their official duties. Complementary to this process is a need to set up management structures to ensure that a public service ethos and competence is achieved. Public service ethics is defined as broad norms that delineate

---

² <https://capx.co/the-panama-papers-social-trust-in-our-institutions/>, consulted on 26.04.2017.

how public servants – as agents of the state and, where applicable, as members of an established profession such as accounting, law, etc. – should exercise judgment and discretion in carrying out their official duties³.

A public service committed to professionalism and ethics is more likely to attain its goals if it has in place an "ethics infrastructure" or its country, a "national integrity system". These concepts represent, in a sense, a system of rules, activities, and agents that provide incentives and penalties for public officials to professionally carry out their duties and engage in proper conduct⁴.

3. The public service is fundamental to good governance. It is an integral part of rule of law and democracy because it serves as the neutral administrative structure which carries out the decisions of elected representatives of the people. The public service is the backbone of the state in implementing any strategy for economic growth of a nation. It provides the programs and services that function as the safety net for the most vulnerable segments of a society. An efficient administration means also a responsive one. It does not lose sight of the fact that government is for people and that the objective of public action and public services is to protect their rights and promote their well-being as human beings.

Public officials have an over-arching obligation to act in the public interest. They must perform their official functions and duties, and exercise any discretionary powers, in ways that promote the public interest that is applicable to their official functions. Public interest about public servants means to organize a state corpus with high level of professionalism and total integrity. Is true, the cost for this corpus will be important – Singapore case is a best example for that – but the result is good for all state and mainly for the citizens.

The notion of the public interest ... is for the public service what justice and liberty are for the legal profession, or what healing and mercy are for the medical profession⁵.

---

³ Professionalism and Ethics in the Public Service: Issues and Practices in Selected Regions, United Nations, New York, 2000, p. 5.

⁴ Ibidem.

⁵ Canadian Centre for Management Development 1996, p. 37.

The New South Wales Ombudsman's Good Conduct and Administrative Practice – Guidelines for State and Local Government reveals some important ideas for defining the public interest⁶:

"Acting in the public interest has two separate components:

a) Objectives and outcomes – that the objectives and outcomes of the decision-making process are in the public interest, and

b) Process and procedure – that the process adopted and procedures followed by decision-makers in exercising their discretionary powers are in the public interest, which would include: complying with applicable law (both its letter and spirit); carrying out functions fairly and impartially, with integrity and professionalism; complying with the principles of procedural fairness/natural justice; acting reasonably; ensuring proper accountability and transparency; exposing corrupt conduct or serious maladministration; Avoiding or properly managing situations where their private interests conflict or might reasonably be perceived to conflict with the impartial fulfillment of their official duties, and acting apolitically in the performance of their official functions (not applicable to elected public officials)."

4. Activities regarded as significantly affecting the full and proper exercise of official duties are considered as incompatible with public service employment. In cases of unavoidable, serious and pervasive conflicts of interest, the legal regulations restrict public officials from these activities and positions. For example, following the doctrine of separation of powers, civil servants can be strictly prohibited from being a member of Parliament. Moreover, to ensure the political neutrality of the civil service, they are generally not allowed to hold office in a political party or undertake an activity on behalf or in the name of a political party, apart from standing as a candidate in the general or local elections.

In Japan the National Public Service Law prohibits a wide range of financial activities and positions, including: concurrently holding an executive position in a profit-making enterprise; accepting a position in a profit-making enterprise that is in close connection with an agency of the State; holding a position in which a public servant is able to participate in the management of a private sector enterprise, because the public

---

⁶ <https://www.psc.nsw.gov.au/employmentportal/ethics-conduct/behaving-ethically/behaving-ethically-guide/section-4/4-1-acting-in-the-public-interest>, consulted on 28.04.2017.

official holds stock in the enterprise, or because other relationships that are deemed to be inappropriate with respect to the performance of official duties; concurrently holding an advisory position in any undertaking other than a profit-making enterprise, or engaging in any other undertaking or carrying on a business, and receiving remuneration without the permission of the Prime Minister and the head of the official's employing government agency.

In addition, the National Public Service Ethics Law and the National Public Service Ethics Code introduced further specific prohibitions in April 2000, such as: receiving a gift of money, loan, rent, goods or services from an interested party; accepting the hospitality of an interested party (the most common practice for public servant from the Health Ministry in Romania and not only is to travel abroad, the bill being paid by the pharmaceutical companies); playing golf or travelling with an interested party.

5. We live in a time in which information is a powerful force for both good and evil. Governments play pivotal roles in an information society as generators, repositories and distributors of enormous amounts of data critical to the making and administration of public policy, the privacy of employees, citizens and organizations, and the capacity to hold public officials to account. Moreover, the technological tools available to governments to collect, integrate, analyze, store, and share (or hide) information are becoming more powerful. As a result, public servants are faced with difficult and rapidly evolving questions about how to act in their job and also in their lives in an ethically defensible manner.

In this paradigm, is time to think if it's necessary to create a global treaty for ethics for the public servants – and for politicians in the first way – to protect them and to create a good framework for anticorruption reference? In fact, states cooperate much more than ever on laundry money affairs and now in many countries the police mandates (from other states) are executed as almost a routine. In this case, we should present the European Arrest Warrant, which is applied throughout the EU, replaced lengthy extradition procedures within the EU's territorial jurisdiction. It improves and simplifies judicial procedures designed to surrender people for the purpose of conducting a criminal prosecution or executing a custodial sentence or spell in detention.

Thus, if the legal cooperation against criminality is growing, maybe is time to offer to all public servants a good framework for their

activity and to not hide them and their lack of professionalism behind the national legislation.

We have on this idea an argument: the standard for ethics on international organizations. Is true, inside them we have a special conflict: national loyalty vs. international organization loyalty. The notion of an international public servant's autonomy from her country of origin is important, as it suggests that her loyalty is owed not to that country, but to a different master. At a high level these questions about loyalty raise issues that are analogous to domestic tensions that have been examined in the context of liberal democracies, between a public servant's political neutrality and the danger of civil servants advancing the partisan aims of a particular political party. In global and multilateral settings, the tension lies not between public servants and the partisanship of elected politicians but rather between public servants and the politics of national governments. Just as public servants also rely on elected politicians in liberal democracies for their legitimacy, so international public servants rely on national governments for their legitimacy.

In almost every state we'll find these values for the civil service: independence; impartiality; objectivity; reliability of administrative operations; openness; the service principle; responsibility, professionalism (competence).

Every civil servant should know what is expected of him, and this affirmation is stronger than ever referring to the values. Factors promoting awareness include the clarity of norms, information on them and knowledge of their practical application. The special features of the status of civil servants are not self-evident especially to new civil servants irrespective of whether they are young people just entering working life or people who have worked for a long time outside state administration. Therefore the central employer and personnel policy unit and every organization have to take responsibility for increasing awareness.

The values presented before are not so complicate to define – in many national legislations those definitions are quite the same. Because of this we consider that is much better to think for a global treaty for integrity of public servants, and the details with also peculiarities can be let at the national level. Maybe is a bit idealistic, but is time to accept that integrity of public servants is the best step to be done for social trust. After we'll build the social trust, we can construct after much better economies and better lives for us and our children.

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПАЛЕСТИНСКОЙ АВТОНОМИИ ВО
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ИЗРАИЛЕМ**

Абулехия Бахаа Н.М.

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

Палестинская экономика отстает во всех отраслях инфраструктуры по сравнению с соседями. Транспорт и санитария находятся в катастрофическом положении. Почти все основные дороги на Западном Берегу и в Секторе Газа были построены до 1967 г. и получали минимальное техническое обслуживание в годы оккупации. Санитарные условия ужасные – только 25 % домашних хозяйств на Западном Берегу и в Секторе Газа подключены к канализации. Вывоз мусора производится недостаточно часто, что представляет собой серьезную опасность для здоровья. Характерно, что на региональном уровне Израиль занимает первое место по качеству инфраструктуры, а палестинские территории – последнее.¹

Одновременно с созданием поселений на оккупированных палестинских территориях Израиль обозначил политику интеграции экономик на Западном Берегу и в Секторе Газа в экономику государства Израиль. Эта политика включала ряд мер, направленных на соответствующие природные ресурсы, на перенаправление палестинских рабочих, что способствовало их экономической зависимости от Израиля, и на интеграцию рынков капитала. Израильское правительство обозначило на Западном Берегу блоки поселений в качестве приоритетных национальных областей, которые получали финансовые стимулы – налоговые льготы, гранты и сниже-

---

¹ Economic Relations Between Palestine And Israel During The Occupation Era by Fadle M. Naqib Fadle M. Naqib [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Fadle M. Naqib www.erf.org.eg/.../2015%20Naqib%20website.

ние сборов, осуществляемые через израильские министерства. Израиль выделял больше финансовых ресурсов для израильских властей в поселениях, расположенных на оккупированных палестинских территориях, чем находящимся в Израиле. Интеграция экономической и гражданской сфер жизни поселений в израильскую экономику была достигнута за счет расширения юрисдикции израильских таможенных пошлин и полицейской службы на районы, находящиеся на Западном Берегу так, как если бы они были в Израиле.² В 1967 г. Израиль издал военный приказ № 31, который выделил Западный Берег в качестве отдельной таможенной зоны, но в том же году военный приказ № 103 устранил все тарифы и таможенные пошлины на товары, которые ввозились на Западный Берег из Израиля. Серьезной проблемой для палестинских территорий стало введение Израилем налога на добавленную стоимость (НДС) в оккупированных палестинских территориях. Примечательно, что Фильченфельд отклоняет утверждение, что оккупант может создать таможенный союз между его территориями и занятыми территориями, потому что «это почти всегда будет неотъемлемой мерой полной аннексии, которую оккупант не имеет право осуществлять». В сущности, экономика оккупированной территории должна содержаться отдельно от оккупанта, потому что «экономическое содержание оккупированной территории не должно быть взято под контроль оккупантом или поставлено на службу его военных планов»: «Экономика территории, находящейся под военной оккупацией, должна быть сохранена, за исключением четко определенных разрешений, предоставляемых оккупационным органам власти – разрешений, которые относятся к режиму оккупации. Так как жители оккупированной территории не должны быть вынуждены помогать врагу в разжигании войны против своей собственной страны или союзников своей страны, экономические активы оккупированной территории не должны использоваться таким образом». Экономический Протокол между Израилем и палестинцами был частью Временного соглашения по Западному Берегу и Сектору Газа («Осло

---

² B' Tselem, Land Grab, (Jerusalem: B'Tselem, 2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.btselem.org/download/200205_land-_grab_-eng.pdf.

П»)³, подписанного 28 сентября 1995 г. Протокол, разработанный на период с 1967 по 1993 гг., должен был помочь палестинским территориям снизить зависимость от Израиля, но он не проводил ясную границу между двумя экономиками.⁴ В соответствии с протоколом создавался таможенный союз, который был призван помочь палестинской экономике развиваться автономно, сохраняя при этом отношения сотрудничества с израильской экономикой. Протокол предоставляет ПА право проводить свою экономическую политику – правда, только в ограниченных рамках. Эти рамки включают в себя, в частности, право взимать прямые и косвенные налоги, создавать денежную власть и нанимать людей в государственный сектор. Протокол также предусматривает⁵ постепенную отмену ограничений на экспорт сельскохозяйственной продукции, которые до этих пор охраняли израильских фермеров от палестинской конкуренции. Кроме того, никакие дополнительные налоги не должны взиматься с любых товаров, продаваемых между двумя территориями.

Протокол дополнительно обязывает обе стороны способствовать продолжению обмена работниками. Ограничения возможны только временные в соответствии с протоколом. Это важный вопрос для палестинской экономики, в связи с большим числом палестинцев, работающих на пользу экономики Израиля, чьи перемещения частично уравнивают торговый дефицит. Неполный таможенный союз, введенный Израилем в 1967 г., был, следовательно, на двусторонней основе кодифицирован положениями протокола. Статья VII 1 Экономического протокола не обещала свободный поток рабочей силы между Израилем, с одной стороны, Западным Берегом и Сектором Газа – с другой, но заявила, что «Обе стороны будут пытаться поддерживать нормальные условия перемещения рабочей силы между ними, при этом каждая из сторон будет иметь

---

³ The Taba Agreement, the Interim Agreement on the West Bank and Gaza Strip 1995.

⁴ Declaration of Principles, September 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/declaration%20of%20principles.aspx>.

⁵ Bargil v. Government of Israel, HCJ 4481/91, 47 (4) PD 210, 216 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://elyon1.court.gov.il/files_eng/91/810/044/Z01/91044810.z01.pdf.

право определять, время от времени, объем и условия рабочего движения на ее территории». Протокол защищал свободную торговлю между Израилем и районами, находящимися под контролем Палестинской администрации, за исключением количественных ограничений на шесть сельскохозяйственных продуктов, которые будут поэтапно отменены на основании согласованного графика. В Протоколе говорилось, что каждая сторона будет управлять своей внутренней налоговой политикой. Хотя обе стороны должны поддерживать нормальное рабочее передвижение, им было предоставлено право определять объем и условия этого рабочего движения в районах своей юрисдикции. В соответствии с Парижским протоколом Палестинская администрация была поставлена в зависимость от возврата Израилем уплаченных таможенных пошлин и налогов на импорт. Израиль интерпретировал «импорт из остального мира» в Палестине особенно ограничено: импортом являются только те товары, непосредственно ввезенные палестинскими компаниями,⁶ через Израиль и четко маркированные как предназначенные для расторжания Палестинской администрацией. Эта цифра не включает импорт из третьей страны через израильских посредников для последующей отправки на оккупированную палестинскую территорию. Этот импорт, который можно было бы назвать «косвенным импортом» из Израиля, рассматривают так, как будто он производится в Израиле. Последний представляет не менее 30–40 % палестинского импорта (Канафани, 1996 г.), хотя, по последним оценкам, фактическое количество увеличилось до 80 % палестинского импорта (Кхалиди, 2010 г.). Фискальные утечки, а также неблагоприятная ситуация зависимости от одного источника и маршрута импорта означают, что большая часть палестинского импорта на самом деле не производится в Израиле.

Экономическая политика Израиля по отношению к оккупированным палестинским территориям привела к тому, что экономика Палестины фактически не развивается и пребывает в состоянии стагнации, сотрясаемая время от времени еще и проведением изра-

---

⁶ Basic Law: Jerusalem, Capital of Israel – available at [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.knesset.gov.il/laws/special/eng/basic10_eng.htm.

ильтянами военных операций по отношению к палестинскому населению. В связи с этим палестинская экономика очень зависима от гуманитарной помощи. А эта ситуация не благоприятствует развитию собственной экономики.

Надо учитывать также и то, что низкие экономические и социальные стандарты палестинского населения приводят к возникновению чувства безысходности. А это, в свою очередь, многих, прежде всего молодежь, подталкивает к радикализму и порождает чувство реваншизма. Таким образом, низкие экономические и социальные показатели потенциально несут угрозу безопасности не только на территории Палестины, но и во всем ближневосточном регионе. Кроме того, экономическая политика Израиля по отношению к оккупированным территориям затягивает процесс создания де-факто палестинского государства, поскольку существование государства без экономической базы в современных условиях фактически невозможно.

ИНТЕГРАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ОБ АВТОСТРАХОВАНИИ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО («ЗЕЛЕНАЯ КАРТА»)

Ксения Александровна Воденисова

*главный юрист отдела АО «ГСК «ЮГОРИЯ»
KseniaVodenisova@yandex.ru*

В широком смысле «Зеленая карта» – это международная система страхования автотранспортных средств¹, в узком смысле – международный сертификат страхования автогражданской ответственности². «Зеленая карта» прежде всего, несет социальную функцию и лишь затем, является инструментом развития страхового рынка, видом «страхового продукта».

Система «Зеленая карта» функционирует в России с 2009 г. в соответствии с европейскими стандартами и обеспечивает:

- защиту имущественного интереса, связанного с риском гражданской ответственности владельцев транспортных средств, возникающего в результате причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан Российской Федерации в результате ДТП на территории России виновником в котором признан иностранный гражданин;

- защиту граждан Российской Федерации, временно выезжающих за рубеж на транспортных средствах, зарегистрированных в России, в случае признания их виновным в ДТП на территории иностранного государства, в части возмещения вреда жизни, здоровью и имуществу пострадавших в ДТП в пределах лимита страхового возмещения;

---

¹ П. 2 Приложения 1 Сводной резолюции об облегчении международных автомобильных перевозок (СР.4), принята Комитетом по внутреннему транспорту Экономической комиссии ООН 17-19.02.2004 г.

² См. п. 2.11. Внутреннего регламента, принят Генеральной ассамблеей Совета Бюро 30.05.2002 г. в Ретумно (о. Крит).

- информационную поддержку российских граждан за рубежом в такой экстренной жизненной ситуации как ДТП через Российское национальное бюро «Зеленая карта» - Российский Союз Автостраховщиков (РСА).

Внедрение системы «Зеленая карта» способствует свободе передвижения на автотранспорте на географически все большей территории без лишних юридических преград и сложностей, служит развитию, международных отношений в области торговли и туризма. С присоединением к международной системе «Зеленая карта», Россия стала больше интегрированной в систему европейского права, что делает нашу страну более привлекательной для иностранных лиц с точки зрения безопасности, широты и разнообразия транспортных коммуникаций, экономики и инвестирования.

«...Правильно организованная страховая система выгодна как страхователям, так и страховщикам. Анализ опыта различных стран показывает, что участие страховщиков в повышении безопасности дорожного движения за рубежом приносит ощутимый социально-экономический эффект, выражающийся, в первую очередь, в снижении аварийности на дорогах, сокращении количества смертных случаев в ДТП и, как следствие, количества страховых случаев и объемов страховых выплат»³.

В основе международной системы об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств «Зеленая карта» лежат Рекомендации от 25 января 1949 г. № 5 (Женевские рекомендации), принятые Рабочей группой по автомобильному транспорту Комитета по внутреннему транспорту Экономической комиссией ООН.

В 1949 г на встрече страховщиков заинтересованных стран указанная резолюция была одобрена и начала функционировать в Европе с 1951 г. Именно с этим документом связывают «рождение» международной системы «Зеленая карта».

В настоящий момент Рекомендации от 25 января 1949 г. № 5 заменены Приложением № 2 Сводной резолюции об облегчении

---

³ Матвеева И.Ю. Современные тенденции обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (опыт ЕМ и России). Автореф. дисс... канд. эконом. наук. М., 2008. С. 17.

международных автомобильных перевозок (RE4), в редакции принятой на 66-й сессии комитета по внутреннему транспорту Экономической комиссии ООН для Европы 17-19 февраля 2004 г.

Считается, что Приложение № 2 является ныне действующей редакцией первоначальных Рекомендаций от 25 января 1949 г. № 5.

В дальнейшем в правовую основу «Зелёной карты» легли следующие соглашения:

- «Лондонское соглашение» или «Лондонский образец соглашения» или «Типовое соглашение между Бюро» 1949 г. – типовое двухстороннее соглашение между национальными Бюро-членами международной ассоциации национальных бюро страхования автотранспортных средств;

- «Многостороннее гарантийное соглашение» от 15 марта 1991 г. (г. Мадрид);

Важное практическое значение для усовершенствования работы системы «Зеленая карта» на территории Европы имели Директивы Совета Европы⁴, появление которых вызвано необходимостью урегулирования проблемных вопросов возникающих на практике. В них четко прослеживается эволюция механизмов работы самой системы и ее институтов.

На современном этапе в себя вобрали и закрепили структуру и правила работы системы, а так же лучшие правовые находки и разъяснения вышеуказанных Директив, нижеуказанные документы:

- Устав Совета страховых бюро международной ассоциации национальных бюро страхования автотранспортных средств, утвержденный 29-30 мая 2008 г. в г. Лиссабон;

- Внутренний регламент, принятый Генеральной ассамблеей Совета Бюро 30 мая 2002 г. в Ретумно (о. Крит);

- Пояснительный меморандум к Внутреннему регламенту, одобренный Генеральной ассамблеей Совета Бюро в 2003 г. в г. Лионе.

Можно предположить, что предпосылками появления в российском законодательстве правовых механизмов системы «Зеленая

---

⁴ Директивы Совета Европы от 24 апреля 1972 г. (72/166/ЕЕС); от 30 декабря 1983 г. (84/5/ЕЕС); от 14 мая 1990 г. (90/233/СЕЕ); от 16 мая 2000 г. (2000/26/ЕС); от 11 мая 2005 г. (2005/14/ЕС).

карта», закрепленных в международных документах, стали следующие правовые акты.

1. Концепция развития страхования в Российской Федерации, одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2002 г. № 1361-р. Среди целей, задач и направлений развития страхования в Российской Федерации (раздел II Концепции) указано: «поэтапная интеграция национальной системы страхования с международным страховым рынком».

Принятие указанной Концепции является отправной точкой, послужившей началом большой и очень не простой работы по превращению в жизнь и реальному «запуску» системы «Зеленая карта» в России. Примечательно, что инициатива в данном случае исходила от государства. Это обусловлено исторически, прежде всего не развитостью нормативной правовой базы, регламентирующей общественные отношения в данной сфере⁵ и «молодостью» рынка страхования в России в целом.

2. Федеральная целевая программа: «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 гг.» (Федеральная программа БДД), утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. № 10. В этом документе на период с 2008 по 2012 гг. были запланированы «Мероприятия по совершенствованию форм и методов международного взаимодействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения».

Указанные Распоряжение и Постановление Правительства Российской Федерации являются программными документами, в т.ч. в части присоединения к системе «Зеленая карта». Такой вывод вытекает из хронологии, последовавших событий, которые укладываются в запланированные сроки и достигают поставленных целей, не смотря, ни на экономические кризисы, ни на внешние и внутренние политические трудности.

Концепция развития страхования в Российской Федерации появилась в 2002 г. В том же году принят Федеральный закон от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон

---

⁵ Первые законы об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств приняты в странах Европы в 30-х гг. XX в., в России Закон об ОСАГО впервые появился в 2002 г.

об ОСАГО), вступил в законную силу с 1.7.2003 г. за исключением некоторых положений.

В Законе об ОСАГО изначально закладывалась ст. 31 «Международные системы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств». В последствие статья претерпела четыре редакции, которые связаны: с процедурой вступления РСА в качестве национального бюро России в Совет страховых бюро «Зеленая карта»; с изменением государственного органа осуществляющего контрольно-надзорные функции в области страхования и некоторыми другими техническими моментами.

Одновременно с этим «РСА учрежден 8 августа 2002 года 48 крупнейшими страховыми компаниями страны и имеет государственную регистрацию от 14 октября 2002 года»⁶.

Поскольку полноправное участие в международной системе «Зеленая карта» обусловлено в т.ч. действием в стране закона об ОСАГО в течение не менее 3-х лет, заявка РСА на членство в международной организации «Зеленая карта» была подана в 2006 г.

Во временном периоде с 2006 по 2008 гг. осуществлено выполнение критериев-требований для членства в организации: приведение законодательства в соответствии с европейскими нормами (внесение изменений в Закон об ОСАГО Федеральным законом от 01.12.2007 г. № 306-ФЗ); финансовое обеспечение в виде гарантии европейского банка и перестрахования рисков в одной из международной перестраховочной компании.

Финансовый аспект требований заслуживает более подробного рассмотрения.

Банковская гарантия была получена на все страховые компании, допущенные РСА и пожелавшие участвовать в страховании по системе «Зеленая карта» у Commerzbank⁷ – немецкого банка с государственным участием Правительства Германии.

По разным данным размер гарантии изначально затребован Советом страховых бюро от российской стороны в размере 12 или 11 миллионов евро, а затем возможно был снижен до 9 миллионов евро.

---

⁶ Сайт РСА http://www.autoins.ru/ru/about_rsa/.

⁷ Страховщики оплатили «Зеленую карту». Газета «Коммерсантъ» от 06.10.2008 г.

Перестрахование осуществил международный брокер Willis⁸, которому уплачена перестраховочная премия в размере 2 миллиона евро по рискам сверх 200 тысяч евро. Кроме того, необходимо учесть, что взнос с каждой российской страховой компании в гарантийный фонд текущих обязательств, формируемый РСА, должен составлять 500 тысяч евро.

Высокая стоимость «входного билета» в систему «Зеленая карта», мировой экономический кризис 2008 г., низкая рентабельность (в отдаленной перспективе –5-6 лет) данного вида страхования привели к тому, что из первоначально изъявивших желание в 2007 г. участвовать в системе «Зеленая карта» 23 российских страховых компаний к рубежу 2008 г. подошли только 12⁹.

К моменту принятия российского национального Бюро в лице РСА в члены Совета страховых бюро «Зеленая карта» вообще осталось только 9 страховщиков.

Несмотря на все трудности, требования Совета страховых бюро «Зеленая карта» выполнены РСА и ее членами-российскими страховыми компаниями досрочно. Результатом чего, стало решение Генеральной Ассамблеи Совета Бюро от 29 мая 2008 г. «принять РСА в систему «Зеленая карта» с правом начала работы в системе с 1 января 2009 г. Президиум РСА принял решение о создании Бюро «Зеленая карта» - структурного образования РСА»¹⁰.

В соответствии с правилами международной системы «Зеленая карта» в марте 2008 г. Правительством Российской Федерации направлено уведомление в адрес Европейской экономической комиссии ООН и Совета Бюро «Зеленая карта» об официальном признании РСА как участника международной системы «Зеленая карта» и уполномоченной организацией, исполняющей функции национального страхового бюро системы «Зеленая карта» в России.¹¹

---

⁸ Там же.

⁹ «Зеленые карты» будут продавать лишь 12 российских страховщиков. РИА новости от 24.12.2008 г.

¹⁰ Официальный сайт РСА. <http://www.autoins.ru/ru/greencard/>.

¹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.03.2008 г. № 337-р. «О национальном страховом бюро «Зеленая карта».

Досрочное вступление в международную организацию-систему «Зеленая карта» в 2008 г. полностью совпадает с планом мероприятий Федеральной программы БДД.

С 29 мая 2008 г. Российское Бюро получило статус Временного Члена системы «Зеленая карта». В соответствии с Уставом Совета страховых бюро «Зеленая карта» первоначально Член ассоциации всегда получает статус Временного Члена и переходный период от временного членства к полноправному связан в основном с установлением Генеральной Ассамблеей критериев в отношении финансовых гарантий. Не смотря на то, что переходный период для Российского Бюро «Зеленая карта» был установлен до конца 2018 г. РСА досрочно стала Полноправным Членом международной ассоциации национальных бюро страхования автотранспортных средств в 2015 г., выполнив высокие требования Генеральной Ассамблеей Совета Бюро «Зеленая карта» финансового характера.

В очередной раз ни мировой финансовый кризис, ни обострение международной обстановки связанное: с кризисом на Украине, воссоединением Крыма с Россией, введением экономических санкций в отношении нашей страны, не помешали 01 июля 2015 г. России в лице РСА получить полноправное членство в Международной организации.

Решение было принято «почти» единогласно полноправными членами Совета страховых бюро. В такой специфический исторический момент, сыграли свою роль факторы: обоюдovýгодный социально-экономический интерес защиты пострадавших от ДТП; коммерческие интересы страховщиков; верховенство международного права и, наконец, здравый смысл, которые оказались сильнее ксенофобии.

Члены Совета страховых бюро находящиеся в «географической зоне» системы «Зеленая карта», которая, прежде всего, является европейской системой¹², фактически признали Российскую Федерацию частью европейской системы географически и юридически, в данном случае в сфере автотранспортного сообщения.

---

¹² П. «а», ст. 4.2. «Членство» Устава Совета страховых бюро международной ассоциации национальных бюро страхования автотранспортных средств, утвержден 29-30 мая 2008 г. (г. Лиссабон).

Важна также и следующая деталь: право урегулирования страховых случаев на территории Республики Крым и г. Севастополя официально признано за Российским Национальным Бюро – РСА. Однако, прямого политического подтекста здесь нет, скорее практический подход к делу, поскольку изначально в Уставе Совета страховых бюро (ред. от 2008 г.) установлено, что «Бюро (...) должно быть уполномоченным осуществлять свою деятельность на территории, контролируемой de facto правительством представляемой им страны»¹³.

Анализ судебной практики имеющейся в справочных правовых системах показывает, что с 2009 г. по 2017 гг. особых сложностей связанных со спорами вокруг возмещения ущерба в рамках международной системы «Зеленая карта» у правоприменителей не возникло, ни в части российского законодательства, ни в части применения международных норм, а так же норм законодательства иностранных государств. Как таковых судебных решений сравнительно не много, что говорит об эффективной работе самой системы «Зеленая карта», и о том, что в подавляющей большинстве случаев урегулирование происходит в досудебном порядке.

Судя по результатам, государственная инициатива была поддержана деловыми кругами соответствующего профессионального сообщества страховщиков России. Этот удачный пример симбиоза государственной воли и частного коммерческого интереса позволил России по историческим меркам в кратчайшие сроки, вобрав лучший международный опыт выйти на современный уровень функционирования и развития правового регулирования в области обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств в т.ч. с иностранным элементом.

Отечественное законодательство об ОСАГО не совершенно, в т.ч. в части участия в международных системах страхования, механизмов возмещения, а размеры лимитов возмещения ущерба по «Зеленой карте» в России это огромная мишень для критики. Вместе с этим надо учитывать тот факт, что в российском законодательстве до 2002 г. положений об обязательном страховании гражданской ответственности, в т.ч. по международным системам страхования, таким как «Зеленая карта» не существовало вовсе.

---

¹³ Там же. Пп. IV, п. «а», ст. 4.2. Членство.

Важнейшими направлениями по усовершенствованию работы Закона об ОСАГО в целом и системы «Зеленая карта» в частности является увеличение лимитов страховых сумм, в пределах которых страховщик при наступлении каждого страхового случая обязан возместить потерпевшим причинённый вред, а также обеспечение финансовой устойчивости системы обязательного страхования ответственности владельцев транспортных средств, в т.ч. и в рамках международной системы «Зеленая карта».

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК (БАНК ЕС) КАК ФИНАНСОВЫЙ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Михаил Александрович Гааз

студент Российского университета дружбы народов

Мурат Александрович Даутов

студент Российского университета дружбы народов

В настоящее время особый интерес ввиду многочисленных интеграционных объединений регионального характера вызывает деятельность Европейского центрального банка (ЕЦБ), его место в системе органов публичной власти Европейского союза, а так же в системе органов управления зоной хождения валюты Евро, участие в эмиссии денежных средств, бюджетных процедурах и других финансово-экономических процессах ЕС в правовой сфере.

Европейский союз (ЕС) – крупнейшее интеграционное объединение европейских государств. Договор об образовании ЕС подписан в 1992 году в Маастрихте (Маастрихтский договор). В 2004 году был подписан договор о союзной конституции для ЕС, однако ввиду протеста Франции и Нидерландов, ратификация была прервана. Тем не менее, в 2007 году был принят Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества (Лиссабонский договор), изменивший всю архитектуру Европейского союза. Принципами ЕС являются принципы свободы, демократии, прав и свобод человека, а также господства права и общие принципы для государств-членов Союза (ст. 6.1 Маастрихтских Соглашений). Основные институты ЕС – это его органы. На начальном этапе формирования Европейского Союза, еще в 1957 году, в рамках интеграционных объединений Европы были созданы Европейский парламент и Суд. На основе подписанного в 1965 году договора был создан Совет Европейского Союза. Кроме того, позднее учреждены Счетная палата

(в 1975 г.), Европейский совет центральных банков (ЕСЦБ) и Европейский центральный банк (ЕЦБ)¹.

Все это есть яркое выражение того, что В.И. Ленин называл «обострением противоречий капитализма на его высшей стадии»². Переход к единой валюте – результат почти полувекowego движения ЕС в сторону европейской интеграции. Выразилось это, в частности, в том, что единая валюта не может функционировать нормально, при существенно отличающихся способах национального регулирования³. Именно с целью решения данной проблемы и был создан ЕЦБ.

Интернационализация хозяйственной жизни характеризуется возрастанием взаимодействия национальных хозяйств. Вместе с тем, ослабевает роль национального фактора в системе мировой экономики⁴.

В рамках Европейской региональной валютной системы⁵ европейская валюта выполняет функцию мировых денег, наряду с

---

¹ Большая Российская Энциклопедия. Том 9 Динамика атмосферы – Железнодорожный Узел / Москва, научное издательство «Большая Российская Энциклопедия» 2007 год/ председатель научно-редакционного совета Ю. С. Осипов. С. 561-563.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах// Издательство политической литературы 1968 г. С. 123.

³ Единая Европейская Валютная Система (Евро): механизм образования и функционирования. Учебное пособие / Министерство образования Российской Федерации Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов кафедра денег и ценных бумаг / сост. В. И. Колесников, Б. А. Еремин, Л. П. Давиденко, Е. В. Пухтенкова/ изд. Санкт-Петербургского Государственного Университета Экономики и Финансов 1999 год. С. 234.

⁴ Единая Европейская Валютная Система (Евро): механизм образования и функционирования. Учебное пособие / Министерство образования Российской Федерации Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов кафедра денег и ценных бумаг / сост. В. И. Колесников, Б. А. Еремин, Л. П. Давиденко, Е. В. Пухтенкова/ изд. Санкт-Петербургского Государственного Университета Экономики и Финансов 1999 год. С. 235.

⁵ Европейская Валютная система – форма организации валютных экономических отношений стран Европейского экономического сообщества

другими резервными валютами (Доллар США, Иена, отчасти – Юань, ранее – Немецкая марка).

После длительных переговоров в Маастрихте в 1992 году, было принято решение о поэтапном реальном формировании единого европейского экономического пространства. Таким образом, сформировался внутренний рынок ЕС. Внутренний рынок ЕС есть основа экономического права ЕС. Так как территория, на которой осуществляется любая экономическая деятельность, регулируется актами, принимаемыми органами ЕС, в частности, Европейским Парламентом. Понятие введено в Общем Европейском Акте 1986 года, по которому должны были быть упразднены внутренние границы для перевозки товаров и услуг, лиц и капиталов. Именно в этих условиях и возникла потребность введения новой, единой Европейской валюты (Евро) и единого регулирования финансов в рамках ЕС, дабы избежать противоречий.

ЕЦБ является одним из наиболее молодых органов ЕС. Это вызвано тем, что происходит постепенное формирование внутреннего рынка ЕС. Как уже было сказано выше, создание зоны Евро объединило страны Европы, прежде имевшие разную валюту, которая впоследствии либо ушла на второй план (Дания, Болгария, имеющие привязанную к курсу Евро валюту), либо вообще была отменена. Сегодня свою валюту сохраняют немногие страны-члены Европейского Союза, такие как Чехия или Польша, а так же Соединенное Королевство до полного выхода из ЕС⁶.

Основными задачами Европейской системы Централных банков можно считать следующие: определение и проведение монетарной политики в зоне Евро; проведение валютнообменных опе-

---

(ЕЭС). Создана для укрепления позиций Европейского сообщества на мировом рынке. Большая Российская Энциклопедия. Том 9. Динамика атмосферы. – Железнодорожный Узел / Москва, «Большая Российская Энциклопедия», 2007. С. 555-556.

⁶ Европейское право // Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека// под ред. Л. М. Энтина. – М.: НОРМА ИНФРА-М. 2011. С. 57.

раций; поддержание управление официальными валютными ресурсами государств зоны Евро; обеспечение равномерного функционирования платежной системы⁷.

Кроме того, ЕЦБ выполняет статистическую функцию – собирает данные, необходимые для выполнения вышеуказанных задач, источниками этой информации выступает либо правительство, либо экономический агент⁸. Так же, ЕЦБ выполняет контрольно-надзорную функцию за всеми ЦБ стран ЕС, так как на европейском уровне (уровне ЕС) является для большинства из банков главным кредитором.

Отношения ЕЦБ с другими институтами ЕС строятся, прежде всего, на основе взаимодействия, которое предусматривается ст. 284 Договора о Функционировании Европейского союза (ДФЕС). Важно отметить, что в заседаниях Совета Управляющих ЕЦБ возможно участие представителей Совета ЕС и членов Европейской Комиссии. Кроме того, в нормативных актах ЕС определено согласование ряда вопросов ЕЦБ и Совета министров Экономики и финансов. ЕЦБ представляет основным институтам (Европейскому парламенту, Совету и Комиссии) свой ежегодный отчет о деятельности Европейской Системы Центральных Банков (ЕСЦБ), в которой он является ключевым звеном⁹.

Органом управления ЕСЦБ является ЕЦБ. Можно отметить, что сам ЕЦБ является самостоятельным юридическим лицом. В каждой из стран-участниц ЕС он пользуется максимальной правоспособностью, аутентичной правоспособности национальных юридических лиц публичного права¹⁰.

Согласно статье 107 ДФЕС, ЕСЦБ состоит из ЕЦБ и Центральных Банков (ЦБ) государств-членов ЕС. Эта статья дополняется пунктом 3 статьи 14 Статута Европейской Системы ЦБ и ЕЦБ,

---

⁷ Ч. 2 ст. 127 Договора о функционировании Европейского союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения 12.04.2017).

⁸ Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека // под ред. Л. М. Энтина. – М.: НОРМА ИНФРА-М. 2011. С. 59.

⁹ Европейское публичное право монография. / Д.Д. Ландо, В. И. Самарин. – М. «Прспект», 2015 год. С. 204.

¹⁰ Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. // под ред. Л. М. Энтина. – М.: НОРМА ИНФРА-М 2011. С. 756.

подразумевающей, что национальные ЦБ являются неотъемлемой частью ЕСЦБ. Важнейшая особенность ЕСЦБ заключается в управлении этим органом органами ЕЦБ, а так же, то, что ЕСЦБ не является юридическим лицом, в отличие от ЕЦБ.

Ведущая роль ЕЦБ привела к тому, что ЦБ государств-участников находятся в подчиненном по отношению к ЕЦБ положении. В связи с этим, некоторые ученые начали полагать, что существующие национальные ЦБ становятся *ipso facto* отделами ЕЦБ в той или иной стране¹¹.

Так же можно отметить, что публично-властная роль ЕЦБ в правоотношениях в рамках ЕСЦБ проявляется и в том, что для интеграции в Еврозону, государствам-членам пришлось изменить правовое положение своих ЦБ – многие государства приняли новые законы о своих ЦБ (например, Бельгия – в марте 1999 года, Финляндия – в марте 1998, Нидерланды – 1998, а так же изменили свои законы: Федеративная Республика Германия (ФРГ) – 1997, Греция и Франция – 1998). Связано это с тем, что нужно было максимально дать независимость ЦБ, предусмотренную Статутом ЕСЦБ и ЕЦБ.

Высшим органом ЕЦБ является Управляющий совет. Данный орган может принимать юридически обязательные решения. Его состав условно можно разделить на две группы субъектов: высшие должностные лица ЕЦБ и руководители ЦБ стран-участниц ЕС.

Так же существует Общий совет, который в отличие от Управляющего совета является органом консультативным. Интересно отметить, что управляющие национальными банками, являющиеся членами Управляющего совета, должны представлять себя, а не свои банки¹². Центральные банки, в свою очередь, лишь *de-jure*, предоставляют статистические данные своим управляющим. Решения принимаются простым большинством, каждый из членов имеет один голос, за исключением так называемого «взвешенного голосования», в котором голоса Президента и Исполнительного комитета, равны нулю. Взвешенное голосование проводится по следующим вопросам: вопрос о капитале ЕЦБ; критерии подписки на капитал;

---

¹¹ Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. // под ред. Л. М. Энтина. – М.: НОРМА ИНФРА-М 2011. С. 757.

¹² The Institutional Framework of European System of Central Banks // ECB Monthly Bulletin. 1999. P. 59.

перевод заграничных активов ЕЦБ; распределение чистой прибыли. Президент ЕЦБ имеет право решающего голоса.

Совет принимает решения, необходимые для выполнения задач ЕЦБ и определяет ориентиры их достижения. Они таковы: определение промежуточных валютных целей; определение ключевых процентных ставок; принимает решение в отношении конкретных ЦБ государств-членов¹³.

Решения Управляющего совета оформляются в виде регламентов, ориентиров, рекомендаций, заключений, при этом первые два носят нормативный характер.

Исполнительный комитет состоит из Президента ЕЦБ, Вице-Президента и 4 других членов. К его полномочиям относятся: осуществление Валютной политики, в соответствии с ориентирами управляющего совета – с этой целью Комитет принимает решения и указания; иные делегированные функции и полномочия.

Вся данная система действует ради исполнения главных функций ЕЦБ, которые таковы: выработка и осуществление валютной политики зоны евро; содержание официальных обменных резервов стран зоны евро и управление ими; эмиссия банкнот евро; установление основных процентных ставок; поддержание ценовой стабильности в еврозоне, то есть обеспечение уровня инфляции не выше 2 %.

Таким образом, можно прийти к выводу, что ЕЦБ играет важнейшую роль, в преодолении внутренних противоречий ЕС и зоны Евро, вызванных кризисом капиталистических правоотношений в Европе. Кроме того, его статистические и контрольные функции, а также руководящее место в системе центральных банков стран ЕС позволяют говорить о том, что ЕЦБ играет центральную роль в финансово-экономическом и валютном объединении стран Европы.

---

¹³ Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. // под ред. Л. М. Энтина. – М.: НОРМА ИНФРА-М. 2011. С. 758.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Илья Григорьевич Добрынин

*студент Российского университета дружбы народов
cool.dobrynin2014@yandex.ru*

Между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией существует множество соглашений и договоров в области торгово-экономических и экономических отношений как двусторонних, так и в заключенных рамках международных межправительственных организаций. Целями соглашений является рост экономического благосостояния двух государств, упрочнение отношений в области движения капиталов, развитие инфраструктурных и социально-значимых проектов. Необходимость в таком объединении возникла еще в конце 20 века, когда в Евразии образовалось новое государство с рыночной экономикой – Российская Федерация.

В 1992 году в России начинаются глобальные рыночные реформы, она становится членом Международного валютного фонда. На фоне стремительно меняющейся экономической ситуации внутри страны и в мире в целом, Россия вынуждена искать новых союзников во всех сферах общества. Китай становится одним из тех государств, с которым Россия развивает сотрудничество и, вскоре, между государствами было заключено соглашение о торгово-экономических отношениях¹.

5 марта 1992 года Правительство КНР и Правительство РФ договариваются принять все необходимые меры для поощрения и

---

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о торгово-экономических отношениях, Пекин, 5 марта 1992 года. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_agreements/?action=showproduct&id=519 (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

развития торгово-экономических отношений двух государств². Устанавливается режим наибольшего благоприятствования в области таможенных пошлин, других налогов и сборов, налагаемых на импорт и экспорт товаров³. Кроме того, в данном соглашении впервые говорится о сотрудничестве элементов банковской системы Российской Федерации и Китайской Народной Республики: Банк внешней торговли России и Банк Китая обязуются, если того требует ситуация, согласовывать технический порядок расчетов и ведения счетов⁴ по расчётным операциям. Данное соглашение обеспечило открытие в дальнейшем постоянных представительств, которые занимаются торгово-экономической деятельностью юридических лиц двух стран.

Соглашение 1992 года заложило основу крепких торгово-экономических отношений между государствами. С 1993 года до начала 2000-х гг. доля российского экспорта сырьевых ресурсов в Китай значительно возросла: с 1% до 12% возрос экспорт древесины и древесных изделий, экспорт нефтепродуктов и топлива с 4% до 35%. Возрос и китайский экспорт в Россию: экспорт средств производства и оборудования с 7% увеличился более чем в 2 раза⁵.

Уже в середине двухтысячных объём торговли между Россией и Китаем исчислялся десятками миллиардов долларов, в 2004

---

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о торгово-экономических отношениях, Пекин, 5 марта 1992 года. Ст. 1. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_agreements/?action=showproduct&id=519 (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о торгово-экономических отношениях, Пекин, 5 марта 1992 года. Ст. 2. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_agreements/?action=showproduct&id=519 (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о торгово-экономических отношениях, Пекин, 5 марта 1992 года. Ст. 5. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_agreements/?action=showproduct&id=519 (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

⁵ Муратшина К. Г. Становление и эволюция стратегического партнерства РФ и КНР в конце XX — начале XXI вв. — Екатеринбург, 2014. С. 221.

году он составил более 21 миллиарда долларов⁶. После 2004 года и по 2012 год объемы российско-китайской торгово-экономической деятельности росли не самыми быстрыми темпами. Отчётливо прослеживалась важность Китая для России в роли экономического партнёра. Доля экспорта из России в Китай в 2012 году составила более 10% внешнеторгового оборота⁷. Львиную долю российского экспорта в Китай взяли на себя сырьевые ресурсы: более 20% всего импорта нефтепродуктов в КНР, около 10% нефти, более 7% угля, 2% железа обеспечила Российская Федерация⁸.

Помимо двусторонних соглашений между Китаем и Россией существует множество многосторонних договоров в рамках международных организаций. Одной из таких является Шанхайская организация сотрудничества, в которой Россия и Китай являются безусловными лидерами.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была основана в 2001 году после принятия в «Шанхайскую пятёрку» Узбекистана. Шанхайская организация сотрудничества является международной структурой, целью деятельности которой является развитие в политической, торгово-экономической, научной и культурной областях. Кроме обеспечения безопасности в регионе, ШОС также развивает экономическую систему, в рамках которой будет применяться упрощенный порядок движения товаров, услуг и капиталов. В 2005 году в рамках ШОС была создана специальная структура, занимающаяся вопросами экономики и финансирования – Межбанковское объединение (МБО) ШОС. В состав МБО входят крупнейшие банковские организации стран-участниц: Расчётно-сберегательная компания Республики Кыргызстан ОАО «РСК Банк», Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики

---

⁶ Галенович Ю. М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. – Москва: Восточная книга, 2011, С. 212.

⁷ Новопашина А. Н. Инвестиционное сотрудничество России и Китая: проблемы развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IV международной научно-практической конференции. — Благовещенск, 2014. — С. 212.

⁸ Изотов Д. А. Рынок сырьевых товаров Китая // Пространственная экономика. — 2013. — № 4. С. 73-75, 78.

Узбекистан, Банк развития Республики Казахстан, Государственный сберегательный банк Республики Таджикистан «Амонатбанк», Россию и Китай представляет Внешэкономбанк Российской Федерации и Государственный банк развития Китайской Народной Республики. Среди приоритетных направлений функционирования Межбанковского объединения следует выделить предоставление финансирования для реализации инфраструктурных проектов, финансирование объектов высоких технологий, инвестиции в экспортно-ориентированные сектора экономики и проекты социальной значимости⁹.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества ежегодно принимается множество деклараций и соглашений, связанных с вопросами безопасности, борьбы с международной преступностью, развития сельского хозяйства и иными.

Китайская Народная Республика и Российская Федерация наряду с ЮАР, Индией и Бразилией являются участниками и другой крупной международной квазиорганизации – экономического содружества Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (БРИКС). Содружество пяти крупнейших развивающихся экономик мира обладает нарастающим и перспективным характером, что обеспечивается не только большим финансовым потенциалом, но и крупнейшими запасами разнообразных ресурсов, как сырьевых, так и трудовых. В рамках БРИКС проводятся встречи лидеров стран-участниц, саммиты и форумы, на которых обсуждаются вопросы экономического развития членов организации, глобальные экономические проблемы и способы их решения.

Кроме того, в противовес Международному валютному фонду и Всемирному банку, государствами-участниками БРИКС в 2014 году создана международная финансовая организация – Новый банк развития (далее НБР). Основной целью НБР является мо-

---

⁹ Официальный интернет-сайт Шанхайской Организации Сотрудничества, раздел Структура, Межбанковское объединение ШОС. URL: <http://rus.sectsc.org> (дата обращения 10 апреля 2017 г.).

билизация ресурсов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах-членах БРИКС в целом¹⁰. На сегодняшний день капитал Нового банка развития составляет более 100 миллиардов долларов США.

НБР правомочен использовать собственные ресурсы, обеспеченные государствами-учредителями, на проекты инфраструктуры в развивающихся странах, а также спонсировать строительство социально-значимых объектов. Важно, что все расчёты по операциям НБР производятся в национальных валютах государств-учредителей, это снижает риски, связанные с неустойчивостью валютных курсов, а также даёт потенциальную возможность роста значимости валют России, Китая, Бразилии, Индии и ЮАР на международной экономической арене.

Между государствами-учредителями НБР заключаются соглашения о двусторонних займах и о валютных свопах. За 2016 год советом директоров Нового банка развития было одобрено 7 проектов, сумма финансирования которых колеблется около полутора миллиардов долларов, в 2017 году сумма финансирования проектов возросла почти вдвое и составила почти 3 миллиардов долларов¹¹.

Кроме соглашений, заключаемых в рамках международных организаций и договоров между правительствами Китая и России, экономическое сотрудничество развивается и в рамках деятельности транснациональных корпораций. Наиболее активно развивается ресурсно-сырьевая отрасль взаимодействия двух стран.

Например, такие компании как «Роснефть» и «China National Chemical», заключили летом 2016 года крупный годовой контракт на поставку нефти. В то же время было подписано соглашение о проекте стоимостью 1,313 триллиона рублей по вхождению «ChemChina» в капитал Восточной нефтехимической компании.

---

¹⁰ Соглашение о Новом Банке Развития. Форталеда, 15 июля 2014 г. URL: kremlin.ru/events/president/news/47801 (дата обращения 8 апреля 2017 г.).

¹¹ Кандапур Вaman Каматх: в планах НБР – выход на национальные рынки, ТАСС, 2017 г. URL: tass.ru/opinions/interviews/3935927 (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

Данный проект двух компаний предусматривает создание трёх очередей мощностью переработки 8 миллионов тонн нефти каждая, а также 6,8 миллиона тонн нефтехимического сырья в год¹².

В 2014 году состоялась знаменательная встреча руководителя ПАО «Газпром» А. Миллера и Президента Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации Ч. Цзипина, на которой был подписан крупнейший в истории российской компании контракт на поставку газа. Соглашение предусматривает экспорт российского газа в КНР в течение 30 лет и объёмом чуть менее 40 миллиардов кубометров. Кроме удовлетворения потребностей двух государств, контракт несёт в себе и рост инвестиционных процессов. Только в России инвестиции в необходимую инфраструктуру, для обеспечения выполнения обязательств по контракту, составят около 55 миллиардов долларов, не меньше и со стороны государства-партнёра¹³.

В свете стремительного развития двусторонних отношений России и Китая в экономической сфере, можно отметить, что подобные взаимоотношения будут лишь углубляться. Складывающаяся международная ситуация в настоящее время толкает Российскую Федерацию на тесное сотрудничество с сильным во всех планах «соседом» - Китаем. Ряд учёных отмечает¹⁴, что в условиях действующих в отношении России односторонних принудительных мер, медленного роста экономических показателей, снижения цен на ресурсы, России необходим стратегический рывок. Россия совместно с Китаем, по мнению экспертов, с лёгкостью изменит глобальное положение дел, где США все еще является мощнейшим экономическим центром. По словам посла КНР в Российской Федерации Ли Хуэя, Россия и Китай обладают одними из самых крупных в мире рынками и экономиками. Эксперты оценивают текущее положение экономической ситуации в двух странах как стабильное, и,

---

¹² РИА НОВОСТИ – Россия и Китай подписали десятки соглашений о сотрудничестве, 25.06.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160625/1451799581.html> (дата обращения 15 апреля 2017 г.).

¹³ ГАЗПРОМ – Россия и Китай подписали самый крупный контракт за всю историю «Газпрома». URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2014/may/article191417/> (дата обращения 15 апреля 2017 г.).

¹⁴ Лу Чжусин – О Российско-китайских отношениях. URL: Russian.cri.cn/841/2016/1s575342.htm (дата обращения 12 апреля 2017 г.).

несмотря на конъюнктуру, постепенно растущее¹⁵.

Существует множество факторов, влияющих на перспективу экономического сотрудничества. Можно выделить из них основные – это политическое влияние Российской Федерации, которое несомненно даёт преимущество в отстаивании совместных интересов на международной арене; высокая численность населения Китая, обуславливающая невысокую оплату труда и скорый рост экономики; благоприятный инвестиционный климат КНР, что привлекает инвесторов со всего мира; а также – огромные запасы сырьевых и иных ресурсов двух стран.

КНР, по мере укрепления своих позиций на международной арене, стремится выполнять главную роль в решении международных вопросов во всех направлениях. Экономика – не исключение. За последнее десятилетие китайская экономика вышла на второе место после американской, обогнав Японию. Экономика Поднебесной достигла уровня ВВП более 9 триллионов долларов¹⁶. Кроме того, Пекин давно держит курс на становление мировой валютной державой, активно пополняя свои золотовалютные резервы.

Учёные склонны верить в новый глобальный прорыв России и Китая в экономической сфере. Однако такой прорыв возможен лишь при условии диверсификации российской экономики, переориентации с только сырьевого и энергетического направления на высокотехнологические направления и подъёма российской промышленности. Это необходимо для того, чтобы интерес Китая в торгово-экономических и экономических отношениях с Россией неуклонно возрастал. Как итог интеграция экономик Китая и России позволит экономическому росту двух стран трансформироваться в политическое влияние, которое, в дальнейшем, приведет к переходу на новую модель экономического управления глобальными процессами, сместив центр с Америки и Европы на Азию.

---

¹⁵ Костюнина Г.М., Баронов В. И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО Университета. – 2011. - № 2. С. 175.

¹⁶ Китайская золотая лихорадка // Газета.RU. – 14.02.2014. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/02/13/5906505.shtml> (дата обращения 17 апреля 2017 г.).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО БАНКРОТСТВА

Анастасия Витальевна Каральная

*студент Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
karalnahse@yandex.ru*

В современном глобализированном мире многие компании, корпорации, прежде всего, в своем стремлении эскалацировать свои доходы вступают в международные коммерческие отношения: имеют активы в банках различных стран, оффшорных зонах, инвестируют в заграничный бизнес. Закон конкуренции полагает, что в мире происходит объективный процесс «выбывания» неплатежеспособных экономических агентов, что иллюстрирует риск трансграничного банкротства.

Опираясь на тезисы кандидата юридических наук Собиной Людмилы Юрьевны, можно вывести дефиницию трансграничного банкротства или несостоятельности. Это понятие определяется, как признанная компетентным органом судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, характеризующаяся неплатежеспособностью или неоплатностью, в ситуациях, когда производство о банкротстве осложнено наличием иностранного элемента либо в виде объекта за границей, либо в виде субъекта¹. Это могут быть, например, активы должника, находящиеся под юрисдикцией иного государства, чем то, где открыто дело о банкротстве, или регистрация кредитора (кредиторов) в иностранном государстве.

---

¹ Собиная Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. М.: Статут, 2012. С. 19.

Заметна логичная тенденция, что чем более развита экономика страны, тем быстрее национальное законодательство о несостоятельности пополняется нормами, регулирующими вопросы трансграничного банкротства. Это формирует инвестиционное реноме государства. Хотя тут есть свои исключения. Большинство стран закрепляют принцип *lex concursus* – категорию, введенную в оборот Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 12.11.2013г. № 10508/13 в деле литовского банка «Снорас», и означающее право страны, на территории которой возбуждено производство по делу о несостоятельности. К примеру, в соответствии с Законом Бельгии «О кодексе международного частного права» бельгийские суды уполномочены возбуждать дела о трансграничной несостоятельности при условии, что центр основных интересов должника находится в Бельгии. И, казалось бы, Россия также входит в число государств, применяющих *lex concursus*, т.к. в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) говорится: «к отношениям с участием иностранных лиц в качестве кредиторов применяются положения настоящего Федерального закона, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации»². Т.е. другими словами, Закон о банкротстве отражает одностороннюю коллизионную норму, на основе которой применяется российское право согласно *lex concursus*. Но за указанным выше тезисом следует продолжение – «решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации. При отсутствии международных договоров Российской Федерации решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации на нача-

---

² Федеральный закон РФ от 26 февраля 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета от 02 ноября 2002 г. № 209-210 (3008). П.5 Ст.1.

лах взаимности, если иное не предусмотрено федеральным законом»³. Это порождает сложности, характерные, безусловно, не только для России, но рассмотрение их в рамках отечественного законодательства представляется наиболее простым вариантом. Во-первых, наше государство не обладает достаточным количеством международных договоров, регулирующих трансграничное банкротство. Во-вторых, судебная практика в государстве не согласована, что иллюстрируют различные по своему содержанию решения при рассмотрении дел о трансграничном банкротстве. В результате юридическая наука сталкивается с огромными по своим масштабам пробелами в праве. Может ли Россия первой инициировать производство на началах взаимности или возможна кооперация лишь с теми государствами, которые не отказывали, например, в признании решений российских судов в делах о несостоятельности? Вопрос остается открытым. Нельзя упускать тот факт, что при изучении вопроса о банкротстве, осложненном иностранным элементом, необходимо анализировать примеры национальных доктрин. В процессе признания должника несостоятельным могут возникнуть коллизии из-за различных подходов государств к правовому регулированию банкротств. Так, Франция делает ставку на реструктуризацию долгов должника, а Россия – на реализацию и ликвидацию. За неимением всеобщих международных норм возможно обращение к тезисам других стран.

Создается впечатление, что рассматриваемый институт только начинает свое становление, но это не совсем так, ведь первые соглашения о трансграничной состоятельности имели место быть уже в XIII в. – договор между Вероной и Тренто 1204 г. определял нормы передачи имущества иностранного должника⁴. История также знает пример банкротства итальянского банка Ammanati, чьи кредиторы и чье имущество находились и были зарегистриро-

---

³ Федеральный закон РФ от 26 февраля 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета от 02 ноября 2002 г. № 209-210 (3008). П.6 Ст.1.

⁴ Рягузов А. А. Трансграничное банкротство в российском праве. // «Юридический мир». 2007 г. № 6. URL: <http://www.491602.pc-forums.ru/o4785.html> (дата обращения 9 марта 2017 г.).

ваны по всему миру. Ситуация разрешилась в результате вмешательства Папы Римского Бонифация XVIII – владельцам банка запрещалось отчуждать имущество своего отделения в Риме, а также остановлены выплаты кредиторам. Т.о. с помощью единого центрального органа банку удалось выплатить задолженности и возобновить свою деятельность.

К сожалению, современное регулирование вопросов трансграничного банкротства еще не пришло к созданию подобного аппарата, координирующего бы работу судов по единым стандартам. Любое государство, стремясь защитить своих кредиторов, должников, старается взять «бразды правления» в свои руки, что чревато параллельными процессами. Например, в рамках дела о признании несостоятельной компании Lehman Brothers – одной из крупнейших в сфере оказания финансовых услуг – было возбуждено около 75 отдельных, самостоятельных производств по делу в 16 правовых системах⁵. В данном деле юристы заработали около 3-х миллиардов долларов, это лишь один канал расхода денежных средств. Колоссальный расход средств, споры о признании являются преградой для справедливого удовлетворения требований кредиторов в условиях и без того ограниченного имущества должника. Максимально эффективным вариантом развития механизма регулирования трансграничного банкротства видится в синтезе принципов территориальности и универсализма, так называемом – модифицированном универсализме. Концепция заключается в том, что экстерриториальное основное производство, возбуждаемое по месту нахождения центра основных интересов должника, может быть дополнено вторичными территориальными производствами по месту нахождения локальных предприятий должника. Возникающая иерархия производств значительно облегчила бы процедуры несостоятельности, осложненной иностранным элементом. Успешной апробацией этой идеи можно назвать дело Colins & Aikman Corporation. Основное производство было возбуждено английскими судами, которые гарантировали кредиторам из Соединенных Штатов Америки учесть

---

⁵ Практическое руководство ЮНСИТРАЛ по вопросам сотрудничества в делах о трансграничной несостоятельности. С. 134. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/insolven/Practice_Guide_Ebook_russian.pdf (дата обращения - 22 марта 2017 г.).

их требования по праву и в соответствии с нормами США. На первый взгляд кажется, что, возбудив параллельное производство согласно своему национальному законодательству, американские кредиторы на первый взгляд были бы в более выгодном положении, но, согласившись на предложение английских коллег и избежав лишних расходов, заинтересованные лица консолидировали и выручили суммы, удовлетворяющие требованиям кредиторов и, более того, превышавшие все ожидания⁶.

Мировое сообщество начинает осознавать, что для максимизации выгоды, улучшения внешних экономических связей, развития национальной экономики и сохранности имущества необходим развитый механизм регулирования трансграничного банкротства. Основным препятствием этому является отсутствие единого международного договора или централизованного органа (по примеру Папы Римского). Предпринимались попытки для создания единого нормативного акта, но многие из них так и остались проектами, т.к. стороны не могли согласовать договоры. Так и не вступила в силу Гаагская Конвенция о банкротстве 1925 г.; остался без внимания проект Европейской Конвенции 1960г., который предусматривал взаимное признание государствами-участниками производства о несостоятельности, исключал параллельные производства; не была подписана Брюссельская Конвенция о банкротстве 1980 г.

Но с другой стороны медали – ратифицированная Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге, ст.7 которой частично отвечает на вопрос, в каких случаях и при каких условиях стороны могут быть признаны банкротами. На сегодняшний день более 70 государств приняли свои законы о несостоятельности, базируясь на нормах Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничном банкротстве 1977 г. Такой процесс гармонизации должен оказать положительное влияние не только на развитие международного законодательства, но и состояние экономически агентов. По признанию кандидата юридических наук Елены Викторовны Моховой – «на сегодняшний день унификация регулирования трансграничного банкротства в Европейском Союзе (далее - ЕС) входит в новую фазу - пересмотра, уточнения и совершенствования созданных ранее

---

⁶ Bob Wessels, Hon. Bruce A Markell, Jason Kilborn. International Cooperation in Bankruptcy and Insolvency Matters. Oxford University Press. 2009. P. 134.

единообразных норм, завершившуюся подготовкой проекта изменений в действующую редакцию Регламента»⁷. Речь здесь идет о Регламенте ЕС № 2015/848, фиксирующем однородные нормы о разграничении компетенции судов государств-членов ЕС и вместе с тем закрепляющем универсальные правила признания должника банкротом.

Так, какова же ситуация в мире в отношении трансграничного банкротства? Попытки международно-правового регулирования трансграничного банкротства, предпринимаемые в течение достаточного длительного времени, до сих пор остаются несмелыми попытками, которые все же дают возможность представить возможную траекторию развития данного института. Остаются нерешенными проблемы параллельных производств по делам о несостоятельности, осложненной иностранными элементами, «банкротного туризма», споров о критериях признания должника банкротом и т.п. Но дорогу осилит идущий. Мировое сообщество уже пришло к единому мнению о необходимости единого централизующего органа, руководствующегося нормативным актом, применяемого для большинства субъектов международного права. Вероятно, резкий скачок развития регулирования трансграничной несостоятельности произойдет в результате экономического кризиса, как это отчасти стало происходить в 2008 г. Но в одном можно быть уверенными – это тот вопрос, который нельзя оставлять без ответа, это та проблема, которая требует своего логичного решения.

---

⁷ Мохова Е.В. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы. URL: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3267> (дата обращения - 9 апреля 2017 г.).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ: ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИЛИ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ “BREXIT”»?

Александр Амиранович Карцхия

к.ю.н., профессор РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М.Губкина

Проблема укрепления международного сотрудничества для решения общих связанных с энергетикой задач на национальном, региональном и международном уровнях, включая развитие архитектуры мировой энергетики, приобрела исключительную актуальность в последние десятилетия. Значимость энергетической безопасности, также как и признание суверенитета каждого государства над своими энергетическими ресурсами, суверенного права каждого государства регулировать передачу и транспортировку энергии в пределах своей территории при соблюдении всех своих международных обязательств получили всеобщее признание. Это позволит обеспечить адекватный ответ на глобальные вызовы, порождающие так называемую «трилемму энергетики» - обеспечение сбалансированности между энергетической безопасностью, экономическим развитием и охраной окружающей среды в целях совместных усилий всех стран для достижения устойчивого развития.

В начале XXI века существенно изменились энергетические условия, а характерными чертами европейских и мировых энергетических рынков, по оценке генерального секретаря Секретариата Энергетической Хартии¹, стали экономическое и политическое возрождение России, диверсификация использования энергоресурсов в Европе, упрочение позиций вертикально интегрированных государственных нефтяных компаний, изменение климата в качестве глобального вызова и стремление уйти от экономики, основанной

---

¹ У.Руснак. Энергетическая хартия: путем перемен. 20 февраля 2014. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Energeticheskaya-khartiya-putem-peremen-16404> (дата обращения 10 апреля 2017 г.).

на ископаемом топливе, в пользу возобновляемых источников энергии и, наконец, возвращение США на позиции одного из ведущих производителей энергоресурсов в мире в результате "сланцевой революции".

В наши дни правовые аспекты транзита энергоносителей так же, как и вопрос о целесообразности участия России в соответствующем договорном процессе служат предметом острого обсуждения².

Существенными шагами на пути создания международного энергетического рынка, построенного на унифицированных, единых правилах по транспортировке и транзиту энергоресурсов и энергетического оборудования, стали Европейская Энергетическая Хартия (European Energy Charter, 1991г.) и Договор к Энергетической Хартии (Energy Charter Treaty, 1994г.)³, а в последствие – Международная Энергетическая Хартия (International Energy Charter, 2015г.).

Энергетическая хартия уходит корнями в европейскую политическую инициативу, которая была выдвинута сразу после периода «холодной войны». В июне 1990 г. был предложен стратегический план так называемого Европейского энергетического союза (European Energy Union). Переговоры с участием целого ряда стран были призваны создать институциональную структуру для развития торговли энергоносителями в масштабах всей Европы. Декларация Европейской Энергетической Хартии, подписанная в Гааге в декабре 1991 года, стала первым конкретным шагом по институционализации торговли энергоносителями⁴.

---

² См: Конопляник А. А. Россия и Энергетическая хартия. М.2010; Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения, М.: Волтерс Клувер, 2005; Лисицын-Светланов А.Г. Роль права в модернизации экономики России. М.: Институт государства и права РАН, 2011.

³ Договор к энергетической Хартии и связанные с ним документы. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=40058158 (дата обращения 12 марта 2017 г.).

⁴ Поминова И. Всестороннее исследование рисков и преимуществ для РФ от участия в Энергетической Хартии. Секретариат Энергетической Хартии, 2014. URL: <http://www.encharter.org> (дата обращения 20 марта 2017г.).

В настоящее время Хартию уже подписали 66 стран мира, включая США, Канаду, Австралию, Японию, Россию и страны СНГ, страны Центральной и Восточной Европы, государства Азии, Северной Африки, Южной Америки, а также ряд международных и региональных организаций, в том числе Европейский Союз и Евратом. Все государства члены Хартии являются наблюдателями на Конференции по Энергетической Хартии, что служит первым и необходимым шагом на пути присоединения к Договору к Энергетической Хартии.

Европейская Энергетическая Хартия и Договор к Энергетической Хартии (ДЭХ) относятся, по мнению экспертов, к новым многосторонним международным соглашениям, отражающим тенденцию кодификации инвестиционного права в сфере международного сотрудничества. Хартия является региональным международным многосторонним договором, регулирующим инвестиции, а также транспортировку и торговлю продукцией энергетических отраслей. Являясь примером многостороннего международного инвестиционного договора, ДЭХ одновременно явился «первой попыткой создать универсальный механизм решения инвестиционных проблем, игнорируя сложившиеся нормы и принципы международного права»⁵.

Европейская Энергетическая Хартия (ЕЭХ) направлена на то, чтобы на приемлемой с экономической точки зрения основе, повысить надежность энергоснабжения и в максимальной степени обеспечить эффективность производства, преобразования, транспортировки, распределения и использования энергии с тем, чтобы повышать уровень безопасности и сводить к минимуму проблемы окружающей среды.

Государства-участники ЕЭХ на основе соблюдения государственного суверенитета и своих суверенных прав на энергетические ресурсы в духе политического и экономического сотрудничества обязались содействовать развитию эффективного энергетического рынка во всей Европе и функционирующего глобального рынка. В конечном счете, создание единого глобального рынка ориентировано на формирование благоприятного климата функционирования

---

⁵ Доронина Н.Г., Семилотина Н.Г. Международное частное право и инвестиции. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2012. С.162.

предприятий, обеспечения притока инвестиций и технологий, посредством внедрения рыночных принципов в области энергетики. Это будет способствовать обеспечению энергоснабжения стран, импортирующих энергию, и увеличению притока капитала в страны, ее экспортирующие.

По своему правовому содержанию Европейская Энергетическая Хартия представляет собой политическую декларацию о путях развития многостороннего международного сотрудничества в энергетической сфере, которые основаны на развитии открытых и эффективных энергетических рынков; создании условий для стимулирования притока частных инвестиций и участия частных предприятий; отсутствии дискриминации между участниками; уважении государственного суверенитета над природными ресурсами; признании важности экологически обоснованной и энергетически эффективной политики.

Последующим шагом сотрудничества в сфере энергетики явилось подписание в декабре 1994 года Договора к Энергетической Хартии (ДЭХ), который вступил в силу в апреле 1998 года. К настоящему времени Договор подписали или присоединились к нему 52 государства, а также Европейский Союз и Евратом. В ДЭХ не участвует ни одна из нефтегазодобывающих стран Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки. США и Канада, хотя и подписали ЕЭХ и принимали активное участие в подготовке текста ДЭХ, отказались подписать этот договор. Австралия и Норвегия, подписав ДЭХ в 1994 году, до сих пор его не ратифицировали и не применяют даже на временной основе. В число наблюдателей по приглашению (16 стран) входит Китай, Венесуэла и крупнейшие нефтегазодобывающие страны Ближнего Востока и Северной Африки. Кроме того, статус наблюдателя ДЭХ имеют 11 международных организаций (Всемирный банк, ВТО, МЭА, ОЭСР и др.).

Россия использовала возможность временного применения (на период до его ратификации) Договора к Энергетической Хартии, но в 2009 году отказалась от такого временного применения ДЭХ, представив свой Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики. Согласно официальной справке МИД РФ Договор к Энергетической Хартии «подлежал ратификации законодательными органами стран-участниц. Россия, Белоруссия, Австралия, Исландия и Норвегия Договор

не ратифицировали. В 2014 г. Италия заявила о своем выходе из ДЭХ. ДЭХ базируется на пяти ключевых элементах: поощрение капиталовложений в энергетику, государственный суверенитет над природными ресурсами, свобода доступа к энергетическим рынкам, свобода транзита энергоресурсов, свобода движения капиталов, связанных с инвестированием в энергетику.... После подписания ДЭХ в 1994 году в мире произошли значительные изменения, которые поставили на повестку дня необходимость соответствующей корректировки Договора, во многом не отвечающего в нынешнем виде современным реалиям. Однако инициированный Россией процесс модернизации ДЭХ заметных результатов не дал. 18 октября 2009 г. Россия прекратила временное применение ДЭХ. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 года №1055-р принято решение о направлении уведомления о намерении Российской Федерации не становиться участником Договора к Энергетической хартии. Соответствующая нота направлена депозитарию ДЭХ – МИД Португалии 20 августа 2009 года.»⁶

Конечно, процесс Энергетической Хартии основывается на соответствующих документах ООН и использует глобальные подходы соглашений ВТО. Но за прошедшие годы с момента принятия Энергетической Хартии были созданы региональные организации экономического развития, а новые технологии существенно изменили структуру мировой энергетики. Фактически «хартийный процесс» на сегодняшний день не может «задавать тон» в энергетическом сотрудничестве даже с принятием Международной Энергетической Хартии в 2015 г.

Позиция же России, если использовать современные термины, явилась своеобразным «энергетическим «Brexit», выразившим неудовлетворенность России степенью учета своих политических и экономических национальных интересов в сфере глобального энергетического сотрудничества.

Тем не менее, ДЭХ сохраняет свое значение для следующих основных направлений:

---

⁶ Справка МИД РФ «О Договоре к Энергетической хартии». URL: http://www.mid.ru/web/guest/drugie-otraslevye-organizacii/-/asset_publisher/-km9HkaXMTium/content/id/2517386 (дата обращения 25 марта 2017 г.).

- защита иностранных инвестиций на основе распространения национального режима или режима наиболее благоприятствуемой нации (в зависимости от того, что является более благоприятным), а также средств защиты от некоммерческих рисков;

- не дискриминационные условия торговли энергетическими материалами, продуктами и связанным с энергетикой оборудованием на основе правил ВТО и положений для обеспечения надежности трансграничных транзитных потоков энергоносителей по трубопроводам, сетям и другим средствам транспортировки;

- разрешение споров между государствами-участниками, и в случае инвестиций - между частными инвесторами и принимающими государствами;

- повышения энергетической эффективности и минимизация воздействия на окружающую среду производства и потребления энергии.

Новые правила установлены в ст.7 ДЭХ для обеспечения баланса между суверенными интересами государств и потребностью в надежном и стабильном транзите энергоносителей. Правила транзита ДЭХ подтверждают принцип не дискриминации в отношении доступа к энергетическим ресурсам и рынкам. Важным новым элементом, содержащимся в ДЭХ, является детализация средств транспортировки энергоносителей по сетям и возможность принудительного осуществления его положений.

Разведка и эксплуатация энергетических ресурсов являются капиталоемкими и часто трудноосуществимыми с технической точки зрения. Они также могут представлять потенциальную опасность для окружающей среды. Во всех этих отношениях, наилучшим возможным средством использования энергетических ресурсов рентабельным, технологически обоснованным и экологически чистым образом может стать современная технология.

Согласно пункту (1) Статьи 8 ДЭХ, договаривающиеся стороны соглашаются способствовать доступу к энергетической технологии, ее передаче на коммерческой и не дискриминационной основе. Стороны ДЭХ поощряют передачу технологии, устраняют существующие и не препятствуют передаче технологии в той мере, в какой это необходимо для приведения в действие пункта (1) и при условии соблюдения обязательств по нераспространению ядерного оружия и других международных обязательств.

Передача (трансфер) технологий имеет важное значение в контексте международного сотрудничества в области энергетики и в целом для современного этапа технологического развития общества⁷. Показательна в этом отношении стратегическая оценка современных технологий для сферы энергетики, которая дана в Проекте Энергетической стратегии России на период до 2035 года (редакция 21.09.2016г.)⁸.

Одну из ключевых ролей, как отмечается в п.1.2. Проекта, в формировании будущего мировой энергетики играет развитие новых технологий. Это выражается как в развитии технологий добычи/производства и транспорта энергоресурсов (разработка нетрадиционных углеводородов, в том числе «сланцевая революция», СПГ и др.), так и в формировании «новой энергетики», основанной на ВИЭ, распределенной генерации, интеллектуализации, а также в развитии энергосберегающих и энергоэффективных технологий.

Новым этапом в развитии международного энергетического сотрудничества стала Международная энергетическая хартия (International Energy Charter)⁹, которая была принята на Конференции в Гааге в мае 2015 года, в ходе которой 62 государства и три международных организации (Европейский Союз, Евратом и Экономическое сообщество Западноафриканских государств) подписали Международную энергетическую хартию (МЭХ), а еще 11 государств заявили о готовности подписать МЭХ в будущем.

МЭХ представляет собой «декларацию, политическая цель которой заключается в укреплении сотрудничества в энергетической сфере между подписавшими сторонами, и не влечет никакого юридически обязывающего обязательства». Однако, в отличие от Энергетической хартии, главной целью которой было повышение рыночными мерами надежности энергоснабжения и эффективности энергетики во всех областях, то основной целью МЭХ целью стало

---

⁷ Карцхия А.А. Цифровая революция и интеллектуальная собственность в ТЭК// Управление качеством в нефтегазовой отрасли. № 4, 2016. С.19-21.

⁸ Проект Энергетической стратегии России. URL: <http://minenergo.gov.ru/node/1920> (дата обращения 2 апреля 2017г.).

⁹ International Energy Charter. URL: <http://www.encharter.org> (дата обращения 30 марта 2017г.).

устойчивое развитие энергетики и укрепление энергетической безопасности на социально приемлемой, экономически обоснованной и экологически безопасной основе. МЭХ отражает ряд наиболее актуальных энергетических проблем, в частности:

- растущий удельный вес развивающихся стран в глобальной энергетической безопасности;

- «трилемма энергетики» – необходимость сбалансированности трех проблем: энергетической безопасности, экономического развития и охраны окружающей среды, а также усиление роли торговли в сфере энергетики для устойчивого развития;

- необходимость расширения доступа к современным энергетическим услугам, сокращение масштабов энергетической бедности, использования экологически чистых технологий и создание потенциала энергоресурсов;

- необходимость диверсификации источников энергии и маршрутов, а также повышение роли региональной интеграции энергетических рынков.

МЭХ прямо признает суверенитет каждого государства над его энергетическими ресурсами и право суверенного государства самостоятельно регулировать передачу и транспортировку энергии в пределах своей территории в целях содействия развитию эффективных, стабильных и прозрачных энергетических рынков на региональном и глобальном уровнях на основе принципов не дискриминации и рыночного ценообразования с учетом экологических проблем и роли энергетики для национального развития в каждой стране. (Title 1). Однако, соглашение обходит молчанием многие вопросы, которые являются ключевыми для глобализации энергетических рынков. В частности, понятия «исключительная экономическая зона», «континентальный шельф» не упоминаются. Не получили освещения вопросы о недопустимости распространения механизма политических санкций на энергетический сектор, о запрете манипулирования рынком энергоносителей с помощью использования стратегических резервов, о механизме совместной защиты энергетической инфраструктуры стран-участниц от возможных террористических атак, а также вопросы о принципах не дискриминационного налогообложения и взимания таможенных платежей

при транзите энергоносителей. Упускаются, таким образом, критически важные для обеспечения энергетической безопасности факторы.

Несмотря на то, что в международно-правовых документах «хартийного процесса» содержатся принципиальные положения о государственном суверенитете на природные ресурсы, не дискриминационном доступе к рынкам, и координации энергетической политики, «в них нет главного, - взаимной ответственности стран - потребителей и поставщиков энергоресурсов, а также транзитных государств за обеспечение глобальной энергетической безопасности, процедуры преодоления чрезвычайных ситуаций в данной сфере». Несмотря на то, что ДЭХ запрещает отбор газа из транзитного потока, Украина открыто нарушала этот запрет в 2009г.»¹⁰.

Создание в 2011 году Энергетического союза ЕС представляет собой закономерный шаг к централизации ЕС и укрепление наднациональных структур. Принципы Энергетического Союза ЕС общеизвестны и включают в себя сокращение зависимости от импорта в энергетике, единый энергетический рынок ЕС, энергоэффективность, развитие и передачу новейших технологий¹¹.

Вполне возможно, что и эти «центростремительные силы» общеевропейских политических структур повлияли на решение Великобритании о выходе из Евросоюза. Последствия политического, экономического и также «энергетического «Brexit» могут оказаться существенным дестабилизирующим фактором, как для Европейского энергетического союза, так и для международного «хартийного процесса».

В этой ситуации важна последовательная национальная энергетическая стратегия. Приоритетами внешней энергетической политики России, согласно Энергетической стратегии до 2035 года, являются отражение национальных интересов в формируемой системе энергетических рынков, диверсификация экспорта, обеспечение стабильных условий, укрепление позиций российских компаний за рубежом и обеспечение эффективной международной коопе-

---

¹⁰ Вельяминов Г.М. Международное право: опыты. М.: Статут, 2015. С.174

¹¹ В.Язев. Международная Энергетическая Хартия– новый инструмент энергетической дипломатии// Нефтегазовая вертикаль, №8, 2015. С.15-18.

рации по рисковым проектам (привлечение инвестиций и технологий).

Современный концептуальный подход России свидетельствует о ее неудовлетворенности существующими рамками двустороннего и многостороннего международного сотрудничества в энергетической сфере, которые оказались не способны предупреждать и разрешать конфликтные ситуации, что ставит вопрос о необходимости радикального совершенствования правовой основы мировой торговли энергетическими ресурсами¹².

Тем не менее, на наш взгляд, следует исходить из заинтересованности России в эффективном международном соглашении, определяющем базисные правовые рамки регулирования вопросов сотрудничества в глобальной энергетике с участием всех основных стран производителей и потребителей различных видов энергоресурсов. В главном это обеспечит условия не только для энергетической безопасности и соблюдения суверенных прав государства в сфере международного энергетического сотрудничества. Принципиальным, как показывает практика, является и вопрос взаимного учета национальных политических и экономических интересов участников энергетического диалога и «хартийного процесса» с тем, чтобы не допустить «энергетического «Brexit» базовых участников мирового энергетического сотрудничества.

---

¹² Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики, 21.04.09. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 20 марта 2017г.).

СОГЛАШЕНИЕ ВТО ПО ТЕХНИЧЕСКИМ БАРЬЕРАМ В ТОРГОВЛЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Умед Мулкамонович Мамадамонов

*старший преподаватель кафедры международного права
и сравнительного правоведения Российско-Таджикского
(славянского) университета, аспирант кафедры международного
права Российского университета дружбы народов
tumed@yandex.ru*

Одним из основных препятствий для либерализации мировой торговли являются технические барьеры в торговле. На сегодняшний день данная проблема эффективно решается в рамках ВТО. В целях ограничения злоупотреблений в торговой политике путем использования технических барьеров как средства недобросовестной конкуренции, в рамках совершенствования условий Генерального соглашения по тарифам и торговле (англ. General Agreement on Tariffs and Trade, ГАТТ, ГАТТ) в 1979 г., было принято Соглашение по техническим барьерам в торговле.

Как справедливо отмечает Григорян С.А., наиболее сложной проблемой при разработке данного соглашения явился поиск «золотой середины» между объективной потребностью в защите населения, животного мира и растений и необходимостью избежать излишних препятствий для развития международной торговли и злоупотребления на этой почве¹.

Вступление Республики Таджикистан во Всемирную торговую организацию напрямую содействовало проводимым экономическим реформам в стране. Интеграция Республики Таджикистан в мировое экономическое пространство требовало создания в стране

---

¹ Григорян С.А. Международно-правовая система Всемирной торговой организации и интересы России. Дис. ... док. юрид. наук: 12.00.10. М., 2000. С. 115.

национальной системы технического регулирования, соответствовавшего праву ВТО.

Технические требования к товарам представляют один из распространенных инструментов, которые легко могут быть превращены в препятствие международной торговле².

Одним из существенных положений и достоинств Соглашения по техническим барьерам в торговле является то, что оно признает и принимает во внимание тот факт, что национальное техническое законодательство каждой страны-участницы имеет свои особенности и признает за каждым членом право устанавливать обязательные технические регламенты и стандарты. В самой преамбуле соглашения подчеркивается, что страны-участницы не должны быть ограничены в применении мер, гарантирующих качество ее импорта, защиты жизни и здоровья человека, животных и растений, состояние окружающей среды или устраняющих обман потребителя на уровне, который страна считает приемлемым³.

Одним из первоначальных шагов в области гармонизации национального законодательства РТ в области технического регулирования с Соглашением ВТО по техническим барьерам в торговле была разработка «Стратегии развития национальной инфраструктуры в области качества на 2010-2012 и Плана мероприятий по реформе системы технического регулирования в Республике Таджикистан».

В течение двух лет были изменены и дополнены основные законы в области технического регулирования для соответствия требованиям Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле.

Были внесены изменения в Закон РТ «О техническом нормировании» от 28.06.11, Закона РТ «О стандартизации» от 16.04.2012 и Закон РТ «Об оценке соответствия» от 01.08.2012.

В статье 2.2 Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле подчеркивается что технические регламенты не должны со-

---

² Право ВТО: теория и практика применения : монография / под ред. Л.П. Ануфриевой. – М. : Норма: ИНФРА-М,2016.С.246.

³ Сайт Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан URL: <http://wto.tj/ru/tj-wto/database/wto-agreement/> (дата обращения: 28 марта 2017 г.).

здавать дополнительные излишние препятствия в торговле. В статье 5 Закона РТ «О техническом нормировании» определяются основные цели и принципы технического регулирования, было внесено изменение в соответствии со статьей 2.2 Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле. В частности, была изменена одна из целей технического регулирования: «защита экономических интересов» на «устранение технических барьеров в торговле». Также статья 5 Закона была дополнена пунктом «пропорциональность и недискриминация в международной торговле» в качестве одного из принципов разработки технических регламентов. В пункт 7 статьи 13 Закона были внесены изменения в соответствии с Кодексом надлежащей практики. В частности в пункте 7 статье 13 указывается, что международные стандарты должны использоваться полностью за исключением случаев, если они признаны неэффективными или неподходящими в силу географических или иных особенностей.

С целью получения необходимой информации о национальных технических нормах и стандартах Соглашением ВТО по техническим барьерам в торговле предусмотрено создание специального информационного центра. В рамках «Стратегии развития национальной инфраструктуры в области качества на 2010-2012 и Плана мероприятий по реформе системы технического регулирования в Республике Таджикистан» и процесса гармонизации национальных стандартов с нормами право ВТО в Республике Таджикистан был создан Информационный центр по вопросам технических барьеров в торговле.

В закон Республики Таджикистан «О стандартизации» имплементированы положения Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле касательно разработки и принятия на основе консенсуса государственных стандартов, которые применяются на добровольной основе. Государственный орган, регулирующий вопросы стандартизации в Республике Таджикистан при разработке и принятии стандартов исходит из положения Кодекса добросовестной практики.

Государственный орган, регулирующий вопросы стандартизации в Республике Таджикистан, в своей работе стремится избежать совпадения с деятельностью соответствующих международных и региональных органов по стандартизации.

На основании постановления Правительства РТ от 2.11.2011 года утвержден порядок создания и ведения государственного фонда стандартов. Данный фонд включает в себя тексты более двадцати двух тысяч действующих в РТ международных и государственных стандартов. Следует отметить, что данный государственный фонд также является одним из основных источников обеспечения сведениями информационного центра по вопросам технических барьеров в торговле.

Соглашение ВТО по техническим барьерам в торговле также оказало влияние на Закон Республики Таджикистан «Об оценке соответствия». Положения Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле касательно соответствия техническим регламентам и стандартам, в частности, статьи 5,6 и 7 были отражены в статье 19 Закона Республики Таджикистан «Об оценке соответствия». Следует отметить, что постановлением Правительства Республики Таджикистан № 310 от 18.06.2012 года был определен новый перечень товаров и услуг подлежащих обязательной сертификации, который по сравнению с предыдущим сокращен в 2,5 раза.

Дальнейшее развитие данный процесс получил в январе 2014 года, когда совместным распоряжением Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан и Таджикстандартом был разработан «Порядок ввоза на таможенную территорию Республики Таджикистан продукции, подлежащей обязательной сертификации». Данное распоряжение полностью соответствует требованиям Соглашения ВТО и сокращает время и средства участникам внешнеэкономической деятельности.

Важной составляющей гармонизации национального законодательства стран-участниц с требованиями Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле является участие в работе Международной организации по стандартизации, использование международных технических стандартов, регламентов и системы сертификации в своем национальном обиходе, а также заключение между собой соглашений о взаимном признании своих сертификатов, односторонних процедур сертификации и результатов проверок соответствия товаров техническим стандартам⁴.

---

⁴ Дюмулен. И.И. Международная торговля. Тарифное и нетарифное регулирование: Учебник/ И.И. Дюмулен.-4-изд.-М.: ВАВТ, 2015.С.463.

Республика Таджикистан является членом Международной организации (ИСО) и Международной организации законодательной метрологии (МОЗМ). На региональном уровне Республика Таджикистан является членом Межгосударственного совета по стандартизации, метрологии и сертификации Содружества Независимых Государств (СНГ), Евро-азиатского сотрудничества государственных метрологических учреждений (КООМЕТ) и Межрегиональной ассоциации по стандартизации (МАС), а также членом Специальной рабочей группы по сотрудничеству в области применения технических регламентов, стандартов и процедур оценки соответствия Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС).

По рекомендации Международной организации законодательной метрологии - МОЗМ (OIML) трижды (в 2002, 2007, 2008 годах) Правительством Республики были внесены изменения и дополнения к Закону «Об обеспечении единства измерений». Таким образом, происходил процесс гармонизации настоящего Закона с международными нормативно-правовыми актами в области метрологии.

В отчете рабочей группы по вступлению Республики Таджикистан во Всемирную торговую организацию Таджикистан взял на себя обязательство о том, что с момента присоединения страна не будет использовать стандарты, технические регламенты и процедуры оценки соответствия таким образом, чтобы ограничивать международную торговлю, запрещать импорт и проявлять дискриминацию в отношении отдельных стран. Стандарты и технические регламенты будут применяться одинаково и на недискриминационной основе. Таджикистан будет разрабатывать, утверждать и применять стандарты, технические регламенты и процедуры оценки соответствия только в соответствии с Соглашением по техническим барьерам в торговле⁵.

На сегодняшний день под влиянием права ВТО устранены основные барьеры в торговле, содержащиеся в национальном законодательстве, однако необходимо проведение определенных изменений, которые Республика Таджикистан взяла на себя в виде обяза-

---

⁵ Отчет рабочей группы по вступлению Республики Таджикистан во Всемирную торговую организацию. Параграф 209.

тельства после вступления во ВТО. Для более эффективного технического регулирования экономической деятельности в Республике Таджикистан необходимо создать уполномоченный орган по техническому регулированию, а также внести в Закон «О техническом нормировании» дополнительные положения о создании отраслевых технических комитетов по стандартизации и техническому регулированию; создать отраслевые технические комитеты для разработки технических регламентов и стандартов, а также разработать необходимые внутренние правила таких комитетов и координационные механизмы, предоставить таким комитетам экспертные знания; провести системный анализ национальных стандартов и привести их в соответствие с принципами и требованиями Соглашения по техническим барьерам в торговле.

Следует отметить, что Республика Таджикистан с 2001 года, подав заявку на членство во Всемирной торговой организации, определила своим приоритетным направлением развитие национального законодательства в соответствии с правом ВТО. На сегодняшний день право ВТО позитивно влияет на развитие национального законодательства РТ, так как многие обязательства по адаптации национально-правовых актов к требованиям права ВТО были предусмотрены после вступления страны в нее. Следует подчеркнуть, что одним из неопределимых достоинств Соглашений ВТО является также то, что они носят отсылочный характер, и тем самым влияют на национальное законодательство РТ, которое не только отвечает требованиям права ВТО но и международным стандартам в области технического регулирования.

АНДСКОЕ СООБЩЕСТВО НАЦИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Анастасия Михайловна Отрашевская

*студент Российского университета дружбы народов
otrashevskayan@gmail.com*

Андское сообщество наций, La Comunidad Andina de Naciones (CAN), является одним из наиболее ярких примеров экономической интеграции государств, находящихся в Южной Америке, состоящее из таких стран, как Боливия, Колумбия, Эквадор и Перу. Стоит отметить, что ранее членами организации являлись Венесуэла и Чили (в данный момент является ассоциированным членом), также в 2011 году к Сообществу в качестве страны-наблюдателя присоединилась Испания.

Организация была создана на основе Картахенского соглашения 1969 года, Acuerdo de Cartagena¹, (Андский Пакт), штаб-квартира находится в Лиме (Перу). Среди основных документов, на основе которых функционирует организация, выделяются Договор о создании Андского суда 1969 год, Регламент Общего секретариата, Регламент Совета министров иностранных дел, Регламент Комиссии Андского сообщества.

Особое внимание стоит уделить концепции Андской системы интеграции, El Sistema Andino de Integracion (SAI), которая была создана в 1996 году (Протокол Трухильо). Она образуется за счет специальных органов и институтов, выполняющих различные функции, начиная от политических заканчивая судопроизводством, исполнением решений, изучением экономических, социальных, культурных и других вопросов. Органы и институты подразделяются на

---

¹ Сайт Андского сообщества наций. URL: <http://www.comunidad-andina.org/Documentos.aspx> (дата обращения 8 апреля 2017).

три группы: 1) межправительственные органы (Organizaciones intergubernamentales)²: Президентский Совет, Совет министров иностранных дел, Комиссия Андского сообщества; 2) вспомогательные органы (Organizaciones comunitarias): Андский суд, Общий секретариат, Андский Парламент, Банк для экономического развития Латинской Америки, Латиноамериканский резервный фонд, Андская организация здравоохранения, Андский Университет Симона Боливара, Конвенция по труду, а также 3) институты гражданского общества, (Instancias de participación de la sociedad civil): Консультативный Совет по развитию предпринимательской деятельности, Консультативный Совет труда, Консультативный Совет по вопросам, связанным с коренным населением, Андский Совет по защите прав потребителей.

Однако если рассматривать Андское сообщество в аспекте исключительно экономической интеграции, то можно увидеть ряд нормативно закрепленных правил, касающихся финансовой деятельности организации, которые стали итогом многолетних попыток установления такого режима. К ним относятся такие, как: Распоряжение (Циркуляр) о ценах 530 (Circular de Franja de Precios)³, устанавливающее систему установления цен, тарифов, дополнительные привилегии, тарифы, применяемые к импорту и экспорту; Решение (Decision) 659, касающееся нормативно-правового регулирования услуг, общих принципов и правил распространения услуг в пределах Андского сообщества, список мер, которые могут быть применены государствами-участниками (ст.5).

Оборот товаров без уплаты пошлин – это руководящий принцип осуществления торговли в Сообществе. Для его реализации в Главе XI Картахенского соглашения и Решении 389 установлены 4 вида охраны (принципа): баланс оплаты, программа либерализации, продукты со специальным режимом ввоза и вывоза и валютная де-

---

² Сайт Андского сообщества наций. URL: <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=189&tipo=QU&title=somos-comunidad-andina> (дата обращения 8 апреля 2017г.)

³ Сайт Андского сообщества наций. URL: <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=75&tipo=TE&title=defensa-comercial> (дата обращения 8 апреля 2017г.)

вальвация), а также ст. 90-92 Картахенского соглашения регулируют режим оплаты для сельскохозяйственной продукции. Что касается импорта товаров в другие государства, то он регулируется Решением 452.

Выработка единых документов, принципов и норм потребовала много времени: в декабре 1991 года в рамках Андского сообщества на совещании в Картахене, где присутствовали президенты стран-участников, было принято решение о создании таможенного союза и введении единого внешнего таможенного тарифа (далее ЕВТТ) с 1 января 1992 года, государства договорились об условии, согласно которому ЕВТТ должен варьироваться в зависимости от группы товара (5%, 10%, 15%), однако не превышать 20%.

1992 год отмечается кризисным в экономических отношениях рассматриваемых стран: в Перу был распущен Парламент⁴ (события апреля 1992 года), государство также приостановило свое членство в Андском сообществе в связи с ухудшением отношений с Венесуэлой и Колумбией.

Разногласия стран были разрешены в ноябре 1994 года, был образован первый таможенный союз Латинской Америки (ЕВТТ варьируется от 5% до 20% на 88% товаров, как согласовывалось ранее, однако каждая страна указала товары, изъятые из режима, примерно несколько сотен со стороны каждого государства).

Анализируя внутреннюю экономическую интеграцию стран, непосредственно входящих в состав Андского сообщества, нельзя не рассмотреть процессы взаимодействия указанной Организации с другими объединениями и странами⁵. В первую очередь, это Североамериканская зона свободной торговли, НАФТА (Tratado de Libre Comercio de America del Norte) и МЕРКОСУР (Mercado Comun del Sur).

---

⁴ Аналитический доклад «Андское сообщество» Исполнительного комитета СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=662> (дата обращения 8 апреля 2017).

⁵ Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/organizacii-latinoamerikanskogo-regiona/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/400674 (дата обращения 8 апреля 2017).

Колумбия и Эквадор в своей экономической деятельности ориентируются на США, которые являются государством-членом НАФТА, а также хотели стать участниками соглашения.

В свою очередь, экономика Боливии связана с такими странами как Бразилия и Аргентина (в силу географического фактора). Охваченные страны стремятся к созданию Общего рынка сотрудничества. Государство подписало соглашение с МЕРКОСУР⁶ об ассоциированном членстве и принимает участие в программах объединения. В 1996 году в Лиме (Перу) состоялось совещание министров, где были выработаны совместные предложения о сотрудничестве с МЕРКОСУР, переговоры проводились по системе «5+4», на уровне блоков, а не отдельных государств (пример Боливии). Страны Андского сообщества и МЕРКОСУР стремились к созданию зоны свободной торговли (далее ЗСТ), однако существовала проблема в установлении списка товаров, на которые возлагались ограничения, а также вопросы защиты интеллектуальной собственности, свободного передвижения воздушного, морского и автомобильного транспорта. В 1998 году в Буэнос-Айресе было подписано рамочное соглашение МЕРКОСУР и Андского сообщества, заложившее основу для создания ЗСТ в два этапа: 1) в январе 1999 года вступили в действие фиксированные таможенные преференции во взаимной торговле (таможенные льготы, представленные девятью странами друг другу в разное время; 2) в 2000 году происходило постепенное снижение таможенных пошлин в соответствии с программой либерализации торговли. Обсуждение списка товаров происходило в 1999 году и на саммите Андского сообщества в июне 2000 года было согласовано решение о принятии ЕВТТ в 2000-2001 годах. В 2003 году Андское сообщество и МЕРКОСУР согласовали меморандум в котором принимались меры по организации свободной торговли между странами указанных блоков. В 2004 году соглашение о ЗСТ между Андским сообществом и МЕРКОСУР вступило в силу. 7 декабря 2012 года Боливия начала процесс вступления в состав регионального блока южноамериканских стран. Эквадор, в свою очередь, выразил желание также вступить в МЕРКОСУР. Вхождение стран-участников в состав МЕРКОСУР в качестве полноправных

---

⁶ Сайт МЕРКОСУР. URL: <https://gestorweb.mercosur.int/> (дата обращения 8 апреля 2017).

членов непосредственно повлечет за собой прекращение осуществления деятельности Андским сообществом в виде отдельного экономического блока.

Помимо НАФТА и МЕРКОСУР Андское сообщество взаимодействует с другими интеграционными блоками: в 2004 году принято Соглашение о политическом диалоге и сотрудничестве между Андским сообществом наций и Центральноамериканской интеграционной системой (ЦАИС: Белиз, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор). Также принимаются меры (на уровне переговоров) по экономическому сближению с такими блоками, как: Карибское сообщество (КАРИК: Антигуа и Барбуда, Багамы, Барбадос, Белиз, Гаити, Гайана), Ассоциация Карибских государств (АКГ: Куба, Мексика, Панама, Доминика, Колумбия, Ямайка- общей сложности двадцать пять государств).

Помимо региональных объединений Андское сообщество принимает меры по установлению связей и с внерегиональными организациями и странами (Европейский Союз, Канада, Китай, США, Испания).

Среди результатов создания Андского сообщества можно выделить⁷: достижение создания свободной экономической зоны для 100% товаров между странами-участниками; на данный момент к перерабатывающей промышленности относится около 80% производимых товаров указанных стран, что способствует росту трудовой занятости населения, малого и среднего бизнеса; в 2012 году 73% проданных товаров относились к перерабатывающей промышленности, что составило 7 511 миллионов долларов; товарооборот за 44 года существования Андского Сообщества увеличился в 200 раз (доля экспорта в 1969 году составила 80 миллионов в год, в 2012 году- 10 349 миллионов); торговлей между Боливией, Колумбией, Эквадором и Перу занимается приблизительно 9000 компаний (большинство малых и средних предприятий); в настоящее время существует ряд норм и механизмов, которые позволяют облегчить

---

⁷ Сайт Андского сообщества наций. URL: <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=4&tipo=SA&title=sistema-andino-de-integracion-sai> (дата обращения 8 апреля 2017).

осуществление финансовой деятельности в рамках Андского сообщества наций: улучшение качества производимой сельскохозяйственной техники, гармонизация, стандартизация и стабилизация документации, таможенных режимов, государства-участники имеют особую фискальную политику, благодаря которой исключается двойное налогообложение и возможность уклонения от уплаты налогов.

Отношения Андского сообщества наций и Российской Федерации нельзя считать интенсивными, тесными, эффективными как политически, так и экономически⁸. Тем не менее, в 1999 г. в Москве состоялась встреча делегации Андской корпорации развития, которая занималась изучением возможности создания механизма финансирования торгово-экономических обменов, также в 2000 г. Москву посетил Генеральный секретарь Андского сообщества наций и Президент Андской корпорации развития (С. Аллегрет и Э.Гарсия). В мае 2001 г. был подписан Протокол о создании механизма политического диалога и сотрудничества⁹.

---

⁸ Кадочников П.А. Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза)//Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №12. С.3-18.

⁹ Латинская Америка и международное право: монография/ под.ред. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцева. - Москва: РУДН, 2017. С.272-273.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА ВТО: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Лариса Александровна Пекарская

*аспирант юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

В зарубежной и отечественной юридической литературе сложились различные доктринальные подходы к понятию «право ВТО»¹. В настоящей работе автор не ставит перед собой задачу проанализировать особенности каждого из подходов к понятию право ВТО, а рассмотрит лишь один из аспектов этого понятия – круг источников права ВТО и место протоколов о присоединении к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации, подписанного 15.04.1994 года² (далее – Соглашение об учреждении ВТО) в их системе.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что источниками права ВТО (формами, в которых выражены нормы права ВТО) являются:

- пакет договоренностей Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров, который указан в Заключительном акте по результатам Уругвайского раунда (Соглашение об учреждении ВТО, многосторонние торговые соглашения (приложения 1-3 к соглашению о ВТО), торговые соглашения с ограниченным кругом участия (приложение 4 Соглашения об учреждении ВТО);

- текст ГАТТ -1947;

---

¹ См. подробнее: Steve Charnovitz “Mapping the Law of WTO Accession”. Электронный ресурс://http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=957651 (дата последнего обращения 30.03.2017); Гуляева Т.К. Основные доктринальные подходы к определению понятия «Право ВТО»// «Международное публичное и частное право», 2016, № 2// СПС «КонсультантПлюс».

² Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, подписанное 15.04.1994 года//https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto.pdf (дата последнего обращения 14.03.2017).

- практика разрешения споров ВТО;
- регламенты, определяющие внутренний порядок и вопросы функционирования органов ВТО и решения и резолюции ВТО/органов ВТО.

Анализ системы источников права ВТО показывает, что место протоколов о присоединении в этой системе не очевидно.

Бесспорно, что протоколы о присоединении – опорная составная часть конструкции права ВТО. Однако ряд исследователей не рассматривают протоколы о присоединении государств к Соглашению об учреждении ВТО в качестве документов, которые занимали бы какое-либо особое место в системе права ВТО, и при формулировании определения такого понятия как «право ВТО» не отводят им какую-нибудь существенную роль. Другие же исследователи говорят о том, что протоколы о присоединении являются важнейшим инструментом создания международно-правовых норм, при этом рассматривают сам протокол в качестве неотъемлемой части Соглашения об учреждении ВТО (как это было сформулировано ОРС ВТО при рассмотрении споров, связанных с неисполнением обязательств, предусмотренных протоколом о присоединении Китая³).

Однако при более детальном анализе протоколов о присоединении можно прийти к выводу, что данные документы могут рассматриваться в качестве самостоятельных источников права ВТО. Связано это прежде всего с тем, что в практике ВТО произошел отход от изначально заложенных принципов вступления новых членов в ВТО и как следствие изменились роль и значение таких документов, как протоколы о присоединении.

Если первое время после создания ВТО протоколы о присоединении носили формальный характер и их основной функцией было установление юридической связи нового члена ВТО с этой международной организацией, то начиная с протокола о присоединении Китая, эти документы становятся не только документом, оформляющим членство государства в ВТО, но и устанавливают

---

³ Panel Reports, China-Auto Parts, WT/DS339,340,342/R (July 18,2008), paras. 7.740-741; Appellate Body Report, China-Auto Parts, WT/DS339,340,342/AB/R (Dec. 15, 2008), paras. 213-214; Panel Reports, China – Raw Materials, WT/DS394,395,398/R (July 5, 2011), paras. 7.64, 7.114, 7.962; Appellate Report, China-Rare earths, para. 5.19.

определенные обязанности («ВТО плюс» и «ВТО минус», неисполнение которых может повлечь разбирательства в Органе по разрешению споров в ВТО (далее - ОРС ВТО). При этом объем содержания таких обязательств фактически приводит к различиям в правовом статусе первоначальных членов ВТО (вступивших в ВТО в момент учреждения этой организации) и тех, кто присоединился к ВТО в порядке, предусмотренном в статье XII Соглашения об учреждении ВТО. Таким образом, роль, значение и функция этих документов серьезно изменились.

Для того чтобы какой либо документ мог быть отнесен к источникам права, в данном случае источникам права ВТО, он должен соответствовать ряду общих требований, которые выработаны теорией международного права. Остановимся на основных характеристиках протоколов о присоединении.

1. Формально протокол о присоединении к Соглашению об учреждении ВТО является двусторонним международным договором, сторонами которого выступают государство и международная организация – ВТО.

2. Волеизъявление сторон этого договора направлено не только на закрепление юридической связи между ВТО и новым членом, но и на формирование новых обязательных для исполнения норм (то есть закрепляют обязательства нового члена по отношению к другим членам ВТО и фиксируют права остальных членов ВТО по отношению к присоединяющемуся государству). Содержащиеся в протоколах о присоединении обязательства «ВТО плюс» и «ВТО минус» являются новыми для права ВТО, и не являются отражением каких либо положений соглашений ВТО.

3. В тексте протоколов о присоединении содержится условие, что протокол подлежит регистрации в соответствии с положениями статьи 102 Устава ООН (согласно которой каждый договор и соглашение должны быть зарегистрированы в Секретариате ООН, иначе нельзя на него ссылаться ни в одном из Органов ООН).

4. Кроме того, протоколы о присоединении опосредуют взаимодействие международного права и внутригосударственного права члена ВТО в рамках его вступления в ВТО. То есть по сути являются основанием для реформирования законодательства нового члена ВТО.

По мнению автора, приведенные характеристики протоколов о присоединении свидетельствуют о том, что протоколы о присоединении могут рассматриваться в качестве самостоятельного источника права ВТО⁴. Таким образом, справедливо считать, что право ВТО состоит не только из Соглашения об учреждении ВТО, многосторонних торговых соглашений и «плюрилатеральных» соглашений, но и включает протоколы о присоединении государств и таможенных территорий к Соглашению об учреждении ВТО.

Однако, принимая во внимание, что право ВТО иерархично по своей структуре и в нем заложены принципы разрешения коллизий между отдельными соглашениями пакета ВТО (например, статья VI пункт 3 Соглашения об учреждении ВТО (в случае коллизии между нормой соглашения об учреждении ВТО и ГАТТ, приоритет отдается ГАТТ) остается неясным, какое место в этой иерархии источников занимает такой источник права ВТО как протокол о присоединении.

---

⁴ Однако данный вывод оставляет без внимания закономерный вопрос о том, как быть с тем, что ОРС ВТО рассматривая первые споры, вытекающие из протоколов о присоединении Китая к ВТО, и разрешая вопрос о своей компетенции в отношении такого вида споров, обозначил место протоколов о присоединении в праве ВТО. По мнению автора, в данном случае стоит учитывать, что такая оценка ОРС ВТО была дана исключительно для того, чтобы обосновать свою компетенцию, поскольку иного способа разрешения спора в рамках ВТО нет. К тому же стоит учитывать, что субъектный состав подписантов протокола о присоединении (ВТО и новый член) дает основания сомневаться в том, что протокол о присоединении – неотъемлемая часть соглашения об учреждении ВТО.

ВОПРОСЫ ИЗБЕЖАНИЯ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Инна Владимировна Подчуфарова

*соискатель кафедры международного права Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Глобализация мировых хозяйственных связей, международное разделение труда и процессы экономической интеграции привели к тому, что вопросы налогообложения переросли национальные границы и стали требовать комбинации международных усилий, породив новый вид межгосударственных отношений, а также средств их регулирования. Вследствие этого в международное экономическое право как отрасль международного права стали включаться, помимо прочих, нормы, направленные на урегулирование избежания двойного налогообложения. Их роль в упорядочении международных экономических отношений различна. Указанные правовые нормы обладают определенной системностью, общим объектом регулирования, заинтересованностью субъектов международного права в автономном (изолированном) развитии данного вида норм. В доктрине международного экономического права наблюдаются различные подходы к понятию «двойное налогообложение» и его регламентации. С учетом имеющегося нормативного материала и содержания научных разработок представляется оправданным следующее определение для обозначения двойного (многократного) налогообложения с точки зрения науки международного экономического права: это взимание с одного и того же налогоплательщика в результате осуществления им международной экономической деятельности сопоставимых налогов в двух и более государствах в отношении одного и того же объекта за один и тот же период времени, которое возникает вследствие несовпадения принципов регулирования, особенностей норм и структур налоговых систем, а

также право порядков в целом двух и более стран. Такое определение конкретизирует, во-первых, причины, порождающие данное явление, во-вторых, отражает наличие различных стадий его развития, а, в-третьих, указывает на векторы решения проблемы двойного налогообложения, избираемого государствами, в том числе с помощью сближения и/или унификации норм национального права посредством заключения международных договоров об избежании двойного налогообложения.

В настоящее время в отечественной международно-правовой литературе отсутствует общепринятое определение «субинститута» («подинститута»). Большинство доктринальных трактовок опирается на общую теорию права и формулирует данное понятие по аналогии с внутригосударственным правом. В частности, под международно-правовым субинститутом отдельные авторы понимают совокупность международно-правовых норм, касающихся отношений субъектов международного права по какому-либо ограниченному (определенному) объекту правового регулирования или устанавливающих международно-правовой статус либо режим¹. Конкретный перечень институтов и субинститутов в рамках отдельных отраслей международного права также не сопровождается каким-либо единым подходом². В международном экономическом праве многими авторами выделяются такие правовые образования, как подотрасли, ин-

---

¹ См.: Международное право: Учебник для вузов / под ред. К. К. Гасанова. М., 2008. С. 15. Это мнение разделяют и другие авторы (см.: Коннов В.А. К вопросу о предмете, содержании и сущности института антикризисных мер в современном международном экономическом праве // Административное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 70 – 78).

² В частности, В.А. Коннов предлагает, например, выделить в международном экономическом праве «институт антикризисных мер» - ИАМ (см.: Указ соч.). В числе критериев для этого им предлагаются следующие признаки: «общий объект и предмет регулирования, собственный круг субъектов и формы реализации». Если с объектом регулирования как критерием для группирования норм внутри отрасли международного права нельзя не согласиться, то последующие два признака вызывают большие сомнения.

ституты и субинституты, причем представленные в широком спектре и в большом разнообразии³, но единодушного признания их наименований, перечней субинститутов в составе подотраслей международного экономического права, а главное, обоснования сущности категории «субинститут»/«подинститут» среди специалистов-международников на данном этапе не существует, о чем свидетельствует обзор литературы соответственно по международному экономическому, международному финансовому праву и международному налоговому праву. Как представляется, специфичность регулируемых общественных отношений и норм международных договоров, условий и обстоятельств их применения, сопровождающих обращение к актам так называемого «мягкого права» в рассматриваемой области, несомненно, является важным обстоятельством, которое обуславливает целесообразность вычленения предписаний, устанавливающих регулирование избежания двойного налогообложения, в отдельное нормативное образование – субинститут, являющийся частью структуры института международного налогового права. Вместе с тем гораздо более принципиальным является то, что в нем присутствуют другие признаки, свидетельствующие о предпосылках их обособления, которые свойственны решению подобного вопроса именно в международном праве: во-первых, достаточно широкий нормативный массив, существующий в рамках международного экономического права как отрасли международного права; во-вторых, потребности развития данной совокупности норм, находящейся в составе международного налогового права, как относительно обособленной от остальных предписаний международного финансового права его части. Если бы правила об избежании двойного налогообложения продолжали находиться в ряду с иными предписаниями, направленными на воздействие на другие

---

³ В этом плане В.М. Шумилов различает «материальные и процессуальные», «регулятивные, охранительные и учредительные и т.д.» (см.: Шумилов В. М. Международное финансовое право: понятие, предмет, система // Внешнеторговое право. 2005. № 2). Аналитики в связи с этим пишут: «Таким образом, в силу многогранности отношений, регулируемых международным экономическим правом, спектр составляющих его правовых институтов весьма широк. И можно утверждать, что с возникновением новых аспектов экономических взаимоотношений между государствами данный перечень расширяется» (см: Коннов В.А. Там же. С. 73).

виды общественных отношений, их поступательное, качественное развитие было бы если не осложнено, то объективно замедлено вследствие закономерного разновекторного действия факторов, присущих различающимся по своему предмету правовоположениям. В данном же случае рассматриваемые нормы, объединенные общностью предмета, значительностью массива в количественном отношении, а также несомненной заинтересованностью субъектов международного права в специализации их дальнейшего развития в качестве отдельной структуры, образуют в определенной степени однородное нормативное подразделение, отвечающее требованиям квалификации в качестве субинститута в системе международного экономического права.

На основании проведенного анализа основных характеристик субинститута: предмета, источников, принципов, приемов и средств регулирования, а также содержания, в порядке резюме следует подчеркнуть, что объект правового регулирования с точки зрения норм анализируемого субинститута составляют несколько разновидностей общественных отношений, связанных с избежанием двойного налогообложения. Среди них: преимущественно региональные межгосударственные многосторонние отношения, сущность которых состоит в наличии совместной деятельности, создании условий, при которых требуется применение коллективных мер (например, многостороннее международное сотрудничество налоговых администраций при проверке транснациональных компаний – Конвенция Совета Европы и ОЭСР об оказании взаимной административной помощи по налоговым вопросам от 25.01.1988); межгосударственные двусторонние отношения – отношения по поводу заключения международных налоговых соглашений с целью разграничения налоговой юрисдикции государств; отношения, вытекающие из деятельности международных организаций, имеющих в числе своих функций регулирование (или содействие регулированию) избежания двойного налогообложения. В их рамках разрабатываются и принимаются единые стандарты экономической устойчивости, призванные сблизить внутреннюю налоговую политику государств-членов (в частности, в интеграционных объединениях, в том числе в Европейском союзе – например, Конвенция об устранении двойного налогообложения в связи с корректировкой доходов

ассоциированных предприятий, заключенная государствами-членами ЕС между собой и устанавливающая арбитражную процедуру рассмотрения споров, связанных с корректировкой доходов взаимосвязанных компаний, в связи с применением последними трансфертных цен)⁴; отношения, возникающие в целях предупреждения двойного налогообложения, суть которых состоит в создании и обеспечении функционирования правовых механизмов, препятствующих возникновению двойного налогообложения. Нормы международного экономического права формируют основу для принятия актов внутреннего законодательства, соответствующих гармонизированному их развитию. Международное экономическое право закрепляет базовые принципы, стандарты и правила, которые, входя в содержание обязательств государств, привносят элементы институционализации в части создания превентивных защитных механизмов противодействия двойному налогообложению. Кроме того, примером международных отношений по избежанию двойного налогообложения является реализация так называемых предварительных соглашений о ценообразовании [The Advanced Pricing Agreements (APA)], которая позволяет установить четкие правила корректировки трансфертных цен и определить, какие при этом должны применяться методы. Спецификой таких отношений является их длительный (долгосрочный, а иногда бессрочный) характер.

Следует отметить, что отношения по вопросам избежания двойного налогообложения в настоящее время зачастую не урегулированы международным правом (т. е. нормами актов обязательной юридической силы). Правовые последствия в национальном праве государств возникают порою на основе добровольного исполнения решений международных саммитов (конференций), не имеющих силу договора. Такие декларации, итоговые заявления, которые можно охарактеризовать как акты "мягкого" международного права, тем не менее, играют важную роль в налоговом сотрудничестве государств⁵. Во-первых, они формулируют наиболее общие

---

⁴ См.: Convention of 23 July 1990 on elimination of double taxation in connection with adjustment of profits of associated enterprises // Official Journal L225 of 20/08/1990. P. 10.

⁵ OECD: Model Tax Convention on Income and on Capital 2010.

представления государств в политическом аспекте о причинах и условиях возникновения двойного налогообложения. Во-вторых, в юридическом плане они служат основой для разработки новых международных договорных, организационных или институционных механизмов по избежанию двойного налогообложения. В-третьих, акты "мягкого" права отражают наиболее общие принципы международного сотрудничества в сфере регулирования избежания двойного налогообложения, которые ложатся в основу не только отечественной и зарубежной доктрины, но и в основу профильных международных договоров.

Еще одной группой общественных отношений, включаемых в объект регулирования субинститута избежания двойного налогообложения, выступает сотрудничество по взаимному контролю соблюдения государствами условий международных соглашений об избежании двойного налогообложения. Основой отношений являются требования, сформулированные в нормах соглашения и которые государства обязаны выполнять в соответствии с заключенным договором. Так, в Типовой конвенции ООН об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами содержатся правила, согласно которым обмен информации может носить сколько угодно широкий характер как для облегчения надлежащего применения договорных положений, так и оказания помощи договаривающимся государствам в обеспечении исполнения внутреннего налогового законодательства (ст. 26). Данная статья требует от договаривающихся государств поощрять эффективный обмен информацией.

В этом плане, помимо указанного, двусторонними соглашениями нередко закрепляются формы контроля за исполнением соответствующих обязательств по установлению условий в виде периодических инспекционных проверок, предоставления отчетов и пр. Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что международный контроль может осуществляться в нескольких основных формах: в виде обмена информацией, консультаций о выполнении международных обязательств, отчетов, докладов, наблюдений, а также инспекций и исследований. В отношениях, связанных с проверкой соблюдения государствами условий избежания двойного налогообложения, также присутствуют указанные аспекты.

Следовательно, в ракурсе международного экономического права и, в частности, в рамках субинститута избежания двойного налогообложения вполне обоснованно ставить вопрос о международном контроле⁶. В этой связи выделение указанных элементов свидетельствует о расширении содержания субинститута избежания двойного налогообложения в ходе развития международного экономического права. Поскольку избежание двойного налогообложения рассматривается здесь в рамках структуры отрасли международного экономического права, следует обратить особое внимание на соотношение объектов регулирования в этих нормативных образованиях. Для этих целей следует, прежде всего, исследовать объект международного экономического права. Отечественные и зарубежные авторы высказывают разные точки зрения по данному вопросу, но единодушны в том, что в их основе лежат экономические отношения, выходящие за пределы юрисдикции одного государства⁷.

Несмотря на то, что данные точки зрения имеют некоторые отличия, в них можно выделить сходные черты, имеющие значение для предмета регулирования в рамках субинститута избежания двойного налогообложения. Во-первых, практически все исследователи указывают на то, что международное экономическое право регулирует лишь международные отношения публичного характера, т. е. складывающиеся между субъектами международного права. Это в полной мере свойственно и отношениям, составляющим предмет регулирования для норм, входящих в субинститут избежания двойного налогообложения. Во-вторых, в распространенной в современной научной литературе доктрине в предмет между-

---

⁶ См.: Кастанова Е. Д. Правовые основы международного сотрудничества в области избежания двойного налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2015.

⁷ См.: Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. М., 2004. С. 36-37; Броунли Я. Международное право: В 2 кн. / Пер. с англ. С. Н. Андрианова; под ред. Г. И. Тункина. М., 1977. Кн. 1. С. 373-376; Ковалев А. А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. М., 2007. С. 11-12; Шумилов В. М. Международное экономическое право: Учебник для магистров. М., 2011. С. 39 - 41.

народного экономического права неизменно включаются финансовые отношения, т. е. отношения по поводу создания и оборота валютно-денежных активов, ценных бумаг, деятельности международных финансовых организаций. Представляется, что субинститут избежания двойного налогообложения сформирован, прежде всего, за счет международно-правовых норм финансового характера. Они регулируют определенный спектр отношений. Это, в частности, взаимоотношения по поводу предоставления государствами друг другу налоговых льгот для их национальных субъектов права, международных гарантий возврата налоговых средств, выработки единых стандартов налогообложения по отдельным видам налогов. В-третьих, объектом регулирования в международном экономическом праве выступают, как устойчиво утверждается в доктрине, «межвластные» отношения, вытекающие из всей полноты экономической деятельности государств, направленные к тому же на обеспечение устойчивого функционирования мировой экономической системы⁸. Отношения, составляющие предмет субинститута избежания двойного налогообложения, складываются по поводу предупреждения и устранения негативных явлений, угрожающих эффективности внешнеэкономической деятельности, подрывающих устойчивый рост национальных экономик и экономик межгосударственных объединений. Закономерно, что предмет норм, образующих субинститут избежания двойного налогообложения, более узок по сравнению с предметом международного экономического права, так как охватывает лишь небольшую их часть, однако, одну из важнейших.

Проведенный анализ соотношения предмета международного экономического права и отношений, регулируемых нормами по избежанию двойного налогообложения, позволяет констатировать, что объект регулирования международного экономического права в полной мере охватывает предмет норм, входящих в субинститут избежания двойного налогообложения, – они соотносятся как общее и частное. Таким образом, отношения, составляющие предмет

---

⁸ См.: Ануфриева Л.П. Международное экономическое право//Международное право: Учебник для бакалавров/отв. ред. К.А.Бекяшев. М.: Проспект, 2014. С.202-203.

субинститута избежания двойного налогообложения, – это лишь отдельная группа международных отношений в рамках предмета регулирования международного экономического права.

Международное право как особая система норм имеет единый для всех своих отраслей метод правового регулирования, представляющий наиболее общие формы воздействия международно-правовых норм на отношения, составляющие предмет данной правовой системы. В качестве такого метода выступает метод согласования воли субъектов международного права⁹.

Субинститут избежания двойного налогообложения, имея относительно узкую направленность регулирования, характеризуется специальными средствами регулирования, которые, с одной стороны, реализуются в рамках метода международного права вообще (т.е. метода согласования воли субъектов международного права), включая международное экономическое право, а с другой, – свойственны лишь данной правовой общности в силу особой экономической природы отношений. Однако встречаются и иные мнения. В.А. Коннов в своей работе о месте «института антикризисных мер» в международном экономическом праве предлагает следующие специальные методы: метод стандартизации и метод процедурности¹⁰. Полагаем, что речь должна все-таки идти не о «методе» как

---

⁹ В отечественных публикациях иногда встречаются утверждения относительно того, что будто бы отдельные отрасли международного права обладают собственными, специальными методами регулирования, которые, будучи не в противоречии с методом согласования суверенной воли, дополняют и конкретизируют его (см.: Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов/отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М., 2010. С. 225 – 226). Думается тем не менее, что здесь все же нужно иметь в виду не «собственные отраслевые методы», а «свои» наборы конкретных приемов и/или способов регламентации отношений.

¹⁰ См.: Коннов В. А. Предмет, метод и содержание института антикризисных мер в международном экономическом праве // Международное публичное и частное право. 2013, № 1. С. 8-12. Антикризисные меры трактуются в работах и других авторов (см.: Лифшиц И.М. Правовое оформление антикризисных мер на международном и региональном уровнях // Право и экономика. 2014, № 9. С. 17 – 24). Однако, судя по характеру изложения высказываний, точка зрения о наличии такого института этим специалистом не поддерживается.

таковом, а о его составляющих – приемах и средствах, а также способах регулирования, которые свойственны данному объединению норм. С учетом такой поправки с предложенным можно согласиться: в избежании двойного налогообложения как субинституте МЭП в известной мере присутствуют и стандартизация, и «процедурные правила», которые заключаются соответственно в выработке и юридическом закреплении согласованных мер и правил, содержащих предельно допустимые значения в части налогообложения (стандартов), а также особых юридических процедур. С учетом высказанных ранее поправок и оговорок можно присоединиться к присутствующему в литературе мнению о механизме воздействия на межгосударственные отношения, который в рассматриваемой области включает несколько элементов: 1) выработку взаимоприемлемых в количественном и содержательном смысле стандартов; 2) придание им юридической силы путем заключения международного соглашения; 3) имплементацию в том или ином виде стандартов и/или правил процедур в национальной сфере (включение в содержание национально-правовых нормативных актов); 4) приведение финансовых показателей и отчетности в соответствие со стандартами; 5) принятие внутригосударственных мер по поддержанию показателей на соответствующих уровнях¹¹. Проведенный анализ выявил основу для формулирования положения о том, что нормы, регулирующие избежание двойного налогообложения, являются неотъемлемой частью международного экономического права, входя в состав его подотрасли – международного финансового права. Предписания же последнего, касающиеся сотрудничества субъектов международного права в сфере налогообложения, образуют в его рамках институт – «международное налоговое право». В результате сформулирован тезис, что субинститут избежания двойного налогообложения располагает собственным предметом регулирования, нормативным массивом и заинтересованностью международного сообщества в его развитии как относительно обособленной группы международно-правовых предписаний.

---

¹¹ См. также: Коннов В.А. К вопросу о предмете, содержании и сущности института антикризисных мер в современном международном экономическом праве // Административное и муниципальное право. 2012. N 5. С. 70 – 78.

ТАМОЖЕННЫЙ СЕГМЕНТ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АСЕАН

Алишержон Абдухаликович Саидмухторов

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
ali.tj8@gmail.com*

Вторая половина 20 века ознаменовала собой начало качественно нового скачка развития всех отраслей международного публичного права в целом, и, в частности, международного экономического права. Именно на этом этапе развития международного экономического права мы наблюдаем интернационализацию – вывод из сферы юрисдикции внутреннего права государств многих аспектов регулирования экономических отношений между субъектами и операторами международного экономического права. В свою очередь и весь процесс интернационализации международного экономического права в силу определенных исторических причин претерпел определенные изменения. Отказ Соединенных Штатов Америки от ратификации Гаванской Хартии и последовавший за этим решением срыв многостороннего (универсального) регулирования экономических правоотношений, определил более чем на сорок лет вектор на преимущественно двухстороннее урегулирование вопросов международного экономического права.

Новая парадигма развития международного права с ее основополагающими принципами о запрете всех видов вооруженного решения споров обеспечила многократное увеличение размера многих национальных экономик и последовавшую за бурным ростом потребность к экстратерриториальной экспансии излишков товаров внутреннего производства и накопленного инвестиционного капитала.

На этом этапе на смену двустороннему регулированию международной экономической деятельности вернулась первоначальная идея о многостороннем (универсальном) регулировании экономических отношений. Сдвиг в данном направлении осуществлялся

через платформы международных организаций, главным образом через механизмы ГАТТ, а затем и в рамках Всемирной торговой организации.

Как и у любого другого способа регулирования публичных отношений, многостороннее (универсальное) регулирование экономических отношений вызывает у ряда специалистов опасения, связанные с ассоциированными с открытостью внешним рынками рисками развития волатильности экономик, а стало быть, и следующей за ней уязвимости к внешним потрясениям, связанным с конкретными товарами и наименее развитыми странами.

Несмотря на вышеупомянутые опасения угроз, вносимых дальнейшим переплетением экономик стран в системе универсальных и региональных экономических организаций, в ближайшем будущем экономическая политика государств вряд ли изменит основополагающему принципу глобализации - дальнейшей интеграции в мировую экономику. Напротив, интеграция по-прежнему остается основным направлением стратегии развития абсолютного большинства стран.

В защиту сторонников дальнейших мер интеграции можно указать на то, что многосторонние системы с полным набором детально разработанных мер международного регулирования доказали свою эффективность. Благодаря действующим в рамках Всемирной торговой организации и ряда региональных интеграционных объединений соглашениям удалось сохранить поступательное развитие международных экономических отношений.

Всемирный экономический кризис 2008 года и последовавшая за ним волатильность на различных товарных рынках, главным образом на рынке углеводородных ресурсов и рынках различных металлов, сместили центр движущей мировую экономику силы на бывшую «периферию» мирового экономического хозяйства.

Отмеченный недавно рост объемов внешней торговли по линии «Юг-Юг» обусловлен экономическим ростом стран с формирующимся рынком и сокращением внешнеторговых барьеров. Эта тенденция усилилась вследствие глобального кризиса по мере замедления темпов роста развитых экономик.

По словам нового Вице-президента Всемирного банка по Восточной Азии и Тихоокеанскому региону Виктории Кваквы, «Восточная Азия и Тихоокеанский регион продолжат быть одним из

драйверов глобальной экономики. В 2015 г. вклад региона в глобальный рост составлял около 2/5, почти в два раза выше по сравнению со всем другими развивающимися регионами в совокупности. Благоприятное влияние оказали продуманная макроэкономическая политика, включая меры, направленные на повышение внутренних доходов в ряде экспортирующих сырье странах.

Средний темп роста развивающихся стран региона, исключая Китай, составил 4,7% в 2015. В 2016 году этот показатель вырастет до 4,8%, а в 2017-18 гг. – до 4,9%, что обусловлено, прежде всего, ростом крупных экономик юго-восточной Азии¹.

Логическим объяснением того что государства Восточной Азии легче справились с последствиями мирового экономического кризиса 2008 года является комплекс выводов и мер, принятых по итогам экономического кризиса, настигшего регион в 1997 году. Следствием масштабного экономического кризиса 1997 года стал коллапс азиатских рынков, трехзначная девальвация валют некоторых стран региона, падение цен на сырьевые материалы всего юго-восточного пространства азиатско-тихоокеанского региона. Также следует отметить, что банкротство многих региональных корпораций привело к существенному падению уровня ВВП на душу населения стран региона.

В последующие годы, члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) разработали целый комплекс соглашений и политик экономической направленности, способствовавших не только восстановлению от последствий экономического кризиса 1997 года, но и дальнейшему росту экономического благосостояния и устойчивости стран региона к новым экономическим потрясениям.

Говоря о примере стран АСЕАН, представляется целесообразным изучить на примере данного объединения историко-правовое развитие системы источников правового регулирования экономической деятельности в государствах данной ассоциации и попытаться предложить дальнейшие пути развития интеграционного процесса государств АСЕАН.

За годы существования названного объединения государства, являющиеся его членами, на практике убедились в той важной роли,

---

¹ URL: <http://aprcenter.ru/analytica.html>. Дата обращения 28.02.2017.

которую играет это объединение в обеспечении экономической стабильности в регионе. Одновременно данное интеграционное объединение играет существенную роль в усилении конкурентной привлекательности членов данного объединения на мировом экономическом пространстве. Сильная и интегрированная региональная экономика, в свою очередь, выступает залогом улучшения стандартов жизни населения государств-членов АСЕАН и уменьшения уровня бедности.

Тем не менее, несмотря на все успехи и плоды достигнутого уровня интеграции, очевидной является и необходимость в дальнейшем качественном развитии данного объединения, а именно в переходе ко второму уровню интеграции – созданию таможенного союза.

Таможенный союз с его требованиями по устранению внутренних барьеров и установлению единого для всех стран ассоциации размера таможенных платежей должен стать следующим логическим этапом в истории развития интеграционных механизмов экономик стран объединения. И хотя государства АСЕАН уже запустили процесс реализации третьей фазы интеграции в лице следующих проектов: Экономического сообщества АСЕАН², Инициативы по созданию Азиатского рынка долговых обязательств (the Asian Bond Market Initiative)³, Инициативы по созданию азиатской валютной единицы (Asian Currency Unit Initiative)⁴ и Инициативы Чиангмай (the Chiang Mai Initiative)^{5,6}, говорить о практической реализации фазы строительства экономического сообщества преждевременно.

---

² ASEAN. ASEAN Economic Community Blueprint. URL: <http://asean.org/wp-content/uploads/archive/5187-10.pdf> Дата обращения: 13.04.2017.

³ URL: <https://asianbondsonline.adb.org/about.php>. Дата обращения: 11.03.2017.

⁴ URL: <http://www.rieti.go.jp/users/amu/en/wide.html>. Дата обращения: 11.03.2017.

⁵ URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/09/content_11159564.htm. Дата обращения: 11.03.2017.

⁶ URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2009/12/29/2009122-900287.html. Дата обращения: 11.03.2017.

Скорее следует говорить о желании государств АСЕАН провести по завершению второй фазы интеграции (создания таможенного союза) взвешенный анализ и апробацию пройденных другими интеграционными объединениями (такими как НАФТА и Европейский Союз) этапов развития с целью предотвращения негативных последствий тех или иных этапов более тесной интеграции. Принимая во внимание отличительные от других регионов особенности пространства АСЕАН, его члены на данном этапе прилагают свои усилия к адаптации под свои индивидуальные параметры принятых другими интеграционными объединениями форматов таможенных союзов. Безусловно, что направлениями, задающими тон для упомянутой адаптации, должны стать: 1) намерение повысить конкурентное преимущество компаний, осуществляющих свою деятельность на пространстве АСЕАН; 2) снижение производственных издержек, связанных с подтверждением на территории другого государства объединения факта соответствия производимой в одном из государств объединения товаров; 3) усиление общего уровня безопасности посредством создания централизованной таможенной системы контроля и мониторинга передвижения товаров. Последнее, в частности, также должно способствовать процессу унификации таможенных норм и общей модернизации таможенной инфраструктуры.

При определении круга функциональных обязанностей общего механизма таможенного регулирования государствами АСЕАН должно руководить осознание того, что создаваемый механизм должен обладать необходимым набором инструментов для транспарентной мобилизации платежей, содействовать другим компонентам интеграционного механизма в увеличении объемов внутри региональной торговли и инвестиций, способствовать организованной интегрированности государственных институтов.

Что же касается непосредственно функций, которые должны быть вменены в обязанности таможенного союза, можно предложить следующий список:

- (1) обозначить таможенный союз как ключевой механизм защиты внешних границ Восточной Азии;
- (2) содействовать трансграничным операциям;
- (3) поощрять изменения в налоговых системах, которые поддерживают общие цели, конкурентоспособность и развитие;

(4) эффективно реагировать на международные вызовы, связанные с таможенной и налоговой политикой;

(5) способствовать лучшему сотрудничеству между государствами-членами в борьбе с таможенными и налоговыми правонарушениями;

(6) поощрять регулярный и открытый диалог с заинтересованными сторонами по вопросам политики и программ в ответ на давление глобальной торговли и глобализации.

В свете текущей концентрации усилий государств-членов АСЕАН на массиве работ по созданию общей зоны таможенного регулирования представляется целесообразным учреждение на данном этапе постоянного комитета АСЕАН по вопросам таможенной интеграции.

КОМИССИЯ «КОДЕКС АЛИМЕНТАРИУС» И ВТО: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Марианна Романовна Салия

*аспирант кафедры международного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина
m.saliya@yandex.ru*

Кодекс Алиментариус (далее-Кодекс), или пищевой кодекс, гармонизирует стандарты на пищевые продукты для их дальнейшего использования мировым сообществом, играет роль при разработке правил по гигиеничным методам переработки пищевых продуктов, а также рекомендаций по соблюдению стандартов¹. Идея создания Кодекса возникла задолго до создания Всемирной торговой организации (далее- ВТО), однако уже после появления Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ).

История начинается с 50-х годов прошлого века, когда в результате совместной работы Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО) и Всемирной организации здравоохранения (далее-ВОЗ) в 1955 г. был создан Экспертный комитет ФАО/ВОЗ по пищевым добавкам². Сегодня – это научно-исследовательский комитет, проводящий оценку рисков и консультирующий ФАО, ВОЗ, а также государства-члены³. В 1949 г. Аргентина предлагает разработать региональный аналог Кодекса – Código

---

¹ Сайт Кодекс Алиментариус. URL: <http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/about-codex/understanding-codex/ru/> (дата обращения 1 апреля 2017 г.).

² Rees, N. & Watson, D. International Standards for Food Safety. Aspen Publishers, Gaithersburg, Maryland, USA. 2000.

³ См. Rees N., Watson D. International Standards for Food safety. 2000. – P.4.

Latino-Americano de Alimentos⁴. Девять лет спустя, в 1958 г. был учрежден Совет по европейскому Кодексу Алиментариус⁵. Во избежание фрагментации данной системы и для улучшения условий международной торговли было принято решение об учреждении Совместной программы ФАО/ВОЗ по стандартам на пищевые продукты с Комиссией по «Кодексу Алиментариус» в качестве ее основного органа⁶.

Период до 1995 г. описывается в истории Комиссии как «джентельменский клуб». Государства-члены как правило не блокировали процесс принятия новых стандартов, даже если это не входило в их интересы. Число делегатов, принимавших участие в собраниях было очень мало. Нечасто проходили сами встречи. Как следствие, стандарты всегда принимались на основе консенсуса, даже если процедурные правила предусматривали метод голосования в тех случаях, когда не удавалось достигнуть этого самого консенсуса⁷.

Все изменилось с появлением Всемирной торговой организации в 1995 г.⁸ и Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер 1994 г.⁹. Формулировка ст. 3 данного Соглашения, предусматривающую гармонизацию санитарных и фитосанитарных мер с помощью международных стандартов, руководств и рекомендаций, вышла настолько «удачной», что многие начали со-

---

⁴ Электронный ресурс. URL: <http://xn--h1ahbi.com.ua/info/128-cac-codex-alimentarius-commission-komissiya-kodeks-alimentarius-kka.html> (дата обращения 09.05.2017 г.).

⁵ Благодаря усилиям австрийского министра сельского хозяйства г-на Ханса Френцеля <http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/about-codex/codex-timeline/ru/> (дата обращения 09.05.2017).

⁶ Электронный ресурс. URL: <http://www.fao.org/fao-who-codexalimentarius/about-codex/codex-timeline/ru/> (дата обращения 09.05.2017 г.).

⁷ The law, economics and politics of international standardization / edited by Delimatsis P. // Cambridge University Press, 2015. – P. 83.

⁸ См. Право ВТО: теория и практика применения: монография / под ред. Л.П. Ануфриевой. – М.: Норма: ИНФРА_М, 2016. – 528 с.

⁹ Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер от 15 апреля 1994 г. // СПС Консультант Плюс.

мневаться в «добровольном и необязательном характере» стандартов, разрабатываемых Комиссией¹⁰.

В п. 4 устанавливается: в пределах своих возможностей члены полноценно участвуют в деятельности соответствующих международных организаций и их вспомогательных органов, в особенности Комиссии "Кодекс Алиментариус".

Как можно увидеть, созданы весьма благоприятные условия для применения стандартов Кодекса.

В Руководстве по взаимодействию между Комиссией "Кодекс Алиментариус" и международными межправительственными организациями при разработке стандартов и родственных текстов устанавливается, что Комиссия или вспомогательный орган Комиссии, с одобрения Комиссии и с учетом критического анализа, проведенного, при необходимости, Исполнительным комитетом, вправе поручить разработку первой версии проекта предлагаемого стандарта или родственного текста международной межправительственной организации, обладающей компетенцией в определенной области. Речь, в первую очередь, идет об одной из тех областей, которые указаны в Приложении А к соглашению ВТО по применению санитарных и фитосанитарных мер (соглашение WTO/SPS)¹¹.

Основные обсуждения идут вокруг оценки рисков и научном обосновании¹². Представляется, что режим сотрудничества ВТО и Комиссии не в полной мере обеспечивает реальную безопасность пищевых продуктов, ставится под вопрос принятие ряда стандартов¹³. Основной задачей должно быть усиление контрольного механизма в процессе принятия международных стандартов Комиссией, а также обеспечение интересов не только крупных торговых дер-

---

¹⁰ См. Winickoff E. D., Bushey M. D. Science and Power in Global Food Regulation: The Rise of the Codex Alimentarius // Science, Technology, & Human Values. №35(3). –P. 356-381; 82. Scott J. The WTO Agreement on Sanitary and Phytosanitary Measures A Commentary // Oxford University Press, 2007. –P. 340.

¹¹ URL: <http://www.fao.org/3/a-i3243r.pdf> (дата обращения 09.05.2017 г.).

¹² Смбатьян А.С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации: монография / А.С. Смбатьян. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 448 с.

¹³ Delimatsis P. The Law, Economics and Politics of International Standardisation // Cambridge University Press, 2015. – P. 491.

жав. Критике подвергается также политизированность и технократический характер работы данной системы¹⁴. Что ждет впереди Комиссию и ВТО и какие возможны изменения – остается загадкой.

---

¹⁴ Там же.

ВОПРОСЫ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ ВНЕШНЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН

Юлия Анатольевна Скачкова

*аспирант кафедры международного права
Российского университета дружбы народов*

Вопрос о внешней (или иностранной) задолженности находится на повестке дня различных органов Организации Объединенных Наций по правам человека на протяжении более 20 лет. Начиная с 1990-х годов Комиссия по правам человека и впоследствии Совет по правам человека привлекали внимание к проблемам, которые чрезмерное бремя внешней задолженности и политика экономических реформ создают для осуществления прав человека, особенно в развивающихся странах¹. Кроме того, начиная с 1997 г. эти органы стремились рассматривать такие вопросы путем учреждения тематических мандатов, которые за эти годы претерпели ряд изменений. Заключительные замечания различных договорных органов по правам человека по представленным им страновым докладам также свидетельствуют о том, что тяжелое бремя внешней задолженности и зависимость от иностранной помощи могут препятствовать усилиям государств-участников по обеспечению соблюдения своих договорных обязательств в области прав человека, особенно тех из них, которые касаются осуществления экономических, социальных и культурных прав.

Анализ резолюций и решений, принятых за эти годы органами ООН по правам человека по вопросам о внешней задолженности и политики экономических реформ, указывает на существование отличий в характере голосования по мандату между развитыми странами (или странами-кредиторами), выступающими против

---

¹ См. резолюции Комиссии по правам человека 1998/24, 1999/22, 2000/82, 2001/27, 2002/29, 2003/21, 2004/18, 2005/19 и решение 2/109 Совета по правам человека. E/CN.4/Sub.2/1991/17. A/63/289.

этого мандата на том основании, что такие органы не относятся к числу надлежащих структур, которые могут заниматься вопросами внешней задолженности, и развивающимися странами (в основном странами-должниками), подавляющее большинство которых подерживает такой мандат. Однако это препятствие может быть преодолено путем принятия всеми заинтересованными сторонами принципа совместной ответственности или присоединения к нему. Мировое сообщество несет ответственность за обеспечение рассмотрения вопросов прав человека на целостной основе, которое должно предусматривать обсуждение причин нарушений прав человека и условий, при которых они происходят. Бремя внешней задолженности является одним из главных факторов, препятствующих устойчивому развитию и осуществлению прав человека во многих развивающихся странах. Результаты исследований свидетельствуют о том, что в некоторых странах ежегодно на обслуживание долга расходуется больше финансовых средств, чем на такие, связанные с правами человека государственные услуги, как образование и здравоохранение, и что несмотря на списание задолженности в рамках Инициативы в отношении долга бедных стран с крупной задолженностью и Инициативы по облегчению бремени задолженности на много-сторонней основе задолженность многих стран все еще является весьма существенной, что затрудняет для них решение задачи по достижению целей в области развития, сформулированных в Целях ООН в области устойчивого развития (2016-2030 гг.)², и осуществление экономических, социальных и культурных прав. Кроме того, воздействие облегчения бремени задолженности часто нивелируется политикой экономических реформ, соблюдать или проводить которую зачастую должны страны-должники, а также неблагоприятными условиями для торговли.

Существует также ряд стран, которые расходуют существенную долю своих национальных ресурсов на обслуживание задолженности за счет выполнения своих обязательств, касающихся реа-

---

² См. подробнее: Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2016. N 1. С. 65-78.

лизации экономических, социальных и культурных прав, но которые отстранены от участия в существующих инициативах по облегчению бремени задолженности в силу того, что они не отвечают предъявляемым соответствующим требованиям. Эти проблемы еще раз указывают на необходимость использования при рассмотрении проблемы задолженности нового подхода, обеспечивающего, в частности, учет аспектов прав человека и не создающего трудные экономические условия, в отличие от подхода, который преобладал до последнего времени и который был направлен исключительно на борьбу с нищетой.

В целом эти вопросы должны рассматриваться в общем контексте, в частности, провозглашенных в Уставе ООН целей, которые предусматривают осуществление международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического и социального характера; призыва Всемирной Венской конференции по правам человека 1993 г. к международному сообществу оказать помощь в облегчении бремени внешней задолженности развивающихся стран, с тем чтобы дополнить усилия таких стран по выполнению своих обязательств в области прав человека; Декларации тысячелетия ООН (резолюция 55/2, цели 8 «Формирование глобального партнерства в целях развития»); Целей ООН в области устойчивого развития (2016-2030 гг.), прежде всего Цели 17 «Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития» в рамках которой предусмотрено достижение нескольких задач, в т.ч. задачи 17.4: «Оказывать развивающимся странам помощь в целях обеспечения долгосрочной приемлемости уровня их задолженности благодаря проведению скоординированной политики, направленной на поощрение, в зависимости от обстоятельств, финансирования за счет заемных средств, облегчения долгового бремени и реструктуризации задолженности, и решить проблему внешней задолженности бедных стран с крупной задолженностью, с тем чтобы облегчить их долговое бремя»³.

---

³ Резолюция 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г.

Необходимость рассмотрения последствий внешней задолженности и других соответствующих международных финансовых обязательств государств для осуществления прав человека обусловлена принципом оказания международной помощи и осуществления международного сотрудничества, который либо косвенно, либо прямо предусмотрен в многочисленных международных документах по правам человека. К их числу относятся Всеобщая декларация прав человека (статья 28); Декларация о праве на развитие (статья 3(3)); Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (статья 2(1) и статьи 22 и 23); и Конвенция о правах ребенка (статья 4).

Необходимо подчеркнуть, что международное сотрудничество в деле поощрения прав человека также является одной из главных целей ООН, закрепленных в статье 1(3) Устава. Кроме того, статья 56 Устава обязует государства-члены сотрудничать с Организацией для достижения ее целей, включая оказание содействия всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех. Один из ключевых аспектов обязательства по осуществлению международного сотрудничества состоит в том, что государства не должны принимать или проводить либо в индивидуальном порядке, либо путем членства в международных организациях политику и практику, которые создают угрозу для уважения прав человека. Кроме того, необходимо, чтобы сотрудничество в области развития способствовало поощрению и уважению прав человека. В этой связи следует отметить, что договорные органы по правам человека, в частности Комитет по экономическим, социальным и культурным правам⁴, обращаются к международным финансовым учреждениям с настоятельным призывом уделять больше внимания обеспечению защиты прав человека в их кредитной политике, кредитных соглашениях и инициативах по облегчению бре-

---

⁴ См., например, его общее замечание № 4 о праве на надлежащее жилье, пункт 19; общее замечание № 12 о праве на надлежащее питание, пункт 41; общее замечание № 13 о праве на образование, пункт 60; общее замечание № 14 о праве на здоровье на высшем достижимом уровне, пункт 64.

мени задолженности. И наконец, в соответствии с межучрежденческим Заявлением ООН об общем понимании⁵ все программы сотрудничества в области развития, стратегии и техническая помощь должны способствовать осуществлению прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах по вопросам прав человека, и вся деятельность по сотрудничеству и планированию в области развития должна осуществляться в соответствии со стандартами прав человека, содержащимися в этих документах.

В завершении следует отметить, что все люди имеют право активно, свободно и конструктивно участвовать в гражданском, экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, в рамках которого могут быть полностью осуществлены все права человека, а также вносить вклад в такое развитие и пользоваться его благами. И хотя главную ответственность за выполнение международных обязательств в области прав человека несут государства, все чаще высказывается общее мнение о том, что другие субъекты, включая международные учреждения, занимающиеся вопросами развития, торговли и финансов, а также частные корпорации, обязаны соблюдать международные обязательства в области прав человека⁶. В зависимости от обстоятельств такие субъекты также обязаны обеспечивать, чтобы права человека не нарушались третьими сторонами, такими как субподрядчики, а также разрабатывать, принимать, финансировать и осуществлять стратегии и программы с целью устранения причин, препятствующих осуществлению прав человека.

---

⁵ См. “The human rights based approach to development cooperation: towards a common understanding among United Nations agencies”. URL: http://www.undp.org/governance/docs/HR_Guides_CommonUnderstanding.pdf.

⁶ Бизнес и права и человека / под ред. Абашидзе А.Х., Кислицыной Н.Ф., Солнцева А.М. М., РУДН, 2017.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПРИВЕДЕНИЕ В ИСПОЛНЕНИЕ И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА РЕШЕНИЯМИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ АРБИТРАЖЕЙ

Федор Владимирович Стариков

*магистрант кафедры международного права
МГУ им. М.В. Ломоносова
fedya.starikov@yandex.ru*

Международный инвестиционный арбитраж является общепризнанным способом разрешения споров между инвестором и государством, принимающим инвестиции, призванным процессуально подкрепить материально-правовые гарантии прав инвесторов. Однако принятием арбитражного решения взаимоотношения инвестора и государства-реципиента не заканчиваются. Значительно более важным вопросом является возможность реального исполнения такого решения, в частности, следующие аспекты: принудительное приведение в исполнение решений международного инвестиционного арбитража, а также контроль за их решениями со стороны национальных судов.

В системе действующего международно-правового регулирования такой контроль носит весьма ограниченный характер.

В рамках Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (Вашингтон, 1965 г.) система контроля за решениями Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС)¹ не предусмотрена.

Вашингтонская конвенция предусматривает, что арбитражное решение является обязательным для сторон и не подлежит никакому обжалованию. «Каждое договаривающееся государство

---

¹ Создан в рамках Вашингтонской конвенции для целей разрешения споров в связи с частными международными инвестициями между договаривающимися государствами и физическими или юридическими лицами других договаривающихся государств.

должно признавать арбитражное решение, вынесенное согласно Конвенции, в качестве обязательного и выполнять финансовые обязательства, предусмотренные этим решением, в пределах своей территории, как если бы это было окончательным решением суда данного государства» (ст.53, ч.1 ст.54).

В остальных случаях принудительное приведение в исполнение решений международных инвестиционных арбитражей осуществляется по правилам, предусмотренным Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенной в г. Нью-Йорке в 1958 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция 1958 г.)

В рамках Нью-Йоркской конвенции 1958 г. суд может отказать в признании и приведении в исполнение решения международного инвестиционного арбитража по мотивам нарушения арбитражной процедуры и противоречия публичному порядку страны, где такое признание запрашивается.

Еще одним способом контроля за решениями международного инвестиционного арбитража может быть судебный контроль со стороны компетентных судов государства, на территории которого принято арбитражное решение. Национальным законодательством соответствующего государства может быть предусмотрена возможность оспаривания решения инвестиционного арбитража по месту проведения арбитражного разбирательства. Именно таким способом защиты своих интересов воспользовалась Российская Федерация, обжаловав в голландский суд решения международного инвестиционного арбитража по спорам *Hulley Enterprises Limited v. the Russian Federation*, *Yukos Universal Limited v. the Russian Federation* и *Veteran Petroleum Limited v. the Russian Federation*².

Принимая во внимание, что в настоящее время рассматриваемые международными арбитражами инвестиционные споры выходят далеко за рамки конкретных инвестиционных договоров между инвестором и государством, а последствия в виде решений, присуждающих значительные компенсации в пользу инвесторов, затрагивают, в конечном счете, интересы и права всего населения государства как налогоплательщиков, на которых фактически ложится

---

² Россия обжаловала решение Гаагского суда по делу ЮКОСа. – URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/11/yukos/> (дата обращения: 04.03.2017).

бремя выплаты таких компенсаций, становится очевидным, что существующие в рамках действующей системы международного и национального правового регулирования средства контроля за решениями международных инвестиционных арбитражей недостаточны.

Кроме того, существует проблема реального исполнения решений международных инвестиционных арбитражей в аспекте иммунитета государства от принудительного исполнения таких решений. Так, признание и приведение в исполнение решение инвестиционного арбитража может осуществляться как в судах государства, против которого вынесено решение, так и в судах иностранных государств. Последний вариант остро поднимает вопросы «государственного иммунитета, их пределов, категорий государственного имущества, на которое может быть обращено взыскание, и пр.»³

В международно-правовой доктрине длительное время иммунитет от принудительно-исполнительной юрисдикции рассматривался в качестве автономного от судебного иммунитета⁴, а отказ от последнего не означал автоматического отказа государства от иммунитета от принудительных мер по исполнению арбитражных решений. Международный суд ООН в Постановлении по делу Германии против Италии⁵ указал, что иммунитет государства от принудительных мер существует независимо от судебного иммунитета и может действовать в случаях, когда признается отсутствие последнего у государства, а суд государства, на территории которого запрашивается признание и приведение в исполнение решения в отношении третьего государства, обязан соблюдать его юрисдикционный иммунитет⁶. При этом осуществление принудительных мер

---

³ Куделич Е.А. Международные инвестиционные споры с участием государства: проблемы иммунитета // Закон. – 2012. – № 6. – С. 40-54.

⁴ Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 606 с.

⁵ Jurisdictional Immunities of the State (Ger. v. Italy), Judgment Feb. 3, 2012. – URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/143/16883.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).

⁶ Согласие государства на передачу спора в международный инвестиционный арбитраж рассматривается как отказ от судебного иммунитета.

в отношении государства возможно только в случае, если: государство прямо выразило согласие на применение таких мер; собственность используется для иных, чем публичные некоммерческие цели; государство выделило собственность для удовлетворения предъявленных к нему требований⁷.

Длительное время такой подход оставался незыблемым в международном праве. Однако регулирование вопросов об обращении взыскания на имущество иностранного государства, расположенного на территории другого государства, осуществляется, как правило, нормами национального права, которые не всегда согласуются с уже сформированными международными концепциями. В последнее время под влиянием концепции необходимости обеспечения эффективности и исполнимости арбитражных решений практика государств по применению правил об иммунитете от принудительных мер стала все чаще складываться в несколько ином русле: национальные суды исходят из того, что при наличии заключенного государством арбитражного соглашения иммунитет государства не может являться препятствием для приведения в исполнение арбитражного решения⁸.

В связи с этим закономерным стало принятие Федерального закона от 03.11.2015 № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации», который установил, что «юрисдикционные иммунитеты иностранного государства и его имущества в объеме, предоставляемом в соответствии с настоящим Федеральным законом, могут быть ограничены на основе принципа взаимности, если будет установлено наличие ограничений, касающихся предоставления Российской Федерации и ее имуществу юрисдикционных иммунитетов в иностранном государстве, в отношении которого и имущества которого возник вопрос о юрисдикционных иммунитетах» (статья 4).

---

⁷ Указанные принципы идентично по содержанию сформулированы как в уже упомянутом Постановлении Международного суда ООН (Jurisdictional Immunities of the State (Ger. v. Italy), Judgment Feb. 3, 2012), так и в Европейской конвенции об иммунитете государств 1972 г.

⁸ Куделич Е.А. Международные инвестиционные споры с участием государства: проблемы иммунитета // Закон. – 2012. – № 6. – С. 40-54.

Очевидно, что в функционировании международного инвестиционного арбитража на современном этапе наблюдается столкновение двух принципов: исполнимости арбитражных решений и эффективности защиты прав инвесторов с одной стороны и суверенитета государства и производных от него юрисдикционных иммунитетов (в частности, иммунитета от принудительно-исполнительных мер) – с другой. Такое столкновение принципов является следствием комплексной правовой природы инвестиционного арбитража, которая включает в себя как частноправовую, так и публично-правовую составляющую.

Принудительное исполнение решений международного инвестиционного арбитража и контроль за его решениями со стороны государственных судов традиционно являлись средствами, призванными обеспечить баланс интересов государства и инвестора в процессе исполнения арбитражного решения. В современных условиях принудительное исполнение решений международных инвестиционных арбитражей зачастую становятся средством проведения геополитических интересов государств. В таких условиях необходима новая, более эффективная модель функционирования арбитража либо создание принципиально нового института разрешения споров между государствами и инвесторами, который сможет обеспечить должный баланс частных интересов инвестора и публичных интересов государства.

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ РСО-АЛАНИЯ)**

Тамара Сергеевна Чеджемова

*магистрант 1 курса Санкт-Петербургского
государственного экономического университета
chedtoma@yandex.ru*

Международное экономическое право - совокупность принципов и норм, регулирующих экономические отношения между государствами и другими субъектами права. Источником норм международного экономического права является как международное право, так и внутригосударственное, а международное экономическое право распространяет свою юрисдикцию на все субъекты права, участвующие в коммерческих отношениях, выходящих за пределы одного государства.

Туризм играет ведущую роль в экономике и политики государств мира. На сегодняшний день в ряде исследований зарубежных¹ и отечественных² ученых гостиничные сети рассматриваются не в качестве самостоятельного объекта исследования, а в виде компонента международного туризма. Это весьма логично, поскольку

---

¹ Ingram P.L. The Rise of Hotel Chains in the United States, 1896-1980 / P.L. Ingram. - New York; London: Garland Publishing, Inc., 1996. - 159 p, Martorell Cunill O. The Growth Strategies of Hotel Chains: Best of Business Practices by Leading Companies / O. Martorell Cunill. - New York: Haworth Hospitality Press, 2006. - 213 p.

² Александрова А.Ю. Международный туризм: учеб. пособие / А.Ю. Александрова. - М.: Аспект Пресс, 2002. - 470 с. [Электронный ресурс] // Все о туризме: туристическая библиотека. - Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/aleks.htm. ; Талдыкин А.С. Международный опыт развития гостиничного бизнеса и его значение для России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / А.С. Талдыкин; Рос. ун-т дружбы народов. - М., 2008. - 21 с. 12.

основной целью гостиничных сетей является удовлетворение нужд туристов и отдыхающих.

В настоящей работе мы попытаемся проанализировать некоторые организационно-правовые основы международного туризма в субъекте Российской Федерации (на материалах РСО-Алания). В основу нашего выступления положено концептуальный тезис, выдвинутый в свое время профессором И.П. Блищенко о взаимосвязи международного и внутригосударственного права и ныне успешно разрабатываемый группой его учеников и последователей во главе с профессором А.Х. Абашидзе³.

Мы считаем, что генезис гостиничных сетей привел к тому, что ныне они приобрели межотраслевой и международный характер и им присущи определенные специфические черты, среди которых мы выделяем трансформацию гостиничного дела и усиление процессов глобализации мировой экономики. В настоящее время развитие оказания гостиничных услуг происходит в тесном взаимодействии предприятий гостиничного бизнеса по всему земному шару. Вместе с тем на разных континентах эти показатели неоднозначны.

Так, по данным М. Смирновой в США около 90% всех действующих гостиниц инкорпорированы в специальные гостиничные сети, в то время как в Западной Европе только 40% гостиниц объединены в специализированные сети. Между тем в мире действует около 300 гостиничных сетей, причем их деятельность выходит за рамки государственных границ⁴.

Среди причин интеграционных процессов в сфере мировой гостиничной индустрии мы выделяем борьбу за эффективность и рентабельность учреждений гостиничной индустрии. Она опреде-

---

³ Абашидзе А.Х., Гугунский Д.А., Солнцев А.М. Блищенковские чтения - 2014: XII Ежегодная Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного международного права», посвященная памяти профессора И.П. Блищенко (г. Москва, 11-12 апреля 2014 Г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2014. №3. С.144-149.

⁴ Смирнова М. Гостиничные сети [Электронный ресурс] // Индустрия гостеприимства. - Режим доступа: http://tourlib.net/statti_-tourism/-smirnova3.htm.

ляется качеством гостиничной услуги. Это обуславливается множеством факторов, среди которых можно отметить наличие хорошо развитой рекламной сети, наличием исторических достопримечательностей, обустройством самой гостиницы - оформление интерьера, качество оборудования номеров, обеспечение безопасности проживающих⁵.

Все это может быть обеспечено только благодаря высокому уровню квалификации персонала, не только обеспечивающего удовлетворение потребностей отдыхающих, но и предлагающего им определенные виды приятного времяпрепровождения-экскурсии, бизнес встречи, отдых по интересам и т.д. Деятельность гостиниц должна соответствовать мировым гостиничным нормативам и технологии обслуживания, что немислимо вне крупных централизованных специализированных предприятий, обеспечивающих обустройство и снабжение гостиниц, обучение и переподготовку персонала, производство и ремонт оборудования, поиск новых клиентов.

Успешной деятельности гостиничной сети ныне сопутствует создание ее имиджевой популярности и узнаваемости, своеобразный бренд, что в свою очередь определяет стандартизацию и унификация системы оказания гостиничных услуг. Поскольку определяющей тенденцией в развитии гостиничного бизнеса становится взаимодействие различных учреждений, то их взаимодействие целесообразно осуществлять в виде правления по контракту либо по договору франшизы. Это обеспечивает наличие управляющей компания в качестве самостоятельного юридического лица. В условиях нашего государства это возможно в соответствии со статьей Гражданского кодекса РФ, т.е. иметь обособленное имущество, баланс и смету⁶.

---

⁵ Кущева Н.Б. Методы стратегического менеджмента в туризме. СПб., 2016; Байкова И.М., Боголюбов В.С., Боголюбова С.А., Васильева С.В., Владимирова Е.В., Иванкова П.В., Карпова Е.Г., Кожевникова С.Ю., Кострюкова О.Н., Коль О.Д., Кущева Н.Б., Матолыгина Н.В., Михайлова К.В., Никитина О.А., Руглова Л.В., Сологубова Г.С., Фомичёв В.И. СПб, 2016.

⁶ Гражданский Кодекс РФ. М.,2016. Ст.48.

Помимо договора франшизы широкое распространение ныне получает контракт на управление (management contract). В этом случае «объединение гостиниц происходит путем заключения контракта на управление между владельцем организации и компанией, основным направлением деятельности которой является профессиональное управление гостиницами на данном сегменте рынка»⁷.

Естественно, что развитие международных гостиничных сетей в нашем государстве необходимо осуществлять с учетом требований российского законодательства о корпорациях. Статья 121 Гражданского Кодекса РФ четко определяет, что коммерческие организации в целях координации своей предпринимательской деятельности, а также представления и защиты общих имущественных интересов могут по договору между собой создавать объединения в форме ассоциаций или союзов, являющихся некоммерческими организациями»⁸.

Гостиничные корпорации в соответствии с российским законодательством имеют свою самостоятельность и права юридического лица. К числу наиболее распространенных ассоциативных форм объединений корпораций в нашей стране могут быть отнесены такие, как ассоциация (союз), холдинг, концерн, финансово-промышленная группа. Эти объединения корпораций можно условно обозначить термином «бизнес-группа». Корпоративные объединения представляют собой не только совокупность лиц и капиталов, но и объединения обособленных юридических лиц, представляющие собой форму ассоциированного членства на основе взаимных договоров и соглашений.

Членами ассоциации могут быть только юридические лица. Холдинг (от англ. hold — держать) — представляет собой объединение юридических лиц, построенное на их юридической зависимости. Система управления холдингом строится на установленном механизме принятия и исполнения решений. Структура холдинга

---

⁷ Жукова М.А. Менеджмент в туристском бизнесе / М.А. Жукова. - М.: КНОРУС, 2006. - 192 с. [Электронный ресурс] // Все о туризме: туристическая библиотека. - Режим доступа: http://tourlib.net/books_tourism/jukova.htm

⁸ Гражданский Кодекс РФ. М., 2016. Ст. 48.

предполагает организацию центра принятия ключевых решений и возможность оперативного контроля над дочерними компаниями.

Из смысла ч. 2 п. 2 ст. 105 ГК вытекает, что головное общество (холдинговая компания) имеет право давать дочернему обществу обязательные для него указания. Тем самым законодатель признает, что независимость таких хозяйственных обществ — участников холдинга (которые являются юридическими лицами) в принятии ими решений является ограниченной⁹. Концерн - крупное объединение фирм, основной деятельностью которого является промышленное производство. Финансово-промышленная группа - одна из форм организации производственно-хозяйственных комплексов. Она представляет собой форму сосуществования субъектов предпринимательской деятельности. В современных условиях необходимо активнее использовать все виды гостинично-туристического дела.

Например, один из субъектов РФ - Республика Северная Осетия - Алания находится по своему географическому положению на стыке торговых путей стран Закавказья, Турцию, Грецию и Иран и России. Она обладает уникальными историческими и природными достопримечательностями. Это делает ее востребованной в деле развития гостиничного бизнеса.

К настоящему времени сложилась определенная научная школа в изучении роли и значения гостиничного дела в кавказоведении на стыке исторических, географических, экономических, юридических и психолого-педагогических наук. Так, профессор З.В. Канукова связывает развитие гостиничного бизнеса с урбанизацией края¹⁰, а профессор С.Р. Чеджемов справедливо отмечает значимость туристического межнационального согласия в укреплении российской государственности¹¹.

В Осетии, как и во многих других туристических регионах России, недостаточно используется потенциал устройства кемпингов. В русском языке словом «кемпинг» (от англ. *camping* «прожи-

---

⁹ Гражданский Кодекс РФ. М., 2016. Ст. 105.

¹⁰ Канукова З.В. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2008. С.20.

¹¹ Чеджемов С. Р. Кавказ для России: фронтир или союзник? //Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9. С.1828.

вание в лагере») называют специально оборудованный летний лагерь, действующий, как правило, в теплые времена года для автотуристов. В нем отводятся места для установки палаток, автофургонов, санитарно-гигиенических и бытовых нужд. Если раньше кемпинги функционировали на принципах самообслуживания, то ныне все большее распространение получает обустройство специальной инфраструктуры.

Здесь действуют мойки машин, автомастерские, магазины, аптеки и т.д. Это делает автомобильные путешествия, да и транспортные перемещения товаров намного комфортнее и безопаснее, что положительно сказывается на росте этого вида туризма, да и популярности автомобильных перевозок. В правилах дорожного движения кемпинги обозначаются специальным международным знаком - 7.10.

Наличие кемпингов на дорогах в значительной мере скрашивает так называемый нецивилизованный, или «дикий» туризм, а также позволит обеспечить более комфортные условия водителям большегрузных автомобилей направляющих из республик Закавказье - Армению, Азербайджан, Грузию в Россию через территорию Республики Северная Осетия - Алания и в обратном направлении. Развитие гостиничного бизнеса в регионах РФ и, в частности, в Северной Осетии сопровождается определенными трудностями - нехваткой профессиональных кадров разного уровня; определенным долгострем, злоупотреблением местных властей и т.д.

Важным препятствием для выхода гостиничных сетей в регионы является и определённая психологическая настороженность. Так, «в обновленном руководстве для американцев, собирающихся посетить Россию, Госдеп США призвал американцев отказаться от посещения Северной Осетии. Запрет на посещение объясняется тем, что здесь иностранцев, в том числе граждан США, похищают, а потом требуют выкуп. Правда, о подобных похищениях неизвестно уже около десяти лет, а наиболее активно иностранцев похищали на Кавказе в 1996–1999 годы (54 человека). Помимо Северной Осетии, в список не рекомендованных для посещения регионов России вошли Крым, Чечня, Дагестан, Ингушетия, Ставрополь, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария».¹²

---

¹² Osinform.org/index.php?newsid=60313.

Как справедливо отмечают ученые М.Ю. Шерешева и Е.Е. Полянская «в развитии гостиничного бизнеса в регионах России, большую роль призвано сыграть региональное руководство. Деятельность региональных гостиниц во многом зависит от его умелых действий по привлечению в регион туристов. В 2015 г. 36 субъектов РФ представили в Ростуризм более 50 инвестиционных проектов. Внутренний туристический поток должен был увеличиться до 40 миллионов человек в год к 2018 году, но этот показатель был достигнут уже в 2015 году».¹³

По инициативе руководства Республики Северная Осетия-Алания Российская Федерация и Южной Осетия, как субъект международного права, в настоящее время проводят работы по созданию на горных склонах Южной Осетии у селения Цон первого в Южной Осетии горнолыжного курорта, который станет одной из первых международных дестинаций в этой молодой республике. По мнению главы Федерации горнолыжного спорта и сноуборда Южной Осетии Лери Тедеева члены федерации определились, какой именно склон надо обустроить для катания на лыжах.

Четырехкилометровый склон, по словам Тедеева идеально подходит и для начинающих лыжников, и для маститых профессионалов. Это идеальный склон, у которого несколько разных спусков, которые подходят и для новичков и для профессионалов¹⁴.

Резюмируя вышеизложенное, хочется сделать вывод о том, что развитие гостиничного бизнеса в регионах во многом обеспечивается наличием единой инфраструктуры размещения. Продвижение международных гостиничных сетей в регионы способствует возможностям туристического бизнеса и обеспечивает рост туристического потока.

Тенденцией последних лет стало уменьшение потока туристов и отдыхающих в Турции и Египте. Необходимо воспользоваться этим и организовать предоставление туристических услуг за счет Крыма и Северного Кавказа, обладающих возможностями предоставить как отдых на Черном море - Крым, так и возможно-

---

¹³ Шерешева М.Ю., Полянская Е.Е. Развитие гостиничного бизнеса в регионах России // Финансы и кредит. - 2016 . - № 2. - С. 37–45.

¹⁴ 15 регион. Информационный портал. 22 марта 2017, 18:223.

стью заниматься горными видами спорта и просто любоваться красотами заснеженных Кавказских гор. Все это благоприятно скажется на обеспечении межнационального общения и будет способствовать укреплению российской государственности и привлекательности нашего государства в глазах многих иностранцев, увеличению их интереса к прошлому и настоящему России и ее народов, что благоприятно скажется на ее экономике.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ КАК ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ

Лела Васильевна Чхутиашвили

*кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
философских и социально-экономических дисциплин
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Проблема эксплуатации природных ресурсов может стать фактором усиления конфликтов: как прямо, когда вооруженные конфликты связаны с владением и распределением доходов от эксплуатации природных ресурсов, так и косвенно, когда в развивающихся странах зависимость от природных ресурсов ведет к увеличению риска слабого управления и плохого экономического развития¹.

В настоящее время в качестве приоритета деятельности ООН в сфере окружающей среды выделяется организация международного сотрудничества по экологическим компонентам политики и действий для устойчивого развития, включая принятие юридических обязательств, а также обеспечения поддержки и ресурсов, которые предоставляют возможности для эффективного выполнения глобальных и региональных обязательств по охране окружающей среды².

Признание экологической безопасности в качестве одного из главных компонентов национальной безопасности, обеспечение экологической безопасности требуют не просто констатации факта существования экологических угроз, многие из которых приобрели

---

¹ Заседание Совета Безопасности. S/PV.5705. URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/PRO/N07/393/39/PDF/N0739339.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.11.2009).

² Environment and Human Settlements: Report of the Secretary-General. Document A/53/463. 1998. October, 6. URL: <http://www.un.org/ga/president/61/follow-up/environment/Report-061098.pdf> (дата обращения: 25.11.2009).

хронический характер, но определения последствий, с которыми сопряжены данные проблемы, степень их остроты, вероятность необратимого характера негативных процессов.

Возможность наступления экологического ущерба тем выше, чем менее четким является представление о причинах его возникновения. Предупреждение наступления вреда для окружающей среды важнее, чем ликвидация вредных последствий. Эффективность международного управления в сфере охраны окружающей среды зависит от степени изученности и оценки экологических рисков и угроз для того, чтобы найти или создать средства для их предотвращения, уменьшения или преодоления.

В условиях ухудшающейся экологической обстановки Российской Федерации необходим механизм защиты права граждан на экологически безопасную среду проживания, инструмент управления природопользованием путем экономической заинтересованности организаций в экологически более безопасных технологиях, в оздоровлении окружающей среды. Такой инструмент - экологический контроль природопользователей, который является инструментом обеспечения международной экологической безопасности и проводится в форме проверок производственно-экологической деятельности и оказания консультационной помощи производителям³.

Экологический контроль как функция государственного управления представляет собой систему действий по сбору информации о подконтрольных объектах, ее обработке, оценке и передаче для принятия управленческих решений в заранее определенных целях.

Правовой формой природоохранной деятельности природопользователей является экологический контроль рационального природопользования и охраны окружающей природной средой. Ключевым условием достижения целей и задач экологического контроля государств и международных организаций, построения его целостной и эффективной системы является соблюдение принципов и требований к организации контрольных процедур в целом.

---

³ Колбасин В.И., Старовойтов Ю.Н. Экологическая составляющая производства и аудит // Аудиторские ведомости. - 2002. - № 1.

Государственный экологический контроль направлен на выявление нарушений законодательства в области охраны окружающей среды (недостатков, ошибок, злоупотреблений) субъектами хозяйственной деятельности, анализ факторов их возникновения (включая определение мотивов нарушителей и т.д.), принятие мер по их устранению и разработку превентивных мероприятий по их предупреждению в будущем. Перечень объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю в соответствии с федеральным законодательством, определяется Правительством РФ.

Государственный экологический контроль проводится органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами исполнения законодательства в области охраны окружающей среды, соблюдения требований, в том числе нормативов и нормативных документов, в области охраны окружающей среды, а также обеспечения экологической безопасности.

Предметом прокурорского надзора в экологической сфере является исполнение законодательства об охране окружающей среды, издаваемого как федеральными органами, так и субъектами Федерации, а равно надзор за исполнением законодательства по вопросам защиты конституционных прав и свобод гражданина в области экологии. Осуществляемый природоохранными прокуратурами надзор за исполнением экологического законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечивать экологический правопорядок распространяется и на органы экологического контроля.

Среди факторов неэффективности работы органов государственного экологического контроля можно назвать: сосредоточение у одного органа власти как управленческих и регулирующих, так разрешительных и контрольных функций; существование в работе контрольных органов параллелизма и дублирования; отсутствие четкой координации контрольной деятельности; несовершенство правового обеспечения; недостаток квалифицированных кадров; неудовлетворительное материально-техническое обеспечение и т.д. Как высококвалифицированные специалисты аудиторы могут стать помощниками государственных инспекторов надзорных органов.

Таким образом, экологический контроль как элемент механизма управления качеством окружающей природной среды гарантирует выполнение природоохранных мероприятий и реализацию регулирующих эти мероприятия правовых норм, способа обеспечения законности в государственном управлении охраной природы.

В рыночных условиях организация эффективного и действенного экологического надзора и аудита может стать одной из эффективных мер, которые призваны обеспечить экологическую безопасность и устойчивость развития российских предприятий. При их осуществлении проверяется степень соответствия характера деятельности предприятий, их продукции и систем управления окружающей средой действующему экологическому законодательству, стандартам, правилам, требованиям, в том числе международным, в области охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности⁴.

Осознание глобальных экологических проблем и признание приоритетности их решения наряду с экономическими и социальными проблемами послужило предпосылкой возникновения аудита природоохранной деятельности как нового подхода к природопользованию и охране окружающей природной среды. Применение аудита природоохранной деятельности предприятий позволяет оценить влияние компании на окружающую природную среду, выполнение ею требований законодательства и соответствие экологическим нормативам, а также выявить внутренние факторы неэффективности деятельности организаций и сократить издержки производства.

На взгляд автора, аудит природоохранной деятельности предприятий позволит минимизировать количество проверок экологических надзорных органов, повысить инвестиционную привлекательность и социальную ответственность организаций, а положительное аудиторское заключение можно будет использовать в качестве доказательств в государственных органах, арбитраже, общественных организациях и средствах массовой информации.

---

⁴ Чхутиашвили Л.В. Роль и место экологического аудита в системе государственного управления охраной окружающей среды Российской Федерации // Экологическое право. - 2015. - № 3. - С. 24-26.

Независимые экологические аудиторы могут оказать реальную помощь при проведении государственного экологического контроля в условиях постоянного сокращения штатов специалистов в этих организациях.

Дальнейшее развитие аудиторской профессии могут обеспечить российский рынок и общество в целом объективной и надежной информацией для принятия рациональных управленческих решений всеми заинтересованными пользователями экологической отчетности природопользователей.

Подготовка и введение в силу национального стандарта аудиторской деятельности «Взаимодействие аудиторов с государственными инспекторами» позволит определить условия взаимовыгодного взаимодействия и координации аудиторов и государственных инспекторов при проведении проверок природоохранной деятельности предприятий, обмена опытом и результатами контрольных мероприятий.

Координация действий аудиторов, служб внутреннего контроля природопользователей с органами экологического надзора, обеспечение четкого взаимодействия между ними являются теми предпосылками, при наличии которых можно говорить о переходе экологического контроля на новый качественный уровень, когда он станет твердой гарантией эффективности механизма охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности.

**ПРОБЛЕМА ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ)**

Эдита Южвяк

*магистр права, аспирант,
Варминьско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша)
edytajozwiak.uwm@interia.pl*

1. Введение. Для современного мира характерна такая черта, как мобильность, что распространено очень широко. Изменение места жительства или работы не является проблемой, потому что у нас есть все инструменты, чтобы сделать это в течение очень короткого времени. С годами не только движение людей стал нормальности. Так же просто и гораздо быстрее движение капитала и товаров. Польский присоединения этой страны к Европейскому союзу в 2004 году граждане имеют возможность развивать крылья на международной арене.

Развития внутренней и внешней торговли отношения, физические и юридические лица получили возможность повышения доходов во многих странах. В результате, полученная налогоплательщиком, может быть объектом налогообложения в двух различных странах, согласно их налоговой юрисдикции¹. Налоговая юрисдикция территориальный характер государств и является одной из основных характеристик суверенного государства, она проявляется в почти с введением и сбора налогов от: своих собственных граждан и на территории этого государства-члена на граждан других государств-членов.²

---

¹ D. Dudaş, *Forms of double taxation formele de manifestare ale dublei impunerii, Lucrări Ştiinţifice*, „Facultatea de management agricol” Seria I, VOL. XIII (3).

² K. Budasz, W. Komer, *Umowy o unikaniu podwójnego opodatkowania, opodatkowanie płatności do odbiorców zagranicznych*. Warszawa, 2012r s.11.

В реальности глобализации сделало о международного двойного налогообложения из тени.³ Эта статья описывает проблемы, которые появляются на налогообложение доходов физических лиц, то есть проблемы, связанные с проблемой двойного налогообложения, поскольку она затрагивает широкий круг людей. В самом деле в соответствии с законом, государство имеет право облагать налогом по отношению к ее гражданина, независимо от того, где он получил доход.⁴

Налоговое бремя вдохновить эмоции, потому что все связаны, сокращения денежных средств или общего финансового положения налогоплательщика.⁵

2. История вопроса. Исторически проблемы двойного налогообложения является не что-то новое. Вы однако, можно отметить, что уровень расчета налогов нынешнего правительства в виде налога на доходы, полученные лицом в иностранном государстве, по сравнению с практикой прошлого принять.⁶

Международное сотрудничество в вопросах налогообложения важно эффективно работать национальных налоговых систем. «Сегодня, в эпоху глобализации экономических отношений и связанные свободы доходов многих налоговой юрисдикции, финансового управления, ограничивается анализ данных, имеющихся в одно государство-член не сможет эффективно выполнять функции, возложенные на него».⁷ В худшем случае отсутствие всеобъемлю-

---

³ B. J. Zarb, *Double Tax Treaties The Basics and Benefit*, TAXATION, international taxation, „The CPA Journal” March 2011, s.50.

⁴ K. Budasz, W. Komer, *Umowy o unikaniu podwójnego opodatkowania, opodatkowanie płatności do odbiorców zagranicznych*. Warszawa, 2012r s.11.

⁵ I. Maj, *Polityka organów podatkowych w zakresie obejścia prawa podatkowego*, [w.] *Podatnik versus organ podatkowy* red. P. Borszowskiego, A. Huchli, E. Rutkowskiej- Tomaszewskiej, Wrocław, 2011r s.113

⁶ D. Dudaş, forms of double taxation *formele de manifestare ale dublei impunerii*, *Lucrări Ştiinţifice*, „Facultatea de management agricol” Seria I, VOL. XIII (3).

⁷ D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009r, s. 15-16.

щих данных может привести к ущербу в размере доходов государства, который идет в его бюджет налогов коллекции.⁸

Уже в начале XX века, налоговых специалистов, ученых, администраторов и практиков отметили, что сталкиваются с серьезными проблемами, которые могут возникнуть в результате осуществления налогового, это от того же лица, же доходы и потребление за тот же период времени. Между 1923г. и 1946. были представлены многочисленные проекты по решению этой проблемы, однако, в 1963 году, запрос на помощь был отправлен в Организации экономического сотрудничества и развития. В результате их действий представил свой доклад, озаглавленный: «двойного налогообложения в фазе проекта Конвенции на доходы и капитал». Настоящего Договора даже несмотря на то, что с течением времени претерпела несколько изменений по-прежнему считается моделью на которой основано большинство существующих в настоящее время контракты.⁹

В настоящее время международное сотрудничество в этой области приобретает значение благодаря интеграционных процессов в Европе, так что это реакция на изменения в области политики, экономики и все виды социальных перемен. Со стороны налогоплательщиков отсутствие сотрудничества могли бы включать ущерб, возникший из-за двойного налогообложения. Учитывая вышесказанное, мы можем заключить, что большей социальной интеграции, тем ближе сферы международного сотрудничества не только в области налогового законодательства.¹⁰

3. Что такое двойное налогообложение и как его избежать? Четко не указаны границы международного налогового права. Но его главной точкой является проблема двойного налогообложения

---

⁸ D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009г, s. 15-16.

⁹ B. J. Zarb, Double Tax Treaties The Basics and Benefit, TAXATION, International Taxation, „The CPA Journal” March 2011, s.50.

¹⁰ D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009г, s. 15-16.

и, с другой стороны, появляется вопрос борьбы с уклонением и недопущение его. Эти две области связаны, главным образом потому, что они регулируются же международных соглашений.¹¹

Характерной особенностью соглашений об избежании двойного налогообложения является их дуалистической правовой характер, поскольку они являются обоим документов публичного международного права и национального законодательства (внутренний).¹²

Сătinianu придерживается мнения, что двойное налогообложение относится к деятельности облагается налогом тот же вопрос, принадлежащих к той же сущности, в тот же период времени, на два (или более) налоговых органов. Проще говоря явление двойного налогообложения возникает, когда тот же товар облагается налогом дважды или несколько раз в ходе экономического оборота же усилий. Феномен двойного налогообложения является очевидным только в случае прямых налоговых платежей, то есть, в случае дохода и налога на имущество. Косвенных налогов в отношении товаров и услуг, приобретаемых гражданами одной страны в другом государстве-члене, не оплачиваются в стране покупателя.¹³

В соответствии с правовой подход, международного двойного налогообложения возникает, только если совокупный три более наименований: повторил восприятие в разных странах налоговых обязательств, связанных с такой же доход; существование личности того периода таксации; Обязанность налогоплательщика пла-

---

¹¹ K. Rutkowska, *Problemy implementacji prawa europejskiego do prawa krajowego w postępowaniu przed organami podatkowymi*, [w.] *Podatnik versus organ podatkowy* red. P. Borszowskiego, A. Huchli, E. Rutkowskiej- Tomaszewskiej, Wrocław, 2011r s.157

¹² K. Rutkowska, *Problemy implementacji prawa europejskiego do prawa krajowego w postępowaniu przed organami podatkowymi*, [w.] *Podatnik versus organ podatkowy* red. P. Borszowskiego, A. Huchli, E. Rutkowskiej- Tomaszewskiej, Wrocław, 2011r s.157

¹³ Zob. też D. Dudaş, *Forms of double taxation formele de manifestare ale dublei impuneri*, *Lucrări Ştiinţifice*, „Facultatea de management agricol” Seria I, VOL. XIII (3) s. 60.

тить избыточное количество налоговых обязательств, за исключением того, что вам не придется платить, если налоги вводятся только одним из государств-членов.¹⁴

Международного двойного налогообложения как упомянуто прежде всего имеет отношение к суверенитету государств, одна страна имеет право взимать налог с продаж, потому что доход бенефициар проживает¹⁵ и второй, потому что источником дохода является его территории.¹⁶ В этой ситуации доход путем физического или юридического лица за границей, склонны к налогообложению в обеих странах.¹⁷

Вы должны иметь в виду, что международного двойного налогообложения может происходить не только тогда, когда одно государство приняло концепцию территориального единства, и второй это понятие происхождения налогоплательщика, но и тогда, когда обе страны основаны на том же концепция.¹⁸

Соглашение об избежании двойного налогообложения оговариваются условия между двумя странами. Основными задачами этих соглашений является: сокращение или ликвидацию бремени двойного налогообложения такой же доход, наладить сотрудничество между налоговыми органами Договаривающихся государств, поощрение торговли и инвестиций между член Договаривающихся государств посредством положений, предусматривающих создание налогового бремени, которые не препятствуют нормальной потока капитала, для обеспечения справедливого распределения налого-

---

¹⁴ R. Ispas - *Methods for Avoiding The Double Imposition in The International Conventional Practice*, „Ovidius University Annals Economic Sciences” Serie Volume XIII, s.120.

¹⁵ Концепция происхождения налогоплательщика.

¹⁶ Территориальная концепция.

¹⁷ R Marliave , *The Triple Taxation of Corporate Equity Profits*, „Atlantic Economic Journal”, Nr33, s.68-89.

¹⁸ D. Dudaş, forms of double taxation forme de manifestare ale dublei impunerii, *Lucrări Ştiinţifice*, „Facultatea de management agricol” Seria I, VOL. XIII (3) s. 62.

вых поступлений между Договаривающимися сторонами и для выявления и предотвращения мошенничества и борьбы с налоговой злоупотребления.¹⁹

Сложные, часто путая положений *prawno podatkowe* являются производными от смешивания режима, национальное законодательство и регулирование иностранных.²⁰ Дыхотомичны характер этих соглашений отражается в их положениях, которые сведение правовых положений.²¹ Так что не удивительно, что такой сборник может быть проблемой для тех, кто каждый день не является изучение налогового законодательства. Некоторые, однако, может найти преимущества использования различий в уровне налогового бремени, налоговые лазейки или воспользоваться неравномерного звука положений из сферы об избежании двойного налогообложения.²²

Международное налоговое право содержит, в частности, положения, упомянутые в демаркации соглашений об избежании двойного налогообложения, а также другие стандарты, содержащие положения, касающиеся международного налогообложения факты.²³

«Основная цель международных соглашений об избежании двойного налогообложения является установить область налоговой юрисдикции государств-участников для двустороннего соглашения путем делимитации налоговых претензий обоих Договаривающихся государств. Положения этих соглашений не приводят к созданию налоговых обязательств, которые известны только положе-

---

¹⁹ B. J. Zarb, Double Tax Treaties The Basics and Benefit, TAXATION, International Taxation, „The CPA Journal” March 2011, s.51.

²⁰ M. Jamróży, *Opodatkowanie dochodów transgranicznych*, Warszawa 2016r, s. 21.

²¹ K. Rutkowska, *Problemy implementacji prawa europejskiego do prawa krajowego w postępowaniu przed organami podatkowymi*, [w.] *Podatnik versus organ podatkowy red. P. Borszowskiego, A. Huchli, E. Rutkowskiej- Tomaszewskiej*, Wrocław, 2011r s.157.

²² M. Jamróży, *Opodatkowanie dochodów transgranicznych*, Warszawa 2016r, s.21.

²³ M. Jamróży, *Opodatkowanie dochodów transgranicznych*, Warszawa 2016r, s.25.

ний налогового законодательства. Другими словами положения соглашений грантовое соглашение вы страница право на налоговые ваши доходы, если внутреннее законодательство налагает налог на этот вид дохода».²⁴

Очень важной особенностью положения международного права, касающихся соглашений об избежании двойного налогообложения, является, что они были построены таким образом, чтобы не указывать свойство налогового права одного из государств-членов, что каждая Договаривающаяся сторона имеет «суверенное право формировать налог в своем внутреннем законодательстве».²⁵

Международное налоговое сотрудничество между странами не будет возможным, если я пропустил источников права, общие для всех государств-членов, международных соглашений²⁶. Как мы знаем, что ратифицированные международные договоры являются частью национальной правовой системы с момента объявления в официальном вестнике. Соглашение об избежании двойного налогообложения, имеют приоритет над положениями налогового законодательства соответствующего государства-члена; ратификация является выражением подтверждения будет соблюдать положения, содержащиеся в законе и таким образом позволяет соглашения национальной правовой системы.²⁷

4. Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития²⁸ как модель. Шаблон, который руководствуется Польши

---

²⁴ M. Jamróży, *Opodatkowanie dochodów transgranicznych*, Warszawa 2016r, s.25

²⁵ K. Rutkowska, *Problemy implementacji prawa europejskiego ... op.cit.* s.157

²⁶ D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009r, s.31.

²⁷ A. Gomułowicz, D. Mączyński, *Podatki i prawo podatkowe*, Warszawa 2016r, s. 189.

²⁸ Конвенция об учреждении Организации экономического сотрудничества и развития была подписана в Париже 14 декабря 1960 г. 20 государствами, 18 из которых представляли европейский континент. Сегодня в деятельности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) участвуют 29 государств: Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Исландия, Ирландия, Италия, Япония, Корея, Люксембург, Мексика, Нидер-

при заключении контрактов для предотвращения двойного налогообложения содержатся в Типовой конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)²⁹. Можно найти список заключенных соглашений Польши, в частности, на веб-сайте Министерства финансов.³⁰

Вредные последствия двойного налогообложения для обмена товаров, услуг и капитала и технологии очень хорошо известны. Очень важное значение имеет устранение препятствий который вызывает для развития экономических отношений между государствами-членами. Таким образом ОЭСР взяла этот вопрос. Долгое время государства — члены ОЭСР считают, что следует улучшить положение налогоплательщиков на положение лиц, которые являются гражданами одного государства-члена, которые участвуют в коммерческой, промышленной или финансовое учреждение в другом государстве, было ясно, единообразных и гарантированным путем применения всех государств-членов те же решения для не отличается, как дела с точки зрения двойного налогообложения.³¹

Сама Конвенция ОЭСР не является источником права, но очень важна роль он играет в системе международного права, *m.in.* потому что эта модель является основой для будущего соглашения государствами-членами, которые находятся на пути к урегулированию их налоговых отношений.³²

ланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты. Эта организация не является исключительно «европейской», она проводит свою деятельность по всему миру, это универсальная организация сотрудничества. Однако, ее появление и дальнейшая деятельность непосредственно увязаны с процессами европейской интеграции.

²⁹ K. Rutkowska, *Problemy implementacji prawa europejskiego do prawa krajowego w postępowaniu przed organami podatkowymi*, [w.] *Podatnik versus organ podatkowy red. P. Borszowskiego, A. Huchli, E. Rutkowskiej- Tomaszewskiej*, Wrocław, 2011 r. s.158

³⁰ <http://www.finanse.mf.gov.pl/abc-podatkow/umowy-miedzynarodowe/wykaz-umow-o-unikaniu-podwojnego-opodatkowania>

³¹ K. Bany, *Modelowa konwencja w sprawie podatku od dochodu i majątku*, Warszawa 2011 r, s.9.

³² D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009r, s.32

На основе рекомендаций Совета ОЭСР, государств-членов при заключении или пересмотре двусторонних конвенций должны применяться к этой модели Конвенции, а также с толкованием, который включен в комментарии, принимая во внимание содержащиеся. Налоговые органы обязаны обратиться к комментарию в применении и толковании положений своих договоров по вопросам налогообложения, которые основаны на модели Конвенции.³³

В глобальном масштабе, эквивалент к Типовой конвенции ОЭСР, Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения между развитыми и развивающимися странами.³⁴ Международные двусторонние соглашения в настоящее время являются основой для формирования внутренних отношений между государствами-членами.³⁵ Содержание какую правду был кодифицирован типовых конвенций. Однако не связанные с тем, что положения содержащихся в соглашениях одинаковы. Содержание Конвенции является распространенным изменением, развиваться также вопросы касающиеся области и методы сотрудничества.³⁶

С установлением роли Конвенции ОЭСР кипит вниз к этому, что все государства-члены, являются участниками включить на основе международных соглашений³⁷ «избежании двойного налогообложения» и предотвращения уклонения.³⁸

5. Правила и методы устранения двойного налогообложения. Не всегда, однако, применение определенных принципов налогообложения, то есть. Например, в соответствии с правилами проживания или налогообложения у источника исключить возможность двойного налогообложения. Ситуация, в которой одна страна при-

---

³³ K. Bany, *Modelowa konwencja w sprawie podatku od dochodu i majątku*, Warszawa 2011r, s.9.

³⁴ United Nations Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries, UN Publications, New York, wyd. 1, 1980, wyd. 2, 2001.

³⁵ A. Gomułowicz, D. Mączyński, *Podatki i prawo podatkowe*, Warszawa 2016r, s.189 i n.

³⁶ D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009r, s.53.

³⁷ Цель возникает с преамбулы до Конвенции

³⁸ D. Mączyński, *Międzynarodowa współpraca w sprawach podatkowych*, Warszawa, 2009r, s.45

меняет один из принципов и второй Вторая называется совокупность налоговых обязательств. Это невыгодно, особенно, когда мы берем в качестве отправной точки распределения капитала на международной арене. Поэтому начали использовать некоторые правила конфликтов законов. правила об избежании двойного налогообложения. Основные правила: «Налогообложение чистой прибыли, налоговые льготы и освобождение от налогообложения».³⁹

Существует четыре метода для ликвидации двойного налогообложения, а именно: полное освобождение метод, метод полного вычета, освобождение метод с прогрессией и метод пропорционального вычета. Конвенция ОЭСР относится только к методу изъятия с прогрессии и пропорционального вычета.⁴⁰

В тех случаях, когда соглашение предусматривает применение в стране проживания метода исключения с прогрессии⁴¹ для налога в Польше применять принципы, упомянутые в статье 7. в пункте 27. 8 PDOFizU.⁴²

Налог устанавливается в три этапа: сначала доходы облагаются подоходным налогом дань виды доходов, которые освобождены от этого налога (иностранных) и их общая сумма налога рассчитывается по шкале. Во второй шаг для рассчитанные суммы дохода должна быть процентная ставка по шкале в силу. Последним

---

³⁹ J. Kudła, *Ekonomiczne przesłanki wyboru metody unikania podwójnego opodatkowania w umowach międzynarodowych*. [w.] *System prawnofinansowy*, Warszawa 2013, s. 109

⁴⁰ T. Krywan *Polska stosuje dwie metody unikania podwójnego opodatkowania* [online]: <http://www.podatki.abc.com.pl/czytaj/-/artykul/polska-stosuje-dwie-metody-unikania-podwojnego-opodatkowania> 28.12.2016r.

⁴¹ Этот метод предвидят между прочим содержащиеся договоры с: Албанией, Австрией, Китаем, Хорватией, Кипром, чехами, Данией, Эстонией, Финляндией, Францией, Грецией, Индонезией, Ирландией, Японией, Канадой, Кувейтом, Литвой, Латвией, Германией, Норвегией, Португалией, Южно-Африканской республикой, Румынией, Словакией, Словенией, Швецией, Тунисом, Турцией, Украиной, Великобританией и Северную Ирландией и итальянцами.

⁴² Ustawa z dnia 2016.12.15 o Podatku dochodowy od osób fizycznych. (Dz.U.2016.2032)- Закон о Налоге прибыльный от физических лиц

шагом является только обратиться фиксированная процентная ставка дохода по *smallcourtyard* и подоходного налога в Польше.⁴³

Например, соглашение с государством источника отвержена применение метода исключения с прогрессированием. Житель польского в финансовый год доход от заработной платы в размере 20 000 налогом в Польше, а также доход от авторского права 30 000 налогом за рубежом (в состоянии источника). Общий доход будет 50 000. Налог в соответствии со шкалой налогообложения будет £ 8 443. Процентная ставка-16,89%. Налог оплачивается в Польше будет £ 3 378.⁴⁴

Если мы имеем дело с методом пропорционального вычета дохода⁴⁵ из-за рубежа вычитается налогом в Польше, но от этого налога, который выплачивается даже налог, уплаченный за рубежом. Вычет ограничивается суммой налога объясняется пропорционально доход, полученный в другом государстве. Этот метод также применяется, когда доходы от источников дохода в государстве, с которым Польша не соглашение об избежании двойного налогообложения,⁴⁶ или соглашение, которое не включает вашей территории (например. Гонконг). «С помощью метода пропорционального вычета доказать в годовой налоговой декларации доходов за границей, всегда есть независимо от того, будет ли помимо дохода из-за рубежа, налогоплательщик получил другой доход облагается налогом в Польше по шкале налогообложения».⁴⁷

---

⁴³ M. Klukowska – Świtalska, *Metody unikania podwójnego opodatkowania*, dostęp online <http://www.podatkirachunkowosc.bdo.pl/component/content/article/975.pdf> 28.12.2016r

⁴⁴ Результат 16,89% x 20 000 злотых минус авансы, полученные в Польше.

⁴⁵ Такой метод предусматривается между прочим в составленных соглашениях с: Бельгией, Голландией, Исландией, Казахстаном, Россией и Соединенными штатами.

⁴⁶ Есть так напр. в Ираке, саудовской (с этой страной Польша подписала соглашение 1 июня 2012 г Входит она в жизнь 1 января 2013 г) Аравии, Ливии, Афганистане, Бразилии.

⁴⁷ Dostęp online pod adresem: <http://powroty.gov.pl/-/rozliczenia-podatkowe-a-dochody-z-wiecej-niz-jednego-kraju-5306>, dostęp 28.12.2016r.

Где налогоплательщика лишь временно проживает вне границ и там доход от работы выполняются без посредничества плательщика, также обязан выплатить аванс на подоходный налог 18% этих доходов в течение 20 дней месяца, следующего за месяцем, в котором он вернулся в страну. И, в случае когда дата оплаты заранее падает после окончания налогового года, налог должен быть оплачен в течение срока для подачи. Когда вы заранее налогоплательщика мая также вычесть в правильной пропорции – налоги за рубежом.⁴⁸

К примеру, в 2009 году, налогоплательщик имеет следующие доходы: 80 000 € и в Нидерландах в эквиваленте 120 тысяч. Уже заплатил налог в Нидерландах в 25 000. Налог в Польше мы рассчитываем сумму доходов: 200 000 \$. Налог на 2009 год в Польше будет: \$51470.04. От гипотетического налога на вычет налога, уплаченного в Нидерландах, вы должны отметить, однако, что вычет не должна превышать ту часть налога, что доля заинтересованных объясняется доход, полученный в Нидерландах. Доход, полученный в Нидерландах 0.6 общий доход (120 000/200 000), поэтому вы можете вычесть количество иностранных налог в размере \$15,000 предел = $(0,6 \times 25\ 000)$. Налог оплачивается в Польше будет £ 51470.04-15 000 злотых = 36 470 € (налог должны округляться до всего долларов).⁴⁹

6. Заключение. Экономической политики для международных инвестиций является вопросом большой важности, как для импорта капитала и странами-экспортерами капитала. В частности что налоговая политика часто проводится с целью привлечения бизнеса, создание рабочих мест и повышения национального процветания. Развитие отношений внутренней и внешней торговли, что как природных, так и правовой получили возможность достичь доходов или собственности в различных странах и таким образом подпадают под действие разных налоговых режимов. Чтобы избежать

---

⁴⁸ М. Klukowska – Świtalska, *Metody unikania podwójnego opodatkowania*, [online] <http://www.podatkirachunkowosc.bdo.pl/component/content/article/975.pdf> 28.12.2016r

⁴⁹ М. Klukowska – Świtalska, *Metody unikania podwójnego opodatkowania*, [online] <http://www.podatkirachunkowosc.bdo.pl/component/content/article/975.pdf> 28.12.2016r.

споров, государства-члены были вынуждены создавать юридические инструменты для делимитации компетенции этих органов с точки зрения как доходов или имущества. Практика международного использует два способа искоренить это явление: первым на национальном уровне, в рамках национального законодательства, так и на международном уровне, в пределах и в рамках Конвенции об избежании двойного налогообложения. В последние годы наблюдается рост осознания, что бюджеты потеряют значительные налоговые поступления, причитающиеся «агрессивный» налог избежания схемы. G20 и ОЭСР начали так продвигать действия для ликвидации не только явление двойного налогообложения, но усилия, чтобы избежать налогообложения в общем.⁵⁰

---

⁵⁰ J. Braun, D. Fuentes, *The effects of double tax treaties for developing countries. a case study of austria's double tax treaty network*, „Public Finance and Management” Volume 16, Number 4, s.384.

СЕКЦИЯ

**ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ, ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ¹

Людмила Петровна Ануфриева

*доктор юридических наук, профессор, Почетный работник
высшего профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры международного права Московского
государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

В современных условиях понятия «международный суд» и даже «международное правосудие» вошли не только в привычный научный оборот, но и в повседневную практику международного общения. Между тем идея международного правосудия как особого явления в международном праве совершенно очевидно «выкристаллизовалась» не сразу, пройдя несколько этапов в своей эволюции: от первоначальных предельно «робких» высказываний о неких подобиях внутригосударственных судов, приспособленных для международных отношений, иногда отрицания или явных сомнений в успехе прообразов международных судов до появления первых их образцов и, наконец, до реального расцвета международных судебных учреждений в наши дни. Необходимые свидетельства можно получить, обратившись к произведениям отечественных и зарубежных юристов. Так, идея международного суда, ставшая одной из примет международных отношений и практики их регулирования в рамках международной жизни в современную эпоху, не была чуждой российскому правоведению конца XIX-начала XX веков. Подтверждением тому служит весьма богатая библиография, которая

---

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00836 при информационной поддержке компании Консультант-Плюс.

содержится в публикациях российских ученых, посвященных международному процессу в целом и конкретно международным судам, при подходе к этим вопросам².

В российской дореволюционной науке положения, связанные с международным судом, выдвигались и развивались крупными ее представителями как призванные оберегать мир и содействовать мирному развитию народов. Так, граф Л.А. Камаровский в работе «О международном суде», изданной в 1881 г., исследовал этот предмет в связи с проектами всеобщего мира, основываясь на своих представлениях и модели правового государства (Rechtsstaat)³. Однако, как он сам признавал, «такой суд не получил полного осуществления и в новое время до наших дней; но идея его продолжала и продолжает зреть в жизни человечества весьма заметно и определенно»⁴. Другой известный представитель международного права того времени Ф.Ф. Мартенс был весьма скептически настроен в отношении перспектив формирования постоянного международного суда, обладающего обязательной юрисдикцией над государствами: «Нет сомнения, что достигнуть учреждения постоянного обязательного суда над государствами едва ли возможно»⁵.

Вместе с тем, насколько разнятся нынешние и тогдашние представления о международном суде и сколь серьезно эволюционировал сам институт международных судебных учреждений с того времени, явственно показывают фрагменты сочинений юристов-международников начала XX века: «Лишь в некоторых случаях, – пишет П.Е. Казанский, – этих последних (внутригосударственных судов – Л.А.) оказывается недостаточно для охраны действующего

---

² Наглядным в этом плане выглядит список литературных источников (публикаций), присутствующий в § 92 «Общие замечания. Международные суды» в работе, принадлежащей перу П.Е. Казанского «Учебник международного права публичного и гражданского». Одесса, 1901 (С. 470-473).

³ См.: Камаровский Л.А. О международном суде/Отв. Ред. Л.Н.Шестаков. М.: Изд-во «Зерцало», 2007.

⁴ Камаровский Л.А. Там же. С. 100.

⁵ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х т. / Под ред. и с биографическим очерком д. ю.н., проф. В. А. Томсинова. Т. 1. М., 2008. С. 192.

права и тогда создаются особые, международные. Сюда относятся, собственно, два случая: 1) когда нет налицо внутреннегосударственного суда, в котором, однако, наблюдается надобность, и 2) когда к суду известного государства нет доверия со стороны других государств. Для удовлетворения этих надобностей или учреждается особый международный суд для известного рода дел, или создается судебное место, которое является учреждением соответственно каждого из договаривающихся государств, или, наконец, на органы одного государства возлагается обязанность отправлять правосудие от имени другого относительно дел, которые при обычных отношениях должны были бы подлежать ведомству судов этого последнего»⁶. Как можно заметить, «облик» международного суда в его нынешнем виде в первоначальных представлениях ученых вовсе не просматривается.

Осмысление новейших явлений и обозначающих их понятий, которые принес с собой XX век, выступают неотъемлемой составляющей современного этапа теории и практики международного права. Не последнее место в этом ряду занимают международное правосудие и региональная международная экономическая интеграция, в том числе сначала европейская, а впоследствии и евразийская. Особым «срезом» в этом плане является применение норм, лежащих в основе евразийских интеграционных образований⁷, международными судебными учреждениями, которые функционируют в целях укрепления интеграционного взаимодействия государств и экономик стран-участников.

Термин «международное правосудие», с одной стороны, как будто бы прочно занял свое место в лексикологии и научном обиходе международного права, а, с другой стороны, остается «неопо-

---

⁶ Казанский П.Е. Учебникъ международного права публичнаго и гражданскаго. С. 474.

⁷ Подробнее о генезисе евразийской интеграции и интеграционных образованиях см.: Ануфриева Л.П. Право евразийской интеграции в глобальной нормативной системе//Актуальные проблемы современного международного права: материалы XIV Международного конгресса "Блищенковские чтения": в двух ч./отв. ред. А.Х.Абашидзе. Москва, 16 апреля 2016. М.: Ч. 1. М.: РУДН, 2016. С. 358-370.

знанным объектом» с точки зрения понятийного аппарата юридической (и прежде всего международно-правовой) науки. Во всяком случае нечасты труды, в которых не просто используется эта категория, но дается хоть какое-либо пояснение к ней. Примером обращения к данному явлению, выступает работа О.В. Буткевич, которая недвусмысленно утверждает, что «одной из причин возникновения международного права является необходимость избегания споров и установления процедуры международного правосудия»⁸. Вместе с тем думается, что это – преувеличение, чтобы не сказать затушевывание главного, а им является стремление к упорядочению существовавших отношений по самым разным вопросам, в том числе, разумеется, и по разрешению конфликтных ситуаций. Поставить на первое место избегание споров и/или «установление процедуры международного правосудия» в качестве предмета международного права в ущерб выдвиганию на передний план истинного его смысла и глубинной природы как средства упорядочения общественных отношений, что свойственно, между прочим, не только международному, но и праву вообще, вряд ли правильно⁹.

На новейшем этапе развития международного права роль одного из центральных звеньев, составляющих его функционирование, принимает на себя международное правосудие, обеспечиваемое ведущим инструментом – международными судебными учреждениями. Возникновение, распространение и в дальнейшем повы-

---

⁸ Буткевич О.В. Формирование системы международного правосудия в Средние века//Российский юридический журнал. 2012. № 4. С. 32.

⁹ Вдаваться в подробности самостоятельного, к тому же огромного по своим объемам, вопроса об истории возникновения международного права, в настоящем излишне. В то же время нельзя не признать, что представленные в исследовании международного права материалы, касающиеся его основных предпосылок, функций и особенностей действительно иногда демонстрируют необходимость урегулирования международных конфликтов, предотвращения насилия, примирения субъектов международных отношений, их урегулирования и стабилизации, установления международного баланса сил (см.: Буткевич О.В. У истоков международного права. СПб.: изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс». 2008. С. 210-211).

шение авторитета органов международного правосудия (ОМП) закономерно привлекают ныне к себе внимание исследователей¹⁰, чьи выводы, однако, не всегда точны. Так, не вполне ясен тезис относительно того, что значение современных ОМП в международных отношениях практически вышло за рамки механизма реализации принципа мирного разрешения международных споров¹¹. Такое заключение могло бы напрашиваться только в одном случае – если допускать учреждение международных органов правосудия исключительно как конкретно заданное средство реализации одного из основных принципов международного права, исходя к тому же из изолированного подхода к нему, равно как и ко всем другим основным принципам международного права. Действительно, функционирование международных судов внешне проявляет себя сегодня как нечто самостоятельное в общей канве международного права. Однако согласимся, что при любых обстоятельствах не могут быть поставлены под сомнение, во-первых, фундаментальность принципа мирного разрешения споров, выступающего в качестве одного из основных принципов международного права; во-вторых, первостепенность функции международных судебных учреждений в механизме его реализации, которые образуют необходимую для него институциональную основу; наконец, взаимосвязь принципа мирного разрешения споров с другими основными принципами МП, в силу которой деятельность ОМП опосредствуется и принципами сотрудничества, и суверенного равенства, и уважения государственного суверенитета, и т.д. Думается, что обращение к международным судебным органам диктовалось отнюдь не единственной потребностью «разрешать» в строгом смысле слова с их помощью споры, но далеко не в последнюю очередь было устремлено к целям совершенствования международно-правовых механизмов регулирования межгосударственных отношений. Не исключено, возможно, что игнорирование именно этих моментов и лежит в основе оспариваемого тезиса, сформулированного в процитированном выше фрагменте.

---

¹⁰ См.: Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012. -270с.

¹¹ Смбалян А.С. Там же.

С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что «стремительность формирования и последующего расширения действующих ОМП не могла не вызывать определенных опасений по поводу возможного "усугубления" фрагментации международного права. Причем их существо касалось не самого факта умножения ОМП, а того, что этот процесс развивался и продолжает развиваться спорадически, т.е. в основном бессистемно»¹². Данные высказывания вторят позициям председателя Международного суда Ж. Гийома, изложенным в обращении к Генеральной Ассамблее ООН 30 октября 2001¹³, который отмечал: «Увеличение числа международных судов может подорвать единство международного права и, как следствие, его роль в межгосударственных отношениях. Ни один новый международный суд не должен быть создан без первоначального ответа на вопрос, не могут ли обязанности, которые международный законодатель намерен возложить на него, лучшим образом быть исполнены существующим судом. Международные суды должны быть осведомлены об опасностях, вытекающих из фрагментации права, и предпринимать усилия в целях их избежания. Однако, этих усилий может оказаться недостаточно, и Международный суд – единственный судебный орган, который наделен универсальной и общей юрисдикцией, – играет приоритетную роль в этой области. С целью сохранения единства правовой системы различные существующие суды или те, которые еще должны быть созданы, могут иметь право в определенных случаях... запрашивать консультативные заключения Международного суда через посредство Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи».

Таким образом, история появления и поступательного развития международных судов как особых международных учреждений, предназначенных для разрешения споров между субъектами международного права и призванных обеспечивать выполнение международных обязательств, толкование договоров, разрешение

---

¹² Там же.

¹³ Speech by H.E. Judge Gilbert Guillaume, President of the International Court of Justice, to the General Assembly of the United Nations 30 October 2001// URL: <http://www.icj-cij.org/court/index.php?pr=82&pt=3&p1=1&p2=3&p3=1> (дата последнего обращения -18 апреля 2017).

разногласий субъектов международного права, которое способствует укреплению международного правопорядка, уточнению содержания международно-правовых норм в различных областях – международной безопасности, прав человека, судоходства и иного использования морских пространств, экономических отношений, экологии и др., – связывается лишь с весьма поздними этапами развития международного права и датируется в общем XX веком. Точкой отсчета рассматриваемого правового явления служит деятельность Постоянной палаты международного правосудия в качестве судебного органа Лиги Наций, затем международные судебные учреждения уверенно продолжили свое развитие благодаря прежде всего созданию Международного суда ООН, Нюрнбергского и Токийского трибуналов в отношении военных преступников, затем уголовных трибуналов (по Югославии, Руанде), Международного уголовного суда, а также появлению региональных судебных органов по правам человека (ЕСПЧ, Межамериканского суда по правам человека, Африканского суда по правам человека и правам народов и т.д.)¹⁴. Дальнейший свой вклад в развитие и укрепление верховенства права в международных отношениях стали вносить и региональные международные судебные органы, учрежденные в рамках объединений интеграционного типа¹⁵.

Международные суды, понимаемые большей частью как независимые учреждения, которые созданы на основе международно-правовых договоров, и наделены компетенцией применять нормы международного права в специфических ситуациях, переданных на

---

¹⁴ В настоящее время в каждом из регионов или даже субрегионов функционируют ставшие заметными международные судебные учреждения. Помимо уже названных, к ним относятся: Центрально-Американский суд; Суд Арабского Магрибского союза и др. (подробнее см.: Институты международного правосудия/ под. ред. В.Л.Толстых. Авторы: Ануфриева Л.П., Буткевич О.В., Воробьева Н.Г., Кожеуров Я.С. и др. М.: Международные отношения, 2014. –504с.).

¹⁵ Например, Суд Европейского союза; Суд Европейской ассоциации свободной торговли; Суд Общего рынка для восточной и южной Африки; Суд Экономического союза БЕНИЛЮКС; Общий Суд и Арбитраж ОХАДА (Организации по гармонизации предпринимательского права в Африке); Экономический суд СНГ, Суд ЕАЭС (а ранее Суд ЕврАзЭС) и др.

их рассмотрение, становятся одновременно и важным действующим лицом, и неотъемлемой составляющей разнообразного инструментария в рамках международного нормотворчества¹⁶. В связи с этим активно выдвигаются далеко не безупречные идеи «расширения» перечня источников международного права и дискутируются предположения относительно прецедентного характера судебных решений.

В современной литературе выделяется также важное измерение той роли, которую играют сегодня международные суды. Речь идет о том, что подобные органы в определенной степени служат стержнем нового, основанного на нормах права международного порядка, который во все возрастающей степени заменяет или стремится заменить предыдущий, базирующийся на силе, международный порядок¹⁷. Возросшая «концентрация» международных судебных учреждений в устройстве международной жизни вызывает разные оценки, в том числе и критические, результатов их функционирования: являются ли международные суды эффективным инструментом международного управления? Действительно ли оправдывают они те ожидания, которые существовали на момент из создания и наделения полномочиями? Содействуют ли они посредством собственного примера соблюдению норм международного права? Почему одни суды кажутся более эффективными, чем другие? Могли ли бы результаты равной ценности, произведенные международными судами, быть достигнуты с помощью иных, менее дорогостоящих и затратных по времени механизмов? Этими и другими

---

¹⁶ См. об этом: Shany J. Assessing the Effectiveness of International Courts: A Goal-Based Approach// *American Journal of International Law*. No.2.Vol. 106. April 2012. P. 225.

¹⁷ *Op. cit.* P. 225-226. В части дискуссий о возросшей роли нормативного начала в международных отношениях см.: Karen Alter. *Private Litigants and the New International Courts*// *Comp. Pol. Studies*. Vol. 39. 2006. P. 22); Oona Hathaway. *Between Power and Principle: an Integrated Theory of International Law*// *U. Chi. L.Rev.* 2005. Vol. 72. P. 469; Harold H. Koh. *Why Do Nations Obey International law?*//*Yale L.J.* 1997, 2599; Thomas M. Franck. *Fairness in International Law and Institutions*. 1995; Chayes A.& Antonia Handler Chayes. *The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements*. 1995.

вопросами задаются ныне аналитики так называемого «общего» международного права¹⁸.

Ввиду несомненного отсутствия на настоящем этапе объединения международных судебных учреждений в какую бы то ни было систему, которая в свою очередь была бы органично встроена в целостность существующего международного правопорядка, возникает проблема разобщенности международных судов, усиления за счет этого «фрагментации международного права» и, следовательно, необходимости ее решения посредством противодействия «раскоординированности» судебных учреждений в том, что касается их практики применения и толкования норм международного права.

Евразийская интеграция характеризуется устойчивой тенденцией к включению в рамки механизмов интеграционного сотрудничества международных судебных учреждений как органов интеграции, по отношению к которым сохраняется гипотетическая возможность адресовать некоторые из замечаний приведенного выше списка (Экономический суд СНГ, Суд ЕврАзЭС, а ныне Суд ЕАЭС). Совершенно очевидно, что каждый из перечисленных судебных институтов, имея свои цели и задачи, определенные как характером образований, в рамках которых они были учреждены, так и спецификой собственной компетенции и полномочий, обладает своими особенностями, в том числе и кругом решенных и тем более нерешенных проблем. Не менее очевидно и то, что ни в период существования ЕврАзЭС, ни сегодня – в момент функционирования ЕАЭС, – упомянутые судебные органы не представляли собой единения в плане образования какой-либо системы, если не считать этапа, когда имело место «техническое» слияние Суда ЕврАзЭС и Экономического суда СНГ, который выполнял функции первого. Здесь, как видим, в «региональном международном правосудии» повторяется положение дел, имеющееся в универсальном масштабе.

Непреложность наличия международно-правового фундамента в деятельности международных судебных учреждений не вы-

---

¹⁸ Cf.: Komesar N. Imperfect Alternatives: Choosing Institutions in Law, Economics, and Public Policy. 1994. P. 5.

зывает сомнений. Ответ же на вопрос о том, насколько их деятельность соответствует принципам современного международного правосудия, которые должны быть присущими и евразийской интеграции, зависит от множества факторов, в числе которых едва ли не на первом месте стоит профессионализм членов судейского корпуса, знание позитивного нормативного материала как «общего» международного права, так и «права сообщества», а также навыки применения международно-правовых норм. Вторым обстоятельством столь же краеугольного значения для международного правосудия выступает фактор обязательности исполнения судебных решений, поскольку, собственно, без исполнения вынесенного судом решения нет и правосудия. В свете этого не кажется верным мнение некоторых исследователей о том, что в определенном смысле неисполнение может представлять в виде «ответной меры»¹⁹.

В контексте современного этапа участия России в интеграционном процессе евразийского сотрудничества исполнение решений интеграционного органа – Суда ЕАЭС – выступает чрезвычайно актуальной проблемой для отечественной науки и практики. Первое решение, вынесенное Большой палатой Суда ЕАЭС по межгосударственному спору между Россией и Республикой Беларусь²⁰, пожалуй, не сулит оптимистичного будущего в затронутой сфере, поскольку принятие пятью судьями из 10 (остальные 5 судей выразили свое несогласие в особых мнениях) делает это решение нелегитимным (решения Большой Коллегии согласно Регламенту Суда принимаются большинством голосов, то есть, формально-юридически за решение должно проголосовать как минимум 6 судей)²¹. По-

---

¹⁹ См.: Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика//Международное правосудие. 2017, № 1.

²⁰ Доступ из электронного ресурса: URL: <http://courteurasian.org/page-24041>. Дата публикации 23/02/2017.

²¹ См. в этой связи: Исполинов А. Решение Суда ЕАЭС по спору Российская Федерация против Республики Беларусь: правосудие посреди политического конфликта// https://zakon.ru/blog/2017/03/17/reshenie_suda_eaes_po_sporu_rossijskaya_federaciya_protiv_respubliki_belarus_pravosudie_posredi_politicheskogo_konflikta (дата последнего обращения - 10 мая 2017).

мимо обычной констатации («заклинания»), как справедливо отмечается в публикациях А.С.Исполинова, о необходимости следования принципу *parca sunt servanda*, нужна серьезная разработка этого направления. В качестве первостепенных, думается, следует заняться поисками ответа на вопросы: какова юридическая природа решения судебного или иного «юрисдикционного» органа; от имени кого выносится решение судебным органом; имеет ли под собой неисполнение судебного (или иного) решения обязательственно-правовую основу; и т.д.?

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЕС

Наталья Валерьевна Гужова

*студент юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
Nataly725@list.ru*

Создание европейского внутреннего энергетического рынка, а позже идея о создании новой наднациональной структуры – Энергетического союза были далеко не первыми этапами в развитии европейской политики в энергетической сфере. Начало европейской интеграции было положено после окончания Второй мировой войны. Оно включало в себя создание Европейского объединения угля и стали в 1952 году, а также Европейского сообщества по атомной энергетике в 1958 году.

Энергетический кризис 1970 года, который показал огромную зависимость европейских стран от импорта энергии и служил поводом для изменения энергетической политики. Поворотным пунктом европейской энергетической интеграции стало принятие документа Европейской Комиссией под названием Внутренний энергетический рынок в 1988 году. Данный документ содержал предложение о создании единого внутреннего рынка электроэнергии, описывал создание конкурентных рынков отдельных источников энергии (уголь, газ, нефть), а также обеспечение равных условий конкуренции.

Впервые сферы деятельности энергетического сектора в качестве обязанностей Европейского Сообщества были определены в Маастрихтском договоре, подписанном 2 июля 1992 года Европейским Советом и вступившим в силу 1 ноября 1993 года. Однако договор не содержал ясной правовой основы для осуществления особой законодательной деятельности в сфере энергетики.

1. Создание единого энергетического рынка в ЕС.
Первый этап.

Первым значительным шагом по направлению к созданию единого энергетического рынка ЕС стало принятие в декабре 1996 года Директивы 96/92/ЕС (Первая энергетическая директива¹).

Согласно данной директиве предполагалось частичное открытие рынков в энергетическом секторе. Первоначально обязательным было только открытие национальных рынков для поставок электроэнергии индивидуальным крупным промышленным потребителям. Она устанавливала правовые обязательства, согласно которым 35% своего национального рынка должно быть открытым для конкуренции. Эта цель должна быть достигнута странами к 2003 году.

Другим аспектом Первой энергетической директивы было отсутствие разделения собственности. Таким образом, вертикально - интегрированные компании все еще контролировали всю производственно-сбытовую цепочку (генерация энергии, транспортировка и сбыт конечным потребителям), однако должны были вести отдельный бухгалтерский учет, в котором операции по генерации и сбыту были отделены от операций по передаче электроэнергии.

Этим документом было положено начало процесса постепенного перехода от естественной монополии к конкуренции в энергетической сфере.

Второй этап.

Следующим этапом либерализации энергетического рынка стало принятие Второго энергетического пакета². В нем закрепились общие правила и принципы внутреннего рынка электроэнергии. Это касалось в частности открытия рынков: после 1 июля 2007 года все покупатели должны были иметь возможность выбирать поставщиков электроэнергии. Такое открытие рынков во всех стра-

---

¹ См.: Directive 96/92/EC of the European Parliament and of the Council of 19 December 1996 concerning common rules for the internal market in electricity//Official Journal of the European Communities (OJ) № L27/20, 30.01.1997.

² Directive 2003/54/EC of the European Parliament and of the Council of June 26, 2003, concerning common rules for the internal market in electricity which was published in (2003) O.J. L. 176/37, Directive 2003/55/EC of the European Parliament and of the Council of June 26, 2003, concerning common rules for the internal market in natural gas which was published in (2003) O.J. L. 176/57.

нах-участницах должно было положить конец препятствиям в развитии конкуренции, которые были вызваны разными стандартами открытия рынков среди стран-участниц ЕС.

Этот документ содержал обязательства для стран-участниц по обеспечению надежного электроснабжения всех частных потребителей, а также предприятий малого бизнеса. Он увеличивал число возможных обязательств, касающихся рационального использования энергии, а также охраны окружающей среды.

Второй энергопакет содержит нормы по улучшению и укреплению механизмов управления для достижения должного уровня конкуренции. Он устанавливает правила по разделению вертикально-интегрированных поставщиков электроэнергии. На этом этапе предполагается не только ведение раздельного учета, но и выдвигается требование юридически разделить операторов систем передачи энергии и операторов, продающих энергию конечным потребителям, и требование по созданию распорядительного органа на национальном уровне в каждом государстве.

Третий этап.

Принятый Комиссией и вступивший в силу в 3 сентября 2009 году Третий энергопакет³ (далее-ТЭП), формально стал заключительным этапом создания внутреннего энергетического рынка в ЕС.

---

³ Третий энергопакет состоит из двух директив и трех регламентов: Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of July,13,2009, concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC//Official Journal of the European Union (OJ), No: L 211/55, 14/8/2009); Regulation (EC) No 714/2009 of the European Parliament and of the Council of July,13,2009 on conditions for access to the network for cross-border exchanges in electricity and repealing Regulations (EC) No 1228/2003//Official Journal of the European Union (OJ), No: L 211/15, 14/8/2009; Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of July,13,2009, concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC//Official Journal of the European Union (OJ), No: L 211/55, 14/8/2009; Regulation (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council of July,13,2009 on conditions for access to the natural gas transmission networks and repealing Regulations (EC) No 1775/2005//Official Journal of the European Union (OJ), No: L 211/36, 14/8/2009; Regulation (EC) No 713/2009 of the European Parliament and of the Council of July,13,2009 establishing an Agency for the Cooperation of Energy

К октябрю 2014 года законодательство почти всех стран-членов ЕС было приведено в соответствие с нормами ТЭП.⁴

Для дальнейшей либерализации энергетического рынка в ЕС, повышения взаимосвязи между национальными рынками и обеспечения дальнейшей рыночной интеграции между государствами-членами ЕС, согласно положениям ТЭП, необходимо:

- Обеспечить равный доступ к газовым хранилищам и деятельности, связанной с производством и поставками сжиженного природного газа (СПГ).

- Создать Агентство по кооперации энергетических регуляторов (ACER) для координации национальных регулирующих органов в области энергетики и выполнения ключевой функции в развитии правил функционирования энергетического рынка в ЕС.

- Обеспечить потребителям доступность к информации о деятельности энергетических компаний (прозрачность) (Market opening)

- Отделить деятельность по генерации (производству) энергии и продажи конечным потребителям от деятельности по транспортировке и управлению сетями (Unbundling), а так же осуществить переход от государственного регулирования цен.

- Обеспечить недискриминационный доступ 3х лиц к линиям электропередач и газопроводам (Third-parties access).

В рамках рассматриваемого вопроса нельзя не упомянуть Оговорку о третьих странах (Third Country Clause)⁵ к Третьему энергопакету, срок имплементации которой был установлен до 3 марта 2013 года. После истечения срока все иностранные энергетические компании, осуществляющие свою деятельность на территории Европейского союза, обязаны ее осуществлять в соответствии с нормами Третьего энергопакета.

Огромную роль в создании внутреннего энергетического рынка сыграли Комиссия и Суд ЕС. После проведения Евросоюзом

Regulators// Official Journal of the European Union (OJ), No: L 211/1, 14/8/2009.

⁴ European Commission, Enforcement of the Third Internal Energy Market Package, SWD (2014) 315 Final, October 13, 2014, <http://ec.europa.eu/energy/en/topics/markets-and-consumers/single-market-progress-report>.

⁵ См.: Directive 2009/72 Art. 11; Directive 2009/73 Art. 11.

всех мер по либерализации энергетического рынка, все равно в нем остались крупные энергетические компании, которые не всегда соблюдали все положения регламентов и директив, то есть поддавались соблазну играть на ценообразовании, отказывать третьим лицам в доступе к энергетическим сетям, вести неконкурентную политику, мешать появлению новых участников на рынке. Против таких компаний Комиссия начинала расследования.

Одно из таких расследований Комиссия начала против компаний E.ON и Daz de France Suez, обвинив их в антиконкурентном соглашении, согласно которому предусматривался раздел рынков между этими компаниями. Таким образом, соглашение запрещало компании E.ON поставлять газ во Францию, а компании Daz de France Suez - в Германию. Комиссия вынесла решение о запрете данного соглашения и наложила штраф на сумму 553 миллиона евро.⁶

А за несвоевременную имплементацию норм ЕС Комиссия начинала расследования против стран-нарушителей накладывал штрафы от 10 до 148 тысяч евро за день просрочки (размер штрафа зависел от серьезности нарушения и размера государства-члена ЕС)⁷.

Это показывает решительный настрой Комиссии бороться с нарушениями и несвоевременной имплементации энергетического законодательства ЕС.

2. Создание энергетического союза в ЕС

Впервые идея о создании Энергетического союза была озвучена в апреле 2014 года на фоне кризиса между Россией и Украиной и его последствиями для безопасности поставок газа. Дональд Туск (Donald Tusk) – тогдашний премьер-министр Польши, а ныне –

---

⁶ E.ON/GDF (Case COMP/39.401) Summary of Commission Decision of 8 July 2009, accessed 11 January 2011; Rod Lambert & Christopher Reekie (2010).

⁷ См: European Commission Press Release 21.11.2012 “Internal energy market: Commission refers Poland and Finland to Court for failing to fully transpose EU rules” IP/12/1236; European Commission Press Release 24.10.2012 “Internal energy market: Commission refers Poland and Slovenia to Court for failing to fully transpose EU rules” IP/12/1139.

председатель Европейского Совета – выступил за создание Энергетического союза⁸. Он предложил основать союз на основании шести принципов. Согласно первому принципу, ЕС должен был разработать механизм совместных переговоров по энергетическим контрактам с Россией. Туск предложил создать «единый европейский орган, ответственный за закупки газа». Через этот орган государства-члены ЕС должны были согласовывать при участии Комиссии контракты с Россией на основе стандартной формы. Остальные принципы, предложенные Туском, включали механизмы, которые бы гарантировали энергетическую солидарность в случае прекращения поставок газа; развитие энергетической инфраструктуры в ЕС (как в отношении соединительных узлов, так и вместимости газохранилищ); полноценное использование имеющихся ресурсов ископаемого топлива; и расширение базы поставщиков газа.

Идея создания Энергетического союза была положительно воспринята новой Европейской комиссией, возглавляемой Жан-Клодом Юнкером (Jean-Claude Juncker), который в ноябре 2014 года стал ее председателем. Юнкер назвал эту идею одним из своих ключевых приоритетов⁹.

В феврале 2015 года Европейская комиссия опубликовала «Рамочную стратегию Энергетического союза с долгосрочной политикой изменения климата» и «Дорожную карту построения Энергетического союза»¹⁰. В этом пакете документов выделяются пять взаимодополняющих аспектов Энергетического союза, нацеленных на укрепление устойчивости, энергетической безопасности и конкуренции:

- Энергетическая безопасность, солидарность и доверие
- Энергоэффективность

---

⁸ Donal Tusk, A united Europe can end Russia's energy stranglehold, <http://www.ft.com/cms/s/0/91508464-c661-11e3-ba0e-00144feabdc0.html>.

⁹ Jean-Claude Juncker, 'A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change. Political Guidelines for the next European Commission', 15 July 2014, http://ec.europa.eu/priorities/docs/pg_en.pdf.

¹⁰ European Commission, Energy Union Package: A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy, COM(2015) 80 final (25 February 2015), http://ec.europa.eu/priorities/energy-union/docs/energyunion_en.pdf.

- Единый энергетический рынок
- Декарбонизация экономики
- Исследовательские инновации и конкурентноспособность.

Энергетическая безопасность, солидарность и доверие подразумевают диверсификацию источников энергии, поставщиков и маршрутов поставок. В стратегии также говорится об оценке вариантов механизма по добровольному агрегированию спроса для коллективных закупок газа «во время кризиса и в тех ситуациях, когда страны-члены ЕС зависят от одного поставщика». Подобное уточнение играет важную роль, поскольку такие механизмы являются, по сути, картелями покупателей, и если они будут обладать большой рыночной властью, это может нанести удар по здоровой конкуренции.

Единый энергетический рынок рассматривается Комиссией в качестве фундамента для образования Энергетического союза, а полное исполнение и строгий контроль за соблюдением всего действующего законодательства и правил конкуренции - в качестве основного условия образования Энергетического союза. Так же предлагается расширить полномочия Агентства по кооперации энергетических регуляторов (ACER).

Комиссия ставит цель повысить к 2030 году энергоэффективность на 27%, фокусируя свое внимание особенно на транспорте и зданиях. А что касается декарбонизации, Комиссия стремится сделать ЕС №1 по возобновляемой энергетике, увеличив долю возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе Европейского союза до 27%, тем самым снизить выбросы углекислого газа к 2030 году на 40%.

Выводы:

- На энергетическом рынке ЕС ставится под сомнение существование естественных монополий
- Становится очевидно, что важную роль в установлении правил конкуренции и в контроле за их соблюдением для осуществления бесперебойного снабжения энергией потребителей играют Суд ЕС и Комиссия ЕС, которые действуют решительно.
- Создание Энергетического союза, с одной стороны, не содержит революционных нововведений, а с другой стороны, впервые

в энергетической сфере появится не просто межгосударственная, а наднациональная структура.

- С практической точки зрения изучение опыта ЕС позволит Российским компаниям и России в целом лучше понимать логику и цели ЕС в рамках непростых взаимоотношений России и ЕС в сфере энергетики.

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Лаурита Руслановна Дидигова

*аспирант кафедры административного и финансового права
Российского университета дружбы народов
75f1@mail.ru*

Являясь одним из видов государственного инструментария, - таможенный контроль осуществляет обязательность совершения определенных действий как таможенных органов, так и лиц, перемещающих товары, в том числе транспортные средства и лиц, содействующих проведению таможенного контроля.

Рассмотрим признаки таможенного контроля, которые отличают его от других видов:

- Осуществляется исключительно таможенными органами;
- Проводится только в формах, определенных в ТК ТС;
- Нацелен на обеспечение соблюдения таможенного законодательства.¹

Исходя из принципа перемещения товаров через границу таможенного союза, - все товары и средства транспортного передвижения проходят таможенный контроль согласно порядку и условиям установленным таможенным законодательством. Условия данного принципа носят императивный характер и распространяются на лица, перемещающие товары и средства транспортного управления через таможенную границу.

Нами уже оговорено, что согласно таможенному законодательству, что под совокупностью осуществляемых таможенными органами мер понимаются формы, методы и способы проведения

---

¹ Костин А.А. Форма, метод и способ проведения таможенного контроля: соотношение и дефиниции, Таможенное регулирование Российский внешнеэкономический вестник, 6-2013.

таможенного контроля, формирующие в комплексе само содержание таможенного контроля.² Из-за споров и отсутствия единства в понимании формы, метода, способа и вида таможенного контроля различные авторы предпочитают считать данные понятия взаимозаменяемыми, но никак не синонимами. К примеру, к методам таможенного контроля К.А. Корняков относит: таможенный контроль, осуществляемый по прибытии товаров и транспортных средств в таможенный пункт; таможенный контроль, осуществляемый в процессе движения транспортного средства; сплошной таможенный контроль.³

Таможенное регулирование в Таможенном союзе в рамках ЕАЭС в дополнение к уже перечисленным методам добавляются: документальный и фактический контроль, таможенный контроль, осуществляемый в связи с хранением товаров, таможенным декларированием, применением таможенной процедуры. Отдельно стоит остановиться на системе управления рисками, поскольку она является важным инструментом эффективного таможенного контроля.

Под системой управления рисками понимается система таможенного администрирования, которая способствует проведению эффективного таможенного контроля. Базируется на принципе выборочности и основывается на максимальном использовании средств и ресурсов таможенных органов для предотвращения нарушений таможенного законодательства таможенного союза:

- имеющих устойчивый характер;
- относящихся от уклонения от уплат таможенных пошлин, налогов значительных сумм;
- подрывающих конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей; относящихся к иным делам, вызывающих интерес государства, обеспечение соблюдения которых возложено на таможенные органы.

---

² Костин А.А. Форма, метод и способ проведения таможенного контроля: соотношение и дефиниции. URL [http://www.rfej.ru/rvv/id/d00291a92/\\$file/73-80.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/d00291a92/$file/73-80.pdf).

³ Козырин А.Н. Правовые основы таможенного контроля (Начало) // Налоговый вестник. 2002. № 4 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

Также глава 18 Таможенного кодекса таможенного союза прописывает согласованные действия таможенных органов для сотрудничества с иными органами власти: таможенные органы осуществляют взаимный обмен информацией о применяемых мерах по минимизации рисков, а также иной информацией, способствующей повышению эффективности проведения таможенного контроля, в порядке, установленном международным договором государств - членов таможенного союза. Комиссия таможенного союза может определить область рисков, в отношении которых таможенные органы в обязательном порядке разрабатывают и применяют меры по их минимизации.⁴

Методы анализа рисков применяются таможенными органами в целях определения товаров, транспортных средств, лиц и документов, подлежащие проверке и установлению степени проверки. Федеральная таможенная служба определяет стратегию таможенного контроля, основываясь на системе мер оценки рисков. Более того Федеральная таможенная служба и другие таможенные органы для повышения эффективности таможенного контроля взаимодействуют с участниками внешнеэкономической деятельности, лицами и организациями, деятельность которых связана с осуществлением товарами внешней торговли. Говоря о другом не менее важном принципе выборочности таможенного контроля, стоит сказать, что проведение контроля в полном объеме не требуется (т.е., проверка всех товаров). Однако избрание формы таможенного контроля является исключительным правом таможенных органов. Принцип выборочности отвечает стандартам международной практике, сложившейся на положениях Международной конвенции по упрощению и гармонизации таможенных процедур Всемирной торговой организации (положения Киотской конвенции; в ред. 1999 г.)⁵

---

⁴ Глава 18 "Таможенный кодекс Таможенного союза" (ред. от 08.05.2015) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕАЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17).

⁵ Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года в редакции Протокола о внесении изменений в Международную конвенцию об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 26 июня 1999 года. URL:

Согласно положениям данной конвенции таможенный контроль, как правило, ограничивается минимумом, необходимым для обеспечения соблюдения таможенного законодательства. Следуя положениям Киотской конвенции при определении формы таможенного контроля применяется система управления рисками и метод анализа рисков для установления товаров и лиц, подлежащих таможенной проверке.

Основная информация о формах таможенного контроля закреплена в Таможенном кодексе таможенного союза, нормы которого носят прямое действие. Его основа зиждется на положениях Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция 1973г.) Формы таможенного контроля отражены в ст. 110 Таможенного Кодекса таможенного союза. Итак, формами таможенного контроля являются:

- проверка документов и сведений;
- устный опрос;
- получение объяснений;
- таможенное наблюдение;
- таможенный осмотр;
- таможенный досмотр;
- личный таможенный досмотр;
- проверка маркировки товаров специальными марками, наличия на них идентификационных знаков;
- таможенный осмотр помещений и территорий;
- учет товаров, находящихся под таможенным контролем;
- проверка системы учета товаров и отчетности;
- (в ред. Протокола от 16.04.2010)
- таможенная проверка.

Таможенный Кодекс ТС по сравнению с формами таможенного контроля предыдущего Таможенного Кодекса РФ, предусматривает новые формы таможенного контроля, в частности: учет товаров, находящихся под таможенным контролем; проверка системы учета товаров и отчетности. Вместо формы таможенного контроля

---

http://www.conventions.ru/view_base.php?id=404 (дата обращения: 21.04.2016).

"таможенная ревизия" введена форма "таможенная проверка" (ст. 110 ТК ТС).

Согласно мнению К.К. Сандровского: общественные отношения, связанные с пересечением или перемещением через таможенную границу государства, регулируются нормами права - национального и международного, дополняющими друг друга в зависимости от характера отношений и предмета регулирования.⁶ Ранее мы уже говорили, что с вхождением в состав таможенного союза и присоединением к Киотской конвенции, законодательство и таможенное регулирование государств-участниц перестало осуществляться на национальном уровне каждого из государств. Являясь частью таможенного регулирования таможенный контроль после выпуска товаров имеет три уровня нормативных источников:

- международный - Киотская конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур; Таможенный кодекс Таможенного союза

- региональные и интеграционные объединения - это решения Межгоссовета ЕАЭС и ЕЭК

- национальный - федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства, приказы ФТС и Минфина;

Отдельным источником стоит выделить нормы рекомендательного характера, которые используются в рамках правового обычая и строящиеся на основных принципах Всемирной таможенной организации. Анализируя международную группу источников стоит начать с Киотской конвенции. Именно в ней прописаны главные принципы деятельности таможенных служб государств, ратифицировавших данную конвенцию. Глава 2, Генерального приложения к Киотской конвенции содержит определение Е3/F4 «контроль на основе методов аудита», - в котором, обозначены меры, необходимые при проведении проверки у заинтересованных лиц соответствующих книг учета, документооборота, и коммерческой информации.

---

⁶ Гогин А.А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности. Автореф. дис.... канд.юр. наук. Саратов, 2002. С. 17.

Рассмотрим различие понятий таможенного контроля после выпуска товаров - содержащееся в Таможенном кодексе ТС и контроль на основе методов аудита в Киотской конвенции. При этом, содержание данных дефиниций идентично.

Стандарт 6.2 приложения гласит: "таможенный контроль сводится к минимуму, необходимому для обеспечения соблюдения таможенного законодательства".⁷ При этом одним из способов упрощения таможенного контроля на этапе декларирования товаров, а, следовательно, ускорения таможенных формальностей, является таможенный контроль после выпуска товаров, находящихся под таможенным контролем, проводимый после утраты товарами статуса. И, наконец, Киотская конвенция базируется и предписывает всем таможенным службам присоединившихся государств осуществлять деятельность на основе принципов:

- сотрудничества с участниками торговой деятельности;
- контроля на основе управления рисками;
- применения методов аудита.

Все перечисленные принципы подразумевают применение таможенного контроля после выпуска товаров как наиболее перспективной и эффективной формы контроля.

Следующим международным источником является Таможенный кодекс Таможенного союза (далее - ТК ТС), который устанавливает срок, в течение которого может проводиться последующий контроль (ст. 99), проверяемых лиц и предмет проверки (ст. 122), порядок проведения камеральной таможенной проверки (ст. 131), порядок проведения выездной таможенной проверки (ст. 132 ТК ТС), а также права и обязанности должностных лиц таможенного органа и проверяемого лица при проведении таможенной проверки (ст. 134, ст. 135). Нормы ТК ТС для всех государств - членов Таможенного союза являются обязательными и национальное законодательство не должно им противоречить.

Следующий уровень правового регулирования таможенного контроля - уровень региональных интеграционных объединений.

---

⁷ Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур" (Киотская конвенция) (Вместе с "Генеральным приложением" [рус., англ.], <Специальными приложениями "Прибытие товаров на таможенную территорию").

Создание государствами союзов, в частности создание единой таможенной территории, единого таможенного регулирования, предполагает возможность управления деятельностью в рамках таких интеграционных объединений. В этих случаях и возникает указанное право, которое создается специальным, уполномоченным государствами - членами Союза, органом и такое право обязательно для его внутригосударственного применения.

В Таможенном союзе важным органом является Евразийская экономическая Комиссия (ранее - Комиссия Таможенного союза). Регулируют порядок осуществления таможенного контроля после выпуска товаров следующие правовые акты:

- решение Комиссии Таможенного союза от 20.09.2010 N 376 "О порядках декларирования, контроля и корректировки таможенной стоимости товаров";
- решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 N 260 "О формах таможенных документов".

Основой правового регулирования таможенного контроля после выпуска товаров на национальном уровне является Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. N 311-ФЗ "О таможенном регулировании в Российской Федерации". Он устанавливает порядок оформления результатов таможенной проверки (ст. 178), назначение выездных таможенных проверок (ст. 179), порядок приостановления проведения выездной таможенной проверки (ст. 180), порядок наложения ареста на товары, изъятия товаров и документов при проведении выездной таможенной проверки (ст. 183), также уточнены права и обязанности проверяющих и проверяемых лиц (ст. 184, ст. 185).⁸

Стоит отметить, что таможенный контроль после выпуска товаров также является средством выявления правонарушений, следовательно, к его источникам можно отнести Кодекс об административных правонарушениях (далее КоАП).

---

⁸ Шашкина А.Н. Административно-правовое регулирование таможенного контроля после выпуска товаров в Российской Федерации URL <http://xn--7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/520>.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Михаил Аркадьевич Елисеев

*аспирант Российского университета дружбы народов
ugp-asp@yandex.ru*

В настоящее время неподдельный интерес обоснованно вызывают вопросы международно-правовой регламентации противодействия незаконной миграции на территории Европейского Союза, который подвергся достаточно серьезному «наплыву» нелегальных мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока. Прежде чем перейти к непосредственному исследованию данных вопросов, необходимо кратко рассмотреть особенности правового регулирования легальной миграции и вопросы обеспечения прав человека нелегальных мигрантов на данной территории.

Первым источником, в котором были сформулированы положения, касающиеся правового статуса мигрантов, прибывших из третьих стран для трудовой деятельности, является Европейская конвенция от 24 ноября 1977 г. «О правовом статусе трудящихся-мигрантов» (ETS N 93). Указанная конвенция направлена на урегулирование правового положения трудящихся-мигрантов (граждан государств-членов) для «достижения большего единства между его членами во имя защиты и осуществления при соблюдении прав человека и основных свобод идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу»¹.

В ст. 1 данной конвенции, под «трудящимся-мигрантом» понимается гражданин Договаривающейся Стороны, которому другой

---

¹ См.: Европейская конвенция от 24 ноября 1977 г. «О правовом статусе трудящихся-мигрантов» (ETS N 93) // СПС «Консультант Плюс».

Договаривающейся Стороной разрешено проживать на ее территории для выполнения оплачиваемой работы»². Рассматриваемая конвенция не применяется к: «а) приграничным трудящимся; б) артистам, лицам других развлекательных профессий и спортсменам, занятым в течение короткого периода времени, и лицам свободной профессии; с) морякам; d) лицам, проходящим обучение; е) сезонным трудящимся; f) трудящимся, которые, будучи гражданами одной Договаривающейся Стороны, выполняют на территории другой Договаривающейся Стороны определенную работу в интересах предприятия с местонахождением юридического лица за пределами территории этой Договаривающейся Стороны»³.

Анализ текста указанной Конвенции отчетливо свидетельствует, что она регламентирует многие вопросы правового положения трудящихся-мигрантов, а именно: формы набора на работу; медицинское обследование и профессиональный экзамен; право на выезд (въезд); формальности и процедура в отношении трудового договора; обмен информацией; проезд к месту работы; разрешение на работу; вид на жительство; прием на работу; воссоединение семьи трудящегося-мигранта; предоставление жилья; обучение и получение образования; условия труда; перевод сбережений; социальное обеспечение и медицинская помощь; контроль за условиями труда; налогообложение трудовых доходов; истечение срока договора и увольнение; повторное устройство на работу; обращение в судебные и административные органы власти принимающего государства; пользование услугами служб занятости; осуществление права на объединение в профсоюз; участие в жизни предприятия; возвращение на родину⁴.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что помимо правового положения легальных мигрантов, Советом Европы уделено существенное внимание и обеспечению прав человека нелегальных мигрантов. Так, в 2006 году Парламентской Ассамблеей Совета Ев-

---

² См.: Европейская конвенция от 24 ноября 1977 г. «О правовом статусе трудящихся-мигрантов» (ETS N 93) // СПС «Консультант Плюс».

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

ропы была принята Резолюция «О правах человека нелегальных мигрантов» (1509)⁵. В преамбуле Резолюции отмечается глубокая озабоченность непрекращающимся ростом числа нелегальных мигрантов в Европе, а также необходимость в этой связи обеспечения защиты прав нелегальных мигрантов. В исследуемом документе используется именно термин «нелегальный мигрант»⁶, так как он «представляется более нейтральным и не несет на себе клейма, как, например термин «незаконный», а также в связи с тем, что этим термином все шире пользуются международные организации, занимающиеся вопросами миграции»⁷. В тексте названного документа последовательно перечислены и раскрыты гражданские и политические права (ст. 12), а также экономические и социальные права (ст. 13) нелегальных мигрантов. В ст. 16.3 особо отмечается о недопущении признания уголовно-наказуемым деянием гуманитарной помощи нелегальным мигрантам со стороны структур гражданского общества⁸.

К источникам, непосредственно содержащим нормы, предусматривающие меры по противодействию незаконной миграции на территории Европейского Союза, можно отнести следующие:

1) Сообщение Комиссии Европейского Союза о политических приоритетах в борьбе с нелегальной иммиграцией граждан третьих стран. Брюссель, 19.7.2006, COM (2006) 402;

2) Директива Совета 2002/90/ Европейского Союза от 28 ноября 2002 г. «Об установлении определения для помощи незаконному въезду, транзиту и пребыванию»;

---

⁵ См.: Официальный сайт Совета Европы. Электронный ресурс. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680630e5e> (дата обращения: 18.10. 2016 г.).

⁶ См.: подробнее Смышникова Т.Б. Понятие незаконной миграции и нелегальной миграции в нормативных правовых актах Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 19 (234). Право. Вып. 28. С. 52-53.

⁷ См.: Официальный сайт Совета Европы. Электронный ресурс. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680630e5e> (дата обращения: 18.10. 2016 г.).

⁸ См.: Официальный сайт Совета Европы. Электронный ресурс. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680630e5e> (дата обращения: 18.10. 2016 г.).

3) Рамочное решение № 2002/946/ПВД Совета Европейского Союза «О повышении стандартов уголовной ответственности в целях предотвращения содействия незаконному въезду, транзиту и пребыванию»;

4) Лиссабонский договор, подписанный на саммите Европейского Союза 13 декабря 2007 г.

Директива Совета 2002/90/ЕС определяет борьбу с нелегальной миграцией как одну из мер по обеспечению безопасности на территории Европейского Союза. На основании этого, как следует из Директивы, «надлежит предпринять меры против помощи, оказываемой нелегальной иммиграции, причем не только в том случае, когда такая помощь относится, собственно, к незаконному пересечению границ, но и когда она ставит целью обеспечить снабжение сетей, занимающихся эксплуатацией людьми»⁹. В целях этого «необходимо осуществить сближение действующих правоположений, особенно в том, что касается, с одной стороны, четкого определения соответствующего преступления и изъятий из него, и с другой стороны, минимальных правил в отношении санкций, ответственности юридических лиц и юрисдикции»¹⁰.

Так, в частности, согласно ст. 1 указанной Директивы, «каждое государство-член устанавливает соответствующие санкции:

- в отношении всякого лица, которое умышленно помогает лицу, не принадлежащему к гражданству государства-члена, проникнуть на территорию или совершить транзитный проезд через территорию государства-члена в нарушение законодательства этого государства о въезде и транзите иностранцев;

- в отношении всякого лица, которое умышленно и в корыстных целях помогает лицу, не принадлежащему к гражданству государства-члена, оставаться на территории государства-члена в нарушение законодательства этого государства о пребывании иностранцев».

---

⁹ См.: Информационно-правовой портал «Гарант». Электронный ресурс. URL: <http://base.garant.ru/2568279/> (дата обращения: 18.10. 2016 г.).

¹⁰ См.: Информационно-правовой портал «Гарант». Электронный ресурс. URL: <http://base.garant.ru/2568279/> (дата обращения: 18.10. 2016 г.).

При этом государство-член в рамках своего внутреннего законодательства имеет право не накладывать санкции применительно к такому деянию, которое имеет своей целью оказание гуманитарной помощи заинтересованному лицу.

В соответствии со ст. 2 Директивы, «каждое государство-член принимает необходимые меры с тем, чтобы обеспечить применение необходимых санкций также ко всякому лицу, которое является подстрекателем или выступает пособником какого-либо из преступлений, связанных с нелегальной миграцией, либо покушается на совершение любого из таких преступлений».

У каждого государства-члена имеется обязанность принимать санкции за совершения преступлений в сфере нелегальной миграции, которые должны быть эффективными, соразмерными и обладающими предупредительным эффектом (ст. 3 Директивы)¹¹.

Следующим анализируемым документом Европейского Союза в области противодействия незаконной миграции является Рамочное решение № 2002/946/ПВД Совета Европейского Союза «О повышении стандартов уголовной ответственности в целях предотвращения содействия незаконному въезду, транзиту и пребыванию»¹², дополняющее собой другие документы, принятые в целях борьбы с нелегальной иммиграцией, незаконной трудовой деятельностью, торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией детей.

В ст. 1 настоящего Решения приводится примерный перечень санкций, которые могут применять страны-участницы к лицам, совершившим преступления в сфере нелегальной миграции. Так, в частности, перечислены следующие санкции: конфискация транспортного средства, которое использовалось для совершения преступления; запрет непосредственно или через третьих лиц заниматься профессиональной деятельностью, в ходе осуществления которой было совершено преступление; выдворение. Кроме того, каждое государство-участник принимает необходимые меры в целях установления за совершение преступлений, связанных с неле-

---

¹¹ См.: Информационно-правовой портал «Гарант». Электронный ресурс. URL: <http://base.garant.ru/2568279/> (дата обращения: 18.10. 2016 г.).

¹² Официальный сайт законодательства Европейского Союза. Электронный ресурс. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.10.2016 г.).

гальной миграцией, перечисленных в Директиве 2002/90/ЕС, наказания в виде лишения свободы с верхним пределом не меньше восьми лет, в том случае, если преступления совершаются в корыстных целях и при наличии одного из следующих обстоятельств: преступление было совершено в ходе деятельности преступной организации; в ходе совершения преступления была поставлена в опасность жизнь людей, ставших объектом преступного посягательства¹³.

Определенное внимание в рассматриваемом Решении уделено регламентации вопроса об ответственности юридических лиц за совершения преступлений в сфере нелегальной миграции. В ст. 2 указано, что каждое государство-участник должно принимать необходимые меры с целью обеспечения возможности привлечения юридических лиц к ответственности за совершение соответствующих преступлений, когда эти преступления совершены в их пользу любым лицом, которое, «действуя в индивидуальном качестве либо в качестве члена органа соответствующего юридического лица, осуществляет внутри последнего руководящие полномочия в силу одного из следующих оснований: а) способность выступать представителем юридического лица; б) наличие права принимать решения от имени юридического лица; с) наличие права осуществлять контроль внутри юридического лица»¹⁴. При этом правовая ответственность юридического лица не исключает уголовного преследования в отношении физических лиц, которые выступают исполнителями, подстрекателями или пособниками преступлений, совершенных в интересах этого юридического лица.

В целях создания эффективной системы наказаний юридических лиц в ст. 3 Решения закреплена обязанность государств-участников предусмотреть в национальном законодательстве «уголовно-правовые или иные штрафы и, возможно, другие меры ответствен-

---

¹³ См.: Официальный сайт законодательства Европейского Союза. Электронный ресурс. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.10.2016 г.).

¹⁴ См.: Официальный сайт законодательства Европейского Союза. Электронный ресурс. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.10.2016 г.).

ности, в частности: а) меры, влекущие за собой лишение возможности пользоваться преимуществами или помощью со стороны публичной власти; б) меры, предполагающие временный или постоянный запрет осуществлять коммерческую деятельность; с) помещение под судебный надзор; d) роспуск в судебном порядке»¹⁵.

Кроме указанных положений в рассматриваемом Решении содержатся особенности распространения юрисдикции стран-участниц (ст. 4), выдачи и уголовного преследования лиц, совершивших преступления в сфере незаконной миграции (ст. 5), правового статуса беженцев (ст. 6) и обмена информацией между государствами-участниками¹⁶.

Лиссабонский договор (подписан на саммите Европейского Союза 13 декабря 2007 г. в Жеронимуше в Лиссабоне), который, по сути, заменил Европейскому союзу Конституцию, также содержит в себе определенные рамочные положения, посвященные организации противодействия преступности, связанной с нелегальной миграцией¹⁷. Так, согласно ст. 79 (бывшая статья 63bis), «Европейский Союз развивает общую иммиграционную политику, которая стремится обеспечить на всех стадиях эффективное управление миграционными потоками, справедливое обращение с гражданами третьих стран, законно проживающими в государствах-членах, а также предотвращение нелегальной иммиграции, торговли людьми и усиленную борьбу с ними»¹⁸. В части 2 этой же статьи указано, что Европейский парламент и Совет, реализуя свои законодательные полномочия, принимают акты, регулирующие:

---

¹⁵ См.: Официальный сайт законодательства Европейского Союза. Электронный ресурс. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.10.2016 г.).

¹⁶ См.: Официальный сайт законодательства Европейского Союза. Электронный ресурс. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 18.10.2016 г.).

¹⁷ См.: Киселева Е.В. Международно-правовое регулирование миграции [Текст] : учеб. пособие / Е.В. Киселева. – М. : РУДН, 2012. С. 246.

¹⁸ Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями // СПС «Консультант плюс». 2007.

- условия въезда и проживания, а также нормы, касающиеся выдачи государствами-членами долгосрочных виз и видов на жительство, в том числе в целях воссоединения семей;

- права граждан третьих стран, которые законно проживают в государстве-члене, в том числе условий, регулирующих свободу передвижения и проживания в других государствах-членах;

- определение нелегальной иммиграции и незаконного проживания, а также порядок выдворения и репатриации незаконно проживающих лиц;

- противодействие торговли людьми, в особенности, что касается женщин и детей¹⁹.

Таким образом, следует прийти к выводу, что международно-правовые источники, принятые в рамках Европейского Союза предусматривают широкий спектр мер, направленных на противодействие нелегальной миграции, которые можно отнести такие как: введение уголовной ответственности, за совершение деяний, содействующие, способствующие и облегчающие совершения преступлений, связанных с нелегальной миграцией; установление уголовных санкций за совершение преступлений в сфере нелегальной миграции, позволяющих эффективно осуществлять противодействие и предупреждение данных преступлений; наличие в национальном законодательстве ответственности, в том числе уголовной, в отношении юридических лиц, в интересах которых действовало физическое лицо при совершении преступлений в сфере миграции; наличие правовой регламентации процедуры выдворения и репатриации нелегальных мигрантов, а также экстрадиции лиц, совершивших преступления в сфере нелегальной миграции; существование системы взаимодействия и обмена информации между правоохранительными органами по вопросам нелегальной миграции.

---

¹⁹ См.: Там же.

**СБЛИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ
КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ФАКТОР
СУБРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Ирина Михайловна Жмурко

*старший преподаватель кафедры
«Право интеллектуальной собственности»
Московского государственного политехнического университета*

Одной из важнейших составляющих процессов субрегиональной интеграции является межгосударственная координация в сфере правовой политики. В зависимости от потребностей и готовности государств к подобной координации она может простираться от согласования отдельных правовых решений вплоть до формирования единого правового пространства. По сути дела, интеграционные процессы и координация в области правовой политики – это две стороны одной медали: интеграция невозможна без создания унифицированных или гармонизированных правовых норм, служащие, в свою очередь, интенсификации интеграционного процесса.

Актуальность данного аспекта обусловлена тем, что процессы субрегиональной интеграции в сфере экономики, политики, информации, образования, науки, культуры предполагают не только объединение материальных, организационных, финансовых, трудовых, интеллектуальных ресурсов отдельных государств для совместного решения проблем, связанных с их функционированием и развитием, но и, прежде всего – правовое опосредование интеграционных процессов, составляющих интернационализацию хозяйственной жизни на основе формирования общего экономического, научно-технологического, информационного пространства – создание с этой целью различных международных органов субрегионального сотрудничества.

Актуальность данного аспекта определяется и рядом факторов, обуславливающих современные нормотворческие процессы в сфере регулирования субрегионального сотрудничества, к которым

относятся повышение роли международных органов в интеграционном правотворческом процессе, разнонаправленность международно-правового регулирования деятельности государств – участников субрегиональных объединений, и в результате этого, резко возрастает значение взаимодействия международного права и национального права государств в субрегиональных сферах сотрудничества.

Целостная концепция сближения права как особой составляющей процесса субрегиональной интеграции государств определяет механизмы функционирования права субрегионального объединения, включающие трансформацию правоположений, созданных в результате унификации и гармонизации норм национального права государств субрегиональных интеграционных объединений.

При этом, необходимо отметить, что сближение национальных правовых систем как особое направление сотрудничества государств может осуществляться исключительно при помощи международно-правовых средств. Вне международных обязательств, принимаемых на себя государствами, создание эффективных интеграционных правовых регуляторов в виде единых нормативных предписаний невозможно.

Сближение правового регулирования в большинстве случаев строится на стремлении к комплексно-правовой регламентации определенного круга общественных отношений. При включении материальных норм в процессе разработки интеграционных субрегиональных правовых документов, подчас, возникают ситуации, когда сближение в сфере материального права влечет за собой необходимость соответствующей унификации и гармонизации и в области процессуального права, и наоборот.

В настоящее время приоритет отдается подготовке комплексных соглашений, направленных на регулирование достаточно широкой сферы межгосударственного взаимодействия в рамках субрегионального сотрудничества. При этом используются известные международному праву формы согласования воле государств: конвенции, договоры по гармонизации, обычаи, единообразные и модельные законы, рекомендации международных организаций, решения судебных органов, своды единообразных правил. Выбор формы, в которой будет осуществляться сближение национальных

законодательств, предопределяется самыми разными обстоятельствами: кругом участников, предметом регулирования, степенью детализации и т.п.

В основе унифицированного процесса лежит поиск компромисса, так как государства едва ли станут присоединяться к интеграционным правовым документам, в которых не учтена специфика их подхода к регламентации какого-либо сегмента национальной деятельности. При этом, государства стремятся установить оптимальный режим регулирования применительно к избранной сфере сближения права.

При принятии унифицированных правовых документов в правовой системе государств – участников субрегиональной интеграции появляются особые нормы, которые с санкции государств начинают осуществлять регулирующее воздействие в пределах их национальных юрисдикций. Несмотря на то, что унифицированные нормы субрегиональных правовых документов являются нормами международного права вследствие волеизъявления государств-участников субрегионального сотрудничества, эти нормы начинают действовать на территории государств – участников субрегионального сотрудничества так же, как и нормы национального права.

Более того, особенностью интеграционных субрегиональных правовых документов является то, что их положения оказывают непосредственное воздействие не только собственно на деятельность национальных государств в целом, но и на внутригосударственные субъекты права (физические и юридические лица), являющиеся непосредственными участниками субрегионального сотрудничества. Следовательно, каждое государство, становясь участником интеграционной субрегиональной правовой системы, в соответствии со своими конституционно-правовыми принципами имплементирует интеграционные положения в свою национальную правовую систему. При этом, правовые последствия имплементации могут иметь значение, как для частного, так и для публичного права данного государства.

Иными словами, принятием интеграционного субрегионального правового документа не завершается процесс регулирования соответствующих субрегиональных отношений между государствами – участниками субрегионального объединения, а наоборот,

в силу его содержания возникает потребность в принятии целого ряда норм национального права, регулирующих как частноправовые, так и публично-правовые отношения. Данное обстоятельство позволяет заключить, что правотворческая, а в отдельных случаях и нормотворческая деятельность по регулированию интеграционных субрегиональных отношений между государствами – участниками субрегионального объединения имеет своим конечным результатом формирование сложных по своей внутренней структуре, включающих международно-правовые и национальные нормы, комплексы норм, регулирующих отношения в сфере субрегионального интеграционного сотрудничества.

Данный правовой массив унифицированных норм представляет собой особую совокупность норм международного права, специально создаваемых для регулирования определенных отношений в тех государствах, которые решат присоединиться к данному виду международных сотрудничества.

Решающим фактором обеспечения эффективности унификации и гармонизации норм национального права государств субрегионального сотрудничества является презюмирование их единообразного толкования. По нашему мнению, действенным институциональным механизмом, обеспечивающим совпадающую межгосударственную интерпретацию является специальный субрегиональный межгосударственный суд. Успешная практика интеграционных субрегиональных объединений таких, как Бенилюкс, Евразийский экономический союз и другие показывает, что такой суд может обеспечивать единообразное толкование норм интеграционных субрегиональных правовых документов.

Сложившиеся в науке подходы, которые можно рассматривать как традиционные, акцентируют внимание при анализе рассмотренных правовых проблем сближения национальных законодательств государств – участников субрегиональных объединений на процедурных аспектах данной проблемы, уделяя внимание в основном юридической силе актов межгосударственных органов субрегиональных объединений, их типологизации на основе критерия отнесения их к тому или иному виду международно-правовых источников. Не отрицая важности и сохраняющегося значения данного подхода, нам представляется необходимым отметить, что при ана-

лизе механизма интеграционного субрегионального правового регулирования не следует упускать из вида и содержательный аспект правовых актов, принимаемых межгосударственными органами субрегионального сотрудничества.

При этом, отметим, что еще на стадии разработки интеграционные субрегиональные правовые документы в своем содержании должны предусматривать возможность их изменения и дополнения в связи с изменениями, которые могут иметь место в дальнейшем как в рамках субрегионального сотрудничества и взаимодействия, так и в рамках глобального международного сотрудничества в целом.

Как показывает практика субрегионального сотрудничества: Бенилюкс, Северный совет и другие сближение национальных законодательств является существенным фактором субрегионального сотрудничества. При этом, расширяется практика создания и специальных неправительственных международных организаций, перед которыми ставится задача выработки комплекса унифицированных правовых норм по какой-либо актуальной проблеме субрегионального сотрудничества.

Поэтому, по нашему мнению, и стала актуальнейшей задача обеспечения координации и взаимодействия между государствами при формировании унифицированного массива норм регулирования субрегиональной интеграции. Данную задачу, по нашему мнению, мог бы решать специально созданный для этого орган в системе Организации Объединенных Наций.

Международное право как самостоятельная правовая система подразделяется на большие группы (комплексы) международно-правовых норм, регулирующих однородные (с точки зрения объекта) отношения. Становление правовых комплексов международного права обусловлено состоянием межгосударственных отношений и уровнем международно-правового регулирования. По нашему мнению, учитывая мультипликационный эффект создания субрегиональных интеграционных объединений можно с большей долей корректности констатировать о формировании комплекса субрегиональных норм международного право.

**ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ ТОРГОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ
КАНАДЫ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА КАК
ИНСТРУМЕНТ МОДИФИКАЦИИ СИСТЕМЫ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРИЗНАНИЯ**

Татьяна Сергеевна Заплата

*аспирант кафедры интеграционного и европейского права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Академическое признание – это признание иностранной квалификации лица, перемещающегося на территорию другого государства с целью продолжения образования. Основная задача академического признания заключается в оценке, может ли заявитель продолжать исследования в выбранном направлении и на выбранном уровне¹.

Основным международно-правовым документом, устанавливающим систему академического признания, является Конвенция Совета Европы и Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе»² (далее - Лиссабонская конвенция).

Данная конвенция подписана не только европейскими государствами, но и США, Канадой и Израилем. Некоторые неевропейские страны также получили право подписывать Лиссабонскую Конвенцию в качестве преемников бывшего Советского Союза. Участниками Конвенции является не только Россия, но и другие государства-члены Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС), а также государства-члены Европейского Союза (далее – ЕС), что говорит о некой интеграции регионов, или интеграции интеграций.

---

¹ Rauhvargers A. Recognition of foreign qualifications. Last revised August 2004 P. 4.

² Convention on the Recognition of Qualification Concerning Higher Education in the European Region. Lisbon, 11.IV.1997. (ETS № 165).

Лиссабонская конвенция формирует основу и устанавливает стандарты для процедур признания в Европейском регионе. Она представляет собой договор между государствами, стороны и компетентные органы которых берут на себя обязательство выполнять принципы и процедуры, указанные в договоре, в отношении других участников договора. Эти компетентные органы включают в себя высшие учебные заведения, которые принимают решения о признании, и которые, следовательно, обязаны следовать принципам, сформулированным в Лиссабонской конвенции³.

Данная конвенция учреждает многосторонний механизм взаимного признания образовательных квалификаций в виде правоотношения, которое складывается между: обладателем квалификации и другим государством-участником, у которого испрашивается признание квалификации, в лице его полномочного органа по вопросам признания⁴. Тем не менее, данный механизм не является автоматическим, более того положительное решение о признании не является прецедентом для последующих ситуаций. Т.е. несмотря на то, что механизм Лиссабонской конвенции является широко применимым, (государства – члены ЕС и ЕАЭС) но не вполне обязательным и конкретным актом. Так в тексте конвенции и дополняющих её документа чётко не определены случаи, в которых отличие квалификации считается существенным.

Следует отметить, что в отдельных регионах самостоятельные системы академического признания так и не сложились. Так, для регламентации академического признания, государства-члены ЕС используют нормативные акты СЕ. Это связано отчасти с тем, что академическая мобильность в отличие от профессиональной не находится в совместной компетенции ЕС.

---

³ The European Recognition Manual for Higher Education Institutions. Practical guidelines for credential evaluators and admissions officers to provide fair and flexible recognition of foreign degrees and studies abroad. Second edition 2016. P. 15.

⁴ См.: Четвериков А. О. Право Совета Европы и Болонский процесс // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63) февраль. С. 82-83.

В соответствии со ст. 6 Договора о функционировании Европейского Союза⁵ (далее – ДФЕС) образование, профессиональное обучение, молодежь и спорт относятся к вспомогательной компетенции. Т.е. компетенции, направленной на поддержку, координацию или дополнение деятельности государств-членов. В рамках этой компетенции ЕС не наделен полномочиями издавать юридически обязательные акты и проводить гармонизацию законодательных и регламентарных положений государств-членов. Согласно ст. 2 ДФЕС ЕС располагает компетенцией осуществлять деятельность, направленную на поддержку, координацию или дополнение деятельности государств-членов, не подменяя при этом их компетенцию в данной сфере.

Таким образом в сфере образования и академической мобильности ЕС может только оказывать различные виды содействия. К мерам по содействию можно отнести и рекомендации, издаваемые ЕС в данной области. Итак, академическое признание в ЕС не относящееся к совместной компетенции ЕС и регламентируется Конвенцией, принятой в рамках СЕ и ЮНЕСКО и координирующими актами ЕС.

В отношении профессионального признания ситуация носит иной характер. Профессиональное признание касается оценки знаний и компетентности конкретного человека. Они могут быть удостоверяемы дипломом, подтверждающим успешное завершение образовательного уровня, с помощью документа, подтверждающего осуществление регулируемой профессии де-факто или посредством компенсирующих мер. Результатом этого процесса является решение, в отношении оценки способен ли человек заниматься профессией или нет⁶.

В ЕС вопрос взаимного признания профессиональных квалификаций урегулирован Директивой № 2005/36/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС о признании профессиональных квалификаций с поправками, внесенными Директивой № 2013/55/ЕС Европейского Парламента и Совета от 20 ноября 2013. Данный акт

---

⁵ Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012. P. 47–390.

⁶ Kudrová V. Recognition of Qualifications: EU Law // COFOLA 2008 URL <https://www.law.muni.cz/sborniky/cofola2008/files/evropa.html>.

предусматривает общую и автоматическую систему признания для регулирования профессий. Данные системы не просто устанавливают критерии оценки квалификации, но и закрепляют процедуру признания. Положения Директивы являются обязательными для государств-членов ЕС, что является существенным отличием от системы академического признания.

Существует система профессионального признания и в рамках ЕАЭС. Так, в Договоре о Евразийском экономическом союзе установлено: «Планы по либерализации обеспечиваются, в частности, признанием профессиональной квалификации работников поставщиков услуг. В случае если для допуска к осуществлению профессиональных услуг требуется сдача профессионального экзамена, каждое государство-член обеспечивает недискриминационный порядок сдачи такого профессионального экзамена»⁷. Иными словами трудящимся государств-членов гарантировано прямое признание документов об образовании на основе автоматического признания.

Итак, получается, что в наднациональных организациях складываются свои обязательные системы профессионального признания, чего нельзя сказать об академическом признании. Поскольку система академического признания является наиболее объемлющей, возникает вопрос, как аккумулировать системы отдельных регионов в случае, если дальнейшее совершенствование академического признания пойдет по пути профессионального? Т.е. каждый регион будет иметь свою систему признания.

В данном контексте следует рассмотреть Всеобъемлющее экономическое торговое соглашение Канады и Европейского Союза⁸ от 30 октября 2016 г. (далее – ВЭТС). ВЭТС не просто закрепляет необходимость принятия мер по облегчению взаимного признания профессиональных квалификаций, но и закрепляет механизм реализации этих мер. Это соглашение устанавливает основу

---

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) // СПС КонсультантПлюс. Ст. 55, 56.

⁸ Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) URL <http://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/ceta-aecg/text-texte/toc-tdm.aspx?lang=eng>.

для содействия справедливому, прозрачному и последовательному режиму взаимного признания профессиональных квалификаций.

ВЭСТ устанавливает общие условия для проведения переговоров по соглашению о взаимном признании профессиональных квалификаций (далее – СОВП ПК). СОВП ПК является определенным актом, заключающимся в установленном ВЭТС порядке и содержащем условия признания квалификаций для регулируемых профессий. Таким образом, ВЭТС устанавливает порядок формирования правовой основы признания.

Такой порядок именуется в ВЭТС переговорами о заключении СОВП ПК. Переговоры ведутся специальными субъектами, которые представляют проект текста СОВП ПК Комитету о взаимном признании профессиональных квалификаций. Данный комитет рассматривает проекта СОВП ПК и принимает решение о принятии СОВП ПК в случае его соответствия положениям ВЭТС. Решение о принятии обуславливает последующее уведомление Комитетом каждой Стороны об исполнении соответствующих внутренних требований. Решение становится обязательным после уведомления каждой из сторон.

Таким образом, признание профессиональных квалификаций обеспечивается СОВП ПК, которое разрешает осуществлять на практике профессиональную деятельность в принимающей юрисдикции, в соответствии с условиями, указанными в СОВП ПК. СОВП ПК может быть определено как основа признания, созданная путем переговоров, оно также является руководством для соответствующего органа. СОВП ПК устанавливает взаимные права и обязанности для отношений признания.

Признание, основанное на СОВП ПК, включает в себя понятие квалификации в рамках регулируемых профессий. Квалификации в рамках регулируемых профессий является основанием для признания, объектом отношений по признанию, вытекающих из СОВП ПК.

Отношения по признанию в качестве правовых отношений также включает в себя предмет и содержание. Содержание правоотношения включает право заявителя быть признанным на основе СОВП ПК и соответствующую обязанность полномочных органов признать эту квалификацию, если она отвечает требованиям. Эти требования являются условия признания и закрепляются СОВП ПК.

Таким образом, результат признания зависит от типа квалификации и её соответствия условиям.

Такая конструкция правоотношений схожа с признанием в рамках самого ЕС. СОВП ПК содержит положения о признании подобно Директиве 2005/36 т.е. устанавливает систему признания или как это указано во французской версии Директивы режим признания.

ВЭТС устанавливает, что СОВП ПК преимущественно закрепляет автоматический режим признания для регулируемых профессий, однако не исключена возможность закрепления общей системы в СОВП ПК для отдельных профессий.

Подводя итог вышеизложенному целесообразно заключить, что положения ВЭТС относительно процедуры и содержания СОВП ПК способствуют расширению интеграции в сфере трудовой мобильности между ЕС и третьими странами. ВЭТС обеспечивает наибольшую детализацию положений о профессиональном признании, чем иные соглашения в сфере экономической интеграции, в частности, чем соглашения между ЕС и Кореей, ЕС и Сингапуром⁹. Его положения позволяют соответствующим нормативным или профессиональным организациям Сторон обеих юрисдикций представлять проект СОВП ПК в Объединенный комитет о взаимном признании, определяя при этом условия и режим признания.

Опыт интеграции ЕС с третьими странами в области экономической мобильности рабочей силы на примере ВЭТС является наиболее успешным, поскольку чётко и детально определяет порядок установления режима признания профессиональных квалификаций, а также форму его закрепления. Такой способ имплементации принципа взаимного признания является своего рода удачным образцом для развития интеграции в данном направлении с другими странами, а также хорошим опытом для других региональных организаций.

---

⁹ EUA Special Update on EU Trade Agreements and on the Recognition of Professional Qualifications URL <http://www.enaee.eu/wp-assets-enaee/uploads/2012/01/EU-Trade-Agreements-and-Mutual-Recognition-Agreements-1.pdf>.

Более того, данная модель может быть применена для академического признания. Так, отдельные наднациональные организации могут заключать соглашения, регламентирующие условия и процедуру академического признания. Т.е. таким образом, исключается необходимость подготовки глобальной конвенции по академическому признанию и вопросам образования. Там более, что особо чувствительные вопросы, касающиеся особенностей образовательных систем отдельных государств, проще решить на наднациональном уровне, с не глобальном уровне. Принятие глобальной конвенции не приведет к автоматизму признания, поскольку тяжело унифицировать системы стран различных регионов. Подобные соглашения могут также использоваться и для развития системы профессионального признания между наднациональными организациями, например между ЕАЭС и ЕС.

**ОБЪЕМЫ И ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ
НОТАРИУСОВ В ЛАТИНСКОЙ И АНГЛО-САКСОНСКОЙ
МОДЕЛИ: РФ И США**

Агнесса Олеговна Иншакова

*доктор юридических наук, профессор, заведующая
кафедрой гражданского и международного частного права
(базовой кафедры ЮИЦ РАН) Волгоградского
государственного университета
ainshakova@list.ru*

Нотариус (лат. Notarius — писарь, секретарь) — юрист, специально уполномоченный на совершение нотариальных действий, среди которых свидетельствование верности копий документов и выписок из них, свидетельствование подлинности подписи на документах, свидетельствование верности перевода документов с одного языка на другой, а также некоторые другие действия, которые отличаются в разных странах.

Попробуем установить этот объем и пределы полномочий, предоставляемых нотариусам в соответствии с латинской и англо-саксонской моделями нотариата на примере РФ и США. Логичным будет начать с того какой смысл вкладывается в понятие «компетенция» в целом.

Компетенция от (лат. competentio от competo - добиваюсь, соответствую, подхожу) - совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица. Именно эта категория является мерилем его роли и места в системе государственных органов (органов местного самоуправления)¹.

Отсюда следует, что компетенцией нотариальных органов является совокупность установленных законом прав и обязанностей

---

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М., 2003. С. 246.

(полномочий) нотариальных органов и должностных лиц по осуществлению возложенных на них законодательством задач. Таким образом, в понятие компетенция нотариального органа входит вся совокупность полномочий нотариуса.

В связи с этим полномочиями одновременно следует признать как права, так и обязанности соответствующего субъекта (нотариуса), который реализует свои профессиональные функции будет действовать соответственно конкретной ситуации, но в рамках этих полномочий и в соответствии с законом или иным правовым актом. Действия нотариуса, осуществляемые в рамках предоставленных ему полномочий должны быть основаны на принципе законности.

Для определения компетенции конкретного нотариуса и/или нотариального органа недостаточно знать круг вопросов, которые составляют полномочия нотариальных органов вообще.

В настоящее время компетенцию нотариуса делят на два больших видовых блока: предметную и территориальную.

Предметная компетенция - это размежевание нотариальных действий между разными нотариальными органами с учетом вида и рода этих действий.

С понятием территориальная компетенция связано размежевание круга действий между нотариальными конторами с учетом территории ее деятельности².

Теперь определим какими специфическими признаками наделяется понятие «компетенция», когда речь идет о компетенции современного нотариуса в России.

Существо профессиональной деятельности нотариусов в России состоит в совершении ими нотариальных действий, предусмотренных законодательными актами. В соответствии со ст. 35 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 в ред. от 13.07.2015) в настоящий момент нотариусы в рамках своей компетенции осуществляют действия, связанные с удостоверением сделок; выдачей свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов; наложением

---

² Разграничение компетенции между нотариальными органами // Закон сегодня: юридический портал. URL: <http://lawtoday.ru/razdel/biblo/graj-proces/184.php> (дата обращения: 01.12.2016 г.).

и снятием запрещения отчуждения имущества; освидетельствованием верности копий документов и выписок из них; с освидетельствованием подлинности подписи на документах; с освидетельствованием верности перевода документов с одного языка на другой; удостоверением факта нахождения гражданина в живых; удостоверением факта нахождения гражданина в определенном месте; удостоверением тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии; удостоверением времени предъявления документов; передачей заявления и (или) иных документов физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам; принятием в депозит денежных сумм и ценных бумаг; совершением исполнительных надписей; совершением протестов векселей; предъявлением чеков к платежу и удостоверением неоплаты чеков; принятием на хранение документов; совершением морских протестов; обеспечением доказательств; удостоверением сведений о лицах в случаях, предусмотренных законодательством РФ; регистрацией уведомления о залоге движимого имущества; выдачей выписки из реестра уведомлений о залоге движимого имущества; выдачей дубликатов нотариальных свидетельств, исполнительных надписей и дубликатов документов, выражающих содержание нотариально удостоверенных сделок; удостоверением равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе; удостоверением равнозначности документа на бумажном носителе электронному документу; представлением документов на государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним; удостоверением тождественности собственноручной подписи инвалида по зрению с факсимильным воспроизведением его собственноручной подписи; выдачей свидетельства о праве на наследство; принятием мер по охране наследственного имущества; удостоверением решения органов управления юридических лиц; представлением документов на государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Несмотря на то, что перечень возможных нотариальных действий достаточно широк, законодательными актами РФ могут быть предусмотрены и иные нотариальные действия.

В самом тексте Основ о нотариате компетенция нотариата упоминается в нескольких главах. Так, слово «компетенция» встречается уже в части 1 статьи 5 «Основ...» («Гарантии нотариальной

деятельности)), где определяется законодательная база, на основании которой нотариус беспристрастно и независимо осуществляет свою деятельность. Кроме указанной законодательной базы нотариус в своей деятельности обязан руководствоваться также принятой присягой. Таким образом, очерчивается правовое поле, определяющее компетенцию нотариуса. В этой же главе («Общие положения») встречаются и существенные ограничения пределов осуществления полномочий работников нотариата. Согласно статье 6 «Основ...» нотариус не вправе заниматься самостоятельной предпринимательской и никакой иной деятельностью, кроме нотариальной, научной и преподавательской, а также оказывать посреднические услуги при заключении договоров³.

Таким образом, вне сферы компетенции нотариусов оказывается коммерческая деятельность, целью которой является извлечение прибыли. Устанавливая такого рода ограничения законодатель, скорее всего, руководствовался предполагаемой достаточной степенью финансовой обеспеченности нотариусов, которая гарантирует не только их безбедное существование, но и помогает избежать конфликта коммерческих интересов с клиентами, занимающимися предпринимательской деятельностью, а также совершения противоправных действий в отношении таких клиентов.

Статья 15 «Основ...» («Права нотариуса») очерчивает внешние границы компетенции. Согласно положениям данной статьи нотариус имеет право: совершать предусмотренные настоящими основами нотариальные действия в интересах физических и юридических лиц, обратившихся к нему, за исключением случаев, когда место совершения нотариального действия определено законодательством РФ или международными договорами; составлять проекты сделок, заявлений и других документов, изготавливать копии документов и выписки из них, а также давать разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий; истребовать от физических и юридических лиц сведения и документы, необходимые для совершения нотариальных действий».

Особо хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель специально оговаривает право нотариальных органов (нотариусов) не только совершать нотариальные действия, но

---

³ Ярков В.В. Нотариальное право России. М., 2003. С. 21.

и участвовать в качестве активной стороны в процессе подготовительных работ, предшествующих непосредственно реализации таких действий. Участие нотариусов в составлении проектов документов является обоюдновыгодным обстоятельством, так как не только создает дополнительные источники финансирования нотариальных контор, но и обеспечивает качество предъявляемых к заверению документов. Таким образом, установка «Основ...» на соблюдение прав всех сторон, участвующих в нотариальных действиях, выполняется более эффективно.

Впервые в практике законодательного регулирования нотариальной деятельности узаконено включение в сферу компетенции нотариуса права на осуществление надзорно-контрольных функций. Ведь именно так следует толковать закрепляемое в ст. 15 «Основ...» право нотариуса истребовать необходимые документы и сведения. Таким образом, укрепляются правовые основы нотариальной деятельности и компетентностные позиции нотариуса, а заодно сводится к минимуму «брак» в работе (удостоверение незаконных актов, сделок и т.п.), повышается статус представителей нотариата и одновременно обеспечивается определенный уровень их защиты от неправомочных посягательств.

Права нотариуса по разному классифицированы представителями отечественной научной доктрины. Наиболее простой и убедительной представляется классификация В.В. Яркова, согласно которой все права нотариуса можно разделить на общие и специальные. К общим правам нотариуса исследователь относит право: иметь контору и открывать в любом банке расчетный и другие счета; нанимать и увольнять работников; распоряжаться поступившими доходами; выступать в суде, арбитражном суде от своего имени и совершать другие действия в соответствии с законодательством РФ и республик в составе РФ. К специальным правам отнесена возможность: составлять проекты сделок, заявлений и других документов; изготовлять копии документов и выписки из них, а также давать разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий; истребовать от физических лиц и юридических лиц сведения и документы, необходимые для совершения нотариальных действий; совершать предусмотренные настоящими Основами нотариальные действия в интересах физических и юридических лиц, обратив-

шихся к нотариусу, за исключением случаев, когда место совершения нотариального действия определено законодательством РФ или международными договорами.

«Консультационная» компетенция нотариуса определена ч.1 ст.16 («Обязанности нотариуса») и связана с обязанностью нотариуса оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред.

Часть 3 указанной статьи «Основ...» обозначает пределы общей компетенции нотариуса, которые ограничиваются обязанностью нотариуса отказать в совершении нотариального действия в случае его несоответствия законодательству РФ или международным договорам. Следует указать на тот факт, что советская юридическая система не знала ссылок на нормы и положения международного права.

Нотариус обязан хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности. Суд может освободить нотариуса от обязанности сохранения тайны, если против нотариуса возбуждено уголовное дело в связи с совершением нотариального действия⁴.

Как было уже сказано ранее, помимо непосредственно нотариуса, часть отведенной ему компетенции может осуществляться иными органами, а именно органами исполнительной власти и лицами консульских учреждений. Основы о нотариате в ст.37 и ст. 38 содержат перечень указанных действий, который по смыслу законодателя не является исчерпывающим, так как законом могут возлагаться и иные действия на указанные органы в части выполнения тех или иных нотариальных действий.

Таким образом, видно, что нотариусы в РФ активно участвуют в обороте недвижимости, так как наделены даже полномочиями по наложению или снятию запрета на отчуждение имущества.

---

⁴ Официальный сайт небюджетного нотариата Российской Федерации Федеральной нотариальной палаты. URL: <https://docviewer.-yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fxn--80aaa4abeeb0ad-he-s-dg-gdxe1w.xn> (дата обращения 25.10.2016 г.).

Правда законодательством РФ не предусматривается порядок осуществления данного нотариального действия⁵. Так, в письме ФНП от 28 мая 2008 г. № 864/06-12 «О наложении и снятии нотариусом запрещения отчуждения имущества»⁶ отмечается, что поскольку в настоящее время действующим законодательством условия, а также порядок совершения указанного нотариального действия не определены, такое нотариальное действие до принятия соответствующих законодательных актов осуществляться не может.

Что же касается общего объема реализуемых в рамках нотариальной деятельности полномочий, то преобладающими всегда были действия, связанные со свидетельствованием. Органам нотариата в силу своей компетенции приходится свидетельствовать верность копий документов, выписок из них, подлинность подписей, переводов и др. Развитие технического прогресса, появление современной множительной техники не лишили профессию нотариуса социальной востребованности в свидетельствовании документов. Ведь виза облаченного государством компетентного должностного лица гарантирует заинтересованным лицам отсутствие столь частых и очень доступных к производству подделок.

Схожей со свидетельствованием является процедура удостоверения в нотариальной практике. Очень часто перед заключением сделки либо перед ее удостоверением нотариусам приходится устанавливать сам факт нахождения физического лица в живых или же нахождения его в определенном месте. Нередки обращения, связанные с необходимостью проведения процедуры удостоверения тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии.

Также в компетенцию нотариусов включена проверка законности практически всех действий юридических и физических лиц, которые могут влиять на принятие судебных решений по спорным делам и иметь юридические последствия для граждан и их организаций. Даже удостоверение такого, незначительного, на первый

---

⁵ Касаткина А.Ю. Участие нотариуса в обороте недвижимости // Нотариус. 2016. № 2. С. 36

⁶ Письмо ФНП от 28 мая 2008 г. № 864/06-12 «О наложении и снятии нотариусом запрещения отчуждения имущества» // Федеральная нотариальная палата. URL: http://old.notariat.ru/text_2799_28.aspx.htm (дата обращения: 01.12.2016 г.).

взгляд, факта, как констатация времени предъявления документов, относится законом к компетенции нотариата.

В связи с участвовавшими случаями банкротства крупных финансовых структур, казавшихся солидными и незыблемыми, весьма актуальной представляется процедура приема нотариальными органами на депозит денежных сумм и ценных бумаг⁷.

Деятельность нотариусов на рынках ценных бумаг не ограничивается функцией хранения. В компетенцию нотариусов входит и совершение нотариального действия по протесту векселя (по инициативе обратившегося к нотариусу юридического либо физического лица или же по собственной инициативе), предъявлению к оплате (платежу) чеков и удостоверению неоплаты чеков. Проведение подобной процедуры через судебное разбирательство является слишком затянутым по времени и потому неэффективным. Нотариальное заверение является наиболее гибкой и оперативной формой юридической фиксации того или иного состояния ценной бумаги.

Таким образом, компетенция нотариуса в РФ проявляется в осуществлении им закрепленной законом профессиональной деятельности. В России реализация нотариусом полномочий, составляющих его компетенцию основана на снижении вероятности обращения граждан в судебные и иные органы за защитой своего нарушенного права по вопросам, составляющим предмет профессиональной нотариальной деятельности.

В странах англосаксонской системы права нотариат основан преимущественно на судебном прецеденте, в силу чего основное внимание уделяется свидетельским показаниям как средству доказывания, в том числе и при исследовании письменных доказательств⁸. Нотариус в правовой системе и нотариальные, как впрочем и иные письменные документы, не играют такой же значимой роли, какая им отведена в странах нотариата латинского типа. В связи с этим, любые письменные документы в гражданском процессе стран с англо-саксонской правовой системой могут быть

---

⁷ Официальный сайт небюджетного нотариата Российской Федерации Федеральной нотариальной палаты: URL: <https://docviewer.-yandex.-ru/?url=http%3A%2F%2Fxn--80aaa4abeeb0adhesdggdxelw.xn> (дата обращения 25.10.2016 г.).

⁸ Ready N.P. Brooke's Notary. London, 2002. P.14.

опровергнуты с помощью свидетелей⁹, а аутентичный акт странам англосаксонской системы права практически неизвестен.

Организация англо-саксонского нотариата предполагает предоставление государством удостоверительных полномочий лицам, как правило, не осуществляющим нотариальную деятельность в качестве основной. Кроме того, для англо-саксонского нотариата не свойственны многие институты латинского нотариата, такие как: принцип *numerus clausus*, институт кандидата (стажера), замещение отсутствующего нотариуса, обжалование нотариального действия в органы нотариального самоуправления¹⁰. При этом допускается смешение нотариальных и адвокатских функций, например, солиситорами в Англии¹¹.

Качественные отличия систем латинского нотариата и нотариата в англосаксонской правовой системе, в том числе и в отношении роли солиситоров для последней, изучались известным ученым-компаративистом Р. Давидом¹². Солиситор (англ. – *solicitor*) – категория адвокатов в Великобритании, осуществляющих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами — адвокатами высшего ранга. В настоящее время функционирует много крупных фирм солиситоров, специализирующихся в делах, связанных с передачей недвижимости, оформлением наследственных прав, организацией компаний.

В Англии, которая входила в правовую семью общего права, нотариат по своей правовой природе и выполняемым функциям имел много схожих черт с нотариатом стран романо-германской правовой системы. Это не удивительно, ведь обе правовые семьи неоднократно вступали в тесное взаимодействие на протяжении веков. Поэтому для более контрастного сопоставления двух моделей нотариата в качестве примера возьмем правовую систему США.

---

⁹ Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. М., 1999. С. 55.

¹⁰ Мизинцев Е.Н. Организационно-правовые основы нотариата в Российской Федерации и зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С.19.

¹¹ Уолкер Р. Английская судебная система. 4-е изд. М., 1981. С. 280-294.

¹² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 293.

В США основная группа квалифицированных юристов – это адвокаты, которые не исполняют публичных функций, а являются представителями конкретной стороны. Нотариусы же выполняют там сугубо удостоверительные функции: заверяют копии, подлинности подписей, свидетельских показаний под присягой и т.п. Организация и порядок деятельности нотариусов США регулируется законодательством отдельных штатов. Нотариальные функции там выполняют: нотариусы, назначаемые законодательными органами штатов либо высшими должностными лицами штата, а также комиссионеры по вопросам установления фактов¹³.

Нотариат в США это, прежде всего, правовой институт по оказанию квалифицированной юридической помощи должностными лицами, уполномоченными на то в соответствии с нормативно установленными особенностями каждого отдельного штата. Традиционным и органичным для правовой системы США является институт *notaries public* «публичных нотариусов», представляющий собой результат длительной, многовековой эволюции института нотариата в рамках англосаксонского права. В ходе такой эволюции происходило постепенное и последовательное отдаление нотариата от своих романских корней. Выполняемые нотариусом функции очень ограничены и охватывают в первую очередь приведение к присяге, свидетельствование верности подписи, протест векселей. По своей сути, американский *notary public* – это просто пользующийся доверием свидетель¹⁴. Нотариусы США не несут ответственности за содержание удостоверенных ими документов, так как их участие не наделяет документы какой-либо особенной юридической силой. Нотариус нужен для подтверждения подлинности личности, подписавшей документ, а также принадлежности этой личности подписи, стоящей в этом документе. Таким образом, права

---

¹³ Законодательство зарубежных стран: Нотариат и органы записи актов гражданского состояния в зарубежных странах (организация и управление). Обзорная информация. Вып. 83 / Касаткина Н.М., Никеров Г.И., Регессар С.А.; Отв. ред.: Кузнецов И.Н. М., 1973. С. 23-25.

¹⁴ Мизинцев Е.Н: Латинский нотариат в США // Юриспруденция. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=3&art=4016> (дата обращения: 09.02.2015 г.); Мизинцев Е.Н. Латинский нотариат в США // Нотариус. 2012. № 2. С. 44-48.

нотариуса напоминают права свидетеля удостоверительной подписи. Кроме того, нотариусам в США запрещено самостоятельно составлять юридические документы или консультировать граждан по правовым вопросам, за исключением случаев, когда нотариус является одновременно адвокатом¹⁵.

Согласно англо-американской системе публичный нотариус вовсе не обязан быть юристом по образованию, в частности в США достаточно, чтобы это был почетный гражданин, назначенный губернатором¹⁶. В большинстве штатов для назначения нотариусом достаточно отвечать ряду простых требований. Среди них: проживание на территории данного штата, гражданство США, совершеннолетний возраст, внесение необходимого залога. В некоторых штатах кандидату необходимо сдать письменный экзамен. Как правило, нотариусы назначаются на определенный период, чаще всего не превышающий четырех лет¹⁷.

Надо заметить, что система латинского нотариата получила свое развитие и в США. В частности, в штате Флорида и штате Алабама сегодня работают нотариусы, действующие по принципам латинского нотариата. Полагаем, это следует связывать с тем, что латинская модель нотариата предоставляет нотариусам больше полномочий. Civil law notary не просто вправе свидетельствовать подлинность подписи на юридическом документе, но и подтверждать соответствие действительности его содержания. Однако, дальнейшего развития в плане расширения компетенции в этих двух штатах модель латинского нотариата не получила. Причиной, на наш

---

¹⁵ Иншакова А.О., Остапенко И.А. Компетенция нотариусов в России / Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом: монография / Авт. колл.: Гончарова Н.В., Иншакова А.О., Казаченок О.П., Остапенко И.А., Тымчук Ю.А. / Под ред. А.О. Иншаковой. М., 2017. С. 64.

¹⁶ Нотариат: учебник / В.В. Ралько, Н.В. Репин, А.В. Дударев, В.А. Фомин. М., 2016. С. 58.

¹⁷ Мизинцев Е.Н. Латинский нотариат в США // Юриспруденция. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=3&art=4016> (дата обращения: 09.02.2015 г.). Мизинцев Е.Н. Латинский нотариат в США // Нотариус. 2012. № 2. С. 44-48.

взгляд, является ее радикальность по сравнению с *notary public*, который традиционно действует в правовом поле американских штатов.

Хотя общее право и сегодня сохраняет структуру, весьма отличающуюся от романо-германской системы, тем не менее, показательно, что в последнее время заметно возросла роль закона как его источника, что позволяет предполагать продолжающееся сближение двух правовых семей¹⁸.

Вполне можно согласиться с Ж.-Ф. Пиепу и Ж. Ягром в том, что принципы организации деятельности юристов в странах англосаксонской правовой системы предоставляют им больше свободы, но дух системы латинского нотариата требует, чтобы составитель соглашения не превращался в того, кто будет его оспаривать или защищать при возникновении разногласий между сторонами¹⁹.

Проведенный анализ полномочий, составляющих компетенцию нотариуса в странах англо-саксонской системы права позволяет заключить, что нотариат в англосаксонской системе права не играет столь значимой роли, которая отведена нотариусу в странах нотариата латинского типа. В различных странах англосаксонской системы права роль нотариуса не одинакова, но более ярко эти отличия видны на примере правового регулирования нотариальной деятельности в США.

Здесь как и в других странах англо-саксонской модели нотариата традиционна возможность совмещения должности нотариуса с иными профессиями и должностями. Нотариус в США лишь «более благонадежный свидетель», выполнивший удостоверительные функции не более того и даже не обязательно юрист по профессии. Лишь в отдельных штатах США (Флорида, Алабама) система нотариата может быть охарактеризована как переходная форма между латинской моделью нотариата и моделью англо-саксонского типа.

Кроме того, следует отметить, что несмотря на то, что требования, предъявляемые к нотариусам двух правовых семей и прин-

---

¹⁸ Давид Р., Жоффре Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 23.

¹⁹ Профессиональное нотариальное право. Перевод с французского / Пиепу Ж.Ф., Ягр Ж. М., 2001. С. 212.

ципы организации их деятельности значительно разнятся и в романо-германской, и в англосаксонской правовой системе эта деятельность направлена на оказание квалифицированной юридической помощи и основывается на одинаковых юридических принципах: законности, независимости и беспристрастности.

Однако, в отличие от англосаксонской модели нотариата деятельность нотариуса в РФ предполагает более широкий объем полномочий, составляющих его компетенцию и носит характер, как превентивного правосудия, так и превентивной юстиции. Функцию превентивного правосудия нотариат как орган, не осуществляющий судебные полномочия, выполняет способствуя достижению задач правосудия и предотвращению возникновения судебных споров посредством предупреждения нарушения гражданских прав и интересов. Выступая же в роли структурного элемента превентивной юстиции нотариат как публично-правовой институт осуществляет юридическую деятельность, направленную на защиту прав и предупреждение споров в рамках частных правоотношений.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Жанна Туркистановна Искакова

*докторант специальности «6D030200 - Международное право»
кафедры международного права юридического факультета
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*

Правовой статус Суда ЕАЭС как постоянно действующего судебного органа Союза определен Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, Статутом Суда Евразийского экономического союза (далее - Статут) Приложения № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе, Регламентом Суда ЕАЭС, а также решениям Высшего Евразийского экономического совета, принятых в рамках реализации Договора о ЕАЭС.

В соответствии со ст. 2 Статута целью деятельности Суда «является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза»¹. В компетенцию Суда входят споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза (глава IV Статута Суда Евразийского экономического союза).

1) по заявлению государства-члена;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта².

Указывается, что споры не принимаются к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителей к государству-

---

¹ Статут Суда Евразийского экономического союза. Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза.// <http://courteurasian.org/>. Дата обращения 27апреля 2017г.

² Статут Суда Евразийского экономического союза. Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза.// <http://courteurasian.org/>. Дата обращения 27апреля 2017г.

члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором³. Так, досудебный порядок урегулирования является обязательным элементом при рассмотрении споров в Суде ЕАЭС.

Помимо основной компетенции по разрешению споров Суд ЕАЭС также осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза по заявлению государства-члена или органа Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора⁴.

Между тем в положениях Статута отдельное место отводится лишь консультативной юрисдикции, имеющей носит рекомендательный характер. Полагаем, что налицо ограниченная юрисдикция Суда ЕАЭС.

С предметным содержанием статуса и полномочий Суда ЕАЭС тесно связан вопрос о пределах, до которых могут соотноситься юрисдикция Суда ЕАЭС с юрисдикциями национальных судебных учреждений государств-участников. Соответственно, проблема взаимодействия Суда ЕАЭС с национальными судами государств - членом Союза, влияния деятельности Суда Союза на национальные правовые системы, разграничения их компетенций, определения субординации между принятыми решениями представляет практический и теоретический интерес. И здесь вопрос стоит не в уяснении верховенства или приоритета юрисдикции Суда ЕАЭС над национальными судами, а целесообразности тесного взаимодействия судов для эффективной интеграции. При этом выбор форм и методов эффективной работы представляется весьма разнообразным, при котором необходимо учитывать опыт международных су-

---

³ Статут Суда Евразийского экономического союза. Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза.// <http://courteurasian.org/>. Дата обращения 27апреля 2017г.

⁴ Статут Суда Евразийского экономического союза. Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза.// <http://courteurasian.org/>. Дата обращения 27апреля 2017г.

дебных органов, в частности, применение системы преюдициальной юрисдикции. Заметим, что в учредительных и иных регламентирующих деятельность документах Суда ЕАЭС, отсутствует какое-либо указание на процедуру преюдициального запроса, которая ранее была прописана в положениях Суда ЕврАзЭС.

Более того, в компетенцию Суда ЕАЭС, возможно в перспективе, стоит расширить, предоставив возможность не только хозяйствующим субъектам, но и физическим лицам государств - членом Союза обращаться за нарушенными экономическими правами. Полагаем, такой подход в вопросах развития и совершенствования компетенций Суда Союза вполне осуществим и продиктован практической целесообразностью поступательного движения объединения.

Таким образом, прочтение и анализ положений Статута Суда Союза, а также Регламента Суда ЕАЭС показывает, что государства-членами иначе определен статус и компетенции Суда ЕАЭС, в сравнении с тем, которой обладал Суд ЕврАзЭС.

Представляется, что компетенция Суда ЕАЭС четко очерчена урегулированием экономических споров и вынесением консультативных заключений по заявлению государства-члена или органа Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза. Полагаем, такое упрощенное восприятие правового статуса Суда ЕАЭС не может соответствовать положению главного судебного органа Союза.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕС

Наталья Геннадиевна Ищенко

*преподаватель кафедры международного права
Всероссийской академии внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации*

Правовое регулирование отношений в рамках европейской финансовой системы, включая страховой рынок Европейского Союза, имеет определяющее значение для всей мировой экономики, что явным образом выявил финансовый кризис 2008 г. В рамках Европейского Союза (далее ЕС) за достаточно короткий срок была создана система правовых норм, регулирующих сложнейшую сферу страхования. И это направление правового регулирования в рамках ЕС – малоизученный отечественной наукой феномен.

Актуальность темы исследования также обусловлена государственными интересами России. Российская Федерация традиционно находится в многостороннем взаимодействии с государствами-членами ЕС. Следствием этого, в частности, является сближение законодательства в страховой сфере. Исследование правового регулирования страховой деятельности в Европейском Союзе в динамике, позволяет взглянуть по-новому на некоторые важные задачи развития нормативного регулирования данной сферы в Российской Федерации и Евразийском экономическом союзе (далее ЕАЭС).

По нашему мнению, можно выделить три группы правоотношений в сфере страхования в Европейском Союзе:

(1) отношения, складывающиеся между интеграционным образованием и государствами - членами в процессе регулирования и контроля (надзора) в Европейском Союзе, в т. ч. отношения, складывающиеся в процессе формирования единого европейского страхового рынка и углубления его интеграции;

(2) отношения между государством - членом и профессиональными участниками страхового рынка (страховыми и перестраховочными компаниями, посредниками), складывающиеся в процессе регулирования, надзора и принуждения;

(3) отношения между профессиональными участниками страхового рынка (страховыми и перестраховочными компаниями, посредниками), с одной стороны, и потребителями страховых услуг – с другой, либо отношения между профессиональными участниками страхового рынка между собой.

Очевидно, что первые две группы правоотношений можно охарактеризовать, как вертикальные отношения, связанные с реализацией интеграционным образованием или государством - членом публичной власти. Третью группу правоотношений составляют отношения горизонтальные, то есть гражданско-правовые отношения, которым, однако, также присущ публично-правовой элемент в части установления ответственности со стороны государства за ненадлежащее выполнение обязанностей профессиональными участниками единого страхового рынка.

Принципы политики в области страхования в ЕС обобщены в работе Р.В. Клейна (R.W. Klein)¹:

(1) разрешительный (лицензионный) порядок осуществления деятельности;

(2) взаимное признание разрешительных актов (лицензий);

(3) надзор государства учреждения страховой организации;

(4) активное взаимодействие контрольных (надзорных) органов государств - членов;

(5) введение единых стандартов осуществления страховой деятельности на территории ЕС;

(6) защита целостности и стабильности финансовой системы, прозрачности страхового рынка и качества продуктов; защита прав потребителей.

Эволюцию и развитие страхового рынка в Европейском Союзе можно было бы представить в качестве процесса, состоящего из пяти этапов:

---

¹ Klein R.W. Principles for Insurance Regulation: An Evaluation of Current Practices and Potential Reforms / R.W. Klein // The Geneva Papers of Risk and Insurance – Issues and Practice. - 2012. - № 37. - pp. 175- 199.

(1) 1973-1979 годы – «директивы первого поколения» (принцип свободы учреждения);

(2) 1988-1990 годы – «директивы второго поколения» (принцип свободы оказания услуг);

(3) 1992-2000 годы – «директивы третьего поколения» (создание единой системы лицензирования и контроля (надзора) за страховыми организациями на территории ЕС);

(4) 2000 год – 2011 г. – «директивы четвертого поколения» (совершенствование правового регулирования страховой деятельности, направленное на углубление экономической интеграции, повышение эффективности и качества страхования, обновление структуры системы надзора, ее упрощения для целей адекватного реагирования на изменения потребностей страхового рынка и роста сложности страховых продуктов).

(5) 2011 – по настоящее время – создание Европейского агентства по страхованию и профессиональным пенсиям (The European Insurance and Occupational Pensions Authority (EIOPA)).

В октябре 2008 года Комиссия Европейского Союза поручила Группе высокого уровня под председательством бывшего управляющего директором МВФ Жака де Ларозьера предоставить консультацию по поводу будущего европейского финансового регулирования и надзора. Группа представила свой окончательный доклад 25 февраля 2009 года, и ее рекомендации легли в основу новой европейской финансовой системы надзора. В докладе де Ларозьер² делает вывод, что систему надзора необходимо укреплять в целях уменьшения риска и тяжести будущих финансовых кризисов. Группа де Ларозьера рекомендовала создать Европейскую систему финансового надзора, состоящую из трех европейских надзорных органов – один для банковского сектора, один для сектора ценных бумаг и один для сектора страхования и пенсионного обеспечения.

С 2011 г. начинается качественно новый этап развития страхового рынка ЕС, связанный с созданием в Евросоюзе системы финансового надзора (European System of Financial Supervision –

---

² De Larosière J. Report of the high-level group on financial supervision in the EU. - Brussels, 2009. - P. 48.

ESFS), состоящей из Европейского банковского агентства (ЕБА)³, Европейского агентства по ценным бумагам и рынкам (ESMA)⁴ и Европейского агентства по страхованию и профессиональным пенсиям (ЕЮРА).

Учрежденная Регламентом № 1094/2010 Европейского парламента и Совета от 24 ноября 2010 г.⁵, ЕЮРА заменила Комитет европейских регуляторов по страхованию и профессиональным пенсиям – Committee of European Insurance and occupational Pensions Supervisors (CEIOPS)..

П. 2 ст. 8 Регламента ЕЮРА определяет компетенцию Агентства, которое для достижения своих целей разрабатывает технические стандарты и руководящие принципы (guidelines) и рекомендации; принимает индивидуальные решения в отношении национальных органов и профессиональных участников рынка; консультирует Комиссию и предоставляет ей заключения и мнения; ведет централизованную базу данных зарегистрированных участников страхового рынка ЕС и др.

Можно сделать вывод о том, что ЕС выбрал отраслевой подход для новых европейских органов надзора, упустив, по мнению некоторых экспертов, возможность действительного совершенствования финансового надзора. Государства - члены ЕС переходят от отраслевых моделей к межотраслевым в ответ на межотраслевой характер финансовых рынков и учреждений, появление все большего количества финансовых конгломератов.

---

³ Regulation (EU) No 1093/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/78/EC//OJ L331, 15.12.2010, p.12 – 47.

⁴ Regulation (EU) No 1095/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Securities and Markets Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/77/EC//OJ L 331, 15.12.2010, p. 84 – 119.

⁵ Regulation (EU) No 1094/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Insurance and Occupational Pensions Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/79/EC//OJ L 331, 15.12.2010, p. 48 – 83.

Одним из важнейших направлений деятельности ЕЮРА в последние несколько лет был надзор за имплементацией Директивы Solvency II.

Директива 2009/138/ЕС «Об учреждении и осуществлении бизнеса в области страхования и перестрахования» (Директива о платежеспособности страховых компаний II)⁶⁷, устанавливающая минимальные требования к капиталу, платежеспособности и рыночной прозрачности страховщиков.

«Еврокомиссией был проанализирован опыт страхового регулирования различных стран и было выявлено, что существующая система контроля за платежеспособностью страховщиков не учитывает риски инвестиций, страховые риски с длительным периодом урегулирования убытков, риски перестрахования и другие важные в современных условиях показатели. Основой директивы Solvency II является концепция рискованного капитала (Risk –Based Capital – RBC). Данная концепция применяется в США, Канаде, Австралии, Японии, Сингапуре еще с 1990-х гг. Суть концепции состоит в том, что у компании должен быть достаточный капитал для покрытия каждого риска в отдельности»⁸.

Одним из приоритетных направлений трансграничного сотрудничества Европейского Союза в настоящее время является сотрудничество, осуществляемое в рамках деятельности Международной ассоциации страховых надзоров (англ. International Association of Insurance Supervisors(IAIS)).

Наиболее известными результатами деятельности Ассоциации являются, например:

- «Основные принципы страхования и методология» (2000 г.

---

⁶ англ. – Solvency II (прим. автора).

⁷ Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II)//OJ L335, 17.12.2009, p.1 – 130.

⁸ Ищенко Н.Г. Страхование право ЕС: система, источники, основные направления развития//Н.Г. Ищенко – Евразийский юридический журнал. – 2015. №4, с. 63.

– последние изменения и дополнения 2015 г.)⁹ – Insurance Core Principles. Всего 26 принципов (для надзорных органов, для страховщиков, перестраховщиков и посредников: требования по лицензированию, выход с рынка, публичное раскрытие информации и т.д.).

Основные принципы страхования (ОПС) предусматривают контроль сектора в общепринятом масштабе.

- С октября 2013 г. Ассоциация приступила к разработке «Общего свода правил надзора за страховыми группами, задействованными в международных операциях» - к 2018 г. Это наиболее амбициозный проект IAIS, в рамках которого разрабатываются Стандарты достаточности капитала глобальных страховщиков (Insurance Capital Standards – ICS).

ЕС является членом IAIS и представлен такими институтами и органами как Европейская комиссия и EIOPA (Европейская служба по надзору в сфере страхования и пенсионного обеспечения), а также надзорными органами государств – членов (кроме Греции и Хорватии).

Члены IAIS вправе голосовать и участвовать в деятельности Ассоциации. Однако у международных организаций, ЕС (Еврокомиссии) нет права голосовать на Генеральном Собрании. Кроме того, международные организации и Еврокомиссия (приравненная по своему статусу к ним) не входят в Исполнительный комитет (ExCom).

В отличие от Еврокомиссии, EIOPA является полноценным членом и приравнивается по своему статусу к национальным надзорным органам

Именно EIOPA в данном случае является органом подотчетным Совету и Европарламенту о деятельности ЕС в Ассоциации. При этом Еврокомиссия не отчитывается о своей деятельности в IAIS (в отличие от отчетов, связанных с членством в МВФ и ВТО).

---

⁹ Сайт Международной ассоциации страховых надзоров. URL:<http://www.iaisweb.org/page/supervisory-material/insurance-core-principles/file/58067/insurance-core-principles-updated-november-2015> (дата обращения 15 марта 2017 г.).

Стандарты и принципы, разработанные IAIS, носят рекомендательный характер. Понимая свои ограниченные полномочия, Ассоциация разработала сложный механизм по стимулированию своих членов к имплементации (механизм «мягкого» принуждения – “soft” enforcement). Речь идет о так называемых моральных обязательствах членов Ассоциации. Например, предусматривается процедура самоконтроля и независимой экспертизы (self-assessment and peer review (SAPR)). SAPR представляет собой добровольную проверку уровня соответствия национальных органов надзора принятым стандартам Ассоциации, направленную на выявление пробелов и проблем в имплементации и соблюдении стандартов. Такая процедура занимает 5 лет, к ней привлекаются эксперты из Всемирного банка и МВФ.

Главная цель для ЕИОРА в качестве члена IAIS – это сближение позиций надзорных органов государств - членов и «усиление голоса ЕС».

В качестве примеров применения принципов и стандартов IAIS в актах ЕС, можно привести:

Регламент ЕИОРА:

Регламент № 1094/2010 Европейского парламента и Совета от 24 ноября 2010 г., учреждающий Европейскую службу по надзору в сфере страхования и пенсионного обеспечения (ЕИОРА) в полной мере соответствует Основным принципам страхования (ОСП), содержащимся в «Основных принципах и методологии» IAIS (ОСП 1 – ОСП3).

ОСП 1: Орган (или органы), отвечающие за страховой надзор и цели страхового надзора, четко определены. – Глава 1 Регламента ЕИОРА (Establishment and legal status) ст. 1 п.1 четко определяет орган надзора, а в ст. 8 п.1 (Глава 2 «Tasks and powers») - его цели: обеспечивать надзор за страховым рынком, обеспечивать применение нормативно-правовых актов ЕС, тесно сотрудничать с ESRB (European Systemic Risks Board – Европейский совет по системным рискам); следить за развитием страхового рынка; внедрять процедуры самоконтроля и независимой экспертизы в национальных надзорных органах и др.

Директива о посредниках (IMD 2 – IDD):

Последним достижением в сфере регулирования посреднической деятельности в области страхования в ЕС является принятие

Директивы № 2016/97 № 2016/97 «Об оказании посреднических страховых услуг» (Insurance Distribution Directive – IDD)¹⁰, которая вступила в силу 22 февраля 2016 года. Директива направлена, прежде всего, на повышение уровня защиты страхователей, например, посредством расширения предоставляемой им информации о посредниках (общие условия делового сотрудничества с клиентом; отношения со страховщиками, от лица которых они выступают, информация об их вознаграждении). Посредники также должны лицензироваться, обладать соответствующим уровнем профессиональных знаний и опыта.

Таким образом, данная директива в полной мере соответствует требованиям ОСП 18 («Посредники должны лицензироваться, обладать соответствующим уровнем профессиональных знаний и опыта», содержащимся в «Основных принципах и методологии» IAIS.

Как уже было сказано выше, в настоящее время Ассоциация работает над таким амбициозным проектом, как «Общий свод правил надзора за страховыми группами, задействованными в международных операциях» - к 2018 г. Это наиболее амбициозный проект IAIS, в рамках которого разрабатываются Стандарты достаточности капитала глобальных страховщиков (Insurance Capital Standards – ICS).

Пока же единственным международным (региональным) стандартом платежеспособности страховых компаний является Директива 2009/138/ЕС «Об учреждении и осуществлении бизнеса в области страхования и перестрахования (Директива о платежеспособности страховых компаний Solvency II), устанавливающая минимальные требования к капиталу, платежеспособности и рыночной прозрачности страховщиков. Solvency II, которая по своей архитектуре схожа с требованиями Basel II¹¹, разработанные Базельским комитетом по банковскому надзору, также состоит из трех компонентов: минимальные требования к капиталу; надзорный процесс и «рыночная дисциплина».

---

¹⁰ Directive EU 2016/97 of the European Parliament and of the Council of January 2016 on insurance distribution (recast)/OJ L26, 02.02.2016, p. 19 – 59.

¹¹ В 2010 – 2011 гг. были утверждены требования соглашения Basel iii, которые планируются ввести с 2012 по 2019 гг.

В настоящее время Еврокомиссия активно сотрудничает с IAIS в разработке ICS, во многом заимствуя опыт разработки и содержания директивы Solvency II. Как было отмечено выше, для Ассоциации вовлеченность Еврокомиссии в этот проект является приоритетной задачей¹².

Несмотря на существующие проблемы с учетом несомненной успешности интеграции в ЕС, опыт Европейских сообществ нередко учитывается региональными интеграционными объединениями. В настоящее время развитие торговли страховыми услугами в рамках ЕАЭС находится на низком уровне. Обязательства государств, затрагивающие либерализацию торговли страховыми услугами, носят во многом декларативный характер, так как не предусматривают механизма их реализации. Можно было в процессе создания единого страхового рынка ЕАЭС, использовать положительный опыт ЕС в этой сфере:

- установление четких процедур контроля над обеспечением интеграции, включающих мониторинг приведения актов национального законодательства государств – членов ЕАЭС в соответствие с правом ЕАЭС и созданием механизмов принуждения, что могло бы стать возможным при учреждении в рамках ЕАЭС единого надзорного органа в страховой сфере на подобие EIOPA;

- приоритетным направлением первичной гармонизации законодательства должны стать нормы, устанавливающие единые требования: к страховым организациям для получения лицензии; к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков, требования по перестрахованию; к порядку осуществления страхового надзора; к защите прав и интересов потребителей страховых услуг.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что особенный путь развития страхового рынка России также учитывает позитивный опыт ЕС в этой сфере. Однако первоочередной задачей для российского страхового рынка является не выход российских страховщиков на арену европейского страхования, а организация единого страхового пространства в рамках ЕАЭС.

---

¹² Сайт Европейского агентства по страхованию и профессиональным пенсиям.
URL:https://eiopa.europa.eu/Publications/Administrative/AWP_2016.pdf (дата обращения 5 марта 2017 г.).

**К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА ДОСТУП К МЕДИЦИНСКОЙ
ПОМОЩИ В ТРАНСГРАНИЧНОМ АСПЕКТЕ В РАМКАХ
СНГ, СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ
И ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС)**

Ленара Робертовна Климовская

*аспирант кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета,
исследователь центра биомедицинской этики и права,
университет г. Левен (Бельгия)*

Развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве ведет к увеличению мобильности среди людей, капиталов, услуг. В связи с этим увеличивается и число так называемых «мобильных»¹ пациентов в трансграничном аспекте: речь идет о плановом и неплановом оказании медицинской помощи лицу за пределами государства гражданства.

Статья посвящена вопросу оказания такой помощи иностранным пациентам в рамках СНГ и Союзного государства России и Беларуси, а также перспективам правового регулирования трансграничной медицины в сравнительно новом интеграционном образовании - Евразийском экономическом союзе. При этом отдельное внимание уделяется отдельным правовым пробелам в имеющейся нормативно-правовой базе, а также проблемам реализации права на доступ к медицинской помощи.

Так, в рамках Содружества независимых государств (далее - СНГ) был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы оказания медицинской помощи гражданам государств-

---

¹ Термин «мобильные» пациенты широко используется в нормативно-правовых актах, доктрине Европейского Союза. См., например Directive 2011/24/EU of the European Parliament and of the Council of 9 March 2011 on the application of patients' rights in cross-border healthcare//EUR-Law, Access to European Union law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32011L0024> (дата обращения: 20.04.2017).

участников СНГ при нахождении за пределами государства гражданства. Механизм правового регулирования оказания медицинской помощи содержится в Соглашениях:

- в Соглашении об оказании медицинской помощи гражданам государств-участников СНГ от 27 марта 1997 г.² (далее-Соглашение 1997 г.), объединившем десять из одиннадцати государств СНГ, а также

- в Соглашении взаимном предоставлении гражданам Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России равных прав в получении скорой и неотложной медицинской помощи от 24 ноября 1998 г.³ (далее-Соглашение 1998г.)

Несмотря на регулирование одного и того же круга вопросов, оба международных договора имеют принципиальные различия: Соглашение 1997 г. регулирует как оказание скорой и неотложной, так и плановой медицинской помощи, а также оказание такой помощи в любом лечебно-профилактическом учреждении (далее-ЛПУ), Соглашение 1998 г. регулирует оказание лишь неплановой медицинской помощи, которая оказывается только в государственных и муниципальных ЛПУ. Оно так же наделяет граждан государств-участников СНГ равными правами с гражданами государства временного пребывания, в то время как Соглашение 1997 г. не содержит такой нормы. Необходимо отметить, что Соглашение 1997 г. предусматривает оказание плановой медицинской помощи на платной основе. Тем не менее, национальным законодательством может быть установлено бесплатное оказание медицинской помощи постоянно проживающим гражданам из стран СНГ⁴.

---

² См.: Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ.// URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7934> (дата обращения 05.04.2017).

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22352/ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 05.04.2017).

⁴ К примеру, в соответствии с национальным законодательством Республики Беларусь, постоянно проживающие иностранные граждане на территории Республики Беларусь, пользуются равными правами с гражданами на получение плановой и неплановой медицинской помощи. См.: закон Республики Беларусь от 18.06.1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» // URL: http://bel-kodeksy.com/o_zdravoohranenii.htm (дата обращения 20.03.2017).

Таким образом, несмотря на наличие международных договоров, регулирующих вопрос оказания медицинской помощи гражданам договаривающихся государств в рамках СНГ, можно говорить об отсутствии единообразного механизма реализации прав пациентов на медицинскую помощь при нахождении за пределами государства постоянного проживания.

В то же самое время, существует другое интеграционное образование - Союзное государство России и Беларуси⁵ - образование с элементами наднациональной надстройки, тем не менее не имеющее четкой правовой природы.⁶ Специальным актом, регулирующим оказание медицинской помощи в рамках СГ, является Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помощи гражданам РФ в учреждениях здравоохранения РБ и гражданам РБ в учреждениях здравоохранения РФ от 24.01.2006 г.⁷ Данное

---

⁵ Договор о создании Союзного государства. от 8.12.1999 г. // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.soyuz.by/> (Дата обращения: 10.09.2015).

⁶ С самого образования СГ возникал вопрос о форме его государственного устройства. Одни исследователи склоняются к мнению, что СГ является международной организацией (с аспектами международной правосубъектности), другие считают, что СГ является конфедерацией (с тенденцией к федерализации). См. например, Михалева Н.А. Правовые проблемы создания Союзного государства Беларуси и России // Государство и право. 2002. - №6. - С.14-21, Бровка Ю.П. Беларусь и Россия: правовая основа интеграции // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое пространство: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 26-27.10.2001): в 2 ч. / Гордн. гос-ый универ-т. - под ред. В. Сильченко. - Гродно, 2002. - С.197-200; Вишняков В.Г. О соотношении норм международного и конституционного права (на примере Белоруссии и России) // Журнал российского права. 2002. №9. - С.11-21, данная точка зрения также отражена в монографии - Голованов В.Г. Суд Союзного государства: правовые проблемы становления и развития: Моногр. - Мн.: Светоч, 2001. - 128 с.

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке оказания медицинской помощи гражданам РФ в учреждениях здравоохранения РБ и гражданам РБ в учреждениях здравоохранения РФ от 24.01.2006 г. // [Электронный ресурс].

соглашение устанавливает равные права граждан на получение медицинской помощи за пределами страны постоянного проживания. То есть доступ, как к плановой, так и к неплановой медицинской помощи. В соответствии с законодательством РФ-включая право на получение полиса медицинского полиса, позволяющем получать плановые медицинские услуги в рамках базовой и территориальной программ системы обязательного медицинского страхования.⁸

Тем не менее, на практике возникает множество проблем при применении права на оказание медицинской помощи. К примеру, в соответствии с проведенными опросами⁹ страховых организаций, выдающих полисы ОМС в разных регионах РФ, гражданам Беларуси, работающим по трудовому договору, было отказано в получении полиса ОМС. Необходимо отметить, что до 2011 года¹⁰ в обязанность работодателя входило оформление полиса ОМС для всех сотрудников, в том числе иностранцев, который выдавался не по месту регистрации, а по месту нахождения работодателя. С принятием закона «Об обязательном медицинском страховании» порядок заключения договоров по ОМС, выдаче полисов существенно изменился, таким образом застрахованное лицо имеет право на самостоятельное определение страховой организации.¹¹ С одной стороны, законодатель защитил право работников на свободный выбор стра-

---

URL: <http://www.belmos.ru/print.php?type=leg&ltype=s&id=26> (дата доступа 10.07.2016).

⁸ См. подробнее: Федеральный Закон от 29 ноября 2010 г. №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ .доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.03.2017).

⁹ Кому из иностранных сотрудников нужно выдавать полисы и выплачивать пособия? //Главбух. Журнал, справочная система и сервисы. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.glavbukh.ru/> (дата доступа 20.09.2016).

¹⁰ В связи с принятием Федерального закона «Об Обязательном медицинском страховании», вносящим соответствующие изменения в ранее действовавшие правила получения полиса обязательного медицинского страхования.

¹¹ Ст.46 Закона «Об обязательном медицинском страховании».

ховой организации, с другой стороны иностранные работники, постоянно не проживающие на территории РФ и не имеющие вида на жительство, сталкиваются с трудностями при получении полисов ОМС.

Как известно, с 1 января 2015 г. был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (далее-ЕАЭС)¹², предусматривающий равные права трудоустроенных граждан, а также членов их семей на получение медицинской помощи на территории государства осуществления трудовой деятельности, в случае с Россией- гарантия получения полиса ОМС. Однако фактически реализация данной нормы сегодня осуществляется только в России и Кыргызстане¹³, национальное законодательство которых было приведено в соответствие с Договором о ЕАЭС¹⁴. В Казахстане переход на систему ОМС отложен до лета 2017 г., в Армении ОМС отсутствует, а медицинская помощь оказывается в соответствии с национальным законодательством¹⁵. В Беларуси система ОМС так же не вводилась, однако в отношении граждан РФ, работающих в Беларуси, продолжает действовать Соглашение 2006, то есть гражданам России медицинская помощь оказывается бесплатно, другим иностранным гражданам медицинская помощь оказывается на платной основе¹⁶.

---

¹² URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 // Правовой портал Евразийского экономического союза. (дата обращения 23.04.2017).

¹³ См.: Права трудящихся и членов их семей на получение медицинской помощи.// Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/social_security/Documents.pdf (дата обращения 24.04.2017)

¹⁴ См.: Россия застрахует здоровье трудовых мигрантов из ЕАЭС.// Время перемен. Евразийский экономический союз.// [Электронный ресурс]. URL: <http://mirperemen.net/2017/01/rossiya-zastraxuet-zdorove-trudovyx-migrantov-iz-eaes/> (дата обращения 19.04.2017).

¹⁵ Там же.

¹⁶ В соответствии с Конституцией Республики Беларусь, медицинская помощь гарантирована лишь гражданам. См.: ст.45 Конституции Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г. // Национальный правовой интернет-портал

Особого внимания заслуживает ситуация с гражданами государств-членов ЕАЭС, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации. Так, с 1 января 2017 года граждане стран ЕАЭС, трудящиеся в России имеют право на оформление медицинского полиса¹⁷. На конец 2016 г. в России насчитывалось порядка 500-600 тысяч граждан Армении, Кыргызстана, и Казахстана для каждой из стран, а также более 700 тысяч граждан Беларуси¹⁸.

При подачи заявления на оформление полиса ОМС, в соответствии с (п.9.2) Правилами обязательного медицинского страхования, граждане государств-участников ЕАЭС должны предоставить, реквизиты и данные о сроке действия трудового договора¹⁹. Следовательно, лица, работающие не по трудовому, а по гражданско-правовому договору, не смогут воспользоваться медицинской помощью на бесплатной основе. В то же время, в соответствии с ФЗ

Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 20.10.2016).

¹⁷ См.: Трудящиеся из стран ЕАЭС получают доступ к медицинскому страхованию в России с 1 января 2017 года // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. // [Электронный ресурс]. URL: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/28-12-2016-6.aspx> (дата обращения 20.04.2017).

¹⁸ См.: Россия застрахует здоровье трудовых мигрантов из ЕАЭС. Там же.

¹⁹ См.: п.9.2 Приказ Министерства социального развития и здравоохранения Российской Федерации от 28 февраля 2011 г. №158н «Об утверждении правил обязательного медицинского страхования». (в редакции от 27.10.2016) URL: <http://legallabor.ru/normativno-pravovaya-biblioteka/item/216-prikaz-minzdravsotsrazvitiya-rossii-n-158n-ob-utverzhdenii-pravil-obyazatel'nogo-meditsinskogo-strakhovaniya> (дата обращения: 20.03.2017) См. также, Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27 октября 2016 г. №803н «О внесении изменений в Правила обязательного медицинского страхования, утвержденные приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28 февраля 2011 г. Астане 29 мая 2014 г.» URL: <http://legallabor.ru/normativno-pravovaya-biblioteka/item/215-proekt-prikaza-ministerstva-zdravookhraneniya-rf-803n-o-vnesenii-izmenenij-v-pravila-obyazatel'nogo-meditsinskogo-strakhovaniya-utverzhennyye-prikazom-ministerstva-zdravookhraneniya-i-sotsialnogo-razvitiya-rossijskoj-federatsii-ot-28-fevralya-2011-g-158n-s> (дата обращения 20.03.2017).

об обязательном медицинском страховании, временно-пребывающие иностранные граждане имеют право на оформление полиса ОМС как при наличии трудового договора, так и при наличии гражданско-правового договора²⁰. Следовательно, положения национального законодательства РФ противоречат положениям Договора о ЕАЭС о равном социальном обеспечении трудящихся государств-членов, а также членов их семей с гражданами страны трудовой деятельности.

Несмотря на наличие определенных проблем в правовом регулировании доступа к медицинской помощи, можно говорить о формировании условий оказания скорой медицинской помощи гражданину государств Содружества, временно находящемуся на территории другого государства СНГ на принципах- беспрепятственности и безвозмездности, а также оказание плановой помощи на платной основе. В перспективе дальнейшего развития ЕАЭС, представляется необходимым унификация положений национального законодательства государств-членов путем разработки единого соглашения «О медицинской помощи гражданам государств ЕАЭС».

---

²⁰ В частности, представителями Министерства здравоохранения РФ были направлены информационные письма в... с предложениями внести изменения в Договор о ЕАЭС "...Обязательному медицинскому страхованию подлежат граждане государств — членов ЕАЭС, работающие в государстве трудоустройства на основании трудовых договоров", тем самым исключив членов семей трудящихся-мигрантов из системы ОМС. Также был предложен законопроект "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам персонифицированного учёта в сфере ОМС", исключающий из системы ОМС некоторые категории лиц...//[Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/view/126678/> (дата обращения 24.04.2017). Однако, Министерство здравоохранения опровергло информацию о лишении некоторых категорий лиц полиса ОМС. См.; Коллегия Министерства здравоохранения Российской Федерации «Об итогах работы Министерства в 2016 году и задачах на 2017 год»//Министерство здравоохранения Российской Федерации...//[Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/open/kollegiya-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii/materialy-kollegii-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii/kollegiya-2017> (дата обращения: 24.04.2017).

**ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО КАК СУЩЕСТВЕННОЕ
УСЛОВИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ДОГОВОРА
ПОСТАВКИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ**

Игорь Павлович Марчуков

*аспирант кафедры гражданского и международного
частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет» (базовой кафедре ЮИЦ РАН)
начальник отдела правового обеспечения ФГБОУ ВО
ВолгГМУ Минздрава
ipmarchukov@gmail.com*

В контексте изучения существенных условий внешнеэкономического договора поставки энергоресурсов особую актуальность приобретают вопросы, связанные с определением применимого права, поскольку энергоресурсы представляют собой, прежде всего, трансграничный продукт, что предполагает участие в торговых правоотношениях иностранного элемента и возможность присутствия в их регулировании иной правовой системы.

В российском и международном законодательстве отсутствует легальное определение термина «применимое право», что вызывает большое количество разногласий в теории и практике относительно его сущности и юридической природы. В научной литературе существует несколько подходов к определению объема данного понятия. Так, большинство авторов полагают, что объем понятия «применимое право» следует ограничить рамками национального права, подлежащего применению к правоотношениям сторон внешнеэкономического договора. Основным аргументом в пользу указанной точки зрения является тот факт, что международное право, как таковое, не является самостоятельным массивом правовых норм, регулирующих внешнеэкономические договорные отношения без привлечения национального права. Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы меж-

дународного права и международные договоры входят в состав правовой системы РФ¹. Указанное положение находит отражение также в статье 7 ГК РФ.

Однако, полагаем, следует согласиться с исследователями, по мнению которых, понятие «применимое право» (*lex contractus*) используется в современном российском законодательстве в узком смысле². Системное толкование норм ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель включает в категорию применимого права, право того или иного государства, подлежащее к применению в обусловленных внешнеэкономическим договором отношениях. Поставка энергоресурсов, прежде всего, нефти и нефтепродуктов, часто осуществляется путем использования торговых судов танкерного типа, в этой связи следует обратить внимание на статью 414 Кодекса торгового мореплавания РФ, согласно которой, в категорию применимое право, наряду с национальным законодательством РФ, включаются также международные договоры и обычаи торгового мореплавания, так называемые *lex mercatoria*.

Различие в подходах законодателя к определению объема понятия «применимое право» свидетельствует об отсутствии единого образа в решении данного вопроса. В данном случае следует согласиться с точкой зрения Д.П. Стригуновой, по мнению которой, понятие «применимое право» необходимо толковать расширенно, в связи с тем, что у сторон договора имеется возможность выбора не только национального права, подлежащего применению, но и различных правовых систем³. Конституция РФ в статье 7 указывает,

---

¹ «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Гарагуля М.И. Понятие применимого права во внешнеэкономических договорных отношениях // Пространство экономики. 2010. № 2–3. С. 217–221.

³ Стригунова Д.П. Категория «применимое право» в международных коммерческих договорах // Международное публичное и частное право. 2016. № 4. С. 29–32.

что в состав правовой системы РФ наряду с международными договорами входят общепризнанные принципы международного права. В этой связи возникает закономерный вопрос, подлежат ли включению в объем понятия «применимое право» общепризнанные принципы международного права, обычаи и обыкновения международной торговли.

Прежде чем ответить на данный вопрос, следует обратиться к юридической природе торгового обычая и общих принципов права. Указанные правовые категории существуют на основе доктрины *Lex mercatoria* и получили широкое распространение в европейских странах. Существование данной доктрины заключается в том, что международные торговые отношения должны регулироваться в первую очередь коммерческими договорами и международными торговыми обычаями.

В сфере международной торговли энергоресурсами, как уже было сказано, можно выделить два свода торговых обычаев, это правила толкования международных терминов Инкотермс — 2010 и Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, которые являются ярчайшим примером *Lex mercatoria*. Следует отметить, что несмотря на удобство в применении и пластичность положений, торговые обычаи не являются самостоятельными нормами права, в силу того, что не санкционированы государством. Таким образом, торговые обычаи могут быть включены сторонами договора в объем применимого права, но не в качестве самостоятельного источника правовых норм, а в виде негосударственного правового регулятора, применяющегося субсидиарно с нормами международного и национального права.

Позиция судов РФ по вопросу определения объема понятия применимого права изложена в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 года, согласно которому, в случае указания в договоре в качестве применимого права общих принципов права, торговых обычаев и обыкновений, иных источников *lex mercatoria*, государственные суды РФ не признают подобный выбор со-

стоявшимся, в связи с тем, что стороны договора могут выбрать исключительно национальное право⁴. При появлении указанного случая на практике применимое право устанавливается судами РФ путем использования коллизионных правовых норм.

Таким образом, обобщая анализ научно-исследовательских подходов⁵, позиций законодательства и судов РФ, полагаем следует принять расширительную трактовку категории «применимое право», которая позволяет включать в ее объем всю совокупность общепризнанных принципов и норм международного права, нормы национального права, а также субсидиарное негосударственное правовое регулирование отношений контрагентов по внешнеэкономическим договорам в виде устоявшихся торговых обычаев и обыкновений.

Проанализируем особенности установления категории применимого права во внешнеэкономическом договоре поставки энергоресурсов в соответствии с законодательством Российской Федерации. Вопросы определения применимого права к внешнеэкономическому договору поставки энергоресурсов разрешаются с помощью норм раздела VI ГК РФ. По общему правилу в контрактные отношения данного вида могут вступать российские, иностранные физические и юридические лица, а также лица без гражданства. При определении права, применяемого к внешнеэкономическому договору, действует принцип автономии воли сторон⁶. Он заключается в том, что участники

---

⁴ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением Арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁵ Гарагуля М.И. Понятие применимого права во внешнеэкономических договорных отношениях // Пространство экономики. 2010. № 2–3. С. 217–221; Стригунова Д.П. Категория «применимое право» в международных коммерческих договорах // Международное публичное и частное право. 2016. № 4. С. 29–32.

⁶ См. подробнее: Ерпылева, Н. Ю. Международное частное право [Текст] : учебник для вузов / Н. Ю. Ерпылева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 86-88; Куз-

соглашения свободны в выборе не только его содержания, но и вида правовых норм. Данный принцип получил свое законодательное воплощение в статье 1210 ГК РФ, согласно которой, стороны договора могут в момент заключения договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Интересным является тот факт, что соглашение о выборе применимого права имеет обратную силу, а также может действовать как в отношении всего договора, так и в отношении отдельных его положений. Указанные возможности, предоставленные сторонам договора, имеют большое значение в правоприменительной практике. Внешнеторговый договор поставки энергоресурсов требует детальной проработки всех его пунктов, так как подразумевает высокую стоимость товара, и риск нанесения крупного ущерба стороне в результате ненадлежащего исполнения обязательств. В этой связи предоставление сторонам возможностей для определения применимого права к отдельным пунктам договора приобретает особую актуальность.

Требование законодателя к форме соглашения носит диспозитивный характер. Так, согласно части 2 статьи 1210 ГК РФ, у сторон есть три варианта выражения своей воли относительно выбора применимого права: путем прямого выражения в договоре (дополнении), путем непрямого выражения, однако, в таком случае о волеизъявлении сторон должны свидетельствовать условия договора либо обстоятельства дела в их совокупности.

Отсутствие надлежащей конкретики нормы части 2 статьи 1210 ГК РФ о способе оформления воли сторон в отношении выбора применимого права, вызывает множество разногласий в правоприменительной практике. Так, законодатель не указывает, какие именно условия договора и обстоятельства свидетельствуют о выборе сторонами применимого права. Так, по мнению А.А. Власова,

---

нецов М.Н. Международное частное право. Общая часть: лекции, прочитанные в Российском университете дружбы народов в 2004-2014 гг.: учебное пособие. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2015. С. 53.

В.Н. Коваленко, вышеуказанные вопросы должны разрешаться судом в рамках каждого отдельного дела, исходя из обстоятельств исполнения (неисполнения) обязательств и условий контракта⁷.

В целях формирования единообразия судебной практики и недопущения нарушения права на обращения в суд, предусмотренного статьей 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁸, Высшим Арбитражным Судом РФ было подготовлено Информационное письмо с разъяснениями относительно выбора сторонами внешнеторговых отношений применимого права. Так, по мнению ВАС РФ выбор контрагентами определенного суда того или иного государства в качестве органа, уполномоченного рассматривать споры, возникающие в рамках их контракта, сам по себе не означает выбора в качестве применимого, права того государства, где находится вышеуказанный суд⁹. Определение сторонами договора местом рассмотрения споров суд на территории РФ, означает наделение указанного суда полномочиями по определению применимого права, с учетом коллизионных норм, но не более того¹⁰. Русскоязычный характер внешнеторгового договора поставки энергоресурсов, заключение его на территории России также, по мнению ВАС РФ, не могут свидетельствовать о выборе сторонами договора в качестве применимого права материального права РФ. При определении применимого права к внешнеторговым договорам поставки энергоресурсов следует обращать внимание на следующие особенности, связанные со специфическим характером объектов

---

⁷ Власов А.А., Коваленко В.Н. Регулирование внешнеэкономической деятельности нормами международного частного права // Международное публичное и частное право. 2015. № 1. С. 20–24.

⁸ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁹ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением Арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Филонова А.А., Кручинин В.Н. Особенности определения применимого права при разрешении арбитражными судами споров с иностранным участием // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 6 (10). С. 26–33.

поставки – энергоресурсов и энергоносителей. Так, о выборе сторонами договора применимого права не могут свидетельствовать условия о стране происхождения, добычи энергоресурсов, месте нахождения отгрузки/выгрузки, большей протяженности магистрального трубопровода, стране разработки применяемого стандарта (ГОСТа) качества поставляемого энергоресурса и т.д.

Системный анализ обзора судебной практики арбитражных судов по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением дел с участием иностранных лиц, позволил выявить ряд обстоятельств, при совокупности которых, суд признает выбор сторонами контракта применимого права состоявшимся. В частности таким обстоятельством может являться обоснование сторонами, в ходе судебного производства своих требований и возражений со ссылкой на одно и то же применимое право¹¹.

Арбитражные суды РФ признают использование сторонами договора терминологии и формулировок законодательства РФ в качестве состоявшегося выбора применимого права. Данный подход судебной практики поддерживается и авторами в научной литературе. Так, по мнению А.А. Филоновой, В.Н. Кручинина, ссылка сторон внешнеторгового контракта на действующие нормативно-правовые акты РФ означает, что российское право выбрано в качестве применимого к указанному контракту¹².

Согласование сторонами внешнеторгового договора поставки энергоресурсов в качестве применимого права РФ свидетельствует о выборе всей российской правовой системы, в которую наряду с внутренним законодательством входят международные нормативно-правовые акты, относящиеся к коллизионному правовому регулированию. В соответствии со статьей 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», меж-

---

¹¹ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением Арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Филонова А.А., Кручинин В.Н. Особенности определения применимого права при разрешении арбитражными судами споров с иностранным участием // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 6 (10). С. 30.

дународные договоры являются неотъемлемой частью правовой системы РФ и имеют приоритет над национальным законодательством¹³. Данная норма указывает на важность применения международно-правовых норм.

В процессе разработки и заключения внешнеэкономического договора поставки энергоресурсов стороны не всегда стремятся воспользоваться правом, предусмотренным статьей 1210 ГК РФ. Согласно статье 1211 ГК РФ, в случае отсутствия соглашения контрагентов о подлежащем применению праве к внешнеэкономическому договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение обязательства, имеющее наиболее решающее значение для содержания договора. Для каждого отдельного вида договорных обязательств установлено свое определение стороны, существование и действия которой наиболее тесно связаны с договором. Так для договора международной поставки энергетических ресурсов решающее значение имеет организация продавца, что отражено в части 2 статьи 1210 ГК РФ. Однако данная норма не имеет сверхимперативного характера, и не действует в случае, если из закона, условий контракта, либо совокупности сложившихся обстоятельств дела следует, что договор намного более тесно связан с правом иной страны, чем та, на которую указывает норма части 2. В такой ситуации к договору может подлежать применению право страны покупателя.

В арбитражной практике суды определяют в качестве применимого права правовую систему страны покупателя при наличии обстоятельств, прямо указывающих на наличие тесной связи между договором и покупателем¹⁴. В соответствии с избранным сторонами или определенным в соответствии с нормами ГК РФ применимым

---

¹³ Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

¹⁴ См.: Решение Арбитражного суда Калининградской области от 09.11.2015 по делу № А21-3809/2015 // [Электронный ресурс]: Электронный банк решений Арбитражных судов. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/bef7cac8-bad9-48ae-9261-143c39e05d0d/-%D0%9021-3809-2015__20151109.pdf (дата обращения 23.01.2017).

правом решается вопрос о сроках исковой давности по внешнеэкономическим договорам поставки, и порядке ее применения. Вопросы, связанные с исковой давностью и формой договора при заключении и исполнении внешнеторгового договора поставки, тесно связаны с личным законом юридического лица. По законодательству РФ личный закон юридического лица базируется на основании коллизионного принципа инкорпорации, сущность которого заключается в праве страны, в которой зарегистрировано юридическое лицо, на что прямо указывает статья 1202 ГК РФ¹⁵. Аналогичный принцип действует и в отношении организаций, вступающих в торговые отношения с применимым российским правом, но не являющихся юридическими лицами по законодательству иностранного государства. В ведении личного закона юридического лица находятся все вопросы, связанные с его правоспособностью, созданием, процессами реорганизации и ликвидации, корпоративными взаимоотношениями между юридическим лицом и его учредителями.

Таким образом, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с определением применимого права к внешнеэкономическим договорам поставки энергоресурсов, что обусловлено трансграничным характером передвижения товара и предполагает участие в торговых правоотношениях иностранного элемента, связанного с присутствием в их регулировании иной правовой системы, высокой стоимостью товара и риском нанесения крупного ущерба стороне в результате ненадлежащего исполнения обязательств.

В соответствии с определенной в ходе исследования юридической природой и существом категории «применимое право», установленный на основе его выбора сторонами внешнеэкономического договора собственный обязательственный статут сторон должен учитывать и опираться на всю совокупность норм национального права, норм и общепризнанных принципов международного права, а также субсидиарное негосударственное правовое регулирование в виде обычаев и обыкновений, традиционно применяемое в сфере международной торговли.

Выявлены разногласия в теории и правоприменительной практике, связанные с отсутствием законодательной конкретизации

---

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

способа оформления, условий договора и обстоятельств, свидетельствующих о воли сторон в отношении выбора применимого права в норме части 2 статьи 1210 ГК РФ.

Законодателем в пункте 2 статьи 1210 ГК РФ сторонам договора предоставлена альтернатива в выборе формы соглашения сторон о выборе подлежащего применению права: либо наличие выраженной воли сторон (прямо выраженная), либо условия договора, либо обстоятельства дела (молчаливо выраженная).

Когда соглашение о применимом праве содержится непосредственно в тексте договора (внешнеторгового контракта) либо в отдельном документе установить наличие соглашения о применимом праве, как правило, для суда не составляет труда.

«Молчаливо выраженная воля сторон» ставит перед судьями сложную задачу по определению действительной воли сторон договора. При толковании в данном случае принципиальное значение имеет субъективный фактор, что приводит к широкому спектру возможностей проявления судейского усмотрения, непредсказуемости вывода судьи в отношении применимого права и неопределенности результата для сторон.

Такой путь определения применимого права в отсутствие законодательной конкретизации способа оформления, условий договора и обстоятельств, свидетельствующих о воли сторон в отношении выбора применимого права в норме части 2 статьи 1210 ГК РФ либо рекомендаций, выработанных правоприменительной практикой, представляет определенную сложность.

Чтобы избежать вышеназванные негативные для сторон договора ситуации полагаем целесообразным в качестве рекомендации при заключении внешнеторговых сделок в сфере энергетики соглашение о выборе подлежащего применению права выражать путем прямого указания на это в договоре.

ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ: РЕТРОСПЕКТИВА И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Валерия Андреевна Мишланова

*магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Российского университета дружбы народов,
магистрант школы права Сианьского транспортного
университета (Китай)
mishlanova.valeria@gmail.com*

В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу по созданию новой стратегии, впоследствии получившей название «Один пояс, один путь». Стратегия состоит из двух проектов: Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути, - и является своего рода новым шагом в деле реализации политики реформ и открытости в условиях становления новой экономики и способствует формированию новой архитектуры всесторонней открытости Китая¹. Основой двух вышеназванных проектов является экономическое сотрудничество, которое в том числе включает в себя гуманитарные обмены² и сотрудничество в сфере безопасности³. В 2015 г. на Боаоском азиатском форуме министр иностранных дел КНР назвал данную стратегию «фокусом» китайской внешней политики⁴.

Перспективность реализации стратегии обусловлена новыми тенденциями международных отношений:

---

¹ 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/15/c_118164235.htm

² “一带一路”研究若干观点要览. URL: http://theory.gmw.cn/2014-10/20/content_14313549.htm.

³ 三重内涵:注入中国和世界发展新动力 // JournalofKunmingUniversityof-ScienceandTechnology. 2014. № 10.

⁴ Евразийский союз. URL: <http://ruxpert.ru/ТС>.

1. развивающиеся страны становятся основными двигателями мировой экономики;
2. такие «двигатели» способствуют становлению новых мировых центров экономического развития;
3. активизируется региональное сотрудничество как отражение отхода от концепции однополярного мира.

Как отмечает большинство экспертов, новая стратегия является преемником идеи Великого шелкового пути, который являл собой эффективный экономический коридор⁵. Великий шелковый путь символизировал сотрудничество и обмен между Западом и Востоком, способствовал взаимопроникновению и взаимному обогащению культур, развитию торговли и ремесел. Важно отметить, что основная характеристика Великого шелкового пути - это не рациональные, а ценностные характеристики, что было положено в основу стратегии «Один пояс, один путь».

Изначально отсутствовала какая-либо нормативная база, по которой можно было бы выделить основные положения стратегии, в основном о ее содержательной стороне специалисты рассуждали, исходя из заявлений Си Цзиньпина в Казахстане и Индонезии. Сегодня же вокруг инициативы уже сложилась обширная система консультаций и сотрудничества. Самостоятельные планы разрабатываются также в отдельных китайских регионах⁶. Кроме того, если изначально стратегия являлась программой содействия социально-экономическому развитию в центрально-западной части Китая, то сегодня это программа построения межгосударственного механизма для усиления экономического сотрудничества.

Несмотря на оптимистичные оценки стратегии, приходится признать, что существуют некоторые препятствия для ее эффективного осуществления, такие как угроза экстремизма и терроризма, конфликты между отдельными странами по поводу использования водных ресурсов, возможность «цветных революций» в ряде государств. Кроме того, сдерживающим фактором выступают стратегии

---

⁵ 石焰. 建设“一带一路”, 打造繁荣的“命运共同体” // Education Journal for Senior Citizens. 2014. № 9. P. 24.

⁶ 袁新涛. “一带一路”建设的国家战略分析 // 理论月刊. 2014. № 11. P. 7.

евразийской интеграции, предложенные Россией, а также конкурирующие проекты «Новый шелковый путь», «Большая Центральная Азия», «Большой Ближний Восток», разработанные США (американские инициативы базируются на идее демократизации регионов, что по факту приводит к хаосу), и японская стратегия «дипломатия Шелкового пути»⁷. Также существенно замедляет реализацию стратегии борьба за ведущую роль в ее реализации между китайскими провинциями.

Первый официальный документ относительно инициативы был подготовлен только к марту 2015 г. Он получил название «Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» («Перспективы и действия») и был издан на английском, испанском, русском и французском языках, что свидетельствует о его ориентированности прежде всего на зарубежную аудиторию. В проекте обозначены три основных маршрута, по которым будет осуществляться программа Экономического пояса Шелкового пути:

1. Китай - Центральная Азия - Западная Азия - Персидский залив - Средиземное море;
2. Китай - Центральная Азия - Россия - Европа (Балтийское море);
3. Китай - Юго-Восточная Азия - Южная Азия - Индийский океан.

Программа Морского Шелкового пути XXI в. объединяет два маршрута:

1. Китай - Южно-Китайское море - Индийский океан - Европа;
2. Китай - Южно-Китайское море - южная акватория Тихого океана.

Все эти маршруты имеют свои особенности, при этом важно отметить, что они не сводятся только к транспортно-логистическому аспекту, но они объединены единой задачей по строитель-

---

⁷ 杨思灵.“一带一路”倡议下中国与沿线国家关系治理及挑战 // 南亚研究. 2015. № 2.

ству многослойной, всесторонней, комплексной сети взаимодействия, включающей торгово-экономические инструменты, финансовые механизмы и пр.

Исходя из анализа текста «Перспектив и действий», можно выделить следующие «связующие» элементы стратегии;

- осуществление бесперебойной торговли;
- укрепление близости и сотрудничества между народами;
- усиление взаимосвязи инфраструктуры;
- содействие свободному передвижению капитала;
- осуществление политической координации.

После опубликования «Перспектив и действий» дискуссия относительно проблем и перспектив реализации стратегии стала носить более конкретный характер. Как отмечают китайские эксперты, дальнейшее развитие проекта осуществляется не путем переговоров, а путем проведения консультаций, что является новой моделью развития сотрудничества⁸. При этом западные исследователи часто называют стратегию своего рода планом Китая по достижению глобальной гегемонии, что отрицается китайскими учеными, которые настаивают, что проект нацелен на совместное строительство и развитие⁹.

Важными институтами при реализации стратегии выступают Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути¹⁰. Задача АБИИ в рассматриваемом контексте - аккумуляция фондов для поддержки проектов международного экономического сотрудничества и проектов инфраструктурного строительства. Фонд Шелкового пути, в свою очередь, напрямую осуществляет финансирование проектов в рамках реализации стратегии с привлечением финансовых ресурсов КНР. Также к реализации

---

⁸ 张蕴岭. 如何认识“一带一路”的大战略设计// 世界知识. 2015, № 2. P. 28–31.

⁹ 金玲. “一带一路”:中国的马歇尔计划?// 中国国际问题研究院. 2015. № 1. P. 88–99.

¹⁰ 习近平主持召开中央财经领导小组第八次会议强调 加快推进丝绸之路经济带和二十一世纪海上丝绸之路建设 // 人民日报. 7.11.2014.

стратегии привлечены Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития и Всемирный банк. Реализации стратегии в том числе содействуют такие международные организации с участием Китая, как АСЕАН, АТЭС, Форум «Азия-Европа» и ШОС.

Важно отметить, что стратегия не является в полной мере интеграционным проектом. Главная цель стратегии - создать благоприятные условия для торговли Китая с другими государствами, чему подчинены следующие задачи:

- упростить визовые, таможенные и иные процедуры;
- создать диверсифицированную транспортно-логистическую инфраструктуру;
- увеличить объемы взаимной торговли в государствах-участниках стратегии;
- сделать юань региональной валютой для взаимной торговли в рамках реализации стратегии.

Немаловажным направлением стратегии, о котором часто не упоминают, является развитие Синьцзяна-Уйгурского автономного района Китая. Район занимает стратегическое положение на границе с центрально-азиатским регионом, все транспортные коммуникации в западном направлении проходят через территорию района. Таким образом, район должен в перспективе стать транспортно-логистическим и внешнеэкономическим центром Китая и всего центрально-азиатского региона.

Интересно рассмотреть, как сопрягаются программы других государств со стратегией «Один пояс, один путь». Максимальное совпадение можно проследить между стратегией и национальной программой Казахстана «Нурлы жол» в части финансирования и развития логистической и транспортной инфраструктуры на территории Казахстана. Для реализации обеих инициатив была сформулирована «дорожная карта» по расширению сотрудничества между Китаем и Казахстаном и создана рабочая группа по сопряжению инициатив по следующим направлениям:

1. развитие транспортного коридора, включающего автомобильное сообщение, железнодорожный транспорт, морской транспорт;
2. реализация совместных промышленных проектов;

3. осуществление сотрудничества в сфере наукоемких отраслей и секторов высоких технологий;

4. осуществление сотрудничества в сфере сельского хозяйства.

В 2015 г. было подписано заявление по сопряжению стратегии «Один пояс, один путь» и ЕАЭС. Этот шаг способствует, во-первых, укреплению сотрудничества Китая и России, и, во-вторых, помогает в решении некоторых насущных проблем, таких, например, как проблема качества российских дорог. В рамках сопряжения был подписан меморандум о строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Казань-Пекин. Также к 2019 г. будет построена автодорога «Китай-Западная Европа», проходящая по территории России, протяженностью 1965 км. Общая стоимость российского отрезка дороги составит примерно 6 млрд долларов США¹¹.

Министр иностранных дел С. Лавров в своем заявлении отметил, что сопряжение стратегии «Один пояс, один путь» коснется модернизации Транссибирской магистрали и байкало-амурской магистрали, по данным темам будет запущен соответствующих российско-китайский экспертный диалог.

Россия пытается сохранить традиционное влияние в центрально-азиатском регионе, поскольку:

1. политическая система большинства государств региона ближе к российской, таким образом, многие республики региона зачастую копируют различные элементы и институты законодательства Российской Федерации. По этой причине государства региона поддерживают проекты развития гуманитарных связей в Центральной Азии, предлагаемые Москвой¹².

2. В России и государствах центральноазиатского региона принят единый стандарт колеи железной дороги, равный 1520

---

¹¹ Зозуля В. Шелковый путь-поворот на Россию // Журнал Москва-Пекин, январь-февраль 2016 г. С. 12-13.

¹² Сафронова Е.И. Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов ШОС за пять лет ее существования // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—183.

мм, что шире, чем в других государствах, в том числе в Китае. Принятие стандарта было обусловлено соображениями военной безопасности, кроме того это обеспечивает устойчивость путевого полотна и позволяет повышать скорость движения поездов без проведения модернизации подвижного состава. Сегодня в рамках предлагаемых концепций для России это означает более простую перевозку тяжелых грузов в Центральной Азии без существенной задержки на перевалочных станциях.

3. Стратегические интересы Китая и России близки по вопросам безопасности, политического взаимодействия, направленного на ограничение влияния США в регионе, на поддержание региональной стабильности. Признание Пекином интересов России облегчает сотрудничество КНР и РФ в регионе.

В сотрудничестве Китай-Кыргызстан основными направлениями выступают водно-энергетические проекты, проекты по добыче минеральных ресурсов (уран, золото, редкоземельные металлы), строительство линий электропередач. Поскольку Кыргызстан является своего рода перевалочной базой китайской торговли в регионе Центральной Азии, Китай содействует развитию современной логистической и транспортной инфраструктуры на территории Кыргызстана (строительство ж/д магистрали Китай-Кыргызстан-Узбекистан и строительство кольцевой автодороги вокруг озера Иссык-Куль).

В сотрудничестве Китай-Таджикистан основной упор делается на транспортно-логистические проекты, строительство линий электропередач и гидроэлектростанций, а также на развитие горнодобывающего сектора.

В отношениях Китай-Туркменистан основным сектором сотрудничества является газовая сфера, а именно добыча, разведка, транспортировка газа в Китай.

Китай и Узбекистан осуществляют сотрудничество прежде всего в газовом секторе, а также по созданию новых высокотехнологичных производств на территории Узбекистана.

Сегодня по объемам капиталовложений в экономику Центральной Азии первое место в мире занимает Китай. Со всеми странами региона осуществляется инвестиционное сотрудничество. Ки-

тай использует ресурсный потенциал данного региона, таким образом решая задачу модернизации своей экономики и укрепляя свое политическое влияние в регионе.

Важным шагом для Китая в его инвестиционной политике является перенос производственных мощностей в страны региона. Так, только в Казахстан согласно подписанным контрактам будет перенесено несколько десятков предприятий.

В противовес стратегии «Один пояс, один путь» США выдвинули концепцию «Новый шелковый путь», связанную с концепцией «Большой Центральной Азии». Суть концепций сводится к развитию региона Центральной Азии без участия Ирана, Китая, Пакистана и России.

«Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии» является региональным форумом, содействующим превращению региона в зону государств с открытыми светскими системами государственного управления и рыночной экономикой¹³. Участие в реализации концепций Пентагона наводит на мысли о том, что для Америки регион интересен преимущественно с позиций военно-стратегических аспектов.

Еще одна концепция, разрабатываемая американцами - «Большой Ближний Восток», включающий регионы Кавказа, Ближнего и Среднего Востока и прикаспийские государства. Цель данной концепции - создание коммуникационных коридоров для ослабления ориентации государств региона на Москву и Пекин¹⁴. Эта идея раскрывается в труде «Стратегия Шелкового пути: XXI век»¹⁵. Сегодня идея создания американского «Нового шелкового пути» несколько смягчена, Россия и Китай не исключены из нее полностью, но основной акцент по-прежнему делается на Южную и Юго-Восточную Азию. Таким образом, планы США в отношении

---

¹³ Starr F. S. A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. July/August. URL: http://www.cfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html.

¹⁴ Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века.— М. : ИДВ РАН, 2016. —376 с.

¹⁵ Яту Чун. Китай и ТРП // Китай. № 11. 2015. С 28.

региона Центральной Азии включают идеологическое, экономическое, военно-политическое и культурно-гуманитарное влияние и вытеснение влияния Китая и России.

США не отрицают снижение уровня сотрудничества с Китаем, чему способствует целый ряд факторов: вопросы относительно Тибета и Тайваня, рост военной мощи КНР, споры относительно прав человека, создание системы ПРО в Тихом океане, дисбаланс в торговле, милитаризация Японии и т.д.¹⁶ Сегодня политику США в регионе можно свести к четырем ключевым моментам:

1. формирование «Большой Центральной Азии» и вовлечение стран региона Центральной Азии в сферу своего влияния;
2. сохранение военного присутствия США в ИРА для оказания влияния на Китай и Иран и решении проблем Афганистана и Пакистана;
3. формирование курса США в регионе проходит в условиях ограничения ассигнований на оборону;
4. Центральная Азия в последнее время не занимает центральное место в повестке дня США из-за ряда разразившихся кризисов в других регионах мира¹⁷.

Еще одним препятствием на пути реализации стратегии «Один пояс, один путь» является несогласованность со стратегиями ЕАЭС, поэтому требуется проработка параметров состыковки всех евразийских стратегий экономического взаимодействия и создание правовой базы сотрудничества.

Наибольшие проблемы при реализации стратегии - у России, также связанные с напряженностью отношений между Россией и США, конфликтами с Украиной, Турцией и Молдавией. Кроме того, существуют альтернативные маршруты, идущие в обход России, например, через Турцию и Кавказ, через прибалтийские страны, Белоруссию.

Снижение экономических показателей России, реструктуризация зарубежных кредитов ставят под вопрос, достаточно ли

---

¹⁶ Морозов Ю.В. Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21. С. 34-45.

¹⁷ Румер Е., Сокольский Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии 3.0. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160321/235793015.html>.

средств для реализации проектов евразийской интеграции.

Площадкой, способствующей реализации стратегии, может стать Шанхайская организация сотрудничества. Совмещение механизмов ШОС и стратегии «Один пояс, один путь» позволит использовать китайские ресурсы для развития региона Центральной Азии и России. ШОС - это естественная площадка для проведения консультаций и переговоров. Кроме того, все члены и наблюдатели ШОС являются также участниками стратегии.

Кроме того, в рамках рассматриваемого вопроса в 2014 г. в Душанбе было подписано «Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок», которое вписывается в стратегию «Один пояс, один путь»¹⁸.

Ряд китайских специалистов также придерживается мнения, что реализация стратегии способна наполнить механизмы региональной кооперации, в том числе ШОС, «новым содержанием и придать им дополнительный импульс».

С начала реализации стратегии уже были достигнуты следующие результаты:

- в реализации инициативы приняли участие более 100 государств и международных организаций;
- начали работу в рамках стратегии АБИИ и Фонд Шелкового пути;
- началось строительство железнодорожной магистрали Джакарта-Бандунг и железной дороги Венгрия-Сербия, а также ряда скоростных магистралей;
- были учреждены многосторонние фонды на сумму 100 млрд долларов США;
- подписаны соглашения о сотрудничестве с более чем 20 государствами;
- удалось объединить 10 городов в Китае и 7 стран сервисом грузовых железнодорожных перевозок по маршруту Китай-Европа;
- было создано 52 зоны экономического сотрудничества в государствах-участниках стратегии, что позволило создать 70 тыс.

---

¹⁸ Комментарий: появляется новый шанс для развития ШОС. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0915/c95181-8782546.html>.

новых рабочих мест;

- была учреждена стипендия Шелкового пути;

- был проведен ряд фестивалей и культурных мероприятий в поддержку стратегии;

- Великий шелковый путь был включен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, аналогичную заявку Китай подал в отношении Морского Шелкового пути.

В заключение можно сделать краткие выводы о стратегии «Один пояс, один путь»:

- это программа нацелена на развитие экономики, на ускорение модернизации и реструктуризации, на углубление гуманитарного и культурного обмена между государствами, на улучшение благосостояния народа и региональную интеграцию;

- это программа многостороннего сотрудничества, а не организация, не интеграционная структура. Основной функцией программы является формирование новых способов экономического сотрудничества¹⁹;

- стратегия нацелена на долгосрочную перспективу. Она требует проведения последовательной работы по принципу «начинать с легких вопросов и постепенно переходить к трудным»²⁰.

«Один пояс и один путь» – это путь взаимного уважения и взаимного доверия, путь сотрудничества и общего выигрыша, путь междивизиационного взаимозаимствования. Если только все государства, расположенные вдоль этого пути, единодушно сотрудничают и идут навстречу друг другу, то качественно новая страница будет вписана в историю экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, а его результаты станут общим благом народов стран вдоль «Одного пояса и одного пути»²¹.

---

¹⁹ Сунь Чжуанчжи. Возрождение Шелкового пути – новая конфигурация геоэкономической карты Евразийского континента. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=12287>.

²⁰ Юй Чжочао. Проект 21 века - экономический пояс Шёлкового пути. URL: <https://cont.ws/@olegaaa/137379>.

²¹ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>.

ПРЕДПОСЫЛКИ УСИЛЕНИЯ РОЛИ НОТАРИАТА ГЕРМАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Игорь Анатолиевич Остапенко

*аспирант кафедры гражданского и международного
частного права (базовой кафедры ЮИЦ РАН) Волгоградского
государственного университета*

Социально-правовая причина возникновения и существования до настоящего времени Нотариата кроется в его способности быть стабилизатором как экономических, так и различных гражданско-правовых отношений.

Впервые появление в Германии нотариусов итальянского типа отмечается в XIV в., они выступали в роли официальных писцов при различных присутственных местах. Сама должность нотариуса была введена до этого Карлом Великим еще в IX веке¹. Это были писцы при аббатах, епископах и графах. Первоначально их назначение осуществлял папа или Император.

Проводя ретроспективный анализ исторического отрезка с IX по XV в можно отметить, довольно низкую роль нотариуса в германских землях того периода. Он воспринимался лишь только с позиции писаря, способного только к фиксации ряда правовых отношений, без возложения на него каких либо классических нотариальных функций.

Указанному обстоятельству способствовал ряд существовавших факторов: национальное воззрение на тот период германского народа на порядок совершения частных юридических сделок, где нотариусу, не отводилось какого либо значения, исторически уже сложившиеся сосредоточение нотариальной функции в руках духо-

---

¹ Пиепу Ж.-Ф., Ягр Ж. Профессиональное нотариальное право / Пер. с фр. И.Г. Медведева. 4-е изд. М., 2001. С. 38.

венства, а не светских лиц. Кроме этого развитие и значение нотариата тормозило и появление так называемого права печати² у ряда представителей дворянства³, которое повлекло передачу нотариальных действий различным должностным лицам, в том числе и представителям духовенства, сделало существование самостоятельного института нотариата, по сути, излишним.

Вскоре в Германии начала ощущаться настоятельная потребность в более четкой и подробной регламентации нотариального дела, причиной тому послужил ряд политико-правовых потребностей.

После того как право назначение нотариусов закрепилось за императором германские нотариусы могли селиться и осуществлять свою деятельность в любой области германской империи. Позднее император делегировал право назначать нотариусов пфальцграфам⁴, которые со временем стали неограниченно пользоваться этим: назначение нотариусов превратилось фактически в продажу должности⁵.

Из-за отсутствия должного правового регулирования и контроля нотариусами все чаще назначались лица, которые не располагали необходимым образованием и практическими навыками⁶. От-

---

² Право «печати» заключалось в том, что феодалы скрепляли печатью те или иные документы, что придавало последним абсолютное доказательственное значение и подавляло развитие института нотариата.

³ О нотариате Германии и Франции см. подробнее: Ляпидевский Н. История нотариата, М., 1857. С. 226-250.

⁴ Пфальцграфы (лат. Comes palatinus) – в Священной Римской империи являлись императорскими чиновниками, осуществлявшими отдельные права императоров по особым поручениям, или действуя по собственному усмотрению. В XII веке должность стала наследственной, а пфальцграфы превратились во владетельных князей, вассалов императора Священной Римской империи.

⁵ Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. 1 Band. 1 Aufl. Leipzig, 1912. S. 634.

⁶ Цит. по: Katharina von Ciriacy-Wantrup. Familien- und erbrechtliche Gestaltungen von Unternehmen der Renaissance. Berlin, 2007. S. 57.

сутствие контроля со стороны нотариальных корпораций, избыточное число нотариусов⁷ и их недостаточная квалификация привели к полному расстройству нотариальной сферы.

В то же время параллельно в Германии начался процесс экономического и хозяйственного подъема, что привело к увеличению количества и видов заключаемых гражданских договоров, в связи с чем возникла и потребность в грамотном юридическом сопровождении заключаемых сделок.

Наличие указанных противоречий и вызвало потребность в реформировании и развитии нотариата на новом более высоком уровне.

При указанных обстоятельствах для нормализации ситуации в нотариальной сфере на рейхстаге в Кельне 18 октября 1512г. император Максимилианом I принял Имперское Положение о нотариате (Reichsnotariatsordnung). Это был первый кодифицированный акт, регулировавший осуществление нотариальной деятельности на всей территории империи.

Впервые в Германии в статье 15 RNO нотариус определялся как «служителя общему благу, который выполнял необходимую и полезную службу»⁸.

В данном нормативном акте был закреплен сам смысл деятельности нотариуса, который заключался в составлении общественного документа определенной формы. Нотариус становится гарантом заключаемой сторонами сделки. Рабочими языками положения стали латинский и немецкий язык.

В основу Положения были положены принципы итальянского публичного нотариата, но с учетом сложившихся в Германии обычаях нотариальной практики и не содержало каких-либо радикальных новшеств,⁹ но в то же время указанный акт знаменовал собой новый этап в развитии нотариального дела в Германии.

---

⁷ Neschwara C. Geschichte des osterreichischen Notariats. Wien, 1996. S. 230.

⁸ Reichsnotariatsordnung 28.08.1512 // Schubert W. Geschichte des notariats und notariatsrechts in Deutschland. Baden-Baden, 2009. S. 205.

⁹ См. подробнее: Мизенцев Е.Н. История нотариата в Германии // Нотариальный вестник. - 2011г. - № 8. С. 51-63. См. также: И.А. Остапенко. Нотариат в гражданском обороте: в России и за рубежом: монография / Под ред. А.О. Иншаковой. – М.: Юрлитинформ, 2017. С. 14.

С образованием Северо-Германского Союза (1869г.) и основания Германской Империи (1871г.) появляется единое законодательство, что повлекло за собой вопрос о реорганизации германского нотариата и создании единого нотариального устава. Отчасти это было решено Законом от 17 мая 1898 г. о бесспорной юрисдикции и Законом от 21 сентября 1899г., объединившего нотариальные учреждения всей Пруссии в один институт, осуществлявший деятельность на основании единых норм.

А.Г. Гасман исследуя развитие немецкого нотариата, того времени делает вывод том, что германские законодательные акты о нотариате «во многих отношениях заимствовали те основные принципы, на которых покоится институт французского нотариата уже почти в течение целого столетия и резко отличаются от последнего... отсутствием резкой границы между спорной и бесспорной юрисдикцией, последствием чего является подчинение нотариусов надзору судебных мест и предоставление последним некоторых нотариальных функций, принадлежащих по французскому праву исключительно одним нотариусам¹⁰.

Историческая особенность германии в виде ее обособленных земель привела к тому, что в XIX веке сложились три разных модели нотариата.

Французская модель, где нотариус был независимым, прусская, где юстиц-комиссар находился на государственной службе и был и адвокатом нотариусом и государственная, где нотариальные функции осуществлялись судебными чиновниками¹¹.

В 1933 году к власти пришли национал- социалисты, которые одним из правовых направлений в своей деятельности проводили унификацию существующей нотариальной системы. В основу осуществляемого процесса унификации был положен принцип фюрерства как модель выстраивания системы нотариальных органов. В результате чего нотариусы были лишены властных полномочий, а

---

¹⁰ Гасман А.Г. С. Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части. В 2 ч. СПб., 1904. Ч. 1. Исторический очерк нотариата. С.- XXVI.

¹¹ Пожарская Ю.В. Понятие нотариата и оценка его роли в германской правовой системе // Право и государство: теория и практика. 2012. - № 9. С. 33 - 34.

институт нотариата представлялся в качестве государственного органа, подчинявшегося исключительно государству и государственным интересам¹².

Впоследствии в Имперском положении о нотариате 1937 г. нотариус был определен как правозащитник в сфере профилактического судопроизводства.

Легальное закрепление термина «нотариат» в Германии произошло в 1952 году. В Постановлении об организации и деятельности государственного нотариата ГДР. В данном акте нотариат определялся как орган, осуществляющий правосудие, оформляющий гражданские правоотношения, придавая им законность на всей территории государства, укрепляя демократические принципы¹³.

В 1961 г. в ФРГ было принято Федеральное положение о нотариате, которое в части действует по настоящее время, где нотариат определили как «публичную должность для засвидетельствования юридически значимых актов и иных задач в области предварительного правосудия»¹⁴.

В последующем принимались различные нормативно-правовые акты которые вносили изменения или дополняли указанное положение в духе актуальности того времени (Закон «Об установлении обязательной формы документации» 1969г., закон ГДР «О нотариате» 1976г., Положение «О частнопрактикующих нотариусах» 1990 г., Закон «Об адвокатуре» 1990г. и др.)¹⁵. Так указанные нор-

---

¹² См. подробнее: Пожарская Ю.В. Понятие и роль нотариата в российской и германской правовых системах // Современный юрист. 2013. - № 2 (3). С. 36 - 43.

¹³ Das Gesetz «die staatliche notare DDR». Gesetzblatt teil I Nr. 105. Berlin. Ausgabetag: 24. November 1956. S. 1288.

¹⁴ Bundesnotarordnung (BNotO)// Bundesnotarkammer. URL: <http://bnotk.de/Notar/Berufsrecht/BNotO/index.php>. (дата обращения 01.02.2017 г.) См. также: Федеральное Положение о нотариате Германии от 24 февраля 1961 года [Электронный ресурс]: URL: notiss.ru/usrimg/gervany_notary.pdf (дата обращения 01.02.2017 г.).

¹⁵ См. подробнее: В. Райман. Устройство немецкого нотариата // «Нотариальный вестник» - 2004. - № 8. С. 50.; Пожарская Ю. В. Процесс развития нотариального законодательства России и Германии в XX веке // Ученые записки РГСУ -- 2011 - №5 (93). С. 146-151.

мативные акты актуализировали компетенцию нотариуса в нотариальном обеспечении гражданского оборота посредством детального закрепления функций нотариата по удостоверению и выдаче свидетельств (по гражданским договорам, брачным договорам, наследованию, внесению в торговый реестр юридических лиц и др.), исполнением документов, предоставлении консультаций и т.д.

В настоящее время нотариат Германии является членом Международного Союза Нотариата, а германские нотариусы осуществляют свою компетенцию, как на национальном уровне, так и в международном гражданском обороте в частноправовых отношениях осложненных иностранным элементом.

В целом характеризуя исторические предпосылки и процесс правового развития нотариата в Германии в части осуществления международного гражданского оборота можно выделить некоторые значимые факторы:

- локализацией наиболее активных процессов становления нотариата в Европе стали территории Италии, в более поздний период - Германия;

- на основе проведенного темпорального анализа развития нотариата Германии, можно утверждать, что неотъемлемой характеристикой нотариальной деятельности является реализуемая в ходе ее осуществления правоохранительная функция, активно проявляющая себя, в стабилизации гражданского оборота посредством досудебного разрешения конфликтных ситуаций и споров, охраны целого комплекса различных имущественных прав и интересов, оказание юридической помощи в составлении и разъяснении гражданско-правовых сделок и их правовых последствий, обеспечение доказательств и т.д.

- важнейшими предпосылками увеличения количества нотариусов в Германии и возрастания роли нотариата как органа призванного защищать интересы сторон и влиять на стабилизацию гражданских отношений являются такие социально-экономические факторы как: усложняющиеся общественные отношения и хозяйственные связи, увеличение количества сделок, в частности связанных с недвижимостью, а также защитой права собственности;

- помимо выше указанных социально – экономических факторов, обусловленностью прогресса либо регресса нотариата Германии являлись и проводимые политико-правовые преобразования

государственных деятелей, религиозные аспекты, осуществление военных действий, уровень реципировности римского права и др.;

- уровень развития нотариата в Германии и его востребованность обществом являлась своеобразным зеркальным отражением уровня развития самого общества и его правовых потребностей, в связи, с чем нотариат всегда выполняет для своего времени актуальные правовые функции, на каждом этапе развития общества и государства.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Владислав Александрович Пашенцев

*курсант международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
pashentsev-vlad@mail.ru*

Россия – суверенное государство, являющееся полноправным субъектом международного права, а, следовательно, и международных отношений. Само понятие «международные отношения» весьма многозначное, которое включает в себя огромный спектр вопросов и сфер взаимодействия и сотрудничества. Поэтому вполне логично, что субъекты международного права заинтересованы в установлении доверительных партнерских отношений, способствующих взаимному прогрессу и ведению единого внешнеполитического диалога.

Для Российской Федерации таковым партнером выступает Европейский Союз (далее – ЕС, Евросоюз), являющийся, по мнению одних исследователей, международной межправительственной организацией, а, по мнению других – наднациональным образованием, схожим по своим признакам с государством (свободное экономическое пространство, открытость границ, единая валюта, органы власти и пр.)¹.

Весьма занимателен тот факт, что современная суверенная Российская Федерация и ЕС являются своего рода «ровесниками», ведущими свою историю с начала 90-х годов XX в. (для РФ отправной точкой развития стал распад СССР в 1991 г., для Евросоюза – подписание Маастрихтского договора в 1992 г.). В этой связи

---

¹ Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012.

можно утверждать о возникновении общей идеи создания двустороннего международного договора, закрепившего бы правовые основы сотрудничества и способствовавшего взаимному прогрессу и росту в различных сферах жизнедеятельности Российской Федерации, с одной стороны, и ЕС – с другой.

Таковым явилось подписанное в 1994 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (далее – СПС), закрепившее взаимодействие между Россией и ЕС в рамках т.н. «общих пространств – дорожных карт». Соглашение состоит из преамбулы, 112 статей, десяти приложений, двух протоколов, нескольких совместных и односторонних заявлений и переписки². Таким образом, партнерство и сотрудничество между РФ и ЕС оформилось в следующих сферах:

- экономика³;
- внутренняя безопасность и правосудие⁴;
- внешняя безопасность⁵;

---

² Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией 1994 г. // Московская Государственная Юридическая Академия. Кафедра права Европейского Союза, Центр права Европейского Союза. URL: http://eu-law.edu.ru/documents/legislation/eea/pca_russia.htm. (дата обращения 18.04.2017).

³ «Дорожная карта» по общему экономическому пространству 2005 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе. URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/road_map_on_the_common_economic_space_2005_russian.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

⁴ «Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия 2005 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе. URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_freedom_security_and_justice_2005_russian.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

⁵ «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности 2005 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе. URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_security_2005_russian.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

- наука и культура⁶.

К сожалению, на всем протяжении сотрудничества России и Евросоюза в рамках СПС наблюдалась большая проблема практической реализации закрепленных положений, исключение составило лишь взаимодействие в экономической сфере. Аналитики утверждали, что партнерские отношения в данной области действительно способствовали росту микро- и макроэкономических показателей России, росту ВВП и общему уровню жизненного благосостояния населения⁷. Проблемы в реализации СПС были, есть и остаются связанными, главным образом, с политическими причинами. Это касается несанкционированного, по мнению ряда представителей ЕС, вмешательства России в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию других государств (приднестровский конфликт, грузино-абхазский конфликт, южноосетинский конфликт, присоединение Крымского полуострова в состав РФ, конфликт в Донбассе, участие ВКС России в борьбе с терроризмом в Сирии и пр.).

Осуждение гуманитарных и иных правомерных инициатив России по отношению к другим государствам привело к отложению сотрудничества в рамках СПС на второй план и к «застою» в отношениях. В.В. Путин не раз отмечал, что Россия всегда готова к диалогу с государствами-членами ЕС, уважая и не подвергая сомнению их суверенитет, политические амбиции и территориальную целостность, но необходимо считаться и с ее национальными интересами, которые в настоящее время всячески умаляются или вообще игнорируются.

Отдельным остается вопрос о введении руководством ЕС в отношении России экономических санкций в связи с конфликтом в Донбассе и присоединением Крымского полуострова в состав РФ,

---

⁶ «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты 2005 г. // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе. URL: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_research_and_education_2005_russian.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

⁷ Торговля России с ЕС // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе. URL: <http://www.russianmission.eu/ru/torgovlya> (дата обращения: 17.04.2017).

сравнением этих действий с экспансией и даже агрессией. Как показало время, эти самые санкции не оправдали себя, Российская Федерация не изменила свой внешнеполитический курс, экономики стран-участниц Евросоюза терпят непоправимые убытки от введения подобных мер, а экономика России, наоборот, сплотилась и стала более устойчивой к воздействию внешнеэкономических факторов. Следовательно, сложившаяся ситуация во взаимоотношениях России и ЕС, очевидно, требует отмены введенных санкций, невыгодных, в первую очередь, для стран-участниц Евросоюза. Об этом говорили и продолжают говорить политики Греции, Италии, Франции и др.

Касательно последующих перспектив сотрудничества Российской Федерации с Европейским Союзом следует уяснить, что оно станет возможным лишь в случае переориентации политических взглядов руководства Евросоюза в отношении нашей страны, понимания нецелесообразности применения экономических санкций и их дальнейшей отмены. К сожалению, правда и истина для каждого свои. Убеждения нередко противоречат здравому смыслу. Неисключение в данном смысле политическая жизнь и международные отношения. В этом и состоит главная сложность построения диалога.

На данный момент сотрудничество между Россией и ЕС является необходимым. Это связано, главным образом, с наличием как внешних, так и внутренних угроз в виде продолжающегося совершения преступлений международного характера (транснациональная организованная преступность; киберпреступность; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; отмывание денег-легализация доходов, полученных преступным путем; торговля людьми; незаконная миграция; терроризм и др.). Действительно, подобного рода сотрудничество позволит реализовать такие направления «общих пространств», как вопросы внешней, внутренней безопасности и правосудия.

Европейский Союз и Россия обладают огромным научно-технологическим потенциалом, а также способами и методами борьбы с международной преступностью. В структуре НЦБ Интерпола МВД России в 2004 г. создан и функционирует Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолом, полицейским агентством Евросоюза, которому были поставлены задачи

по обеспечению обмена информацией между компетентными органами Российской Федерации (МВД, ФСБ, ФТС, Росфинмониторинг) и Европолем об актуальном состоянии преступности и выработке мер, направленных на усовершенствование механизма сотрудничества в этой сфере⁸.

Таким образом, правовое регулирование взаимоотношений между Российской Федерацией и Европейским Союзом находится в неоднозначном состоянии, обусловленное, главным образом, политической конъюнктурой. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. не оправдало возложенных надежд, позволив реализовать лишь экономическое направление сотрудничества, оставив три оставшихся практически без внимания. От внешнеполитического курса и самого дальнейшего существования ЕС как международной организации (ввиду проведенного Brexit Великобритании) будет зависеть перспективность сотрудничества и партнерства между Российской Федерацией и Европейским Союзом.

---

⁸ Взаимодействие с Европолем // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Vzaimodejstvie_s_Evropolom. (дата обращения: 18.04.2017).

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ВО ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Елена Владимировна Постникова

*к.ю.н., доцент кафедры международного публичного и
частного права Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
epostnikova@hse.ru*

Европейский Союз (далее ЕС) включает не только единый рынок товаров и услуг, но и разделяет ценности, закрепленные в учредительных договорах ЕС и Хартии ЕС об основных правах. В доктрине неоднократно поднимался вопрос о соотношении принципа уважения прав человека и реализации экономических свобод внутреннего рынка ЕС. Возможно, лучше говорить скорее о влиянии данного общепризнанного принципа международного права на реализацию свобод внутреннего рынка, которое может быть, как негативным, так и позитивным¹. Негативный аспект взаимодействия имеет место, когда защита прав человека является основанием для ограничения экономических свобод внутреннего рынка, которые могут рассматриваться как обоснованные и соответствующие праву ЕС, так и противоречащие ему. А позитивный аспект заключается в том, что соблюдение прав человека способствует повышению эффективности функционирования внутреннего рынка, то есть фактически выступает средством достижения данной цели.

---

¹ См.: Постникова Е. В. Соотношение принципа защиты прав человека и основных свобод и экономических свобод внутреннего рынка Европейского Союза // В кн.: Актуальные проблемы современного международного права : материалы XIV ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко / Отв. ред.: А. Абашидзе. Ч. 1. М. : Издательство РУДН, 2016. С. 457-466.
Постникова Е. В. Влияние основных прав человека на реализацию свобод внутреннего рынка Европейского Союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 167-183.

В данной статье рассмотрим именно этот аспект на примере влияния соблюдения права на защиту персональных данных на эффективность функционирования экономических свобод внутреннего рынка ЕС.

Двумя из десяти приоритетных направлений деятельности Европейской Комиссии, провозглашенных ее председателем Жан-Клодом Юнкером в 2014 году как раз и выступают более углубленный и равноправный (справедливый) единый внутренний рынок и обеспечение пространства правосудия и основных прав человека, основанных на взаимном доверии².

Внутренний рынок, являясь центром европейской интеграции, представляет собой одно из основных достижений ЕС и, как подчеркнул Ж.-К. Юнкер, одним из главных активов во времена усиливающейся глобализации³. Внутренний рынок позволяет гражданам ЕС путешествовать, жить, работать и получать образование в любом государстве-члене ЕС, где они только пожелают. Внутренний рынок по итогам более чем 20-летнего существования характеризуется более простым доступом потребителей к многочисленным товарам и услугам с более низкими ценами, для предприятий преимуществами от рынка сбыта и поддержкой ЕС конкуренции, высоким требованиям к безопасности и защите окружающей среды. Реализация экономических свобод внутреннего рынка способствует появлению новых возможностей для граждан, работников, предпринимателей, предприятий и потребителей, например, благодаря открытию новых рабочих мест и экономическому росту в целом.

---

² Jean-Claude Juncker. A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change Political Guidelines for the next European Commission Opening Statement in the European Parliament Plenary Session. Strasbourg, 15 July 2014. URL: <https://www.theparliamentmagazine.eu/white-paper/jean-claude-juncker-my-agenda-jobs-growth-fairness-and-democratic-change> (дата обращения: 16.04.2017).

³ См., в том числе: Jean-Claude Juncker. A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change Political Guidelines for the next European Commission Opening Statement in the European Parliament Plenary Session. Strasbourg, 15 July 2014. URL: <https://www.theparliamentmagazine.eu/whitepaper/jean-claude-juncker-my-agenda-jobs-growth-fairness-and-democratic-change> (дата обращения: 16.04.2017).

Однако на данный момент потенциал внутреннего рынка не используется в полной мере по причине или простого незнания права ЕС, или его неприменения или ненадлежащего применения государствами-членами, а также еще остается слишком много как существенных экономических, так и правовых и иных препятствий. К тому же, правовое регулирование внутреннего рынка должно приводиться в соответствие с реалиями сегодняшнего дня как то различные инновационные идеи и новые организационные формы предприятий⁴. Повышение эффективности внутреннего рынка возможно посредством устранения все еще оставшихся правовых и неправовых препятствий, например, на пути реализации свободы движения товаров и предоставления услуг⁵. Последнее, в том числе, было провозглашено в качестве приоритетного направления в Ежегодном обзоре роста за 2014 год⁶. Также опираясь на преимущества внутреннего рынка, достигнутые за последние годы, Комиссия приняла целый комплекс мер, чтобы создать новые перспективы для потребителей и предприятий. В частности, Комиссия в

---

⁴ См., например, *Un marché approfondi et plus équitable: la Commission multiplie les opportunités pour les citoyens et les entreprises*. Commission européenne. Bruxelles, le 28 octobre 2015 URL : http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5909_fr.htm (дата обращения: 21.04.2017).

⁵ Комиссия надеется, что надлежащая имплементация Директивы об услугах на внутреннем рынке 2006/123 принесет еще 1,8 % ВВП. См., в том числе: *A Single Market Strategy for Europe - Analysis and Evidence Accompanying the document Upgrading the Single Market: more opportunities for people and business*. Commission staff working document. Brussels, 28.10.2015. COM(2015) 550 final, SWD(2015) 202 final URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52015SC0202>http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecp_456_en.pdf (дата обращения: 21.04.2017).

⁶ *Annual Growth Survey 2015*. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Central Bank, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank. Brussels, 28.11.2014. COM(2014) 902. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/2015/ags2015_en.pdf (дата обращения: 21.04.2017).

2015 году разработала Стратегию для внутреннего рынка⁷, в которой планируются принять меры для стимулирования экономического роста и увеличению рабочих мест, а также для углубления сотрудничества в рамках внутреннего рынка и повышения его справедливости. Комиссия предлагает принять три следующие группы мер: меры, направленные на создание возможностей для потребителей, специалистов и предпринимателей при помощи сбалансированного развития экономики совместного потребления⁸, создания «паспорта услуг» для компаний, изменения правового регулирования профессий; меры, содействующие модернизации и инновациям посредством более прозрачных и эффективных государственных закупок, усовершенствования правового регулирования интеллектуальной собственности, модернизации системы стандартизации; меры, обеспечивающие доставку товаров на практике, которой обычно пользуются потребители и предприниматели, благодаря новому подходу Директивы об услугах на внутреннем рынке.

И как раз совместное использование персональных данных часто выступает наравне с товарами и услугами в качестве составляющей экономики совместного потребления, которая в свою очередь служит одним из инструментов достижения целей, обозначенных Комиссией в Стратегии для единого рынка 2015 года. Защита персональных данных поставщиков и потребителей имеет большое значение для обеспечения и поддержания доверия различных действующих на рынке субъектов. Таким образом, исходя из анализа Стратегии одним из инструментов повышения эффективности единого внутреннего рынка выступает защита персональных данных, которая в свою очередь является

---

⁷ A Single Market Strategy for Europe - Analysis and Evidence Accompanying the document Upgrading the Single Market: more opportunities for people and business. Commission staff working document. Brussels, 28.10.2015. COM(2015) 550 final, SWD(2015) 202 final URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52015SC0202>http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/economic_paper/2012/pdf/ecp_456_en.pdf (дата обращения: 21.04.2017).

⁸ «collaborative economy» или «collaborative consumption», «the sharing economy», «peer (P2P) economy», «the access economy» (англ. яз.).

неотъемлемой частью пространства правосудия и основных прав человека (в формулировке названия одного из приоритетных направлений деятельности Комиссии ЕС).

Право на защиту данных личного характера гарантировано ст. 8 Хартии ЕС об основных правах, которое в свою очередь основывается на праве каждого на уважение частной и семейной жизни, его жилища и корреспонденции, закрепленное в ст. 7 этой же Хартии. В Договоре о функционировании Европейского Союза⁹ (далее ДФЕС) также предусмотрено это право в ст. 16 (бывшая 286). Данные нормы направлены на защиту права индивида самостоятельно принимать решение об использовании его персональных данных, что чрезвычайно важно особенно в свете огромных объемов собранных, использованных и передаваемых персональных данных в эру цифровых технологий. Но также очень важно отметить, что согласно п.3 ст. 52 Хартии Союз не вправе дополнительно ограничивать право на уважение частной и семейной жизни по сравнению с теми ограничениями, которые допускаются п.2 ст. 8 ЕКПЧ.

Суд ЕС подчеркивает в своих решениях необходимость защиты, а также соблюдение баланса основных прав человека в эпоху цифровых технологий. В отчетах Комиссии по применению Хартии ЕС об основных правах за 2014 и 2015 годы¹⁰, в том числе, приводится суть дел и решения Суда ЕС по вопросам защиты персональных данных. Например, решения по делам: C-293/12 and C-594/12

---

⁹ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal C 115, 09.5.2008.

¹⁰ 2014 report on the application of the EU Charter of Fundamental Rights. European Commission. URL: http://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/2014_annual_charter_report_en.pdf (дата обращения: 21.04.2017). 2015 report on the application of the EU Charter of Fundamental Rights European Commission. URL: http://ec.europa.eu/justice/fundamental-rights/files/2015_charter_report_full_version_en.pdf (дата обращения: 21.04.2017)

Digital Rights Ireland and Kärntner Landesregierung; C-131/12 Google Spain and Google¹¹, C-362/14 Max Schrems¹², C-230/14 Weltimmo¹³.

Согласно Отчетам Комиссии о ее деятельности за 2015 и 2016 годы ЕС продолжал развивать свои политики в сферах правосудия, основных прав человека и гражданства, которые опираются на основные ценности как то демократия, свобода, терпимость и правовое государство¹⁴. Деятельность Комиссии была, в том числе, направлена на улучшение защиты основных прав человека в сферах защиты данных, передачи информации личного характера и прав потребителей. В частности, Комиссия выполнила свои обязательства провести реформу по защите данных в ЕС, направленную на повышение обеспечения права граждан на защиту персональных данных, являющего одним из основных прав ЕС.

Реформа была предложена Комиссией в 2012 году и включает два основных инструмента: общий регламент, касающийся защиты данных и директива относительно защиты данных, предназначенных для полицейских властей и органов уголовного правосудия.

---

¹¹ Cases C-293/12 and C-594/12 Digital Rights Ireland and Kärntner Landesregierung // OJ C 175, 10.6.2014, p. 6–7.

¹² CJEU, judgment of 6 October 2015 in Case C-362/14 Maximilian Schrems v Data Protection Commission.

¹³ CJEU judgment of 1 October 2015 in Case C-230/14, Weltimmo.

¹⁴ L'UE en 2015 — Rapport général sur l'activité de l'Union européenne. Commission européenne. Direction générale de la communication. Information des citoyens /1049 Bruxelles, BELGIQUE. URL : <http://publications.europa.eu/fr/web/general-report> (дата обращения: 16.04.2017). L'UE en 2016 — Rapport général sur l'activité de l'Union européenne. Commission européenne. Direction générale de la communication. Information des citoyens /1049 Bruxelles, BELGIQUE. URL: https://europa.eu/european-union/documents-publications/reports-booklets-general-report_fr (дата обращения: 16.04.2017).

Данная реформа является неотъемлемым элементом единого цифрового (электронного) рынка¹⁵ и европейской программы по вопросам безопасности¹⁶. В свою очередь реформирование единого цифрового рынка направлено на устранение национальных барьеров в сфере телекоммуникаций, авторских прав и защиты данных, которые препятствуют гражданам ЕС пользоваться определенными товарами и услугами, а также компаниям и начинающим предпринимателям в секторе интернета пользоваться всеми преимуществами развития цифрового рынка. В 2015 году работа над реформированием правового регулирования в данной сфере была интенсифицирована и на конец года по итогам переговоров было достигнуто согласие Комиссии с Парламентом и Советом в отношении целостности реформы.

В апреле 2016 года тексты данных документов были приняты Парламентом и Советом и вступят в силу в 2018 году.¹⁷ Регламент и Директива заменят действующие сейчас Директиву 95/46 о защите лиц при обработке и свободном обращении данных личного

---

¹⁵ См.: Network and Information Security Directive: co-legislators agree on the first EU-wide legislation on cybersecurity. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/news/network-and-information-security-directive-co-legislators-agree-first-eu-wide-legislation> (дата обращения: 16.04.2017).

¹⁶ См.: Le programme européen en matière de sécurité. Communication de la Commission au Parlement Européen, au Conseil Européen et au Comité économique et social européen et au Comité des régions. Strasbourg, le 28.4.2015. COM(2015) 185 final URL : http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/documents/basic-documents/docs/eu_agenda_on_security_fr.pdf (дата обращения: 16.04.2017).

¹⁷ Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for the purposes of the prevention, investigation, detection or prosecution of criminal offences or the execution of criminal penalties, and on the free movement of such data, and repealing Council Framework Decision 2008/977/JHA // OJ L 119, 4.5.2016, p. 89–131. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.

характера¹⁸, а также Рамочное решение 2008/977 о защите данных личного характера, используемых в рамках сотрудничества полицейских и судебных органов по уголовным делам¹⁹.

В преамбуле Регламента, в частности, отмечается, что он направлен на усиление и сближение экономик государств-членов ЕС в рамках внутреннего рынка. Принятый Регламент расценивается Комиссией как основной шаг на пути усиления основных прав граждан в эру цифровых технологий, а также облегчения ведения предпринимательской деятельности посредством упрощения применяемых к компаниям правовых норм в рамках единого цифрового рынка. Регламент содержит нормы, направленные на устранение препятствий функционированию внутреннего рынка, существующих по причине различных и порой противоречащих друг другу подходов к правовому регулированию защиты данных в государствах-членах ЕС. Иными словами, имеет место фрагментация правового регулирования в данной сфере, которая приводит к правовой неопределенности и, в частности, препятствиям для осуществления предпринимательской деятельности, связанными с дополнительными затратами (особенно для малых и средних предприятий), а также к неравной защите физических лиц.

Интерес представляют данные опроса, проведенного Eurobarometer²⁰. Так, государственные власти пользуются большим доверием. Чем коммерческие структуры (66% опрошенных); две трети европейцев (67-69%) беспокоится, что не имеют полного контроля над своими персональными данными и опасаются, что их

---

¹⁸ Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // OJ L 281, 23.11.1995, p. 31–50.

¹⁹ Décision-cadre 2008/977/JAI du Conseil du 27 novembre 2008 relative à la protection des données à caractère personnel traitées dans le cadre de la coopération policière et judiciaire en matière pénale // JO L 350 du 30.12.2008, p. 60–71.

²⁰ Special Eurobarometer. Report. 431- Data protection, June 2015 URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_431_en.pdf дата обращения: 21.02.2017).

личные данные, переданные юридическим лицам могут быть использованы для других целей; более 4 европейцев из 10 предпочли бы, чтобы защита данных регулировалась на уровне ЕС (45%), тогда как чуть меньше число людей (42 %) – на национальном уровне.

Регламент, являясь актом гармонизации, создает единое правовое регулирование ЕС в сфере защиты персональных данных, которое должно избавить предпринимателей от лишних расходов. По предварительным оценкам Европейской Комиссии устранение таким образом административных препятствий сэкономит примерно 2,3 миллиарда евро в год.²¹ Реформа должна также усилить право на защиту данных и сделать так, чтобы люди доверяли структурам, которым они предоставляют свои данные.

Итак, реформа позволит гражданам в большей степени осуществлять контроль за своими персональными данными, а предприятиям извлечь выгоду из возможностей, предоставляемых унификацией норм по регулированию единого цифрового рынка при сокращении административных формальностей и увеличении доверия потребителей, а также создаст условия для инновационной деятельности²². Что касается основного права индивида, то реформа, в том числе, имеет целью обеспечить упрощенный доступ к своим персональным данным (возможность следить за тем как они используются); право на передачу данных (например, при реализации свободы предоставления услуг); более четкое право на то, чтобы персональные данные уничтожались, как только лицо пожелает это при отсутствии правовых оснований для их хранения; право быть проинформированным в кратчайшие сроки о несанкционированном до-

---

²¹ Comment la réforme de la protection des données dans l'UE renforcera-t-elle le marché intérieur? Fiche technique. Janvier 2016 / Direction générale de la justice et des consommateurs. Union européenne, 2016. URL: http://ec.europa.eu/justice/dataprotection/index_en.htm (дата обращения: 21.04.2017).

²² Protection des données dans l'UE: l'accord sur la réforme proposée par la Commission va booster le marché unique numérique. Commission européenne - Communiqué de presse / Bruxelles, le 15 décembre 2015. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-6321_fr.htm (дата обращения: 21.04.2017).

ступе к персональным данным. Преимущества для компаний заключаются в следующем: единый свод правовых норм, что и удешевит их деятельность; служба «одного окна» (компании и предприниматели будут иметь дело лишь с одним государственным органом и по месту своего нахождения); применение норм права ЕС на территории ЕС, в том числе, и в отношении предприятий, учрежденных в третьем государстве; подход, учитывающий риски; нормы благоприятные для инновационной деятельности.

Директива относительно защиты данных, предназначенных для полицейских властей и органов уголовного правосудия должна обеспечить достаточно высокий уровень защиты данных и тем самым упростить обмен информацией и иное сотрудничество между полицейскими и судебными властями разных государств-членов ЕС.

Подводя, можно сделать вывод, что усиление защиты персональных данных непосредственно влияет на повышение эффективности реализации экономических свобод внутреннего рынка. И в дальнейшем будет интересно проследить какого в действительности будет это влияния, когда реформа правового регулирования защиты персональных данных войдет в свою активную фазу.

ОСОБЕННОСТИ ТАМОЖЕННОГО КОДЕКСА ЕАЭС

Виктор Никифорович Сидоров

*канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
svn-svn@yandex.ru*

С момента принятия ныне действующего Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС)¹ прошло около 10 лет. За это время, как верно отмечают многие исследователи, произошло немало изменений в становлении новой формы интеграционного объединения государств, что отразилось и на самом ТК ТС, который претерпел несколько редакций².

Ряд жизненно важных обстоятельств обусловил необходимость принятия Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС). Прежде всего изменилась сама форма консолидации государств: на смену Таможенному союзу трех государств пришел Евразийский экономический союз (далее – Союз) пяти стран. Соответственно, многие изменения, произошедшие после вступления в 2015 г. в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (далее - Договор о создании ЕАЭС)³, не нашли своего отражения в ТК ТС.

Поскольку большая часть положений ТК ТС настила бланкетный характер, постольку ряд полномочий таможенных органов был

---

¹ См.: Приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // «Собрание законодательства РФ», 13.12.2010, № 50, ст. 6615.

² См.: Изменения, внесенные Протоколом от 16.04.2010; Изменения, внесенные Договором от 10.10.2014; Изменения, внесенные Протоколом от 08.05.2015.

³ См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.02.2017).

транслирован на национальный уровень регулирования. Это обстоятельство не могло не привести к возникновению противоречий в способах осуществления таможенных процедур и взимания таможенных платежей между государствами-членами Таможенного союза.

Другим обстоятельством, обусловившим принятие нового таможенного кодекса, стало наличие наряду с действующим ТК ТС значительного числа региональных соглашений по таможенной проблематике. Из более чем двадцати таких соглашений: девять было отменено с 1 января 2015 г. в связи с потерей их актуальности; пять договоров, затрагивающих отдельно взятые вопросы таможенного дела, остались за рамками текста ТК ЕАЭС; оставшиеся шестнадцать соглашений были пересмотрены и добавлены в ТК ЕАЭС.

ТК ЕАЭС отличается от иных соглашений, составляющих нормативно-правовую базу Союза, тем, что в его формировании на всех этапах активное участие приняло: бизнес-сообщество всех пяти стран – участниц, Евразийская экономическая комиссия, а также таможенные службы государств-членов ЕАЭС. Ранее бизнес-структуры привлекался к созданию документов подобного рода, но только на уровне внутригосударственного согласования. Приблизительно полторы тысячи замечаний было получено только со стороны участников «интеграционной тройки» – Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. Несколько позже к обсуждению ТК ЕАЭС присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика, ставшие участниками ЕАЭС в 2015 г.

ТК ЕАЭС станет один из основных элементов, входящих в состав таможенного законодательства ЕАЭС. В Договоре о создании ЕАЭС прямо говорится о том, что в ЕАЭС таможенное регулирование осуществляется в соответствии с ТК ЕАЭС⁴.

Обозначим то новое, что было привнесено в ТК ЕАЭС по сравнению с ранее действовавшим таможенным законодательством Таможенного союза. С формальной точки зрения, заметно увеличился объем ТК ЕАЭС по сравнению с ТК ТС не только за счет включения в него 16 договоров, а также введения нового раздела

---

⁴ См.: статья 1 ТК ЕАЭС Таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе.

VII «Таможенные органы» (статьи 351 – 396 ТК ЕАЭС). Деление текста ТК ЕАЭС на «Общую» и «Специальную» части ушло в прошлое.

Проявилась также тенденция, связанная с возрастанием роли Евразийской экономической комиссии (далее - ЕЭК) в области таможенного регулирования. Количество компетенций ЕЭК в обновленном таможенном законодательстве по сравнению с ТК ТС возросло с тридцати до шестидесяти⁵.

Важной новацией, нашедшей закрепление в ТК ЕАЭС, следует признать последовательное применение на различных этапах таможенной деятельности упрощений таможенных формальностей. В этой связи важно отметить, что нормы ТК ЕАЭС имеют прямое действие на территориях государств - членов ЕАЭС и основываются на положениях Международной конвенции об упрощении таможенных процедур (далее - Киотской конвенции)⁶, а также в полной мере соответствуют принципам Генерального соглашения о тарифах и торговле⁷. Системное инкорпорирование положений Киотской конвенции в текст ТК ЕАЭС способствовало созданию условий для применения инновационных методов таможенного администрирования, обеспечивающих выполнение поставленных перед таможенными органами задач.

Упрощение таможенных формальностей, прежде всего, коснулось операций, связанных с декларированием товаров: приоритетным стало декларирование товаров в электронной форме (п. 3 ст. 74 ТК ЕАЭС). Для отдельных случаев, впрочем, допускается со-

---

⁵ См.: Приложение № 1 Положение о Евразийской экономической комиссии» к Договору о Евразийском экономическом союзе // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org>, 05.06.2014.

⁶ Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 4 июля 2011 года (Собрание законодательства РФ, 8.08.2011, № 32) // Собрание законодательства РФ, 8.08.2011, № 32, ст. 4810 (опубликовано без специальных приложений).

⁷ Документ вступил в силу для России 22 августа 2012 года (Собрание законодательства РФ, 10.09.2012, № 37) // Собрание законодательства РФ, 10 сентября 2012 г. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2524 - 2538.

гласно пункту 4 данной статьи письменное декларирование. Например, если товар помещается под процедуру таможенного транзита. Однако, следует уточнить, еще с 2015 г. ФТС России последовательно осуществлял мероприятия по внедрению технологии электронного декларирования процедуры транзита, а с марта 2017 г. технология стала применяется на постоянной основе⁸. Важной новеллой является возможность предварительного декларирования процедуры транзита, т.е. до фактического ввоза товаров на территорию нашей стран (не позднее, чем за 30 дней до ввоза). Например, декларант или перевозчик могут представить сведений об идентификационном номере электронной транзитной декларации путем направления в Единую автоматизированную информационную систему таможенных органов электронного сообщения с помощью специализированных программных средств, в устной и письменной формах, с помощью мобильных электронных устройств, а также с помощью устройств подвижной радиотелефонной связи.

По ТК ТС электронная и письменная форма декларирования равнозначны. В Российской Федерации приоритет электронной формы закреплен частью 1 статьи 204 «Декларация на товары» Федерального закона от 27.11.2010 N 311-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "О таможенном регулировании в Российской Федерации"⁹.

ТК ЕАЭС установил правило, согласно которому допускается подача таможенной декларации без предоставления документов, подтверждающих заявленные в ней сведения. Если быть более точным в данном вопросе, то декларант после вступления в силу нового Таможенного кодекса наделяется правом предоставить только декларацию на товары (ч. 4 ст. 79 ТК ЕАЭС).

Документы же, согласно п. 3 ст. 78 ТК ЕАЭС, должны быть при декларанте на момент подачи декларации на товары на случай,

---

⁸ См.: Приказ Минфина России от 30.08.2016 № 144н Об утверждении Порядка использования Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при таможенном контроле, таможенном декларировании и выпуске (отказе в выпуске) товаров, помещаемых под таможенную процедуру таможенного транзита, в электронной форме (Зарегистрировано в Минюсте России 16.12.2016 № 44758) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.12.2016.

⁹ Собрание законодательства РФ, 29.11.2010, № 48, ст. 6252.

если у таможенных органов появится основание осуществить их проверку. Вместе с тем, имеется ряд исключений из действия рассматриваемого правила, например, при осуществлении декларирования является обязательным наличие документов, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений, которое в соответствии с законодательством государств-членов ЕАЭС может быть подтверждено после выпуска товаров.

Осуществление кардинальной минимизации количества предоставляемых в таможенные органы документов, одновременное сокращение дублирования сведений, содержащихся в транспортных, коммерческих, финансовых и таможенных документах является весьма значим нововведением, свидетельствующим о «размывании» излишних барьеров в сфере внешнеторгового оборота.

Приоритетное использование электронной формы декларирования, предполагающее, в том числе, физическое отсутствие декларанта в момент декларирования в помещении таможенного органа, т.е. дистанцирование друг от друга таможенного работника и декларанта, привело к необходимости включения в ТК ЕАЭС норм, фиксирующих сепарирование процессов подачи таможенной декларации и ее регистрации. Так, если в настоящее время в главе 27 ТК ТС «Таможенное декларирование товаров» правовое регулирование операций, связанных с подачей и регистрацией таможенной декларации, объединяется в рамках одной статьи (ст. 190 ТК ТС), то с принятием нового таможенного кодекса подача таможенной декларации и ее регистрация будут регулироваться отдельными законоположениями, т.е. статьями 79 и 81 ТК ЕАЭС.

Важным уточнением, содержащиеся в пункте 1 статьи 81 ТК ЕАЭС, следует считать, и указание на цель проведения проверки поданной таможенной декларации. Такой целью является установление отсутствия оснований для отказа в ее регистрации, предусмотренных пунктом 3 данной статьи.

Нельзя не заметить, что перечень оснований для отказа в регистрации таможенной декларации, - не соблюдена форма таможенного декларирования (п. 3 ч. 3 ст. 81 ТК ЕАЭС); структуры и формат электронной таможенной декларации или электронного вида письменной таможенной декларации не соответствуют установленным структурам и форматам таких документов (п.3 ч. 6 ст. 81 ТК ЕАЭС);

электронная таможенная декларация не заверена электронной цифровой подписью, либо письменная таможенная декларация не подписана и (или) не удостоверена надлежащим образом (п. 7 ч. 6 ст. 81 ТК ЕАЭС) и др., - позволяет осуществлять их проверку в режиме автодекларирования и автовывпуска, другими словами, без непосредственного участия должностного лица таможенного органа.

В положениях статьи 81 ТК ЕАЭС указывается, что регистрация таможенным органом или отказ в регистрации таможенной декларации должен осуществляться не позднее 1 часа рабочего времени таможенного органа с момента подачи таможенной декларации. В действующем таможенном законодательстве этот же срок составляет 2 часа (п. 3 ст. 190 ТК ТС).

В заключение стоит сказать: появление новой категории участников ВЭД - УЭО является позитивным моментом и отражает современные тенденции в регулировании внешнеэкономической деятельности. Однако введение данного института, а также сложившаяся практика предоставления такого статуса показывают наличие недостатков и недоработок существующего регулирования данной сферы таможенного администрирования. Данный институт необходимо совершенствовать, для этого есть все возможности.

Обновленное таможенное законодательство повлияло на изменение правового положения уполномоченного экономического оператора (далее - УЭО). Благодаря совершенствованию института УЭО происходит упрощение таможенных формальностей и ускорение перемещения товаров через таможенную границу, формирование доверительных отношений между таможенными органами и бизнес сообществом, адаптация национального таможенного администрирования с нормами международного таможенного права. Так, в ТК ЕАЭС закреплено существование трех групп УЭО: УЭО, имеющие свидетельство первого типа наделяются девятью специальными упрощениями¹⁰; УЭО, получившие свидетельства второго типа являются обладателями десяти специальных упрощений¹¹; наконец, УЭО, ставшие владельцами свидетельства третьего типа –

---

¹⁰ См.: ч. 2 ст. 437 ТК ЕАЭС.

¹¹ См.: ч. 3 ст. 437 ТК ЕАЭС.

семнадцатью такими упрощениями¹². Для сравнения, в соответствии с ТК ТС все УЭО наделялись фактически тремя видами специальных упрощений: временное хранение товаров в помещениях, на открытых площадках и иных территориях уполномоченного экономического оператора; выпуск товаров до подачи таможенной декларации; проведение таможенных операций, связанных с выпуском товаров, в помещениях, на открытых площадках и иных территориях уполномоченного экономического оператора¹³. Представляется, что льготы, закрепленные в статье 437 ТК ЕАЭС, будут способствовать заметному увеличению количества лиц, желающих приобрести статус УЭО¹⁴ и полноценно использовать все его преимущества.

Другой не менее значимой новеллой следует считать включение в ТК ЕАЭС положений, направленных на существенное модернизацию подходов к осуществлению таможенного контроля, в частности, за счет акцентации внимания на таможенном постаудите. Можно вспомнить, что еще в 2015 г. ФТС России провела эксперимент по таможенному постаудиту, целью которого являлось выделение наиболее добросовестных участников ВЭД, т.е. получивших аудиторское заключение с так называемым «положительным мнением» и, соответственно, не попавших под риски проверок на таможенной границе. Таким образом, предполагалось в дальнейшем актуализировать таможенный контроль исключительно на этапе после выпуска товара.

Данная разновидность таможенного контроля является весьма эффективной¹⁵, она создает более транспарантную среду для участников внешнеэкономического оборота и в тоже время позволяет таможенным органам предоставлять этим лицам некоторые упрощения при осуществлении таможенных операций. Следует от-

---

¹² См.: ч. 4 ст. 437 ТК ЕАЭС.

¹³ См.: ч. 1 ст. 41 ТК ТС.

¹⁴ См.: на 1 января 2017 г. в России зарегистрировано 194 УЭО // https://www.alt.ru/external_news/51491/.

¹⁵ Сидорова Е.В. Проблемы эффективности комплексного правового регулирования // Современное право. 2011. № 11. С. 29-31.

метить, что в Киотской конвенции упоминается о системе таможенного контроля на основе методов аудита¹⁶, предусматривающей возможность проведения аудиторских проверок с использованием коммерческих систем участников торговли, основанных на общепринятых принципах ведения бухгалтерского учета.

Кроме всего прочего, введение ТК ЕАЭС повлияет на снижение порога беспошлинной трансграничной «e-commerce». Полномочия по формированию подобного рода норм переданы с национального на наднациональный уровень. Поскольку проблематика интернет-торговли является достаточно дискуссионной, постольку снижение порога беспошлинной торговли планируется осуществлять поэтапно, начиная со второго года действия ТК ЕАЭС. Если в настоящее время российские граждане вправе покупать без уплаты пошлин и сборов в зарубежных интернет-магазинах товары на сумму до €1 000 и весом до 31 кг в месяц¹⁷, то через год действия нового таможенного кодекса предлагается снизить уровень беспошлинной торговли до €500 в месяц, сверх установленного порога пошлина составит 30% от суммы превышения, но не менее €4 за 1 кг. Далее, по прошествии двух лет действия ТК ЕАЭС рассматриваемый уровень должен быть снижен уже до €200 без учета частоты перемещения, пошлина сверх этой нормы станет равняться 15% от суммы, превышающей порог, но не менее €2 евро за 1 кг. Аналогично, планируется снижение нормы беспошлинного ввоза при самостоятельном перемещении физлицами товаров через таможенную границу. Следует отметить, что объем рынка интернет-торговли в России, не смотря на кризисные явления, продолжает расти: по итогам 2016 г. он составил 920 млрд рублей, что на 21% больше показателя 2015 г. Количество входящих посылок от иностранных

---

¹⁶ См.: Стандарт 6.6 генерального приложения Конвенции Киото.

¹⁷ См.: Соглашение между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 18.06.2010 (ред. от 08.05.2015) О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском" (вместе с Порядком определения момента выпуска и объема двигателя авто-, мото-транспортного средства) // "Собрание законодательства РФ", 03.09.2012, № 36, ст. 4866.

продавцов выросло в прошлом году более чем вдвое (на 102%), в то время как на внутреннем рынке количество заказов повысилось лишь на 6%¹⁸.

Как известно, 26 декабря 2016 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета лидеры Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Армении и Кыргызской Республики подвели итоги первых двух лет работы Союза и высказали намерение подписать Договору о ТК ЕАЭС, однако прогнозы не сбылись и только 11 апреля 2017 г. удалось завершить этап подписания этого Договора¹⁹. В настоящий момент страны ЕАЭС приступили к внутригосударственным процедурам, предшествующим ратификации документа. ТК ЕАЭС вступит в силу после получения ЕЭК уведомлений о ратификации этого Договора от всех пяти стран - участниц. Таким образом, подводя предварительные итоги анализа совершенствования права ЕАЭС в связи с принятием нового таможенного кодекса, можно заключить, что он в достаточной степени отражает международно-правовую модель регулирования интеграционного процесса, а участники внешнеторговой деятельности получают достаточно современный инструмент таможенного регулирования, благодаря которому произойдет существенное упрощение таможенных операций, что будет способствовать дальнейшему объединению стран ЕАЭС. Вместе с тем, несмотря на все более динамичное развитие мировой торговой системы, информационно-коммуникационных технологий, которые предполагают выход на качественно иную ступень развития таможенного администрирования, принятие ТК ЕАЭС следует рассматривать в контексте не качественных, а только количественных преобразований в рассматриваемой сфере правоотношений²⁰.

---

¹⁸ См.: <http://rus.vrw.ru/page/rossijskij-rynok-internet-torgovli-v-2016-godu-vyros-na-21>.

¹⁹ См.: Приложение № 2 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписанному в г. Москве 11.04.2017 // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.

²⁰ Сидорова Е.В. Исследование тенденций развития базовых и комплексных отраслей права и законодательства на 2016 год // Современное право. 2016. № 8. С. 5.

**ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОМПЕТЕНЦИИ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ В
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ И СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ НАФТА И СБЕР)**

Евгений Сергеевич Суздальцев

*магистрант факультета международных отношений и
международного права Дипломатической Академии МИД России*

Со времени окончания Второй Мировой Войны и до первого десятилетия XXI века международные отношения развиваются под влиянием двух, глобальных явлений – глобализации и интеграции. И государства, и международные организации, как глобальные, так и региональные, переплетаются во взаимосвязях и взаимодействии, являясь, активными участниками обоих процессов.

На современном этапе интеграционные процессы проходят во многих регионах мира. Каждый регион обладает своей спецификой за счет использования различных правовых механизмов и теоретических подходов к региональной интеграции. В связи с этим представляется актуальным изучение правовой природы процесса интеграции в различных регионах мира и выявление в них характерных черт. В данной статье представлена попытка автора провести соответствующий анализ интеграционных процессов, проходящих в северном полушарии на двух берегах Атлантического океана: в Северной Америке, на примере Североамериканской Зоны Свободной Торговли (далее НАФТА) и в Северной Европе, на примере Совета Баренцев\евроарктического региона (далее СБЕР).

За двадцать лет, прошедших с распада СССР изменились представления о многих явлениях и процессах, происходящих в мире. Понимание процессов глобализации и интеграции также подвергаются пересмотру. Вместе с тем в изучении по-прежнему остается определенная антагонистическая двойственность, которая разделяла и все еще разделяет научное сообщество.

Так согласно мнению одних специалистов, на международной арене ощущается явный кризис явления глобализации¹ и глобальных ценностей², но активно развиваются различные, конкурирующие либо сотрудничающие между собой интеграционные образования.

С другой стороны, ряд исследователей продолжает считать, что сегодня именно интеграция является главным практическим инструментом реализации глобализационных процессов³.

Принимая во внимание многоаспектный характер явления интеграции, и не останавливаясь подробно на сущности каждого из теоретических походов, тем не менее, выделим наиболее значимые и разработанные из них:

1. Федералистский подход⁴;
2. Функционалистический подход⁵;
3. Транзакционалистический подход⁶;
4. Конструктивистский подход⁷;
5. Неоинституционалистический подход⁸;
6. Межгосударственный подход⁹;

---

¹ Теркина А.В. Глобализация в зеркале инноваций. // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. - 2006. - №4. С. 44.

² Гаджиева В. Глобальный кризис: причины, направления, пути решения. // Журнал: Век глобализации. Выпуск №1(5)/2010. С. 106.

³ Кашкин С.Ю. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография. – Москва: Проспект, 2016. С. 6.

⁴ См. например: Wheare K., *Federal Government*. – Oxford, 1963, P. 266.

⁵ См. например: Mitrany D., *The Progress of International Government*. – L., 1933, P.103.

⁶ См. например: Adler E., Barnett M., *Security Communities*. – Cambridge, 1998, P. 483.

⁷ См. например: Knutsen T., *A History of International Relations Theory*. – Manchester, 1997, P. 368.

⁸ См. например: Christiansen T., Jorgensen K. E., and Weiner A. *The Social Construction of Europe*.// *Journal of European Policy* 1999, Vol. 6, P. 529.

⁹ См. например: *New Theories of European Integration*. / Rosamond, Ben. *European Union Politics*. ed. / Michelle Cini; Nieves Pérez-Solórzano Borrágán . Third. ed. Oxford : Oxford University Press, 2010. p. 104-122.

7. Концепция многоуровневого управления¹⁰.

Важно отметить, что, несмотря на различия в данных подходах, нельзя сказать, что они взаимоисключают друг друга. На наш взгляд более верно утверждение, что данные подходы дополняют друг друга, рассматривая различные стороны явления интеграции, в силу самой комплексности и эклектичности этого явления.

Не менее важно и то, что вне зависимости от подхода, все теории сходятся в том, что процесс интеграции не может проходить без организованного, зафиксированного и принятого всеми субъектами правового механизма. Именно правовой механизм (или в более широком контексте само право международной интеграции) выступает базой, на которой формируется то или иное интеграционное объединение, и на основании которой закрепляется структура его основных органов, и определяются цели, задачи, а также способы их реализации.

Как и в большинстве случаев, правовые механизмы изучаемых организаций основываются, прежде всего, на базовом многостороннем соглашении, которое заключают между собой государства, являющиеся первичными субъектами как международного права в целом, так и права международной интеграции в частности. Такими базовыми документами являются:

1. Для НАФТА – заключенное между США, Канадой и Мексикой Соглашение о Североамериканской Зоне Свободной Торговли 1991 г.

2. Для СБЕР – Киркенесская Декларация – комплексное соглашение о сотрудничестве по различным направлениям деятельности в Баренцев\евроарктическом регионе, заключенное между Данией, Исландией, Норвегией, Россией, Финляндией, Швецией и Европейской Комиссией в 1993 г.

Однако, и для первого, и для второго интеграционного объединения правовая база не ограничивается только одним соглашением.

Так, кроме основной декларации, для Совета Баренцев\евроарктического региона важными правовыми источниками, влияющими на его деятельность, являются документы, принимаемые по

---

¹⁰ См. например: Ruggie J., *Constructing the World Polity: Essays on International Institutionalization*. – L., 1998, P. 326.

итогах заседаний высшего органа Совета – сессии на уровне министров иностранных дел стран-участниц, проходящей раз в два года. Не менее важным и определяющим приоритеты организации является документ, издаваемый председательствующей страной. В нем отражаются поддерживаемые ею принципы и план действий на период председательства. Таковым является программная страница Российской Федерации, председательствующей в Совете с 2015 по 2017 гг.

Помимо Совета, Киркенесская Декларация также закрепила механизм прямого многостороннего сотрудничества отдельных административно-территориальных образований государств, территория которых составляет Баренцев регион. Для координации их взаимодействия был создан Баренцев Региональный Совет (БРС), исполнительным органом которого является Баренцев региональный комитет (БРК), проводящий регулярные заседания.

Практической работой в период между сессиями руководит Комитет старших должностных лиц (КСДЛ), состоящий из представителей внешнеполитических ведомств государств-членов Совета. Вся деятельность Совета и его органов основывается на консенсусе¹¹.

Кроме этого, отдельным соглашением в 2008 г. странами-участницами Совета был создан Международный Баренцев Секретариат. Штаб квартирой был определен город Тромсё (Норвегия). Основными направлениями деятельности Секретариата являются: обеспечение административно-технической поддержки сотрудничеству, как на правительственном, так и на региональном уровнях, поддержка деятельности председателей СБЕР и БРС, создание информационно-документальной базы.

Условия пребывания штаб-квартиры на территории Норвегии и параметры конкретной работы Секретариата определены Соглашением с принимающей страной и Положением о Секретариате.

Деятельность Секретариата финансируется за счет ежегодных долевого взносов России, Норвегии, Финляндии и Швеции.

---

¹¹ Официальный сайт председательства Российской Федерации в Баренцев/Евроарктическом Совете (2007-2009 гг.) – <http://www.beac.mid.ru> [Дата обращения: 15.03.2017 г.].

Возглавляет Секретариат поочередно представитель каждой из стран-членов организации. На сегодняшний день – это представитель Швеции Томас Халлберг.

Кроме этого странами-участницами СБЕР были созданы Национальные Секретариаты Содействия Сотрудничеству. Национальный Секретариат СБЕР Российской Федерации расположен в городе Мурманск¹².

Важно отметить также, что по итогам 20 лет работы Совета, и в рамках дальнейшего развития регионального взаимодействия, 4 июня 2013 г., в Киркенесе было подписано соглашение, которое условно назвали «Киркенесская Декларация 2.0.» - обновленный программный документ, на положения которого в различных сферах своей деятельности Совет будет опираться в ближайшие десятилетия.

Как и в случае СБЕР, для правового механизма НАФТА также характерно наличие не одного, но нескольких источников, регламентирующих отдельные аспекты деятельности организации.

Уставным документом Североамериканской зоны свободной торговли, как было отмечено ранее, является заключенное в 1991 г. Соглашение между США, Канадой и Мексикой. Однако, в отличие от СБЕР, в пакете НАФТА именно в базовом Соглашении определена структура основных органов объединения.

К таковым, прежде всего, относятся Комиссия по свободной торговле, положение о которой закреплено в ст. 2001 и Секретариат, ст. 2002. Комиссия состоит из членов правительств стран-участниц, как правило, в должности министров торговли или их заместителей. Комиссия, также как и Совет СБЕР не работает на постоянной основе, но проводит заседания как минимум один раз в год. Главной задачей Комиссии является надзор за проведением в жизнь положений НАФТА, стратегическое планирование ее деятельности, а также разрешение споров и толкование норм при имплементации Соглашения. В рамках Комиссии, таким образом, происходит формирование и согласование руководящих принципов работы организации.

---

¹² Структура органов СБЕР. Киркенесская Декларация/ от 11.01.1993/ http://www.barentsinfo.fi/beac/docs/459_doc_KirkenesDeclaration.pdf [Дата обращения 15.03.2017 г.].

Постоянно действующим органом НАФТА является Секретариат. Его полномочия также регламентируются положениями базового соглашения, и в его обязанности входит постоянная административная поддержка, как Комиссии, так и вспомогательных органов. Однако, в отличие от структуры СБЕР, Секретариат НАФТА изначально был разделен на национальные секции стран-участниц, не являясь единым органом¹³.

Вместе с базовым Соглашением, между странами были также подписаны два секторных соглашения, одно из которых регулирует деятельность стран по вопросам экологического сотрудничества (Североамериканское соглашение о сотрудничестве в сфере окружающей среды), а второе, регулирует вопросы, связанные с трансграничным перемещением рабочей силы (Соглашение о сотрудничестве в сфере наемного труда).

Кроме этого в рамках НАФТА заключен ряд соглашений, содержащих процессуальные нормы, регулирующие поведение государств-участниц при возникновении между ними споров при реализации положений пакета Соглашений.

Важно отметить, что в отличие от Киркенесской Декларации, очерчивающей контуры организации и только в общем определяющей сферы и приоритеты сотрудничества между странами-участницами, Соглашение НАФТА разработано так, чтобы максимально конкретизировать все аспекты механизма межгосударственного взаимодействия в торговле и сопутствующих ей областях. Именно поэтому Соглашения пакета НАФТА содержат подробные приложения (в том числе и к отдельным главам самого Соглашения) с перечислением национальных актов каждого из государств, которые подлежат изменению в связи с принятием всего пакета. Также приложения содержат значительный объем тех или иных взаимных уступок, которые государства-участники делают друг другу по тому или иному соглашению пакета.

Таким образом, уже структура основных и пакетных источников самих интеграционных образований позволяет сделать вывод,

---

¹³ Текст Соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли см. например: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement> [Дата обращения 15.03.2017 г.].

важнейший для дальнейшего анализа обоих интеграционных механизмов. Значительно отличаясь структурно и подходу к вопросу регулирования деятельности организации двумя, прямо противоположными путями, правовые источники и того и другого интеграционного механизма прямо указывают на важнейшую роль их первичных субъектов, то есть отдельных государств, что позволяет говорить о том, что фактор наднациональной роли органов и той, и другой организации был изначально и значительно ограничен в пользу суверенитета самих государств-участниц. Тем не менее, в обоих случаях, это не оказывает существенного влияния на осуществление уставными органами обеих организаций их координирующей роли.

Кроме основных органов, необходимо отметить, что и в НАФТА и в СБЕР институционализация предусматривает наличие не только основных, но и вспомогательных органов различной компетенции и направленности.

Согласно статье 2002.1 Комиссия НАФТА наделена полномочиями учреждать постоянные комитеты и рабочие группы и делегировать им свои полномочия для исполнения возложенных на нее задач, а также осуществлять надзор и координацию их деятельности. На данный момент в рамках НАФТА работают более 30 комитетов и рабочих групп по таким направлениям как торговля товарами, правила происхождения товаров, таможенное оформление и контроль, стандартизация, государственные закупки, разрешения споров и многие другие. Список органов содержится в приложении 2001.2 и обновляется по мере необходимости. В функции таких органов входит исключительно подготовка рекомендаций и консультирование Комиссии и Секретариата.

Также помимо Комиссии и Секретариата в рамках Соглашения было оговорено (ст. 1801-1804)¹⁴, что каждое государство создаст собственный орган, координирующий вопросы, связанные с деятельностью НАФТА. Он уполномочен оказывать содействие и предоставлять информацию компетентным органам, чья деятель-

---

¹⁴ Там же: <https://www.nafta-sec-alena.org/Home/Texts-of-the-Agreement/North-American-Free-Trade-Agreement> [Дата обращения 15.03.2017 г.].

ность, так или иначе, связанна с реализацией Соглашения, обнаруживать документы и иные акты, затрагивающие предмет Соглашения, а также уведомлять заинтересованные стороны о проходящих или организуемых мероприятиях.

Как и в структуре НАФТА, для непосредственного реагирования на проблемы, возникающие в регионе, в СБЕР также действует ряд рабочих групп: по экономическому сотрудничеству (в ее рамках работают такие механизмы как - Баренцево промышленное партнерство, Целевая группа по развитию лесного сектора); по окружающей среде (в ней - Целевая группа по чистому производству); по преодолению торговых барьеров, по молодежной политике; Руководящий комитет Баренцев/евроарктической панъевропейской транспортной зоны.

Работают также объединенные рабочие группы СБЕР и БРС: по культуре; по молодежной политике; по здравоохранению и связанным с ним социальным вопросам; по образованию и научным исследованиям; по энергетике: по транспорту; совместный комитет по сотрудничеству при ЧС. Кроме этого по инициативе России в период ее предыдущего председательства (2007-2009 гг.) была разработана и учреждена отраслевая рабочая группа по вопросам туризма.

В рамках Баренцев/евроарктического сотрудничества кроме всего прочего действует отдельная Рабочая группа коренных народов, которая обладает особым статусом. Также на регулярной основе проводятся конференции парламентариев региона¹⁵.

В целом структура рабочих органов СБЕР является гибкой и корректируется по взаимному согласию всех участников в зависимости от характера и приоритетов решаемых задач.

И, как было указано ранее, развитие сотрудничества в регионе в рамках СБЕР также нашло свое воплощение и в правовом механизме с подписанием обновленной Киркенесской Декларации 2013 г. В ней, в частности отмечается, что именно Баренцево сотрудничество способствовало формированию сбалансированного

---

¹⁵ Официальный сайт Совета Баренцев/Евроарктического региона\Раздел Рабочие группы – <http://www.barentscooperation.org/en/Working-Groups> [Дата обращения 15.03.2017 г.].

подхода в регионе к экономической, социальной и природоохранной деятельности в интересах устойчивого развития.

В декларации подчеркивается положительная роль организации в укреплении экономического положения Баренцев региона и в целом то, что благодаря политическим, правовым и экономическим механизмам, которые предоставляет СБЕР, регион уже нельзя назвать периферийным. Напротив, Баренцев регион обладает инновационным потенциалом и во многом может стать примером для других европейских регионов. Баренцево сотрудничество может служить моделью для трансграничных диалогов в Европе и политики устойчивого развития.

Так страны-участницы приветствуют предложение России изучить возможность создания в Баренцевом регионе отдельного финансового механизма поддержки проектов и содействия максимальному использованию инвестиционного потенциала Баренцева региона. В связи с этим в декларации отмечается, что стороны призывают Совет Баренцев/евроарктического региона предпринять для этого необходимые действия¹⁶.

Вместе с тем, традиционно развивая механизмы всестороннего внутреннего взаимодействия, стороны признают необходимость дальнейшего укрепления международных связей организации, для чего призывают поддерживать усилия, направленные на достижение синергии и укрепление координации в общих сферах деятельности с другими региональными организациями на Севере, включая Арктический совет, Совет государств Балтийского моря, Совет министров северных стран; стороны также намерены наращивать сотрудничество с "Северным измерением" ЕС и его партнерами.

Изменения происходят и по другую сторону Атлантики. С приходом к власти нового Президента Дональда Трампа и его Администрации в США, вопрос участия ведущей экономической державы мира в различных интеграционных объединениях, включая НАФТА, вновь был поставлен на повестку дня.

---

¹⁶ Текст Киркенесской декларации 2017 г. см.: <http://government.ru/media/files/41d46b75c7931f08b9b7.pdf> [Дата обращения 15.03.2017 г.].

В феврале 2017 года Исследовательской Службой Конгресса США для ознакомления избранных представителей и широкого круга заинтересованных лиц был представлен документ¹⁷, посвященный анализу более чем 20-ти летнего функционирования и развития Североамериканской Зоны Свободной Торговли. В нем была представлена комплексная оценка деятельности организации, а также рассмотрены возможные перспективы пересмотра ее положений и последствия выхода США из интеграционного объединения.

Так, принимая во внимание, как мнение сторонников, так и противников НАФТА, в исследовании было отмечено, что механизмы организации в целом соответствуют ее заявленным целям. Исходя из этого, вопросы для пересмотра могут касаться, в большей степени, предметов, регулируемых самим Соглашением, в частности:

- изменение тарифов, включая ускорение введения тарифов;
- изменение правил происхождения применяемых к отдельным категориям товаров (Приложение 401);
- требование отслеживания происхождения в автомобилестроении (Приложения 403.1, 403.2);
- расчет регионального коэффициента на добавленную стоимость для отдельных категорий автомобильной продукции (Приложение 403.3)
- изменение правил в отношении определения правил происхождения и т.п.

Вместе с тем, несмотря на положительное влияние НАФТА на процесс либерализации торговли во всем регионе в целом, и на ее неоспоримый вклад в экономический рост и повышение уровня жизни населения во всех трех странах, если в США победят сторонники выхода из организации, экономическая интеграция в регионе может вновь откатиться на предшествующий, двухсторонний уровень.

Это выразится, по мнению авторов исследования в том, что необходимо будет вновь ввести в действие ныне приостановленный

---

¹⁷ Congressional Research Service Report 7-5700 R42965 on The North American Free Trade Agreement (NAFTA) <https://fas.org/sgp/crs/row/R42965.pdf> [Дата обращения: 15.03.2017 г.].

правовой механизм СФТА (Канадско-Американское Соглашение о Свободной Торговле), многие положения которой были «заморожены» на период пока оба государства являются участницами НАФТА. Также это приведет к возвращению к политике в рамках режимов ВТО, участницами которой являются все три страны североамериканского континента.

По мнению сторонников НАФТА подобный вариант развития событий является крайне негативным для внутри региональных отношений в целом и для экономической интеграции в частности, так как полный выход США из НАФТА приведет к значительному разрыву промышленных цепочек в Северной Америке и к сокращению числа рабочих мест во всех трех странах.

Вместе с тем, критики продолжают настаивать, что введение НАФТА способствовало существенному перераспределению трудовых ресурсов, что привело к снижению уровня дохода работающих граждан в США и в целом негативно сказывается на американской экономике. Все это, по мнению авторов исследования, говорит о том, что если ставить вопрос о выходе из НАФТА пока не следует, то для обсуждения отдельных аспектов заключенного более 20-ти лет назад Соглашения назрели все предпосылки, и его пересмотр обеспечит возможности для включения в НАФТА тех аспектов, которые ранее не были затронуты Соглашением.

Выводы.

Исходя из проведенного сравнительного анализа правовых механизмов интеграции в регионах Северной Европы и Северной Америки, можно сделать следующие выводы.

1. Многоаспектный характер явления международной интеграции, подразумевает существование нескольких взаимодополняющих друг друга теоретических подходов, позволяющих рассматривать различные стороны этого комплексного явления.

2. Интеграционные механизмы как в регионе Северной Америки, так и в регионе Северной Европы опираются на комплексный пакет документов и лежащее в его основе базовое соглашение. Для СБЕР – это Киркинеская декларация 1993 г., а для НАФТА - Соглашение о зоне свободной торговли 1991 г.

3. В отличие от СБЕР, для которого Киркинеская декларация является скорее программным документом о сотрудничестве в регионе, очерчивающим общие направления деятельности, цели,

задачи и институциональные механизмы организации, Соглашение о зоне свободной торговли для НАФТА призвано максимально подробно регламентировать все аспекты деятельности организации, включая механизмы, процедуры, формы, методы и способы ее реализации, а также урегулировать в рамках единого пакета документов широкий круг вопросов межгосударственного взаимодействия в торговле и сопутствующих ей областях.

4. Различия в институциональной структуре, закреплённой в правовых источниках, и подходах к вопросу регулирования деятельности организаций обуславливают ограничение их политической самостоятельности в пользу суверенитета государств-участниц. Это, однако, не препятствует осуществлению уставными органами обеих организаций их основных функций.

5. В целом, отражённая в правовом механизме структура рабочих органов СБЕР является более гибкой. Способ регламентации функционирования наднациональных институтов в Северной Европе, в сравнении с НАФТА позволяет легче корректировать их деятельность в зависимости от характера и приоритетов решаемых задач.

6. В тоже время, для НАФТА, деятельность которой ограничивается, в основном, взаимодействием в одной сфере, всесторонняя регламентация и конкретизация способствует более эффективной работе ее уставных органов, что позволяет более успешно разрешать как межгосударственные, так и отдельные отраслевые и корпоративные противоречия между участниками торгового оборота на Североамериканском континенте.

7. Вместе с тем, изменение политических и экономических реалий оказывает влияние и на то, и на другое интеграционное объединение, что отражается в их правовых механизмах как через подписание различных дополнительных соглашений и введение в существующие базовые соглашения дополнительных положений, так и через пересмотр самих документов и заключение новых или обновлённых соглашений.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Кристина Игоревна Трубачева

*заместитель директора Института современного
прикладного права по научной работе и инновациям Московского
Государственного Юридического Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук,
доцент кафедры интеграционного и европейского права*

В представленной статье рассматриваются вопросы и правовые аспекты построения взаимоотношений между Европейским Союзом и крупнейшими международными организациями. Сложившееся сегодня непростая ситуация усложняется и существующим финансовым кризисом. Но, именно такое положение дел обуславливает важность занимаемых странами позиций в процессе перераспределения благ. С учетом существующих обстоятельств, даже развитым государствам, для достижения поставленных перед собой целей, приходится объединяться в различные международные организации. Европейский Союз сегодня является одним из крупнейших поставщиков товаров и услуг на глобальном уровне. Многие финансовые, экономические, политические и многие другие задачи не могут быть решены без учета его мнения. Это не исключает того, что взаимодействуя с различными международными организациями Европейский Союз не преследует достижения собственных целей и задач.

На сегодняшний день, большинство суверенных государств являются участниками различных международных организаций. Роль всемирной глобализации и интеграции повышается с каждым годом. Эти очевидные факты позволяют уже сегодня говорить о необходимости изучения построения взаимоотношений не только между самими государствами, а уже между международными организациями. Перераспределение политического влияния, экономи-

ческих ресурсов и много остального, на сегодняшний день, в большей степени зависит именно от уровня «сложившихся» отношений между конкретными организациями на международном уровне.

Европейский Союз сегодня занимает одну из лидирующих позиций на международной арене, и, соответственно оказывает непосредственное влияние на многие интернациональные процессы во многих сферах. Кроме того, сам Европейский Союз, либо его государства-члены, являются полноправными участниками различных международных организаций. Форма участия в международных организациях всегда отличается (и по способу, и по объему прав и обязательств) и может быть, как, например, от наблюдателя, так и полноправным участником.

В представленной статье будет рассмотрена роль осуществления внешней компетенции Европейского Союза, на примере построения взаимоотношений с такими международными организациями, как Организация Объединенных Наций (ООН), Международная Организация труда (МОТ), Всемирная Торговая Организация (ВТО) и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС).

Очевидно, что для успешного участия в международных организациях, ключевым фактором является построения благоприятных и взаимовыгодных отношений внутри самого как самого ЕС, так и отдельно между его государства-членами. Наличие внутренней благоприятной обстановки обеспечит выгодное и полноценное участие Европейского Союза в международных организациях различной направленности. Лиссабонский договор 2007 года произвел глобальный реформы внутри самого ЕС, также, подтвердил высокую актуальность построения международных отношений. В том числе и для этих целей, в Договоре о функционировании появилось закрепление единой правосубъектности Европейского Союза. На сегодняшний день, многие положения Лиссабонского договора, по истечению уже десяти лет, показали свою состоятельность. Кроме того, юридически закрепленное в Договоре о функционировании Европейского Союза разделение компетенции между ЕС и его государствами-членами играет значительную роль, в том числе, и в вопросе построения отношений с международными организациями: взаимодействие с различными субъектами международных отношений в большой степени зависит от распределения полномочий

между самим Союзом и его государствами-членами по вопросам деятельности рассматриваемых международных организаций. В данном вопросе краеугольным камнем выступает обязательно соблюдения как учредительных документов Европейского Союза, так и вопросы соблюдения уставов (зачастую) международных организаций. Что опять относит нас к вопросу о первостепенности норм права.

Первоначально, вопрос внешнего представительства Союза (тогда еще Европейского Сообщества) был затронут и рассмотрен в известном деле *Costa vs. ENEL*. Уже в этом деле Суд ЕС, ссылаясь на функционирование самостоятельных внутренних органов власти (институтов ЕС) и его самостоятельной идентичности, признал способность реализации представительства на международной арене. Эта возможность собственного внешнего представительства находит свое отражение и по сей день, в частности, в осуществлении права на реализацию дипломатических представительств (миссий) в третьих странах, а также, в способности Европейского Союза участвовать в международных организациях как в качестве наблюдателя, так и быть полноправным членом.

Современные глобальные процессы показывают, что Европейский Союз принимает все более активное участие в деятельности международных организаций, даже при наличии многочисленных внутренних проблем. Может ли это явление рассматриваться как результат функциональной необходимости, или же это общее стремление Европейского Союза участвовать в большинстве международных форумов, которые способствуют глобальному управлению?

Европейский Союз сегодня является одним из крупнейших мировых экспортеров товаров и мировым лидером по предоставлению различных услуг. Официальная валюта ЕС, принятая сегодня в большинстве стран-участниц, является одной из мировых валют в современном мире. Уже эти два положения позволяют рассматривать Союз в качестве передового глобального игрока в экономическом смысле. Но, одновременно, это заставляет задуматься о следующем: способствует ли этот экономический успех повышению роли и влияния Европейского Союза в международных отношениях?

На протяжении десятилетий, сначала Европейское Сообщество, а затем и Союз, развивали отношения с различными международными организациями и стали сторонами, как правило, вместе с государствами-членами ЕС, различных международных соглашений, принятых в рамках организаций. Данная тенденция построения отношений с международными организациями получила свое закрепление (с последующими пролонгациями) в принятой Европейским Советом концепции «эффективного многостороннего сотрудничества», которая положена в основу осуществления внешних действий ЕС.¹ Именно данная концепция впервые была положена в основу построения и дальнейшей реализации отношений между Европейским Союзом и Организации Объединенных Наций, с последующим применением на различных международных форумах. Повышение уровня участия Союза в международных организациях происходило на основе способности ЕС осуществлять свои права в международно-правовых сделках и вступать в обязательства в полном объеме – закрепление за Союзом его международном правосубъектности. В первичном праве, а точнее в ст.21 п. 1 Договора о Европейском Союзе, отдельно отмечается способность Союза участвовать в международных отношениях от своего имени: «Союз старается развивать отношения и строить партнерства с третьими странами, региональными и универсальными международными организациями, которые разделяют принципы, указанные в первом абзаце. Он способствует выработке многосторонних решений общих проблем...».² Следует отметить, что, хотя в этом положении проводится различие между двумя уровнями организации, региональными и глобальными, на практике не возникает четких последствий такого широкого различия. В соответствии со ст. 21 п.2³ ДЕС, Союз будет работать для высокого уровня сотрудничества во всех областях международных отношений, чтобы продвигать «международную систему, основанную на более сильном многостороннем сотрудничестве и хорошем глобальном управлении». Эти различные

---

¹ ECJ, Case 22/70 Commission v Council [1971] ECR 263; ECJ, Joined Cases 3, 4 and 6/76 Kramer, ECR 1279; Opinion 1/76 [1977] ECR 741, and the subsequent case law.

² Ст.21 п. 1 Договора о Европейском Союзе 1992г.

³ Ст. 21 п.2 Договора о Европейском Союзе 1992г.

элементы способствуют тому, что ЕС сегодня является активным игроком на международной арене, причем не только в отношении международного представительства, но и в заключении международных соглашений и в участии в многочисленных международных форумах.

Сама основа внешнего представительства Европейского Союза заключается в признании его правосубъектности, что было подтверждено Лиссабонским договором и получило свое должное закрепление в ст. 47 Договора о Европейском Союзе.

Стоит отметить позитивную роль сформировавшейся судебной практики о внешней компетенции ЕС. В реализацию своей международной правосубъектности Союзом заключено большое количество международных соглашений с различными третьими странами и международными организациями в различных сферах общественных отношений.

На сегодняшний день Европейский Союз является полноправным членом большого числа международных организаций. Наиболее известны Всемирная торговая организация (ВТО) и Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. Помимо этих двух известных примеров, Союз является участником организаций, действующих в самых различных областях, таких как Евроконтроль, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Комиссия Кодекса Алиментариус (САС), Гаагская конференция по международному частному праву, Межправительственная организация по международным железнодорожным перевозкам (ОТИФ), а также, например, и региональные организации - организация по охране рыбных ресурсов.⁴ Стоит отметить, что форма «членства» Европейского Союза в международных организациях различна. Так, стоит отметить, что единолично Союз не является, в классическом понимании, участником ни Организации Объединенных Наций, ни Международной Организации Труда, ни Международного Валютного Фонда. Его участие осуществляется через использование статуса наблюдателя при каждой конкретной организации. Более четкие условия и порядок такого участия всегда определяется

---

⁴ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament Community— Participation in Regional Fisheries Organisations (RFOs), COM (1999) 613 final.

в тексте учредительного документа каждой из международной организации самостоятельно, с учетом многих факторов взаимодействия. Например, Европейский Союз пользуется статусом наблюдателя при Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Также, Союз обладает «усиленным статусом наблюдателя» при Генеральной Ассамблее ООН, занимает особую позицию в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – такая форма участия должна рассматриваться, скорее даже приравниваться, к полноправному членству.⁵

Мировой финансовый кризис придал дополнительный импульс к ускорению интеграционных процессов, в том числе, и на уровне взаимодействия между международными организациями. Как уже отмечалось выше, еще более актуальным становится вопрос об увеличении роста участия Европейского Союза в международных организациях. Об увеличении стремления участия и о важности такого международного участия, в том числе, говорит учреждение Европейской службы внешних действий Европейского Союза. Как показывает действительность, международное взаимодействие Союза как с отдельными третьими странами, так и с международными организациями, развивается еще более ускоренными темпами, несмотря на наличие многочисленных проблем как внутри самого Союза, так и за его пределами. Становится очевидным вопрос: является ли это явление результатом функциональной необходимости или является общим стремлением Европейского Союза участвовать в большинстве международных форумов, которые оказывает значительное влияние на глобальное управление в целом?

---

⁵ Knud E Joergensen and Ramses A Wessel, 'The Position of the European Union in (Other) International Organizations: Confronting Legal and Political Approaches' in Panos Koutrakos (ed), *European Foreign Policy. Legal and Political Perspectives* (Edward Elgar Publishing, 2011) 261-86, 269; Piet Eeckhout, *EU External Relations Law* (Oxford, Oxford University Press, 2011) 222-31.

ШОС КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЕВРАЗИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Мария Геннадьевна Шилина

*аспирант факультета права Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
mary.shilina@gmail.com*

Межгосударственное экономическое взаимодействие в Евразии сегодня развивается стремительно, активно действуют и формируются современные механизмы, с помощью которых государства совместно решают ключевые региональные проблемы. Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) является одним из таких механизмов, динамично развивается как международное объединение с широкой компетенцией. ШОС обладает всеми признаками международной межправительственной организации согласно доктрине международного права¹ (институциональной структурой, нормативной базой и др.).

Принципиальной особенностью организации видится то, что государства-члены привнесли в практику отношений ряд новаций. К ним можно отнести выработанные в рамках ШОС и договорно закреплённые принципы «шанхайского духа»², развивающие содержание ряда норм и принципов международного экономического

---

¹ Лавров В.С. Статус и деятельность Шанхайской организации сотрудничества: международно-правовой аспект: дисс.к.ю.н., Москва, 2008. - 198 с.

² К ним относятся принципы: взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия, взаимных консультаций, уважения многообразия культур, стремления к совместному развитию. // Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания, 6-7.06.2012 г., Пекин // Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1232>.

права и служащие важной основой развития организации. Принципы взаимодействия государств-членов в экономической области конкретизируются в Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС³, в которой указывается, что взаимодействие должно осуществляться «на основе принципов полного равенства, рыночных отношений, взаимного уважения и взаимной выгоды, недискриминации и открытости, поступательности и постепенности, решения возникающих вопросов путем взаимных консультаций в духе конструктивности и учета интересов каждого государства».

Достоинством, зафиксированном в ст. 16 Хартии Шанхайской организации сотрудничества⁴, является и порядок принятия решений в организации: в случаях незаинтересованности одного или нескольких государств-членов в осуществлении отдельных проектов, представляющих интерес для других государств-членов, неучастие в них указанных государств не препятствует осуществлению заинтересованными государствами-членами таких проектов и, вместе с тем, не препятствует указанным государствам в дальнейшем присоединиться к их осуществлению. Своеобразие ШОС выражается также в принципе принятия решений консенсусом (путем согласования без проведения голосования). Именно правило консенсуса является «краеугольным камнем взаимодействия в ШОС», позволяющим вырабатывать общие решения по важнейшим экономическим вопросам, находить «правильные алгоритмы совместных действий даже при пестрой палитре участников»⁵. Значимым видится и то, что ШОС – открытая организация (открыта для приема

---

³ Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, 23.09.2003 г. // Режим доступа: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?a_no=721&col_no=67.

⁴ Хартия Шанхайской организации сотрудничества, 07.06.2002 г., Санкт-Петербург. // Режим доступа: <http://sco-russia.ru/documents/>.

⁵ «Членство в ШОС не приглашение на чай» // Ежедневная общенациональная деловая газета «Коммерсантъ», 18.04.2017 г. // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3275166>.

других государств), а экономическое партнерство предусматривает участие других стран и объединений⁶.

Преимущество ШОС в сравнении с другими евразийскими механизмами, в которых происходит межгосударственное экономическое взаимодействие (Евразийским экономическим союзом (далее – ЕАЭС), Содружеством независимых государств (далее – СНГ), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), БРИКС и др.) заключается в том, что в ШОС формируются современные организационные механизмы и правовая база, ориентированные на обеспечение экономического взаимодействия между ключевыми государствами континента (Россией, Китаем, Индией, Казахстаном и др.). Интеграционные возможности обуславливаются, прежде всего, участием в ШОС России и Китая, обладающих существенным потенциалом. Пространство ШОС способно стать мощным экономическим центром.

Важным отличием ШОС является то, что в базовых нормативных документах по вопросам экономического сотрудничества (одним из первых является подписанный 14 сентября 2001 г. Меморандум между Правительствами государств-членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций⁷) закрепляется цель построения зоны свободной торговли (ЗСТ), и при этом общая цель региональной экономической интеграции не ставится. Сегодня создание ЗСТ на базе ШОС к 2020-2025 гг. поддерживается экспертами⁸.

Взаимодействие государств ШОС в отдельных областях международных экономических отношений (далее – МЭО) развивается

---

⁶ Чуфрин Г.И. Задачи повышения эффективности ШОС // Аналитический центр «Разумные решения» // Режим доступа: <http://www.analitika.org>.

⁷ Меморандум между Правительствами государств-членов ШОС об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций, 14.09.2001 г. Преамбула. // Режим доступа: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=66&a_no=720.

⁸ Ли Фэнлинь; Ли Синь (Li Xin). Доклады на Второй международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений», 30-31.05.2016 г. (Архив автора).

на двусторонней и многосторонней основе, осуществляются успешные совместные проекты, имеющие интеграционный потенциал. На наш взгляд, уникальность ШОС видится в возможности реализации между ее государствами-членами (в зависимости от конкретной области МЭО) трех возможных форм (уровней) межгосударственного экономического взаимодействия: сотрудничества, интеграции, и интеграции с чертами наднационализма⁹ (в частности, в сферах энергетики, транспорта и информации возможен переход к интеграции¹⁰). Данная особенность открывает перспективы создания на базе ШОС международного объединения нового формата¹¹, в котором могут осуществляться отдельные интеграционные мероприятия в разном порядке. На основе организации возможно создать новую форму интеграции¹².

Учитывая, что в Хартии ШОС и в других документах отсутствует единообразное развернутое определение «межгосударственного экономического взаимодействия в ШОС», предполагаем целесообразным уточнить и нормативно закрепить данное понятие в сочетании с определением ШОС как «механизма межгосударственного экономического взаимодействия с интеграционным экономическим компонентом, не предполагающим глубокую интеграцию». Согласно предложенной нами комплексной классификации, учитывающей положения международного экономического права, теории

---

⁹ Шилина М.Г. Экономическое взаимодействие государств: новые теоретико-правовые подходы // Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды IV межд. Науч.-практич.конференции. Под ред. Г. Б. Гридневой, А. Б. Дидикина. – Новосибирск: «Омега Принт», 2015. – 284 с. С. 88-94.

¹⁰ Шилина М. Г. ШОС и БРИКС как институциональные механизмы межгосударственного экономического взаимодействия: международно-правовой анализ валютно-финансовой сферы сотрудничества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 50-53.

¹¹ Voronina T.V. Evolution of forms and mechanisms of regional economic integration development, *Regional economics: theory and practice*, 2011 no. 5 (188). pp. 57-63.

¹² Лузянин С.Г. Выступление на Второй международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений», 30-31.05.2016 г. (Архив автора).

регионализма и экономической интеграции¹³, считаем возможным рассматривать ШОС как данный тип механизма межгосударственного экономического взаимодействия, особенностями которого видятся следующие:

- Выраженное волеизъявление государств, отражающее желание сотрудничать на многосторонней основе, без четкого закрепления развития глубокой интеграции как цели (волевой критерий);
- Необязательность территориальной взаимосвязанности государств (территориальный критерий);
- Отсутствие координирующих органов в экономической сфере при наличии общих руководящих органов в качестве основных форматов для принятия решений по экономическим вопросам (институциональный критерий);
- Существование взаимодополняемости экономик отдельных государств, входящих в данный механизм (экономический);
- Отсутствие единой международно-правовой базы для интеграции при наличии или активной разработке отдельных документов по конкретным направлениям экономического взаимодействия (правовой).

В целях уточнения понятия «межгосударственное экономическое взаимодействие в ШОС», также предлагаем ввести принцип взаимовыгодного многоуровневого экономического взаимодействия в ШОС (потенциальную возможность осуществления в организации всех трех форм межгосударственного экономического взаимодействия указанных выше).

Присутствие данных признаков обуславливает приоритет развития взаимодействия государств Евразии именно на основе механизмов ШОС. При этом представляется важным уточнить и нормативно прописать варианты дальнейшего развития интеграционного потенциала ШОС и разработать Программу ШОС по развитию

---

¹³ Шилина М.Г. Экономическое взаимодействие государств: новые теоретико-правовые подходы // Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт. Труды IV межд. Науч.-практич.конференции. Под ред. Г. Б. Гридневой, А. Б. Дидикина. – Новосибирск: «Омега Принт», 2015. – 284 с. С. 88-94.

экономического взаимодействия, конкретизировать правовые положения о порядке осуществления совместных мероприятий в сферах транспортно-логистического взаимодействия, энергетики и др.

Рассмотренные характеристики ШОС позволяют сделать вывод о результативности практического взаимодополнения ЕАЭС и китайского проекта Экономического пояса Великого шелкового пути (далее – ЭПШП) на платформе ШОС, что позволит: стимулировать экономическую составляющую ШОС; позитивно повлиять на экономическую интеграцию государств-участниц, способствовать экономическому развитию евразийского пространства; придать импульс для сотрудничества с европейскими странами; повлечь экономическое развитие государств Центральной Азии без политического вмешательства внерегиональных сил. Более того, сопряжение проектов на основе ШОС позволит России активно участвовать в практической реализации конкретных проектов, осуществлении концепции Большого Евразийского партнерства¹⁴, а также в определенной степени координировать развитие экономической интеграции на континенте. Институционализация ШОС также может привести к формированию Сообщества Большой Евразии¹⁵, открытого к взаимодействию с Европой.

На основе приведенного анализа характеристик и особенностей ШОС, можно сделать вывод том, что существующие на данном этапе основные параметры организации позволяют рассматривать ШОС как наиболее эффективный евразийский механизм межгосударственного экономического взаимодействия. Организации необходимо отвести ведущую роль в интеграции в Евразии, состыковка и реализация экономических интересов евразийских государств на платформе ШОС является наиболее оптимальной.

---

¹⁴ Путин В.В. Москва рассчитывает на создание Большого евразийского партнерства // Режим доступа: <https://vz.ru/news/2016/11/30/846730.html>.

¹⁵ Караганов С.А. «Большая Евразия» должна быть открыта и для стран Европы. // Режим доступа: <http://www.eastrussia.ru/material/bolshaya-evraziya-dolzhna-byt-otkryta-i-dlya-stran-evropy/>.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПЕРЕХОДА ЕАЭС К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ: ПРОГРАММНО- СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ¹

Марк Владимирович Шугуров

*доктор философских наук, доцент, профессор *
Саратовской государственной юридической академии
shugurovs@mail.ru

Одним из важных условий перехода к устойчивому развитию является продуманное сочетание достижения целей (ЦУР), заявленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее- Повестка – 2030)², на трех основных уровнях – глобальном, региональном и национальном. Так, еще в п. 19 Плана выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию 2002 года, говорилось о том, что в процессе принятия решений по вопросам планирования в области развития на национальном и местном уровнях, национальных инвестиций в развитие инфраструктуры и т.д. необходимо учитывать факторы, связанные с обеспечением устойчивого развития³. Иными словами, выработка стратегии развития в целом сегодня должна вписываться

---

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-03-00400.

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. 25 сентября 2015 г. A/RES/70/1. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения 24 марта 2017 г.).

³ Доклад Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года). A/CONF.199/20. Издание ООН. URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/CONF.199/20> (дата обращения 10 апреля 2017 г.).

в контекст стратегии устойчивого развития, которая предполагает, как известно, комплексный подход к развитию.

В продолжение сказанного отметим, что обеспечение устойчивого развития, безусловно, должно находиться в фокусе внимания при принятии решений на региональном уровне, на котором в настоящее время происходят динамичные интеграционные процессы в рамках интеграционных объединений государств. Но в указанной закономерности есть и еще одна сторона вопроса: переход к устойчивому развитию на уровне стран и регионов может достичь успеха лишь при учете их особенностей, возможностей и условий развития. Именно данные обстоятельства должны приниматься во внимание при разработке и реализации национальных и региональных стратегий устойчивого развития.

В рамках системы указанных уровней перехода к устойчивому развитию региональный уровень занимает специфическое положение. По отношению к глобальному уровню он предстает как нечто особенное, а по отношению к национальному – как нечто общее. При этом все три уровня находятся в отношении прямой и обратной зависимости, сходясь воедино именно на уровне региональном. Как представляется, региональная интеграция, это, с одной стороны – специфическое пространство перехода к устойчивому развитию, а с другой – фактор такого перехода.

Вслед за Повесткой-2030, отмечающей в п. 73 и п. 74 важное значение регионального уровня перехода к устойчивому развитию, на данный уровень обращает внимание Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН). Комиссия в целом исходит из того, что усиление интеграции в рамках существующих интеграционных объединений, способно содействовать достижению целей в области устойчивого развития⁴. ЕЭК ООН работает над подготовкой сводного отчета по результатам оценки достижений целей в области устойчивого развития в пяти странах ЕАЭС, стремясь поставить акцент на роли интеграционного фактора в их достижении.

---

⁴ ЕЭК ООН. Отчет по результатам международной конференции «Закладывая основы для экономической интеграции и устойчивого развития в регионе ЕЭК ООН до 2030 года. С. 2. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/vision2030/Report_Rus.pdf (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

На уровне интеграционных объединений могут формироваться и апробироваться разные модели перехода к согласованию трех измерений развития, обеспечиваемого, как это следует из различных документов программно-стратегического характера, использованием соответствующих технологий, релевантных моделям рационального потребления и производства, разработка и внедрение которых осуществляется сегодня в формате Десятилетних рамок программ по рациональным моделям потребления и производства⁵, уделяющих повышенное внимание всем фундаментальным формам международного научно-технического сотрудничества – разработке и передаче технологий, формированию потенциал и финансированию.

Безусловно, принятые ЦУР, а равным образом глобальная стратегия перехода к устойчивому развитию как таковая находятся в поле внимания государств постсоветского пространства в целом и государств ЕАЭС в частности. Хотя при этом надо отдавать отчет в том, что Россия, как отмечают эксперты, все же «не принимала активного участия в разработке новой ГПДР (глобальной повестки дня в области развития – М.Ш.), в отличие, например, от ее ближайших партнеров по ЕАЭС – Беларуси и Казахстана, в результате чего Казахстан предпочел войти в «тройку» с КНР в рамках ОРГ – ЦУР и идти в целом в русле китайской дипломатии»⁶. Тем не менее, проблематика ЦУР стала активно обсуждаться в России после их принятия, хотя внимание к проблематике устойчивого развития в нашей стране является достаточно стабильным. Можно указать и на разного рода инициативы, предпринимаемые не только на внутригосударственном, но и межгосударственном уровне, например, – на

---

⁵ Десятилетние рамки программ по рациональным моделям потребления и производства. 19 июня 2012 г. A/CONF.216/5. URL: <http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=A/CONF.216.5> (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

⁶ Бартенев В.И. Включение проблем мира, безопасности и качества управления в глобальную повестку дня устойчивого развития на период до 2030 г.: анализ хода и содержания международных переговоров // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 3. С. 25.

реализацию разного рода экологических проектов, осуществляемых на уровне двухстороннего сотрудничества с государствами ЕАЭС при участии международных организаций⁷.

Как бы то ни было, на стыке национальных стратегий устойчивого развития (Стратегия устойчивого развития Киргизии, Концепция перехода к устойчивому развитию РФ и т.д.) и глобальной стратегии в данной сфере возникает новое тематическое поле евразийской интеграции, в свете которого Повестка перехода к устойчивому развитию как таковая должна расцениваться как один из форматов процесса достижения целей и решения задач ЕАЭС как международной организации региональной экономической интеграции.

В настоящее время повышенной актуальностью отличается необходимость формирования Повестки устойчивого развития применительно к ЕАЭС, например, в форме принятия соответствующей согласованной Стратегии как основы проведения скоординированной политики. На данный период она в основных своих идейных чертах формируется преимущественно на уровне экспертного сообщества. Так, в литературе отмечается, что государства ЕАЭС не только должны уточнить свои национальные программно-стратегические документы в свете принятия ЦУР, но и выработать Цели устойчивого развития ЕАЭС. «Формирование таких целей необходимо для развертывания единого экономического пространства ЕАЭС, которое снимет барьеры на пути движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, открывает новые инвестиционные возможности для реализации проектов в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства, биоресурсов, здравоохранения, туризма, культуры и экологии»⁸.

Тем не менее контуры повестки устойчивого развития в одних случаях косвенным, а в других – самым непосредственным об-

---

⁷ В Бишкеке обсудили вопросы сотрудничества в интересах устойчивого развития в трехстороннем формате: РФ – КР – ПРООН. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:33780> (дата обращения 5 апреля 2017 г.).

⁸ Урсул А.Д. Цели устойчивого развития: глобальные и евразийские перспективы. С. 6. URL: http://www.terra-viva.ru/img/news2015/dokl_ursul.pdf (дата обращения 27 апреля 2017 г.).

разом все же можно обнаружить в документах программно-стратегического характера, актах органов ЕАЭС и отчасти в праве ЕАЭС. В рамках имеющихся комплексных стратегических стратегии уже определен ряд приоритетов и задач, связанных со многими ЦУР. Одна из целей ЕАЭС состоит, например, в сближении уровня дохода на душу населения в странах-членах объединения, что будет содействовать достижению в частности Цели 1, предполагающей ликвидацию нищеты. Несмотря на отсутствие согласованной стратегии по переходу к устойчивому развитию, которая явилась бы основой для согласованных действий, все же можно говорить о том, что к цели интеграции относится также получение дополнительных выгод и преимуществ для перехода к устойчивому развитию. Данная проблематика все же дает о себе знать в ряде направлений сотрудничества, регулируемых правом ЕАЭС, особенно – в регулировании регионального и международного научно-технического сотрудничества данного интеграционного объединения, предусмотренного как в Договоре о ЕАЭС⁹ (ст. 89.2, п. 6 ст. 92.4, п. 6 ст. 95.1), а также в других источниках права ЕАЭС – Протоколах, международных соглашениях в рамках ЕАЭС, решениях и распоряжениях органов Союза, в которых одновременно предусматриваются как экологические так и социальные аспекты интеграции. В качестве примера можно привести положения п. 3 «Инновационное развитие и модернизация экономики», входящие в Раздел V, имеющие рекомендательное значение «Основные направления экономического развития ЕАЭС на период до 2030 г.» (далее – Основные направления)¹⁰. Это свидетельствует об изменениях, демонстрирующих «насыщение» политики ЕАЭС вопросами перехода к устойчивому развитию.

Вместе с тем определенная доля экологизации евразийской интеграции связана с недостаточно емким наполнением термина «устойчивое развитие». Так, в результате анализа рассматриваемой

---

⁹ Договор о ЕАЭС (Астана, 29.05.2014 г.) (с изм. и доп. от 12.02.2017 г.). URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 2 апреля 2017 г.).

¹⁰ Решение Высшего Евразийского Экономического Совета № 28 от 16.10.2015 г. «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» (г. Бурбай). URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 13 апреля 2017 г.).

повестки применительно к ЕАЭС вполне очевидно, что в документах ЕАЭС, например, в «Основных направлениях» и др., можно видеть активное использование термина «устойчивое развитие», однако он берется главным образом в экономическом смысле слова, а именно – как «устойчивое экономическое развитие», «макроэкономическая устойчивость», предполагающая ускоренную модернизацию по инновационному сценарию. К тому же в России, как отмечается в литературе, устойчивость – особенно в условиях кризиса – трактуется как экономический рост, отражающийся, прежде всего, в увеличении ВВП. «Такая трактовка часто содержится в стратегиях и программах развития страны, правительственных документах, выступлениях ведущих политиков. Между тем в мире устойчивое развитие всегда рассматривается гораздо шире, с позиций сбалансированного развития трех компонент: социальной, экономической и экологической (иногда добавляется институциональная)»¹¹. О данном триединстве говорят международные документы в области устойчивого развития, а также документы международных организаций (Всемирного банка, ОЭСР,) региональных интеграционных объединений (ЕС) и стратегиях ведущих государств. Из этого следует, что обеспечение экономической устойчивости предполагает решение социальных и экологических проблем. Поэтому устойчивое развитие не ограничивается только устойчивым экономическим развитием, являющегося одним из компонентов развития в его современном понимании (См., например, ЦУР 8 «Содействие устойчивому экономическому росту»).

Если обратиться к характеристике приоритетов евразийской интеграции, то Т.М. Сулейменов, указывает на повышение качества экономики государств Союза, достигаемого посредством формирования единых рынков – услуг, лекарственных средств, госзакупок и т.д. Совершенно верно отмечается, что экономический прорыв должен исходить из генерирования инноваций, «что является одним из главных условий для модернизации и диверсификации экономик

---

¹¹ Бобылев С.Н., Соловьева С.В. ООН: смена целей // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 32;. См. также: Абрамов В.Л., Алексеев П.В. Инвестиционное сотрудничество государств-членов ЕАЭС как ключевой фактор их устойчивого развития // Финансовый журнал. 2016. № 4. С. 30 – 36.

наших стран, повышению их конкурентоспособности и устойчивого развития»¹². При всей правильности, сделанных выводов все же и в этом случае устойчивое развитие понимается в сугубо экономическом смысле. Поэтому вполне обоснованно в научной литературе высказывается мнение о том, что экономический рост не должен приносить ущерба окружающей среде. И далее вполне справедливо высказывается критика в отношении того, что нормы Договора о ЕАЭС не в полной мере т.е. только на уровне некоторых отдельных правил отразили вопросы экологии и экологической безопасности, но положение спасет то, что в ряде Протоколов к Договору эти вопросы освещены более детально¹³.

Совершенно ясно, что вопросы экологизации экономического развития, предполагающего экологизацию научно-технического сотрудничества и развития, не могли не найти своего отражения в праве ЕАЭС. Так, например, в Договоре о ЕАЭС в п. 7 ст. 86.2 говорится о необходимости снижения воздействия транспорта на окружающую среду, что наполняет вполне определенным смыслом содержание п. 7 ст. 86.3, говорящего о развитии науки и инноваций в сфере транспорта.

Еще раз напомним, что согласно глобальной стратегии устойчивого развития переход к согласованности трех измерений развития осуществляется на основе технологического фактора, т.е. разработки, передачи и внедрения соответствующих технологий. Некоторые задачи в составе ЦУР прямо предполагают свое решение на соответствующей технологической базе и развития соответствующего МИНТС. К таковым относятся задачи в рамках Цели 7 «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех», предполагающей поощрение технологий чистой энергетики, технологий устойчивой энергетики; Цели 8 «Содействие устойчивому экономическому росту», нацеливающей на инновационную модернизацию экономики и создание

---

¹² Сулейменов Т.М. Приоритеты интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 12. С. 13.

¹³ См.: Назаркулова Л.Т., Шугайпова М.С. Вопросы экологии в интеграционных процессах в сфере энергетики в рамках ЕАС (общий обзор) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 6.

отраслей с высокой добавленной стоимостью; Цели 9 «Содействие всеохватной индустриализации и инновациям», в п. 9.4 предполагающей использование в промышленности чистых технологий, а в п. 9.5 – активизацию научных исследований в данной сфере; Цели 14 «Сохранение и рациональное использование океанов и морей...», включающей в п. 14.а задачу обеспечения передачи морских технологий с учетом Критериев и руководящих принципов в отношении передачи морских технологий Межправительственной океанографической комиссии.

В дополнение к сказанному, во вполне очевидной форме научно-техническое сотрудничество, предусматриваемое в ряде актов ЕАЭС как одно из направлений взаимодействия в рамках сотрудничества в промышленности, сельском хозяйстве (агропромышленном комплексе), а также транспортной области, исходит из необходимости модернизации экономики. Данный провозглашенный целевой ориентир промышленного и иных видов экономического сотрудничества не может не мыслиться в контурах перехода к устойчивому развитию, которое параллельно процессу смены технологических укладов. Для государств ЕАЭС задача совершения технологического рывка, а именно ускорения технологической модернизации экономики и повышения инновационной активности вполне может рассматриваться как соответствующее той или иной задаче в рамках Целей устойчивого развития.

Необходимо также добавить, что МИНТС, в процессе которого происходит генерирование, обмен и внедрение технологий, в рамках Повестки-2030, рассматривается как направленное, помимо всего прочего, на достижение самых разных задач, причем не только экономических. В этой связи следует указать, что сотрудничество на уровне ЕАЭС, в которое в том числе вовлечены негосударственные акторы, имеет тенденции к расширению и распространению на социальную сферу, образование, культуру. Так, можно указать и на развитие сотрудничества в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения¹⁴. Все данные сферы также

---

¹⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета № 9 от 31 мая 2016 года «О Совете руководителей уполномоченных органов в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения государств –

пересекаются с МИНТС и предусматривают последнее в качестве своего аспекта.

Формирование и расширение кооперации содействует переходу к устойчивому развитию, что следует рассматривать как вклад, который Союз может внести в реализацию глобальной стратегии устойчивого развития и реализации ЦУР. Более того, можно сказать и о том, что инновационные шаги в данном направлении могут быть подведены под понятие «конкурентоспособность в сфере перехода к устойчивому развитию», означающее выработку таких моделей рационального потребления и производства, которые способны содействовать решению задачи ускоренного перехода к устойчивому развитию на региональном уровне. В свою очередь направления евразийской интеграции, предпринимаемые шаги и инициативы могут подлежать оценке с точки зрения ЦУР, о чем, как уже упоминалось выше в документе ЕЭК ООН.

Так, если мы будем анализировать с точки зрения стратегии устойчивого развития МИНТС ЕАЭС, то именно данная сфера отвечает за конкурентоспособность и за модернизацию, которая сегодня встроена в переход к устойчивому развитию. Иными словами, в рамках МИНТС ЕАЭС, которое сегодня выходит на особый вид интеграции – Региональную инновационную систему¹⁵ – мы можем проследить инициативы по формированию т.н. «зеленой экономики». Суть интеграции в данном направлении – выявить потенциал и найти способы его реализации, что достигается с помощью правовых, финансовых и организационных мер.

Для решения данных задач большое значение имеет Договор о ЕАЭС, а также «Основные направления», нацеленные на обеспечение мягкой координации экономической политики по сравнению с Договором, построенным по функциональному типу. В «Основных направлениях» предусматриваются треки МИНТС государств-членов, некоторые из которых отражают экологический императив,

---

членов ЕАЭС (г. Астана). URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 23 марта 2017 г.).

¹⁵ См.: Славнецкова Л.В., Мызрова О.А. Формирование и развитие инновационной системы стран ЕАЭС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серияб Экономика. Управление. Право. Т. 16. Вып. 1. С. 62 – 69.

например, необходимость генерирования и использования энерго – и ресурсосберегающих технологий (п. 7 «Ресурсосбережение и повышение энергоэффективности» Раздела V).

Напомним, что смысл евразийской интеграции – реализация интеграционного потенциала различных сфер экономики, но также и реализация связанного с ним интеграционного потенциала научно-технологических исследований и разработок. В нашем случае – интеграционного потенциала тех разработок, которые непосредственно обеспечивают переход к устойчивому развитию. В этом свете большое значение для реализации ЦУР имеют согласованные «отрасли будущего» ЕАЭС. Согласно Распоряжению Евразийского Межправительственного совета «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование»¹⁶, к таковым относятся: ИКТ, биотехнологии (пищевые биопродукты, биологические средства защиты растений, биотехнологические продукты сельского хозяйства, аквабиокультура); медицина и здравоохранение (развитие систем диагностики, разработка лекарственных средств, развитие регенеративной медицины); новые материалы нанотехнологии; рациональное природопользование, энергоэффективность и энергосбережение, включая умные сети. Стратегия в отношении данных отраслей заключается в том, что темпы создания и привлечение, т.е. внедрения, новых технологий должны опережать общемировые показатели.

В сущности, на формирование «отраслей будущего» нацелены евразийские технологические платформы (ЕТП) как новая форма регионального научно-технического сотрудничества, создающая базу для успешной реализации тех или иных Межгосударственных программ и проектов. В данном случае необходимо указать на евразийскую технологическую платформу «Технологии экологического развития». В качестве цели данной платформы указано

---

¹⁶ Распоряжение Евразийского Межправительственного совета № 2 от 7 марта 2017 года «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование» (г. Бишкек), С. 9. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 14 апреля 2017 г.).

формирование механизмов повышения эффективности и конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС на основе внедрения экологически эффективных и энергосберегающих технологий. Сюда также отнесены такие цели, как решение экологических проблем и обеспечение экологической безопасности¹⁷.

Примечательно, что данные технологии должны совместно разрабатываться и передаваться (коммерциализироваться) в рамках ЕАЭС и за его пределами, т.е. на рынках третьих стран. Иначе говоря, ЕАЭС стремится позиционировать себя как игрок на мировых рынках т.н. «зеленых технологий», на которые распространяется общая логика инновационного развития и модернизации экономики ЕАЭС, а именно стратегия диверсификации экспорта и импорта. Основой для передачи «чистых технологий» внутри ЕАЭС станет реализация такой инфраструктурной составляющей Региональной инновационной системы как «Евразийская сеть трансфера технологий». Дело в том, что передача технологий, имеющая многоуровневый характер, в случае своего эффективного функционирования и передаче именно инновационных технологий содействует модернизации экономики, но основная проблема для ЕАЭС – не столько стимулирование технологических разработок, сколько, как отмечает А.В. Гаврилюк, создание широкого слоя высокотехнологичного предпринимательства¹⁸.

Подобную стратегию подтвердил круглый стол, прошедший в декабре 2016 года и посвященный вопросам взаимодействия и реализации кооперационных проектов в рамках ЕАЭС. Участниками ЕТП «Технологии экологического развития» были представлены первые результаты работы по профильным проектам, а также определены основные векторы дальнейшего развития проектов в

---

¹⁷ Паспорт евразийской технологической платформы «Технологии экологического развития» // Приложение к Распоряжению Совета ЕЭК от 18 октября 2016 № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ». URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 1 апреля 2017 г.).

¹⁸ Гаврилюк А.В. Трансфер технологий в условиях международной экономической интеграции стран ЕАЭС // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 52. Октябрь. С. 115.

ЕАЭС¹⁹. На наш взгляд, формирование рынков и потоков высокотехнологичной продукции, в том числе «зеленых технологий», – это своего рода вызов для ЕАЭС, на который предстоит ответить.

Применение ресурсосберегающих технологий предусматривается, например, в легкой промышленности²⁰, а ресурсо- и энергосберегающих технологий – в том числе для глубокой переработки зерновых и овощных культур²¹. Далее укажем на весьма важный документ – Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств-членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами»²², который предусматривает разработку и использование технологий, которые являются, как нам представляется, важными для решения задач, относящихся к разным ЦУР. Так, данный перечень включает разработку новых лекарственных препаратов, развитие ресурсо- и энергосберегающих технологий, биотехнологий, в том числе для охраны окружающей среды, клеточных технологий.

---

¹⁹ Экологическое развитие ЕАЭС получило первые проекты (09.12.2016). URL: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/12-12/2-16-3.aspx> (дата обращения 18 марта 2017 г.).

²⁰ Рекомендация Коллегии ЕЭК № 28 от 13 декабря 2016 года «О реализации совместных проектов по освоению и применению государствами-членами ЕАЭС новых технологий в легкой промышленности» (г. Москва). (г. Москва). URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 15 апреля 2017 г.).

²¹ Приложение № 2 к Рекомендации Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 25 «Перечень тем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса для осуществления государствами-членами ЕЭС координации действий при осуществлении совместной научной и инновационной деятельности». URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 25 апреля 2017 г.).

²² Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств-членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 2 марта 2017 г.).

Безусловно, для интенсификации научно-технического сотрудничества, коррелятивного ЦУР, важную роль могут сыграть источники «твердого» права ЕАЭС, которые находятся в стадии разработки. К таковым следует отнести, например, проект Соглашения о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза²³, основные положения которого согласуются, например, с ЦУР 2, включающей задачи ликвидации голода на основе устойчивого ведения сельского хозяйства. Важное значение будет иметь в случае его принятия Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕЭС²⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что в Договоре о ЕАЭС и других источниках права ЕАЭС предусматривается развитие регионального научно-технологического сотрудничества по весьма широкому спектру технологий, который превосходит по своему объему перечень технологий, указанных в Повестке-2030. К наиболее сложной задаче относится не только их разработка и трансфер в рамках ЕАЭС, но именно их разработка в широком формате МИНТС, а также формирование и реализация в этом плане экспортной стратегии. Лишь только в случае интеграции ЕАЭС в глобальные процессы разработки и передачи «зеленых» технологий возникает возможность ускоренного перехода к устойчивому развитию и реализации ЦУР, которые должны быть адаптированы к потребностям и интересам евразийского интеграционного объединения.

---

²³ Распоряжение Коллегии ЕЭК № 114 от 8 августа 2016 г. «О проекте Соглашения о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза» (г. Москва). URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 5 марта 2017 г.).

²⁴ Проект Соглашения о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕЭС. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения 4 апреля 2017 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие проф. А.Х. Абашидзе</i>	4
--	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Приветственное слово А.И. Отке</i>	10
<i>Сушкова Ю.Н.</i> Вклад П.С. Ромашкина в развитие и изучение законов и обычаев войны и мира	11
<i>Солнцев А.М.</i> Международное экологическое право: некоторые тенденции развития	21

СЕКЦИЯ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: НОВЫЕ УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

<i>Акимов В.С.</i> Международно-правовые проблемы деятельности специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Донбассе	28
<i>Бабушкина А.Ю.</i> Полицейское сотрудничество государств – членов Европейского союза в борьбе с коррупцией	35
<i>Баркова Е.В.</i> 25 лет Югославского конфликта: правовые последствия и исторические уроки	40
<i>Болотова Е.Д.</i> Международно-правовая охрана культурных ценностей	52
<i>Вахтеров А.В.</i> Новые угрозы современности: искажённое применение норм международного права политической элитой западных стран	59
<i>Грудинин Н.С.</i> Международно-правовое сотрудничество государств в сфере борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью: нормативно-правовая основа и перспективы её совершенствования	71
<i>Денисов А.О.</i> Шанхайская организация сотрудничества как уникальный механизм борьбы с тремя ключевыми вызовами современности	81

<i>Коваленко А.М.</i> «Право силы» в контексте принципа суверенного равенства государств в международном праве	90
<i>Козлова А.А.</i> Актуальные вопросы международного сотрудничества в сфере оказания помощи жертвам незаконного оборота человеческих органов	103
<i>Колосова Р.А.</i> Курильские острова как камень преткновения в построении двусторонних взаимоотношений с японскими партнёрами	110
<i>Корнеев А.Г.</i> Сотрудничество государств в области борьбы с международным терроризмом	116
<i>Круглов Д.А.</i> Ликвидация нищеты и голода на глобальном уровне в контексте мер по снижению риска бедствий (международно-правовые аспекты)	123
<i>Кушнарёва А.А.</i> Международно-правовой режим Арктики: взгляд из России	127
<i>Мельшина К.Ю.</i> Негативное воздействие экстремизма на осуществление культурных прав	133
<i>Молчанов Н.А., Трубачева К.И.</i> Современное состояние теории права международной безопасности и научные подходы к её развитию	140
<i>Прояева С.С.</i> Соотношение принципа невмешательства во внутренние дела государства и института гуманитарной интервенции	148
<i>Серегина Г.В.</i> Концепция ответственности государств “Crime of State”: содержание, толкование и вопросы реализации	153
<i>Симонова А.Е.</i> Инновационные подходы государств в совершенствовании режима нераспространения оружия массового уничтожения	163
<i>Стебенева К.И.</i> К вопросу о терминологической проблеме понятия «фармацевтическая преступность»	167
<i>Стригунова Е.Е.</i> Международно-правовые механизмы контроля за ядерной программой Ирана	173

<i>Троицкий С.В.</i> Двойные стандарты в борьбе с терроризмом	180
<i>Цивадзе Н.А.</i> Роль и перспективы международного права в обеспечении нанобезопасности	188
<i>Шалягин Д.Д.</i> Международно-правовые аспекты противодействия транснациональной преступности в условиях криминальной синергии	201

**СЕКЦИЯ
ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

<i>Абайдельдинов Е.М.</i> Международно-правовые аспекты конституционной реформы Республики Казахстан 2017 года	216
<i>Амиров Д.Р.</i> Новый взгляд на теоретическое обоснование консульских привилегий и иммунитетов	226
<i>Байльдинов Е.Т.</i> Основные принципы международного права: проблемы и перспективы	238
<i>Барулина В.П.</i> Ultra vires в актах международных организаций: проблема квалификации и ответственности	251
<i>Блищенко В.И.</i> К вопросу о признании государств	259
<i>Богатырев В.В.</i> Международное право и эгоизм государственных элит	265
<i>Гайкович С.В.</i> Первые межгосударственные договоры	273
<i>Гелисханова А.В.</i> Международная правосубъектность Святого Престола	276
<i>Горбачева А.И.</i> Роль opinio juris в возникновении международного обычая	282
<i>Дубровин М.А.</i> Союзная грамота 1291 года как международный интеграционный документ конца XIII века	290
<i>Карбальо М.С.</i> Положение о выходе к морю в Конституции Многонационального Государства Боливия	294
<i>Ланекина А.Л.</i> Институт двойного и множественного гражданства и концепция «открытого общества»	301

<i>Манукян Г.А.</i> Теоретические основы участия субъектов территориальных частей государств в международной деятельности	307
<i>Матвеева Т.Д.</i> Актуальные проблемы теории международного права в контексте новых геополитических реальностей	313
<i>Мингазов Л.Х.</i> Социально-психологический метод исследования в международном праве	322
<i>Миронов Э.Ю.</i> К вопросу о делимитации Каспия в историко-правовом контексте	336
<i>Молчанов Н.А.</i> Современное состояние теории права международной безопасности и научные подходы к её развитию	340
<i>Оленев-Сизгачев Ю.А.</i> Исламская концепция международного права: история становления и современное применение	347
<i>Попова О.А.</i> Состояние необходимости как обстоятельство, исключающее противоправность деяния государств: основные проблемы и перспективы	358
<i>Ромашев Ю.С.</i> Системообразующая роль права международных обычаев	369
<i>Симонова Н.С.</i> Отступление от международных обязательств по защите прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств	379
<i>Тлепина Ш.В.</i> Становление и развитие научных исследований и высшего образования по международному праву в Казахстане	386
<i>Чернобай В.А., Долгополова Т.А.</i> Революции XXI века, или возникновение новых государств согласно теории насилия	397
<i>Чистякова А.В.</i> Международно-правовые аспекты ответственности ТНК за нарушение норм международного права	403
<i>Щеблыкина А.С.</i> Инвестиционное право как отдельный элемент комплексного правового образования в системе права	410
<i>Vacarelu Marius.</i> A Global Treaty for Integrity of the Public Servants?	415

**СЕКЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО**

- Абулехия Бахаа Н.М.* Международно-правовые вопросы обеспечения экономической безопасности Палестинской автономии во взаимоотношениях с Израилем 424
- Воденисова К.А.* Интеграция международного частного права об автостраховании в российское законодательство («Зеленая карта») 429
- Гааз М.А., Даутов М.А.* Европейский центральный банк (банк ЕС) как финансовый и международно-правовой институт 438
- Добрынин И.Г.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в XXI веке: перспективы развития 444
- Каральная А.В.* Тенденции развития регулирования трансграничного банкротства 451
- Карцхия А.А.* Энергетическая хартия: энергетическая безопасность и передовые технологии или «энергетический “Brexit”»? 457
- Мамадамонов У.М.* Соглашение ВТО по техническим барьерам в торговле и его влияние на законодательство Республики Таджикистан 467
- Отрашевская А.М.* Андское сообщество наций как результат экономической интеграции стран Латинской Америки 473
- Пекарская Л.А.* Источники права ВТО: некоторые теоретические вопросы 479
- Подчуфарова И.В.* Вопросы избежания двойного налогообложения в международном экономическом праве 483
- Саидмухторов А.А.* Таможенный сегмент интеграционного развития АСЕАН 493
- Салия М.Р.* Комиссия «Кодекс Алиментариус» и ВТО: прошлое, настоящее и будущее 499
- Скачкова Ю.А.* Вопросы взаимозависимости внешней задолженности государств и обеспечения прав человека в деятельности ООН 503

<i>Стариков Ф.В.</i> Принудительное приведение в исполнение и судебный контроль за решениями международных инвестиционных арбитражей	508
<i>Чеджемова Т.С.</i> Правовое обеспечение международного туризма в субъектах Российской Федерации (на материалах РСО-Алания)	513
<i>Чхутиашвили Л.В.</i> Экологический контроль как функция государственного управления природопользованием	521
<i>Южвяк Э.</i> Проблема двойного налогообложения в государствах – членах Европейского союза (на примере Польши)	526

**СЕКЦИЯ
ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

<i>Ануфриева Л.П.</i> Международное правосудие, евразийская интеграция и международное право	540
<i>Гужова Н.В.</i> Правовые аспекты интеграции в энергетической сфере ЕС	551
<i>Дидигова Л.Р.</i> Таможенный контроль как инструмент реализации государственной таможенной политики	559
<i>Елисеев М.А.</i> Международные соглашения о противодействии нелегальной миграции в Европейском союзе	566
<i>Жмурко И.М.</i> Сближение национальных законодательств как существенный фактор субрегионального сотрудничества	574
<i>Заплатина Т.С.</i> Всеобъемлющее торговое соглашение Канады и Европейского союза как инструмент модификации системы академического признания	579
<i>Инишкова А.О.</i> Объемы и пределы компетенции нотариусов в латинской и англо-саксонской модели: РФ и США	586
<i>Искакова Ж.Т.</i> Правовой статус и полномочия Суда Евразийского экономического союза	599
<i>Ищенко Н.Г.</i> Правовое регулирование страховой деятельности в ЕС	602

Климовская Л.Р. К вопросу о праве на доступ к медицинской помощи в трансграничном аспекте в рамках СНГ, Союзного государства России и Беларуси и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)	611
Марчуков И.П. Применимое право как существенное условие внешнеторгового договора поставки энергетических ресурсов	618
Мишланова В.А. Шёлковый путь: ретроспектива и новые стратегии сотрудничества	628
Остапенко И.А. Предпосылки усиления роли нотариата Германии в международном гражданском обороте	639
Пашенцев В.А. Правовое регулирование взаимоотношений между Российской Федерацией и Европейским союзом: основные проблемы и перспективы сотрудничества	646
Постникова Е.В. Защита персональных данных во внутреннем рынке Европейского союза	651
Сидоров В.Н. Особенности Таможенного кодекса ЕАЭС	661
Суздальцев Е.С. Правовой анализ компетенции интеграционных механизмов в Северной Европе и Северной Америке (на примере НАФТА и СБЕР)	670
Трубачева К.И. Правовые особенности участия Европейского союза в международных межправительственных организациях	682
Шилина М.Г. ШОС как институциональная основа межгосударственного экономического взаимодействия в Евразии: особенности и преимущества	688
Шугуров М.В. Технологический фактор перехода ЕАЭС к устойчивому развитию: программно-стратегические ориентиры и правовые основы	694

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

В трех частях

ЧАСТЬ I

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 15.03.2018 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 41,62. Тираж 100 экз. Заказ 401.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок
